

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

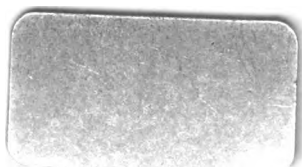
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 5120 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

...одъ.

...ДЛОВСКАГО.

(См. на оборотѣ).

ЮНЬ

1881

ДѢЛО

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 6

СОДЕРЖАНІЕ.

1. СТАРЫЙ ГРѢХОВОДНИКЪ. Очеркъ. **КЛАВСКАГО.**
2. СПАРТАКЪ. Историческій романъ.
Переводъ съ итальянскаго. (Главы XVI—XVIII). . . . . **РАФАЭЛЯ ДЖОВАННОЛИ.**
3. У. К. КЛИФФОРДЪ И ЕГО МОРАЛЬ.
Очеркъ . . . . . **І. ЯСНСКАГО.**
4. ИЗЪ ЛѢТНИХЪ ЭКСКУРСІЙ.
I. Ночь на озерѣ. . . . . **Н. Н. НАУМОВА.**
5. ПИСАТЕЛЬ. Романъ. (Часть первая). **РОБЕРТА ГАЛЪТА.**
6. РУССКІЙ РАБОЧИЙ. (Окончаніе). . . . . **С. С. ШАНКОВА.**
7. НУМА РУМЕСТАНЪ. Романъ. (Главы I—II). . . . . **АЛЬФОНСА ДОДЭ.**
8. НЕИЗГЛАДИМЫЙ ОТПЕЧАТОКЪ.
(Изъ Прюдома). Стихотвореніе. . . . . **Д. МИХАЛОВСКАГО.**

(См. на оборотѣ).

9. ОБЩИНА И ГОСУДАРСТВО ВЪ ШВЕЙЦАРИИ . . . . . Л. ЖЕЧНИКОВА.
 10. ПѢСНЯ ПАРИЕВЪ. Стихотвореніе. А. БАРИКОВОЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

11. ЗАДАЧИ ВОСПИТАНІЯ. . . . . Н. С. РУСАНОВА.
 (Wege und Ziele der Kulturentwicklung. Essays von *Eduard Lasker*. Leipzig 1881).
12. МУЖИКЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ЛЮДЕЙ 40-ХЪ ГОДОВЪ. . . . . Ф. Б—а.
 („Записки Охотника“, Полное собраніе очерковъ и рассказовъ съ 1847—1876 г. Изданіе второе 1880 г.)
13. НОВЫЯ КНИГИ.
 Робертъ Овзнь. „Объ образованіи человѣческаго характера“. „Новый взглядъ на общество“. Переводъ съ англійскаго, 2-е (полное) изданіе И. И. Билибина. Спб., 1881 г.—Исповѣдь преступника. Юмористическій рассказъ изъ жизни петербургскихъ евреевъ. Г. Г. Лифшица (Гершонъ-Бэнъ-Гершона). С.-Петербургъ, 1881 г.—Русскіе въ Ахаль-Текѣ 1879 г. Соч. В. А. Туганъ-Мирза-Барановскаго. С. Петербургъ, 1881 г.—Ф. Щербина. Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ. Одесса. 1881 г., стр. 379.
14. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. . . . . Н. Ш.
 Еврейскій вопросъ.
15. РЕВАНШЪ ГАМБЕТТЫ. (Политическая и общественная хроника). Ж—Кл.
16. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. . . . . ОТКРОВЕННАГО ПИСАТЕЛЯ.
 „Москов. Вѣд.“, рекомендующія „первобытное состояніе“.—Краткій сводъ газетныхъ пожеланій.—Образецъ полемическаго упоминанія.—Бесѣда съ поклонникомъ „Моск. Вѣд.“—Дѣло о поручикѣ Хвощинскомъ, коллежскомъ секретарѣ Цвѣдинскомъ и французскомъ подданномъ Боренѣ, разсматривавшемся въ с.-петербургскомъ военномъ судѣ.—Юбилей Н. И. Пирогова.—Краткій очеркъ дѣятельности Пирогова.—Рѣчи юбиляра.
17. ЗАМѢТКА РЕФЕРЕНТА ЖУРНАЛА „ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“. М. ЦЕБРИКОВОЙ.
18. ОТВѢТЪ РЕФЕРЕНТУ ЖУРНАЛА „ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“. В. ЧЕРНОВА.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ Е. А. ВЛАГОСВѢТЛОВОЙ, НАДЕЖДИНСКАЯ, Д. № 39

1881

▷
РSлаг 236.4 (1881, no. 6),

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 юня 1881 года.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Россея Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое. 1878 г. съ приложеніемъ „Военной гигиены“ д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологій. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по глгописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто—третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Биографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старина. Политическій романъ Ипполита Ньево. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб.; съ перес. 1 руб. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 коп.; съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предвартельной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Сочиненія Ф. М. Толстого. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Н. Потѣхина. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „Дѣло“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки.)

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція просить гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтового приѣма и отвѣтственнаго почтового учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше просить заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовые семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногородняго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала „Дѣло“.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднимъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціею просятъ обращаться въ главную контору журнала „Дѣло“ по субботамъ отъ 2—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

СТАРЫЙ ГРѢХОВОДНИКЪ.

(ОЧЕРЕЖЬ).

— Давненько я не бралъ въ руки шашекъ...

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!..

Гоголь.

I.

Огромная зала, съ безтолково-расположенными высокими дверями, выкрашенными черной краской около массивныхъ мѣдныхъ ручекъ, съ необыкновенно шаблонными рамами въ окнахъ, безъ всякихъ украшеній на потолкѣ, съ паркетнымъ поломъ, крѣпко натертымъ желтой пахучей мастикой, словомъ—зала, при видѣ которой у человѣка на языкѣ вертится фраза: „при казенномъ отопленіи и освѣщеніи“, а въ умѣ возникаетъ представленіе цѣлаго моря чудеснѣйшихъ березовыхъ дровъ, о которыхъ деревенскія бабы говорятъ: „въ пирогахъ-бы съѣлъ“—вотъ такая зала была уставлена посрединѣ тремя дужинами вѣнскихъ стульевъ, окружавшихъ амфитеатромъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ.

Казалось, здѣсь имѣло быть засѣданіе одной изъ безчисленныхъ російскихъ комиссій, которая вмѣстѣ со всякими прочими бѣдствіями искони удручаютъ отечество. Особенно при видѣ графиновъ съ водой, игравшихъ радугой между симметрично разставленными по столу свѣчами, невольно чудились пересохшія глотки ораторовъ, вспотѣвшіе лбы, прилипшіе къ нимъ вселокоченные волосы, расмахивающія въ воздухъ руки и т. п.

Въ залѣ былъ только одинъ человѣкъ. Прямой и стройный ходилъ онъ вокругъ стульевъ, потряхивая головой на каждомъ шагу и слегка раскачиваясь, какъ пальма, вершину которой колеблетъ вѣтеръ. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ три пуговицы. Руки держалъ какъ дамы: прижатыми горизонтально немного выше пояса и притомъ такъ, что кисти свободно свѣшивались прямо внизъ. Иногда онъ слегка потиралъ ихъ, точно хотѣлъ согрѣть, хотя, конечно, въ этомъ не было ни малѣйшей надобности, принимая во вниманіе казенное отопленіе.

Его голову украшала цѣлая охапка мелкихъ кудрей, роскошныхъ какъ въ пору первой юности и плотно лежавшихъ въ два слоя: сверху дымчатый, а снизу еще черный. Прекрасная, мелкокудрявая, сѣдая борода и усы придавали ему почтенный видъ. Что касается очертаній его лица, то они не были классическими: не было рѣзко обозначеннаго четырехугольнаго лба, какъ у марморныхъ статуй, ни орлинаго носа, ни носа прямого, какъ столпъ ливанскій, коимъ въ минувшіе дни человѣчества былъ плѣненъ мудрѣйшій изъ царей, ни прозрачной бѣлой кожи, словомъ—ничего классическаго. Но всѣ знатоки породистыхъ фізіономій сразу узнавали въ немъ пятисотлѣтняго барина. Неизвѣстно почему объ этомъ догадываются: можетъ-быть, по глазамъ? Дѣйствительно, у него необыкновенные глаза. Большіе, сѣрые, и надъ ними, какъ два забрала, опускаются такія огромныя вѣки, что закрываютъ ихъ почти до половины. Это не то „важное“ прищуриванье острыхъ зѣнокъ, при которомъ стерляжій носъ задорно вздергивается, верхняя губа покрывается нижней, и затѣмъ смотрятъ сверху внизъ, черезъ плечо. Нѣтъ. Господинъ, о которомъ идетъ рѣчь, никогда не смотритъ сверху внизъ, а всегда изподлобья. И все-таки разговаривающій съ нимъ всегда видитъ лишь самыя нижнія части его глазныхъ яблокъ, какъ двѣ бѣлыя полосы. Тогда глаза его имѣютъ фантастическій видъ. Человѣку кажется, что съ нимъ говоритъ привидѣніе или ясновидящій. Эти глаза полузакрыты природой; никто никогда не видалъ иными, и самъ обладатель не могъ-бы вполне открыть ихъ, если-бы и хотѣлъ. Вотъ почему въ такія минуты, когда всѣ бывшіе съ нимъ, по какому-нибудь случаю, напримѣръ, отъ изумленія или отъ страха до такой степени тарасидили свои буркалы, что они, казалось, совсѣмъ выхо-

дили изъ орбитъ и сидѣли на длинныхъ стебелькахъ, какъ у рѣчныхъ раковъ — его глаза оставались полузакрытыми и лицо было величаво-спокойно. Въ такія минуты чѣмъ таинственнѣе былъ его видъ, тѣмъ назойливѣе въ умахъ окружающихъ его шевелился вопросъ: что происходитъ у него тамъ, въ душѣ?

Но огромныя полуопущенныя вѣки скрывали его, какъ забрало жогучаго красавца-рыцаря.

Совершенный фантомъ!

И теперь, когда онъ останавливался противъ стульевъ, глядя на нихъ полузакрытыми глазами, казалось, онъ произносилъ заклинанія, а когда опять продолжалъ ходить — казалось хотѣлъ очертить стулья заколдованнымъ кругомъ...

Однако, старый колдунъ (если позволено будетъ такъ выразиться собственно для красоты слога) находился не въ залѣ комиссіи, а въ своей собственной квартирѣ.

Вотъ уже нѣсколько дней Илья Андреичъ Лыковъ состоитъ главнымъ надсмотрщикомъ того пчелинаго улья, который называется *** институтъ. Другими словами, состоитъ начальникомъ надъ тѣми молодыми людьми, о которыхъ ихъ личные знакомые отзываются какъ о смирныхъ малыхъ, но которые, будучи взяты вообще, въ родовомъ понятіи — превращаются въ пугало. Таеъ „малая вапля водъ“ едва удостоивается нашего вниманія, но слово „стихія“ всегда способно настроить наши мысли на серьезный ладъ.

Вотъ почему вниманіе извѣстной части публики было приковано къ личности Ильи Андреича. Положеніе его превосходительства многіе отождествляли съ судьбой укротителя звѣрей, въ тотъ моментъ, когда онъ входитъ въ клѣтку, и грозные хищники съ глухимъ рычаніемъ поднимаются съ мѣстъ и начинаютъ ходить около стѣнъ, искоса поглядывая на своего господина зелеными глазами и широко раскрывая зияющія кровожадныя пасти...

Самъ Илья Андреичъ, правда, не раздѣлялъ этого мнѣнія. Напротивъ: какъ опытный натуралистъ, онъ утверждалъ, что кругомъ него все будутъ породы легко приручаемыя, у которыхъ, при разумномъ уходѣ, вмѣсто щетинистой гривы бестій, легко отростаетъ волнистое руно... Илья Андреичъ чувствовалъ въ себѣ нравственную мощь, вѣрилъ въ свой политическій тактъ и, какъ великій Архимедъ, ждалъ лишь точки опоры...

Въ первый-же день своей диктатуры онъ вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ всѣ желающіе говорить съ начальникомъ крупными буквами приглашались въ канцелярію института отъ 10-ти до 11 ти часовъ утра и затѣмъ во всякое время въ квартиру начальника.

Нѣкоторые скептики не замедлили припомнить по этому поводу римскихъ трибуновъ, двери которыхъ никогда не затворялись для просителей. Другіе, въ отвѣтъ на это, съ видомъ сожалѣнія пожимали плечами, утверждая, что зубоскалить и глумиться можно надъ всѣмъ.

Между послѣдними большинство было такихъ, которые имѣли частное знакомство съ начальникомъ. Дѣло въ томъ, что еще раньше своего назначенія, Илья Андреичъ всегда старался поймать какого-нибудь звѣря и поболтать съ нимъ вдвоємъ. Въ этихъ беседахъ Илья Андреичъ такъ искренно негодовалъ на неумытность „извѣстныхъ господъ въ нагольныхъ тулупахъ и вооруженныхъ метлами“ (онъ никогда не говорилъ прямо: дворниковъ), всѣ его условные періоды были, чтобы не связать больше, такъ либеральны, порою онъ такія слова говорилъ на-ухо, и, наконецъ, такъ кстати бралъ молодого человѣка за пуговицу сюртука, что bestia fera совсѣмъ таялъ. Мало-по-малу Илья Андреичъ достигъ того, что съ нимъ охотно говорили не только объ освобожденіи отъ платы за право ученія, но и о соляномъ налогѣ и о будущихъ судьбахъ французской республики. Многие давно въ немъ души не чаяли и съ нетерпѣніемъ ждали его назначенія. Прижѣръ не новый: такъ поступали издревле всѣ смутьяны. Стоитъ припомнить библейскаго Авессалома.

Теперь Ильѣ Андреичу хотѣлось совершенно сгладить различіе мнѣній. Онъ хотѣлъ весь институтъ сдѣлать похожимъ на маленькій прозрачный прудокъ съ карасями, которые по звуку колокольчика послушной стаей приплываютъ къ берегу. Колокольчикомъ былъ бы самъ Илья Андреичъ. И вотъ онъ порѣшилъ устроить у себя въ квартирѣ собранія, на которыхъ подъ его руководствомъ молодые люди разсуждали-бы о вопросахъ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ.

Хотя въ основѣ этихъ вечеровъ и лежатъ „тонкіе и дипломатическіе виды“, однако, Илья Андреичъ до такой степени искренно разыгрываетъ свою роль — не начальника, а лишь умудреннаго

опытомъ друга, что иногда бываетъ не легко различить, гдѣ онъ мотаеть себѣ на-усть, и гдѣ не мотаеть. Но, конечно, онъ выигрываетъ тамъ, гдѣ теряетъ чрезмѣрно увлекающійся актеръ.

Илья Андреичъ является героемъ своихъ вечеровъ, особенно вначалѣ, при разныхъ обсужденіяхъ; въ остальное время онъ просто — весь изящество и веселая любезность. При помощи цѣлаго потока анекдотовъ, всегда передаваемыхъ съ неподражаемымъ мастерствомъ, Илья Андреичъ любитъ напомнить, что у него молодая душа, что лишь опытность его посѣдѣла, а сердце... Что значать сѣдые волосы на головѣ? Подъ дымчатымъ пепломъ прекрасно сохраняются горячіе уголья, которые легко могутъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ.

Особенно охотно рассказываетъ онъ о своихъ студенческихъ годахъ, проведенныхъ въ Парижѣ, въ Латинскомъ кварталѣ. Молодые люди упиваются его рѣчами какъ нектаромъ.

— Илья Андреичъ! Какъ эти порядки за-границей? переспрашиваютъ они его по нѣскольку разъ объ одномъ и томъ-же.

Илья Андреичъ расклевывается на каблукахъ, поглаживаетъ дымчатые усы и бороду и шутливо-небрежнымъ, но важнымъ голосомъ начинаетъ:

— Гм... Когда я жилъ въ Латинскомъ кварталѣ — это было... такъ въ сорокъ-пятомъ, въ сорокъ-седьмомъ — то вотъ тамъ я имѣлъ случай наблюдать... и иногда даже лично участвовать, хотя участіе мое было пассивнаго характера, такъ-какъ я, собственно говоря, былъ чужой — такъ я говорю все-таки-же я имѣлъ случай — и даже неоднократно случаи — наблюдать приблизительно слѣдующее очень характерное явленіе...

Начинается рассказъ о какой-нибудь уличной демонстраціи въ Парижѣ или просто описаніе уличной жизни въ кафе и на бульварахъ, изъ котораго слушатели узнавали, между прочимъ, что Илья Андреичъ имѣлъ цѣлыя сотни знакомыхъ среди парижской молодежи, со многими былъ очень коротокъ, но (вотъ это характерно для Парижа!) мало зналъ чью фамилію и почти ни чьего адреса: тамъ такъ всё привыкли говорить свободно, не запираясь въ четырехъ стѣнахъ своей каморки, не оглядываясь, не прислушиваясь... Имена многихъ изъ его друзей того времени впоследствии стали извѣстны всей Европѣ. Кромѣ того, онъ видалъ Мюрже, Беранже, Гейне и, ужъ конечно, Виктора Гюго; чрезвы-

чайно хорошо помнить ихъ лица, разныя мелочи въ ихъ наружности и множество забавныхъ привычекъ.

— Илья Андреичъ! Какую вамъ показала молодежь другихъ заграничныхъ городовъ по сравненію съ парижской?

Неутомимый Илья Андреичъ поглаживаетъ дымчатые усы и бороду, обводитъ полузакрытыми глазами своихъ слушателей, раскачивается на каблукахъ и снова начинаетъ:

— Когда я жилъ во Флоренціи... или:

— Въ Хейдельбергѣ, помнится мнѣ...

И предъ глазами слушателей, какъ на-яву, проходятъ факель-пуги изъ пятисотъ Шиллеровъ, въ ушахъ какъ-будто звенить „Gavdeamus“, ваетъ въ глаза табачный дымъ и пахнетъ пивомъ...

И еще у Илья Андреича есть одинъ конекъ, на которомъ онъ гарцуетъ чрезвычайно картинно и производитъ большой эффектъ, хотя, конечно, притворяется, что не замѣчаетъ этого. Этотъ конекъ — шестидесятые годы.

И надо отдать справедливость старому грѣховоднику: онъ такъ ловко умѣетъ завести рѣчь о своемъ знакомствѣ съ лучшими литераторами того времени, что никто не чувствуетъ ни малѣйшей неловкости: никому не кажется, что Илья Андреичъ немножко хитритъ. Это совсѣмъ не то, что одинъ безтактный (вотъ уже двадцать-пять лѣтъ тщетно добивающійся каеэдры при институтѣ, за каковое усердіе, по всей справедливости, долженъ получить пенсію), который какъ-то нечаянно брякнулъ:

— А я у Писарева сколько разъ чай пилъ!..

Въ отвѣтъ на это заявленіе раздался всеобщій хохотъ, такъ-какъ у всѣхъ молодыхъ людей еще съ недавно-минувшаго дѣтства свѣжа была въ памяти сказка о несчастномъ „Набитомъ дуракѣ“.

Но Илья Андреичъ улучаетъ такую удобную минуту, когда ему можно поѣхать на северныхъ дрожкахъ вмѣстѣ съ Писаревымъ „къ одному всѣмъ извѣстному литератору, хотя имя его и замѣняется въ каталогахъ точками“, что никто не считаетъ умѣстнымъ вдругъ заорать:

— Какъ! Да развѣ вы знали!?. и т. д.

Всѣ молча догадываются насчетъ „точекъ“, а Илья Андреичъ „выѣхалъ и поѣхалъ дальше“: онъ рассказываетъ о судьбѣ того

сочиненія, переводъ котораго онъ, какъ научный авторитетъ, редактировалъ по просьбѣ обоихъ вышеупомянутыхъ литераторовъ; какія затрудненія встрѣтились въ цензурѣ; какъ привлеченъ былъ къ суду издатель; какъ они всѣ четверо совѣщались насчетъ показаній; какъ, потомъ, сочиненіе все-таки не могло выйти въ свѣтъ...

И ровно и плавно звучитъ и переливается мягкій, но важный голосъ рассказчика, — голосъ, напоминающій собою благородный тембръ віолончели и мурлыканье сказочнаго кота у Лукоморья — звучитъ и льется и ласкаетъ большія и маленькія уши молодыхъ слушателей.

Многимъ можетъ показаться преувеличенною чарующая сила рѣчей Ильи Андреича. Мало того: могутъ сказать, что въ приведенномъ выше отрывкѣ его рѣчи видна даже путаница.

Но пусть поблѣднѣетъ и исчезнетъ съ бумаги все написанное авторомъ и пусть на первомъ-же словѣ изломается перо его, если онъ говоритъ ложь!

Не надо забывать, что Илья Андреичъ — ученый. Какъ и многіе ученые, онъ иногда выступаетъ въ походъ съ своими идеями, имѣя въ резервѣ цѣлый отрядъ условныхъ допущеній, оговорокъ, ограниченій и множество всякихъ вводныхъ предложеній, подъ прикрытіемъ которыхъ возможно отступленіе. Иногда задумчиво уставившись на слушателей своими загадочными, какъ темный омутъ, полузакрытыми глазами, Илья Андреичъ начинаетъ рѣчь такъ:

— Есть основаніе думать, хотя и нѣтъ, пока, возможности точными способами доказать, и... можетъ быть это даже невѣрно и во всякомъ случаѣ подлежитъ большому сомнѣнію, но — есть основаніе думать...

Не правда-ли: это ужъ не просто одинъ отрядъ ограниченій, — это напоминаетъ ту несмѣтную поганую силу, которая нѣкогда облегла Кіевъ и отъ дыханія которой паръ сгустился въ черныя тучи и затмилъ собою солнце... Но эти оговорки и ограниченія не лежатъ въ натурѣ Ильи Андреича. Въ домашнемъ разговорѣ онъ окружаетъ себя этой скучной свитой лишь на-время и при первой возможности охотно отпускаетъ ее...

Если-бы съ того момента, когда онъ только-что началъ ходить вокругъ стульевъ, Илья Андреичъ занялся составленіемъ какого-нибудь проекта, то теперь, обошедши стулья въ двадцатый разъ, онъ былъ, безъ сомнѣнія, на подорогѣ къ окончанію его. Но

Илья Андрейчъ не составлялъ никакого проекта: онъ думалъ все время объ удобствахъ раздѣлять власть съ такимъ человѣкомъ, каковъ былъ ближайшій его помощникъ.

„Именно такъ для меня и нужно, думалъ Илья Андрейчъ,— чтобы онъ былъ глухъ и нѣмъ, какъ рыба, въ дѣла не совался, ничего въ нихъ не понималъ, чтобы я былъ единственный хозяинъ, чтобы существовалъ только мой голосъ. Потому-что „два ума лучше“, а одинъ самое лучшее“.

Дѣйствительно, Петръ Петровичъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ случаю.

Какъ всѣ славные малые, онъ былъ небольшого роста и съ небольшимъ брюшкомъ; былъ очень добръ, еще больше трусъ; онъ не могъ быть злопамятенъ, потому-что вообще ничего не помнилъ.

Онъ непрерывно ходилъ изъ конца въ конецъ по длинному корридору института, переваливаясь на ходу, какъ утка. Шевелившіеся, какъ хвостъ, фалдочки фрака, заложенные на спину руки, въ видѣ крыльевъ, и поднятый къ потолку носъ, какъ у утки, которая хлебнула рѣчной тины и смакуетъ ее—все это еще болѣе увеличивало помянутое сходство.

Если Илья Андрейчъ своими полузакрытыми глазами видитъ насквозь на четыре аршина въ землю, то Петръ Петровичъ своими мутными, какъ въ замороженныхъ телячьихъ головахъ, глазами—не видитъ рѣшительно ничего, хотя и воображаетъ, что все видитъ и все знаетъ, и даже—о, ужасъ!—что всѣ его боятся.

По поводу его личности ходили разные толки. Нѣкоторые остро-словы утверждали, что Петръ Петровичъ совсѣмъ не человѣкъ, а „такой особый механизмъ“. Другіе возражали, что если-бы онъ былъ механизмъ, то давно-бы сломался, потому-что никакой механизмъ не работаетъ сряду тридцать лѣтъ. Третьи, оставляя въ сторонѣ вопросъ о сущности Петра Петровича, говорили, что во всякомъ случаѣ онъ есть маятникъ, необходимый для ровнаго дѣйствія большой машины, называемой *** институтомъ.

А виновникъ этихъ толковъ и не подозревалъ ихъ. Онъ проходилъ по корридору разъ и своими мерзлыми глазами прочитывалъ надъ одной изъ дверей надпись: „Чертежный кабинетъ“; проходилъ въ другой разъ и опять прочитывалъ: „Чертежный кабинетъ“; проходилъ въ третій разъ и т. д...

Навстрѣчу ему, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія,

летѣли по своимъ дѣламъ школьники. Иногда наиболѣе веселый изъ нихъ, прямо передъ носомъ Петра Петровича, дѣлалъ вие-запное „стоць!“

— Здравствуйте, Петръ Петровичъ!

— Здравствуйте, господинъ!

— Позвольте узнать, гдѣ у насъ канцелярія?

— Какъ „гдѣ канцелярія?!“ Вы не знаете, гдѣ канцелярія?

— Нѣтъ, не знаю.

— Да какъ-же вы не знаете? Стало-быть, вы у насъ пер-вый годъ?

— Нѣтъ, четвертый.

— Четвертый годъ, и не знаете, гдѣ канцелярія?! Вотъ, тамъ направо, канцелярія! Да какъ ваша фамилія-то?

— Смирновъ.

— Такъ какъ-же вы, господинъ Смирновъ, не знаете, гдѣ кан-целярія? Вотъ, тамъ, направо, канцелярія! Вы у меня въ книжкѣ-то записаны?

— Въ какой книжкѣ?

— Какъ, „въ какой книжкѣ?!“ Вѣдь у меня есть такая книжка, Бога ради, въ которую я записываю ваши адреса! Вотъ такой величины, черненькая!

— Нѣтъ, не записанъ.

— Такъ пойдемте, я васъ запишу!

Въ дежурной комнатѣ Петръ Петровичъ долго усаживался на диванъ, долго рылся въ своей книжкѣ и подъ шелестъ листовъ совершенно успокоивался.

— Какъ ваша фамилія, господинъ?

— Смирновъ.

— Смирновъ, Петръ Ивановичъ?

— Смирновъ, Петръ Ивановичъ.

— Такъ вы у меня записаны, господинъ Смирновъ!! Вашъ адресъ: „Загородный, домъ номеръ пятнадцатый“.

— Загородный, домъ номеръ пятнадцатый.

— Такъ, вотъ, вы у меня записаны!!

— Ну, такъ я, должно-быть, забылъ...

— Такъ вы, должно-быть, забыли!

И опять Петръ Петровичъ выходилъ въ корридоръ и опять

проходилъ разъ, и прочитывалъ надпись: „Чертежный кабинетъ“; проходилъ два и т. д. И вдругъ опять:

— Здравствуйте, Петръ Петрович!

— Здравствуйте, господинъ.

— Позвольте узнать, гдѣ у насъ чертежный кабинетъ?

— Чертежный кабинетъ? Какъ „гдѣ чертежный кабинетъ?!“

Вотъ чертежный кабинетъ!

— Благодарю васъ, Петръ Петровичъ.

— Конечно, вотъ чертежный кабинетъ!.. Да какъ же вы не знаете? Вы у насъ первый годъ?

— Нѣтъ, четвертый.

— Четвертый годъ, и не знаете, гдѣ чертежный кабинетъ?!

Да какъ ваша фамилія-то, Бога ради?

— Смирновъ.

— Господинъ Смирновъ, и не знаете, гдѣ чертежный кабинетъ?!

Вы у меня въ книжкѣ-то записаны?

— Въ какой книжкѣ?

— Какъ „въ какой книжкѣ?!“ Да вѣдь у меня есть черная книжка и т. д...

Этихъ книжекъ накопилась у него за тридцать лѣтъ пѣлая полка; всѣ онѣ были одной величины; всѣ въ черномъ коленкоровомъ переплетѣ; всѣ одинаково замаслены на корешкахъ. И если иной, желая воспроизвести въ памяти все прошлое, не находитъ его, то у Петра Петровича оно всегда предъ глазами. Вотъ въ шкапу, на верхней полкѣ, тридцать книжекъ: вотъ его прошлое...

Передавали, какъ слухъ, что Петръ Петровичъ однажды съострилъ. Будто-бы подошелъ къ нему, по обыкновенію, господинъ и сказалъ: „Петръ Петровичъ! Отчего вы не ѣдете въ провинцію? Тамъ вы были-бы первымъ вельможей“. Петръ Петровичъ вздохнулъ и сказалъ: „Нѣтъ-съ, господинъ, я не имѣю цезаревскаго самолюбія и предпочитаю быть вторымъ въ Римѣ, чѣмъ первымъ въ деревнѣ. Вы у меня въ книжкѣ записаны?“

Передавали еще болѣе дерзкій слухъ, что Петръ Петровичъ огромный сатирикъ и пишетъ множество прекрасныхъ комедій и всѣ онѣ ставятся въ Александринскомъ театрѣ.

По поводу этого слуха можно замѣтить только, что Петръ Петровичъ вотъ ужъ тридцать лѣтъ писалъ списки лицъ, дѣй-

ствующихъ въ одной большой комедіи, — но самой комедіи онъ не писалъ.

Въ то время, когда Илья Андреичъ, внутренно смѣясь, вспоминалъ всѣ эти анекдоты о Петрѣ Петровичѣ, къ нему вошелъ въ залу одинъ изъ молодыхъ друзей.

Этотъ молодой другъ былъ средняго роста, необыкновенно широкоплечъ. Лицо у него было огромное, плоское, словно выкроено изъ круглаго лоскута дубленой кожи; силошъ покрыто веснушками и кое-гдѣ „родинками“, изъ которыхъ торчали волосы; казалось, на этомъ лицѣ размѣстилось нѣсколько длинноногихъ пауковъ. Онъ шелъ, выдвигая колѣна впередъ и мотаясь изъ стороны въ сторону, точно ноги его на каждомъ шагу вязли въ глубокой тинѣ и вытаскивать ихъ оттуда стоило большихъ усилій.

Это былъ семинаристъ-пермякъ. Въ семинаріи учителя увѣряли его, что онъ имѣетъ философскій складъ головы, называли „свѣтиломъ“ и прочили въ духовную академію. Но когда о. ректоръ обратился къ нему съ предложеніемъ относительно послѣдняго обстоятельства, то чадо заложилъ руки въ карманы и въ первую минуту задумался, какъ Цезарь у Рубикона. Но затѣмъ онъ высвободилъ десницу и, махнувъ ею, сказалъ:

— Нѣтъ! Пойду въ свѣтское высшее учебное заведеніе: по крайней мѣрѣ узнаю: есть Богъ, или нѣтъ!

Онъ справедливо полагалъ, что въ канцеляріи всякаго высшаго учебнаго заведенія—это достаточно хорошо извѣстно, напри- мѣръ, секретарю по студентскимъ дѣламъ.

Онъ мечталъ поступить въ инженеры; но, увлекшись филосо- фіей Конта, порѣшилъ „изучить“ сначала математику, потомъ естествознаніе, потомъ медицину, потомъ соціологію и, наконецъ... инженерное искусство.

Онъ былъ похожъ на тѣхъ англичанъ, которымъ судьба ставитъ всевозможныя препятствія къ соединенію съ любимой женщиной, и которые въ видахъ скорѣйшей женитьбы полагаютъ необходимымъ въ продолженія пятнадцати-лѣтъ скитаться по различнымъ Индіямъ, Америкамъ, Австраліямъ и т. п...

Конечно, все это не легко, но странствующій рыцарь науки не унывалъ:

— Нельзя, видите-ли, строить зданія сверху; и потомъ,—мы

ни чѣмъ не можемъ лучше закалить свою волю, какъ заставляя себя дѣлать то, что намъ не по-сердцу.

Политическихъ убѣжденій и литературныхъ симпатій у него „пока“ не было. Все это онъ имѣлъ въ виду приобрести въ будущемъ, одновременно съ занятіями по социологіи. Журналовъ и газетъ онъ не читалъ, увѣряя, что изъ нихъ ничему нельзя научиться, что „журнальные философы и ученые“ только „повторяютъ Конта, Милля Льюиса, Спенсера“ и т. д., и ужъ если что „изучать“, такъ это названныхъ философовъ въ оригиналѣ.

Его идѣе fixe было всему найти причины и все „связать“. Однажды онъ написалъ разсужденіе: „О вліяніи особеннымъ образомъ сложившейся каменноугольной формации въ Россіи на количество открытій, дѣлаемыхъ русскими учеными“.

Между тѣмъ какъ многіе серьезные люди, утомившись наукой, убѣгають отъ нея въ область музыки и поэзіи и при этомъ чувствуютъ себя такъ, какъ будто переѣхали изъ душнаго города въ деревню—онъ въ часы отдыха тоже фантазировалъ, но цѣлесобразно. Онъ мечталъ устроить для всѣхъ пермяковъ общую квартиру, съ самой низкой платой за помещеніе, а чтобы не переплачивать барышей лавочникамъ—сѣстные припасы выписывать изъ Перми.

Въ концѣ-концовъ, несмотря на свою серьезность, онъ былъ искренній и добрый человекъ. Онъ чистосердечно сознавался, что не понимаетъ половины Фихте; онъ вѣрилъ, что Бокль былъ ужасный лѣнтяй и пьяница, „но башка, чортъ-бы его побрала“; однажды какой-то шалопаи сказалъ ему, что онъ переводилъ Маркса „Капиталъ“, проигравъ пари: пермякъ повѣрилъ. Словомъ—онъ былъ сама *sancta simplicitas*.

Къ Ильѣ Андричу онъ ходилъ съ тайной надеждой, что тотъ когда-нибудь въ самую хорошую минуту прямо скажетъ насчетъ Бога.

Илья Андричъ угадалъ, что онъ пользуется большимъ вліяніемъ среди пермяковъ. Теперь онъ ласково пошелъ ему навстрѣчу и спросилъ:

— Ну какъ вашъ рефератъ?..

— Да я того... началъ-было научный Донъ-Кихотъ или, выражаясь по-русски, Бова Королевичъ, но повалилъ колѣнкой нѣсколько стульевъ и надѣлалъ такого грохота, что окончаніе рѣчи

не было слышно. А пока они оба поднимали стулья (причемъ одинъ разъ преобильно ударились лбами), въ залу вошелъ новый человѣкъ.

Саратовскій гимназистъ—теперь писатель. Онъ считалъ себя гениальнымъ человѣкомъ на томъ основаніи, что саратовскую почву—четверть вѣка назадъ—попиралъ ногами одинъ дѣйствительно могучій человѣкъ—теперь мифъ, и имя котораго долго будетъ служить символомъ таланта... и страданій, столько-же незаслуженныхъ, сколько тяжелыхъ.

Въ 1876 году, въ самый разгаръ герцеговинскаго возстанія, этотъ молодой человѣкъ, еще не умѣвшій владѣть ни перомъ, ни бильярднымъ кіемъ, созвалъ къ себѣ на квартиру земляковъ и сказалъ:

— Господа! Какъ намъ относиться къ восточному вопросу?

И затѣмъ написалъ задорную статью въ задорную газету.

Въ то время онъ имѣлъ лохматый видъ трапичнаго узла, собраннаго помаленьку изъ разныхъ помойныхъ ямъ; обѣдалъ за 20 к. на Петербургской, у какой-то „Ульянки“—грязнѣйшей и отвратительнѣйшей твари, о которой ходилъ слухъ (многими, впрочемъ, оспариваемый), будто она, для своего жирнаго борща, вывариваетъ дѣтскія пеленки всей Петербургской стороны,—и которая, несмотря на всѣ просьбы—подавать къ столу мочалки отъ грязныхъ швабръ—не въ кашѣ, а отдѣльно—никогда не слѣдила за этимъ; считалъ ея горничныхъ за самыхъ возжелѣнныхъ барышень и безъ умолку расточалъ имъ любезности; но теперь онъ

Владѣть перомъ и кіемъ научился,

носилъ всегда новое платье, коротко подстриженные волосы, литераторскую бородку и синіе золотые очки. Относительно его политическихъ убѣжденій извѣстно было... Вотъ здѣсь авторъ находится въ необыкновенномъ затрудненіи, какъ бы понятнѣе выразиться: политика такая тонкая вещь... Однимъ словомъ, отъ его политическихъ убѣжденій пахло помойной ямой, со двора какого-то дома, помѣщающагося въ какомъ-то переулкѣ. Теперь онъ ѣлъ у Доминика съ утра до вечера. Разговаривая съ знакомыми, онъ то и дѣло чистилъ языкомъ въ зубахъ, чавкалъ губами, какъ-будто сейчасъ выпилъ кофею; а то вдругъ встряхивался всѣмъ корпусомъ, что должно было изображать „проклятую“

отрыжку послѣ сытнаго обѣда. Только глодала его тайная зависть... но объ этомъ послѣ.

Онъ очень развязно подаль руку Ильѣ Андренчу, не задѣвъ ногою ни одного стула.

За нимъ, разваливаясь на ходу, какъ протодіаконъ, басъ котораго земля черезъ силу носить, слѣдовалъ воронежець-семинаристъ. У него были очень замѣчательные усы, которые росли впередъ и дѣлали его похожимъ съ головы на моржа изъ Бѣлаго моря (*trichechus rosmarus*).

Онъ считалъ себя единственно компетентнымъ человѣкомъ въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ опять-таки на томъ основаніи, что у него „были предки“. Потому-что онъ ближе другихъ въ Малороссіи—къ странѣ, которая въ былые годы дала столько славныхъ „лыцарей“ свободы. Выдавая себя за потомка этихъ лыцарей, онъ вставлялъ въ разговоръ малороссійскія слова, любилъ напѣвать малороссійскія пѣсни—и въ литературныхъ бесѣдахъ часто поминалъ „знаменитаго батьку-Тараса“, какъ онъ называлъ Шевченко. Между тѣмъ какъ всѣ другіе на чемъ свѣтъ стоитъ ругали свои губернскіе города—онъ всегда съ паѳосомъ говорилъ о своемъ Воронежѣ.

— Воронежъ далъ міру двухъ великихъ людей, заканчивалъ онъ всегда свои разговоры:—Кольцова и Никитина.

Впрочемъ, онъ и всѣхъ воронежцевъ считалъ „призванными“, подобно тому, какъ евреи были народомъ Божиимъ прежде всевозможныхъ аммонитянъ и филистимлянъ.

Самъ онъ былъ такой хлопотунъ, какого еще свѣтъ не видывалъ. Это видно было по его суетливымъ жестамъ и по его рѣчи, спутанной, быстрой и безтолковой. Онъ зналъ прежде всѣхъ всевозможныя новости и слухи изъ газетнаго и журнальнаго міра. Онъ навѣрное могъ сказать, сколько стоитъ изданіе каждой газеты и cadaго журнала; кто „орудуетъ“ изданіемъ; сколько издатель получаетъ барыша; а если издатели—товарищество, то по сколькоу они дѣлаютъ на человѣка; какъ обсчитываютъ сотрудниковъ и т. д. Въ этомъ онъ ухитрялся видѣть свою связь съ литературнымъ міромъ; мало того: это должно было, по его мнѣнію, свидѣтельствовать о его солидарности съ столпами литературы. Желаніе чувствовать свою связь съ лучшими людьми прошлаго заставляло его знать судьбу всѣхъ давно умершихъ изда-

ній. Кто и когда издавалъ „Основу“? Кто издавалъ „Время“? Когда прекратился журналъ и почему? При помощи всего этого онъ прослылъ за дѣловаго и знающаго человѣка, — за „человѣчка“, какъ выражаются иногда, и представлялъ большое подспорье Ильѣ Андреичу, какъ говорунъ. Илья Андреичъ называлъ его „Горячая Голова“.

Затѣмъ по залѣ какъ воробей проскакала маленькая фигурка настоящаго потомка славныхъ „лицарей“ — малоросса Пострѣленко.

Крошечное личико; плотно сжатые и оттопыренные вперед губы; вздернутый сверху стерляжій носикъ; ноздри постоянно раздувающіяся такъ, какъ-будто онъ сейчасъ понюхали чего-нибудь непріятнаго; косыя китайскія прорѣзв для глазъ, изъ которыхъ сверкали такіе пронзительные и безстыжіе зрачки, точно на нихъ были бѣлмы; короткіе волосы, зачесанные назадъ и торчавшіе на головѣ нѣсколькими склеившимися кучками — вотъ все, что о немъ знаетъ авторъ.

Проскакавъ по залѣ, онъ сѣлъ къ столу и, не обращая ни на кого вниманія, началъ что-то писать, причѣмъ губы его оттопырились такъ, какъ-будто въ нихъ перелилась вся масса нахальства, переполнявшая эту воробьиною фигурку.

— Что это вы подѣлываете? дружески наклонившись къ нему чрезъ плечо, спросилъ Илья Андреичъ.

— Мм... да такъ, отвѣчалъ Пострѣленко небрежно: — кое-какія соображенія пришли въ голову, нужно записать. Профессоръ поручилъ мнѣ...

„Готовъ повлѣяться, что никакихъ соображеній“, подумалъ Илья Андреичъ и пошелъ ободрить новаго гостя.

На цыпочкахъ, совершенно безъ всякаго шума и чрезвычайно быстро вошелъ молоденькій высокій мальчикъ, тоненькій, бѣленькій, въ длинномъ черномъ сюртукѣ и съ волосиками, расчесанными на лбу въ обѣ стороны отъ прямого ряда.

Это былъ воспитанникъ одной изъ петербургскихъ гимназій.

Онъ ходилъ къ Ильѣ Андреичу сначала потому, что родителямъ его это нравилось и самъ онъ ощущалъ при этомъ какое-то сладкое волненіе; а потомъ онъ искренно увлекся этими вечерами, можетъ быть вслѣдствіе того, что услышалъ здѣсь впервые призывъ къ „общественной дѣятельности“, а можетъ быть тутъ была и еще какая нибудь причина — нельзя сказать по неизвѣнью

данныхъ; а ргіогі рѣшать вопросъ—значитъ потеряться въ догадкахъ. И во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ уклоняться въ сторону съ прямой дороги повѣствованія. А вотъ это фактъ: впоследствии никто не писалъ столько разныхъ рефератовъ, отчетовъ, протоколовъ и проч., сколько этотъ мальчикъ, который вошелъ такъ быстро и въ то-же время такъ неслышно и теперь стоялъ среди залы, сконфуженно потирая руки...

Илья Андреичъ успѣшилъ его ободрить и что-то заговорилъ съ нимъ по-французски. Въ это время, невообразимо стуча каблуками, нахлынула цѣлая толпа, еще новая толпа...

II.

— Прошу, господа, прошу! приглашалъ Илья Андреичъ своихъ молодыхъ друзей, съ граціозной небрежностью раскачиваясь на каблукахъ и въ то-же время раскланиваясь. — Надѣюсь, нынѣшнее собраніе будетъ очень интересно. Вотъ, прошу, господа, занимать стулья. Нынѣшній вечеръ я на себя беру предсѣдательство.

Гости зажужжали, задвигали стульями и начали шумно разсуживаться амфитеатромъ у большого стола.

Илья Андреичъ сѣлъ предъ ними и, разглаживая сѣдые усы и бороду, важно посматривалъ полузакрытыми глазами на своихъ гостей.

Съ своего предсѣдательскаго мѣста онъ видѣлъ, какъ противъ него заняли стулья: армянинъ, съ безукоризненно-правильными чертами лица—красивѣйшимъ образчикомъ кавказскихъ фizioномій—и черными волосами, завитыми какъ у парикмахеровъ. Въ разговорахъ съ своими знакомыми онъ обыкновенно жаловался, что „посѣтивъ все университеты и акадѣми, онъ нигдѣ не остался доволенъ корпоративными порядками“. Онъ много уже потерялъ времени, но большія средства его отца—херсонскаго помѣщика—позволяли ему еще пробыть нѣкоторое время вольнымъ буршемъ. Изъ разсказовъ этихъ не было видно, чтобы его прогоняли ото-всюду со скандаломъ, какъ комментировали нѣкоторые...

Рядомъ съ херсонскимъ помѣщикомъ Илья Андреичъ видѣлъ еще одного господина. Этотъ все время выкраивалъ какія-то необыкновенныя рожи, точно его до смерти разбиралъ смѣхъ, а онъ

хотѣлъ, во что-бы то ни стало, сдержаться; для этого онъ, по-видимому, старался или настроить свои мысли на серьезный ладъ, такъ-чтобы ужъ не было мѣста ни малѣйшему смѣху, или-же навести на себя благочестивое настроеніе. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, можно было заключить по глазамъ: то онъ устремлялъ ихъ на графинь съ водой — съ необыкновенной напускной яростью, точно говорилъ себѣ:

„Да что-же ты, чортъ, смѣешься: не видишь, что-ли, въ графинѣ лягушка сидитъ?! Вѣдь это отвратительно!“ То закатывалъ глаза подъ лобъ, а все лицо обращалъ къ потолку...

Потомъ сидѣло еще много другихъ. Всѣ то и дѣло привскакивали и двигались то въ ту, то въ другую сторону, придерживая подъ собой обѣими руками вѣнскія стулья.

Нѣсколько разъ Илья Андреичъ дѣлалъ движеніе, по которому можно было догадаться, что онъ хочетъ говорить; но стулья все еще двигались, люди еще шушукали.

Наконецъ, все смолкло.

— „Господа! началъ тогда Илья Андреичъ: — всякому изъ васъ извѣстно — я могъ-бы сказать даже: къ сожалѣнію, слишкомъ извѣстно — безвыходное, во множествѣ случаевъ, положеніе многихъ членовъ нашей молодой семьи. Я ужъ не говорю о томъ, что наше существованіе всюду незавидно. Въ данную минуту я хочу сказать только, что, въ добавокъ ко всему другому, намъ слишкомъ ужъ много приходится выносить отъ разныхъ случайностей (шоя рѣчь относится, какъ всякій изъ васъ, конечно, догадался, — она относится до нашихъ матеріальныхъ невгодъ).

Илья Андреичъ помолчалъ съ полминуты и, почистивъ языкомъ въ зубахъ и причмокнувъ, — продолжалъ:

— „Все это я принимаю близко къ сердцу, и едва-ли кто изъ васъ найдетъ достаточно поводовъ усумниться въ правотѣ моихъ словъ, если я скажу, что мнѣ не чуждо самое искреннее желаніе... мм... желаніе самаго искренняго и самаго близкаго — я хотѣлъ-бы сказать: непосредственнаго участія въ судьбѣ тѣхъ членовъ нашей молодой семьи, которыхъ постигаетъ тяжелая случайность, потому-что, повторяю, все это я горячо принимаю близко къ сердцу.

„Въ виду всего того, что я только-что сказалъ, мнѣ-бы хотѣлось устроить общество, комитетъ — какъ хотите назовите, это

все равно — и такъ, „комитетъ“, или „общество“ изъ возможно большаго числа членовъ (потому-что, вы понимаете, что-же въ этомъ дѣлѣ я могу начать одинъ) — и такъ, комитетъ изъ возможно большаго числа членовъ, и, прежде всего, разумѣется, изъ васъ, здѣсь присутствующихъ.

„Въ теперешнемъ нашемъ засѣданіи я еще не могу подробно выяснитъ пла... да! Вотъ я уже и забылъ свои обязанности:

„Господа! Я, какъ временный предсѣдатель, какъ человѣкъ обязанный, слѣдовательно, заботиться о порядкѣ и толковости засѣданія, прошу желающихъ что-либо возражать или разяснять — сейчасъ-же записаться вотъ на этомъ листѣ, дабы устранить возможный въ противномъ случаѣ беспорядокъ.

„Такъ я говорю, въ теперешнемъ засѣданіи я еще не могу подробно выяснитъ планъ, или программу, или уставъ — какъ хотите назовите — нашего „комитета“. Вопросъ этотъ, надѣюсь, мы разберемъ въ ближайшее засѣданіе.

Илья Андреичъ на минуту замолкъ, налилъ въ стаканъ воды и, посмотрѣвъ сквозь него на свѣтъ, отпилъ два-три глотка.

Между тѣмъ, потихоньку задвигались стулья, тамъ и сямъ поднялись головы, и люди тихими стопами, какъ тѣни, начали пробираться къ столу и записывать свои имена.

Илья Андреичъ вынулъ свѣжной бѣлизны платокъ и съ необыкновенной тщательностью разгладилъ и выправилъ свой лѣвый дымчатый усъ; потомъ такимъ-же порядкомъ и такъ-же тщательно правый; потомъ бороду. Затѣмъ онъ прищурился въ ожиданіи тишины, и когда она наступила, онъ вскинулъ глазами и продолжалъ:

— „Такъ, на первый разъ, господа, я могу лишь сказать, что мы могли-бы, наприимѣръ, раздать на руки всѣмъ членамъ небольшія однообразныя книжки, въ которыхъ-бы члены вписывали пожертвованія и имена жертвователей. Вотъ все, что я могу покуда сказать относительно формальной стороны предполагаемаго дѣла. Но мнѣ хотѣлось-бы подробнѣе разяснить его сущность. Самое строгое вниманіе мы должны обратить на распредѣленіе — я хочу сказать: на, по возможности, разумнѣйшее и цѣлесообразнѣйшее распредѣленіе нашихъ суммъ. Въ эту сторону мы должны особенно направить наше вниманіе. Въ нашей братіи, прежде всего, бросается всегдашняя неурядица, небрежное, часто до презрѣнія, от-

ношеніе къ своимъ... им... къ своему матеріальному... им... къ матеріальной сторонѣ своего существованія. Какъ и всюду, мы, русскіе люди, должны сознаться, что земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Конечно, въ *нашей землѣ*, прежде всего, нѣтъ денегъ, но даже и съ тѣми средствами, какія у насъ имѣются, мы не можемъ распорядиться толково.

„Въ этомъ-то вы имѣ особенно и должны помочь...“

Затѣмъ Илья Андреичъ говорилъ еще минутъ двадцать на ту же тему, чѣмъ дальше, тѣмъ краснорѣчивѣе, хотя и не измѣнилъ своему ровному, важному, но въ то-же время мягкому и вполне пріятному голосу. Между прочимъ, онъ напомнилъ газетныя извѣстія о множествѣ неправильныхъ раздачъ пособій въ голодающихъ деревняхъ, „потому-что наши реси не вѣдаютъ своихъ дѣлъ сами, потому-что деревенскаго самоуправленія у насъ нѣтъ, потому-что все заѣлъ канцеляризмъ, все дѣлается на бумагѣ“ и т. д.

И затѣмъ, такъ-какъ въ мірѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, рѣчь Ильи Андреича кончилась.

Пропустивъ небольшую паузу, Илья Андреичъ сказалъ:

— Гм... теперь, господа, я позволю себѣ предложить вамъ кассира. Смѣю завѣрить васъ напередъ, что это будетъ человѣкъ добросовѣстный и усердный.

Въ этотъ моментъ, точно по волшебному слову сказочнаго кота, въ залу засѣданія вошла шестнадцати-лѣтняя Клѣна, — единственное дитя Ильи Андреича.

И какъ вдругъ померкло это казенное освѣщеніе! Газовые языки стали тусклы и красны, а отъ свѣчей на столахъ длинной лентой поднялась черная копоть. Точно вошелъ ангель... но не ослѣпительное солнце. Потому-что вроткіе голубые глаза не ослѣпляютъ, какъ-бы они ни были велики. Потому-что большіе голубые глаза разливаютъ вокругъ тотъ мягкій согрѣвающей душу свѣтъ, подъ благотворными лучами котораго на душѣ у всякаго становится тепло и отрадно, точно смотришь въ голубое небо, и „душа готовится бесѣдовать съ Богомъ“. Потому-что, наконецъ, лучи отъ большихъ глазъ есть самое лучшее освѣщеніе даже для роскошнаго и чиваго произрастанія нѣжной растительности дѣтскихъ... А надъ голубыми глазами, до половины закрывая красивый лобъ, вились свѣтлыя кудри, точно тѣ бѣлыя тучки, которыя ходятъ высоко-высоко надъ небесной лазурью, и при видѣ

которыхъ никому не приходитъ мысль о пасмурныхъ дняхъ. Автору нѣтъ нужды описывать ея платье. Потому-что въ какомъ платьѣ является тихая утренняя заря лѣтомъ? Какое платье носить прозрачная таинственная майская ночь въ Петербургѣ? Свѣтъ!

Илья Андреичъ воспиталъ Клену дома, постепенно приготавливая ее къ занятію литературой. Въ виду этого, онъ старался развить въ ней наблюдательность, часто читалъ ей длинныя лекціи о методахъ и техническихъ приѣмахъ писательства и при случаѣ показывалъ ей на примѣрахъ преимущество однихъ методовъ предъ другими. Клена всегда внимательно слушала папу, и ей никогда не приходила въ голову возможность отступить отъ его указаній. Даже при устройствѣ своихъ вечеровъ Илья Андреичъ отчасти имѣлъ въ виду Клену: она могла здѣсь присмотрѣться къ людскимъ типамъ, могла получить первые практическіе уроки наблюдательности подъ руководствомъ опытнаго учителя. Клена всегда присутствовала на вечерахъ, но сегодня она явилась въ новой роли.

— Но, можетъ быть, господа члены желаютъ рѣшить дѣло голосованіемъ? спросилъ Илья Андреичъ. — Въ такомъ случаѣ я ставлю вопросъ: Кто согласенъ имѣть кассиромъ Клеопатру Ильиничну, пусть поднимутъ руки!

Но, Боже мой! При видѣ яснаго неба и высокихъ перистыхъ облаковъ, кто можетъ бояться ненастныхъ дней?! При видѣ этихъ голубыхъ глазъ и этихъ легкихъ локоновъ надъ ними кто могъ опасаться, что касса будетъ расхищена?!

Всякій сейчасъ поднялъ обѣ руки, а нѣкоторые пожалѣли, что у нихъ было въ эту минуту только двѣ руки, а не три.

— Итакъ, Клеопатра Ильинична избрана кассиромъ единогласно! сказалъ Илья Андреичъ.

— Bravo! Ура! закричали всѣ присутствовавшіе, и затрещали аплодисменты.

Въ слѣдующую затѣмъ минуту господинъ съ армянской фізіономіей всталъ съ своего мѣста, съ апломбомъ налилъ стаканъ воды и, высоко поднявъ его, торжественно произнесъ:

— За добросовѣстную службу нашего многоуважаемаго кассира пью стаканъ трезвой воды!

— Bravo, bravo!! закричали многіе; но нѣкоторые промолчали.

А молодой прекрасный кассиръ зардѣлся какъ огородный маекъ

и такъ смутился отъ счастья, что даже, не сказавъ никакой благодарственной рѣчи, присѣлъ на первый попавшійся стулъ, прижавъ рукой свое сердце. Отъ опущенныхъ рѣсницъ легли подъ глазами большія тѣни.

Когда улеглось волненіе, по порядку начали выходить желавшіе оппонировать и разъяснять.

Первымъ вышелъ тотъ молодой человѣкъ, съ которымъ Илья Андреичъ говорилъ по-французски. Онъ вытянулся въ струнку, потупилъ глаза въ землю и, потирая руки, быстро процѣдилъ, не шевеля губами, слѣдующее:

— „Господа! Когда бабушка учила меня фортепіанной игрѣ, то всегда повторяла: „тактъ есть душа музыки...“ По моему мнѣнію, во всякомъ дѣлѣ форма, методъ—есть то-же, что тактъ въ музыкѣ... Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ мы сначала выберемъ изъ своей среды комиссію. Комиссія разработаетъ общій уставъ, между тѣмъ, какъ избранныя изъ насъ-же подкомиссіи обратятъ свое вниманіе на нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя частности. Больше, господа, я ничего не имѣю сказать, закончилъ ораторъ совершенно упавшимъ голосомъ и ушелъ на мѣсто.

Всѣ улыбнулись.

— Шу-шу-шу, пошло по стульямъ отъ одного конца къ другому: одну комиссію и нѣсколько подкомиссій—это такъ мало! Форма есть душа всякаго дѣла—это очень мило! Шу-шу-шу-шу...

— Гм... сказалъ Илья Андреичъ и, вынувъ платокъ, разгладилъ бороду и усы. Взглядъ его хранилъ олимпійское величіе...

Вышелъ научный Бова Королевичъ. Сильно упирая на букву о и раздѣляя слоги, онъ заговорилъ такъ, какъ-будто вблизи по бревенчатому мосту застучала телѣга.

— „Го-спо-да! началъ онъ. — Вся-ко-му изъ-насъ-из-вѣст-но-что-та-кое мматушка русская халатность: пресловутая русская халатность! Всякому изъ насъ извѣстно, что эта халатность губить подчасъ самыя лучшія, самыя наши благія начинанія. Я могъ-бы привести не одинъ примѣръ изъ нашего историческаго прошлаго, изъ теперешней общественной жизни, изъ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ иностранными державами, наконецъ, изъ этой близкой къ намъ ученой среды—я могъ-бы привести, милостивые государи, сотни примѣровъ, изъ которыхъ вы, милостивые государи, ясно увидѣли-бы, что русская халатность есть, ей-Богу, очень

губительная штука. Самъ русскій народъ давно клеймиль и донынѣ клеймитъ эту русскую халатность позорнымъ именемъ воровства: „простота—хуже воровства“—говоритъ онъ; а вѣдь эта „простота“ и есть, милостивые государи, русская халатность!

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Тревожно билось сердце Клѣны. „О какой халатности онъ говоритъ“, думалось ей. Ораторъ продолжалъ:

— „И вотъ, милостивые государи: чтобы эта халатность не могла напомнить о себѣ и въ данномъ случаѣ, чтобы мы не оказались и тутъ, какъ вездѣ, глухи къ горькому опыту русскаго народа, нашего бѣднаго русскаго мужика,—я предложилъ-бы, милостивые государи, отнестись къ дѣлу совершенно официозно. Я предложилъ-бы ежемѣсячно или, по требованію обстоятельствъ, даже еженедѣльно, печатать отчеты о ходѣ нашихъ дѣлъ.

„Я думаю, нѣкоторые журналы не отказались-бы печатать наши отчеты, а напротивъ, сочли-бы это для себя за большую честь, обратился онъ ко всѣмъ милостивымъ государямъ уже совершенно не ораторскимъ, а самымъ халатнымъ голосомъ.

— Что касается меня, быстро вѣшался въ рѣчь „молодецъ“ изъ газетной лавочки,—то я, пожалуй, поговорю объ этомъ съ своимъ хозяиномъ.

И затѣмъ ораторъ опять громогласно началъ:

— „А, между тѣмъ, милостивые государи, это имѣло-бы двойное значеніе...“

— Полноте, полноте-же, наконецъ, что вы? перебилъ оратора Илья Андреичъ.—Куда это! Не забывайте, что вѣдь у насъ въ распоряженіи будутъ лишь очень небольшія суммы. Полноте!

Въ это время своими духовными очами, которыя еще прекраснѣе и невиннѣе ея тѣлесныхъ голубыхъ глазъ, Клѣна видѣла страницу въ большомъ журналѣ: на ней напечатанъ отчетъ общества; мелькають слова: „оставалось“, „поступило“, „выдано“, „итого“, „а всего“... а внизу:

„Кассиръ Клеопатра Лыкова“.

Но голосъ Ильи Андреича спугнулъ мечту...

Вышелъ ораторъ-армянинъ. Всѣмъ бросилось въ глаза огромное декольте его рубашки.

— „Господа! началъ онъ солидно и съ большими паузами.—

Господа! Мнѣ кажется, что намъ мало еще одного огражденія отъ случайностей матеріальныхъ.

„Мнѣ кажется, нужно поднять и, по возможности, высоко поддерживать въ мнѣніи общества наше доброе реноме. Вы догадываетесь, что я говорю про уличный скандалъ, бывшій недавно, и въ которомъ виновникомъ былъ одинъ изъ нашихъ.“

„Мы должны, дабы и общество применило къ намъ въ томъ дѣлѣ, которое рекомендуетъ намъ нашъ уважаемый начальникъ — мы должны, господа, позаботиться о своемъ реноме.“

„Мы должны оградить себя отъ разныхъ нареканій, виновниками которыхъ являются разные неблаговидныя личности, которыя состоятъ между нами, какъ ни горько въ этомъ сознаться.“

„Для этого я предлагаю, господа, учредить судъ изъ насъ же самихъ, изъ личностей, которымъ мы, господа, можемъ наиболѣе довѣрять...“

— Шу-шу-шу-шу — пошло опять по стульямъ...

— Тебѣ и книги въ руки, сказалъ кто-то потихоньбу. Разслышавшіе покраснѣли. Дѣло въ томъ, что ораторъ-армянинъ — по темнымъ слухамъ — состоялъ на содержаніи у двухъ извѣстныхъ танцовщицъ. Это составляло предметъ зависти для „молодца“ изъ газетной лавки.

Опять тамъ и самъ начали подниматься головы, и люди опять тихими стопами приближались къ столу и, черкнувъ на листѣ фамилію, снова удалялись. Значить, хотятъ возражать по новому вопросу.

— Господа! сказалъ Илья Андреичъ. — Къ этому вопросу, я полагаю, можно обратиться въ одно изъ ближайшихъ за симъ заведеній, для того, чтобы обсудить его въ принципѣ. По тому нетерпѣливому и смущенному выраженію, какое сейчасъ приняли лица нѣкоторыхъ изъ васъ, я вижу, что многіе, должно-быть, не согласны съ предложеніемъ оратора принципиально.

— Не согласны принципиально! какъ слабое эхо отозвались нѣсколько голосовъ.

— Не въ томъ дѣло! послышалось съ иныхъ стульевъ.

— До слѣдующаго раза!

— Приготовимся!

— „Господа, прошу слова! выходя къ столу, сказалъ Бова Королевичъ, посрамившій предъ тѣмъ стоглаваго змія — Русскую

Халатность. — Господа! мнѣ кажется, что если печатать неудобно, то мы могли-бы литографировать наши отчеты. Если не считать переписку литографскими червилами, которую мы можем произвести по-очереди собственными силами, — то листъ обойдется всего въ пять или шесть копѣекъ...

„А между тѣмъ, продолжалъ ораторъ возвышая голосъ, — а между тѣмъ, милостивые государи, это имѣло-бы значеніе не только для парализованія халатности, которая всегда все губить, но, главнымъ образомъ, для привлеченія и постороннихъ лицъ къ предпринятому нами дѣлу. Всякій будетъ знать, что вотъ, моль, тутъ есть общество; что вотъ, моль, какія у него цѣли, и вотъ, моль, какъ у него идутъ дѣла. И, можетъ быть, милостивые государи, многіе заинтересуются! Въ противномъ случаѣ, знать будемъ только мы одни да наши книжки: что-же изъ этого выйдетъ спрашиваю я васъ?!

— Скажите, что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Добчинскій, замѣтилъ кто-то своему сосѣду.

— Ничего не Добчинскій, возразилъ сосѣдъ и пробурчалъ вслухъ:

— Это вѣрно, браво!

— Полноте, полноте, говорилъ Илья Андречъ: — вѣдь для участія постороннихъ лицъ у насъ есть большой комитетъ, который ворочаетъ десятками тысячъ!

Ораторъ съ минутою постоялъ и ушелъ на мѣсто.

— „Господа! приближаясь къ столу, заговорилъ уже знакомый „комисіонеръ“. — Мнѣ кажется, что и въ дѣлѣ учрежденія суда мы изберемъ изъ своей среды комиссію, которая разработаетъ принципиальную сторону вопроса и основныя положенія нашего новаго учрежденія. А затѣмъ мы можемъ избрать нѣсколько *подкомиссій*, которыя могутъ выработать самыя детали судебного процесса: детали, конечно, общія для всѣхъ случаевъ. Больше я, господа, ничего не имѣю сказать“, заключилъ „комисіонеръ“ и пропалъ, какъ духъ.

Потомъ опять какъ-будто застучала вблизи телѣга, и всѣ услышали уже не съ трибуны, а изъ средины стульевъ слѣдующее:

— „Господа! Я думаю, что въ крайнемъ случаѣ мы могли-бы просто переписывать сами нашъ отчетъ въ количествѣ столькихъ экземпляровъ, сколько будетъ насъ членовъ. Да потомъ вотъ что

примите въ расчетъ: въ настоящее время изобрѣтены такіе копировальные аппараты, при помощи которыхъ, написавши одинъ экземпляръ, можно оттиснуть штукъ до ста копій. Ужь это-то, мнѣ кажется, совсѣмъ не трудно. Потомъ, господа: если возникнетъ обширная корреспонденція съ другими городами, то я предлагаю всѣ письма, предназначенныя въ одинъ городъ, писать на одной общей тетради и посылать ее какъ бандероль или въ видѣ обыкновенной посылки. Тогда-бы почтамтъ не бралъ съ насъ денегъ за лотъ, а получалъ съ фунта или съ пуда. А ужъ на мѣстѣ наши агенты вырѣзали-бы письма и разнесли кому слѣдуетъ...“

— Что вы: вѣдь это называется обкрадывать почтамтъ, зашумѣли голоса.

— Bravo, bravo! слышалось съ другихъ мѣстъ.

— Это можно передать въ хозяйственную *подкомиссію*! визгнулъ тоненькій голосокъ.

— Не нужно комиссій, потому-что всякая комиссія есть долгій ящикъ!

— Bravo, bravo!..

— Ну, надоѣлъ съ практическими планами!..

Все собраніе зашумѣло и заговорило вдругъ.

— Тихе, господа! кричалъ одинъ.— Господа! Мнѣ кажется, что если у насъ не будетъ объединенія всей массы, то и всякое наше начинаніе ни къ чему не приведетъ. Поэтому прежде всего объединеніе. А въ видахъ этого объединенія я-бы предложилъ, для начала, напимѣрь, общія прогулки за-городъ пѣшкомъ и, разумѣется, группами болѣе или менѣе большими.

— А меня-бы, глумился воронежець, — отрядили вести дневникъ подъ заглавіемъ: „Загородныя прогулки въ сопровожденіи городовыхъ, или Новые Перипатетики!“

— Все не „городовыхъ“: что вы! защищался прожектеръ, — полиція не будетъ въ претензіи на это скучиваніе. Мы назначимъ особую комиссію, которая будетъ указывать всегда разныя мѣста для каждой группы. Особенно, мнѣ кажется, все это было-бы умѣстно весной во время экзаменовъ: вѣдь нельзя-же заниматься съ утра до ночи каждый день! Нужна-же передышка! Завтра я предложу это всѣмъ нашимъ товарищамъ...

— Господа, позвольте! бойко заговорилъ еще кто-то.— Мнѣ кажется, вотъ еще средство-то для увеличенія доходовъ нашего бу-

душаго комитета: средство-то это, кажется, имѣло-бы косвенное вліяніе и на сближеніе... Видите-ли: дѣло-то въ томъ, что не будетъ-ли удобно всѣхъ обанчивающихъ курсъ обложить сборомъ, наприимѣръ, по одному проценту съ рубля, что ли: такъ, чтобы, когда люди будутъ получать жалованье, то чтобы не забывали, что есть другіе люди, которые его не получаютъ и которые очень нуждаются, что-ли. Назовемъ этотъ сборъ копѣчнымъ, что-ли...

— На нихъ-же возложить агитацію въ пользу нашего общества въ провинціи, кричалъ кто-то.

— Господа! Кто-же ихъ будетъ контролировать?!

— Лучше единовременный взносъ!

— Господа! Что за поборы такіе!!

— Тихе, господа, слушайте!..

— Господа! началъ Илья Андреичъ не громкимъ, но выдѣляющимся голосомъ такъ, что всѣ слышали, — вы видите, какую массу вопросовъ приходится разсмотрѣть; но нельзя-же вдругъ. Успокойтесь!

Однако-же, онъ успокаивалъ людей больше для виду. На самомъ дѣлѣ это волненіе ему было на-руку. Онъ внутренно тѣшился своимъ политическимъ тактомъ. Теперь онъ съ полнымъ правомъ имѣлъ удовольствіе мечтать:

„Я похожъ на того исключительнаго человѣка, который одинъ изъ цѣлой сотни сумѣетъ управлять молодой своенравной лошадыю. Тутъ повторяется исторія съ Буцефаломъ. Теперь я далъ моему Буцефалу сѣна, и онъ будетъ стоять смирно: онъ не будетъ бѣгать за околицей, какъ русскій „соврасъ безъ узды“, и ржать на всѣхъ проходящихъ, когда ему до нихъ нѣтъ никакого дѣла“...

А между тѣмъ молодежь шумѣла все больше и больше. Страсти разыгрались. У людей блестяли глаза и пылали щеки. Всѣ готовы были говорить и ерошили волосы.

— Господа! Отчего-же нельзя начать въ пользу комитета издаваніе журнала?!..

— Господа! кричалъ кто-то на мѣстѣ. — Господа! Слова!! Дайте-же, наконецъ...

— Да на каеодру, къ столу! выдѣлилось нѣсколько голосовъ, и затѣмъ нахлынула волна общаго гвалта.

— Да позвольте-же, господа: дайте... и требовавшій слова отчаянно замахалъ руками на публику.

— Бъ столу, къ столу-у! кричали голоса.

Илья Андреичъ знаками попросилъ оратора удовлетворить этому желанію.

Съ превеликими усиліями ораторъ началъ пробираться къ столу, едва уклоняясь отъ ударовъ размахивавшихъ рукъ и поминутно наступая всѣмъ на ноги и извиняясь. Наконецъ, онъ вышелъ.

Но говорить не было никакой возможности. Всѣ галдѣли какъ на базарѣ, всѣ возражали, и никто никого не слушалъ.

Судя потому, что Илья Андреичъ махалъ руками и шевелилъ дымчатыми усами, видно было, что и онъ вричалъ; потомъ у него въ рукахъ очутился колокольчикъ, которымъ онъ трясъ изо всѣхъ силъ. Но колокольчикъ точно прикусилъ себѣ языкъ и не издавалъ ни одинаго звука, точь-въ-точь какъ упрямый мальчишка, когда его трясуть за волосы, а онъ, закусивъ до боли руку, молчитъ во что-бы то ни стало.

Навонецъ, начали понемногу униматься; вотъ улеглись наиболѣе крикливые голоса, раздалось послѣднее „шш“, и все стихло.

— „Господа! началъ ораторъ, скорбно улыбаясь публикѣ и удивленно пожмая плечами—и голосъ его упалъ среди мертвой тишины.—Господа, вотъ вы всегда такъ; вѣдь отъ этого всѣ наши совѣщанія ни къ чему и не ведутъ... не разберете да... я не понимаю! Я хотѣлъ сказать то-же, что предъидущій ораторъ, а вы...

Этого протеста угнетенной невинности постигъ никто не ожидалъ. Всѣ вдругъ засмѣялись, и азартъ спорщиковъ сразу перешелъ въ простую неподдѣльную веселость: всѣ смѣялись отъ души, отъ чистаго сердца.

А между тѣмъ къ столу подходилъ еще ораторъ. Его знали. Онъ ужасно завкался и очень на долго. Иногда онъ не могъ сказать ни одного слова, но порой, начиная рѣчь сдержанно и самоувѣренно, онъ съ успѣхомъ договаривалъ длинную фразу.

Итакъ, онъ бодро всталъ за столъ, поправилъ волосы, энергично вытянулъ правую руку съ открытой ладонью впередъ и такъ продержалъ ее нѣсколько времени; потомъ глаза его блеснули, онъ быстро сжалъ ладонь въ кулакъ и заговорилъ:

— Гг... господа! Я хотѣлъ вамъ скааска... скааа... и не могъ продолжать. Ротъ его сдѣлалъ нѣсколько беззвучныхъ конвульсивныхъ усилій, какъ-будто хотѣлъ поймать летавшую муху и остался неподвиженъ. Горячность погубила все!

Собрание приснуло, но сейчас же овладѣло собой. Кто-же смѣется надъ органическими недостатками? Ораторъ смутился и ушелъ.

Къ столу, запыхавшись, подбѣжалъ новый — тотъ самый, который давеча строилъ рожи. Онъ махнулъ на всѣхъ руками, потомъ сдѣлалъ такой жестъ, съ какииъ хлѣбникъ, собирающійся мѣсить квашню, засучиваетъ рукава, и сказалъ скороговоркой:

— Господа! Собственно говоря, предъидущій ораторъ заявилъ, что... да нѣтъ, что я... Я, господа, хотѣлъ сказать слѣдующее...

Онъ внезапно умолеъ, благоговѣнно закатилъ глаза подъ лобъ и началъ жевать губами...

„Забылъ“, мелькнуло въ головахъ у всѣхъ.

— Ахъ, проглотилъ! сказалъ кто-то тихонько, и въ слѣдующее мгновеніе всѣ разразились такимъ хохотомъ, что затрещали окна.

— Господа, сказалъ Илья Андреичъ, — я закрываю засѣданіе. Послѣ вы выберете комиссіи, которыя займутся детальной разработкой поставленныхъ сегодня вопросовъ. Въ слѣдующія нѣсколько минутъ намъ будетъ предъявленъ образчикъ тѣхъ рефератовъ, которые будутъ потомъ читаться аккуратно, имѣя цѣлью пополнять пробѣлы въ свѣденіяхъ каждаго изъ насъ по чуждой ему специальности — пробѣлы, не лишеныя, конечно, общеобразовательнаго значенія.

Тутъ пермякъ поднялся на мѣстѣ и сказалъ:

— Господа! Я хочу въ моемъ рефератѣ обратить ваше вниманіе на вопросы о методахъ познания. Въ нашемъ положеніи...

— Да вы короче, перебилъ кто-то.

— „Ну, хорошо. Я, господа, хочу сказать о тѣхъ поправкахъ, въ которыхъ нуждается знаменитая классификація наукъ Конта и Спенсера. Вамъ извѣстно, что въ основу всякаго ученія Спенсеръ полагаетъ математику. Но вся математика есть не что иное, какъ непрерывный рядъ вытекающихъ одно изъ другого умозаключеній и какъ таковая — подлежитъ контролю логики, науки, имѣющей предметомъ своимъ оцѣнку разныхъ методовъ мышленія. Слѣдовательно, для того, чтобы быть компетентными судьями въ доброкачественности математическихъ истинъ, мы должны изучить сначала логику. Но какъ установить формальные законы мышленія (предметъ логики), не изучивъ источника мысли — души? И вотъ мы очутились предъ психологіей. Но душу мы можемъ изу-

чать только по ея проявленіямъ. Поэтому для насъ становится цѣннымъ матеріаломъ все, что носитъ на себѣ печать психической дѣятельности человѣка. Мы должны изучать историческіе памятники, художественныя произведенія, картины, всевозможное оружіе нынѣшнее и прошлое, орудія, машины, корабли, всевозможные мельчайшіе предметы мануфактуры для того, чтобы имѣть возможность по какой-нибудь иголѣ, искусственной розѣ и т. п., наблюдать проявленіе человѣческой мысли. Мало того: мы должны все это изучать сравнительно. Какъ дѣлаетъ машину нѣмецъ? Какія упрощенія вводитъ въ нее американецъ? Какой системы держится англичанинъ?.. Затѣмъ: народныя пѣсни, пословицы, всевозможныя печатныя книги и лоскутки до конфетныхъ билетиковъ—все это мы должны изучить сравнительно у всѣхъ націй—и затѣмъ взять то, что обще всѣмъ, что, слѣдовательно, представляетъ продуктъ человѣческаго духа вообще, а не русскаго или англійскаго въ частности...

— А урядника, стало-быть, совсѣмъ нельзя изучать, потому что это есть произведеніе *исключительно* русскаго духа, вмѣшался кто-то.

— „Господа! не переносите вопроса на почву остротъ, попросилъ философъ и продолжалъ. — Какъ на практическій выводъ изъ того, что я сказалъ,—я могу указать на необходимость учрежденія особыхъ складовъ всего обширнаго матеріала, служащаго пособіемъ для изученія проявленій человѣческаго духа...

— Господа! сказалъ Илья Андреичъ,—на этомъ мы прервемъ рефератъ (поблагодаривъ предварительно референта за добросовѣстное отношеніе къ дѣлу), а теперь начнется нашего вечера отдѣленіе второе, которое всякій, по желанію, посвятить или разговорамъ, или-же танцамъ въ той залѣ.

Стулья вдругъ задвигались, люди заговорили, встали съ мѣстъ и большая часть сгруппировалась вокругъ Ильи Андреича. А онъ былъ доволенъ. Онъ сіялъ.

— Вотъ, господа, сказалъ онъ,—мнѣ почему пришла мысль о пожарахъ. Скоро начнется сезонъ. Пожары, пожары—всюду пожары! Иногда чудится, занялась и пылаетъ вся Россія. Пылаютъ сплошныя кучи плетней и соломы, то, что называется русской деревней; пылаютъ города; горитъ все отъ насъ до Восточнаго Океана. Удивительно!

Послѣдовала небольшая пауза. Слышно было, какъ кто-то чистилъ языкомъ въ зубахъ и чавкалъ.

— Да! Я пишу по этому поводу передовую статью, отозвался лопухъ, выросшій на могилѣ великаго человѣка. — Я доказываю, что въ этомъ виноваты страховыя общества. Каждое изъ нихъ радо разоренію своихъ конкурентовъ, и вотъ, вѣроятно, каждое при посредствѣ тайныхъ агентовъ выжигаетъ тѣ города, которые застрахованы у конкурента... Какъ вы думаете, Илья Андреичъ?

„Вотъ безшабашный передовикъ“, подумалъ Илья Андреичъ и сказалъ:

— Мм... Есть основаніе думать, хотя, конечно, и нѣтъ возможности какими-нибудь способами доказать и, можетъ-быть, это даже не вѣрно, и во всякомъ случаѣ подлежитъ большому сомнѣнію, но... впрочемъ, я все-таки готовъ сказать, что ваша мысль заключаетъ въ себѣ больше смѣлости, чѣмъ правды...

Ораторъ, требовавшій учрежденіе суда, сообщилъ, какъ новость, слухи о волненіяхъ въ петербургскомъ университетѣ и медико-хирургической академіи.

— Что скажете, Илья Андреичъ? спросилъ кто-то.

Илья Андреичъ закрутилъ усы, разгладилъ бороду и, раскачиваясь на каблучкахъ, заговорилъ:

— Мнѣ припоминается по этому поводу одна уличная демонстрація изъ того времени, когда я жилъ еще въ Латинскомъ кварталѣ. Однажды, въ сорокъ которомъ-то году, кажется, въ декабрѣ или въ ноябрѣ, хорошенько не помню, часовъ въ девять утра, меня разбудилъ шумъ, доходившій съ улицы...

И сказочникъ-вотъ съ занимательными подробностями передалъ повѣсть объ одномъ волненіи парижской молодежи.

Затѣмъ онъ перешелъ къ жизни парижской молодежи вообще и заговорилъ о знаменитой книгѣ Мюрже: „Сцены изъ цыганской жизни“. Онъ долго хвалилъ книгу за непрерывный живой юморъ; говорилъ, что авторъ пишетъ не просто перомъ, а тонкимъ остріемъ электрическаго разрядника, которое разсыпаетъ по всѣмъ страницамъ огненные брызги чисто-французскаго остроумія; что перо это обладаетъ тѣмъ рѣдкимъ и потому драгоценнымъ свойствомъ, въ силу котораго оно, запечатлѣвая въ умѣ человѣка массу насмѣшекъ, въ то-же время не царапаетъ неприятно ни чьею сердца;

что обаяніе книги усиливается и симпатичнымъ отношеніемъ автора къ дѣйствующимъ лицамъ.

— Этотъ человѣкъ по насъ; мы-бы съ нимъ ужились, говорилъ Илья Андрейчъ.

Близъ стоявшіе отвѣчали на все: „мм“, утвердительно кивая головами.

— Но обратите вниманіе на то, какъ много потеряла книга въ русскомъ переводѣ: вѣдь много? Согласно со мной? обратился Илья Андрейчъ къ одному молодому человѣку.

— Да вѣдь это ужъ всегда такъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ тотъ, смущенно опустивъ глаза.

Илья Андрейчъ едва овладѣлъ собой: вдругъ „ваше превосходительство!“

„Эхъ, дуракъ“, подумалъ онъ.

Затѣмъ онъ началъ восторгаться отдѣльными мѣстами книги.

— Помните, господа, тамъ есть о картинѣ, которую передѣлывали всякій годъ. Въ первый годъ она изображала переходъ израильтянъ чрезъ Черное море; но когда академическое жюри не признало ее, то художникъ переодѣлъ Фараона въ пурпуровый плащъ, и на другой годъ картина изображала переходъ Цезаря чрезъ Рубиконъ. Но ученое жюри, сказано, узнало въ мнимомъ Цезарѣ переодѣтаго Фараона и съ позоромъ выгнало его вонъ изъ залы. Какъ-бишь этого художника звали: помните вы? обратился Илья Андрейчъ къ передовику.

— Нѣтъ, я не читалъ, отозвался тотъ.

— Напрасно. А вы?

— Нѣтъ, и я не читалъ...

Илья Андрейчъ понялъ, что дальше спрашивать неловко: пожалуй, выйдетъ, что никто не читалъ, а утвердительно кивали головами всѣ.

Нѣкоторые пожелали узнать, какъ дорога въ Парижѣ жизнь, и гдѣ-бы можно было прочесть о Парижѣ обстоятельно, на случай путешествія туда.

Илья Андрейчъ указалъ на книгу Дюкана и сейчасъ-же принесъ изъ кабинета русскій переводъ.

— Книга недурная, говорилъ онъ,—но авторъ едва-ли намъ съ вами будетъ симпатиченъ за ту главу, въ которой онъ резонерствуетъ, что люди, учащіеся въ коллегіяхъ и всякихъ выс-

шихъ училищахъ, не имѣють права совать носъ въ общественныя дѣла.

Онъ отыскалъ во-второмъ томѣ Дюкана двадцать-третью главу и прочелъ полстраницы, изрѣдка наблюдая по лицамъ слушателей впечатлѣніе, производимое книгой. Къ удивленію, нѣкоторые соглашались съ авторомъ.

Наконецъ, занимательный рассказчикъ утомился и уступилъ свою роль другимъ.

Перешли къ воспоминаніямъ отрочества и первой юности. Рассказывали анекдоты объ учителяхъ, о директорахъ, которые во всѣхъ гимназіяхъ оказывались съумасшедшими, — о гимназическихъ экзаменахъ съ двойными билетами и всякими другими подлогами, о забавныхъ похожденіяхъ учениковъ, о томъ, какъ предъ приходомъ въ классъ нелюбимаго учителя рисовали на доскѣ его карикатуру, какъ для него наколачивали въ стулъ булавокъ, какъ ему пускали подъ каедрю крысъ и т. д.

„Комиссіонеръ“ отозвалъ Илью Андреича въ сторону и сталъ прощаться.

— Обо мнѣ могутъ беспокоиться домашніе, сказалъ онъ и потомъ, заглядывая въ глаза Илью Андреичу, прибавилъ: — а, кажется, у насъ дѣла-то широко пойдутъ, Илья Андреичъ!

— Я думаю, сказалъ Илья Андреичъ.

— Мы завтра сообщимъ это всѣмъ нашимъ товарищамъ. Нужно будетъ собрать ихъ. Я только боюсь, какъ-бы этому не сталъ противиться Петръ Петровичъ. Положимъ, что онъ добрый господинъ... А вы знаете, Илья Андреичъ, что онъ пишетъ комедіи — талантливыя комедіи!

— Ну, вотъ еще! возразилъ Илья Андреичъ. — Я скорѣ повѣрю, что носъ маіора Ковалева опять ходитъ въ Таврическомъ саду.

— Да, да, да! Увѣряю васъ: всѣ говорятъ! Подъ этой апатичной наружностью скрывается огромный сатирической талантъ!... Да, да, да!

Черезъ нѣсколько минутъ молодой человекъ вышелъ на улицу. Была тихая и свѣтлая ночь, погода послѣ недавнихъ морозовъ отмякла, и на землю медленно, крупными хлопьями опускался свѣгъ, точно нисходила небесная благодать.

Юноша поднялъ лицо къ небу и сладко вздохнулъ полной

грудью. Снѣжинки падали ему на лицо и пріятно освѣжали его. Нѣсколько снѣжинокъ упало и въ раскрытый ротъ.

— Милая Клѣна, заговорилъ онъ вслухъ, — если-бы вмѣсто снѣга летѣли бумажки, я-бы собралъ ихъ цѣлыя сугробы и рассыпалъ тебѣ подъ ноги! Хоть-бы папаша далъ сто рублей! Милая Клѣна! Ты не знаешь...

А Илья Андреичъ, проводивъ гостя, захотѣлъ узнать подробности о волненіяхъ въ университетѣ и академіи — и отправился разспрашивать армянина въ другую залу, гдѣ были танцы. Но строгаго блюстителя чистоты нравовъ тамъ не было.

„Можетъ быть, онъ въ той комнатѣ, рядомъ съ нами“, подумалъ Илья Андреичъ и вернулся назадъ.

Проходя мимо толпы, онъ слышалъ, какъ кто-то рассказывалъ про одинъ забавный экзаменъ по русской исторіи.

— Видите въ чемъ дѣло, быстро говорилъ рассказчикъ: — экзаменаторы спросили о Петрѣ Великомъ, а сами продолжали начатый раньше споръ. Спрошенный ни-черта не зналъ, но, выражаясь словами учебника исторіи Устрялова, былъ человѣкъ „ума быстраго и мечтательнаго, души безпредѣльно дерзкой, готовой на всякое отчаянное предпріятіе“, словомъ — какъ самъ самозванецъ Гришка Отрепьевъ; а потому, ни мало не смутясь, и безъ всякаго промежутка между вопросомъ и отвѣтомъ, онъ забарабанилъ:

„Петръ Великій съ топоромъ въ рукахъ, Петръ Великій съ топоромъ въ рукахъ. Топоръ великій, Петръ Великій, великій топоръ, Петръ Великій съ топоромъ въ рукахъ“... и такъ далѣе, пока ему не сказали „довольно“ и не поставили пята...

Слушая все это, Илья Андреичъ вошелъ въ сосѣдную комнату и... замеръ!

Вдѣво отъ двери стояла Клѣна, повидимому, страшно смущенная. Тѣсно къ ней стоялъ ораторъ-армянинъ и, нагло забравъ ея правую руку въ свои, старался растянуть крохотные пальчики въ самую большую четверть по аршину, который лежалъ на столѣ...

Въ комнатѣ больше никого не было.

Въ первое мгновеніе у Ильи Андреича потемнѣло въ глазахъ и онъ пошатнулся. Но онъ сейчасъ-же овладѣлъ собой, развязно повернулся на каблукахъ и, раскочиваясь, пошелъ къ группѣ, гдѣ рассказывали о великомъ топорѣ и Петрѣ.

Рассказчикъ только-что кончилъ.

— Уж если на то пошло, подхожда, отозвался Илья Андрючъ, — я-бы отвѣчалъ экзаменаторамъ такъ: „Петръ Великій съ дубинкой въ рукахъ, дубинка великая съ Петромъ въ рукахъ, историческая дубинка, Петръ Великій“ и такъ далѣе. Исторически это было-бы не менѣе справедливо, а для характеристики забавнѣе...

Всѣ громко засмѣялись, и вечеръ безъ перерыва продолжался.

III.

Ясное морозное утро. Пустой Бульваръ, со стороны N*** института открываетъ одинъ изъ тѣхъ простыхъ, но величественно-прекрасныхъ видовъ, которые даетъ только природа—этотъ ти-танъ художества, располагающій для самыхъ простыхъ ландшафтовъ массами снѣга, настоящими деревьями, громадной перспективой, радужными переливами цвѣтовъ и туманами вдали.

Зимнее солнце обливаетъ своими лучами землю, засыпанную снѣ-жимъ, ослѣпительно бѣлымъ снѣгомъ, и всюду блестятъ и искрятся мириады снѣжинокъ. На высокомъ синемъ небѣ гдѣ-гдѣ бѣлѣютъ легкія облака съ блестящей серебряной каймой по краямъ. Ноч-ной снѣгъ сдѣлалъ вѣтви молодыхъ березокъ толстыми и пуши-стыми и игриво разукрасилъ удивительными снѣжными подвѣсками. И выстроившись въ два безконечные ряда, березки стоятъ такія веселыя, наивныя, добрыя! И если вѣтерокъ слегка тронетъ ихъ, то инныя пугливо дрогнуть и уронять на полъ нѣсколько своихъ снѣжныхъ серегъ, другія начинаютъ наклоняться на бульваръ, точно хотятъ заглянуть другъ изъ-за друга: не идетъ-ли кто?

А тамъ и въ самомъ дѣлѣ кто-то идетъ!

О, березки знаютъ этого господина! Съ тѣхъ поръ какъ онѣ стоятъ тутъ, онѣ видѣли его каждый день. Всякій разъ, когда ударить съ ерѣпости пушка и всѣ учащіяся въ N*** институтѣ, кто по счастливой случайности не успѣлъ заложить своихъ часовъ, смотрятъ сколько у кого не хватаетъ до двѣнадцати или есть лишу—всякій разъ господинъ этотъ сходитъ съ подвѣзда инсти-тута и идетъ вдоль бульвара.

У него удивительная походка: не вульгарно-развалистая, но и не вытянутая, а свободная, съ легкимъ покачиваніемъ головы изъ стороны въ сторону на каждомъ шагу,—походка, при всей своей

сдержанности, полная той особенной милой небрежности, которая, ни мало не отнимая у человека совершенной порядочности—дѣлаетъ его въ то-же время похожимъ на чуть избалованнаго мальчика, котораго ведетъ за маленькія рученки гувернеръ. Удивительная походка! Березки очень знаютъ ее. Имъ знакома также и эта длинная черная шуба, дѣлающая фигуру господина необыкновенно сановитой, и эта черная шляпа парижскихъ студентовъ, изъ подъ которой падаетъ на пушный воротникъ шубы цѣлая охапка мелкихъ кудрей, роскошныхъ какъ въ пору первой юности и располагающихся въ два слоя: сверху дымчатый, а снизу еще совершенно черный... И, наконецъ, эти олимпійски-важные полузакрытые глаза...

Илья Андрейчъ только-что отбылъ урочный часъ, посвящаемый канцеляріи и теперь вышелъ „подышать воздухомъ“ до кофе.

О, какой чудной погодой благословило небо сегодняшнюю прогулку Ильи Андрейча! Вся природа какъ-будто нарочно готовилась къ торжественному приему дорогаго гостя. Все ласкаетъ и нѣжитъ взоръ его: и эти березки, засыпанные свѣжимъ снѣгомъ, и миллионы свѣжныхъ звѣздочекъ, которыя потухаютъ въ одномъ мѣстѣ и мгновенно загораются въ другомъ, по мѣрѣ того, какъ Илья Андрейчъ подвигается шагъ за шагомъ. Воздухъ сухъ и прозраченъ. Илья Андрейчъ вдыхаетъ его съ необыкновенной жадностью и чувствуетъ, какъ по всему организму разливается какое-то особенное ощущение здороваго аппетита и въ то-же время чувство довольства и полноты. Кажется, только дышать этимъ морознымъ воздухомъ—есть уже счастье.

Но не однимъ этимъ воздушнымъ счастьемъ полонъ Илья Андрейчъ.

Въ настоящую минуту онъ впервые вызвалъ въ своемъ воображеніи картину вчерашняго вечера. Разумѣется, онъ вспоминалъ объ этомъ вечерѣ и раньше, напримѣръ, въ канцеляріи, но тогда ему было некогда. Онъ хотѣлъ заняться всѣмъ этимъ именно во время прогулки, на просторѣ, вдыхая чудный освѣжающій воздухъ. И вотъ, наконецъ...

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это шутка: вокругъ него, сѣдѣющаго старика, закипѣла молодая жизнь! Эти горячія головы, которыя, при первомъ намекѣ на одобренную программу, мгновенно разбѣгаются въ разныя стороны и потомъ исчезаютъ изъ виду, точно пугливыя степныя птицы или горныя лани, завидѣвшія охотника—

вдругъ эти люди собираются вокругъ него, Ильи Андреича. Они хотятъ извлечь пользу изъ его сѣдой опытности.

Такъ зеленые одногодніе отрпыски высоко и живо растутъ вокругъ стараго пня, вытягивая изъ его корней готовые соки. Впрочемъ, тутъ только самая легкая аналогія, самая красивая сторона сравненія...

Всѣ удивляются ему и поздравляютъ его.

Вотъ къ нему прѣѣхалъ, положимъ, Сабанинъ, хорошіи другъ и пріятель и тоже начальникъ института. Вотъ они вдводемъ ходятъ по кабинету и говорятъ по душѣ.

— Вы молодецъ, Илья Андреичъ, говоритъ Сабанинъ: — вы въ совершенствѣ постигли дѣло.

— Да вѣдь ужъ это истрепанная общая мысль, что въ молодомъ человѣкѣ—избытокъ дѣятельной энергіи, которой нуженъ выходъ. У меня въ имѣннѣ есть мельникъ Андронъ: онъ никогда бы не сталъ задерживать вешнюю воду.

— Все это такъ, Илья Андреичъ; все это, поскольку оно представляетъ лишь скучно-наравоучительное общее мѣсто, намъ очень хорошо извѣстно! Я вамъ скажу даже больше: мельникъ открываетъ вешнякъ раньше, чѣмъ придетъ полая вода, когда онъ, лишь по расчетамъ, чувствуетъ, что она недалеко. Да не въ томъ штука. Прежде всего, мы имѣемъ дѣло не съ рѣкой, и никакихъ шлюзъ нигдѣ не стоитъ. И ужъ отъ васъ зависитъ назвать тотъ или другой вашъ методъ веденія дѣла открываніемъ шлюзы. Удачно опредѣлить, что составляетъ тутъ „шлюзу“ — это ваша личная заслуга. А то: шлюза! Вишь чѣмъ удивить захотѣлъ! Притчу-то и я вамъ скажу: всякій врачъ знаетъ теоретически симптомы извѣстной болѣзни и методъ ея леченія; а почему рѣдокъ хорошіи практиче-скій врачъ? Потому, что не всякій можетъ угадать, та-ли это болѣзнь, про которую онъ столько разъ и читалъ, и профессора говорили, или не та. Если такъ повернуть дѣло—выходитъ будто та; а если нѣсколько иначе—выходитъ будто другая. Требуется огромная тонкая наблюдательность—просто особенная способность. Но, положимъ, болѣзнь опредѣлена, латинское названіе ея песомнѣнно вотъ такое. Опять очень рѣдкій обладаетъ такимъ яснымъ умомъ, такой сильной и притомъ, если позволите такъ выразиться, бессознательной логикой, чтобы, не теряя дорогого времени, просто на глазъ, взвѣсить всѣ данныя за и противъ той

или другой методы леченія и выбрать такую, которая представляетъ наиболѣе шансовъ на успѣхъ. А вѣдь тутъ путанница—не приведи Богъ! Судя по комплекціи субъекта, можно сдѣлать одно; но, принимая во вниманіе его прошлую жизнь, необходимо предпочесть другое; а если взять въ соображеніе теперешній образъ жизни, разныя осложненія болѣзни, которыя всегда есть, возрастъ, привычки, моральное состояніе, время года и такъ далѣе и такъ далѣе, то вотъ вамъ всякій обыкновенный врачъ, рѣшаясь на то или другое, сейчасъ-же становится шарлатаномъ. Требуется умъ необыкновенной силы и ясности, умъ, привыкшій комбинировать массу мелочей и сейчасъ-же давать выводъ. Отчего наши знаменитости съ такой гордостью называютъ себя практическими врачами? Да, государь мой: ясный умъ, и притомъ специализованный, дѣлаетъ человѣка въ извѣстной области такимъ хозяиномъ, съ которымъ никто не можетъ равняться. Возьмемъ прямо вашъ случай. Вы, собственно говоря, ведете дѣло наперекоръ предписаніямъ начальства; такъ я говорю или нѣтъ?

— Ну, положимъ.

— Ну хорошо. А вѣдь вы вовсе не имѣете въ виду навлечь на себя нареканія начальства: такъ, или нѣтъ?

— Ну, положимъ.

— Ну, хорошо. Стало-быть, вашъ выводъ, въ силу котораго вы дѣйствуете такъ, а не иначе, есть парадоксъ, а самое дѣло есть рискъ. Хорошо. Положимъ, нашелся человѣкъ, который настолько-же не боится риска. Вотъ онъ пошелъ по избранному пути впередъ всѣхъ. Вотъ они идутъ не день и не два. Но гдѣ-же онъ,—этотъ новый Моисей долженъ повернуться лицомъ къ своимъ израильтянамъ, распростереть предъ ними руки и сказать: „Господа! Дальше ни шагу!“ А вѣдь онъ долженъ это гдѣ-нибудь сдѣлать! Ну, вотъ вамъ и задача: гдѣ остановиться и сказать: „Вотъ земля обѣтованная; стой!“

— Гм... Да вѣдь для этого ужъ нужно имѣть въ виду постановленія... Извѣстная статья закона должна представлять тотъ пограничный столбъ, за которымъ земля обѣтованная кончается...

— Такъ-съ... Положимъ, онъ сказалъ: „Господа, видите столбъ: прочтите на немъ статью закона, и расположимся и будемъ строить жертвенникъ...“

— Зачѣмъ-же онъ имъ скажетъ?! Онъ долженъ разумѣть это про себя!..

— Извольте-съ! Допустимъ больше. Онъ имъ не только ни на какой столбъ не указалъ, но и совсѣмъ ничего не говорилъ. Онъ только собирается сказать. И вдругъ ему приходитъ въ голову: а, что если я имъ израильтянамъ скажу, а они вдругъ возопіютъ: „Зачѣмъ ты вывелъ насъ изъ Египта? Тамъ у насъ было много луку и чесноку! Не для того-ли, чтобы умереть съ голоду въ виду земли обѣтованной? Не хотимъ останавливаться: веди дальше, или мы пойдемъ одни!“ Повторяю, этого еще ничего не произошло, да можетъ статься, никогда и не произойдетъ. Но Моисей ужъ оробѣлъ. Въ душѣ его поселилось раздвоеніе. У него исчезла увѣренность. Можно сказать, что съ этой минуты, не они идутъ за нимъ, а онъ за ними. Вотъ какъ дѣлотно повернулось! Онъ ужъ въ душѣ нѣсколько разъ говорилъ: „Господа, стойте, ради Бога!“, а между тѣмъ всё идутъ, и онъ идетъ. И вдругъ засверкала молнія, ударилъ и раскатился оглушительный громъ и загрохоталъ голосъ начальства: „Стой! Куда идешь?!!“ Картина, государь мой!

Илья Андреичъ и Сабанинъ замолчали. Потомъ Сабанинъ первый началъ:

— Нѣтъ, тутъ крокъ всего другого нуженъ характеръ. Въ рѣшительную минуту нужно не струсить и быть настойчивымъ... Такъ-то, мой другъ, Илья Андреичъ!

Молчаніе. Потомъ Сабанинъ опять сказалъ:

— Вотъ вы какъ-то шута хвастались, что тутъ должна повториться исторія съ Буцефаломъ. Только вы тогда заартачились и не хотѣли признать себя Александромъ Македонскимъ. А вѣдь оно такъ... должно потомъ выйти. Вѣдь и Александръ Македонскій все, вѣрно, отпуская поводья, а въ извѣстный моментъ, который ему подсказала его гениальность, онъ вдругъ затянулъ ихъ такъ крѣпко и безповоротно, что изнемогла и поворилась дикая лошадь...

Илья Андреичъ поднялъ голову и на минуту возвратился къ дѣйствительности.

„Однако, надо сознаться, подумалъ Илья Андреичъ, что многіе ко мнѣ не приходятъ; да неизвѣстно и придутъ-ли. Игнорировать ихъ или что? Какъ-бы я былъ радъ, если-бы какой-нибудь слу-

чай раздавилъ, уничтожилъ ихъ недовѣріе, показалъ всю его не-
лѣпость, даже пошлость!”

Не одинъ десятокъ шаговъ прошелъ Илья Андрейчъ, просто
любясь природой, какъ вдругъ съ одной стороны бульвара про-
стучала зеленая карета.

„Вотъ возьмись только я защищать *его*, подумалъ Илья
Андрейчъ, и отношеніе ко мнѣ всѣхъ будетъ иное“.

И въ воображеніи Илья Андрейча развернулась картина.

Засѣданіе суда. Зала биткомъ набита. Собралось все лучшее,
все интеллигентное. Молодые друзья наполнили сосѣднія улицы.

Читается недлинный обвинительный актъ: недлинный, пото-
му-что никакой связи ни съ кѣмъ не указано. Найдены тѣхъ за-
граничныхъ изданій.

Взоры публики прикованы къ личности Илья Андрейча. За-
таивъ дыханіе, ждутъ его рѣчи, готовятся не проронить ни еди-
наго слова.

Все тихо-тихо.

И вотъ онъ поднимается съ той тонкой небрежностью, которая
свойственна лишь сильно благовоспитаннымъ людямъ; съ небреж-
ностью, которая не поражаетъ непріятно вашего чувства, а лишь
придаетъ манерамъ человѣка, такъ-сказать, легкій ароматъ джентль-
менской порядочности. Съ красивой важностью едва приподни-
маетъ онъ вѣки и чуть-чуть наклоняетъ голову къ плечу. Это
дѣлаетъ его фигуру полною изящной задумчивости, — задумчиво-
сти человѣка, увѣреннаго въ томъ, что онъ можетъ сказать хо-
рошо, что своей рѣчью, какъ мановеніемъ волшебнаго жезла,
онъ можетъ сдѣлать что угодно. Затѣмъ онъ тихо весь выпрям-
ляется, окидываетъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и начинаетъ
говорить.

Какъ онъ говорить! Краснорѣчиво, ясно, убѣдительно! Рѣчь
его вначалѣ плавна и проста. Она напоминаетъ тихое и спокой-
ное пареніе орла въ облакахъ. Но мало-по-малу она разыгры-
вается. Тамъ и сямъ проблескиваютъ рѣдкія брилліантовныя искры
его неподдѣльнаго, граціознаго юмора; голосъ его возвышается,
незамѣтно растетъ и крѣпнетъ; фразы слѣдуютъ одна за другой
все болѣе и болѣе непрерывно и неумолцаемо; и вотъ его крас-
норѣчіе полилось широкимъ, неудержимымъ шумнымъ потокомъ.
Рѣчь его—это Лермонтовскій Терекъ:

Терекъ востъ, дикъ и злобенъ
 Межъ утесистыхъ громадъ,
 Бурѣ плачь его подобенъ,
 Слезы брызгами летать...

Необыкновенно мѣткія опредѣленія! Неожиданныя сравненія! А чудныя блестящія остроумія, возбуждающія одобрительную улыбку и невольное покачиваніе головой, закружились вихремъ, какъ свѣтлинки на воздухѣ въ яркій зимній день! Но потомъ характеръ его рѣчи опять мѣняется: Лассаль предъ судомъ—вотъ это Терекъ. Но Илья Андреичъ говоритъ лучше Лассала: онъ говоритъ безъ всякаго задора; рѣчь его олимпійски-величава:

„Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно черезъ горы и поля мчитъ воды свои“!..

Вотъ что такое его рѣчь!

„Сегодня мнѣ только рассказы и писать, — подумалъ Илья Андреичъ.— Я увѣренъ, что всѣ беллетристы такіе-же фантазеры, каковъ сегодня я. Талантъ отличается отъ посредственности тѣмъ, что всѣ его фантазіи населены толпой реальныхъ типовъ. Если мечтаетъ Гоголь, то ему грезятся Городничіи, Собакевичи и такъ далѣе; если мечтаетъ Диккенсъ, то ему мерещатся герои Пиквикскаго клуба. Если-же мечтаетъ Маниловъ, то ему чудятся лавки надъ озеромъ, т. е. чепуха. Но творческія грезы, очевидно, приходятъ сами собой, безъ всякаго усилія, даже помимо желанія. Такъ вѣтеръ гонитъ облака невѣдомо откуда и притомъ когда и куда ему вздумается, и человѣку нѣтъ возможности ни удержать эти облака, ни направить въ другую сторону. Это нужно будетъ сказать Клёнъ“...

И вдругъ Илья Андреичъ вздрогнулъ всѣмъ корпусомъ, отдернулъ назадъ занесенную ногу и остановился какъ вкопанный, точно предъ нимъ разверзлась пропасть... Онъ вспомнилъ этотъ обидный эпизодъ вчерашняго вечера. Съ минуту онъ простоялъ неподвижно.

„Однако, вѣдь здѣсь не у себя въ комнатѣ, на меня могутъ смотрѣть“, подумалъ онъ и быстро повернулся на каблучкахъ, точно хотѣлъ идти назадъ.

На бульварѣ не было ни души. Березки точно сговорились не замѣчать тревоги Ильи Андреича и стояли совершенно спокойно.

„Природа, вотъ, обладаетъ бѣльшимъ запасомъ олимпійскаго спокойствія, чѣмъ всякій изъ насъ“, подумаль Илья Андреичъ и, успокоившись въ томъ, что его никто не видѣль, опять повернулся и пошелъ впередъ.

„Клѣна, разумѣется, тутъ не виновата, думаль онъ,—и начин она говорить съ пермякомъ, то этотъ не рѣшился-бы даже вспомнить, что Контъ проповѣдываль религіозный культъ женщины. О, эти люди, требующіе суда для другихъ! Клѣну нужно ободрить...

Ильѣ Андреичу представилось слѣдующее:

— Иванъ, говорить онъ человѣку,— скажите барышнѣ, чтобы она захватила тетради и пришла ко-мнѣ въ кабинетъ; такъ и скажите: чтобы захватила тетради...

Клѣна вошла! У ней такой усталый видъ, какъ-будто она не спала ночь.

— Здравствуй папа, говорить она тихо.

— Здравствуй, мой другъ. Ты сегодня, кажется, много писала, говорить Илья Андреичъ, держа обѣ ея руки въ своихъ.

— Да, много, говорить она упавшимъ голосомъ.

— Что-же ты писала?

— Я писала въ своемъ дневникѣ... говорить она едва слышно.

— Что-же ты писала?

Клѣна постояла минуту молча, точно не слышала вопроса, и вдругъ неутѣшно зарыдала и бросилась на грудь къ Ильѣ Андреичу...

— Что ты, что съ тобой? говорить Илья Андреичъ. Клѣна! Клѣна!..

Но Клѣна старается совершенно спрятать свое лицо и только лепечеть: „папа, папа, папа, папа“... и рыдаетъ, рыдаетъ.

„Какъ это глупо: не выдержать и мучить ребенка, подумаль Илья Андреичъ: ну къ чему я началъ ее допрашивать?..“

— Въ удивительномъ я сегодня настроеніи! прерваль самъ себя Илья Андреичъ.—Никакой подобной сцены не нужно. Я не думаль Клѣнѣ произнести ни одного слова. Я прямо начну:

— Я хочу сказать тебѣ, Клѣна, въ чемъ состоитъ сущность осмысленнаго и плодотворнаго остроумія, а также въ чемъ состоитъ сущность поэтическаго творчества. Я могу сообщить тебѣ, какъ результатъ моихъ собственныхъ наблюденій, что остроты

только тогда хороши, когда онѣ говорятся не по поводу какихъ-нибудь мало извѣстныхъ фактовъ или личностей. Это совершенно понятно: въ противномъ случаѣ—согласись сама Клѣна—къ каждой остротѣ потребовалось-бы примѣчаніе, объясняющее, въ чемъ заключается возможная соль остроты...

Клѣна улыбулась и довърчиво посмотрѣла на папу.

— Да, Клѣна. Нельзя острить въ сочиненіи по поводу какого-нибудь обстоятельства, случившагося у насъ во время вчерашняго вечера...

Клѣна вспыхнула.

„Ну, опять „вечера“, подумалъ Илья Андрейчъ,—о вечерѣ ни слова. Нѣтъ, ни слова тоже нельзя... Можно такъ: по поводу вчерашняго вечера или обѣда. А за тобой иногда водится этотъ грѣхъ“...

Клѣна улыбулась. Она внимательно слушаетъ.

— Самое выгодное въ смыслѣ понятности остроты, а слѣдовательно, и въ смыслѣ обширности ея эффекта, это острить по поводу общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ и личностей. Я говорю это не вслѣдствіе какой-нибудь предвзятой мысли: я могъ-бы тебѣ доказать, что эти мои убѣжденія почерпнуты изъ разсматриванія и изученія сочиненій общепризнанныхъ даровитѣйшихъ писателей. Я говорю въ данномъ случаѣ какъ музыкальный гармонизаторъ, который отнюдь не выдумываетъ правилъ гармоніи, а предъявляетъ лишь факты изъ сочиненій классическихъ композиторовъ, предлагаетъ признать эти факты какъ правила и имъ слѣдовать. Эти „практическія“ правила, скажетъ разумный гармонизаторъ своему ученику, почерпнуты изъ требованій вашего-же слуха: попробуйте провѣрить меня игрой на инструментѣ. Да, Клѣна: острота должна отличаться абсолютнымъ характеромъ; она должна быть сильна въ мѣста и времени. Ради удовлетворенія этому требованію можно острить, какъ я уже сказалъ, или по поводу вѣшняго міра общеизвѣстныхъ фактовъ, или-же, что не менѣе выгодно, поводы должны существовать тутъ-же, въ отдѣльныхъ моментахъ твоего сочиненія. (Между прочимъ: первый случай долженъ уяснять тебѣ, почему многие живописцы стоятъ исключительно за картины историческаго содержанія и отвергаютъ жанръ). Затѣмъ: остроты не должны быть слишкомъ непосредственны, слишкомъ просты, не должны смѣши-

ваться съ слишкомъ, иногда, нехитрыми каламбурами. Это будутъ ужь не остроты, а телячьи скачки. Наконецъ, не слѣдуетъ сыпать остротами направо и налево. Можетъ-быть, и красиво уподоблять свое перо разряднику, на тонкихъ концахъ котораго постоянно собирается статическое электричество и, по желанію физика, разряжается чудной цѣпью красивыхъ блѣдно-фіолетовыхъ искръ съ милой и пріятной трескотней; можетъ-быть, и красиво спускать съ своего пера цѣлый фейерверкъ остротъ, но нельзя же ради этихъ мимолетныхъ, радужно-блещущихъ проявленій человѣческаго ума—нельзя ради нихъ жертвовать строгостью стиля, грандіозной простотой изложенія... Всѣ фразы въ твоёмъ сочиненіи должны представлять рядъ джентльменовъ, застегнутыхъ въ черные сюртуки. Въ послѣднее время ты уже достаточно твердо держишь перо въ рукѣ; оно замѣтно перестало мазать. Что касается сюжетовъ, то я рекомендую тебѣ держаться ближе дѣйствительности, какъ почвы. Неопытный и молодой пловецъ, полагающій легкимъ челномъ, не долженъ упускать изъ виду берега. Только могучій и окрѣпшій писательскій талантъ можетъ безопасно пускаться въ обширный океанъ фантазіи. Таковъ, на примѣръ, Диккенсъ...

— Папа! Вотъ я хотѣла спросить тебя: какъ подбираются сравненія? Есть-ли тутъ какая-нибудь законность?

— Сравненія? Потомъ. Теперь я хочу тебѣ сказать, въ чемъ состоитъ, по моему мнѣнію, сущность художественнаго творчества...

Илья Андреичъ остановился и зѣвнулъ. Однако, онъ порядкомъ усталъ. Онъ началъ непрерывно и сладко зѣвать. Его охватила съ ногъ до головы легкая дрожь и одолѣла потягота. Хорошо-бы теперь, сію-же минуточку, тутъ-же на мѣстѣ, не дѣлая ни шагу дальше, лечь прямо въ снѣгъ и потянуться и вздремнуть!

„Усталъ, подумалъ Илья Андреичъ,—ну, домой! Café au lait, какъ во многихъ мѣстахъ во Франціи!..“ И, шаловливо угоняя ногой снѣжный комокъ, Илья Андреичъ пошелъ домой.

По странной случайности, его встрѣтили на дорогѣ нѣсколько фізіономистовъ и всѣ попытались угадать: кто-бы могъ быть этотъ господинъ въ черной шляпѣ парижскихъ студентовъ, изъ подъ которой падаетъ на пушный воротникъ цѣлая охапка мелкихъ кудрей, роскошныхъ какъ въ пору первой юности и распо-

лагающихся въ два слоя: сверху дымчатый, а снизу еще черный; въ длинной черной шубѣ, въ высокихъ кожаныхъ галошахъ, съ такой осанистой и въ то-же время наивно-небрежной походкой, какъ у слегка избалованнаго мальчика, котораго ведетъ за маленькія рученки гувернеръ?

Одинъ увѣрялъ, что это долженъ быть отставной литераторъ сороковыхъ годовъ, взирающій на міръ Божій изъ своихъ величаво полузакрытыхъ глазъ въ самодовольномъ сознаниі подвиговъ, совершенныхъ четверть вѣка назадъ. Онъ важный баринъ по происхожденію и имѣетъ доступъ во всѣ гостиныя. Всѣ барыни въ восторгѣ отъ его *sauserie* (сплетня), отъ его пластически передаваемыхъ анекдотовъ. При этомъ онъ всегда—ахъ, нехорошій!—столько прибавить, столько прибавить! Иногда онъ предупреждаетъ своихъ прекрасныхъ слушательницъ, что въ слѣдующемъ разсказѣ онъ будетъ наполовину врать. Но онъ всегда начинаетъ съ очевидной правды, и затѣмъ пусть попробуетъ кто-нибудь угадать, гдѣ онъ „прибавилъ“. И тогда онъ истинный истязатель дамскаго любопытства, потому-что вретъ необыкновенно правдоподобно. Навѣрное онъ участвуетъ на спиритическихъ сеансахъ въ свѣтскихъ гостиныхъ, и многія барыни, спустившія за-границей свое состояніе и хорошо на своемъ вѣку погулявшія, хватаются за его умъ, какъ утопающій за соломинку, съ боязливымъ любопытствомъ допытываясь на склонѣ дней своихъ— есть тотъ свѣтъ или нѣтъ? И если это случилось когда-нибудь во время обѣда, то навѣрное онъ воселикнулъ: „Боже мой, если такіе превосходные пирожки бываютъ на этомъ свѣтѣ, то какіе-будутъ на томъ?! И навѣрное при этомъ одна куколка испугалась и, вырвавъ пирожокъ, сказала: „Слѣдовательно, тамъ есть и жаркія печи?“ А онъ возразилъ: „О, нѣтъ! Тамъ пирожки растутъ по полямъ на солнцѣ, какъ дивіе цвѣты!.. Вѣроятно онъ всегда толчется на картинныхъ выставкахъ и разсуждаетъ тамъ съ корифеями живописи объ искусствѣ, причѣмъ высказываетъ мнѣнія безукоризненной правильности. Вѣроятно, онъ насильно заставляетъ богатыхъ дамъ брать билеты на спектакли и вечера, даваемые съ благотворительной цѣлью. И если это бываютъ литературные вечера, то онъ всегда на нихъ читаетъ. Онъ чрезвычайно любитъ молодежь и называетъ ее въ глаза не иначе какъ „мои молодые друзья“... а между *sauserie*—бунтовщицами...

Другой, не отвергая возможной справедливости всего этого, съ своей стороны замѣтилъ, однако-же, что если это ученый, то навѣрное не страстный ученый, потому-что голова его совсѣмъ не клонится подъ бременемъ научныхъ истинъ, добытыхъ имъ лично. Что какъ специалистъ, онъ, навѣрное, даже неизвѣстенъ. Вѣроятно, онъ всегда слишкомъ увлекался книжной обще-философией, для того, чтобы стать оригинальнымъ наблюдателемъ; слишкомъ преслѣдовалъ разносторонность, хотя и не въ ущербъ точности свѣдений. Боялся спуститься къ фактамъ, потому-что безъ руководителя запутался-бы въ нихъ какъ джентльменъ въ незнакомомъ лѣсу. Если онъ историкъ, то навѣрное не писалъ специальныхъ монографій. Если онъ натуралистъ, то специальность его ботаника или кристаллографія, поскольку та и другая суть науки, имѣющія предметомъ своимъ изящество формъ. Вѣроятно, онъ очень извѣстенъ и уважаемъ въ литературѣ какъ популяризаторъ, и сочиненія его, изданныя товариществомъ „Общественная Польза“, привѣтствуются жаждущими всестороннихъ свѣдений съ такимъ-же восторгомъ, какъ оазисы путниками, странствующими въ пустынѣ. Можетъ быть, онъ написалъ книгу: „Жизнь человѣка и его потребности въ отдаленномъ будущемъ“. Можетъ быть, онъ большой любитель пчелъ и горячій сторонникъ ихъ музыкальныхъ способностей, и навѣрное это онъ написалъ прекрасную книжку о пчелахъ, которую посвятилъ надсмотрщику пчельника въ своемъ имѣннѣ— „дѣдушкѣ Лукьяну Савельичу“. Въ этой книжкѣ каждая фраза— джентльменъ въ черномъ сюртукѣ.

Третій физиономистъ, не возражая по существу двумъ первымъ, сказалъ, что для всякаго, прежде всего, должно быть очевидно, что эта особа, въ длинной черной шубѣ, высокихъ кожаныхъ галошахъ и съ такими прекрасными кудрями, есть „порядочный чекъ“, у котораго въ комнатахъ тепло и уютно и царствуетъ совершенный порядокъ; такой человѣкъ, жена котораго отличалась всегда безукоризненными чувствами; взрослая дочери котораго, если онъ есть, сознательно любятъ и уважаютъ своего папу...

Но никому не пришло въ голову, что, можетъ быть, это блестящій адвокатъ по политическимъ дѣламъ!

IV.

Огромная комната была полна народомъ. Тѣ, кто находился впереди, стояли на полу, слѣдующіе за ними помящались стоя или сидя на столахъ, которые поднимались въ гору, по мѣрѣ удаленія въ глубь комнаты. Начинаясь нестерпимая жара и духота; особенно плохо приходилось тѣмъ, кто былъ у задней стѣны, потому-что головы ихъ были почти подъ потолкомъ. Иногда кто-нибудь растворялъ фортку, и стоявшіе близъ окна на нѣсколько минутъ исчезали въ клубахъ холодной пронизывающей мглы. Въ комнатѣ стоялъ тотъ ровный сливающійся гамъ, который бываетъ всегда, если между собою шушукуютъ въ полголоса человѣкъ триста. Иногда близъ одной стѣны голоса вдругъ усиливались; стоявшіе поблизости, чтобы не быть заглушенными также заговаривали громче; сосѣди этихъ дѣлали то-же самое; между тѣмъ, какъ предыдущіе, опомнившись, старались сдержаться и постепенно замолкали. Тогда говоръ, какъ волна, переливался отъ одной стѣны къ другой, и это выходило очень красиво.

Судя по тому, что головы всѣхъ поминутно обращались къ передней стѣнѣ, надо было-бы думать, что ученый жрецъ скоро явится на кафедрѣ и на семь алтарѣ снова и снова предастъ закланію нѣсколько дивныхъ горлицъ — тѣхъ истинъ, которыя открыты младенцамъ и недоступны премудрымъ, и кровію, по долгу службы, обогреть тощую корову, называемую мундирной наукой. Однако, на кафедрѣ изъ узорчато-полосатаго дуба, долженствовавшую изображать теперь трибуну, взомель ораторъ, приложилъ ко рту ладони сложенной трубкой и въ этотъ искусственный рупоръ изъ всѣхъ силъ прокричалъ:

— Господа! Зачѣмъ-же терять время, приступимъ съобща къ обсужденію нѣкоторыхъ вопросовъ, которые!.. имѣютъ для нашей жизни!.. очень важное значеніе!

Ораторъ остановился, чтобы дать время улечься гомону, пригладилъ рукой волосы, нѣсколько разъ сдѣлалъ такое движеніе шеи, какъ-будто хотѣлъ совсѣмъ выдернуть ее изъ тугихъ воротничковъ и обдернулъ внизу полъ своего англійскаго сюртучка.

Между тѣмъ говоръ быстро смолкалъ, точно таялъ въ воздухѣ,

молчаніе пронеслось отъ ближнихъ рядовъ къ дальнимъ, и настала тишь.

Тогда ораторъ продолжалъ:

— Господа! Я полагаю, что мы займемся сначала избраніемъ предсѣдателя...

— Не надо предсѣдателя! крикнули голоса. — Что за казенщина!

— Господа! Но вѣдь въ такомъ случаѣ у насъ не будетъ никакого порядка!

— Не надо порядка! Свучно съ порядкомъ! Не надо, не надо!..

— Господа! Но вѣдь это значить, что вы собрались только покричать, а вовсе не имѣете въ виду придти къ какому-нибудь результату путемъ обстоятельныхъ разсужденій!

— Предсѣдателя, предсѣдателя! закричали нѣкоторые.

— Пустить вопросъ на голоса! Большинствомъ голосовъ! кричали другіе.

Поднялся шумъ, и ораторъ опять при помощи искусственнаго рупора прокричалъ:

— Господа! Въ такомъ случаѣ я ставлю вопросъ! Кто! согласенъ! имѣть предсѣдателя! пусть встанутъ!! а кто не хотятъ!! пусть ся-я-ду-у-уть!!!

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ произошло шумное движеніе, и затрещали столы. Тамъ и сямъ головы опускались и поднимались.

Однако, когда настала тишина, видъ залы, казалось, мало измѣнился. Ораторъ, вытягивая шею сверхъ всякой мѣры, заглядывалъ въ разныя стороны, видимо затрудненный счетомъ голосовъ.

— Вы не такъ поставили вопросъ, сказалъ кто-то, ухватившись обѣими руками за трибуну и стараясь взобраться на нее: — повольте я...

— Да погодите-же, куда вы лѣзете? возразилъ ораторъ. Затѣмъ онъ столкнулъ притязавшаго и, разставивъ руки по сторонамъ трибуны въ видѣ барьера, на случай новыхъ покушеній, продолжалъ:

— Господа! Такъ, дѣйствительно, ничего нельзя разобрать. Я ставлю вопросъ въ слѣдующемъ видѣ: Кто ничего не имѣетъ противъ предсѣдателя, тѣ пусть поднимутъ правую руку, а кто не согласенъ, тѣ пусть не поднимаютъ руки...

— Не ясно, не ясно! закричали голоса.

— Какъ не ясно?! изумился ораторъ. — Ясно!

— Не ясно, не ясно! Цѣлая трущоба отрицаній!

— Ну, тогда вотъ какъ: кто согласенъ имѣть предсѣдателя — пусть поднимуть правую руку, а кто противъ — пусть поднимуть лѣвую!

Но непригодность метода была очевидна. Всѣ это замѣтили, и многіе, плутовски подмигивая другъ-другу, уерадкой начали поднимать обѣ руки.

Ораторъ началъ считать: разъ, два, три, четыре... Но всѣ захохотали, и онъ остановился.

Между-тѣмъ, недопущенный раньше, подлѣзь подъ правую руку оратора и, очутившись впереди его, уперся руками въ трибуну, а спиной въ грудь соперника и, отгѣснивъ его назадъ, при общемъ смѣхѣ сказалъ:

— Господа, просто вотъ какъ: кто хочетъ имѣть предсѣдателя пусть поднимуть руки.

Поднялись почти всѣ руки.

При помощи подобныхъ-же „манипуляцій“ и такимъ-же порядкомъ избранъ былъ предсѣдатель.

Угмонивъ публику по праву, которымъ онъ былъ облеченъ, ораторъ сказалъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, выразилъ сомнѣніе относительно толковости результатовъ собранія по примѣру прежнихъ случаевъ.

Потомъ вышелъ одинъ ораторъ и сказалъ:

— Господа! Я совершенно согласенъ съ послѣднимъ, весьма основательнымъ замѣчаніемъ предсѣдателя и думаю, что самое лучшее было-бы этой рѣчью и закрыть засѣданіе. По моему крайнему разумѣнію, намъ не слѣдуетъ терять дорогое время на безплодныя разглагольствованія. Лучше заняться наукой. Отечество ждетъ отъ насъ дѣла, а не словъ.

— Bravo, bravo! закричало нѣсколько голосовъ.

Ораторъ, сдѣлавъ надменную мину, ушелъ съ трибуны.

— Господа! сказалъ предсѣдатель. — Я заявляю, что ораторъ слишкомъ поспѣшилъ своимъ согласіемъ со мной! Я съ нимъ нисколько несогласенъ и утверждаю, что если мы, разглагольствующие, часто бываемъ плохи, то ужъ господа научники, для которыхъ способность выдолбить изъ учебника двѣ страницы служить источникомъ самодовольства, неуязвимаго никакими мѣр-

скими печалами — эти господа — совсѣмъ ни къ чорту не годятся!...

— Брраво!! Урра!! загремѣла масса голосовъ, и пронзительно затрещали аплодисменты. Первые люди заткнули уши и бросали на публику умоляющіе взгляды. Поднялся сильный шумъ. Слышались отдѣльные голоса:

— Господа, это личности!!

— Ораторъ! Не хотите-ли взять назадъ свои слова!!

— Господа! Предсѣдатель не имѣетъ права говорить рѣчей!

Его дѣло руководить засѣданіемъ!

— Ни чорта вы не понимаете!

— Урра!!

— Господа! Не курите-же ради Бога!

— Господа, отворите фортки! Душно!!

— Господа, не отворяйте фортки: простудимся!!

— Тихе, господа, слу-шай-те!!!..

Но мало-по-малу все утихло. На трибуну вошелъ „комиссіонеръ“. Вся фигура его выражала крайнюю степень смущенія. У него въ рукахъ былъ портфель, который онъ рѣшительно не зналъ куда дѣть. Сначала онъ положилъ его подъ правую руку, потомъ подъ лѣвую, потомъ на трибуну. Потомъ все вниманіе оратора привлекли натуральныя полоски верхней доски трибуны, и онъ старался разставить пальцы обѣихъ рукъ такъ, чтобы каждый приходился на особую полоску. Наконецъ, онъ началъ:

— Господа! Я имѣю предложить вашему вниманію проектъ системы комиссій, разработанный мною въ товариществѣ съ нѣкоторыми другими. Разуmется, прежде всего, я долженъ сказать съ Овидіемъ:

. . . . . pagina iudicio
Docti subitura morectur!..

что, по моему переводу, значить:

. . . . . трепещеть страничка
Подъ взглядомъ компетентнаго судьи!..

— „Вотъ сладкій плодъ ученья!“ сказалъ кто-то со вздохомъ. Послышался шумный смѣхъ. Ораторъ продолжалъ:

— Цѣль этихъ комиссій, господа, намѣчена нашимъ многоуважаемымъ начальникомъ. Она состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, восполнить пробѣлы въ свѣденіяхъ каждаго изъ

насъ по всёмъ отраслямъ знанія, а съ другой — чтобы объединить насъ въ одинъ организмъ, сообщить намъ, такъ-сказать, одну душу. Господа! Я предлагаю всёмъ разбиться на группы. Каждая группа пусть выберетъ себѣ специальность и въ этой области будетъ изучать все достойное ея вниманія. Въ концѣ мѣсяца, собравъ матеріалъ въ одно цѣлое, она представитъ его особымъ рефератомъ, и притомъ въ концентрированномъ видѣ собранію всёхъ комиссій. Каждая комиссія будетъ имѣть свое бюро и вести свой журналъ. А затѣмъ будетъ существовать центральное бюро. При такомъ веденіи дѣла, господа! каждый изъ насъ работаль-бы разомъ въ нѣсколькихъ областяхъ.

Въ такомъ родѣ ораторъ говорилъ довольно долго.

— Го-спо-да! Поз-воль-те мнѣ сдѣ-лать од-но замѣчаніе прак-тического характера, прервалъ кто-то въ толпѣ. — Суть-то въ томъ что, въ виду громаднаго запроса на всевозможныя изданія, мнѣ кажется полезно было-бы войти въ соглашеніе съ какой-нибудь большой книжной фирмой, чтобы она доставляла намъ книги на прокатъ по дешевой цѣнѣ... Впрочемъ, она, я думаю, согласится сдѣлать это и даромъ...

Послѣдовала небольшая пауза.

— Предсѣдатель! Резюмируйте мысль ораторовъ! крикнулъ кто-то. — И запишите на листъ!

— Господа! началъ предсѣдатель. — Первый ораторъ, насколько я его понялъ, имѣетъ въ принципѣ добиться, чтобы каждый изъ насъ, такъ-сказать, сталъ существомъ о нѣсколькихъ головахъ...

— Bravo, бра-а-а-во! закричало все собраніе и захопало въ ладоши.

Предсѣдатель замахалъ на публику руками, давая понять, что онъ не вончилъ, но никто не хотѣлъ слушать. Всѣ топали ногами, стучали кулаками по столамъ и кричали „ура“.

Между тѣмъ въ растворенную дверь протягивалъ голову Петръ Петровичъ. Страшно испуганный, онъ оставилъ неизмѣнную арену своей дѣятельности — длинный коридоръ — и, выставя впередъ одно ухо, старался что-нибудь разслышать.

— Господа! спросилъ онъ потихоньку своихъ сосѣдей. Что это говорилъ тотъ господинъ?

— Кто ихъ разберетъ, Петръ Петровичъ: гудятъ только.

— Какъ-бишь его фамилія-то, я все забываю, бога-ради...

— Нюта Смущенская, Петръ Петровичъ.

— Онъ у меня въ книжкѣ-то записанъ?

Но Петру Петровичу ничего не отвѣтили и только покрѣпче сжали его брюшко.

— Охъ, бога ради... пролепеталъ онъ тѣмъ голосомъ, какимъ умирающій изрекаетъ свою послѣднюю волю.

На трибунѣ стоялъ новый ораторъ. Желая сдѣлать рѣчь свою какъ можно внушительнѣе, онъ заговорилъ мѣрно и внятно, ударяя по доскѣ кулакомъ на каждомъ словѣ.

— Господа! Всякій вопросъ имѣетъ двѣ стороны: принципиальную и практическую. Взять вопросъ съ принципиальной стороны — значитъ рассмотреть его независимо отъ тѣхъ проявленій, въ какихъ онъ выражается въ дѣйствительности и которыя, значительно осложняя представленіе о немъ, могутъ въ то-же время набросить на него невыгодное освѣщеніе. Взять вопросъ съ практической стороны...

— Господинъ ораторъ! крикнулъ кто-то. — Вы начали изъ такой дали, что намъ чудится, будто лишь сейчасъ произошло сотвореніе міра, и Адамъ, въ состояніи невинности, ходитъ по саду и нарекаетъ животнымъ имена: вотъ принципиальный, вотъ практической... Неужто мы этого не знаемъ?!

Ораторъ на минуту остолбенѣлъ. Потомъ онъ махнулъ рукой и раздраженно сказалъ:

— Ну, хорошо, господа! Я сейчасъ все объясню вамъ въ двухъ словахъ прибѣромъ: понимаете?

Публика молчала. Ораторъ продолжалъ:

— Господа! Идетъ человѣкъ по улицѣ: понимаете?

Публика молчала.

— Попадается ему извозчикъ: понимаете?

Публика молчала.

— Хорошо-съ. Господинъ говоритъ ему...

— Понимаете!!“ грянули разомъ сотни голосовъ, и раздались „bis“ и „bravo“.

Ораторъ въ первую минуту, кажется, недоумѣвалъ: какимъ образомъ онъ могъ такъ громко закричать „понимаете?“ Или это не онъ закричалъ?.. Потомъ онъ опомнился, началъ дѣлать кулакомъ угрожающіе жесты и что-то кричалъ.

Гдѣ-то въ дальнемъ углу съ страшнымъ трескомъ обрушилась

скамья, и стоявшіе на ней полетѣли внизъ. Это усилило шумъ и хохоть. Теперь никто не думалъ сдерживаться. Всѣ хотѣли смѣяться во что-бы то ни стало. Всякое нелѣпное замѣчаніе вызывало всеобщій хохоть и апплодисменты. Среди этого содома слышно было какъ ораторъ бранилъ предсѣдателя за его бездѣйствіе, за его равнодушіе къ безпорядку. Кто-то кричалъ, что предсѣдателя нужно вооружить звонкомъ. Кто возражалъ, что при помощи большого колокола предсѣдатель могъ-бы заглушить публику, но не унять. Самъ предсѣдатель стоялъ съ такимъ растеряннымъ видомъ, какъ мельникъ на берегу пруда, въ которомъ только-что прорвало плотину, вода съ шумомъ уходила вонъ, и всѣ мѣры безнадежны... Кто-то громогласно потребовалъ отворить форты. Кто-то именемъ Бога заклиналъ все собраніе—не отворять фортокъ.

Вблизи трибуны шла суматоха. Кто-то, размахивая руками, старался пробиться сквозь толпу. Дѣйствительно, на трибунѣ чрезъ нѣсколько времени показался воронежецъ.

Но предъидущій ораторъ настойчиво потребовалъ, чтобы ему дали кончить. Когда всѣ смолкли, онъ поднялъ глаза къ потолку и началъ собираться съ мыслями...

Въ это время въ одномъ углу кто-то тѣмъ тихимъ и вразумительнымъ голосомъ, которымъ обыкновенно читаютъ дѣтямъ арифметическія задачи, заговорилъ:

— Господа: идетъ человекъ по улицѣ... понимаете? Попадается ему извощикъ...

Все собраніе опять засмѣялось, а ораторъ съ остервененіемъ разорвалъ какую-то бумажку и стремглавъ убѣжалъ съ трибуны.

— Тихе, господа! закричалъ предсѣдатель.

— Господа будьте панички! выкрикнулъ неизвестно откуда взявшійся „комиссіонеръ“ и пропалъ.

Опять всѣ засмѣялись.

Пришла очередь воронежца. Усы его запрыгали, онъ неистово замахалъ руками и заговорилъ такъ быстро, что разобрать не было никакой возможности:

— Гспда! Я-хтѣлъ-вамъ-затъ-томъ-дѣ-втор-сна-част-наш-жаем-чальни...

— Ну, поскакалъ! замѣтило нѣсколько недовольныхъ голосовъ.

— Ей, вы: говорите рѣже! закричали другіе.

Ораторъ далъ утихнуть шуму, заложилъ руки за-спину и началъ, если можно такъ выразиться, осторожной рысью:

— Господа! Я хотѣлъ вамъ сказать о томъ дѣлѣ...

Но въ слѣдующую минуту руки его взвились на воздухъ, онъ сбился на вскачь и исчезъ изъ виду. Мелькали только: „втор-сна-ча-наш-жа-га... и еще какая-то чепуха.

Послышались возгласы:

— Опять! Да тише вы, чортъ васъ возьми!

— Предсѣдатель, да что же вы бездѣйствуете!?

— Предсѣдатель! Привяжите оратору на языкъ какой-нибудь грузъ!

— Нѣкоторый грузъ, выразился кто-то научнѣе.

— Не размахивайте вы руками, потому-что ваши жесты раз-влекаютъ вниманіе!

— Предсѣдатель! Подержите ему руки назад!!

— Сначала!!!

Ораторъ опять спряталъ руки за спину и выговорилъ пять словъ съ величайшей осторожностью. Но вдругъ изъ-за трибуны показались кисти его рукъ и опять спрятались. Всѣ поняли, что значилъ этотъ зловѣщій признакъ, и грянули разомъ:

— Bravo!! Ура!!!...

— Довольно! Предсѣдатель резюмируйте мысль оратора!..

— Ха-ха-ха!!

Рѣчь оратора оборвалась и исчезла въ общемъ гвалтѣ, какъ внезапно пролетѣвшій свѣтлый метеоръ пропадаетъ въ темномъ ночномъ небѣ... Самъ ораторъ смѣшался съ толпой.

На трибуну взошелъ новый ораторъ. Утверждали, что онъ черногорецъ по происхожденію. Дѣйствительно, лицо его напоминало южно-славянскіе типы. Оно было правильно, худощаво, какъ из-можденное лицо подвижника, съ рѣдкой, едва пробивающейся черной бородкой, густыми, точно вымазанными сажей бровями, и блестящими черными глазами. Огромные роскошные волосы съ стальнымъ отблескомъ прекрасно обрамляли четырехугольный лобъ.

Его всѣ знали за человѣка искренняго и крайне увлекающагося. Онъ не умѣлъ и не любилъ шутить и всегда былъ серьезенъ. Даже плясалъ онъ какой-то національный танецъ не шути и влагалъ въ него всю свою страстную душу: казалось, въ эту минуту онъ прославлялъ Бога и его всемогущество.

Теперь онъ, видимо, тяжело переводилъ дыханіе. Лѣвой рукой держался за трибуну, точно боялся упасть, правая была сжата въ кулакъ.

Ораторъ произнесъ едва слышнымъ голосомъ.

— Господа!..

Онъ остановился и перевелъ духъ. Лицо его приняло болѣзненно-скорбное выраженіе, точно онъ хотѣлъ умолять кого-то о чемъ-то. Голосъ его дрожалъ, какъ у человѣка съ трудомъ удерживающагося отъ рыданій.

Собраніе разомъ смолкло. Ораторъ продолжалъ:

— Господа!

— Между тѣмъ какъ Россія ѣстъ древесную кору и мякину вмѣсто хлѣба и въ безпомощномъ отчаяніи видитъ кругомъ умирающихъ съ голоду младенцевъ — она собираетъ свои послѣднія крохи и говоритъ вамъ: „Дѣти мои! Я буду голодать, я заставлю и грудныхъ дѣтей голодать, я заставлю свой скотъ голодать... Вотъ вамъ деньги: идите въ большіе города; узнайте тамъ все, что знаютъ самые мудрые. Узнайте, отчего не родится хлѣбъ, отчего не стало рыбы въ рѣкахъ, отчего рѣки мелѣютъ, отчего поля сохнутъ, отчего лѣса не растутъ — и куда дѣвались деньги... Узнайте все и вернитесь спасти меня. А я буду еще, еще и еще голодать и терпѣливо ждать васъ“. А вы, господа — я васъ спрашиваю — что вы дѣлаете? Вы заводите какой-то маленькій игрушечный комитетъ, въ которомъ у васъ будетъ, можетъ быть, пять рублей; вы ведете безконечные толки о какихъ-то комиссіяхъ съ рефератами и бюро; вамъ тычутъ въ глаза какими-то корпораціями, которыя-бы васъ охраняли отъ уличнаго скандальничанья — развѣ уличные скандальники васъ развращаютъ, господа! Да, васъ развращаютъ!

Когда онъ умолкъ, никто не аплодировалъ и не возражалъ. Всѣ остались неподвижны, и въ залѣ была мертвая тишина...

Въ дверяхъ стоялъ Илья Андреечъ. Его никто не замѣтилъ. Онъ слышалъ рѣчь съ самаго начала, но, повидимому, не смутился. Поднявъ вверхъ мелко-вудрявую дымчатую бороду и совершенно закрывъ глаза; онъ имѣлъ видъ важный болѣе чѣмъ когда-либо.

Раздался оглушительный залпъ рукоплесканій, и поднялся страшный гвалтъ.

Илья Андреечъ протѣснился къ трибунѣ и началъ требовать

слова. Ему не дали говорить. Послѣ долгихъ препирательствъ, угрозъ и увѣщаній онъ ушелъ.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ Петра Петровича.

— Запишите зачинщиковъ въ штрафную книгу, сказалъ онъ строго.

— Я уже записалъ, отвѣтилъ Петръ Петровичъ, — будьте покойны.

— Кого вы записали?

— А вотъ... И Петръ Петровичъ перечелъ имена всѣхъ говорившихъ по желанію Ильи Андреича, начиная съ „коммисіонера.“

Илья Андреичъ задрожалъ отъ злости и, приблизивъ свое лицо къ самому носу Петра Петровича, чуть слышно сказалъ:

— Вы дуракъ. Понимаете вы это? Вы дуракъ. И, круто повернувшись на каблукахъ, ушелъ.

Петръ Петровичъ выронилъ изъ рукъ „книжку“ и остался неподвиженъ. По щекамъ его медленно поватились двѣ слезинки...

А Илья Андреичъ ушелъ домой и долго ходилъ по своему кабинету, кусая бороду. Можетъ быть, онъ думалъ о томъ, какъ его со всѣхъ сторонъ опутала ложь, какъ онъ изоврался до послѣдней степени и никогда не говорить того, что думаетъ. Можетъ быть, ему казалось, что онъ сидитъ въ какомъ-то вонючемъ болотѣ, и грязь ѣстъ ему тѣло и ежеминутно отравляетъ его сознаніе, не давая ни о чемъ другомъ думать. Хорошо-бы ему убѣжать прочь отъ всего этого далеко-далеко; такъ, чтобы тамъ никто этого не зналъ и ничто не могло объ этомъ напомнить. Все-бы это забыть и начать жить по правдѣ...

Или, можетъ быть, онъ злился и думалъ: „Чортъ съ ними когда такъ. Смѣю надѣяться, что я не въ проигрышѣ: у меня имѣется на лицо до сорока человекъ, которые всегда за меня и готовы всякое движеніе затормозить и запутать. Смѣю думать, что я не въ проигрышѣ: я всегда въ-время соберу всякія свѣденія, всегда могу приготовиться и не растеряюсь“...

А можетъ быть, ему чудился вечеръ. Опять собрались разсуждать, и онъ опять многозначительно острить предъ своими молодыми друзьями.

— А знаете-ли, господа, для чего прежде полагали нужнымъ знаніе исторіи? А вотъ я вамъ прочту: „Гражданинъ долженъ

читать исторію: она миритъ его съ несовершенствомъ окружающаго порядка вещей?..“

„Ха-ха-ха! кричатъ всѣ. — Кто это пишетъ?

— Это писалъ нашъ исторіографъ. А помните-ли вы, господа, въ какой формѣ Берне выражалъ требованіе свободы печати?..

А можетъ, Ильѣ Андреичу не пришло въ голову ни то, ни другое, ни третье. Кто-же можетъ сказать навѣрное, что думаетъ наединѣ съ своей почтенной бородой тайный совѣтникъ?

Плавскій.

СПАРТАКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

РАФАЭЛЯ ДЖІОВАНІОЛИ.

(Переводъ съ итальянскаго).

ГЛАВА XVI.

Левъ у ногъ дѣвушки.

Эвтибида была необыкновенная женщина. Одаренная рѣдкой энергіей и совершенно не женскимъ умомъ, она съ ранняго дѣтства была брошена въ объятія развратнаго старика и утратила не только всякое чувство стыдливости, но и всякое понятіе о нравственномъ и безнравственномъ. Удовлетвореніе всѣхъ своихъ капризовъ стало теперь единственной цѣлью ея жизни. Никакой узды для своихъ прихотей она не признавала; всякое ея желаніе должно было удовлетворяться во что-бы то ни стало; благодаря ея несокрушимому упорству и силѣ воли, ей дѣйствительно всегда удавалось достигать того, чего она хотѣла.

Пресытившись всѣми наслажденіями, непомерно богатая, окруженная роемъ повелонниковъ самыхъ знатныхъ и могущественныхъ, она увидѣла Спартака во всемъ блескѣ красоты, мужества и силы, побѣдителемъ въ кровавомъ бою цирка, героемъ-триумфаторомъ, прославляемымъ стотысячною толпою — увидѣла и влюбилась въ него. Она думала, что нѣтъ никакого труда удовлетворить этой любви или капризу — въ началѣ она сама не знала какъ назвать то чувство, которое влекло ее къ могучему гладиатору. Распаленное воображеніе уже рисовало ей всю прелесть этой новой любви,

которая должна была разсѣять хоть на минуту ея невыносимую скуку.

Но когда, совершенно неожиданно, она встрѣтила препятствія, когда Спартакъ оказался безчувственъ къ тѣмъ чарамъ, противъ которыхъ до сихъ поръ никто не могъ устоять; когда она узнала, что другая женщина отняла у нея любимаго человѣка, — тогда неудовлетворенная страсть, ревность, самолюбіе, все это заставило биться ея сердце такъ, какъ оно, быть можетъ, ни разу не билось; чувственное влеченіе превратилось въ дикую, необузданную страсть.

Она ждала и надѣялась. Прошло четыре года послѣ перваго ихъ объясненія. Спартакъ могъ разлюбить, могъ забыть Валерію, и Эвтибида рѣшилась снова испытать сердце гладиатора, который тѣмъ временемъ поднялся грознымъ исполиномъ противъ римскаго могущества. Съ этою-то цѣлью она и явилась въ лагерь гладиаторовъ.

Но всѣ ея мечты и надежды оказались напрасными. Онъ во второй разъ оттолкнулъ ее, и она вышла изъ палатки фракійца съ лицомъ искаженнымъ страданіемъ, съ краской стыда на щекахъ, съ бѣшенствомъ въ сердцѣ.

Сперва она бродила по лагерю безъ всякой цѣли, бросаясь то въ одну, то въ другую сторону. Голова ея шла кругомъ; въ ушахъ шумѣло; она не могла отдать себѣ отчета ни въ окружающемъ, ни въ собственныхъ мысляхъ и чувствовала только, что страдаетъ невыносимо и жаждетъ мести, мести ужасной, продолжительной и кровавой.

Холодный утренній вѣтерокъ, освѣжившій своимъ живительнымъ дыханіемъ ея разгоряченную голову, заставилъ ее очнуться. Она закуталась въ свой реріш и оглядѣлась. Эвтибида догадалась, что находится между палатками восьмого легіона. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она вышла на дозорную дорогу и оттуда кратчайшимъ путемъ направилась къ своему шатру. По дорогѣ она замѣтила, что руки ея въ крови, и вспомнила, какъ она бусала ихъ, не помня себя отъ бѣшенства. Внезапно остановившись и поднявъ къ небу свои зеленые глаза и окровавленные руки, она покланялась на собственной крови отомстить за свое униженіе и обрекла голову Спартака въ жертву фуріямъ мстительницамъ и богамъ ада.

На другой день Спартакъ сказалъ Окноману, что одинъ изъ его контуберналиевъ перейдетъ къ нему. Это нисколько не удивило германца, имѣвшаго, равно какъ и прочіе его товарищи по командованію войскою, нѣсколькихъ контуберналиевъ. Но онъ вытаращилъ глаза отъ изумленія, когда увидѣлъ предъ собой прекрасную гречанку. Онъ часто любовался ею, ни разу, впрочемъ, не обмѣнявшись съ ней ни однимъ словомъ, такъ-какъ считалъ ее любовницей Спартака.

— Какъ? Такъ это тебя посылаетъ ко мнѣ Спартакъ! воскликнулъ онъ.

— Да, меня, печально отвѣчала дѣвушка.—Почему это такъ удивляетъ тебя?

— Потому-что... потому-что... я думалъ, что ты очень дорога Спартаку...

— Полно!.. сказала съ горькой улыбкой Эвтибида.—Спартаку дорого только торжество нашего дѣла.

— Это нисколько не должно-бы, кажется, мѣшать ему замѣтить, что ты прелестнѣйшая изъ дѣвушекъ и что красавицы, подобной тебѣ, не создавалъ даже греческій рѣзецъ.

Очевидно, Эвтибида произвела очень сильное впечатлѣніе на дикаго германца, если изъ неотесаннаго медвѣдя онъ вдругъ сдѣлался такимъ любезнымъ кавалеромъ.

— Не думаешь-ли ты объяснитья мнѣ въ любви? прервала его гречанка.—Я пришла сюда сражаться съ нашими угнетателями и для этой-то святой цѣли отказалась отъ богатства, роскоши и любви. Учись воздержности у Спартака!

Съ этими словами молодая дѣвушка гордо повернулась спиной къ Окноману и ушла въ сосѣднюю палату, гдѣ помѣщались его контуберналии.

— Клянусь Фреей, матерью боговъ, воскликнулъ Окноманъ, — она также прекрасна и горда, какъ любая изъ валькирій!

Онъ долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ и въ теченіи всего дня нѣсколько разъ съ непонятной для него самого нѣжностью вспоминалъ о красавицѣ-гречанкѣ.

Легко понять, что Эвтибида нарочно кокетничала съ Окноманомъ, чтобы окончательно влюбить его въ себя. Что-же касается цѣли, которой задавалась хитрая гречанка, то кто могъ угадать

ее? Несомнѣнно только то, что эта любовь была не чужда пла-новъ свирѣпой мести, наполнявшей ее душу.

Какъ-бы то ни было, но такой красавицѣ и опытной кокеткѣ, какъ Эвтибида, не стоило большихъ усилій завлечь въ свои сѣти дикаря Окномана, и вскорѣ она приобрѣла надъ нимъ безгранич-ную власть.

Тѣмъ временемъ въ гладиаторскомъ лагерѣ кипѣла работа. Спартакъ съ утра до ночи обучалъ военному строю два новые легіона, вооруженные тѣмъ самымъ оружіемъ, которое римляне вы-нуждены были прислать въ назначенный день въ видѣ выкупа за своихъ плѣнныхъ.

Спартакъ понималъ, что не два лишніе легіона нужны ему, чтобы сокрушить римское могущество. Оставаясь одинъ въ своей палаткѣ, онъ цѣлые часы обдумывалъ, какимъ образомъ дать вой-нѣ рѣшительный оборотъ. Послѣ долгихъ размышленій онъ со-звалъ, наконецъ, военный совѣтъ и представилъ совѣту новый планъ дѣйствій. До поздней ночи длились совѣщанія и, наконецъ, были приняты важныя рѣшенія, которыя совѣтъ постановилъ хра-нить въ глубочайшей тайнѣ.

Въ ту самую ночь, когда въ шатрѣ Спартака засѣдалъ вер-ховный военный совѣтъ гладиаторскаго войска, въ небольшой, но изящно убранной палаткѣ, развалившись на софѣ, лежала Эвти-бида. — Она была закутана въ бѣлый шерстяной *perlum*, оста-влявшій, однако, на половину обнаженными ее плечи и грудь. Маленькая мѣдная лампочка, висѣвшая на шестѣ, слабо освѣщала палатку. Эвтибида была сильно взволнована. Лицо ее поражало своей блѣдностью, а беспокойный взглядъ при малѣйшемъ шорохѣ останавливался на пологѣ палатки, очевидно, ожидая, не шелох-нется-ли онъ.

Вдругъ она встрепенулась; глаза ее блеснули радостью, и она привстала, какъ-бы желая броситься кому-то на встрѣчу. Дѣй-ствительно, въ эту минуту заколыхался пологъ и у входа по-казалась массивная фигура Окномана; онъ долженъ былъ на-гнуться, чтобы проникнуть въ „храмъ Венеры“, какъ онъ, шутя, называлъ палатку Эвтибиды.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, великанъ опустился на колѣни и, схвативъ обѣ руки гречанки, поднесъ ихъ къ своимъ губамъ.

— О, моя божественная Эвтибида! проговорилъ онъ.

Эти двѣ головы, почти касавшіяся другъ друга, поражали своимъ контрастомъ. Правильное, какъ у статуи, свѣжее и нѣжное лицо куртизанки казалось еще прекраснѣе рядомъ съ грубымъ, изрытомъ оспой, сѣрымъ лицомъ германца, обрамленнымъ вселокоченными темно каштановыми волосами и взерошенной бородой.

— Долго-же вы совѣщались сегодня! сказала Эвтибида, устремляя ласковый взглядъ на сидѣвшаго у ея ногъ колосса.

— О, да, черезчуръ даже долго, отвѣчалъ Окноманъ.—Правду сказать, мнѣ до смерти надоѣли всѣ эти совѣщанія. Мечемъ работать—это мое дѣло, а болтать языкомъ я охотно предоставилъ бы другимъ.

— Но Спартакъ вѣдь тоже умѣетъ владѣть мечомъ и если съ храбростью онъ соединяетъ благоразуміе, то отъ этого наше дѣло можетъ только выиграть!

— Дай-то Богъ! А по мнѣ самое лучшее: иди прямо на Римъ безъ всякихъ разговоровъ.

— Это было-бы безуміемъ! прервала его Эвтибида.—Когда насъ будетъ двѣсти тысячъ, и тогда придется сильно призадуматься, прежде чѣмъ рѣшиться на это.

Оба замолчали. Грубый дикарь смотрѣлъ на гречанку съ выраженіемъ такой безпредѣльной нѣжности, на которую никто не считалъ его способнымъ. Эвтибида тоже старалась придать своему лицу нѣжное выраженіе и дарила германца взглядами, отъ которыхъ тотъ млѣлъ и трепеталъ.

— Вы, вѣроятно, спросила она, наконецъ, съ притворной небрежностью—толковали сегодня о вещахъ очень важныхъ?

— Да, важныхъ... такъ, по-крайней-мѣрѣ, говорятъ и Спартакъ, и Криссъ, и Граникъ...

— Должно-быть, обдумывали планъ будущей кампаніи?...

— Не совѣмъ, отвѣчалъ Окноманъ,—хотя то, о чемъ мы разсуждали, и очень близко касается войны. Дѣло въ томъ, что Спартакъ предлагаетъ... Однако, что-же я! вскричалъ онъ вдругъ.—Мы всѣ дали торжественную клятву не разсказывать ни одной живой душѣ о томъ, что говорилось на совѣтѣ, а я чуть-было не выболталъ тебѣ всего!

— Надѣюсь, ты довѣрилъ-бы вашу тайну не врагу...

— О, моя валькирія! Неужели ты думаешь, что я не хочу рассказать тебѣ вслѣдствіе недовѣрія!

— Этого-бы только не доставало! презрительно воскликнула гречанка.—Я пожертвовала дѣлу возстанія всѣми своими богатствами, бросила наслажденія и удобства моей прежней жизни и изъ слабой дѣвушки стала воиномъ свободы, и послѣ этого кто-нибудь еще осмѣлится сомнѣваться въ моей преданности!

— Да поразить громъ Одина такого нечестивца! вскричала Обноманъ.—Знай, о, божественная дѣвушка, что я обожаю тебя не только за твою чудную красоту, но и за величіе и благородство твоей души. Ты для меня выше всѣхъ людей, выше боговъ, выше всѣхъ клятвъ и если только ты захочешь, я открою тебѣ, несмотря на клятву...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! прервала его Эвтибида, стараясь вырваться изъ его объятій.—Что мнѣ за дѣло до вашихъ тайнъ. Я ничего не хочу знать, слышишь-ли!

— Ну, вотъ, ты опять на меня разсердилась! проговорилъ чуть не со слезами Обноманъ.—Развѣ я тебя обидѣлъ? Ну, выслушай-же, милая, умоляю тебя... Видишь-ли, Спартакъ...

— Замолчи, замолчи! Я не хочу, чтобъ ты нарушалъ свою клятву и рассказывалъ важную тайну женщинѣ, которая, быть-можетъ, выдастъ ее врагамъ! насмѣшливо воскликнула куртизанка. Если-бъ ты мнѣ довѣрялъ, любилъ, какъ говоришь... если-бъ я была частью тебя самого, какъ ты для меня... ты понялъ-бы, что твоя клятва относится ко всѣмъ, кромѣ меня... Но теперь я вижу, что ты меня не любишь... что тебѣ нужны только мои поцѣлуи...

Мало-по малу, голосъ Эвтибиды началъ прерываться; она поднесла руку къ глазамъ, стала всхлипывать и, наконецъ, очень искусно зарыдала.

Комедія, разыгранная Эвтибидой, произвела на германца именно то дѣйствіе, на которое она рассчитывала. Внѣ себя отъ волненія, онъ бросился цѣловать ея колѣни и ноги, умоляя сжалиться надъ нимъ и простить его. Когда-же она снова стала отказываться его слушать, продолжая притворяться недовольною, онъ разразился проклятіями всѣмъ богамъ своей родины и торжественно обѣщалъ, что отнынѣ, не взирая ни на какія клятвы, онъ будетъ рассказывать ей все, потому-что она душа его души.

Эвтибида нѣсколько успокоилась и тогда Окноманъ разсказалъ ей, что Спартакъ, желая дать новую силу возстанію, предложилъ привлечь на свою сторону тѣхъ изъ молодыхъ римскихъ патриціевъ, обремененныхъ долгами, которые жаждутъ переменъ и готовы на все для поправленія своего состоянія; что послѣ продолжительнаго обсужденія рѣшено было завтра-же отправить гонца къ Катилинѣ, предложить ему верховное начальство надъ гладіаторскимъ войскомъ и что Рутилій добровольно вызвался исполнить это трудное порученіе.

Выслушавъ признаніе германца, Эвтибида не обнаружила своей радости, а, напротивъ, все еще, казалось, продолжала сердиться на Окномана. Тогда великанъ положилъ голову на коверъ и поставивъ на свой високъ ножву Эвтибиды, въ изступленіи страсти, говорилъ задыхающимся голосомъ:

— Видишь... видишь... я рабъ твой... Я у ногъ твоихъ — дѣлай со мной что хочешь...

— Встань, милый! радостно проговорила вуртизанка, устремляя торжествующій взглядъ на громадную черную массу, лежавшую у ея ногъ. — Твое мѣсто не тамъ, а на груди моей!

Съ этими словами она взяла Окномана за руку и тихо привлекла къ себѣ. Онъ вскочилъ на ноги и, схвативъ ее на руки, поднялъ на воздухъ, какъ ребенка и сталъ душить своими страстными поцѣлуями.

Когда дикій порывъ его нѣсколько улегся, Эвтибида сказала:

— Пока оставь меня, милый... Тебя ждутъ въ твоей палаткѣ, а мнѣ нужно взглянуть, хорошо-ли Зенократъ смотритъ за конями. Я каждый день выхожу къ нему въ этотъ часъ... Но позже... когда всѣ уснутъ... приходи. Я буду ждать тебя... Но только смотри, чтобъ никто не зналъ о нашей любви, въ особенности Спартакъ!

Окноманъ покорно опустилъ ее на землю, поцѣловалъ еще разъ и вышелъ изъ палатки. Нѣсколько минутъ спустя, за нимъ вышла и Эвтибида и направилась къ коновязи, гдѣ ее ждало двое преданныхъ ей слугъ.

— Да, да... не дурно задумано, говорила она про себя... Очень недурно! Поставить Катилину во главѣ этихъ семидесяти тысячъ рабовъ — это значитъ облагородить и войско, и самое дѣло... Съ нимъ придутъ знаменитѣйшіе и храбрѣйшіе изъ римскихъ па-

трицевъ, а затѣмъ, быть-можетъ, зашевелится и чернь... Такимъ образомъ возстаніе рабовъ, осужденное заранѣе на неминуемую гибель, превратится въ великую гражданскую войну, которая, по всей вѣроятности, приведетъ къ полному измѣненію всего государственнаго строя... Вдобавокъ, съ прибытіемъ Катилины, власть Спартака нисколько не уменьшится, потому-что Катилина, разумѣется, отлично пойметъ, что безъ Спартака ему и одного дня не управиться съ этими ордами гладиаторовъ... Нѣтъ, нѣтъ!.. Это мнѣ вовсе не нравится. Погоди, великій и добродѣтельный Спартакъ, на этотъ разъ твои планы не исполнятся!

Размышляя такимъ образомъ, она пришла къ палаткѣ своихъ преданныхъ слугъ и, вызвавъ Зенократа, увела его въ уединенное мѣсто, гдѣ долго и горячо о чемъ-то разговаривала съ нимъ на родномъ языкѣ.

На другой день, по консульской дорогѣ, соединявшей Брундузіумъ (нынѣ Бриндизи) съ Беневенто, ѣхалъ высокій, стройный всадникъ лѣтъ тридцати. На немъ была простая туника изъ грубой шерсти, широкая темная пенула, навинутая на плечи, и колпакъ на головѣ. Онъ ѣхалъ крупной рысью на добромъ апулійскомъ конѣ, направляясь, повидимому, къ Баресу (нынѣ Бари). По костюму и наружности, по смѣлому и открытому лицу и спокойной и мужественной осанкѣ, молодого всадника легко было принять за какого-нибудь богатаго землевладѣльца изъ окрестностей.

Послѣ трехчасоваго путешествія всадникъ прибылъ на почтовую станцію (mutazio), находящуюся на половинѣ пути между Эгнаціемъ и Баресомъ и остановился, чтобы покормить лошадь и отдохнуть самому.

— Будь здоровъ, другъ! сказала онъ рабу, подошедшему взять его коня и направился ко входу въ домъ, гдѣ уже ждалъ его толстый и красный, какъ ракъ, человекъ — хозяинъ трактира и почты.

— Боги да будутъ благосклонны къ тебѣ и къ твоему дому! сказалъ, обращаясь къ нему, путешественникъ.

— Меркурій пусть будетъ твоимъ сопутникомъ! отвѣчалъ хозяинъ. — Хочешь отдохнуть послѣ долгаго пути? Ты, вѣроятно, усталъ, потому-что по коню видно, что путь твой былъ далекъ. Ахъ, что за конь! Какъ можно было такъ загнать его!

— Да, я ѣду съ самаго утра, отвѣчалъ путешественникъ и тотчасъ-же прибавилъ:

— Такъ тебѣ нравится мой конь?

— О, влянусь крыльями божественнаго Пегаса, я не видывалъ лучшаго.

— Бѣдняжка!.. Каковъ-то онъ будетъ черезъ мѣсяцъ! сказалъ со вздохомъ путешественникъ, входя въ домъ.

— Что такъ? спросилъ хозяинъ, слѣдуя за нимъ въ трилиней и подставляя къ одному изъ трехъ деревянныхъ столиковъ табуретку.— Затѣмъ, не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ:

— Хочешь чего-нибудь поѣсть или выпить? У меня есть старое форміанское—настоящій нектаръ Юпитера!... А отчего-же твой конь черезъ мѣсяцъ будетъ совсѣмъ не такой, какъ теперь?... Можетъ быть желаешь жаренаго барашка? У меня отличные барашки-сосунки... Ты изъ далека? Вѣрно давно въ дорогѣ?.. Прикажешь зажарить для тебя бараній заенокъ?... А то, можетъ-быть, подать тебѣ масла и сыра?

Болтовня трактирщика была прервана прибытіемъ новаго путешественника, соскочившаго какъ-разъ въ эту минуту съ сильнаго, породистаго коня, тяжело сопѣвшаго и покрытаго бѣлой пѣной, свидѣтельствовавшей о быстрой и продолжительной скачкѣ.

Вновь прибывшій былъ человекъ лѣтъ сорока, высокій и сильный, съ смуглымъ, довольно умнымъ лицомъ и бритой бородою. По костюму съ походилъ на вольноотпущенника какаго-нибудь благороднаго и богатаго семейства.

— Да будутъ благосклонны къ тебѣ боги, сказалъ хозяинъ входящему путнику,— и да удвоятъ они силы твоего коня, потому-что какъ онъ ни хорошъ, но если ты будешь гнать его, какъ гналъ сегодня, онъ скоро откажется служить. Ты издалека? Вѣрно проголодался? Не прикажешь-ли бараній заенокъ? У меня барашки нѣжные, мягкіе, какъ весенняя травка. А то, можетъ-быть, прикажешь сыру или вина? У меня такое вино, такое вино... Да что-же ты не присядешь? Ты вѣрно усталъ и тебѣ нужно отдохнуть.

— Отдохнуть отъ твоей болтовни? Да, признаться, не мѣшаетъ, отвѣчалъ сердитымъ голосомъ новый путешественникъ.

— Было-бы гораздо лучше, сказалъ, въ свою очередь, апуліецъ,—если-бъ, вмѣсто того, чтобъ докучать намъ своими не-

умѣстными распросами и похвалами разныхъ блюдъ, ты прямо принесть-бы намъ твоихъ жареныхъ барашковъ, твоего сыра и твоего стараго форміанскаго. — Затѣмъ, обращаясь ко второму путешественнику, онъ прибавилъ: — не правда-ли?

— Разумѣется, правда, отвѣчалъ тотъ, почтительно прикладывая руку къ губамъ.

Съ этими словами онъ тоже усѣлся за столъ.

— Сію минуту, сію минуту... не переставалъ болтать трактирщикъ, торопливо накрывая на столъ. — Сейчас вы сами увидите, правъ-ли я былъ, расхваливая свою кухню.

Наконецъ, онъ вышелъ.

— Да будетъ благословенъ Юпитеръ Освободитель за то, что избавилъ насъ отъ несносной болтовни этой трещетки, сказалъ апуліецъ.

— Надоѣдливый человекъ, твоя правда, отвѣчалъ вольноотпущенникъ.

На этомъ разговоръ между двумя путешественниками прекратился. Вольноотпущенникъ, казалось, погрузился въ глубокія размышленія; тѣмъ временемъ апуліецъ осматривалъ его подозрительнымъ взглядомъ, барабана ножомъ по столу.

Вскорѣ вернулся хозяинъ, неся двѣ тарелки съ жаренымъ барашкомъ.

Пока путешественники съ большимъ аппетитомъ ѣли поданное имъ блюдо, хозяинъ налилъ имъ въ бокалы своего хваленаго форміанскаго; хотя оно и не оправдывало неумѣренныхъ похвалъ хозяина, тѣмъ не менѣе показалось усталымъ путешественникамъ довольно вкуснымъ.

— Такъ ты говоришь, что тебѣ нравится мой конь? сказалъ апуліецъ, оставляя тарелку.

— Еще-бы не нравиться! воскликнулъ содержатель почты. — Настоящей апулійской породы, сухой, жилистый, крѣпкій... А инѣ-ли не знать толку въ коняхъ, особливо мѣстной породы? Вотъ ужъ двадцать лѣтъ, какъ держу я здѣсь почтовую станцію и сколько у меня перебивало коней за это время! Право, если считать...

— Хочешь-ли дать моего закона, нетерпѣливо прервалъ его земледѣлецъ, — одного изъ твоихъ двадцати...

— Сорока, гражданинъ, сорока, а не двадцати, потому-что моя станція перваго, а не второго класса *) и ты самъ знаешь...

— О, пусть Эскулапъ пошлетъ тебѣ десять язвъ на твой болтливый языкъ! вскричалъ апуліецъ, потерявъ терпѣніе. — Дашь-ли ты мнѣ за моего коня одного изъ твоихъ сорока, восьмидесяти, тысячи?..

— Гм!.. Гм!.. Промѣнять коня знакомаго на незнакомаго! Это мнѣ не совсѣмъ-то на руку. Положимъ, съ виду твой конь—картина, но все-таки, кто его знаетъ... Видишь-ли, пять лѣтъ тому назадъ, со мной былъ вотъ какой случай...

— Провались ты со своимъ случаемъ! воскликнулъ апуліецъ. — Я вовсе не намѣренъ отдавать тебѣ моего коня совсѣмъ, потому-что не промѣняю его на лучшаго изъ твоихъ. Я хочу только оставить его тебѣ въ залогъ. На твоемъ я доѣду до слѣдующей станціи, гдѣ переимѣню его на другого, и такъ далѣе, пока не доѣду...

Тутъ апуліецъ внезапно остановился, бросивъ недоувѣрчивый взглядъ не на болтливаго почтаря, а на молчаливаго и почти-тельнаго вольноотпущенника, сидѣвшаго въ углу. Послѣ минутной заминки, онъ продолжалъ:

— Пока не доѣду туда, куда мнѣ нужно. Затѣмъ на обратномъ пути буду тоже имѣвать лошадей и возьму назадъ своего Аякса, котораго поручу твоимъ заботамъ.

— О, насчетъ коня будь спокоенъ. Онъ будетъ у меня жирный, гладкій, здоровый. Я знаю какъ ходить за лошадьми. А я, однако, отгадалъ, ты держишь путь далеко! Можетъ быть, до Беневента?..

— Можетъ быть.

— Можетъ быть, до самой Капуи?

— Можетъ быть.

— И, почему знать, не ѣдешь-ли ты прямо въ Римъ?

— Почему знать!

Оба замолчали. Наступила пауза. Апуліецъ насмѣшливо смотрѣлъ на комичную фигуру почтаря, окончательно сбитаго съ толку его отвѣтами. Наконецъ, онъ проговорилъ:

*) У римлянъ почтовые станціи раздѣлялись на классы. На станціяхъ перваго—было 40 лошадей, второго—двадцать.

— Ну? Чего-жь ты остановился? Перечисляй дальше! Развѣ не могу я ѣхать во Флоренцію, въ Равенну, или даже къ Галламъ или Лигурамъ?..

— Юпитерь да будетъ тебѣ спутникомъ! обиженно проговорилъ почтарь. — Ты, кажется, смѣешься надо мной!

— Пожалуй, что и такъ, добродушно сказалъ апуліецъ и, наливъ виномъ свою чашу, подавъ ее хозяину, говоря: — выпей чашу дружбы и не сердись, что я пошутилъ надъ тобой. Ты, кажется, хорошій человекъ, но болтливъ, какъ баба, и не въ мѣру любопытенъ.

— Клянусь тебѣ всѣми богами Олимпа, что у меня ничего дурного нѣтъ на умѣ и пусть молнія Юпитера поразитъ меня, мою жену и дѣтей, если я лгу...

— Не клянись, потому-что я тебѣ и такъ вѣрю. Пей!

— За твое счастливое путешествіе и удачу во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ! сказалъ почтарь, отпивая два или три глотка и снова подавая чашу своему гостю.

Однако, апуліецъ не взялъ ее и сказалъ:

— Поднеси ее этому путешественнику и выпей сперва за его здоровье.

Затѣмъ, обращаясь къ послѣднему, сказалъ:

— Ты, кажется, вольноотпущенникъ?

— Да, я вольноотпущенникъ семейства Манліевъ, почтительно отвѣчалъ тотъ.

— Знаменитое и древнее семейство, замѣтилъ почтарь, — Маркъ Манлій Вулсъ былъ консуломъ въ 280-мъ году; другой Манлій...

— Я ѣду въ Римъ, продолжалъ вольноотпущенникъ, — доложить Титу Манлію о вредѣ, причиненномъ его виллѣ гладіаторами.

— А... гладіаторами! воскликнулъ почтарь испуганнымъ голосомъ. Пожалуйста, не говорите о нихъ... у меня мурашки бѣгаютъ по спинѣ, лишь только вспомню, какъ они проходили здѣсь два мѣсяца тому назадъ.

— Да будутъ они прокляты вмѣстѣ съ своимъ подлымъ предводителемъ! вскричалъ апуліецъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Затѣмъ, обращаясь къ почтарю, онъ спросилъ:

— И много надѣлали они тебѣ убытковъ?

— Признаться, не особенно много... и, говоря правду, они ни чѣмъ не обидѣли ни меня, ни мое семейство. Они забрали только

всѣ мои сорокъ лошадей, но заплатили мнѣ за нихъ чистымъ золотомъ... Конечно, лошади у меня отличныя и стоили дороже; но все-таки могло быть и хуже...

— Еще-бы! вмѣшался въ разговоръ вольноотпущенникъ. — Вѣдь они могли преспокойно увести всѣхъ твоихъ коней, не заплативъ ни одного асса.

— Разумѣется! согласился почтарь. — Затѣмъ, послѣ минутной паузы, онъ прибавилъ въ полголоса, точно опасаясь быть подслушаннымъ: — Гдѣ-бы мнѣ найти на нихъ управу? Да, нужно признаться, что проклятое возстаніе, какъ это ни постыдно для республики, приняло самыя ужасныя размѣры. Нужно было видѣть, сколько ихъ проходило тутъ! Армія, безчисленная армія, которой, казалось, не будетъ конца. А какой порядокъ! Если-бы не стыдно было сравнивать этихъ грабителей съ нашими доблестными воинами, я сказалъ-бы, что ихъ легіоны ничѣмъ не отличались отъ нашихъ...

— Да что ужъ тутъ хитрить! прервалъ его вольноотпущенникъ, — такъ прямо и говори! Какъ это ни печально, а все-таки нужно сказать, что Спартакъ сѣмѣлъ изъ своихъ семидесяти тысячъ рабовъ создать стройную и грозную армію.

— Какъ! воскликнулъ съ изумленіемъ и негодованіемъ апуліецъ, — гнусный гладіаторъ раззорилъ виллу твоего господина, а ты осмѣливаешься защищать его и прославлять его доблести!

— Да предохранить меня отъ этого Юпитеръ! почтительно возразилъ вольноотпущенникъ. Ни защищать, ни прославлять его я никогда не думалъ. Кромѣ того, долженъ сказать тебѣ, что гладіаторы вовсе не раззоряли виллы моего господина.

— Какъ-же ты только-что говорилъ, что ѣдешь въ Римъ доложить Титу Манлію о вредѣ, причиненномъ его виллѣ гладіаторскимъ возстаніемъ?

— Такъ, но все-таки гладіаторы ничего не раззоряли. Я разумѣлъ бѣгство пятидесяти-четырехъ рабовъ изъ семидесяти, находившихся въ виллѣ. Гладіаторы объявили имъ всѣмъ, что они свободны и могутъ либо присоединиться къ возстанію, либо остаться въ виллѣ и пятьдесятъ-четыре ушли, а остались со мною только старики и больные. Что-жъ, развѣ по твоему это не вредъ? Кто теперь станетъ работать, пахать, сѣять, полоть виноградники?

— Провались въ преисподнюю и Спартакъ и его гладіаторы! презрительно воскликнулъ апуліецъ.— Выпьемъ за наше здорье и за ихъ погибель.

Почтарь снова налилъ до краевъ чашу и отпилъ нѣсколько глотковъ за здорье вольноотпущенника, который выпилъ за здорье своихъ собесѣдниковъ и передалъ чашу апулійцу, выпившему, въ свою очередь, за здорье хозяина и вольноотпущенника.

Затѣмъ апуліецъ расплатился и всталъ, чтобы идти въ конюшню выбирать себѣ коня.

— Подожди минутку, достойный гражданинъ, сказалъ почтарь.— Я не хочу, чтобы ты уѣхалъ отъ меня безъ дощечки гостепріимства *).

Съ этими словами онъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, неся тоненькую табличку, на которой было написано: „Ацеліонъ“. Разломавъ ее пополамъ, онъ отдалъ апулійцу одинъ изъ кусочковъ, гдѣ оставалось только „ліонъ“.

— Эта половина таблички поможетъ тебѣ также снискать дружбу всѣхъ хозяевъ почтовыхъ станцій на нѣсколько дней пути въ окрестности. Покажи имъ только дощечку съ моимъ именемъ, и будь увѣренъ, что они сейчасъ-же дадутъ тебѣ лучшаго коня изъ своей конюшни. Такъ всегда бывало съ путешественниками, получавшими мою табличку. Помню еще, какъ, семь лѣтъ тому назадъ, проѣзжалъ здѣсь Корнелій Кризогонъ, вольноотпущенникъ знаменитаго Суллы...

— Спасибо, спасибо, сказалъ апуліецъ, прерывая Ацеліона.— Повѣрь, что, несмотря на твою нескончаемую болтовню, Порцій Мутилій не забудетъ тебя.

— Порцій Мутилій!.. воскликнулъ Ацеліонъ.— Отлично! Сейчасъ-же запишу твое имя въ свою папирусную книгу, чтобы не забыть, потому-что, самъ понимаешь, столько проѣзжаетъ народу, столько новыхъ именъ, что гдѣ-же упомянуть.

Онъ снова вышелъ изъ комнаты, но черезъ минуту вернулся и повелъ Порція Мутилія въ конюшню.

---

*) Дощечкой гостепріимства (*Tessera hospitalis*) называлась у римлянъ маленькая деревянная табличка, на которой хозяинъ писалъ свое имя и, разломавъ ее пополамъ, отдавалъ одну половину гостю, другую оставлялъ себѣ. Эти дощечки сохранялись и передавались затѣмъ потомкамъ, напоминая имъ о гостепріимствѣ и добрыхъ отношеніяхъ предковъ.

Въ это самое время прибылъ новый путешественникъ, въ которомъ по костюму можно было тотчасъ-же узнать раба. Онъ самъ отвелъ своего коня въ конюшню, гдѣ Порцій Мутилій наблюдалъ за конюхомъ, надѣвавшимъ узду и попону на выбраннаго имъ скакуна. Поздоровавшись съ Порціемъ Мутилиемъ и Ацеліономъ обычнымъ „Salvete“, рабъ привязалъ коня къ яслямъ и, засыпавъ ему овса, направился къ дому. Но у воротъ конюшни онъ столкнулся съ вольноотпущенникомъ Тита Манлія, шедшимъ провѣдать своего коня.

— Лафреній, какими судьбами!

— Кребриксъ, ты-ли это! вскричали оба они въ одинъ голосъ.

— Откуда ты? спросилъ рабъ.

— Изъ Брундузіума и ѣду въ Римъ. А ты?

— Я ѣду изъ Рима въ Брундузіумъ.

При этихъ восклицаніяхъ Порцій Мутилій насторожилъ уши и, не подавая вида, сталъ слѣдить за разговаривавшими. Но они, казалось, замѣтили это и заговорили въ полголоса. Черезъ минуту они разстались, пожавъ другъ другу руку; но Порцій, проходя мимо, могъ слышать слова: „у колодца!“, которыми они обмѣнялись при разставаніи.

Выйдя изъ конюшни, апуліецъ сказалъ Ацеліону:

— Подожди меня минутку; я сейчасъ вернусь.

Затѣмъ, обогнувъ уголъ дома, онъ быстро побѣжалъ задами и дѣйствительно увидѣлъ предъ собой колодезь, служившій для поливанія сада и огорода.

Порцій Мутилій спрятался въ кусты и сталъ ждать. Минуты черезъ три онъ услышалъ шумъ шаговъ и увидѣлъ раба, приближавшагося съ правой стороны. Почти въ ту-же минуту съ противоположной стороны показался Лафреній.

— Ну, что скажешь? спросилъ послѣдній, подходя къ рабу.

— Я узналъ, что братъ мой, Марбриксъ, отвѣчалъ тотъ въ полголоса, — бѣжалъ въ лагерь нашихъ друзей и я самъ бѣжалъ изъ виллы своего господина и теперь пробираюсь туда-же.

— А я, сказалъ чуть слышно Лафреній, — ѣду въ Римъ подѣлать докладъ о бѣгствѣ рабовъ изъ виллы моего господина; на самомъ-же дѣлѣ я хочу выкрасть моего дорогого сына, Эгнація, котораго не хочу оставить во власти нашихъ враговъ. А потомъ мы оба бѣжимъ въ лагерь къ Спартаку.

— Ну, прощай. Нужно быть осторожными, чтобы не возбудить подозрѣній. Этотъ апулеецъ очень что-то на насъ косился.

— Да, мнѣ тоже показалось, что онъ слѣдитъ за нами. Прощай и будь счастливъ.

— Твердость!

— И побѣда!

Затѣмъ оба разошлись по противоположнымъ направленіямъ.

Порцій Мутилій вышелъ изъ своей засады и съ удивленіемъ сталъ осматриваться по сторонамъ; онъ никакъ не ожидалъ, чтобы такими оказались предполагаемые имъ враги. Постоявъ съ минуту на мѣстѣ и покачавъ головою, онъ улыбнулся и вышелъ снова къ воротамъ конюшни, гдѣ ждали его Ацеліонъ и конюхъ, державшій подъ уздцы его коня.

Апулеецъ распрощался съ хозяиномъ, вскочилъ на коня и, пришпоривъ его, погналъ крупной рысью по дорогѣ къ Баресу.

Ацеліонъ пробѣжалъ за нимъ шаговъ десять, повторяя:

— Счастливаго пути! Счастливаго пути! Будь здоровъ достойный Порцій Мутилій!.. Смотрите, смотрите, какимъ молодцомъ сидитъ онъ на моемъ Артаксересѣ!

На другой день, прежде чѣмъ успѣло еще взойти солнце, по Эгнаціевой дорогѣ ѣхалъ крупной рысью Порцій Мутилій, въ которомъ читатели, безъ сомнѣнія, узнали смѣлаго Рутілія, предводителя одного изъ гладиаторскихъ легионовъ, отправлявшагося въ Римъ посломъ къ Катилинѣ. Подъѣзжая къ Банузіуму (нынѣшней Каносѣ), онъ замѣтилъ позади себя клубы пыли и вскорѣ увидѣлъ приближавшагося къ нему всадника. Это былъ вольноотпущенникъ Лафреній, съ которымъ онъ встрѣтился наканунѣ у Ацеліона.

— *Salve!* крикнулъ вольноотпущенникъ, обгоняя Рутілія и не поворачивая даже головы, чтобы взглянуть ему въ лицо.

— Здравствуй Лафреній! отвѣчалъ Рутіліій.

— Какъ!.. Кто ты?.. воскликнулъ вольноотпущенникъ, быстро оборачиваясь назадъ. Но узнавъ Рутілія, онъ проговорилъ со вздохомъ облегченія:

— Ахъ, это ты достопочтенный гражданинъ! Да благословятъ тебя боги!

Рутіліій былъ тронутъ видомъ этого бѣднаго отца, пробиравшагося въ Римъ съ надеждой выкрасить любимаго сына и бѣжать

вѣстѣ съ нимъ въ гладіаторскій лагерь, и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на него молча. Но потомъ ему вздумалось подшутить надъ своимъ спутникомъ и, обратившись къ нему, онъ строгимъ голосомъ сказалъ:

— Ты ѣдешь въ Римъ, чтобы взять сына изъ дома твоихъ господъ и благодѣтелей и бѣжать вмѣстѣ съ нимъ къ злодѣю Спартаку.

— Я?.. Что ты говоришь!.. пробормоталъ прерывающимся голосомъ Лафреній, причемъ Рутилію показалось, будто Лафреній сталъ блѣднѣе смерти.

— Не отпирайся, неблагодарный! Я слышалъ все, о чемъ ты говорилъ съ своимъ сообщникомъ у колодца, и въ первомъ - же городѣ я донесу на тебя; передъ преторомъ, въ пыткахъ ты долженъ будешь сознаться въ своемъ предательствѣ!

— Я ни въ чемъ не сознаюсь, проговорилъ вольноотпущенникъ мрачнымъ и угрожающимъ тономъ и не боюсь смерти.

— Даже на крестѣ?

— Даже на крестѣ! Потому-что знаю, какъ отъ нея избавиться.

— Какъ-же ты это сдѣлаешь? съ удивленіемъ спросилъ Рутилій.

— Убью тебя, подлый доносчикъ! бѣшено крикнулъ Лафреній и, выхвативъ изъ-подъ чепрака короткую желѣзную булаву, припорилъ коня и бросился на Рутилія. Но гладіаторъ громко расхохотался.

— Эй, братъ, остановись!.. Твердость и...

Лафреній придержалъ коня и такъ и оставался съ поднятой булавой.

— О!.. вскричалъ онъ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Твердость и... что? спрашивалъ тѣмъ временемъ Рутилій, желая добиться отъ него условнаго отвѣта.

— И побѣда! пробормоталъ, наконецъ, Лафреній, не совсѣмъ еще, казалось, оправившись отъ своего удивленія.

Тогда Рутилій протянулъ ему руку и, пожимая ее три раза, коснулся указательнымъ пальцемъ его лодони. Этотъ знакъ окончательно успокоилъ вольноотпущенника. Что-же касается Рутилія, то онъ и не думалъ сомнѣваться въ своемъ спутникѣ.

Тѣмъ временемъ стемнѣло. Оба всадника тихо ѣхали рядомъ, дружески разговаривая между собою. Вдругъ лошадь Лафренія,

вѣроятно испугавшись тѣни какого-нибудь дерева, шарахнулась всторону и, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, грохнулась въ канаву, вырытую вдоль дороги.

На крикъ вольноотпущенника Рутилій соскочилъ съ коня и, привязавъ его къ дереву, прыгнулъ въ канаву, желая помочь своему товарищу. Но не успѣлъ онъ еще хорошенько разглядѣть въ чемъ дѣло, какъ почувствовалъ ударъ булавы въ бокъ. Рутилій упалъ и прежде чѣмъ успѣлъ подняться на ноги, новый ударъ окончательно свалилъ его.

Тутъ только гладиаторъ понялъ, что попался въ сѣти, разставленныя ему съ такимъ адскимъ коварствомъ. Выхвативъ изъ-подъ туники кинжалъ, онъ кинулся на Лафренія, заносившаго въ третій разъ булаву надъ головой Рутилія.

— А, подлый измѣнникъ! Ты умѣешь нападать только сзади.

Онъ ударилъ его кинжаломъ въ грудь, но убійца носилъ подъ туникой вольчугу.

Тогда завязалась короткая и отчаянная борьба между Рутиліемъ, покрытымъ ранами, почти умирающимъ, и Лафреніемъ; хотя послѣдній былъ силенъ и совершенно невредимъ, однако дрожалъ подъ взглядомъ безстрашнаго юноши. Нѣсколько мгновений на темномъ днѣ рва слышны были только глухіе крики, подавленные проклятія и стоны. Наконецъ, раздалось глухое паденіе какого-то тѣла и чуть слышное восклицаніе Рутилія:

— Будь проклять, предатель!..

Затѣмъ все смолкло.

Лафреній наклонился къ убитому и, удостовѣрившись, что сердце его перестало биться, вышелъ на дорогу и направился къ тому мѣсту, гдѣ былъ привязанъ конь Рутилія, напѣвая въ полголоса:

Красавица Венера
Хитрѣй была Паллады...

— ° Боги! вскричалъ онъ вдругъ, чувствуя, что ноги его подкашиваются. — У меня темнѣетъ въ глазахъ... Что-бы это значило?..

Съ этими словами онъ грохнулся на землю.

— Здѣсь что-то горитъ, сказалъ онъ, поднося руку къ шеѣ и тотчасъ-же отдернулъ ее потому, что рука погрузилась во что-то теплое.

— О, Юпитерь!.. пробормоталъ онъ слабѣющимъ голосомъ.— Онъ ранилъ меня... сюда... въ шею... единственное мѣсто... гдѣ не было... кольчуги...

Онъ пытался встать, но споткнулся и упалъ снова. Кровь густыми клубами лилась изъ шейной артеріи.

Тутъ-то, на пустынной дорогѣ, во мракѣ ночи, среди отчаянныхъ усилій приподняться или призвать кого-нибудь на помощь, умеръ послѣ мучительной агоніи человекъ, именовавшій себя Лафреніемъ, въ которомъ читатели, конечно, давно уже узнали гнусное орудіе мести коварной Эвтибиды. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него лежалъ съ восемью ранами на головѣ несчастный Рутилій.

ГЛАВА XVII.

Арториесъ *) въ роли скомороха.

Начиная съ четырнадцатаго дня передъ январскими календарями, Римъ въ теченіи трехъ дней представлялъ собой зрѣлище, можно сказать, единственное. Это были такъ-называемыя *сатурналіи*, дни, посвященные богу Сатурну, который, по преданію, царствовалъ на землѣ въ такъ-называемый золотой вѣкъ, когда всѣ люди были равны и между ними не было ни господъ, ни рабовъ.

Въ воспоминаніе объ этомъ счастливомъ времени, въ Римѣ давалась свобода рабамъ на три дня. Они признавались равными всѣмъ гражданамъ и могли веселиться и пить за одними столами съ гражданами, всадниками и сенаторами. По прошествіи трехъ дней, рабы лишались всѣхъ этихъ правъ.

Пусть читатель вообразить себѣ вѣчный городъ въ тѣ дни, когда все несмѣтное населеніе его **), вмѣстѣ съ массой окрестныхъ жителей, кишѣло на улицахъ, на форумѣ, въ базиликахъ,

*) Въ XIV главѣ романа, Арториесъ, юноша, влюбленный въ Мирку, по ошибкѣ названъ Борториксомъ. Борториксъ — одинъ изъ военачальниковъ въ войскѣ глadiatorовъ, имя котораго тоже встрѣчается въ романѣ.

***) По переписи, произведенной за одиннадцать лѣтъ до описываемой эпохи, число гражданъ простиралось до полумилліона, число-же рабовъ въ Римѣ было, по-крайней-мѣрѣ, вчетверо больше числа свободныхъ гражданъ.

Прим. переводчика.

предаваясь самому необузданному веселью. Точно громадный потокъ изъ человѣческихъ тѣлъ, двигалась многоголовая толпа по улицамъ, оглашая воздухъ громкими криками: „Jo bona saturnalia!“ (Да здравствуютъ веселыя сатурналии). „Jo bona saturnalia!“

Въ этотъ то день молодой человѣкъ высокаго роста съ длинными бѣлокурыми кудрями входилъ въ эсквилинскія ворота. На правомъ плечѣ онъ несъ небольшую складную лѣсенку, нѣсколько веревокъ и пучекъ желѣзныхъ колець; на лѣвомъ сидѣла маленькая обезьяна; сзади шла собака.

Этотъ молодой человѣкъ былъ Арториксъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ центру города, до него все громче и громче доносился гулъ толпы и, наконецъ, послышались крики:

— Jo bona saturnalia!

Не успѣлъ онъ повернуть на Баринскую улицу, какъ увидѣлъ идущую ему на встрѣчу толпу. Размахивая руками и прыгая, тысячи людей приближались, распѣвая гимнъ въ честь Сатурна.

Знакомый съ римскими костюмами, Арториксъ разглядѣлъ въ этой бѣснующейся толпѣ пурпурныя тоги всадниковъ, коричневыя туники капоцентовъ, бѣлыя столлы благородныхъ патриціановъ и красныя плащи рабовъ.

Онъ отошелъ въ сторону и прижался къ стѣнѣ, стараясь спрятать обезьяну, собаку, лѣсенку и другіе атрибуты своего ремесла; повидимому, онъ не хотѣлъ давать представленіе этой толпѣ. Однако, надежды его остаться незамѣченнымъ не оправдались.

— Скоморохъ, скоморохъ! закричало тотчасъ-же нѣсколько голосовъ.

— Да здравствуетъ скоморохъ! подхватила толпа.

— Покажи-ка намъ свои штуки!

— Почти сатурналии!

— Посмотримъ, что умѣетъ дѣлать твоя обезьяна!

— А ну-ка заставь попрыгать свою собаку!

— Обезьяну! Обезьяну!

— Собаку! Собаку!

— Разступитесь! Разступитесь!

— Дайте мѣсто скомороху!

— Становитесь въ кругъ!

— Разступитесь! Разступитесь!

Всѣ кричали, что нужно разступиться, а между тѣмъ каждый поднимался на цыпочки, чтобы взглянуть на скомороха и его животныхъ, и никто не двигался съ мѣста.

Арториксъ былъ такъ прижатъ къ стѣнѣ, что не могъ шевельнуться.

— Хорошо, хорошо, сказалъ онъ, видя полную невозможность отдѣлаться отъ обступившей его толпы, — я и мои звѣрьки почтимъ, какъ умѣемъ, праздники Сатурна и позабавимъ васъ, добрые квириты, но только разступитесь-же и дайте мнѣ мѣсто.

— Твоя правда!

— Онъ говорить дѣло!

— Разступитесь! Разступитесь!

— Дайте мѣсто!

— Подайтесь назадъ!

Но всѣ кричали, а никто не двигался.

Наконецъ, чей то громовый голосъ крикнулъ:

— Пойдемъ съ нимъ на площадь!

— Да, да, на площадь! закричало сперва десять, потомъ двадцать, потомъ сто голосовъ.

Толпа двинулась назадъ, ведя съ триумфомъ Арторикса. Музыканты, бывшіе прежде въ головѣ колонны, теперь очутились въ хвостѣ, что не помѣшало имъ снова заиграть прерванный гимнъ, подхваченный тотчасъ-же тысячами голосовъ. Вся эта толпа, къ которой приставали попадавшіеся ей на пути, дошла, наконецъ, до Каринской площади, гдѣ можно было приступить къ представленію. Арториксъ снялъ съ плечъ лѣсенку, разставилъ ее посреди круга и сталъ доставать остальные принадлежности. Толпа нетерпѣливо ждала; передніе зрители стояли сплошной стѣной; задніе влѣзали на скамейки, на ступеньки портиковъ и даже на окна сосѣднихъ домовъ.

Окончивъ всѣ приготовленія, молодой галлъ взялъ два костяныхъ шарика, одинъ бѣлый, другой красный и, подойдя къ толпѣ, передалъ ихъ одному изъ зрителей, проговоривъ:

— Пусти по рукамъ!

Затѣмъ онъ обратился къ своей собакѣ, сидѣвшей съ поджатымъ хвостомъ и смотрѣвшей умными глазами на публику:

— Эндиміонъ!

Собака вскочила на ноги и, махая хвостомъ, стала смотрѣть

въ глаза своему господину, какъ-будто желая сказать, что готова исполнить его приказаніе.

— Ступай найди и принеси мнѣ бѣлый шарикъ.

Собака тотчасъ-же бросилась къ тому мѣсту, гдѣ передавался изъ рукъ въ руки бѣлый шарикъ.

— Нѣтъ! найди мнѣ красный, сказалъ Арториксъ.

Собака тотчасъ-же бросилась въ другую сторону.

— Пстой! крикнулъ Арториксъ.

Собака тотчасъ-же остановилась.

Затѣмъ, обращаясь къ публикѣ, Арториксъ сказалъ:

— Пусть тотъ, въ чьихъ рукахъ находится одинъ изъ шариковъ, не передаетъ его больше никому. Мой Эндимионъ найдетъ, у кого шарикъ.

Ропотъ недовѣрія и любопытства пробѣжалъ по толпѣ. Но въ ней тотчасъ-же воцарилась глубокая тишина, когда Арториксъ, скрестивъ руки на груди, scomандоваль:

— Эндимионъ, принеси мнѣ бѣлый шарикъ!

Эндимионъ нѣсколько мгновений понюхаль воздухъ, затѣмъ рѣшительно направился въ толпу, проворно шныряя между ногами зрителей, подошелъ къ одному всаднику и, положивъ обѣ лапы на его плечо, умилно сталъ смотрѣть ему въ глаза.

Всадникъ вынулъ изъ подъ обшитой пурпуромъ тоги бѣлый шарикъ и подаль его собакѣ, которая, схвативъ его въ ротъ, принесла хозяину.

Громкія рукоплесканія привѣтствовали возвращеніе Эндимиона, но они превратились въ неистовые крики восторга, когда собака съ такимъ-же проворствомъ нашла красный шарикъ.

— Дай мнѣ твою шапку, сказалъ Арториксу, выступая изъ толпы, всадникъ, у котораго оеазался бѣлый шарикъ. — Я сдѣлаю сборъ для тебя и для твоихъ звѣрьковъ.

Арториксъ снялъ шапку и подаль ее всаднику, который первый бросилъ туда сестерцію и сталъ затѣмъ обходить толпу. Тотчасъ-же ассы (су), полу-ассы (поль-су) и терунціи (сантимы) посыпались въ шапку scomороха. Тѣмъ временемъ онъ вынулъ изъ сумки игральныя кости и вскричалъ:

— Ну, а теперь, Эндимионъ и Психея, сыиграйте-ка въ кости! Поважите этимъ благороднымъ и щедрымъ господамъ, кто изъ васъ ловче и кто счастливѣе.

Среди грознаго хохота толпы собака и обезьяна усѣлись другъ противъ друга.

Игру началъ Эндимионъ. Когда Арториксъ поднесъ собакѣ мѣшочекъ съ костями, она подбросила его лапою такъ сильно, что кости разлетѣлись далеко по площадѣ и подкатились къ самымъ ногамъ зрителей. Тотчасъ-же нѣсколько человекъ нагнулись, чтобы узнать, что бросила собака, и, хлопая въ ладоши, закричали:

— Венера, Венера! Молодецъ Эндимионъ!

Собака какъ-будто понимала, что сдѣлала хорошій ударъ, потому-что весело замахала хвостомъ.

Арториксъ подобралъ кости, уложилъ ихъ снова въ мѣшочекъ и подалъ Психеѣ.

Обезьяна схватила лапкой мѣшочекъ и стала трясти его съ тысячею ужимокъ и гримасъ, возбуждавшихъ всеобщій хохотъ. Наконецъ, она выбросила кости на землю.

— Венера! У нея тоже Венера, раздалось нѣсколько голосовъ. — Браво Психея, да здравствуетъ Психея!

Обезьяна вскочила на заднія лапки и руками посылала публикѣ поцѣлуй въ знакъ благодарности. Восторгъ толпы достигъ своего апогея.

Въ это время всадникъ, предложившій сдѣлать сборъ въ пользу Арторикса, вернулся и подалъ ему шапку, полная до-верху наполненную мелкой мѣдной монетой. Молодой галлъ поблагодарилъ римлянина за его любезность и высыпалъ деньги въ кожаный мѣшокъ, висѣвшій у него на поясѣ. Онъ собирался продолжать свое представленіе, но въ это время громкіе крики, доносившіеся изъ одной изъ улицъ, выходившихъ на площадь, отвлекли отъ него вниманіе публики.

Толпа шутовъ и мимовъ, размалеванныхъ и разодѣтыхъ самымъ причудливымъ образомъ, подъ звуки флейтъ и цитръ плясала какой-то танецъ. Остановившись на площади, актеры начали представлять непристойный, циническій фарсъ среди громкихъ рукоплесканій зрителей, совершенно забывшихъ о скomorохѣ.

Воспользовавшись этой минутой, Арториксъ проворно сложилъ гѣсенку и всѣ свои принадлежности, посадилъ себя на руку обезьяну и кое-какъ пробрался сквозь толпу въ трактиръ, гдѣ спросилъ себя стаканъ вина. Окончательно удостовѣрившись, что пуб-

лика вся поглощена представленіемъ мимовъ, онъ вышелъ на улицу и направился къ Большому Цирку.

Пока Арториксъ, усердно работая локтями, медленно подвигается по запруженнымъ народомъ улицамъ, расскажемъ вкратцѣ нашимъ читателямъ, какъ и почему очутился онъ въ Римѣ въ такой странной роли.

На другой день послѣ убійства несчастнаго Рутілія, отрядъ гладіаторскихъ всадниковъ, выѣхавшій на фуражировку, случайно узналъ о загадочномъ убійствѣ двухъ неизвѣстныхъ людей, изъ которыхъ одинъ, по рассказамъ, походилъ на зажиточнаго земледѣльца, другой—на вольноотпущенника какой-нибудь богатой фамиліи.

Случилось такъ, что начальникъ кавалерійскаго отряда имѣлъ интрижку съ одной крестьянкой той самой мѣстности, гдѣ были найдены трупы, и потому онъ обрадовался случаю повидаться со своей возлюбленной. Подъ предлогомъ, что таинственное злодѣйство, произведенное на большой дорогѣ неподалеку отъ ихъ лагеря, легко можетъ быть приписано гладіаторамъ, онъ поѣхалъ на мѣсто преступленія освидѣтельствовать трупы и, если возможно, открыть истинныхъ виновниковъ убійства. Каково-же было удивленіе гладіаторовъ, когда въ одномъ изъ убитыхъ они узнали начальника одного изъ своихъ легионовъ, храбраго Рутілія, переедѣвагоса по совершенно непонятной имъ причинѣ, калабрійскимъ земледѣльцемъ.

Такимъ образомъ, Спартакъ узналъ о печальной кончинѣ своего друга и сподвижника, а также и о томъ, что въ его собственномъ лагерѣ скрывается какой-то измѣнникъ, старающійся вредить его планамъ.

Предавъ тѣло Рутілія почетному погребенію, Спартакъ сталъ думать о послѣдѣ къ Катилинѣ новаго посла. Такъ-какъ дѣло это уже было рѣшено совѣтомъ, то онъ счелъ себя въ правѣ никому не говорить относительно выбора человека, которому хотѣлъ довѣрить это трудное предпріятіе. Выборъ его остановился на безгранично преданномъ ему Арториксѣ.

Чтобы избѣжать опасности во время пути, Арториксъ рѣшился передѣться бродячимъ фокусникомъ; еще въ гладіаторской школѣ онъ для забавы учился этому искусству. Случай помогъ ему осуществить свой планъ. Въ окрестностяхъ оказался бродячій фокус-

никъ, у котораго Арториксъ купилъ двухъ звѣрей, научившись отъ него предварительно продѣлывать съ ними разныя штуки. Незамѣтно покинулъ онъ лагерь и совершенно спокойно добрался до Рима, куда къ празднику сатурналіевъ стекались люди его профессіи не только изъ всей Италіи, но даже со всѣхъ концовъ вселенной.

Счастливо достигнувъ Вѣчнаго города, Арториксъ спѣшилъ увидѣть Катилину, чтобы поскорѣй передать грозному патрицію предложеніе Спартака. Пробираясь по Палатинской улицѣ, ведущей къ Большому Цирку, неподалеку отъ котораго находился домъ Катилины, Арториксъ дошелъ до Саллійской площади, гдѣ среди невыразимаго шума и гама пировала разношерстая толпа людей.

— Слава Сатурну и нашему трактирщику Куріону! кричалъ во все горло рабъ каппадокіецъ громаднаго роста, сидѣвшій на краю стола. — Лучшихъ свиныхъ колбасъ не ѣдалъ ни Лукулль, ни Маркъ Крассъ.

— „Jo! bona saturnalia!“ кричалъ полупьяный рабъ, съ трудомъ поднимаясь на ноги и подставляя трактирщику свой пустой стаканъ.

— „Jo! Jo! bona saturnalia!“ подхватили его сотрапезники, тоже вставая со своихъ мѣстъ и наливая чаши виномъ.

Когда шумъ нѣсколько утихъ, каппадокіецъ, одинъ оставшійся на ногахъ, вскричалъ:

— Пью за возвращеніе царства добраго Сатурна, когда не было на землѣ ни рабовъ, ни господъ и всѣ люди были равны.

— Но если-бы эти времена вернулись, ты не ѣлъ-бы больше колбасъ Куріона и не пилъ-бы этого прекраснаго фалернскаго, замѣтилъ ему одинъ изъ римлянъ.

— Ну такъ что-жь? съ негодованіемъ воскликнулъ каппадокіецъ. — Развѣ нельзя жить безъ фалернскаго? Развѣ свѣжая вода моихъ родныхъ горъ не утоляетъ жажду свободаго челоуѣка?

— Нѣтъ ужъ спасибо! отвѣчалъ съ циническимъ смѣхомъ другой рабъ. — Вода хороша для ваннъ и омовенія, а не для питья. Я предпочитаю фалернское.

— И плетку надсмотрщика! презрительно прибавилъ каппадокіецъ. — О, Гинетій, какъ тебя изуродовало долгое рабство!

Арториксъ остановился и подсѣлъ къ пирующимъ. Любопытство его было сильно возбуждено.

— Эй, милѣйшій Эдіохъ! воскликнулъ одинъ изъ гражданъ, обращаясь къ каппадокійцу. — Мнѣ сдается, что ты, прикрываясь свободой сатурналиевъ, проповѣдуешь возстаніе рабовъ и поддержишь Спартака!

— Провались въ преисподнюю презрѣнный гладіаторъ! вскричалъ одинъ патрицій, пришедшій въ негодованіе при одномъ этомъ имени.

— Пусть Миносъ повѣнчаетъ его съ тремя фуриями! воскликнулъ вслѣдъ за нимъ римскій гражданинъ.

— Будь онъ проклятъ! крикнуло пять или шесть сотрапезниковъ каппадокійца.

— О, доблестные, о, мужественные люди! сказалъ съ насмѣшливымъ спокойствіемъ каппадокіецъ. — Не мечите напрасно своихъ стрѣлъ противъ презрѣннаго гладіатора, который такъ далеко.

— Клянусь богами Олимпа, этотъ низкій рабъ осмѣливается оскорблять насъ, римскихъ гражданъ, и восхвалять презрѣннаго варвара!

— Не горячитесь, не горячитесь! отвѣчалъ Эдіохъ. — Я никого не хочу оскорблять, тѣмъ паче васъ, доблестные патриціи и граждане, изъ коихъ одинъ доводится мнѣ господиномъ. Я не пристану, какъ не присталъ до сихъ поръ къ Спартаку, потому-что не вѣрю въ успѣхъ его возстанія. Противъ него счастье Рима, покровительствуемаго богами. Но ненавидѣть Спартака за-то, что онъ хочетъ возвратить свободу своимъ братьямъ по несчастію и презирать его за то, что онъ побѣждаетъ ваши легіоны, я не могу и говорю вамъ это прямо, пользуясь свободой сатурналиевъ *).

Громкое неодобреніе было отвѣтомъ на слова каппадокійца, и гражданинъ, бывшій его господиномъ, съ гнѣвомъ воскликнулъ:

— О, Юпитеръ Громовержецъ, что мнѣ приходится слышать! Клянусь тебѣ, мнѣ легче было-бы, если-бы ты сталъ поносить меня, мою жену, честь моего дома! Моли, моли своихъ боговъ, чтобы я забылъ твои гнусныя рѣчи, когда пройдутъ сатурналіи!

— Защищать гладіатора!

— Превозносить его подвиги!

---

*) Во время сатурналиевъ рабы имѣли право безнаказанно бранить даже собственныхъ господъ.

— И притомъ въ такую минуту, когда мы испытываемъ всѣ горькія послѣдствія его возстанія! воскликнулъ хозяинъ капшадокійца.—Когда по его винѣ не найдется и десятка гладіаторовъ для боя въ циркѣ въ честь Сатурна!

— Какъ, неужели? вскричали въ одинъ голосъ шесть или семь человѣкъ.

— Да, въ этомъ году сатурналіи пройдутъ безъ гладіаторскихъ боевъ!

— О боги, какое несчастье!

— Какое безпримѣрное несчастье!..

Долго еще продолжались сѣтованія опечаленныхъ гражданъ, но Арториксъ уже не слыхалъ ихъ; онъ ушелъ, пробираясь далѣе.

Послѣ двухъ часовъ неутомимой работы плечами и локтями, ему удалось, наконецъ, добраться до дома Катилины, портикъ котораго былъ весь запруженъ безчисленными кліентами, вольноотпущенниками и рабами фамиліи Сергіевъ. Триблиній также былъ биткомъ набитъ гостями, какъ-то свидѣтельствовалъ шумъ, пѣсни и звонъ чашъ, доносившійся оттуда.

Появленіе скомороха было встрѣчено неистовыми рукоплесканіями и Арториксу пришлось снова показывать свое искусство передъ этой публикой. Нечего и говорить, что и здѣсь необыкновенныя штуки, продѣланныя Эндимиономъ и Психеей, вызвали всеобщій восторгъ и удивленіе.

Тѣмъ временемъ какъ одинъ изъ гостей Катилины обходилъ зрителей съ шапкой Арторикса, послѣдній подошелъ къ дворецкому, котораго узналъ по нѣкоторымъ особенностямъ его востюма и тихо сказалъ ему, что желалъ-бы повидаться съ его господиномъ по очень важному дѣлу.

Дворецкій смѣрилъ его подозрительнымъ взглядомъ и презрительно пробормоталъ:

— Моего господина нѣтъ дома.

— Ну, а если меня прислала къ нему одна изъ жриць богини Весты?.. спросилъ Арториксъ въ полголоса.

Дворецкій, собиравшійся уже было уходить, быстро обернулся.

— А! Такъ вотъ что! воскликнулъ онъ.—Затѣмъ съ лукавой улыбкой прибавилъ:

— Понимаю, понимаю... ремесло скомороха не мѣшаетъ тебѣ заниматься также ремесломъ вѣстника любви... Да, да! Понимаю!

— Ты необыкновенно проникателенъ, отвѣчалъ съ тонкой насмѣшкой Арториксъ и затѣмъ добродушно прибавилъ: — Что подѣлаешь! Приходится изворачиваться какъ умѣешь, чтобы свести концы съ концами.

— Что-жь! Дѣло хорошее. Я ничего противъ этого не имѣю, замѣтилъ дворецкій. — А если хочешь видѣть Катилину, то ступай на форумъ. Онъ теперь долженъ быть тамъ.

Съ этими словами дворецкій удалился.

Арториксъ тотчасъ-же сталъ спускаться съ Палатинскаго холма и довольно скоро дошелъ до форума. Но здѣсь давка была такъ велика, что подвигаться можно было только съ медленностью часовой стрѣлки. Около трехсотъ тысячъ человѣкъ толпились на площади, гдѣ находился храмъ Сатурна, имя котораго стonomъ стояло въ воздухѣ. Шумъ и гамъ усиливался еще криками безчисленныхъ торговцевъ съѣсными припасами и всякой мелочью, скомороховъ, фокусниковъ, мимовъ, заклинателей.

Молодой гладиаторъ предоставилъ себя этой живой рѣкѣ и медленно подвигался вмѣстѣ съ нею къ храму Сатурна.

Впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него шли три человѣка, на которыхъ Арториксъ не могъ не обратить вниманія. Это были двое юношей, очевидно, патриціевъ, недавно только надѣвшихъ тоги взрослыхъ. Одному изъ нихъ было года двадцать-два. Блѣдное, окаймленное черными кудрями, лицо его было задумчиво; черные, полные мысли, глаза равнодушно переносились съ одного предмета на другой. Спутникъ его былъ юноша лѣтъ восемнадцать, съ правильнымъ мужественнымъ лицомъ, въ которомъ, несмотря на мягкость контуровъ, можно было замѣтить уже отпечатокъ твердаго, рѣшительнаго характера. Первый изъ этихъ молодыхъ людей былъ поэтъ Лукрецій, второй Кай Кассій, впоследствии глава заговора противъ Юлія Цезаря.

Въ третьемъ Арториксъ узналъ комедіанта Метробія, котораго часто видалъ въ домѣ Суллы.

— Смотрите! смотрите, вонъ стоитъ Клавдія! воскликнулъ Кассій, устремляя восторженный взглядъ на римлянку, стоявшую у колонны одного изъ ближайшихъ портиковъ, рядомъ съ молодымъ мальчикомъ, очевидно, ея братомъ. — Боги, какъ она хороша! Какъ божественно хороша!

— Если ты ее такъ любишь, отвѣчалъ Лукрецій, — то о тебѣ жалѣть нечего. Побѣдить эту красавицу очень легко.

— Да, подтвердилъ Метробій, — она не изъ тѣхъ, которыя заставляютъ томиться слишкомъ долго.

— А замѣчаешь, какъ она похожа на брата?

— Какъ двѣ капли воды.

Въ эту минуту толпа вдругъ остановилась и Арториевъ могъ отлично рассмотреть ту, о которой шла рѣчь.

Ей было лѣтъ двадцать. Высокая, стройная какъ Гера, она была одѣта въ узкую короткую туннику, плотно облегающую ея станъ, нисколько не скрывающая его изящныхъ контуровъ. Матовой бѣлизны лицо, обрамленное густыми бѣлокурыми волосами, можно было-бы принять за лицо мраморной статуи, работы Фидія, если-бы не подвижный, нѣсколько чувственный ротъ и пара свѣрыхъ, дерзкихъ и вызывающихъ глазъ, сверкавшихъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ.

Рядомъ съ молодой женщиной, успѣвшей уже получить разводъ отъ своего перваго мужа, стоялъ ея четырнадцати-лѣтній братъ Клавдій, до такой степени похожій на нее, что если-бы не костюмъ, ихъ легко можно было-бы смѣшать другъ съ другомъ. Глядя на новинное личико прелестнаго мальчика, никто не угадалъ-бы въ немъ будущаго крамольнаго трибуна черни, который, черезъ нѣсколько лѣтъ спустя, долженъ былъ залить кровью своихъ согражданъ плиты этого самаго форума.

— Венера и Діана, какими ихъ представляетъ себѣ суевѣрная толпа, не могли-бы быть прекраснѣе ея! воскликнулъ Кассій послѣ нѣсколькихъ мгновеній безмолвнаго восхищенія.

— Венера, пусть будетъ одна Венера и не трогай цѣло-жудренную Діану! сказалъ, улыбаясь, Лукрецій. — Сравненіе было-бы слишкомъ неподходящее для твоей легкодоступной богини.

Въ это время толпа снова двинулась дальше и вскорѣ Кассій и его спутники очутились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ портика храма Весты, гдѣ стояла Клавдія.

— Привѣтъ тебѣ Клавдія, прелестнѣйшая изъ всѣхъ римскихъ красавицъ! крикнулъ Кассій, прикладывая руку къ губамъ.

Клавдія отвѣчала на привѣтствіе легкимъ наклоненіемъ головы и бросила на юношу взглядъ полный огня.

— Вотъ взглядъ, общающій многое, съ улыбкой шепнулъ своему другу Лукрецій.

— Понимаю твой восторгъ, вмѣшался въ разговоръ Метробій.— Никогда не видалъ я другой такой красавицы... кромѣ развѣ одной гречанки—Эвтибиды...

— Эвтибиды! воскликнулъ Лукрецій, вздрогнувъ при этомъ имени.

Затѣмъ послѣ минутной паузы онъ спросилъ:

— А гдѣ она теперь?

— Не повѣришь! А между тѣмъ это сущая правда, отвѣчалъ комедіантъ.— Она въ лагерьъ гладіаторовъ!

— Что-жь? По моему ей тамъ какъ-разъ и мѣсто, сказалъ Лукрецій.

— Но удивительнѣе всего, продолжалъ Метробій, — что она ушла въ лагерьъ этихъ разбойниковъ только потому, что влюблена до безумія въ одного изъ нихъ—въ Спартака.

— Что-жь! Теперь у нея любовникъ вполне ея достойный!

— Нѣтъ, влянусь Юпитеромъ, она осталась ни съ чѣмъ; потому-что этотъ глупый варваръ съ презрѣніемъ отвергъ ея любовь...

— Нашла коса на камень! пробормоталъ Лукрецій.

— А знаете-ли, снова началъ Метробій,—я самъ чуть-было не попалъ въ лагерьъ Спартака.

— Ты! воскликнули оба патриція.— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобъ слѣдить за каждымъ его шагомъ, увѣдомлять консуловъ заранѣе обо всѣхъ его планахъ и, такимъ образомъ, спасти отечество.

Оба патриція громко захохотали.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! воскликнулъ комедіантъ, а кто, какъ не я, два года тому назадъ, донесъ консулу Лукуллу о готовящемся возстаніи гладіаторовъ? Кто, какъ не я, подслушалъ ихъ въ рошѣ богини Фурины?

„Хорошо, будемъ знать!“ подумалъ про себя Арториекъ.

Что отвѣчали Метробію его спутники, онъ не могъ разслышать, вслѣдствіе страшнаго шума и громкихъ криковъ новой толпы, пробирающейся въ храмъ. Впереди шли музыканты, а за ними человѣкъ пятьдесятъ какихъ-то оборванцевъ, блѣдныхъ и изможенныхъ, съ кусками цѣпей въ рукахъ, съ триумфомъ несли на своихъ плечахъ городского претора.

— Что это такое? воскликнулъ Лукрецій.— Ахъ да! Это преступники, сидѣвшіе въ Мамертинскихъ тюрьмахъ въ ожиданіи казни. Теперь по обычаю они выпущены на свободу и несутъ на алтарь Сатурна свои цѣпи.

— Смотри, смотри вояъ выходятъ изъ храма весталки!

— А вотъ и Катилина, прибавилъ Метробій.— Смотрите, какими хищными глазами онъ глядитъ на одну изъ цѣломудренныхъ жриць!..

Пока Кассій и Лукрецій болтали объ извѣстной всему Риму преступной связи Катилины съ одной изъ весталокъ, Арториекъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобъ поскорѣй пробраться къ грозному патрицію.

— Свѣтъ и свобода! шепнулъ онъ ему на ухо, когда, наконецъ, ему удалось подойти къ нему.

Катилина вздрогнулъ, быстро обернулся и, нахмуривъ брови и лобъ, строго, почти грозно спросилъ мнимаго скомороха:

— Что это значить?

— Я присланъ къ тебѣ изъ Апуліи, прошепталъ Арториекъ, — отъ Спартака, чтобы переговорить съ тобой, Катилина, о дѣлѣ первостепенной важности.

Патрицій снова устремилъ на молодого гладіатора свои сѣрые сверкающіе глаза и тихо проговорилъ:

— Хорошо... слѣдуй за мной издали, и когда выйдемъ на пустынное мѣсто, я выслушаю тебя.

Долго шелъ Катилина. Онъ прошелъ форумъ, миновалъ храмъ Геркулеса и войдя, наконецъ, въ притворъ храма богини цѣломудрія, остановился. Арториекъ тотчасъ-же подошелъ къ нему.

Молодой галлъ изложилъ тогда Катилинѣ предложеніе Спартака. Горячо, страстно и правдиво изобразилъ онъ ему силу гладіаторской арміи; весьма искусно уиѣлъ онъ польстить самолюбію гордаго патриція, говоря, что когда онъ станетъ во главѣ гладіаторскихъ легионовъ, силы ихъ вскорѣ удвоятся и не пройдетъ и года, какъ они явятся у воротъ Рима законодателями его судьбъ.

Кровавымъ блескомъ сверкали глаза Катилины, пока онъ слушалъ рѣчь гладіатора; всѣ мускулы его грозно-выразительнаго лица подергивались судорогами; отъ времени до времени онъ сжи-

маль свои могучіе вѣлаки и издавалъ звуки, похожіе скорѣе на рычаніе звѣря.

Когда Арториксъ замолчалъ, Катилина не сразу могъ отвѣтить ему.

— Заманчиво... твое предложеніе... о юноша, сказалъ онъ, наконецъ, прерывающимся голосомъ,—и искушаетъ оно меня безмѣрно... Хотя не скрою отъ тебя, что мнѣ... какъ римлянину и патрицію... внушаетъ величайшее отвращеніе мысль стать во главѣ войска рабовъ... Во всякомъ случаѣ имѣть подъ своей командой цѣлое войско, вести его отъ побѣды къ побѣдѣ, раздавить презрѣнныхъ олигарховъ, попирающихъ насъ ногами... О, я чувствую, что одна мысль объ этомъ...

— Не затмить твоего разсудка настолько, чтобъ заставить тебя забыть, что ты родился римляниномъ и патрицемъ, и что если мы хотимъ раздавить оптиматовъ, то руками свободныхъ людей, силою римскаго оружія, не прибѣгая къ постыдному содѣйствію рабовъ и варваровъ!

Такъ проговорилъ другой патрицій, лѣтъ тридцати, высокаго роста, съ гордымъ, чисто-римскимъ лицомъ, выступая, совершенно неожиданно для обоихъ собесѣдниковъ, изъ-за колонны портика.

— Лентуль Сура! воскликнулъ удивленный Катилина.—Какъ ты сюда попалъ?..

— Я заподозрѣлъ мнимаго скомороха и слѣдилъ за тобою издали, чтобъ помѣшать тебѣ сдѣлать непоправимую ошибку. Я тебя предсказывалъ не разъ, что судьба опредѣлила тремъ Корнеліямъ быть владыками Рима. Относительно двоихъ это предсказаніе уже исполнилось: Корнелій Цинна и Корнелій Сулла были уже владыками Рима. Ты третій избранникъ судьбы и я не хочу, чтобы опрометчивымъ поступкомъ ты удалился отъ своей цѣли, вмѣсто того, чтобъ приблизиться къ ней.

— Ты думаешь, стало-быть, возразилъ Катилина,—что намъ можетъ представиться другой, столь-же благоприятный, случай, и мы будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи армию столь-же многочисленную, готовую исполнить всякое наше приказаніе?..

— Я думаю, прервалъ его Лентуль Сура,—что, принявъ предложеніе Спартака, мы мало того что сдѣлаемся предметомъ ненависти и презрѣнія всѣхъ римлянъ и всей Италиі, но и будемъ бороться не на пользу плебеевъ, капитоцентовъ и всѣхъ обездо-

ленныхъ оптиматами, а на пользу однихъ варваровъ, ненавидящихъ римское имя. Когда, благодаря нашей помощи, они сдѣлаются владыками Рима, то неужели ты думаешь, они позволятъ намъ управлять собою? Всякій гражданинъ будетъ въ ихъ глазахъ врагомъ, котораго нужно уничтожить. Такимъ образомъ, думая раздавить оптиматовъ, мы разрушимъ собственными руками наше отечество.

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Лентуль Сура, лицо Катилины дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе. Ясно было, что энтузіазмъ, которымъ воспламенили его слова Арторикса, мало-по-малу уступалъ мѣсто тяжелому разочарованію. Когда-же Лентуль Сура замолчалъ, свирѣпый убійца Гратидіана, опустивъ голову, пробормоталъ:

— Твоя логика остра какъ отточенный испанскій клинокъ!

Арториксъ хотѣлъ что-то сказать Лентулу, но патрицій обратился къ нему и твердымъ и повелительнымъ голосомъ произнесъ:

— Ты-же вернись къ Спартаку и скажи ему, что мы воздаемъ должное вашему мужеству, но что мы прежде всего — римляне, и всякая домашняя вражда прекращается на берегахъ Тибра, лишь только общему отечеству грозитъ серьезная опасность. Скажи также вашему вождю, что мы совѣтуемъ ему воспользоваться благосклонностью фортуны и вывести васъ за Альпы, болѣе продолжительное пребываніе въ Италіи будетъ для него гибелью. Ступай, и да помогутъ вамъ боги!

Съ этими словами Лентуль Сура взялъ подъ-руку Катилину, мрачно и безмолвно стоявшаго у колонны, и увлекъ его съ собой къ форуму.

Долго смотрѣлъ Арториксъ во слѣдъ удалявшимся патриціямъ. Они давно уже скрылись изъ виду, а онъ все еще стоялъ и смотрѣлъ, весь погруженный въ печальныя размышленія. Его заставилъ очнуться Эндиміонъ; видя неподвижность Арторикса, умная собака нашла, что это самый удобный случай прыгнуть хозяину на плечи и лизнуть его въ губы. Мнимый скоморохъ встрепенулся и, проведя рукою по лбу, медленно пошелъ по Мугонійской улицѣ, направляясь къ Гермаленской площади.

Арториксъ былъ такъ поглощенъ своими мыслями, что не замѣтилъ, какъ за нимъ довольно давно уже слѣдилъ Метробій; онъ то отставалъ, то перегонялъ Арторикса, внимательно загля-

дывая ему въ лицо. Однако, выйдя на Гермаленскую площадь, Арториксъ замѣтилъ вертящагося вокругъ него мима и тотчасъ-же узналъ его. Молодой галлъ сильно смутился при мысли, что комедіантъ, посѣщавшій очень часто виллу его прежняго господина, тоже, можетъ быть, узналъ въ немъ бывшаго гладиатора Судлн.

Постоявъ съ минуту въ раздумьи, онъ рѣшился ускорить шагъ и скрыться въ толпѣ, въ надеждѣ, что Метробій совершенно случайно попалъ на площадь и вовсе его не замѣтилъ. Счастье, казалось, благопріятствовало Арториксу. Начинало уже смеркаться. Быстро пройдя площадь, онъ свернулъ въ переулокъ и увидѣлъ толпу гражданъ, тѣснившихся у портика какого-то патриціанскаго дома. Это были кліенты одного сенатора, принесшіе въ даръ своему патрону воскъ, какъ того требовали обычаи сатурналіевъ. Мнимый скоморохъ въ одно мгновеніе пробрался сквозь эту кучу людей и, на вопросъ дворецкаго—что ему нужно, отвѣчалъ, что патронъ встрѣтилъ его на форумѣ и послалъ въ свой домъ позабавить кліентовъ фокусами, въ награду за ихъ дары.

Дворецкій тотчасъ-же пропустилъ его въ атриумъ. Тогда Арториксъ, знавшій, что въ Римѣ всѣ дома богатыхъ людей строятся на одинъ ладъ, взглянулъ черезъ алтарь боговъ Ларовъ, стоявшій по самой серединѣ имплювіума, есть-ли въ прилегавшемъ къ дому садикѣ выходная калитка. Убѣдившись, что есть, онъ тотчасъ-же составилъ планъ бѣгства. Быстро пройдя сквозь многочисленныя корридоры и сѣни, онъ вошелъ въ садъ и сказалъ привратнику, что показывалъ въ домѣ фокусы передъ гостями его хозяина и теперь хочетъ выйти. Но такъ-какъ ему некогда, то онъ проситъ пропустить его черезъ калитки, потому-что въ главномъ выходѣ ужасная давка.

Привратникъ нашелъ просьбу скомороха какъ нельзя болѣе справедливою и съ самой пріятной улыбкой отворилъ ему калитку и выпустилъ въ маленькій переулокъ, откуда Арториксъ вскорѣ вышелъ на Новую улицу.

Мракъ ночи уже начиналъ сгущаться надъ Вѣчнымъ городомъ. Арториксъ торопился воспользоваться случаемъ какъ можно скорѣе выбраться изъ города. Пройдя нѣсколько кварталовъ по Новой улицѣ, онъ вышелъ на набережную Тибра и быстро пошелъ вдоль его извилистаго теченія, направляясь къ Тригеминскимъ воротамъ. Набережная, отстоявшая довольно далеко отъ центра города, была

почти пустынна. Только изрѣдка на встрѣчу ему попадались одинокіе крестьяне и граждане, спѣшившіе къ цирку или къ форуму. Тишина, царствовавшая въ этой части города, нарушалась журчаніемъ Тибра, катившаго внизу свои мутныя воды и отдаленнымъ гуломъ голосовъ, доносившимся изъ центра громаднаго города.

Арториксъ прошелъ не болѣе трехъ кварталовъ, какъ услышалъ за собой чьи-то торопливые шаги. Онъ остановился на минуту и сталъ прислушиваться. Шаги все приближались. Тогда онъ вынулъ изъ-подъ туники кинжалъ и снова быстро пошелъ впередъ. Но обремененный ношею и обезьяною, сидѣвшей у него на рукѣ, онъ не могъ идти такъ-же быстро, какъ его преслѣдователь, шаги котораго приближались все болѣе и болѣе. Тогда, воспользовавшись однимъ изъ поворотовъ дороги, Арториксъ спрятался за толстый стволъ сучковатаго вяза, росшаго на берегу и, притаивъ дыханіе, сталъ ждать, чтобы удостовѣриться, точно-ли за нимъ идетъ Метробій. Вскорѣ гладиаторъ услышалъ порывистое дыханіе своего преслѣдователя и увидѣлъ его—это былъ дѣйствительно Метробій.

Не видя впереди Арторикса, онъ остановился и, осмотрѣвшись по сторонамъ, пробормоталъ:

— Да куда-же онъ могъ дѣться?

— Я здѣсь, любезный Метробій! сказалъ, выходя изъ-за дерева, Арториксъ, рѣшившійся убить комедіанта, чтобы отомстить ему за старое предательство и избавиться отъ новаго.

Метробій въ ужасѣ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, но потомъ, быстро оправившись, ласковымъ и вкрадчивымъ голосомъ сказалъ:

— Ахъ, такъ это ты, мой прекрасный гладиаторъ! Я тебя узналъ... и шелъ за тобой, чтобы пригласить тебя... поужинать со мной и вспомнить старину за стаканомъ фалернскаго.

— Въ мамертинскую тюрьму хотѣлъ ты меня пригласить, сказалъ тихимъ и угрожающимъ голосомъ Арториксъ, подходя къ комедіанту.— А завтра моимъ тѣломъ поужинали-бы вороны эсквилинскаго поля!..

— Что ты!.. Опомнись... Мнѣ и въ голову это не приходило!.. бормоталъ испуганнымъ голосомъ Метробій.— Пусть поразитъ

меня молнія Юпитера, если я не хотѣлъ распить съ тобой амфору фалернскаго...

— Нѣтъ, подлый пьяница, мутной тибрской воды напьешься ты сегодня! проговорилъ Арториксъ, бросая въ сторону обезьяну и лѣстницу и выдаясь на комедіанта.

— Помогите! Помогите!.. Друзья! Сюда скорѣй... Рѣжутъ!.. закричалъ Метробій, бросаясь бѣжать по направленію къ Новой улицѣ. Но въ нѣсколько прыжковъ Арториксъ нагналъ его и, схвативъ за горло, сжалъ его такъ, что старый комедіантъ не могъ испустить ни звука.

— А, ты и друзей своихъ позвалъ на ужинъ, предатель! бормоталъ сквозъ зубы гладіаторъ. — Вонъ, они уже бѣгутъ!

Дѣйствительно, въ эту минуту изъ-за угла Новой улицы на набережную выбѣжала толпа кліентовъ и рабовъ патриція, въ домъ котораго заходилъ Спартакъ. Предупрежденные раньше Метробіемъ, они съ факелами и оружіемъ слѣшили на помощь къ Метробію. Тогда Арториксъ, продолжая лѣвою рукою держать своего врага за горло, правой нанесъ ему кинжаломъ нѣсколько ударовъ въ грудь. Кровь хлынула оттуда ручьемъ. Метробій еще разъ закричалъ отчаяннымъ голосомъ:

— Друзья... Помогите!..

— Не поспѣютъ они, чтобъ спасти тебя и схватить меня, старый доносчикъ! глухимъ голосомъ сказалъ Арториксъ.

Затѣмъ, приподнявъ раненаго на воздухъ, онъ со всего размаха бросилъ его въ Тибръ.

Раздался плескъ воды и пронзительный крикъ Метробія.

— Метробій, Метробій, гдѣ ты!

— Не бойся!

— Не убѣжить, не убѣжить!

— На крестъ его, проклятаго гладіатора!

Такъ кричала толпа гражданъ и рабовъ, гнавшихся за Арториксомъ и находившихся теперь шагахъ въ пятьдесятъ отъ него.

Но молодой галль сбросилъ уже съ себя пенулу и, схвативъ Эндиміона, швырнулъ его въ воду, затѣмъ вскочилъ на низенькую каменную стѣнку, шедшую вдоль берега, и самъ бросился въ Тибръ.

— Помогите... тону... помоги... вскрикнулъ еще разъ Метробій, появляясь на мгновеніе на поверхности рѣки.

Толпа преслѣдователей прибѣжала на мѣсто кровавой драмы и начала метаться вокругъ лужи крови, оставшейся на землѣ. Всѣ кричали, что нужно спасти комедіанта и понукали другъ друга, но никто ничего не дѣлалъ.

Тѣмъ временемъ Арториксъ, быстро разсѣвая волны, переплывалъ на другой берегъ.

Толпа посылала ему въ догонку безсильныя проклятія и плакалась надъ участію Метробія, тѣло котораго не показывалось больше изъ воды.

Выйдя на берегъ, Арториксъ побѣжалъ по направленію къ Ливкулъской аркѣ и вскорѣ исчезъ во мрагѣ, сгущавшемся все болѣе и болѣе надъ Вѣчнымъ городомъ.

ГЛАВА XVIII.

Консулы выступаютъ въ поле. — Камеринская битва. — Смерть Окномана.

Когда исчезла всякая надежда видѣть во главѣ Катилину, гладіаторы рѣшили послѣдовать совѣту Спартака и весною двинуться вонъ изъ Италіи и затѣмъ уже послать ко всѣмъ народамъ эмиссаровъ съ цѣлью поднять порабощенныхъ противъ ненавистнаго римскаго ига. Какъ опытный полеводецъ и дальновидный политикъ, Спартакъ понималъ, что война съ Римомъ на италіанской почвѣ должна неминуемо окончиться полнымъ торжествомъ квиритовъ, между тѣмъ какъ одновременное возстаніе всѣхъ порабощенныхъ народовъ легко могло повести къ уничтоженію римскаго владычества внѣ Италіи.

Въ концѣ февраля 682 года армія Спартака состояла изъ 12 легионовъ пѣхоты по пяти тысячъ человѣкъ въ каждомъ, изъ восьми тысячъ кавалеріи и пяти тысячъ легкой пѣхоты, что составляло семьдесятъ-три тысячи прекрасно вооруженнаго, испытаннаго войска *). Съ такими силами Спартакъ двинулся изъ Апуліи къ сѣверу по направленію къ Самніуму, и послѣ десятидневнаго перехода достигъ земли Умбровъ. Здѣсь онъ узналъ, что

*) Аппіанъ Александрійскій. Гражд. войны, I, 117.

консулъ Лентуль Клодіанъ съ тридцатью-тысячной арміей загородилъ ему дорогу въ По, въ то-же время какъ другой консулъ Геллій Публикола съ шестью легіонами двигался на него съ тыла, чтобы отрѣзать ему отступление въ Апулію.

Дѣйствительно, римскій сенатъ, принимая во вниманіе не только постыдность, но также и великую опасность этой войны, рѣшился отправить противъ Спартака обоихъ консуловъ *), какъ это дѣлалось въ самыхъ трудныхъ войнахъ.

Консулы тотчасъ по вступленіи въ должность собрали свои арміи — одинъ въ Лациумѣ, другой въ Умбріи.

Въ Римѣ возлагали большія надежды на эту двойную экспедицію и никто не сомнѣвался, что на этотъ разъ удастся покончить разъ на всегда съ этой унижительной войной.

Узнавъ о движеніи своихъ враговъ, Спартакъ форсированнымъ маршемъ повелъ свою армію въ Самніумъ, намѣреваясь напасть на Геллія, котораго рассчитывалъ встрѣтить между Аввилою и Корфиніемъ.

Однако, дойдя до Аввилы, онъ узналъ чрезъ преданныхъ ему рабовъ, что Геллій все еще стоитъ въ крѣпости Агнана въ ожиданіи прибытія своей кавалеріи и что раньше пятнадцати дней онъ ни въ какомъ случаѣ не выступитъ въ поле.

Тогда Спартакъ повернулъ назадъ и пошелъ на Умбрію, гдѣ ждалъ его консулъ Лентуль. Онъ рассчитывалъ, что разбивъ консульскую армію, онъ можетъ либо снова вернуться, чтобы раздѣлаться съ Гелліемъ, или-же, не обращая на него вниманія, идти прямо на По.

Въ нѣсколькихъ переходахъ отъ непріятеля Спартакъ остановился и, занявъ сильную позицію, сталъ ждать нападенія. Чрезъ своихъ развѣдчиковъ онъ зналъ, что консулъ Лентуль, полный вѣры въ свою непобѣдимость, горитъ желаніемъ поскорѣй сразиться съ нимъ и потому Спартакъ не сомнѣвался, что ему не долго придется ждать нападенія римлянъ.

Желая хорошенько ознакомиться съ полемъ будущей битвы, на другой день Спартакъ во главѣ двухъ тормъ **) конницы выѣхалъ на рекогносцировку. Совершенно одинъ задумчиво ѣхалъ онъ впе-

*) Плутархъ. Жизнь Марка Красса.

**) Торма равнялась пятистамъ коней.

реди своего отряда и, казалось, не замѣчалъ ничего окружающаго. Насколько можно было судить по его наружности, мысли его не были слишкомъ веселыя. Почтительно молчали гладіаторы, не смѣя нарушить размышленій своего вождя.

О чемъ-же онъ думалъ?

Съ нѣкотораго времени Окноманъ сдѣлался неузнаваемъ. Вѣчно угрюмый и мрачный, онъ сталъ держать себя со Спартакомъ совсѣмъ не такъ, какъ до сихъ поръ. На послѣднемъ военномъ совѣтѣ, гдѣ обсуждалось, что слѣдуетъ предпринять послѣ отказа Катилины, Окноманъ одинъ возставалъ противъ предложенія Спартака уйти за Альпы. Возражая ему, онъ употреблялъ выраженія рѣзскія и обидныя, говорилъ о какой-то унижительной диктатурѣ, которую и безъ того слишкомъ долго терпѣли, о какомъ-то новомъ рабствѣ, установившемся между ними благодаря разнымъ своекорыстнымъ вліаніямъ.

Въ первую минуту Спартаеъ вскочилъ съ своего мѣста, возмущенный намеками германца, но потомъ, успокоившись, онъ старался кроткими и спокойными словами урезонить дикаря. Но Окноманъ, видя, что Криссъ, Граникъ и прочіе вожди склоняются на сторону Спартака, окончательнo вышелъ изъ себя и съ бѣшенствомъ убѣжалъ изъ палатки, не желая больше присутствовать на совѣщаніи своихъ товарищей.

Уже нѣсколько дней Спартаеъ ломалъ себѣ голову, желая угадать причину такой непонятной переменъ въ Окноманѣ, котораго любилъ горячо и искренно, какъ стараго товарища и друга, дѣлившаго съ нимъ всѣ радости и невзгоды восьми послѣднихъ лѣтъ. Напрасно добивался онъ откровеннаго объясненія съ нимъ: германецъ, до сихъ поръ столь открытый и прямодушный, теперь сталъ угрюмъ и скрытенъ, избѣгалъ встрѣчи съ нимъ и въ его присутствіи казался смущеннымъ и недовольнымъ.

Дѣло въ томъ, что Окноманъ, постоянно подстрекаемый Эвтибидою противъ Спартака, чувствовалъ, что вся его злоба гаснетъ въ присутствіи этого человѣка, всегда неизмѣнно добраго, искреннаго и безгранично-скромнаго. Честная совѣсть германца инстинктивно возмущалась противъ коварныхъ инсинуацій гречанки и онъ невольно поддавался обаянію благородной личности своего бывшего друга и напрасно силился настроить себя враждебно къ

нему. Вотъ почему онъ былъ такъ сумраченъ и угрюмъ въ его присутствіи.

Самому Спартаку и въ голову не приходило, какова была истинная причина охлажденія къ нему Окномана. Эвтибида тщательно скрывала свои отношенія къ вождю германцевъ, такъ-что въ гладіаторскомъ лагерѣ никто ничего не подозрѣвалъ о нихъ и всѣхъ менѣе самъ Спартакъ. Онъ даже забылъ почти о существованіи Эвтибиды, потому-что хитрая гречанка нарочно устранивала такъ, чтобъ никогда не попадаться ему на глаза.

Вернувшись печальный и задумчивый въ лагерь Спартакъ тотчасъ-же послалъ одного изъ своихъ контуберналіевъ пригласить къ себѣ Окномана.

Молодой человѣкъ вышелъ, но почти тотчасъ-же вернулся назадъ и сказалъ:

— Я встрѣтилъ Окномана по дорогѣ; онъ самъ идетъ къ тебѣ.

Черезъ минуту въ дверяхъ палатки дѣйствительно показалась столь знакомая Спартаку фигура германца.

— Привѣтъ тебѣ, верховный вождь нашъ! угрюмо сказалъ онъ.—Мнѣ нужно поговорить съ тобою.

— И мнѣ тоже, прервалъ его Спартакъ и, дружески пожавъ ему руку, прибавилъ:

— Говори-же, чего ты хочешь, братъ мой?

— Я хочу, началъ угрожающимъ голосомъ Окноманъ, опуская, однако глаза въ землю,—я хочу сказать тебѣ... что мнѣ надоѣло быть игрушкою въ твоихъ рукахъ... Если ужъ быть рабомъ, то лучше римскимъ...

— О, боги! вскричалъ Спартакъ, поднимая руки къ небу.—Въ своемъ-ли ты умѣ Окноманъ?..

— Да, въ своемъ! воскликнулъ Окноманъ, устремляя на него свои маленькіе гнѣвные глаза.

— Но если ты въ своемъ умѣ, то объясни-же, ради всѣхъ боговъ ада,—когда я игралъ, какъ игрушкою, тобою или кѣмъ-нибудь изъ нашихъ товарищей?

— Я этого не могу сказать... не знаю, было-ли когда-нибудь... бормоталъ Окноманъ, снова опуская глаза въ видимомъ смущеніи.— Ну да однимъ словомъ... я вѣдь тоже человѣкъ...

— Разумѣется, и при томъ благороднѣйшій и храбрѣйшій изъ всѣхъ, какихъ я только знаю, отвѣчалъ Спартакъ, устремляя на

германца пристальный взглядъ, который, казалось, проникалъ до глубины его души. — Но только къ чему ты все это говоришь? прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы. — Развѣ я когда-нибудь пытался ослабить твое значеніе въ нашемъ войскѣ?.. Какъ могъ ты подумать это? Чѣмъ я возбудилъ въ тебѣ такіа подозрѣнія? Чѣмъ оскорбилъ тебя? Чѣмъ согрѣшилъ я противъ тебя или противъ нашего дѣла?

— Оскорбилъ меня... согрѣшилъ... какъ бы тебѣ сказать... говоря правду... оскорбить ты меня ничѣмъ не оскорбилъ... и противъ нашего дѣла ничѣмъ не согрѣшилъ... Можно сказать даже... напротивъ... ты всегда былъ для насъ отличнымъ вождемъ... даже великимъ... непобѣдимымъ... толпы рабовъ ты превратилъ въ образцовое войско... Ты велъ его отъ побѣды къ побѣдѣ и не сомнѣваюсь, что подъ твоимъ начальствомъ оно останется побѣдоноснымъ и впредь...

Такъ говорилъ Окноманъ, не будучи въ состояніи заглушить въ себѣ голоса своей совѣсти, борющейся съ подстрекательствами Эвтибиды. Рѣчь его, сперва сердитая и раздраженная, мало-помалу становилась мягче и мягче и послѣднее слово онъ произнесъ съ оттѣнкомъ нескрываемаго энтузіазма.

— Но въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ, въ свою очередь, Спартакъ, — что значить эта переѣна въ тебѣ? Ты всегда былъ моимъ лучшимъ другомъ, я любилъ тебя какъ родного брата, тебѣ первому довѣрялъ я всѣ свои планы и надежды и вдругъ въ послѣднее время ты избѣгаешь меня, не хочешь говорить со мной, точно мы злѣйшіе враги!..

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого! вскричалъ Окноманъ, не будучи въ состояніи сдерживать долге своего чувства. — Никогда я не былъ и не буду твоимъ врагомъ!..

— Ты разсердился на меня на послѣднемъ совѣтѣ, продолжалъ Спартакъ. — Но вѣрь мнѣ, что если я предложилъ идти за Альпы, то только потому, что послѣ долгаго и глубокаго размышленія я убѣдился, что, сражаясь въ Италіи, невозможно одержать окончательной побѣды надъ Римомъ. Взять Римъ!.. Разрушить городъ, котораго не могъ разрушить Пирръ и Ганибалъ! Неужели ты думаешь, что у меня не трепещетъ сердце въ груди при одной мысли объ этомъ?.. Но Римъ въ Италіи — то-же, что Антей, который, будучи брошенъ на землю, встаетъ вдвое сильнѣйшимъ. Мы разобьемъ съ

великими трудами и потерями, римское войско — Римъ вышлетъ противъ насъ чрезъ нѣсколько дней другое, третье, четвертое, вышлетъ, наконецъ, пятьдесятъ, семьдесятъ легионовъ, которые раздавятъ насъ окончательно. Поднимемъ противъ него разомъ все угнетенные народы, ворвемся въ Италию во главѣ семисотъ, восьмисотъ тысячъ войска и тогда уже окружимъ и разрушимъ до основанія этотъ проклятый городъ! Всякая иная война кончится неминуемымъ торжествомъ римлянъ. Митридатъ будетъ разбитъ, какъ былъ разбитъ Ганибаллъ; народы Рейна, парфяне, будутъ завоеваны, какъ завоеваны были греки, карфагеняне, иберійцы. Только общій союзъ всехъ народовъ можетъ вырвать съ корнемъ этого гигантскаго паразита.

Такъ говорилъ страстнымъ, убѣжденнымъ голосомъ Спартакъ, устремивъ вдохновенный взоръ на Окномана. Очарованный горячимъ краснорѣчьемъ своего вождя, подавленный его нравственнымъ величьемъ, германецъ протянулъ къ нему руки и вѣ себя отъ волненія воскликнулъ:

— О, прости, прости, Спартакъ! Ты не человекъ, а полубогъ!

— Нѣтъ, но я счастливѣйшій изъ смертныхъ, потому что мнѣ удалось возвратить себѣ сегодня такого друга какъ ты! проговорилъ разстроганный Спартакъ, раскрывая свои объятія.

Окноманъ бросился къ нему на шею.

— О, Спартакъ, шепталъ онъ, — я люблю и уважаю тебя еще больше чѣмъ прежде.

Нѣсколько минутъ они оставались въ объятяхъ другъ друга, не произнося ни слова.

Первымъ прервалъ молчаніе Спартакъ и голосомъ, еще дрожавшимъ отъ волненія, спросилъ:

— Ну, а теперь скажи мнѣ, зачѣмъ ты пришелъ?

— Зачѣмъ пришелъ?.. Не знаю, право, отвѣчалъ Окноманъ, смущаясь, — да и къ чему вспоминать объ этомъ...

Но тотчасъ-же онъ съ живостью прибавилъ:

— Впрочемъ, разъ ужъ я пришелъ и ты хочешь непременно что-нибудь для меня сдѣлать, то прошу тебя назначить мнѣ и моимъ германцамъ самый опасный постъ въ ближайшей битвѣ съ консуломъ Лентуломъ.

Спартакъ ласково посмотрѣлъ на своего друга и весело проговорилъ:

— Ты все тотъ-же! Хорошо, я дамъ тебѣ самый опасный постъ.

— Общаешь?

— Общаю, сказалъ Спартакъ, протягивая руку Окноману.— Ты вѣдь знаешь, что въ моемъ сердцѣ одинаково нѣтъ мѣста ни страху, ни лжи.

Дружески разговаривая между собою, оба вождя вышли на преторію и направились затѣмъ къ становищу германцевъ. Туда-же вслѣдъ за ними пришелъ и Арториксъ. Будучи посланъ нѣсколько дней тому назадъ съ тысячею всадниковъ на рекогносцировку, онъ только-что вернулся въ лагерь и, узнавъ, что Спартакъ ушелъ вмѣстѣ съ Окноманомъ, отправился вслѣдъ за ними въ лагерь германскихъ легионовъ.

— Привѣтъ тебѣ вождь нашъ! сказалъ онъ, завидѣвъ Спартака. — Къ Геллію пришла часть его кавалеріи и онъ двинулся уже въ походъ и нападетъ на насъ не позже какъ дней черезъ пять.

Спартакъ задумался. Извѣстіе было очень важно. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія онъ сказалъ:

— Завтра мы снимемся съ лагеря и послѣ-завтра къ полудню дойдемъ до Камерина. Лентулъ прибудетъ туда не раньше какъ послѣ-завтра вечеромъ или на слѣдующій день рано утромъ. Мы успѣемъ отдохнуть и съ свѣжими силами нападѣмъ на утомленные войска. Разбивъ его, тотчасъ-же бросимся на Геллія, которому не избѣжать той-же участи. Затѣмъ мы уже безпрепятственно двинемся на По. Какъ ты объ этомъ думаешь, Окноманъ?

— Планъ прекрасный, достойный такого полководца какъ ты, отвѣчалъ Окноманъ.— Не сомнѣваюсь, что черезъ двѣ недѣли мы разобьемъ обоихъ консуловъ, какъ разбили Ореста и Варинія.

Затѣмъ Окноманъ пригласилъ Спартака въ свой шатеръ, гдѣ они долго нировали вмѣстѣ съ контуберналіями предводителя германцевъ. Только одинъ изъ нихъ не присутствовалъ за дружескимъ столомъ—это была Эвтибида, имѣвшая слишкомъ много причинъ избѣгать встрѣчи со Спартакомъ.

Но лишь только гости ушли, она вышла изъ маленькой коморки, расположенной въ углу палатки Окномана и, устремивъ на него свои зеленые глаза, полные ненависти и презрѣнія, вскричала:

— Такъ-то? Такъ-то? Спартакъ снова осѣдлалъ тебя, какъ

всадникъ свою лошадь, и снова твоя спина будетъ ему служить подножкой?..

— А! Опять! глухимъ и угрожающимъ голосомъ проговорилъ Окноманъ, бросая на дѣвушку сверкающій взглядъ.— Когда перестанешь ты, наконецъ, отравлять мнѣ душу своими подлыми клеветами? Когда ты, наконецъ, успокоишься проклятая фуриѣ?

— Спасибо, спасибо! Такъ мнѣ и слѣдуетъ за то, что я, дура, люблю тебя, тогда-какъ ничего, кромѣ презрѣнія, ты не заслуживаешь. Спасибо, спасибо! Ты отлично платишь мнѣ за мою любовь!

— Но объясни мнѣ, почему для того, чтобъ любить тебя, мнѣ необходимо ненавидѣть Спартака, благороднѣйшаго и честнѣйшаго изъ людей?

— Благороднѣйшаго и честнѣйшаго изъ людей! съ ироніей повторила Эвтибида.— Я тоже, глупый ты человекъ, была обманута этой фальшивой добродѣтелью; я тоже считала Спартака героемъ, чуть не богомъ, хотя голова у меня и не чета твоей. Но потомъ, противъ воли, я должна была убѣдиться, какъ дважды два четыре, что въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ честолюбія, что всѣ его добродѣтели—притворство. Ты же съ твоей бараньей головой...

— Эвтибида! зарычалъ Окноманъ.

— Ты же съ твоей бараньей головой, дерзко продолжала дѣвушка, не спуская съ него своихъ кошачьихъ глазъ,—ты ничего не видишь; ты поешь ему гимны, валяешься у его ногъ какъ презрѣнный рабъ.

— Эвтибида! вскричалъ, едва сдерживаясь, германецъ.

— Я не боюсь твоихъ угрозъ! воскликнула куртизанка,—потому-что ты такъ же трусливъ, какъ и глупъ.

— Эвтибида! громовымъ голосомъ крикнулъ Окноманъ, вскакивая со своего мѣста и бросаясь на нее съ сжатыми кулаками.

— Ну что-жъ! смѣло проговорила молодая дѣвушка, идя къ нему на встрѣчу.— Убей меня! Чего-жъ ты ждешь, доблестный гладиаторъ? Раздави, задуши въ своихъ безобразныхъ лапахъ слабую дѣвушку! Это будетъ вполне достойно такого храбреца какъ ты. Ну, чего-жъ ты колеблешься? Смѣлѣй, впередъ!

При этихъ новыхъ оскорбленіяхъ, Окноманъ, отуманенный виномъ и гнѣвомъ, уже поднялъ свои могучія руки надъ головой

дерзкой гречанки, но вдругъ остановился и задыхающимся голосомъ проговорилъ:

— Уйди, уйди, Эвтибида, ради всѣхъ твоихъ боговъ, пока я не потерялъ еще послѣдній остатокъ разсудка!

— И это все, что ты можешь сказать мнѣ? Это все, что ты можешь отвѣтить женщинѣ, которая тебя любитъ, единственной, которой ты дѣйствительно дорогъ?.. Не думала я, что такъ заплатишь ты мнѣ за мою преданность, за всѣ мои заботы о твоёмъ счастьи!..

Она остановилась на минуту, какъ-бы подавленная наплывомъ чувствъ, затѣмъ дрожащимъ голосомъ продолжала:

— Да, мнѣ слѣдовало молчать, слѣдовало спокойно смотрѣть какъ тебя унижаютъ... Но развѣ я могла?.. И за это ты меня оскорбляешь... прогоняешь... Ну, что-жъ... я уйду... прощай, прощай на-вѣки!

Она громко зарыдала.

Этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы окончательно сбить съ толку простодушнаго германца. Гнѣвъ его уступилъ мѣсто сперва сомнѣнію, потомъ состраданію. Наконецъ, онъ подошелъ къ плачущей дѣвушкѣ и нѣжно проговорилъ:

— Прости, прости меня, Эвтибида. Я самъ не знаю, что я говорилъ. Прости и не покидай меня.

— Оставь меня! гордо воскликнула куртизанка. — Оставь меня. Я не могу оставаться долѣе съ тѣмъ, кто такъ насмѣялся надъ моею любовью! Прощай.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не отпущу тебя, воскликнулъ Окноманъ, хватая ее за руки и нѣжно увлекаая въ глубину палатки. — Выслушай меня, прошу тебя... это говорилъ не я, а гнѣвъ, который наслалъ на меня волкъ Фенрисъ *). Прости меня Эвтибида... влянись тебѣ... но выслушай-же меня, умоляю тебя...

— Нѣтъ, нѣтъ, прощай, я не хочу ничего слушать... Оставь меня. Я не могу оставаться съ тобой. Ты, можетъ быть, и въ другой разъ бросишься, чтобъ задушить меня...

— Никогда, никогда!.. Неужели ты считаешь меня способнымъ... Нѣтъ, выслушай меня, погоди... Не то влянусь тебѣ То-

*) Одно изъ злыхъ божествъ въ религіи германцевъ.

ромъ и Одиномъ, что прежде, чѣмъ ты переступишь порогъ моей палатки, я перерѣжу себѣ горло вотъ этимъ ножомъ.

Съ этии словами онъ выхватилъ кинжалъ, висѣвшій у него на поясѣ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, ради боговъ! вскричала въ притворномъ ужасѣ Эвтибида, простирая руки къ германцу.

— Твоя жизнь слишкомъ дорога мнѣ... прибавила она взволнованнымъ голосомъ.—Я такъ люблю тебя...

— Эвтибида, милая Эвтибида, прости мнѣ мою безумную вспышку... прости, прости!..

— О, золотое сердце! О, благородная душа! воскликнула расстроганнымъ голосомъ молодая дѣвушка, бросаясь на шею гиганту. Я тоже вѣдь должна просить у тебя прощенія за тѣ обиды, которыя наносила тебѣ въ припадкѣ гнѣва.

Не помня себя отъ счастья, Окноманъ прижималъ къ своей груди любимую дѣвушку, покрывая лицо ея страстными поцѣлуями.

— Я такъ люблю тебя, шептала Эвтибида.—Я не могла-бы жить безъ тебя...

— О, милая, добрая, великодушная Эвтибида!..

Долго оставались они въ объятіяхъ другъ друга, не произнося ни слова.

— Вѣришь-ли ты въ мою любовь? сказала, наконецъ, Эвтибида, освобождаясь отъ его объятій.

— О, вѣрю, вѣрю, больше чѣмъ въ Одина, больше чѣмъ въ собственное существованіе.

— А если вѣришь, то можешь-ли ты сомнѣваться хоть на минуту, что я желаю тебѣ добра?

— Да развѣ я когда-нибудь сомнѣвался въ этомъ?

— Разумѣется. Иначе ты не могъ-бы вѣрить ложному другу, обманывающему и тебя и всѣхъ твоихъ товарищей, больше чѣмъ женщинѣ, которая тебя любитъ больше всего на свѣтѣ и думаетъ только о твоёмъ счастьи и величіи.

Окноманъ вздохнулъ и, ничего не отвѣтивъ, всталъ и началъ ходить по палаткѣ.

Эвтибида взглянула на него изподлобья и, сѣвъ на табуретку, стала играть серебряннымъ браслетомъ, изображавшимъ змѣю, грызущую собственный хвостъ.

Такъ прошло минуты двѣ.

— Развѣ я предостерегаю изъ-за какой-нибудь личной выгоды? тихо сказала Эвтибида, какъ-будто разговаривая сама съ собою. Развѣ я стараюсь предохранить тебя отъ увлеченія слишкомъ довѣрчиваго и благороднаго сердца изъ какого-нибудь расчета?

— Но кто же тебѣ говорилъ, что ты дѣйствуешь изъ расчета? Кто могъ даже подумать это? воскликнулъ Окноманъ, останавливаясь передъ дѣвушкой.

— Ты! сказала строгимъ голосомъ куртизанка.—Ты!

— Я? вскричалъ ошеломленный германецъ, ударяя себя рукою въ грудь.

— Да, ты! Чтонибудь одно: либо я люблю тебя и желаю тебѣ добра — въ такомъ случаѣ ты долженъ вѣрить мнѣ. Если-же ты вѣришь Спартаку—тогда значить я лгунья и предательница!

— Да нѣтъ-же, нѣтъ! воскликнулъ чуть не со слезами бѣдный волосъ, который не былъ силенъ въ діалектикѣ и никакъ не могъ вырваться изъ тисковъ этой неумолимой дилеммы.

— Изъ-за чего я стала-бы измѣнять тебѣ—это понять довольно трудно—продолжала Эвтибида.

— Но, обожаемая Эвтибида, я не только не могу этого понять, я даже мысли объ этомъ допустить не могу. Вѣдь ты столько разъ давала мнѣ самыя несомнѣнныя доказательства любви и преданности!.. Но, извини меня... я вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не могу допустить... никакъ не могу понять, изъ-за чего стала-бы измѣнять намъ Спартакъ?..

— Изъ-за чего?.. Изъ-за чего? воскликнула Эвтибида, вскакивая съ своего мѣста. Съумасшедшій! Онъ еще спрашиваетъ...

Затѣмъ, постоявъ минуту въ безмолвіи, она многозначительно спросила:

— Скажи мнѣ, простодушный ты человѣкъ, не рассказывали вамъ самъ Спартакъ, какъ послѣ битвы при Фонди консулъ Лукуллъ приходилъ къ нему и предлагалъ ему квесторство въ испанскомъ войскѣ или префектуру въ Африкѣ, если только онъ согласится измѣнить вамъ?

— Да, рассказывалъ. Но ты знаешь сама, какъ отвѣтилъ онъ Лукуллу на это предложеніе.

— А знаешь-ли ты, простакъ, почему онъ такъ ему отвѣтилъ?

Потому, что предложенная ему награда не соотвѣтствовала услугѣ, которую отъ него требовали.

Окноманъ снова сталъ ходить по палаткѣ, опустивъ голову и не говоря ни слова.

— Потому-что ему мало званія квестора или префекта.

Окноманъ молчалъ.

— Теперь ему снова сдѣлали подобныя-же предложенія, но вдвое, втрое выгоднѣйшія и онъ ничего вамъ не сказалъ.

— А ты почему знаешь? съ удивленіемъ спросилъ Окноманъ, останавливаясь передъ Эвтибидой.

— А Рутилій, отправленный имъ въ Римъ къ Катилинѣ, развѣ, ты думаешь, ѣхалъ къ одному Катилинѣ?

— Но вѣдь мы сами...

— Знаю, что вамъ втолковалъ этотъ хитрый человѣкъ. Но я-то сейчасъ-же догадалась, что онъ ѣдетъ, чтобы снова завязать переговоры съ консулами.

Окноманъ снова молча заходилъ по палаткѣ.

— Если-бъ не такъ, то зачѣмъ было посылать Рутилія, именно Рутилія, латинца родомъ, а не кого-нибудь другого?

Окноманъ молчалъ.

— Почему послѣ загадочной смерти Рутилія ничего не сказавши никому изъ васъ, такихъ-же вождей, какъ и онъ самъ, онъ посылаетъ въ Римъ своего любимца Арторикса? Почему именно Арторикса, любовника своей сестры Мирцы?..

Послѣ минутной паузы Эвтибида съ удвоенной энергіей продолжала:

— Почему лишь только вернулся Арториксъ, онъ сталъ требовать, чтобы вы непременно рѣшили покинуть Италію и уйти за Альпы?

Окноманъ остановился передъ Эвтибидой и сталъ упорно смотрѣть на одинъ изъ колышковъ, которыми палатка была прибита къ землѣ.

— Развѣ это естественно? Развѣ это разумно? продолжала неутомимая Эвтибида. — Какъ? Римъ, побѣждаемый въ Испаніи Серторіемъ, въ Азіи Митридатомъ, не знаетъ откуда взять новые легіоны, чтобы отправить противъ нихъ. Въ эту ужасную для него минуту мы стоимъ чуть не подъ его стѣнами съ семьдесятью тысячами побѣдоноснаго, испытаннаго войска, и вдругъ,

вмѣсто того, чтобъ идти на беззащитный городъ, мы бѣжимъ отъ него, точно послѣ пораженія!.. Развѣ это естественно? Развѣ это логично?..

Окноманъ все еще молчалъ, только отъ времени до времени онъ началъ чуть замѣтно кивать головою.

— Лентуль, Геллій, двѣ арміи! Все это выдумки для оправданія и объясненія его постыднаго бѣгства. Геллій, Лентуль! Но кто ихъ видѣлъ? Почему сегодня на рекогносцировку отправился онъ самъ? Почему нѣсколько дней тому назадъ онъ выслалъ для наблюденія за мнимымъ войскомъ второго консула того-же Арторикса? Почему опять-таки Арторикса? Почему не кого-нибудь другого?

— Твоя правда! Да, твоя правда! прошепталъ чуть-слышно Окноманъ.

— Такъ чего-же ты медлишь! вскричала съ дивой энергіей Эвтибида.— Или ты хочешь, чтобы тебя и твоихъ вѣрныхъ германцевъ измѣнически завели въ какія-нибудь горныя тѣснины, гдѣ вы должны будете позорно сложить оружіе, чтобы потомъ быть брошенными на растерзаніе дикимъ звѣрямъ въ циркѣ.

— Ну, нѣтъ, влянусь молотомъ Тора! вскричалъ Окноманъ, стукнувъ кулакомъ по столу.— Нѣтъ, я не дамъ повести себя на убой вмѣстѣ съ моими храбрыми легіонами! Нѣтъ... сегодня-же, сей часъ-же я уйду вонъ изъ лагеря измѣнника...

— А за твоими германцами уйдутъ галлы, илирійцы и самниты. У него останутся только еракійцы и греки. Ты будешь верховнымъ вождемъ и тебѣ, тебѣ одному достанется слава осады и взятія Рима... Ступай, ступай. Подними тихонько свои легіоны, а также и гальскіе, и уйдемъ изъ лагеря сегодня-же ночью...

Такъ говорила Эвтибида, помогая Окноману надѣвать латы и шлемъ. Когда-же германецъ былъ совершенно готовъ, она тоже вооружилась и сказала ему на прощанье:

— Иди къ своимъ, а я прикажу осѣдлатъ коней.

Нѣсколько минутъ спустя, затрубили трубы германскихъ легіоновъ и черезъ какіе-нибудь полчаса всѣ десять тысячъ германцевъ уже выстроились въ боевой порядокъ, готовые къ выступленію.

Подѣхавъ къ воротамъ, Окноманъ приказалъ сторожевому

посту отворить ихъ, что тотчасъ-же и было исполнено, и его легіоны тихо стали выходить въ поле.

Однако, звукъ трубъ разбудилъ галловъ, стоявшихъ бокомъ о бокъ съ германцами и они тоже выбѣжали изъ палатокъ и начали строиться въ боевой порядокъ, полагая, что вѣроятно на нихъ неожиданно нанали римляне. Такимъ образомъ мало-по-малу по всему лагерю поднялась тревога.

Однимъ изъ первыхъ выскочилъ изъ палатки самъ Спартакъ и, увидѣвъ бѣгущаго солдата, спросилъ его, въ чемъ дѣло.

— Кажется, римляне! отвѣчалъ тотъ.

— Какъ? Откуда? Какимъ образомъ? спросилъ пораженный удивленіемъ Спартакъ.

Но тотчасъ-же онъ бросился къ себѣ въ палатку и зная, что на войнѣ все возможно, поспѣшно вооружился и направился къ центру лагеря.

Здѣсь онъ узналъ, что Окноманъ выводитъ своихъ германцевъ и что прочіе легіоны собираются послѣдовать его примѣру, полагая, что приказъ о выступленіи данъ самимъ Спартакомъ.

— Что-бы это значило! воскликнулъ фракіецъ. — Неужели-же?.. Да нѣтъ, прервалъ онъ самого себя, — этого быть не можетъ!

При свѣтѣ факеловъ, мелькавшихъ то тамъ, то сямъ, онъ направился быстрыми шагами къ главнымъ воротамъ. Послѣдніе ряды втораго легіона уже проходили сквозъ нихъ, когда Спартакъ, протолкавшись впередъ, вышелъ за валъ. Тамъ, окруженный своими контуберналіями, стоялъ Окноманъ, слѣдя за дефилированіемъ своихъ легіоновъ. Онъ бросился къ нему.

Но еще раньше Спартака туда подбѣжалъ другой человѣкъ, въ которомъ по голосу онъ тотчасъ-же узналъ Крисса.

— Окноманъ, что ты дѣлаешь? Что случилось? Куда ты идешь? кричалъ галлъ еще издали.

— Иду вонъ изъ лагеря предателя, отвѣчалъ громкимъ голосомъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ германецъ. — И если ты не хочешь быть измѣннически преданнымъ въ руки враговъ вмѣстѣ со своими легіонами, то уходи со мною и мы вмѣстѣ пойдемъ на Римъ.

Криссъ собирался отвѣчать на эти неслыханныя слова, но подспѣвшій въ эту минуту Спартакъ перебилъ его.

— О какомъ предательствѣ говоришь ты, Окноманъ, на кого намекаешь? спросилъ онъ.

— О тебѣ говорю, на тебя намекаю, отвѣчала Окноманъ. — Мы возстали противъ Рима и я хочу идти на Римъ и вовсе не намѣренъ вести своихъ германцевъ на Альпы, чтобы попасть — разумѣется, по несчастной случайности — въ какое-нибудь ущелье, гдѣ насъ изрубятъ въ куски римляне.

— Клянусь Юпитеромъ Громовержцевъ, вскричалъ внѣ себя отъ гнѣва Спартакъ, — если ты шутишь, то твоя шутка можетъ очень дорого тебѣ стоить.

— Я не шучу, клянусь Фреей, матерью боговъ, а говорю то, что думаю.

— Такъ, стало быть, ты считаешь меня измѣнникомъ? сказалъ Спартакъ глухимъ голосомъ.

— Не только считаю, но и объявляю объ этомъ передъ всѣмъ войскомъ.

— Ты лжешь, презрѣнный пьяница! крикнулъ Спартакъ громовымъ голосомъ и, выхвативъ изъ ноженъ свой грозный мечъ, бросился на Окномана.

Окноманъ, пришпоривъ коня тоже бросился на Спартака съ обнаженнымъ мечомъ. Но тотчасъ-же онъ былъ окруженъ своими контуберналіями, тѣмъ временемъ какъ Криссъ, схвативъ подъ уздцы его коня, закричалъ:

— Окноманъ, если ты дѣйствительно не лишился разсудка, какъ это можно думать по твоимъ поступкамъ, то ты самъ измѣнникъ, подкупленный римскимъ золотомъ...

— Криссъ! вскричалъ, дрожа отъ гнѣва, Окноманъ.

— Да, клянусь всѣми богами неба и ада, только человекъ, подкупленный римлянами, можетъ поступать, какъ поступаешь ты...

Въ эту минуту Спартакъ, растолкавъ кучку военачальниковъ, собравшихся вокругъ него, подошелъ къ Окноману и спокойно вложилъ свой мечъ въ ножны. Нѣсколько мгновѣній онъ молча смотрѣлъ въ лицо Окноману, наконецъ, сказалъ:

— Если-бы кто-нибудь другой, а не ты произнесъ то, что ты сказалъ въ эту минуту, онъ былъ-бы уже жертвъ. Тебѣ же я прощаю. Тутъ какая-то адская интрига, идущая, безъ сомнѣнія, изъ Рима. Можешь уходить. Бросай дѣло твоихъ братьевъ и твои знамена. Я-же здѣсь, предъ лицомъ твоихъ ле-

гионовъ и всего войска, клянусь прахомъ моего отца, памятью моей матери, головой сестры, всѣмъ, что есть святого на землѣ, что не только неповинно въ тѣхъ гнусностяхъ, которыя ты на меня возводишь, но даже не понимаю, о чемъ ты говоришь. Если же я хоть однимъ помысломъ измѣнилъ дѣлу освобожденія моихъ братьевъ, то пусть испепелитъ меня молнія Юпитера, пусть имя мое перейдетъ въ отдаленнѣйшее потомство съ позорнымъ клеймомъ измѣны; пусть будетъ оно проклинаться изъ рода въ родъ наравнѣ съ именами братоубійцы Тieste, отцеубійцы Медеи и презрѣннаго Долона!

Клятва эта, произнесенная громкимъ и твердымъ голосомъ, въ которомъ звучала глубокая искренность и правда, произвела сильное впечатлѣнiе на всѣхъ окружающихъ и, казалось, даже на суетвѣрнаго Окномана.

Но въ эту минуту неожиданный звукъ трубъ третьяго легiона (перваго гальскаго), раздавшiйся неподалеку отъ главныхъ воротъ лагеря, заставилъ всѣхъ присутствующихъ обратиться въ ту сторону.

— Что это значитъ? спросилъ ошеломленный Криссъ.

— Боги! это сигналъ нашихъ легiоновъ! воскликнулъ Артрикъсъ.

— Фурii ада! вскричала Спартакъ, блѣднѣя какъ полотно, — неужели уходятъ также и галлы?

Всѣ бросились къ воротамъ.

Тогда Эвтибида, стоявшая все время съ опущеннымъ забраломъ, совершенно спрятавшись со своимъ маленькимъ и стройнымъ варварiйскимъ скакуномъ за массивной фигурой германца, взяла его коня подъ уздцы и оба они поскакали догонять германскiе легiоны, уже успѣвшiе отойти довольно далеко.

Подбѣгая къ воротамъ, Спартакъ и Криссъ увидѣли сотню запоздалыхъ германскихъ всадниковъ, ѣхавшихъ на встрѣчу. Завидѣвъ обоихъ военачальниковъ, они вскричали:

— Вотъ Спартакъ!

— Вотъ измѣнникъ!

— Убьемъ его!

Схвативъ луки, они пустили въ нихъ тучу стрѣлъ.

— Вотъ вамъ измѣнники, Криссъ и Спартакъ!

Спартакъ и Криссъ едва успѣли прикрыть лица щитами, ку-

да возилось по нѣсколько стрѣлъ. Крисъ-же, бросившись впередъ, чтобы заслонить собою своего друга, крикнулъ:

— Именемъ нашего дѣла заклинаю тебя:—спасайся!

Однимъ прыжкомъ Спартакъ перелетѣлъ черезъ широкій ровъ, окаймлявшій дорогу и полемъ побѣжалъ къ лагерю. Крисъ послѣдовалъ его примѣру, не теряя ни минуты времени. Германскіе всадники бросились на нихъ, но увидя передъ собою ровъ, повернули коней и поскакали догонять свои легіоны.

— Будьте вы прокляты, дезертиры! воскликнулъ Крисъ.

— И пусть консулъ Геллій изрубитъ васъ въ куски! прибавилъ Спартакъ внѣ себя отъ гнѣва.

Оба вождя снова побѣжали къ лагернымъ воротамъ, гдѣ Арториксъ и Борториксъ съ величайшимъ трудомъ, просьбами и угрозами, удерживали третій легіонъ, желавшій идти вслѣдъ за германцами. Однако, появленіе Крисса заставило галловъ смириться. Онъ заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ и называя ихъ измѣнниками и бунтовщиками, грозилъ, что завтра-же откроетъ виновниковъ этого постыднаго возмущенія и прикажетъ распять ихъ посреди лагеря. Галлы притихли, какъ агната, и покорно повернули назадъ по командѣ любимаго и почитаемаго вождя.

Однако, при послѣднихъ словахъ мужественный галлъ вдругъ поблѣднѣлъ, зашатался и упалъ-бы на землю, если-бы его не подержалъ Спартакъ.

— О, боги! вскричалъ съ горечью фракіецъ, — тебя ранили, когда ты защитилъ меня своимъ тѣломъ!

Дѣйствительно, Крисъ получилъ двѣ раны — одну въ ногу, другую въ правый бокъ и отъ потери крови лишился чувствъ.

Тотчасъ-же онъ былъ перенесенъ въ свою палатку, гдѣ врачъ, осмотрѣвъ его раны, сказалъ трепещущему Спартаку, что они не представляютъ никакой опасности.

Всю ночь Спартакъ просидѣлъ у изголовья друга, погруженный въ самыя мрачныя размышленія. Его одинаково терзала мысль о непостижимой измѣнѣ Окномана и объ участи десяти тысячъ германцевъ, которые ушли вмѣстѣ съ нимъ.

Лишь только занялась заря, Спартакъ приказалъ сниматься съ лагеря и двинулся по направленію къ Камерину.

Туда-же шелъ и консулъ Лентуль съ своими легіонами.

Консулъ Лентуль Клодіанъ, хотя и не былъ особенно свѣдуещъ

въ военномъ дѣлѣ, но зато какъ патрицій родомъ, отличался несомнѣнной гордостью истиннаго римлянина. Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что четыре римскихъ легіона, составлявшіе около двадцати-четырёхъ тысячъ человекъ, вмѣстѣ съ двѣнадцатью тысячами союзниковъ, разобьютъ на-голову въ какія-нибудь четыре часа, хотя бы и стотысячную толпу презрѣнныхъ рабовъ и гладіаторовъ, плохо вооруженныхъ, не имѣвшихъ понятія ни о дисциплинѣ, ни о чести.

Поэтому расположившись лагеремъ на скатѣ отлогого холма, онъ произнесъ передъ своими войсками гордую рѣчь, которая должна была воспламенить ихъ патріотизмъ, и на другой день смѣло пошелъ на гладіаторовъ.

Въ исходѣ битвы трудно было сомнѣваться. Обладая арміей почти вдвое многочисленнѣйшей, Спартакъ въ какіе-нибудь три часа охватилъ консульскіе легіоны съ обонхъ фланговъ и римляне, несмотря на всю свою храбрость, должны были быстро отступить, чтобы не подвергнуться нападенію съ тылу.

Замѣтивъ замѣшательство враговъ, Спартакъ сталъ лично во главѣ резерва и ударилъ на центръ римлянъ съ такою стремительностью, что ряды ихъ окончательно разстроились и они бросились бѣжать въ свой лагерь. Но гладіаторы, преслѣдуя ихъ по пятамъ, овладѣли лагеремъ, обозомъ, знаменами и всею казною консула.

Жалкіе остатки легіоновъ Лентула бѣжали частью въ Сеннонію, частью въ Эгрурію. Въ числѣ послѣднихъ находился и самъ консулъ.

Несмотря на радость, возбужденную этой блестящей побѣдой, значеніе которой еще болѣе усиливалось тѣмъ, что она была одержана надъ однимъ изъ двухъ верховныхъ главъ государства, Спартака не покидала тревожная мысль объ участи двухъ германскихъ легіоновъ. Консулъ Геллій находился всего въ нѣсколькихъ переходахъ отъ нихъ и было весьма мало вѣроятно, чтобы онъ не провѣдалъ объ ихъ отдѣленіи и не пожелалъ воспользоваться случаемъ одержать надъ ними такую вѣрную и легкую побѣду.

Поэтому на слѣдующій-же день рано утромъ Спартакъ двинулъ свои войска обратно въ Аскудуму, выславъ, по обыкновенію, кавалерію далеко впередъ, чтобы собрать заблаговременно всѣ нужныя свѣденія о неприятелѣ.

На первой-же стоянкѣ къ нему прискакалъ Мамилій, начальникъ всей его конницы, и сообщилъ, что, по собраннымъ имъ свѣденіямъ Окноманъ расположился лагеремъ на горѣ, близъ Норціи, и что консулъ Геллій, *узнавъ, что отрядъ германцевъ въ десять тысячъ человекъ по причинѣ внутреннихъ раздоровъ, отдѣлился отъ Спартака *)*, форсированнымъ маршемъ идетъ на германцевъ чтобы изрубить ихъ въ куски.

Давъ всего шесть часовъ отдыха своимъ легионамъ, Спартакъ около полуночи снялся съ лагеря и черезъ Крутыя горы повелъ свои войска кратчайшимъ путемъ къ Норціи.

Но пока Спартакъ пробирался по каменистымъ Апеннинскимъ горамъ, консулъ Геллій Публикола уже прибылъ къ Норціи поздно ночью съ двадцатью восемью тысячами человекъ и на другой день чуть свѣтъ стремительно напалъ на Окномана, который безразсудно принялъ бой при столь неравныхъ условіяхъ.

Жестока и кровопролитна была сѣча и въ теченіи двухъ слишкомъ часовъ германцы, одушевленные примѣромъ своего вождя, съ безпримѣрной храбростью выдерживали напоръ втрое сильнѣйшаго непріятели.

Тогда Геллій послалъ одинъ изъ своихъ легионовъ въ тылъ гладиаторамъ и, чтобы вѣрнѣе окружить ихъ, приказалъ когортамъ, сражавшимся въ центрѣ, податься немного назадъ. Это движеніе чуть не повлекло за собой пораженія римлянъ, потому-что германцы, думая, что враги ихъ дѣйствительно подаются, ударили на нихъ съ такою силой, что римляне, уже и безъ того нѣсколько разстроенные послѣднимъ движеніемъ, должны были отступать уже не притворно, а вразправду.

Но въ ту-же минуту легкая римская пѣхота напала на оба фланга гладиаторовъ, а третій римскій легионъ, предшествуемый далматинскими пращниками, показался у нихъ съ тылу. Увидѣвъ, что имъ нѣтъ больше спасенія, германцы рѣшились погибнуть, какъ слѣдуетъ воинамъ, и, послѣ ожесточеннаго сопротивленія, продолжавшагося около трехъ часовъ, они пали всѣ до послѣдняго **), нанеся не малый уронъ и римлянамъ.

Однимъ изъ послѣднихъ погибъ Окноманъ, убившій собственно

*) Плутархъ. Жизнь Марка Красса.

***) Плутархъ.

ручно одного изъ военныхъ трибуновъ и множество простыхъ солдатъ.

Окруженный горюю труповъ, онъ продолжалъ сражаться, несмотря на множество ранъ. Наконецъ, пораженный нѣсколькими мечами въ спину, онъ съ яростнымъ крикомъ упалъ рядомъ съ Эвтибидой, которая давно уже лежала на землѣ.

Но не успѣла окончиться эта битва, или, скорѣе, это побоище, какъ пронзительный звукъ трубъ далъ знать побѣдителю о приближеніи новаго врага.

Это былъ Спартакъ. Преодоливъ невѣроятныя трудности, легіоны его только-что прибыли на мѣсто битвы и онъ, не давъ имъ ни минуты отдыха, строилъ ихъ въ боевой порядокъ и, проходя передъ рядами, одушевлялъ свои войска на месть за избитыхъ братьевъ.

Консулъ Геллій, не теряя времени, перестроилъ свои легіоны и перебрѣнилъ фронтъ, чтобы встрѣтить новаго врага.

Бой закипѣлъ съ новою силою.

Прибытіе Спартака отвлекло римлянъ въ другую сторону, поэтому поле, усыпанное тѣлами германцевъ, совершенно опустѣло.

Среди ужасныхъ грудъ человѣческихъ труповъ раздавались только отъ времени до времени стоны и крики раненыхъ и умирающихъ. Между нихъ мучился въ предсмертной агоніи и Окноманъ, плавая въ лужѣ собственной крови. Однако, близость смерти не остановила біенія его сердца и въ предсмертномъ хрипѣніи онъ все еще повторялъ имя любимой дѣвушки.

И Эвтибида слышала этотъ призывъ.

Нападеніе Геллія было такъ неожиданно, что она не успѣла ни дезертировать къ римлянамъ, ни удалиться отъ мѣста битвы. Будучи вынуждена, такимъ образомъ, принять участіе въ сраженіи, она сочла болѣе безопаснымъ, при первой ранѣ, упасть на землю, притворившись мертвою. Такъ она и лежала среди груды труповъ до самаго конца битвы. Теперь-же она тихо поднялась и, оторвавъ лоскутъ отъ своей туники, стала перевязывать себѣ рану на лѣвой рукѣ.

— О, Эвтибида, обожаемая Эвтибида! пробормоталъ Окноманъ умирающимъ голосомъ. — Ты жива? Жива? О... какъ я счастливъ!.. Эвтибида... пить... пить хочу... у меня все горитъ внутри... глотокъ воды...

Эвтибида, не обращая на него никакого вниманія, пристально смотрѣла въ даль, туда, гдѣ кипѣла новая битва.

Сквозь облако смерти, окутывавшее уже его глаза, Окноманъ увидѣлъ дѣвушку, спокойно слѣдившую за битвой съ перевязанной лѣвой рукой. Несмотря на оцепенѣніе агоніи, онъ замѣтилъ, что рана ея очень легкая. Ужасное подозрѣніе мелькнуло въ его головѣ, но онъ тотчасъ-же отогналъ его отъ себя и, чуть слышно, прошепталъ:

— О, Эвтибида, поцѣлуй меня... на прощаніе!..

— До тебя-ли мнѣ теперь! воскликнула гречанка, вставая съ своего мѣста и устремляя на умирающаго взглядъ, который сказалъ ему все.

— О, проклятіе! зарычалъ Окноманъ и, сдѣлавъ отчаянное усиліе, приподнялся до половины.

— О, фурия ада. Теперь я все понимаю... Спартакъ невиненъ... Ты все лгала... Будь-же ты проклята, будь про...

Онъ упалъ бездыханный.

Эвтибида, не обращая на него вниманія, шла къ тому мѣсту, отсюда раздавался грохотъ новой битвы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

У. К. КЛИФФОРДЪ И ЕГО МОРАЛЬ.

(ОЧЕРЕЖЬ).

I.

3-го марта 1879 года умеръ на островѣ Мадерѣ отъ чахотки одинъ изъ самыхъ выдающихся людей современной Англіи— Уильямъ Киндонъ Клиффордъ. Ему было всего 32 года. Сила его таланта и могучесть его ума дѣйствовали съ поразительной обаятельностью. Онъ сочеталъ въ себѣ строгаго философа-математика съ поэтомъ-гражданиномъ и представлялъ лучшій образчикъ высокоразвитаго европейца, съ тонкими нервами, яснымъ міросозерцаніемъ, всестороннимъ умомъ, возвышенною душою, безкорыстной жаждой знанія, ничѣмъ неутомляемою и художественною натурою. Въ Англіи его высоко цѣнятъ, какъ ученаго и какъ философа-публициста. Въ Россіи его знаютъ очень немногіе. Мы думаемъ, что наша статья о Клиффордѣ и его дѣятельности будетъ, поэтому, не лишняя.

Клиффордъ родился въ маѣ 1845 года въ Экстерѣ. Онъ не любилъ рассказывать о себѣ и потому біографическія свѣденія о немъ довольно скудны. Отецъ его былъ заурядный человѣкъ и служилъ мировымъ судьбою. Мать его рано умерла. Отъ нея онъ наслѣдовалъ, вмѣстѣ съ слабымъ организмомъ, частичку того генія, который окрылялъ его, и ту жажду вѣчной, неустанной мозговой дѣятельности, которая свела его въ могилу, не давъ свершиться полному расцвѣту его силъ. Въ Экстерѣ онъ воспитывался до 1860 года, а потомъ въ Лондонѣ, въ King's College. Изъ всѣхъ школьныхъ занятій ему нравилась больше всего гимнастика. Онъ былъ первымъ въ исполненіи разныхъ гимнастическихъ штукъ, и поразительная крѣпость его мышцъ составляла

единственный предметъ его гордости. Одинъ другъ его сообщаетъ его біографу, Поллоку, что онъ не терялся на самой страшной высотѣ и продолжалъ продѣлывать чудеса ловкости на шпицѣ церковной башни съ такимъ-же присутствіемъ духа, какъ и на землѣ. Черты эти интересны въ томъ отношеніи, что проявлялись въ юношѣ съ слабымъ и хилымъ тѣлосложеніемъ. Съ другой стороны, это еще разъ доказываетъ, что физическая сила можетъ существовать на ряду съ великой умственной энергіею и ею даже обусловливаться. Дикари слабѣе европейцевъ, потому что ихъ мускульная дѣятельность недостаточно импульсируется нервной. Въ King's College'ѣ Клиффордъ выказалъ замѣчательныя математическія способности, но не всецѣло отдавалъ себя математикѣ. Онъ изучилъ классиковъ, которыхъ зналъ очень глубоко и сдумалъ сдѣлать для себя это знаніе плодотворнымъ, изучилъ новую исторію и англійскую литературу. Историческія сочиненія были потомъ всегда его любимымъ чтеніемъ, и онъ умѣлъ отлично пользоваться прочитаннымъ матеріаломъ при проведеніи параллелей между самыми отдаленными странами и эпохами. А знакомство съ новѣйшею поэзіею повліяло на его стиль въ такой степени, что его можно поставить рядомъ съ лучшими современными англійскими стилистами. Пишетъ онъ ярко, образно и точно. Обороты его гармоничны и выраженія сильны и мѣткі. Интересно, что онъ никогда не «вычищалъ» слога, и многія его статьи были произнесены предварительно въ формѣ публичныхъ лекцій; онъ вылился изъ глубины душевной, безъ всякихъ усилій и блещутъ красотою, чуждыя декламаторскаго грѣма и риторической напыщенности, проникнутыя какой-то изящной простотой. Кромѣ греческихъ и римскихъ классиковъ, Клиффордъ интересовался санскритомъ, углублялся одно время въ гіероглифы, выучился бѣгло читать по ново-гречески, зналъ новые языки— французскій, нѣмецкій, испанскій. Послѣднему онъ выучился за три года до смерти. Тогда-же сталъ изучать и арабскій языкъ.

Когда, въ 1863 году, онъ поступилъ въ Trinity College, въ Кембриджѣ, то сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе. И на него стали смотрѣть, какъ на чрезвычайно оригинальнаго молодого человѣка. Его математическая смѣтка, его привычки, мнѣнія, внѣшность были предметомъ постоянныхъ разговоровъ въ кругу его сверстниковъ. Поллокъ познакомился съ нимъ и подружился. Онъ рассказываетъ, что его поражала въ то время необычная смѣлость рѣчей Клиффорда, его діалектика. Относительно-же остроты его ума въ области математики, онъ приводитъ слѣдующій примѣръ; изъ котораго, между прочимъ, видно, что Клиффордъ, уже юношей, обладалъ яркимъ воображеніемъ,

характеризующимъ людей, особенно плодотворно работающих на поприщѣ отвлеченнаго мышленія. Въ аналитической стативѣ есть предложеніе, называемое теоремою Айвори, относящееся къ аттракціямъ эллипсоида. Учебникъ, гдѣ излагалась она, нагонялъ на студентовъ ужасъ сложнымъ и запутаннымъ аппаратомъ координатъ и интеграловъ, такъ-что теорема получила названіе *жернова* (grind). Однажды, на каникулахъ, которые Клиффордъ и Поллокъ проводили вмѣстѣ, Поллокъ, приведенный въ отчаяніе кажущейся мертвенностью безконечной цѣпи символическихъ доказательствъ, ничего не говорящихъ уму, обратился къ товарищу за разъясненіемъ затрудненій. «Что именно отвѣчалъ онъ мнѣ, пишетъ Поллокъ,—подробно не помню, да и не мудрено, потому-что вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ мнѣ ни разу не пришлось имѣть дѣла съ теоремою Айвори. Но знаю, что сказанное имъ было результатомъ не продолжительнаго обдумыванія, а послѣдовало весьма непринужденно; онъ просто рассказалъ, что зналъ. Онъ не прибѣгнулъ ни къ чертежамъ, ни къ алгебраическимъ знакамъ, а описалъ геометрическія условія, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе теоремы, и въ такой формѣ, что они, казалось, застыли въ пространствѣ. Выводовъ нечего было искать; они были реальны и осязательны и ихъ надо было только видѣть».

Клиффордъ самъ не любилъ математики подъ тѣмъ соусомъ, подъ какимъ преподносятъ ее англійскимъ студентамъ. И прохожденіе имъ математическаго курса въ Кембриджѣ было постоянной борьбой между требованіями «трипоса» и его врожденнымъ стремленіемъ къ независимому чтенію и изученію, шедшимъ далеко за предѣлы оффиціальной программы. Вслѣдствіе этого, экзамены для него были пыткой, хотя иногда онъ получалъ и награды.

Вообще преслѣдованіе научныхъ цѣлей только ради нихъ, безъ соображенія о побочных интересахъ, связанныхъ съ ними, было руководящею чертою дѣятельности Клиффорда въ теченіи всей его недолгой жизни. Онъ искалъ истины ради нея самой, и это придавало потомъ его чтеніямъ чарующую привлекательность. Онъ избѣгалъ формулъ, гналъ догматичность и давалъ только идеи. Приведемъ кстати отзывъ объ этой сторонѣ Клиффорда Клерка Максвелла, одного изъ великихъ математическихъ авторитетовъ. «Особенность м-ра Клиффорда... состоитъ въ томъ, что его изысканія устремлены не на выработку непонятныхъ теоремъ, помощью остроумныхъ выкладокъ, но на освѣщеніе научныхъ идей путемъ концентрированія на нихъ ясной и опредѣленной мысли. Слушатели такого профессора не только должны

приобрѣсть болѣе точныя взгляды на преподаваемый предметъ, но и ободреніе въ дѣлѣ культивированія въ себѣ способности самостоятельнаго мышленія, чѣмъ такъ пренебрегаютъ современныя воспитательныя системы».

Въ 1868 году Клиффордъ былъ избранъ членомъ (Fellow) Trinity College'a, а въ 1881 году сталъ профессоромъ прикладной математики въ лондонскомъ университетскомъ колледжѣ. Въ промежутокъ этого времени онъ принималъ участіе въ англійской экспедиціи по затмѣнію 1870 года, и изъ его писемъ видно, какое яркое впечатлѣніе произвело на него Средиземное море, съ городами, раскинувшимися по его берегамъ, съ ихъ пестрымъ населеніемъ. Въ 1874 году онъ былъ избранъ въ члены королевскаго института. Ему и прежде предлагали это избраніе, но онъ отклонилъ тогда эту честь. Интересно, что онъ не любилъ хвастать этимъ, и Поллокъ, его пріятель, узналъ отъ него о почетѣ, оказанномъ ему, только за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти.

Въ апрѣлѣ 1875 года Клиффордъ женился на Люси Лэнъ. Въ день брака онъ, чрезвычайно аккуратно посѣщавшій свою аудиторію, извѣстилъ слушателей, что на этотъ разъ не можетъ прочесть обычной лекціи по случаю одного важнаго обстоятельства, которое, впрочемъ, врядъ-ли повторится. Съ тѣхъ поръ домъ его сталъ мѣстомъ собранія для многочисленныхъ его друзей, представлявшихъ отгѣнки всевозможныхъ вкусовъ и мнѣній. Само собою разумѣется, преобладалъ научный элементъ. Клиффордъ быстро располагался въ пользу тѣхъ людей, которые были ему симпатичны, и отдавалъ имъ предпочтеніе предъ единомыслищими собратами по профессіи, если тѣ не вызывали въ немъ къ себѣ сердечнаго влеченія. Страстно преданный наукѣ, онъ не былъ, однако, фанатикомъ своихъ идей и никогда не проникался враждебнымъ чувствомъ къ своимъ критикамъ. И вслѣдствіе этого даже тѣ, кому мнѣнія Клиффорда были ненавистны, какъ слишкомъ смѣлыя и свободныя отъ какихъ-бы то ни было предразсудковъ, относились къ нему съ уваженіемъ и были не притворно огорчены, узнавъ о его болѣзни, долженствовавшей кончиться смертельно. Это обаяніе его личности никогда не исчезало, и даже на смертномъ одрѣ онъ привлекалъ къ себѣ сердца знакомыхъ и постороннихъ, съ которыми быстро завязывалъ сношенія, открытою простотою своею, бесѣды, особаго рода деликатностью, сквозь которую просвѣчивала благожелательность, и блескомъ ума, мѣткостью сужденій. Его искренностью и задумчивостью можно объяснить то, что дѣти обожали его. И онъ отлично зналъ этотъ прелестный «маленькій народъ», находилъ удовольствіе быть въ ихъ обществѣ и обладалъ особымъ даромъ

занимать ихъ. Онъ собиралъ для нихъ сказки и пѣсни, и его стихотвореніе «*You grow through the water arase, li ly*» и рассказъ «*The Giant's Shoes*» положительно прелестны, полны наивнаго, задорнаго юмора и повтической музыкальности. Этотъ юморъ, нужно замѣтить, былъ вообще преобладающею чертою въ характерѣ Клиффорда, и онъ вносилъ смѣхъ и радость въ самые скучные уголки обыденной жизни, и даже въ суровую и важную область философіи. По возвращеніи изъ Метафизическаго общества (посвященіе котораго доставляло ему большое удовольствіе, хотя здоровье и не позволяло ему выходить изъ дома послѣ заката солнца), онъ подробно рассказывалъ, что тамъ происходило и изображалъ въ лицахъ диспуты необыкновенно комично.

Работалъ онъ упорно, усидчиво, цѣлыя ночи напролетъ. И это, главнымъ образомъ, подточило его силы. Признаки серьезнаго разстройства органовъ дыханія начали появляться еще весною 1876 года. Друзья тщетно убѣждали его, что болѣзнь его требуетъ болѣе, чѣмъ какихъ-нибудь трехъ недѣль спокойнаго сидѣнія на дачѣ. Онъ вѣрилъ имъ, онъ зналъ, что здоровью его угрожаетъ большая опасность, но не могъ преодолѣть жажды мозговой дѣятельности, и духъ его возмущался перспективой ничего недѣланья, хотя-бы и временною. Насилу уговорили его взять шести-мѣсячный отпускъ и ѣхать въ Алжиръ и на югъ Испаніи. Возвратился онъ бодрый и почти цвѣтущій. Года полтора работалъ онъ по-прежнему. Но вдругъ все пошло къ худшему. Смерть отца глубоко потрясла его. Онъ долженъ былъ опять покинуть Англію. Въ апрѣлѣ 1878 года онъ и его жена отправились къ берегамъ Средиземнаго моря. Они посѣтили Гибралтаръ, Венецію, Мальту, пробыли нѣсколько недѣль на Монте-Дже неразъ, и Клиффордъ писалъ отовсюду письма на родину, къ друзьямъ, то коротенькіе, то длинные, что было для него большимъ подвигомъ, такъ-какъ, какъ это ни странно, онъ считалъ писаніе именно писемъ самымъ труднымъ дѣломъ. Письма его полны жизни, а описанія путевыхъ впечатлѣній горятъ яркостью колорита, изобилуютъ художественными штрихами. Поллокъ приводитъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ августѣ 1878 года Клиффордъ, почувствовавъ облегченіе, опять возвратился въ Англію. Онъ выглядѣлъ нѣсколько лучше. Не могъ долго работать, но осталось еще много прежняго огня. Въ бесѣдахъ съ пріятелями чрезвычайно оживлялся и былъ веселъ. Въ сентябрѣ, однако, побѣда, видимо, склонилась на сторону болѣзни. Клиффордъ ослабѣлъ окончательно. Но все-же расположеніе духа его не измѣнялось. Онъ продолжалъ интересоваться друзьями и жадно

слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ жизни и наукѣ. Жизнь онъ любилъ необыкновенно. И не боялся смерти. Любимой его поговоркой было изреченіе Спинозы: «Homo liber de nulla re minus quam de morte cogitat» (Свободный человѣкъ меньше всего думаетъ о смерти). Въ началѣ 1879 года онъ отправился на Мадеру, гдѣ роскошь природы, благоухающей подъ яснымъ небомъ, и теплый воздухъ облегчили для него горечь предсмертныхъ страданій, зажгли даже въ окружающихъ лучъ надежды. Но Клиффордъ умеръ.

Что касается наружности этого замѣчательнаго человѣка, то, судя по портретамъ и описанію Поллока, въ ней было много характернаго, и это зависѣло преимущественно отъ его душевныхъ качествъ. Глаза его были ярки, и взглядъ, въ высшей степени симпатичный, обладалъ игрой, состоявшей изъ ряда неуловимыхъ перемѣнъ въ напряженіи блеска, каждый разъ соотвѣтственно тому или другому душевному движенію. Онъ былъ блондинъ и неправильныя черты его массивнаго сократическаго лица были энергичны. Тонкій и стройный, онъ былъ сложенъ очень пропорціонально и руки у него были узкія и почти женскія. Поллокъ говорить, что главное въ его наружности было—интеллектуальная красота, особенность, которая не поддается описанію.

II.

Познакомившись нѣсколько съ личностью Киндона Клиффорда, перейдемъ теперь къ его сочиненіямъ, такимъ, въ которыхъ рѣзче всего сказались особенности его ума и міровоззрѣнія. Приэтомъ мы не коснемся его математическихъ сочиненій, стяжавшихъ ему репутацію первокласснаго математика, а передадимъ здѣсь, только въ общихъ чертахъ, его нравственно-философскія идеи.

Первое по времени мѣсто занимаетъ лекція его, прочитанная въ мартѣ 1868 года въ королевскомъ институтѣ — о «Нѣкоторыхъ условіяхъ умственнаго развитія».

Если вслушаться хорошенько въ то, что дѣлаешь въ теченіи дня, говоритъ Клиффордъ,—то придешь къ заключенію, что ничего больше, какъ только съ утра до вечера *измѣняешь свой умъ* (mind). Просыпаешься. Тутъ совершается переходъ отъ безсознательнаго состоянія ума къ сознательному, величайшая перемѣна, которую только онъ въ состояніи претерпѣть. Сначала хочется еще немножко полежать. Но это рѣшеніе скоро проходитъ и уступаетъ мѣсто желанію дѣятельности, которое снова

превращается въ воленіе, производящее физическій актъ вставанія. Отсюда возникаютъ новыя впечатлѣнія, т. е. умъ изъ состоянія не воспринимающаго или нечувствующаго переходитъ въ обратное состояніе. И такъ далѣе. Совершили-ли вы какое-нибудь произвольное дѣйствіе? Тутъ, значить умъ перешелъ изъ нерѣшимости къ дѣятельности, отъ рѣшительнаго желанія къ воленію, отъ воленія къ дѣйствованію. Сдѣлали вы что-нибудь импульсивно? Значить была еще болѣе быстрая и значительная перемѣна, обозначаемая словомъ импульсъ. Почувствовали вы себя счастливыми или несчастными? Значить произошла перемѣна въ вашемъ способѣ смотрѣть на вещи вообще,—переходъ, какъ выражается Спиноза, отъ низшаго состоянія совершенствованія къ высшему, или *vice versâ*. Можно возразить, что всѣ эти перемѣны не идутъ дальше поверхности ума, не касаются характера, который остается безъ измѣненій въ теченіи цѣлаго дня и даже многихъ дней, такъ - что можно предсказать, какъ такой-то или такой-то человѣкъ будетъ вести себя при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Но вѣрно-ли это? Развѣ не говорятъ о характерѣ ребенка, выросшаго и ставшаго мужчиной: да, онъ сдѣлался, при новыхъ условіяхъ, совершенно другимъ! Развѣ романтистъ ограничивается изобрѣтеніемъ характера только въ данный моментъ? Разбирая вопросъ всесторонне, мы должны будемъ признать, что самое ничтожное обстоятельство, какъ-бы ни было оно незамѣтно, оставляетъ слѣдъ въ умѣ. Сумма-же такихъ слѣдовъ и составляетъ то, что мы называемъ характеромъ, который есть такимъ образомъ исторія всей предъидущей жизни индивидуума и который постоянно растетъ, развивается, видоизмѣняется. Представляя, грубо выражаясь, законъ поступковъ человѣка для нѣкотораго значительнаго времени, характеръ, однако, не есть такой законъ, который-бы неуклонно - аккуратно дѣйствовалъ на протяженіи даже какихъ-нибудь двухъ секундъ. Ибо всякое дѣйствіе, совершающееся въ зависимости отъ характера, тѣмъ самымъ влияетъ на него и видоизмѣняетъ его.

То-же самое слѣдуетъ сказать о національномъ характерѣ, типъ котораго преобладаетъ въ ту или другую эпоху и получаетъ названіе духа времени. Этотъ духъ никогда не застаивается, и вся исторія человѣчества есть исторія его непрерывныхъ перемѣнъ, слѣдующихъ одна за другою подобно катящимся поступательно волнамъ.

Итакъ, умъ постоянно измѣняется и только благодаря этимъ измѣненіямъ мы познаемъ его. Законы его измѣненій мы называемъ характеромъ. Но характеръ тоже измѣняется, хотя и медленно. Законы его измѣненій, совершающіеся въ цѣломъ на-

родѣ въ данное время, называются духомъ времени. Однако и духъ этотъ подлежитъ видоизмѣненіямъ, хотя еще болѣе медлительнымъ.

Всѣ эти измѣненія зависятъ отъ окружающихъ обстоятельствъ, имѣютъ къ нимъ близкое отношеніе. И все это мы знаемъ, на увѣренности въ истинности этого зиждутся наши воспитательныя и разныя другія системы. Нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ идутъ дальше: не было и нѣтъ недостатка въ предпріимчивыхъ и дальновидныхъ государственныхъ людяхъ, стремящихся къ контролю и къ регулированію духа времени. Такимъ образомъ, рождается вопросъ: если умъ каждой единицы безпрестанно измѣняетъ свой характеръ къ лучшему или худшему, если характеръ всей расы или всего народа подверженъ такимъ же измѣненіямъ,—въ зависимости отъ окружающихъ условий, то въ какомъ положеніи умъ долженъ быть, чтобы претерпѣвать измѣненія только къ лучшему? Съ другой стороны, такъ-какъ характеры всѣхъ единицъ видоизмѣняются въ направленіи индивидуальности каждой изъ нихъ, и такъ-какъ средній характеръ, духъ времени, измѣняется или въ какомъ-нибудь одномъ направленіи, или стремится распасться на два различныхъ характера, то та или другая общественная единица можетъ или находиться въ гармоніи съ народомъ, или расходиться съ нимъ, т. е. часть народа можетъ поступать или несправедливо, или справедливо. Предположимъ, что «часть народа» поступаетъ справедливо и развитіе ея совершается въ направленіи къ лучшему. Въ такомъ случаѣ, какимъ путемъ узнать, что индивидуумъ идетъ къ лучшему вмѣстѣ съ народомъ, какъ отличить его отъ тѣхъ, кто или расходится съ путями народа, или вредитъ ему?

Чтобъ отвѣтить на эти вопросы, Клиффордъ обращается къ аналогіи между умомъ и видимыми формами органической жизни. И находитъ, что измѣненія, претерпѣваемые умомъ, могутъ быть сведены къ тремъ типамъ: росту, структурнымъ перемѣнамъ и функциональнымъ. Ростъ ума есть приобрѣтеніе новыхъ познаній, увеличивающихъ массу нашего умственного опыта. Въ то время какъ въ дѣтствѣ количество забываемаго мало сравнительно съ запоминаемымъ, въ зрѣломъ возрастѣ способность забвенія быстро вытѣсняетъ способность усвоенія новыхъ свѣденій и, наконецъ, ростъ ума прекращается. Затѣмъ структурныя измѣненія обнимаютъ собою такія, которыя касаются порядка расположенія, формы усвоиваемыхъ познаній. Идеи, бывшія только слабо связанными, сближаются, сливаются, образуютъ плотное цѣлое. При этомъ процессъ сплавляются и существуютъ рядомъ иногда такія идеи, которыя прямо проти-

воположны одна другой во всѣхъ отношеніяхъ. Русскій читатель можетъ, къ сожалѣнію, почерпнуть много примѣровъ подобной странной ассоціаціи идей изъ нашей дѣйствительности. Наконецъ, что касается функціональных измѣненій, то каждый знаетъ, какъ развиваются умственные способности ребенка и какъ онѣ проявляются. Способности — результатъ упражненія. Итакъ, взаимодействія, совершающіяся между средою и индивидуумомъ, могутъ быть сведены къ тѣмъ-же самымъ тремъ типамъ и въ случаѣ ума, какъ въ случаѣ любого видимаго организма.

Какимъ-же образомъ отвѣтить на поставленные выше вопросы?

Признаки прогресса по эволюціонной доктринѣ суть:

Раздѣльность частей;

Выдѣленіе изъ окружающей среды;

Болѣе тѣсное соотношеніе съ нею;

Отдѣленіе отъ другихъ индивидуумовъ, — и

Общественность.

Клиффордъ принимаетъ ученіе Спенсера о томъ, что процессы, по которымъ совершается всякое развитіе, состоятъ изъ дифференціаціи и интеграціи, причемъ интеграція частей подразумеваетъ общность ихъ въ томъ отношеніи, что если подѣйствовать на одну изъ нихъ, то дѣйствіе должно отразиться и на всѣхъ несмотря на то, что онѣ дифференцированы, т. е. обособлены. Иначе—дифференціація есть процессъ совпадающій съ выработкой индивидуальности, интеграція съ выработкой общественности.

Примѣняя это ученіе къ данному случаю, Клиффордъ отмѣчаетъ черты, характеризующія одновременный процессъ дифференцированія и интегрированія, совершающійся въ области сознательнаго, между умомъ и окружающей средою, между умомъ и другими умами. Умъ, вполне обособившійся отъ среды и въ то-же время тѣсно связанный съ нею широкимъ чувствомъ симпатіи и глубокимъ пониманіемъ ея, есть умъ генія. Индивидуумъ, обладающій такимъ умомъ, раздѣляетъ желанія другихъ, болѣзненно сострадаетъ ихъ нуждамъ, радуется ихъ радостями, скорбитъ вмѣстѣ съ ними по поводу ихъ горести. Развитіе организма находится, какъ это доказывается многими біологическими фактами, скорѣе въ зависимости отъ дѣятельности его, чѣмъ отъ пассивнаго отношенія къ средѣ, вліяющей на него. Въ приложеніи къ развитію ума, мы видимъ, что оно обусловливается, съ одной стороны, данными положительнаго характера, съ другой—отрицательнаго. Положительныя данныя требуютъ отъ ума творческой дѣятельности. Умъ, склонный къ наукѣ, не можетъ ограничиваться однимъ спокойнымъ созерцаніемъ имѣющагося на лицо

научнаго матеріала или штудированіемъ существующихъ научныхъ теорій; онъ будетъ стремиться органически къ созданію чего-нибудь самостоятельнаго, къ открытію новыхъ фактовъ и законовъ. Умъ художественный не будетъ довольствоваться благоговѣйнымъ восторгомъ предъ произведеніями великихъ мастеровъ. Онъ самъ создастъ что-нибудь. Такимъ образомъ первое условіе умственнаго прогресса есть такая обстановка ума, которая направляла-бы его больше въ сторону творчества, чѣмъ въ сторону исключительнаго приобрѣтенія знаній, находящаго удовлетвореніе въ себѣ самомъ. Что касается отрицательныхъ данныхъ, то всѣ они могутъ быть охарактеризованы словомъ пластичность. Умъ неупругій, воспринимающій мнѣнія среды безъ всякой критики, все допускающій, отъ всего претерпѣвающій измѣненія и, наконецъ, кристаллизирующійся и дѣлающійся безжизненною частичкою самой среды, къ которой окончательно приспособляется — вотъ умъ, подходящій подъ опредѣленіе пластичнаго. А отсюда легко вывести заключеніе, кто полезенъ и кто вреденъ для общества.

III.

Рядомъ съ воззрѣніями Клиффорда на нѣкоторыя условія умственнаго развитія слѣдуетъ поставить его чтеніе о душѣ и тѣлѣ.

Все поле знанія, по его мнѣнію, можетъ быть раздѣлено на три области—физическія науки, которыя имѣютъ дѣло съ неодушевленною матеріею, затѣмъ науки, имѣющія дѣло съ органическими тѣлами и законами, по которымъ они движутся, и, наконецъ, такія науки, которыя допускаютъ, что, кромѣ этого физическаго міра, включающаго въ себѣ органическія и неорганическія тѣла, существуютъ также нѣкоторые другіе факты, по которымъ мы заключаемъ о сознательной жизни прочихъ людей и даже животныхъ. Эти науки—этика и политика, находящіяся еще на практической стадіи, и психологія, наука о душѣ, т. е. о законахъ, управляющихъ смѣною чувствованій въ какой-нибудь сознающей себя единицѣ. Всѣ три отдѣла наукъ начались въ формѣ приобрѣтенія людьми извѣстнаго числа неимѣющихъ между собой никакой связи фактовъ. Да и теперь корни у нихъ, повидимому, разные; но въ исторіи мысли каждый изъ этихъ отдѣловъ развивался совмѣстно съ другими и спаивался съ ними тѣснѣе и тѣснѣе, благодаря обнаруженію въ нихъ многихъ общихъ точекъ соприкосновенія. Дальнѣйшій-же прогрессъ тре-

буетъ даже, чтобы всѣ эти нити, сплетенныя, каждая изъ многихъ другихъ нитей, составили одну общую нить, слились-бы въ нѣчто совершенно цѣлое.

Остановившись на томъ, что такое мозгъ и какъ дѣйствуетъ нашъ нервный механизмъ, Клиффордъ переходитъ затѣмъ къ фактамъ сознательной жизни.

Подобно общему характеру нервной системы, по которому между побужденіемъ и движеніемъ есть связь прямая или косвенная, идущая кругообразно или петлеобразно, а также существуетъ непрерывная дѣятельность мозга, причѣмъ два дѣйствія, совершающіяся одновременно, образуютъ родъ звена между собою, такъ-что одно, будучи повторено, вызываетъ другое, такъ точно и два состоянія сознанія, случаясь одновременно, образуютъ цѣпь, и одно вызываетъ потомъ другое. Кромѣ того, существуетъ отношеніе между непрерывною дѣятельностью мозга и непрерывною сознательностью, независимо, повидимому, отъ впечатлѣнія (sensation) и упражненія (exertion), изъ которыхъ первое отвѣчаетъ — вѣсти, подаваемой глазомъ въ случаѣ, напримѣръ, свѣтового раздраженія, а второе — движенію руки, вслѣдствіе того, что вѣсть эта о впечатлѣніи прошла по нервамъ.

Если ближе взглянуть въ механизмъ этого отношенія, то придется отмѣтить нѣкоторыя явленія. Главное будетъ состоять въ томъ, что каждый актъ сознанія сопровождается нѣкоторымъ разрушеніемъ нервного вещества, хотя и существуютъ такіе случаи потребленія этого вещества, которые обратно не сопровождаются проявленіями сознанія.

Однако, разница между обоими родами явленій, физическими и умственными, громадна.

Состояніе человѣческаго мозга и дѣйствія, зависящія отъ этого состоянія, каждымъ наблюдательнымъ человѣкомъ могутъ быть замѣчены, измѣрены, записаны и описаны; но состояніе сознанія человѣка извѣстно только ему и никому больше. Предметы, являющіеся намъ, наблюдаемые нами внѣ насъ, мы называемъ объектами или феноменами. Факты сознательной жизни въ человѣкѣ не суть ни объекты, ни феномены. Ихъ можно наблюдать въ себѣ только самъ этотъ человѣкъ. Мы не имѣемъ основанія, и не можемъ имѣть его, — говоришь о сознаніи другого человѣка, какъ о части физическаго міра объектовъ или феноменовъ. Это есть нѣчто совершенно отдѣльное отъ него. И все свидѣтельствуетъ, что физическій міръ идетъ своимъ особымъ путемъ, повинуюсь извѣстнымъ практическимъ всеобщимъ законамъ, независимо отъ чьего-бы то ни было сознанія. Оттуда слѣдуетъ, что сознаніе само по себѣ не существуетъ какъ особая

сила, иначе такая сила и проявлялась-бы особымъ манеромъ. Это совсѣмъ не сила, какъ не сила умъ, воля. Нѣтъ абсолютно никакихъ средствъ для того, чтобы научно изслѣдовать чей-нибудь умъ, какъ объектъ. О томъ, что онъ существуетъ у другихъ, мы судимъ по аналогіи, и инстинктъ, который руководитъ нами при составленіи такого заключенія, есть социальный инстинктъ, переданный намъ по наслѣдству и формирующійся съ тѣхъ поръ, какъ люди стали жить вмѣстѣ; не допускай люди такого предположенія, они не составляли-бы обществъ, они не жили-бы совмѣстною жизнью. Физическія явленія, сопровождающія умственные, не совпадаютъ съ ними. И тѣ и другія совершаются сами по себѣ. Если говорятъ, что воля вліяетъ на матерію, то говорятъ чужь. Воля не есть матеріальная вещь и не есть родъ матеріальнаго движенія. Такое утвержденіе достойно грубаго матеріализма дикаря. Единственное, что вліяетъ на матерію, есть положеніе окружающаго вещества или движеніе этого вещества. Правда, что при каждомъ проявленіи воли происходитъ нѣкоторое нарушеніе физическихъ законовъ; но это нарушеніе, однако, замѣчаемое наблюдателемъ, есть физическій фактъ, сопровождающій процессъ воленія а не сама воля, которая неуловима, неизмѣрима, непостижима, которая не обладаетъ ни однимъ признакомъ реального существованія, которая ни вещество, ни сила.

Разсуждая такимъ образомъ, Клиффордъ приходитъ къ тому заключенію, что тѣло есть физическая машина, которая функционируетъ сама собою, согласно нѣкоторымъ физическимъ законамъ, а человекъ—чрезвычайно тонкій и сложный механический аппаратъ. Но впрочемъ, не бездушный аппаратъ,—аппаратъ въ родѣ нашихъ машинъ,—а обладающій сознаниемъ. Съ другой стороны, умъ или душа (mind) можетъ быть опредѣлена, какъ потокъ чувствованій (feelings), одновременный и параллельный движенію или системѣ движеній въ извѣстной части тѣла, т. е. въ мозгъ, раздраженномъ тѣмъ или другимъ посредствующимъ или непосредственнымъ дѣйствіемъ на него среды.

IV.

Въ первой лекціи своей Клиффордъ затронулъ чрезвычайно важный вопросъ о томъ, какія отношенія индивидуумовъ къ обществу справедливы и какія нѣтъ, причемъ отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что люди, стремящіеся къ развитію знаній и нравственныхъ понятій, къ созданію умственныхъ богатствъ, могутъ быть

причислены къ друзьямъ народа, люди-же, требующіе удержанія старыхъ формъ общежитія, поклоненія старинѣ, обладающіе кисельной душой, неспособной къ проникновенію чувствомъ общественности, замѣняющіе, въ лучшемъ случаѣ, любовь къ ближнему соблюденіемъ условной вѣжливости,—враги его, активные или пассивные. Идеи свои по этому предмету онъ довольно подробно развилъ въ рядѣ большихъ статей (отчасти прочитанныхъ, до напечатанія въ періодическихъ изданіяхъ, въ формѣ лекцій): «О научныхъ основаніяхъ нравственности», о «Справедливомъ и несправедливомъ», объ «Этикѣ вѣры», объ «Этикѣ религіи» и о «Космической эмоціи».

Подъ «нравственностью» или этикой Клиффордъ подразумѣваетъ ученіе объ особаго рода удовольствіи или неудовольствіи, испытываемомъ человѣческимъ умомъ при созерцаніи нѣкоторыхъ сторонъ поведенія, причѣмъ они представляются или справедливыми или несправедливыми, и объ особаго рода желаніи стремиться къ совершенію хорошаго и избѣгать дурного; это желаніе можетъ быть названо нравственнымъ аппетитомъ. А удовольствіе и неудовольствіе, о которыхъ только-что шла рѣчь—нравственнымъ чувствомъ.

Правила нравственности или максимы гласятъ: «Дѣлай то-то, потому-что это справедливо»; или: «Не дѣлай того-то, потому-что это несправедливо». Въ нихъ выражается желаніе поступать справедливо ради самого желанія, а не ради чего-нибудь другого. Поступки, разрѣшаемые или воспрещаемые такими максимами, зависятъ отъ характера индивидуума, въ умѣ котораго является потребность къ ихъ совершенію или воздержанію отъ нихъ. Она одинакова болѣе или менѣе въ нравственномъ кодексѣ лицъ, принадлежащихъ къ одной и той-же расѣ, на протяженіи извѣстнаго промежутка времени, но различна у разныхъ расъ и въ разное время. На вопросъ: «что справедливо?» можетъ быть данъ отвѣтъ: «то, что удовлетворяетъ вашему нравственному чувству», а на вопросъ: «что вообще считается справедливымъ?» можно отвѣтить характеристикой нравственности даннаго народа въ данную эпоху. Но нравственный кодексъ индивидуума можетъ быть измѣненъ привычкой, воспитаніемъ. И согласно съ этимъ возникаетъ вопросъ: «какимъ образомъ расположить мои нравственные желанія, чтобы удовлетворять имъ возможно полнѣе и постояннѣе? Что я долженъ чувствовать, чтобъ быть хорошимъ?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ изученіи условій, подъ вліяніемъ которыхъ образуется и сохраняется нравственное чувство; другими словами, въ изученіи функцій его, какъ свойства человѣческаго

организма. Максимумы, полученные путемъ такого изученія, могутъ быть названы максимумами абстрактнаго или абсолютнаго права; онѣ не абсолютно универсальны, «вѣчны и неизмѣнны», но независимы отъ индивидуума и практически-универсальны для человѣческаго вида въ его настоящемъ положеніи.

Наукой Клиффордъ называетъ приложеніе опыта къ новымъ обстоятельствамъ, при помощи порядка вещей, наблюдаемаго въ прошломъ и предполагаемаго неизмѣняющимся и въ будущемъ. Самое простое употребленіе опыта, какъ руководителя въ томъ или другомъ случаѣ, лежитъ, вѣроятно, внѣ области сознательнаго. Это ассоціація непрерывно-повторяющагося подбора дѣйствій съ извѣстными обстоятельствами. Поэтому, наука, даже на высшихъ ступеняхъ своего развитія, еще сохраняетъ характеръ мастерства, требующаго отъ своихъ адептовъ, помимо способности къ отвлеченному мышленію, простой сноровки. Наука, такимъ образомъ, есть добываніе знанія опытнымъ путемъ, въ томъ предположеніи, что природа единообразна и что это знаніе можетъ руководствовать поступками людей.

Исходя изъ этого опредѣленія науки, Клиффордъ старается доказать, что максимумы нравственности гипотетическія максимумы, полученные опытнымъ путемъ въ предположеніи, что природа вездѣ дѣйствуетъ одинаково.

Намъ нѣтъ возможности слѣдить подробно за аргументаціей Клиффорда. Ограничимся только его выводами.

Отъ индивидуальнаго я, этого общаго потока чувствованій, обуславливающихъ сознаніе, Клиффордъ отличаетъ я родовое. Понятіе такого я, крѣпко засѣвшаго въ умахъ членовъ каковаго-нибудь племени или просто общины и возникшее искусственно, путемъ опыта, изъ котораго они узнали, что жить вмѣстѣ лучше, чѣмъ въ одиночку, должно было выработываться естественнымъ подборомъ и передаваться по наслѣдству, въ формѣ инстинкта. Состраданіе къ ближнему—результатъ этого я. Но, чтобъ оно не погасало, необходимо ободреніе, поддержка окружающихъ. Человѣкъ сообразуется съ мнѣніями среды, призываетъ себя къ своему собственному самосуду, въ случаѣ, если онъ поступитъ не такъ, какъ того требовало благо общее, и отсюда—совѣсть, которая можетъ быть названа сестрой симпатіи или состраданія. Изъ того-же источника происходитъ и понятіе отвѣтственности.

По Клиффорду, цѣль нравственности не заключается только въ счастья возможно большаго числа людей, т. е. счастье не есть цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться ради нея самой. Цѣль нравственнаго поведенія—увеличеніе цѣнности производимаго каждымъ

человѣкомъ, а также расширеніе соціальныхъ функцій, общихъ для всѣхъ. Человѣкъ долженъ стремиться быть лучшимъ гражданиномъ, лучшимъ работникомъ, постоянно совершенствуясь.

Мораль эта можетъ быть названа пѣтическою въ противоположность альтруистической и утилитарной. Она требуетъ, чтобъ добро было дѣлаемо другимъ не какъ другимъ, и чтобъ каждый членъ служилъ обществу, забывая, что онъ нѣчто отличное отъ него.

Общественный организмъ, подобно индивидуальному, можетъ быть здоровъ или нездоровъ. Очень трудно съ точностью опредѣлить признаки больного и здороваго состоянія. Но для практическихъ цѣлей это не важно. Имѣя подъ рукой даже неудовлетворительное описаніе такихъ состояній, которыя несомнѣнно болѣзненны, мы можемъ составить грубое опредѣленіе здороваго состоянія, сказавши, что оно характеризуется отсутствіемъ признаковъ, свойственныхъ тѣмъ болѣзненнымъ состояніямъ. Здоровое, между прочимъ, требуетъ, чтобы члены, составляющіе его, поступали справедливо. Нѣкоторыя соціальныя болѣзни состоятъ въ томъ, что совѣсть гражданъ дурно направлена. Отсюда опредѣленіе абстракта справедливости зависитъ отъ изученія здороваго и больного состоянія общества. Много ли свѣта можетъ быть пролито съ этой цѣлью нашими историческими данными? спрашиваетъ Клиффордъ. Исторія во всякомъ случаѣ должна дать ключъ къ познанію характеровъ, способствовавшихъ прогрессу, а также задерживавшихъ его. И хотя нравственное чувство интуитивно, т. е. сложилось въ общихъ чертахъ еще задолго до того, какъ человѣкъ сталъ ясно сознавать себя и затѣмъ развивалось органически, тѣмъ неменѣе рациональная этика можетъ быть и должна быть основана на законахъ модификацій характера и въ будущемъ поступки людей должны опредѣляться сознательнымъ отношеніемъ къ цѣлямъ, преслѣдуемымъ интересами человѣчества.

Въ «Этикѣ вѣры», которой Клиффордъ придаетъ большое значеніе, онъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Мы можемъ вѣрить въ то, что лежитъ за предѣлами нашего опыта только въ такомъ случаѣ, когда можетъ быть сдѣлано предположеніе, что то, чего мы не знаемъ, подобно тому, что мы знаемъ. Точно также мы можемъ повѣрить утвержденію другого лица, когда есть резонное основаніе предполагать, что ему известно, о чемъ оно говоритъ, и что оно говоритъ правду. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ вѣрить недостаточнымъ даннымъ; и тамъ, гдѣ есть причины сомнѣваться—дурной признакъ; лучше, если въ этомъ случаѣ все располагаетъ къ вѣрѣ.

Обращаясь къ «Этикѣ религіи», Клиффордъ замѣчаетъ, что слово «религія» употребляется въ разныхъ смыслахъ, откуда многочисленныя раздоры между людьми, даже религіозныя войны. Во-первыхъ, подъ религіею разумѣютъ иногда цѣлую систему доктринъ. Нѣкоторые народы думаютъ, что нѣтъ религіи безъ вѣры въ Бога и въ загробную жизнь, а другіе обходятся безъ такой вѣры, и въ замѣнъ этихъ доктринъ признаютъ, напр., что душа не есть отдѣльно существующая субстанція (буддисты). Во-вторыхъ, подъ религіею можно подразумѣвать просто культъ, требующій для своего поддержанія организованнаго класса людей, которые были-бы специалистами по части произнесенія словъ, умиловляющихъ небо, и совершенія обрядовъ, имѣющихъ такой-же точно смыслъ. Великъ и силенъ этотъ классъ и опирается на власть—велика и сильна религія. Быстрое распространеніе христіанства зависѣло отъ того, что первоучители христіанскіе, обративъ въ свою вѣру градоправителей и литераторовъ, получили для духовенства привилегію руководить совѣстью людей, въ случаѣ надобности, даже при помощи физической силы. Въ-третьихъ, подъ религіею можно подразумѣвать собраніе предписаній или кодексъ правилъ, какъ слѣдуетъ вести себя людямъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, религія можетъ быть опредѣлена, какъ *нравственность, возбуждаемая эмоционально* (душевному движенію). Клиффордъ раздѣляетъ послѣднюю точку зрѣнія. Такая религія не поработаетъ совѣсти, когда въ борьбѣ съ темными силами, гнетущими человѣчество, тотъ, кто стоитъ въ рядахъ воиновъ прогресса, спрашиваетъ себя: «Неужели я изнемогу? И неужели даромъ потрачу свою энергію?» Тогда ему является, въ видѣ ободренія, мысль о незримомъ помощникѣ. И духъ, готовый пасть, растетъ, и кто-то ясно говоритъ: «мужайся, я съ тобою, я больше тебя». И когда разсѣвается сумракъ нашего невѣжества, допускающаго сверхестественное, тогда мы рѣшаемся посмотрѣть прямо въ лицо этому помощнику. Все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе вырѣзывается на фонѣ зари новыхъ вѣрованій чей-то величавый профиль. Благородна его фигура. Глаза горятъ огнемъ вѣчной юности. Кто это? Это—самъ человѣкъ. Онъ существовалъ раньше всѣхъ доктринъ. Онъ ихъ создалъ, онъ вправѣ и разрушить ихъ и замѣнить другими.

V.

Подъ космопческою эмоціею—выраженіе Сѣджвика—Блиффордъ разумѣетъ эмоцію, испытываемую при взглядѣ на вселенную или сумму вещей, составляющихъ космосъ или міровой порядокъ. Есть два рода космопческой эмоціи—одна относится къ микрокосму или вселенной, окружающей насъ, другая къ микрокосму или вселенной, которую составляемъ мы сами. Первая можетъ имѣть характеръ благоговѣнія, почтенія, преданности, покорности, или служить могучимъ стимуломъ дѣятельности, подобно эффекту, производимому на музыканта звуками оркестра, въ которомъ онъ самъ участвуетъ. Вторая вызывается представленіемъ о совокупности нашихъ собственныхъ поступковъ и чувствъ, сопровождающихъ ихъ или берущихъ въ нихъ начало, а также сознаниемъ, что они хороши, и «чувствомъ обширности», которое характеризуетъ все, что касается дѣятельности людей. Специальная форма каждой изъ этихъ эмоцій отлично была выражена, между прочимъ, Кантомъ, который говорилъ, что двѣ вещи созерцаетъ онъ съ непрестаннымъ благоговѣніемъ: звѣзды небсныя и чувство законности у человѣка.

Характеръ космопческой эмоціи зависитъ отъ того, какъ смотрятъ люди на міръ, волнующій ихъ, что онъ для нихъ представляетъ. При этомъ большое вліяніе оказываютъ существующія космологическія идеи, духъ времени, темпераментъ.

Когда неизбѣжный прогрессъ знанія измѣняетъ преобладающія въ данную эпоху возрѣнія на міръ, такъ-что вселенная для насъ становится другою, чѣмъ она казалась нашимъ отцамъ, тогда нѣтъ мѣста прежнимъ космопческимъ эмоціямъ. И нѣкоторые люди видятъ въ этомъ грустную сторону. Они говорятъ, что наука грозитъ поглотить поэзію, истребить то чарующее впечатлѣніе, которое производитъ на нервныя натуры вѣчное колебаніе завѣсы, скрывающей неизвѣстное. Но это потому, что онѣ насквозь пропитаны старыми чувствами, идущими въ разрѣзъ съ новой наукой, а не потому, чтобъ въ самомъ дѣлѣ поэзіи предстояла какая-нибудь бѣда. Стоитъ сравнить только прежнія и теперешнія космогоническія системы. Космосъ, который представляется теперь нашимъ умственнымъ взорамъ, не есть нѣчто конечное, ограниченное; это есть часть чего-то безконечно-огромнаго, въ которомъ онъ теряется, какъ горсть пылинокъ въ воздухъ. Но въ то-же время онъ пересталъ намъ быть чуждымъ. Онъ всецѣло нашъ. Эволюціонная доктрина связала насъ съ микрокосмомъ. Вѣчно движутся волны мірового

прогресса, и этотъ потокъ увлекаетъ насъ и развѣртываетъ передъ нами перспективы грядущаго, полныя очарованія и прелести, заставляющія блѣднѣть жалкіе вымыслы старыхъ поэтовъ, смотрѣвшихъ на небосводъ, какъ на чердакъ, гдѣ живетъ Зевесъ съ своимъ причтомъ и все кушаетъ амброзію. Миръ—это рядъ переменъ, это цѣпь событій, это драма, начало которой не похоже на средину, а середина на конецъ, но которая вѣчно нова, вѣчно интересна!

Съ другой стороны, и микрокосмъ нашъ не потерялъ, а выигралъ отъ прогресса. Развитие гуманности, распространеніе идеи равенства, получившей огромный толчекъ и теоретическое оправданіе въ дарвинизмъ, который учитъ, что всякое существо имѣетъ право на борьбу за существованіе, республиканскія формы общежитія, частныя побѣды въ разныхъ пунктахъ цивилизованнаго міра, принциповъ свободы надъ лицемерною силою варварства, доживающаго свой вѣкъ подъ прикрытіемъ неразумія массъ, практика общественности—все это способствовало и способствуетъ непрерывной выработкѣ совѣсти и интеллекта. Первая является, какъ все болѣе и болѣе интенсивное желаніе служенія пользамъ общества, безъ всякаго расчета, инстинктивно. Второй—дѣйствуетъ какъ аппаратъ, связующій впечатлѣніе съ дѣйствіемъ, посредствомъ символическаго представленія внѣшняго міра, представленія, слагающагося сообразно съ общими социальными цѣлями людей. Дѣйствіе, внушенное чело-вѣку его совѣстью и разумомъ, есть свободное по преимуществу. И оно *хорошо* въ нравственномъ смыслѣ. Расширеніе предѣловъ внѣшняго космоса шло и идетъ, такимъ образомъ, параллельно съ расширеніемъ внутренняго космоса. Космическая эмоція, поэтому, должна становиться все выше и чище, и люди, способные испытывать ее въ настоящее время, во всемъ ей возможномъ объемѣ, получаютъ то яркое, ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе, которое позволяетъ имъ, въ извѣстные моменты ихъ душевнаго подъема, забывать свое я всецѣло и приносить его въ жертву общему благу.

И. Яснскій.

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ ЭКСКУРСІЙ.

I.

НОЧЬ НА ОЗЕРѢ.

На пути въ усадьбу Ю., гдѣ я провелъ въ 187* году лѣто, совѣтовали мнѣ остановиться въ погостѣ В. у крестьянина, известнаго въ Б—ъ уѣздѣ болѣе подъ названіемъ Аггеича, чѣмъ по имени и фамиліи. Аггеичъ, какъ говорили мнѣ, былъ хорошо знакомъ съ тою мѣстностью, куда я ѣхалъ, и совѣты его, указанія и рассказы о бытѣ лоцмановъ, проводящихъ барки чрезъ Б—іе пороги, могли быть крайне полезны для меня. Двухэтажный домъ Аггеича стоялъ при самомъ въѣздѣ въ погостъ В., и нѣсколько повозокъ и телѣгъ, стоявшихъ на улицѣ, около дома его, указывали профессію, какою занимался онъ. Аггеичъ былъ „поставщикъ“, какъ называютъ крестьяне Н—ской губерніи людей, принимающихъ на себя подрядъ содержать почтовую гоньбу, и, въ качествѣ „поставщика“, считался весьма зажиточнымъ человекомъ среди населенія необширнаго погоста, имѣвшаго, одна-ко-же, четыре каменныхъ церкви.

По оказанному мнѣ крайне радушному приему, я убѣдился, что лицо, рекомендовавшее мнѣ Аггеича, пользуется глубокимъ уваженіемъ его. Аггеичъ сейчасъ-же захлопоталъ о самоварѣ и объ угощеніи. Онъ предложилъ даже водочки, но, узнавъ, что я не пью, съ болью въ голосѣ выразился: „Э-эхъ, по рюмочкѣ-то опробинуть-бы—буды ни шло!..“ Это былъ старикъ лѣтъ ше-

стидесяти на видѣ, съ вѣскими щеками, покрытыми свѣжимъ, здоровымъ румянцемъ; волнистая, съ просѣдью борода его, падая на грудь, закрывала воротъ чистой ситцевой рубашки. Въ большихъ сѣрыхъ глазахъ старика проглядывала самая добродушная наивность. Прежде чѣмъ подали самоваръ, онъ сбѣгалъ посмотреть — хорошо-ли выварливаютъ лошадей, и распорядился смазать колеса и оси у повозки не тѣмъ дегтемъ, что въ амбарчикѣ направо, а деготкомъ, что стоитъ въ амбарушеѣ подъ влѣтью.

„Ты, Иванъ, того... смотри... поѣдешь, такъ чалаго-то не жалѣй, говорилъ онъ, поднимаясь на крыльцо. — Онъ, подлець, сейчасъ къ тебѣ приспособится да глаза отводить почнетъ... подлая животина!“ заключилъ старикъ, входя уже въ комнату, гдѣ сидѣлъ я.

— Такъ въ Ю., батюшка, направляешься? спросилъ онъ, почти не переменяя тона. — Ну, што-жъ, поживи, поживи тамъ... мѣста видныя... одна Любка чего стоитъ, коли поглядѣть! говорилъ онъ, присаживаясь около меня.

— А что это за Любка, Аггеичъ? спросилъ я.

— Гора, милнй, гора такая... Любойю окрещена. Круча, скажу тебѣ, — глазъ не вздымешь... Мѣста хорошія! заключилъ онъ. — Ну, и госнода помѣщики... што сказать... Мы-то подъ ними не жили, такъ не похаемъ ихъ... чего напрасно! Охоткой-то какой занимаешься?.. спросилъ онъ, любовно заглядывая въ глаза мнѣ.

— Удить люблю...

— А-а... удочкой промышляешь, произнесъ онъ, кивнувъ головой. — Ну, што-жъ, и это забава... и удочкой потѣшиться мѣсто найдешь... Озера есть тамъ... рыбныя озера... Ты какъ приѣдешь, скажу тебѣ, такъ спроси, штобъ для энтой-то забавы сводили тебя къ Ефиму... слышишь?

— Слышу... Спасибо тебѣ, что указалъ.

— Ну, спасибо-то ты ужъ послѣ скажи, какъ въ обратный путь поѣдешь! нравоучительнымъ тономъ замѣтилъ онъ. — Такъ не забудь, къ Ефиму, подтвердилъ онъ. — Чей онъ — не скажу тебѣ; мы-то зовемъ его: Ефимъ изъ Стебни... тамъ его и старый, и малый знаютъ; только помани Ефима изъ Стебни... сейчасъ предоставятъ. Промышленникъ онъ удочкой-то, всѣ тебѣ мѣста

укажетъ! За-а-авязтай мастеръ на удочку-то! протанулъ онъ. — Онъ, слышь, слово знаетъ? во-о-отъ какой мастеръ!

— Какъ это слово знаетъ?.. Какое?.. спросилъ я.

— А такъ, слово... Ты вотъ, къ прииѣру, наживку на удочку-то насадишь, а онъ тебѣ, намѣсто наживки, слово на крючекъ-то зацѣпить...

— Какъ-же онъ слово-то на крючекъ нацѣпить?..

— А ты слушай... ты послушай только... не пустое я тебѣ слово говорю, вѣрь! горячо прервалъ онъ меня. — Онъ словомъ удочку-то нагружаетъ: пробормочетъ это слово-то свое надъ крючкомъ, плюнетъ на него, да и пустить въ воду... такъ форель-то вытянетъ тебѣ на свое-то слово во-о-отъ какую! разведя руками на аршинъ, произнесъ онъ.

— На слово вмѣсто наживки?..

— На слово!.. Къ нему, братъ, рыба на слово идетъ! глубоко-убѣжденнымъ тономъ произнесъ Аггеичъ, пытливо посмотрѣвъ на меня, — произвели-ли слова его надлежащее впечатлѣние или нѣтъ.

— Чудно что-то, произнесъ я.

— Такія-ли чудеса есть еще!.. Колдовства-то по нашей сторонѣ упаси Господи сколько! произнесъ онъ, покачавъ головой. — Ты вотъ уже спреси-ка Ефима-то, какъ онъ на словцо-то форель выудилъ, да отъ барина десятинку землицы оттягалъ.

— Тоже словцомъ? прервалъ я.

— Нѣ-ѣтъ... форелькой, што на словцо-то поймалъ. Ди-и-ивина, какъ поскажетъ онъ!.. Отъ тебя онъ не потаитъ... Ты скажи ему только, што я тебя послалъ къ нему, — Аггеичъ...

— Хорошо... скажу...

— Скажи!.. А то у насъ вѣдь нонѣ порядки, милый, завелись: урядники... Насчетъ разговору-то стережемся. Ну, а коли скажешь, што я тебя послалъ, такъ ужъ онъ таяться не станетъ!.. Вишь, батюшка, года-то какіе подошли, неожиданно началъ Аггеичъ, — ровно этакихъ-то и не бывало, а? произнесъ онъ, пытливо посмотрѣвъ на меня.

Повидимому, старику сильно хотѣлось пуститься въ политику и наговориться до-сыта о небывалыхъ еще годахъ и порядкахъ, явившихся въ деревню въ лицѣ урядниковъ, не допускавшихъ свободного разговора, но онъ замѣтно все-таки остерегался мало

знакомаго ему человѣка. Такъ или иначе, по новне порядки ско-
ывывали языки даже у словоохотливыхъ стариковъ, и по поводу
самыхъ невинныхъ предметовъ.

— Видали ужъ на своемъ вѣку начальства, началъ Аггенчъ
послѣ минутнаго молчанія и точно какъ-будто про себя:—порядки
тоже всякіе бывали, не мало ихъ пережили... ну, а новѣшніе-то
ровно и намъ въ диковину!.. Наѣдетъ теперь этотъ самый уряд-
никъ къ тебѣ, подавай его лошади овса... Ну, ладно: разъ даль,
другой даль... Человѣкъ за честь-бы принялъ, а онъ тебѣ ужъ
за положеніе кладетъ!.. А вѣдь онѣ мѣрка-то овса, гляди, какъ
играетъ: въ ину пору свою-то животину обмѣряешь имъ, а онъ,
изволь-ка радоваться, требуетъ—и лошадку его продовольствуй,
и самого-то напой. Вотъ-тѣ и поря-я-ядокъ!.. Вонъ и теперь
внизу у меня сидитъ... погляди-ко, лыкомъ не вяжетъ!..

— Кто, урядникъ-то?..

— Ну, порядокъ-то нашъ!.. Лошадь тутъ, по близости, въ
деревеньгѣ, у мужика околѣла, съ чумы, сказываютъ... Такъ онъ
вотъ, вишь, мѣры принять поѣхалъ. Ну, и принимаетъ... никакъ
ужъ въ третьемъ полуштофѣ полощется!.. О-охъ-ма-а-а! произнесъ
Аггенчъ, махнувъ рукой и проводя ею по своей волнистой бо-
родѣ.—Поживешь въ Ю., такъ увидишь еще всячины, заключилъ
онъ.—А то, коли время будетъ, пріѣзжай за лѣто-то ко мнѣ...
Я тебя удовольствую...

— Чѣмъ-же?... полюбоществовалъ я.

— На пороги свожу... Занятно вѣдь, поглядѣлъ-бы... Ужъ
я-бы тебя приладилъ къ дѣлу! На барочку-бы посадилъ, спустили-
бы, какъ по трафалету! Бывалое вѣдь дѣло-то... хаживали...

— Развѣ ты былъ лоцманомъ?

— Бы-ы-ылъ! съ гордостью протянулъ онъ, проводя рукою по
бородѣ.—Ха-аживалъ! Я тебѣ, коли потребуется, всѣ порядки
распишу: какъ, што и при какомъ случаѣ слѣдуетъ быть... Бы-
валые ужъ мы... Ты, вотъ, не слыхалъ-ли когда про Ивана Аки-
мыча? неожиданно спросилъ онъ.

— Про какого Ивана Акимыча?

— Иванъ-то Акимыча? повторилъ онъ.—А это, милый другъ,
завѣтный старикъ былъ, скажу тебѣ. Про него, чай, какой-бы
молвъ-то ходить надо... Лоцманомъ былъ онъ. Тридцать годовъ
барки спущалъ по нашимъ порогамъ, и хоша-бы вотъ разъ запнулся

объ нихъ. А ужъ у насъ-ли не пороги? На волосокъ только спотыкнись, не догляди или перегляди, — и пропаль... такъ ее всю тебѣ, барку-то, и расхрящеть по суставамъ... Вотъ онѣ, пороги-то, какіе, а-а?.. гордо глядя на меня, произнесъ онъ, точно какъ-будто пороги эти составляли какую-то неотъемлемую часть его собственныхъ достоинствъ. — Какъ въ котлѣ, въ нихъ вода-то кипитъ... Ужасъ!.. Ну, онъ спускалъ, Иванъ-то Акимычъ... Кафтаны ему, братецъ, дали... Само начальство почтило его этой наградой... И какъ только, братецъ, дали ему этотъ кафтанъ, почтили, погналъ онъ оцосля того караванъ и весь-то въ дребезги расшибъ его, а-а?..

— Отчего-же?..

— Тридцать годовъ спускалъ караваны и не спотыкался, а только вотъ кафтанъ надѣли и, словно-тѣ по уроку, въ дре-е-ебезги весь караванъ расшибъ, а?.. съ оживленіемъ, привскочивъ на стулѣ, повторилъ онъ.

— Да отчего-же это, объясни мнѣ, снова спросилъ я.

— Поди-ко, вотъ, скажи, отчего?.. переспросилъ онъ. — Ужь чего-бы кажись... тридцать годовъ барки по порогамъ спускалъ и не спотыкался, а тутъ на тебѣ... какъ нарочно... только почтили кафтаномъ, и весь тебѣ караванъ въ дре-е-ебезги размель!.. Такъ мы только руками хлопнули... А ужъ какой тебѣ завѣтный человекъ былъ, поискать!.. Это, хозява-то барокъ, бывало, кунцы-то, внесутъ пять рублей въ артель на лоцмана, по уставу, ну и пойдетъ тебѣ очередной лоцманъ барки его плавить, а онъ, хозяинъ-то, купецъ, и говоритъ: „Нѣтъ, стой... не моги!.. Подавай мнѣ Ивана Акимыча“... Вѣру въ него питали... Ну, и ведетъ Иванъ Акимычъ, а очередной-то лоцманъ только въ подручныхъ у него стоитъ, бывало! Ужь у хозяина-то, у купца-то, душа на мѣстѣ, когда Иванъ-то Акимычъ караванъ плавить... Хозяинъ-то ѣдетъ-себѣ горой да водочку потягиваетъ, а Акимычъ караваномъ его орудуешь: тысячъ на сто, можетъ, добра-то его рука да глазъ стерегутъ... Вотъ и суди!.. И тридцать годовъ спускалъ безъ запинки, а только дали кафтанъ, почтили, и сейчасъ-же тебѣ спотынулся, а?

— Да отчего-же это произошло? Ты все-таки не сказалъ мнѣ, снова прервалъ я его.

— Хитрое, братъ, это дѣло, коли сказать тебѣ — отчего, качалъ

головой, отвѣтилъ онъ.—А на мой умъ, въ кафтанѣ тутъ вся причина, другъ, рѣшительно отвѣтилъ онъ.

— А кафтанъ-то причежь-же?

— При чежь?.. Отвѣтитъ тоже, другъ, мудрено... Скажи-ты мнѣ на-перво: кафтанъ этотъ почетъ мужику аль нѣтъ? спросилъ онъ, какъ то искоса глядя на меня...

— Почетъ.

— Вотъ и запинка!.. Какъ не было у него этого кафтана, онъ на Бога надежду влялъ; ну, и помогаль Богъ, спускаль безъ горя; а какъ почтили его кафтаномъ,—возгордился, все-де смогу, потому—жалованный человекъ... да вотъ-тѣ и смогъ, въ дре-е-обезги раскачаль... Какъ увидѣль Иванъ Акимычъ неустойку-то, скажу тебѣ, какъ по-о-оперло это барку-то на пороги, да и пошло ее хряскать, такъ онъ въ воду, слышь, бросился... едва спасли... Вытащили его, такъ старикъ-то слезьми заплакаль. „Ну, говорить, братцы, тридцать годовъ караваны плавиль, ни единого разу Господь съдую мою голову до сраму не попустиль, а теперя, говорить, сгнула моя голова, кафтанъ, говорить, ее утопилъ!..“ И съ эстой поры, братецъ мой, и барки водить пересталь... вотъ какой завѣтный старикъ былъ!.. Такъ я тебѣ къ тому все это привель, милый, што я у Ивана-то Акимыча завсегда, почетъ, въ подручныхъ состояль... Мастерства-то этого не плошь его знаежь... пріѣзжай!..

— Пріѣду!

— Спущу тебя, што блиножь со сковородки, право... Вѣдь крутить-то на порогахъ пойдетъ — и-и-и... только гляди да поворачивайся, ажно духъ въ тебѣ замираеть. Ну, сто-о-ой твердо, стой въ эфту пору—не мигни... Важивали, братъ... Хошь кафтана и не имѣежь, а не изъ послѣднихъ были... Знали купцы-то насъ, чествовали, да-а!.. Ты пріѣзжай, говорилъ онъ, любовно трепля меня по плечу.—Я тебѣ басень-то насажу, што на возъ не укладешь...

Часовъ въ пять вечера я простился съ словоохотливымъ Аггеичемъ, давъ слово пріѣхать къ нему въ серединѣ лѣта и съѣздить съ нимъ посмотрѣть на спускъ барокъ чрезъ Б—іе пороги. Старикъ, идя около моей повозки, проводилъ меня далеко за ворота своего дома.

— Къ Ефиму-то не забудь сходить! крикнуль онъ мнѣ, когда

мы уже простились.—Помни: Ефимъ изъ Стебни... скажи, Аггеичъ прислалъ тебя!.. Ну, подь съ Богомъ! крикнулъ онъ, наконецъ, махнувъ рукой, и долго еще стоялъ на одномъ мѣстѣ, глядя вслѣдъ намъ.

Дорога отъ В. тянулась обширной равниной, мѣстами усѣянной пашнями. Кое-гдѣ, въ сторонѣ отъ нея, попадались тощія перелѣски; по дорогѣ часто встрѣчались помѣщичьи усадьбы; иногда дорога пролегла мимо самыхъ усадьбъ, и глазамъ всегда представлялся обширный барскій домъ, обнесенный густо разросшимся садомъ, флигелями и другими пристройками. Тяжелое, непонятное уныніе производилъ на меня видъ этихъ запущенныхъ, разваливающихся памятниковъ крѣпостного права. Окна въ усадьбахъ чаще всего были заколочены наглухо, каменные ограды, обносившія обширный дворъ и садъ, вездѣ почти рушились. Иногда, поодаль отъ усадьбъ, встрѣчались грандіозныя каменные постройки съ башнями по угламъ или другими совершенно ненужными, но красивыми архитектурными украшеніями. Это были конскіе, пивоваренные и т. п. заводы, давно закрытые и заброшенные. Невдалекѣ отъ усадьбъ ютились жалкія деревеньки. Тѣсно скучившіяся между собою избы ихъ имѣли печальный, ветхій видъ; не менѣе печально смотрѣли и лица встрѣчавшихся мнѣ крестьянъ. „Невесела ты родная картина!“ невольно думалъ я, глядя съ одной стороны на слѣды безумной роскоши и затѣй раззорившихся баръ, а съ другой на бьющую въ глаза нищету крестьянъ, отъ которой долго, долго еще не оправиться имъ, при тѣхъ экономическихъ условіяхъ, какими они опутаны, и корень которыхъ лежитъ въ глубинѣ ихъ недавняго прошлаго.

Черезъ недѣлю, по прїездѣ въ Ю., ко мнѣ зашелъ, однажды, молодой крестьянскій парень, какъ оказалось—сынъ Ефима изъ Стебни, посланный ко мнѣ отцемъ, который, узнавъ отъ кого-то, что Аггеичъ замолвилъ о немъ слово, прислалъ сына спросить: не пойду-ли я на ночеву на Глухое озеро, удить рыбу. Я былъ радъ этому приглашенію. Я зналъ по опыту, что никакая охота не располагаетъ такъ къ откровенной бесѣдѣ, какъ уженье. Сборы мои были непродолжительны, и часовъ около шести вечера я былъ уже въ деревенькѣ Стебнѣ. На вопросъ мой—гдѣ изба Ефима, встрѣтившая меня толпа дѣтей проводила къ жалкой, покосившейся избенкѣ, къ которой примыкалъ брѣвенчатый срубъ, вы-

крытый соломой. По наружному виду избы уже можно было безошибочно заключить, что владѣлецъ ея принадлежитъ къ числу тѣхъ горемыкъ, которые всю жизнь бьются какъ рыба объ ледъ и живутъ болѣе на авось, чѣмъ на какіе-либо опредѣленные ресурсы.

— Вотъ изба Ефима, аль тебѣ кликнуть его? произнесъ одинъ изъ моихъ проводниковъ, ткнувъ пальцемъ въ самый срубъ, прилежавшій къ избѣ; и когда я поднялся по крылечку, ступени котораго визжали и тряслись подъ моими ногами, проводники мои все еще продолжали стоять около избы, съ какимъ-то сосредоточенно-оторопѣлымъ выраженіемъ въ лицахъ, какъ-бы недоумѣвая, почему я спросилъ дядю Ефима, а не дядю Ивана или дядю Петра, у которыхъ и избы-то почище выглядятъ, да и сами-то они не въ примѣръ осанистѣй кажутся.

Войдя въ избу Ефима, я прежде всего былъ пораженъ тѣмъ явленіемъ, что она освѣщалась двойнымъ свѣтомъ, проникавшимъ въ нее черезъ маленькія окошечки, раскрытыя настежь, и снизу, черезъ огромнѣйшія щели въ полу. Подобныхъ щелей въ прогнившихъ, разошедшихся между собой и шатавшихся половицахъ было очень много. Оказывалось, что подъ обыкновеннымъ, испорченнымъ поломъ избы не было никакого фундамента: изба укрѣплена была просто на нѣсколькихъ камняхъ, высившихся на поларшина отъ земли. Несмотря на подобную вентиляцію черезъ полъ и раскрытыя окна, меня охватилъ при входѣ удушливый воздухъ, пропитанный смѣсью гнили, сырости и какъ-бы прѣлага навоза. Полъ былъ грязенъ до послѣдней степени, а между тѣмъ валявшіеся на немъ войлокъ и подушки, холщевыя наволоки на которыхъ были чуть-ли не грязнѣе пола, указывали, что, за неимѣніемъ кроватей, населеніе этой избы спало на полу. Вдоль закоптѣвшихъ бревенчатыхъ стѣнъ избы тянулись широкія лавки, прикрѣпленныя къ нимъ; въ переднемъ углу стоялъ большой деревянный столъ. Большая русская печь занимала весь правый задній уголъ избы; она была вымазана сѣрой глиной, мѣстами отвалившейся, обнаруживая кирпичи; черная копоть лежала на ней густыми слоями. Желѣзная труба соединяла эту печь съ небольшою печкой въ родѣ плиты, сложенной изъ кирпича и стоявшей посрединѣ избы; въ нее былъ вмазанъ небольшою чугунный котелокъ. Отпечатокъ безысходной нужды лежалъ на каждомъ пред-

метѣ, на какомъ останавливался взглядъ мой. На полочкѣ, прирѣпленной къ стѣнѣ около печи, лежало нѣсколько глиняныхъ горшковъ, опрокинутыхъ днами вверхъ и сохранившихся, какъ узналъ я потомъ, на память о коровѣ, которую давно уже продали, по немѣнью корма для нея и хлѣба для семьи. Кучка какой-то ветоши, замѣнявшей гардеробъ, валялась въ лѣвомъ углу на лавкѣ; около нея на гвоздѣ висѣла шляпа, но зато шляпа не простая, а цилиндръ, имѣвшій крайне неопредѣленный цвѣтъ, и около цилиндра — большой кусокъ мережи, сложенный въ нѣсколько рядовъ и приготовленный, вѣроятно, для какого-нибудь рыболовнаго снаряда. Сидя на лавкѣ у окна, Ефимъ сучилъ на обнаженномъ колѣнѣ лѣсу изъ бѣлаго конскаго волоса... Когда я вошелъ, онъ послѣшно заткнулъ холщевую штанину за порывѣвшее голенище сапога, бережно сложилъ волосъ на лавку и, вставъ, поклонился мнѣ.

— Никакъ, Миколай Иванычъ?.. спросилъ онъ, обдергивая рубаху на себѣ и шаровары.

— Откуда-же узналъ ты мое имя и отчество? спросилъ я, здорываясь съ нимъ.

— Слухомъ земля полна, улыбаясь, отвѣтилъ онъ. — Просимъ милости... присядь-ко, гостенекъ будешь, говорилъ онъ, послѣшно стирая руками пыль съ лавки. — Усталъ, поди, съ непривычки-то: вишь, у насъ горьками все дорога-то идетъ... а ты ишо и съ грузовцемъ? съ участіемъ говорилъ онъ, не безъ ироніи намекнувъ, однако-жъ, на поставленный мною на лавку большой саквояжъ съ провизіей и платьемъ на случай холода. — А сапоги-то захватилъ съ собой аль нѣтъ?.. спросилъ онъ.

— Какіе сапоги?..

— Аль ты въ этихъ на охотку-то пойдешь? говорилъ онъ, указывая на бывшіе на мнѣ тонкіе опойковые сапоги съ калошами.

— Въ этихъ.

— Оой... ой... Эко, я вѣдь дуракъ какой! крикнулъ онъ, съ сердцемъ почесавъ у себя въ затылкѣ. — Забылъ вѣдь парню-то наказать, штобъ ты обувью-то покрѣпче запасся... Измокнешь вѣдь ты въ этихъ-то сапогахъ... Храни Богъ, еще застудишься...

— Развѣ около озера-то сыро?

— Топь... болотина... Къ озеру-то, по-крайности, сажень трид-

цать надо зыбуномъ идти, почестъ по колѣно въ водѣ... Эко горе-то какое, а... а?... Не наказаль парню-то!.. Ну, надѣвай уже мой, рѣшилъ онъ.

— А ты-то въ чемъ-же пойдешь?..

— Мнѣ што-о... Я и босой пойду... Обо мнѣ не тужи... Привышны...

— Ну, нѣтъ, я ужъ въ своихъ пойду...

— О-о!.. Измокнешь вѣдь... застудишься...

— Не бѣда!..

— А-а-а... Ну, смотри, голубь, какъ-бы потѣха-то не сказалась опосля... Ты меня-то не жалѣй: мы-то, братъ, привышны, мы и по льду босые ходимъ, да не студимся, а твое дѣло совсѣмъ иное, поберегайся!.. Ну, да коли што, такъ я тебя на себѣ донесу... подмогу... Ужъ это мой грѣхъ, што не наказаль парню, штобъ ты обувью-то покрѣпче запаса!.. А удочки-то есть у тебя? спросилъ онъ.

— Есть.

— Покажь-ко!..

Я вынулъ изъ саквояжа купленные мною въ Петербургѣ изящныя бѣлаго волоса лески, намотанныя на камышевыя пластинки, съ маленькими острыми крючками и дробинками вмѣсто грузева, и подаль Ефиму. Взявъ изъ рукъ моихъ лески, онъ молча размоталь ихъ и, подергавъ лесу между пальцевъ, пробуя крѣпость ея, раза два скептически покачалъ головой и потомъ, такъ-же молча, намоталь ихъ на камышъ и подаль мнѣ. Пока онъ производилъ осмотръ лесы, я, въ свою очередь, всматривался въ него. На видъ Ефиму было не болѣе сорока лѣтъ; росту онъ былъ средняго, плечистый; засученные по локоть рукава у синей холщевой рубахи, сильно пропотѣвшей на спинѣ и груди, обнажали мускулистыя руки, густо поросшія волосами. Толстыя, короткіе пальцы его, покрытыя скорѣе темно-сѣрою корою, а не кожей, съ трудомъ сгибались, до того была прочна и упруга покрывавшая ихъ кора. Густые, темно-русые волосы на головѣ, вившіеся кольцами, совершенно почти закрывали лобъ его, замѣтно сильно изрытый морщинами; борода и усы закрывали нижнюю часть лица. Смуглыя, загорѣлыя щеки также начинали бороздиться морщинами. Изъ сплошной массы волосъ рѣзко выдѣлялся только толстый носъ Ефима съ широкими, раздувавшимися ноздрями, и

большіе сѣрые глаза, въ которыхъ просвѣчивала странная смѣсь простосердочія и нахальства, лукавства и добродушія. Иногда я подиѣчалъ въ нихъ затаенную насмѣшливую злость, и, признаюсь, въ эти минуты выраженіе лица его было крайне несимпатично. Вообще замѣтно было, что Ефимъ—человѣкъ себѣ на умѣ и нѣ-которая доля осторожности, при разговорѣ съ нимъ, была не излишня. На мысль объ осторожности меня невольно навелъ взглядъ Ефима, брошенный имъ на жену свою, когда она вошла въ избу и поздоровалась со мной. Не знаю, можетъ быть я и ошибаюсь, но, какъ казалось мнѣ въ ту минуту, взглядъ этотъ ясно говорилъ: „А, чай, за разговоръ-то съ бариномъ можно кой отъ-кого деньгу получить!“ Особенно меня смутило то, что Ефимъ быстро, и почти незамѣтно, мигнулъ ей. Признаюсь, мнѣ стало неловко и вѣстѣ больно, больно за развратъ, какой вносится различными порядками въ эту темную среду, заѣдденную безысходной нуждой.

— Ну, что, годятся-ли мои удочки? спросилъ я, когда онъ подалъ ихъ мнѣ.

— Ссучены, чего сказать, отгѣнно: машинная работа, съ видомъ знатока произнесъ онъ.—А только съ этой лесой въ наше озеро не суйся... У насъ вѣдь рыба-то не пути-и... и не экую лесу оборветъ.

— Крупная развѣ?

— Рѣзва!.. У насъ рыба-то по аршину есть... Пойдетъ тебѣ подъ зорьку погуливать, по озеру играть-то, такъ отъ плесу-то словно, слышь, музыка въ ухахъ-то гудеть... Вотъ какая рыба-на!.. Такъ идежь, што-ль? спросилъ онъ.

— Пойдемъ.

— Ну, Господи благослови! произнесъ Ефимъ, вынимая изъ уочи ветоши въ углу заношенный армякъ, сплошь почти уеѣянный прорѣхами, надѣлъ его на себя и застегнулъ около ворота на двѣ пуговицы, изъ которыхъ одна была костяная, а другая мѣдная, артиллерійскаго вѣдомства, съ пылающею гранатою и двумя скрещенными подъ гранатою пушками. Опоясавшись тоже скорѣе остатками опояски, чѣмъ опояскою, онъ снялъ съ гвоздя цилиндръ и надѣлъ его на голову. Затѣмъ онъ досталъ изъ-подъ лавки коробку отъ сардинокъ, въ которой, по всей вѣроятности, заключены были черви, и спустилъ ее въ карманъ армяка. Я всталъ и взялъ-было саквояжъ въ руку, но Ефимъ, не говоря

ни слова, вырвалъ его изъ руки моей, какъ показалось мнѣ — съ нѣкоторымъ недовольствомъ за намѣреніе мое обременять себя ношей, и, не сказавъ ни слова женѣ, пошелъ изъ избы. Простившись съ ней, я послѣдовалъ за нимъ, и, провожаемые толпою дѣтей, все время терпѣливо стоявшихъ около избы, въ ожиданіи, чѣмъ кончится визитъ мой къ Ефиму, мы молча вышли изъ деревни и, спустившись подъ гору, пошли правымъ берегомъ рѣки Крившны.

— Чудная, слышь, у насъ рыба, неожиданно началъ Ефимъ, остановившись и поджидая меня, такъ-какъ я не успѣвалъ идти за нимъ. — Въ ину, слышь, пору сама на крючекъ-то лѣзеть, не успѣваешь справляться съ ней, а въ ино-то время — сиди-и-ишь, сидишь, и хоть-бы тѣ на смѣхъ червя тронула... а?..

— А ты на червя удишь? спросилъ я.

— На червя.

— А мнѣ Аггеичъ сказывалъ, что ты на слово рыбу-то ловишь.

— О-о!.. Неужъ онъ сказалъ тебѣ это? удивленно спросилъ онъ. — На слово, хе!.. насмѣшливо произнесъ онъ. — Ну и балагуръ! На слово!.. Нѣтъ, братъ, по нашимъ мѣстамъ, другъ ты мой, слово-то плохая наживка... сытъ съ него не будешь, говорилъ онъ, уменьшая шагъ и идя рядомъ со мной. — Тебя-то какъ-разъ на слово поймаютъ, а ужъ штобъ ты на слово живность выудилъ — ни-и-и въ жизнь!..

— Аггеичъ сказалъ мнѣ даже, прервалъ я его, — что ты на слово-то такую форель выудилъ, за которую тебѣ какой-то баринъ десятину земли отдалъ; правда это? спросилъ я.

— На слово форель поймалъ! насмѣшливо качая головой, повторилъ Ефимъ. — А-ахъ, ты, старый шутъ, а?.. Ну, и шу-у-уть!.. На слово форель поймалъ!.. Это, ужъ коли хошь ты знать, было такое дѣло... точно... оттягали мы у Максима Яковлича, барина нашего, десятинку за форель. Но штобы на слово ее ималъ кто — и примѣру не было!.. Не такова эта рыба, штобъ на слово клюнула! заключилъ онъ.

— А какъ-же вы десятину-то оттягали, расскажи!

— Оттягали-то? повторилъ Ефимъ и, осмотрѣвъ меня искоса насмѣшливымъ взглядомъ, тряхнулъ головой, отчего надѣтый на ней цилиндръ слегка покачнулся. — Дѣловъ у насъ съ барями,

Миколай Ивановичъ, много было, произнесъ онъ вмѣсто отвѣта. — Ты въ первой, што-ли, въ наши-то края попалъ?

— Въ первый разъ.

— А-а! протянулъ онъ. — А кто-жъ ты самъ-то будешь? Помѣщикъ, што-ль? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Вольный, стало-быть, человѣкъ?

— Да.

— А-а-а! снова протянулъ онъ, искоса осмотрѣвъ меня пытливымъ взглядомъ. — Стало-быть, ты служивый человѣкъ аль такъ, къ примѣру, на своемъ коштѣ будешь, а? снова спросилъ онъ.

— Служилъ, а теперь въ отставкѣ.

— Пенцией живешь?

— Нѣтъ, не получаю.

— А-а!.. протянулъ онъ. — Какъ-же ты теперь — по торговой части аль какъ, при какомъ дѣлѣ-то будешь? продолжалъ онъ допрашивать меня, все болѣе и болѣе укорачивая шагъ свой. — Я вѣдь, Миколай Ивановичъ, на то болѣ спрашиваю тебя, што шибко-бы намъ надоть экого человѣка, слышь, письменнаго, неожиданно заговорилъ онъ, какъ-бы объясняя причину своихъ допросовъ. — Обидь-то у насъ много, милый, мно-о-ого обидь накопилось. Теперь, скажу тебѣ, такъ мы сжануты, такъ сжануты... помирай... одно тебѣ слово. Ну, вотъ, про десятину эту, коли повести рѣчь, што у Максима Яковлича оттягали мы. Вѣдь мы этой десятиной-то теперь почестъ кормимся. Надѣла-то намъ, братецъ, отрѣзали — не подступись: или гальба, или кочкарникъ... вотъ и пашишь, кормись какъ знаешь... Дѣску тебѣ хошь-бы прутокъ какой попалъ... отапливайся, собирай сугреву! Вѣдь у насъ, милый, каждая древесина съ кушли, а порубилъ коли ты дерево въ барской дачѣ, въ су-у-удѣ тащутъ и штрафъ-то съ тебя возмутъ, и дерево-то отберуть, и съ топоромъ-то простишь!.. Вотъ и живи какъ знаешь... Живи-и-и! протянулъ онъ и, сдернувъ съ головы цилиндръ, нервно почесалъ у себя въ затылкѣ и, вычистивъ носъ первобытнымъ способомъ — посредствомъ пальцевъ, снова надѣлъ свой цилиндръ и ускорилъ шагъ подъ влияніемъ охватившаго его волненія.

Тропинка, вившаяся по обрывистому берегу Крикшы, привела насъ къ крутой, почти отвѣсной горѣ, и мы стали подниматься

на кручу, придерживаясь за мелкій частый березнякъ и ольху росшіе по уступамъ. Поднявшись, я остановился отдохнуть и полюбоваться пейзажемъ, раскинувшимся предо мной. Глубоко внизу текла Крикша, заменутая съ обѣихъ сторонъ высокими, крутыми берегами, то теряясь въ заросляхъ березы и ольхи, вершины которыхъ, шатромъ нависши надъ ней, какъ-бы защищали ее, то выбѣгая изъ зарослей на равнину. Она клубилась и пѣнилась среди камней, заграждавшихъ ей путь. По обѣимъ ея сторонамъ глазъ обнималъ на далекое пространство волнообразныя холмы, ярко зеленѣвшіе отъ молодыхъ всходовъ озимаго хлѣба или испещренные правильными квадратами буро-краснаго цвѣта, засѣянными яровыми хлѣбами, всходы которыхъ были еще слабы. На холмахъ, какъ муравейники, были раскиданы небольшія деревеньки и кой-гдѣ виднѣлись усадьбы съ примыкавшими къ нимъ садами и пристройками. Солнце уже закатывалось, и легкія перистыя облака, окрашенныя въ золотисто-розовый цвѣтъ, слегка задерживали небосклонъ, кидая тѣни на обнаженные холмы и густыя лѣса, таявшіеся вдали сплошною стѣною. Поднявшись на гору, Ефимъ опустил саквозжъ на землю и сѣлъ на край горы, свѣсивъ ноги внизъ. Сдернувъ съ головы цилиндръ и положивъ его около себя, онъ досталъ изъ-за пазухи армяка засаленный бумажный свертокъ и, свернувъ изъ писчей бумаги папиросу, закурилъ ее.

— Глянь-ко, лѣсовъ-то сколь у насъ: кругомъ заросли ими! произнесъ онъ, обратившись ко мнѣ, когда, закуривъ папиросу, я сѣлъ около него. — А спроси кого хошь, дали-ли мужику хошь прутокъ какой, а... Коли клинъ-то въ избу тебѣ понадобится вбить, и тотъ поѣзжай купи... все съ купи... все съ купи!.. Огрѣвали, братъ, такъ, што и-и-и Боже мой!.. Вотъ я тѣ про десятинку-то сказать хотѣлъ, — послушай, да и обсуди — по Божески-ли дѣлали дѣло, началъ онъ. — А нашъ-то баринъ, Максимъ Яковличъ, не чета другимъ, — добрый всѣхъ, почестъ, будетъ, — и тотъ, братъ, какъ воля-то вышла, все подъ свой ноготь пошолъ грести... Отрѣзали намъ земли-то, по раздѣлу-то, въ тѣ поры хошь рукой махни... Не обиди-ль?.. Мы къ нему: такъ и такъ, молъ, Максимъ Яковличъ, служили мы, молъ, и отцу, и дѣду твоему безперечь праву... Служили, што сказать, въ потѣ лица. Ну, теперича, молъ, и ты уважь насъ, не обидь,

веди дѣло по Божьи!.. Обидь мы отъ тебя не хотимъ и самимъ тебя обижать въ помыслѣ нѣтъ. Землицей, говоримъ, ты насъ обдѣлили, што сѣтъ не будешь... прикинь... отдай намъ хошь тѣ двѣ десятинки, што къ мельницѣ подошли... вѣкъ, молю, твои слуги будемъ... Не отдаетъ!.. Мы въ ноги... У-у-уперся, и хошь-бы тѣ слово далъ сказать; такъ и ушли, повѣсивъ головы. Ну, ду-у-умали, думали, и такъ и этапъ прикидывали... нѣтъ... во всемъ неустойка. А дѣло ужъ къ ночи. Я, признаться тебѣ, и отшатись это, уйди къ себѣ въ избу. Только вдругъ, гляжу, деревня-то всѣмъ обществомъ ко мнѣ валить. „Служи, говоритъ, Ефимъ, службу міру“. „Што-жь, молю, служить не прочь, лишь-бы послуга-то впрокъ шла!“ „Подь, говорятъ, выуди форель; поднесемъ ее обществомъ Максиму Яковличу, авось онъ снизойдетъ къ намъ за наше уваженье“... „Удить—такъ удить. Господи, молю, благослови“, говорю имъ. А у меня, Миколай Иванычъ, скажу тебѣ, съ измальства ужъ такъ повелось,—куды-бы я, братецъ, ни шолъ, а удочки всегда при мнѣ, въ карманѣ. Съ измальства ко мнѣ пристрастка-то удить привилась, и теперича, не хвалясь скажу: опричь меня по здѣшнимъ мѣстамъ ты никого не найдешь, кто-бы тебѣ мѣста указалъ, гдѣ рыбѣ водъ. Не найдешь!.. Весь я ее свычай и обычай постигъ, вѣры!.. Ну, што тебѣ скажу: што есть рыба? Тварь... а вѣдь сколь въ ней этого ума сидитъ, сколь это она хитра... ну, диво даже!.. Теперича вотъ Аггеичъ тебѣ сказалъ, што я слово быдто экое знаю, на какое рыба идетъ. Нѣтъ, милый, словожь тутъ ничего не подѣлаешь, а што рыба идетъ ко мнѣ—похваляюсь... и-и-идеть!.. Вотъ ты рядомъ со мной сиди,—у тебя и червя не понюхать, а у меня клюеть, а-а? произнесъ онъ, обведя меня хвастливымъ взглядомъ.

— Чѣмъ-же это объяснить? спросилъ я.

— Скажи-ко вотъ ты, коли ты и въ заболъ рыболовъ, а?..

— Не знаю...

— И не скажешь, а и дѣло-то, братъ, не хитрое, плевое дѣло, а вотъ не скажешь!.. Вынутрить ее, милый, надо... Коли вынутрилъ ты ее, ну, ты и господинъ надъ ней, баринъ... безъ кличу къ тебѣ подойдетъ, отвѣтилъ онъ.

-- Да какъ-же это вынутрить ее?.. Что значить слово-то „вынутрить“...

— А стало-быть — нутро ее спознать, всю эту хитрость ее проникнуть... А хитра-а-а!.. Годы, милый, надо на это, годы... Ты съ рыбой не шути: лл-о-овка!.. все болѣе и болѣе воодушевляясь, говорилъ онъ. — Я тебѣ уже покажу про нее, по-остой, дай время, увидишь, сколь эта тварь въ разумѣ! говорилъ онъ, свертывая новую папиросу и закуривая ее. — „Ну, удить, говорю, такъ удить!“ началъ онъ послѣ минутной паузы, продолжая прерванный отступленіемъ рассказъ свой. — Сборы мои не велики: положилъ краюху хлѣба за пазуху, копнулъ разъ-два червотычиной подъ огорождъ — и готовъ: благослови, моль, Господи, братцы... иду!.. „Съ Богомъ, говорятъ; выручай тебя Микола милосливный!..“ Иду... Вотъ этой-же самой дорожкой и пошелъ; версты три ей-то считаемъ до озера... Ну, пришолъ на озеро... размоталъ лесу... навязалъ на удилица, обмоталъ и забросилъ, благословясь... Забросилъ и сижу... Сижу ча-а-ась, друго-о-ой... хошь-бы тѣ на смѣхъ вотъ поплавокъ дрогнуть... Вынулъ уди, надѣлъ на нихъ новаго червя, перекрестился, забросилъ съизнова и жду: пошлетъ-ли Господь за наши слезы двѣ десятинки, аль нѣтъ?.. Жду!.. Вижу, милый, ужъ и зорька играть начинаетъ: Сижу, глазъ тебѣ съ поплавокъ не спущаю: нѣ-ѣ-ѣтъ... хошь-бы тѣ плехнули они. Сижу, а у самого, братецъ, такъ это и точить сердце. Ну што, моль, паче чего неустойка, а?.. Какъ, моль, быть?.. Вѣдь двѣ десятины што ни лучей земли кормилицы отрѣжутъ у насъ, а? Взмолился, вѣрь мнѣ не вѣрь... Владыко, моль, милосливный, отпусти прегрѣшенья! Нѣ-ѣ-ѣтъ, хошь-бы тѣ вотъ плеснула на озерѣ-то!.. Гляжу, ужъ и солнце взошло, а ужъ коли, братъ, солнце взошло, да не было тебѣ клеву за ночь, такъ ужъ жди не жди — все единственно, не влюнетъ: сыта, знать... нажралась!.. И такое-то меня, братецъ ты мой, взяло въ тѣ поры сокрушенье... разорваться-бъ!.. А-а-ахъ ты, думаю, мужичья-то доля, а?.. Словно и сила-то небесная супротивъ тебя зубъ точить!.. Ну, рѣшилъ вернуться... Чего болѣе оставалось-то?.. Вынулъ это одну-то уду, сталъ лесу-то отвязывать отъ удилица, глянулъ это ненарокомъ на другую-то уду, а поплавокъ-то у нее брыкаетъ по водѣ... и мигнуть не успѣлъ, какъ и удилице въ воду потащило... Бросился я... схватилъ его въ руку, чую — пре-е-еть его изъ руки-то у меня... Ну и рыбина! думаю... „Стой, говорю, сразу-то тебя потянуть — и лесу оборвешь, — видать — звѣ-ѣ-ѣрь“,

а у самого сердце такъ и замерло. Вотъ я ее къ берегу это на-
ровлю подтянуть, а она меня въ воду волочетъ... пре-е-еть, слышь,
какъ есть преть!.. Рѣзнеть это вправо аль влѣво, такъ толь-
ко волна по озеру-то поидеть!.. Нѣтъ, думаю, вре-е-ешь... Я
тѣ наперво уныхаться дамъ, да опосля ужъ выволоку тебя, когда
ты силой ослабѣшь... Да никакъ, слышь, съ часъ время-то, Ми-
колай Иванычъ, я за ней по берегу-то бѣгалъ: рванеть это и,
словно игла, понесется въ водѣ-то, а я за ней по берегу бѣгу...
Ухлюпался, скажу тебѣ, до-поту... Ну, вижу, сдается: и дергать
стала слабѣй, и лѣсу отпускать начала. Вотъ тутъ ужъ я ее съ
исподтиха и поволо-о-окъ... Такъ ужъ когда это выволокъ я ее
почестъ на самый берегъ, такъ она испо, слышь, какъ плеснула
хвостомъ-то, такъ какъ есть съ головы до ногъ водой обдала ме-
ня... Четвертей шести расту... не звѣрь-ли, а?..

— Форель?..

— Форель!.. И столь-то это, братецъ, узорная была... Красно-
та! Словно, слышь, красныя-то пятнышки по ней шолкомъ кто
ткалъ!.. Не диво-ль?.. Живую я и донесъ. Бѣжалъ-то съ ней,
языкъ высунувъ, потому, суди, вѣдь двѣ десятины міру-то несъ...
А вѣдь по нашимъ мѣстамъ экой земли ты за двѣсти рублей
десятину не купишь... Побѣжишь съ экой-то находкой, отколь и
прыть возьмется!.. Ну прибѣгъ... Глянулъ какъ міръ, какую имъ
посылочку-то Господь послалъ, такъ только перекрестился! Сію-жъ,
братецъ, минуто, ни мало стало быть не медля, приободелись мы
кто во што почище и—къ барину... Пришли въ усадьбу... допу-
стили насъ... Вотъ староста... въ эту пору-то Антонъ Федорычъ
ходилъ, померши теперъ... и поднесъ ему эту форельку-то и
говорить: „Такъ и такъ, молъ, Максимъ Яковличъ, прими де
отъ нашихъ щедротъ“. Увидѣлъ онъ, слышь, рыбину-то, такъ
инда глаза у него загорѣлись, потому шибко онъ до рыбы-то
охочъ... Лакомка!.. „Вотъ, говоритъ, спасибо ребята вамъ, спа-
сибо!.. Уважили!..“ „И ты ужъ, молъ, насъ уважь, Максимъ
Яковличъ, одолжи, въ голосъ почестъ заговорили мы,—пожертвуй
намъ двѣ-то десятинки, што къ мельницѣ прилегли; для тебя, го-
воримъ, Богъ и рыбу-то экую послалъ намъ... не обездоль!..“ По-
краснѣлъ онъ это, что бумачъ, прошелся, слышь, раза два по ком-
натѣ: видать это—и земли-то жалъ ему, и почетъ-то отъ насъ до-
рогъ, а паче, можетъ, рыбыны-то жалъ... ди-и-и-ковинная была...

Ну, походилъ, походилъ это по комнатѣ,—а мы стоимъ,—поерошилъ это волосы свои и сталъ вдругъ передъ нами какъ вкопанный. „Ну, говоритъ, ребята, не хочу я васъ обидѣть, не хочу съ вами ссориться... десятину возьмите, дарю вамъ, а болѣ не могу и не дамъ, просите не просите“... Мы, было, въ ноги, а онъ и дверь, почестъ у нашего носу, захлопнулъ... Такъ и не далъ!.. закончилъ Ефимъ.—Такъ вотъ они каковы, господа-то у насъ, были, произнесъ онъ, заправляя выбившіяся изъ-за голенищъ холщевыя шаровары.—О-охъ, посказать, братъ, есть чего... Отдохнулъ, штоли?.. спросилъ вдругъ онъ.

— Я готовъ...

— Подемъ-ко!.. Намъ-бы засвѣтло только до броду дойти, а то въ потемочкахъ-то тамъ шибко не ладно... грязно... убрдно! говорилъ онъ, взваливая на плечи саквояжъ и идя впереди меня.—Какъ хватали, какъ жадничали! снова началъ онъ, оглядываясь по временамъ на меня, какъ-бы желая удостовѣриться, слушаю-ли я его.—Страсть!.. А куды все пошло, — спросилъ.. И мужика-то, братецъ, въ нуждѣ утопили, и сами-то не воскресли. Вѣришь-ли, голоднѣй насъ живуть...

— Помѣщики-то?..

— Ну... ну... Господа-то-дворяне!.. насмѣшливо оглянувшись на меня, отвѣтилъ онъ.—Вотъ какъ поднимаемъ мы на тотъ вонъ мысокъ, говорилъ онъ, указывая на виднѣвшійся впереди высокій холмъ, заросшій густымъ лѣсомъ,—такъ оттедова я покажу тебѣ погостъ А—во... Во-о-огатный погостъ... У покойнаго-то барина три тыщи душъ въ кабалѣ-то было. Во-о-гачъ былъ. Такъ дочка-то его въ дѣвкахъ, слышь, посѣла, въ А—вѣ живетъ теперъ... такъ вѣришь-ли, Миколай Иванычъ, поѣсть въ ину пору нечего. А вѣдь сколь земли подъ ней, лѣсовъ, угодевъ всякихъ...

— Отчего-же она такъ бѣдствуетъ? прервалъ я...

— А какъ собака, прости Господи, на снѣгъ лежитъ: и сама его не ѣсть, и другимъ не даетъ. Продастъ, вотъ, лѣсную дачу на срубъ, ну и поживетъ тамъ въ сласть, на сколько хватить, а тамъ съизнова шлетъ за мной.

— За тобой-то зачѣмъ-же?

— Зачѣмъ? насмѣшливо переспросилъ онъ.—А прокорми, вишь, ее до новой продажи, рыбки ей лови да носи, птицы пострѣляй!..

— И носишь?

— Куда-жь ее дѣть-то? Не принеси, такъ вѣдь и въ заболѣ подохнетъ... беспомощна, что малый младенецъ, а тоже хвалится, слышь, што въ фреляхъ какихъ-то быдто пишется. Вѣришь-ли, все прошлое лѣто и осень кормилъ я ее, Миколай Иванычъ! Счетъ-то во-о-о какой она мнѣ понаписала, говорилъ Ефимъ, разводя руками на аршинъ. — А какъ ни приди спросить денегъ, — все нѣтъ да нѣтъ; а вѣдь я самъ, милый другъ, дѣтний человекъ, у меня вонъ за плечами-то восемь ртовъ сидитъ, проворника! Въ ину пору въ избѣ-то куска хлѣба нѣтъ. Прибѣжишь: „дай, матушка, хоть два-три рубля — мучки купить, перебиться!“ „Нѣту, говоритъ, Ефимъ, нѣту, не безпокой!“... „Ѣсть вѣдь, говорю, родимая, нечего!“... „У меня, говоритъ, и у самой, Ефимушка, ѣсть-то нечего; другой, говоритъ, денегъ на кипяченомъ молокѣ сажу“. Вотъ и получай съ нее, а барыня, фрела! Ну што скажешь, а? Нонѣ зимой становой-то меня драть хотѣлъ, што въ подать ничего не припасъ? „Какъ. говорю, ваше благородье, ничего не припасъ? Я, говорю, припасъ, у меня за восемьдесятъ рублей почестъ долгу на А — ой барынѣ“, и счетъ ему кажу, — она мнѣ и счетъ-то саморучно подписала. „На, говорю, потребуй отъ нее, я и оправлюсь; тебѣ-то она отдасть, а я сколь ни хожу къ ней, все, говорю, только лепешки на завтрашнемъ маслѣ ѣмъ“... Осерчалъ!

— За что-же?

— А што, говоритъ, я тѣ за приказчикъ — ѣздить, долги твои собирать? Я, говоритъ, подать-то у тебя въ казенномъ мѣстѣ буду искать, такъ тогда, говоритъ, ты повернешься у меня и долги соберешь.

— Въ какомъ-же это казенномъ мѣстѣ? полюбопытствовалъ я.

— Одно у мужика казенное-то мѣсто, — спина! Съ нашимъ-то братомъ вѣдь много не разговариваютъ, Миколай Иванычъ, особливо по нонѣшнимъ-то голоднымъ годамъ: есть коли чего продать, — продадутъ; а нѣтъ, то такъ братъ казенно-то мѣсто вспашутъ, што и-и-и... душу заложить да отдашь! Такъ вотъ и суди теперъ, нашто хватали, обездоливали-то насъ, какой прокъ-то вышелъ изъ этого? Мы-же вотъ и кормимъ ихъ, а-а! И и, милый, то-ли еще бывало! произнесъ онъ, махнувъ рукой и ускоряя шагъ.

Мы снова спустились по тропинкѣ подъ гору и, пройдя нѣсколько сажень ложиной, въ которой сильно почувствовалась ве-

черная сырость, усиленная къ тому-же поднимавшимися испареніями отъ болота, снова стали подниматься на холмъ, или „мысокъ“, какъ называлъ его Ефимъ. Подъемъ былъ весьма крутъ, къ тому-же ноги скользили по изсохшей прошлогодней травѣ, влажной отъ вечернихъ испареній. Схвативъ меня за руку своей могучей жилистой рукой, Ефимъ почти приподнялъ меня въ гору.

— Видать, братъ, што ты городской! смѣясь, произнесъ онъ, видя какъ я едва переводилъ духъ, онустившись на пенъ отъ срубленной сосны.— Поживи у насъ подолъ, поправисься, ободрялъ онъ, стоя около меня и скручивая папиросу.— Мѣста у насъ хорошія, только нашему-то брату бѣжать изъ нихъ въ пору.

— Самъ-же говоришь, что и помѣщики-то голодаютъ у васъ.

— Тѣ отъ себя голодуютъ, а мы-то, братъ, по неволѣ. Привстанъ-ко, погляди на погостъ-то, пригласилъ онъ, указывая мнѣ на дальній холмъ, на вершинѣ котораго виднѣлась каменная церковь съ высокою колокольнею, золоченый крестъ которой ярко сіялъ въ голубомъ безоблачномъ небѣ.

Лучи закатывающагося солнца отражались въ длинномъ рядѣ оконъ высокаго двухъэтажнаго барскаго дома, отчего домъ казался какъ-будто залитъ огнями. Около дома тѣснились флигеля и другія пристройки, рѣзко выдѣлявшіяся на темномъ фонѣ обширнаго парка, примыкавшаго къ дому и терявшагося въ синѣющей дали. Холмы, тянувшіеся террасами, покрытые лѣсами, а нѣкоторые изъ нихъ пашнями, были облиты теперь лучами закатывающагося солнца и тонули въ мягкомъ синеватодымчатомъ покровѣ. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого пейзажа, поражавшаго своимъ просторомъ, и напоминавшаго мнѣ далекую Сибирь и роскошныя предгорія Алтая съ его тучными пастбищами и прихотливыми контурами горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами. Отдохнувъ, мы снова пустились въ путь. Тропинка, извивавшаяся среди желкаго березника и ольхи и мѣстами ельника, привела насъ, наконецъ, къ довольно топкому болоту, и неболѣе какъ черезъ часъ мы снова поднялись на гору, у подошвы которой лежала цѣль нашего путешествія, — озеро, называемое „Глухимъ“.

Мѣстность около озера была угрюмая, пустынная. Окаймленное со всѣхъ сторонъ горами, заросшими густымъ лѣсомъ, озеро лежало на днѣ глубокой лощины, точно какъ зеркало отражая въ

неподвижныхъ водахъ своихъ лѣжившіяся на кручѣ горъ высокія сосны и ели. Тонкій бѣлый паръ слегка разстился надъ озеромъ, изрѣдка волнуясь, точно отъ прикосновенія чьей-то руки, старавшейся приподнять эту прозрачную завѣсу.

— Зорьку-то ужъ пропустили; теперь закинь удочки да и не гляди на нихъ до разсвѣта! ворчалъ Ефимъ, разматывая свои толстыя лесы и навязывая ихъ на длинныя удилища. Нажививъ на крючки червей и закинувъ уды въ озеро, онъ укрѣпилъ удилища въ топкій берегъ, и мы вернулись къ подошвѣ горы. Выбравъ сухое мѣсто, Ефимъ наносилъ валежнику, и черезъ минуту мы сидѣли у яркаго костра, багровый отблескъ котораго, освѣщая росшія вблизи деревья, еще сильнѣе увеличивалъ окружающую насъ мглу ночи.

— Люблю я вотъ такъ-то, у огонька-то! говорилъ онъ, подбрасывая въ пылающій костеръ сухія смолистыя вѣтви. Чудной какой-то норовъ у меня, Миколай Ивановичъ, скажу тебѣ: чего ни стрясись надо мной, какая хопъ бѣда, сичасъ это возьму я удочки и побѣгу, слышь, къ озеру на ночеву, и вотъ экъ-то, у огонька-то, милый, ровно, слышь, всякое горе съ тебя рукой смететь, право! Тихо это кругомъ-то, хорошо, въ листьѣ-то это подъ вечеръ жужмя-жужжить, а къ зорькѣ-то и птахи стрекотъ поднимуть... ну, словно, слышь, музыка гудеть вкругомъ! Слушаешь, слушаешь да ровно и забудешься, въ думу-то войдешь, размыслишь: одинъ ли ты, стало быть, горе-то на бѣломъ свѣтѣ терпишь, а? Вѣдь экихъ-то, какъ я, можетъ, тыщи тысячъ; такъ къ чему-жъ моль это убиваться-то? И ободрись, вѣрь!.. А вѣдь ужъ какъ въ ину пору пристегнуть тебя, умерь-бы!.. Ну, взялъ-бы и померь!.. Убиваться, милый, это нѣсть паче грѣха, вѣрно-ль говорю?! наставительно произнесъ онъ.

— Вѣрно!

— Вѣрно повторилъ и онъ. — Жизнь, милый, пережѣнчива; худо тебѣ, — ну, терпи, выбивайся, измышляй пути; а коли убился ты, распустилъ нюню, ну, пропаций ты человекъ, — ложись и помирай! Вѣрно-ли?

— Вѣрно!

— Такъ-то, братъ, вѣрно, што вѣрнѣй и не скажешь! Я тебѣ, другъ мой, Миколай Ивановичъ, вотъ какою побасенку про себя скажу. Это было со мной ишо до воли, когда мы подъ

господами жили. Баринъ-то, отецъ-то Максима Яковлича, на оброкъ насъ пушаль, ну, и не тѣснилъ, слышь, оброкомъ, правду скажу... чего правда, такъ ужь што напраслину говорить... не тѣснилъ! Отдай положенный оброкъ, и чего хошь тамъ—твори! Ну, только, маленько позапутался я въ тѣ поры и призапустилъ, слышь, уплату-то. Подходить, братецъ, срокъ оброкъ вносить,—нѣту денегъ. Я и туды, и сюды метался, во всё, слышь, щели носъ соваль,—нѣтъ!.. Ахъ ты, горе! Ну, быть, думаю, бѣдѣ! Начешутъ спину!.. Упаль, слышь, духомъ, ночь не спаль; ну, забрезжилъ это свѣтъ, поднялся я, вздернулъ полушубокъ и пошелъ къ барину въ усадьбу. „Твори, моль, Господи волю свою! Смиляется ладно, нѣтъ—дери...“ Иду! А дорога-то въ усадьбу идетъ отъ насъ по берегу Крякши; свѣжокъ-то ужь это стаялъ и ледъ-то пронесло, вода-то это грязная въ рѣвѣ, муть; подошелъ я это къ одному омуту, а стрежью-то *) его, въ водополье-то, весь, слышь, заволокло корягами да сучьями. Дай, думаю, поужу, форель-то любить экія мѣста... Къ барину-то рано исхо теперь,—спить... все равно сидѣть-то тамъ аль здѣсь! А ужь я тѣ говорилъ, што куда-бъ я ни шель, удочки и червякъ завсегда у меня въ кармапѣ. Ну, обснастился, закинулъ уду, и только, слышь, закинулъ вотъ, до дна почестъ не дошла—клянуло... Вынулъ,—форель! Посадилъ свѣжаго червя, забросилъ, не лету почестъ поймалась! Штожь, братецъ мой, скажу тебѣ, а?! И двухъ часовъ не просидѣлъ я тутъ, какъ обложился рыбой. Полушубокъ съ себя снялъ, полнехонькой полушубокъ набуробилъ ее... Мало! Рубаху скинулъ,—рубаху-то полнымъ-полно наворочалъ рыбой; въ штаны-то ее сколь посоваль, въ тряпки,—такъ голый и въ усадьбу пришелъ, да не то штобы промерзъ, аль-бо што, въ поту! Въ потъ вдарило: вотъ сколь рыбы-то перъ на себѣ, даже задохся! Ну, доложили барину. Пришелъ онъ это на кувню, подивился только повойникъ экому счастью и всю, слышь, купилъ ее у меня, и оброкъ-то съ недоимкой весь покрылъ за два года, да исхо домой семь рублей принесъ а?! Вѣришь?

— Отъ чего-же не повѣрить, вѣрю!

— Не чудо-ль?.. Такъ вотъ, Миколай Иванычъ, я къ тому и говорю тебѣ, сколь она жизнь-то перемѣнчива; сколь это, ми-

*) Стрежь—быс тріана.

лнй, не подобаетъ духомъ-то падать! Шелъ на стезьку, такъ и полагаль—стегать будутъ, ничего ужъ болѣ и не оставалось, а тутъ, глядишь, случай-то и оброекъ заплатилъ да испо и домою съ деньгами я вернулся, а? Вотъ и падай духомъ то! Теперича, милнй, я тебѣ такъ скажу: ежели нашему брату мужику да духомъ падать-то, — умирай, не живи, потому такъ мы сжануты, милнй, такъ сжануты, што и продухи тебѣ нѣтъ. Ужь какъ это Господь несетъ насъ, уму удивленье, а живемъ!

— Ну, какъ-же живете-то? прервалъ я.

— Живемъ-то? повторилъ онъ. — А какъ тебѣ, Миколай Иванчъ, сказать... ровно и не живемъ, а такъ во-снѣ быдто мечеся... право! Видѣлъ ты избу-то мою?..

— Видѣлъ и удивляюсь, какъ вы зимою живете въ ней?..

— Уму удивленье, и я-то говорю... а живемъ!.. Этно, милнй, чего я тебѣ скажу, слушай и подивись, сколь это у людей ума-то много. Болѣзть какую-то ждали въ позапрошлую зиму въ губернію-то нашу; ну, и вышло, братецъ, распоряженье, штобы, значить, мужикамъ чистоту блюсти, безпремѣнно штобъ вольный духъ въ избахъ былъ... Ну... слышимъ мы про этотъ распорядокъ и такъ будто сумлѣваемся, однако, глядимъ, милнй, становой это наѣхалъ и пошолъ избы оглядывать. Стало-быть, вѣрно!.. Приходить ко мнѣ, староста съ нимъ, фершалъ изъ больницы... Ладно... А я, слышь, не будь глупъ — вынь солому да тряпки изъ щелей въ потолокъ и въ полу, холодожь-то и понесло-о, словно изъ прорвы, а я и спрашиваю, такъ-будто, по дурковатости: „достаточно-ли, молъ, ваше благородіе, вольнаго духу въ моей избѣ?“ Поглядѣлъ онъ это на полъ, на потолокъ, покачалъ головой и отвѣчаетъ: „Достаточно, очень, говоритъ, даже достаточно!“ Махнулъ рукой да и былъ таковъ. Вотъ и суди теперь, — гдѣ-бы спросить: Тепло-ли жить мужику, сыто-ли? Не отъ голоду-ли да холоду болѣзть-то къ нему идетъ? Лѣску-бы на починку избы отпустить, а они вольный духъ въ избу ему напущать вздумали! Да у насъ, братъ, отъ вольнаго-то духу зубъ-на-зубъ не попадаетъ въ избѣ: въ каждую тебѣ щель вольный-то духъ претъ, што на оборону-то отъ него и тряпья не хватаетъ, а они еще его напущать вздумали! Такъ-то вотъ и за все у насъ, Миколай Иванчъ... О-охъ, милнй, говорить-то коли все тебѣ, такъ голова кругомъ пойдетъ! произнесъ онъ, отвернувшись отъ меня и,

снявъ цилиндръ, почесалъ съ обычной нервностью въ затылкѣ. — Да-ка, слышь, папересочку... Я запримѣтилъ, у тебя ихъ дужо напасено...

— А ты выпить не хочешь-ли съ устатку-то?... спросилъ я, подавая ему папиросу...

— О-о!.. Неужь у тебя есть?... какъ-то особенно привѣтливо улыбнувшись, спросилъ онъ, положивъ папиросу за пазуху, вмѣсто того, чтобы закурить ее.

— Есть.

— У-у, какой-ты бывалый, погляжу я, запасливый! А я вѣдь, признаться, милый ты человекъ, сумку-то несъ твою, такъ слышалъ—чего-то въ ней булькаетъ. Чего это, думаю, такое у него плещется тутъ? А оно вотъ чего! Хе... Ну, это, братъ, охотка!.. Испо-бы вотъ рыбины на уху и-и-и... раскумилась-бы мы съ тобой. Ну, да, вишь, къ зорькѣ-то не успѣли! съ соболѣзвующимъ видомъ заключилъ онъ.

— Какъ-бы это раскумилась? Что это слово-то значить? спросилъ я, доставая изъ саквояжа захваченный мною ужинъ, булку и бутылку съ виномъ.

— Подружились-бы будто! У насъ въ обиходѣ-то „раскумиться“ болѣ говорятъ, пояснилъ онъ.—Ты, Миколай Иванычъ, похаживай къ намъ! говорилъ онъ, глядя, какъ я вынимаю провизію и przygotowляю ужинъ.—Я вѣдь, милый, бывалый парень-то! похвалился онъ.—Около баръ-то выросъ почестъ... до-о-шле!

— Кто, баре-то?

— Ну... Сколь это баре-то разврату напущали въ насъ, страсть!

— Какого-же?

— Какого хощь, милый. Я вотъ, къ примѣру, тебѣ скажу побывальщинеку про себя: повадился я съ измальства, милый, на куфню къ барину нашему бѣгать, потому, какъ, значить, тетка моя, стало-быть, сродственница, въ страпцахъ у господъ-то была. А барыня-то, покойница Степанида Ефимовна, и запримѣтъ меня; какъ увидить, бывало, што я прибѣгъ, и подзоветъ меня сейчасъ въ покои къ себѣ и столь-то это привѣтливо заговорить: „Здравствуй, Ефимушка!“ по щекѣ это потреплеть, сласти какой-нибудь дать, пирогомъ аль такъ сдобниной какой ни на есть

поподчуетъ и начнетъ, слышь, пытать меня, вывѣдывать, стало-быть, у кого сколь коровъ, куриць, аль иной птицы, и какая корова сколь молока даетъ, и сколь куры кому яицъ нанесли, кто сколько холста наткалъ за зиму.

— Что-жъ, это хорошо: она вникала значить въ вашу жизнь и въ нужды, сказала я.

— Слушай, хорошо-ли еще! почти крикнулъ Ефимъ.— Ну, а я, съ малого-то разума, милый, — чего-жъ, вѣдь дитя еще былъ, — и ну ей правду-то выворачивать; што у Степана да у Ивана масла-то въ постъ дуже де накоплено, ну и яицъ-то, молъ, куры натаскали имъ почестъ по корыту... и болтаю да болтаю. А она, — посуди не вѣдьма-ль! — опосля этого призоветъ мужиковъ-то, да и говоритъ: „вотъ у васъ постольбу-то и масла и яицъ накоплено, а вы, говоритъ, обманомъ скрыли отъ меня!“ Накладеть имъ оплеушинъ да и отбереть почестъ все масло и яйца. Ну хорошо-ли это, скажи мнѣ теперь?

— Скверно...

— Вотъ и знай! Ну, мужики-то, милый, съ диву дались: отколь это знаетъ она все, что ни дѣется... И пронюхали, што отъ Ефимки, отъ меня, стало-быть, весь сыръ-боръ горить... Ну, и выпороли меня въ тѣ поры, и-и-и-и — родитель-то такъ остервенѣлъ, убить былъ радъ: „ты, говоритъ, за кусокъ пирога душу продаешь, а?“ Памятна мнѣ энтотъ, милый, наука была! Такъ съ тѣхъ поръ я шибко, слышь, господь-то остерегаюсь. Этакъ, вотъ, и съ тобой-то, Миколай Иванычъ, выпьешь да, пожалуй, разболтаешься, а ты опосля и того...

— Чего-жъ? прервалъ я, удивленный такимъ неожиданнымъ оборотомъ разговора.

— Начальству скажешь аль господамъ-помѣщикамъ нашимъ, што вотъ, молъ, Ефимка-то чего про васъ говорить, а? пытливо посмотрѣвъ на меня, спросилъ онъ.

— Ну, если боишься меня, что я передамъ кому-нибудь твои слова, такъ не пей и не разговаривай со мной...

— О-о! Не пить... Да рази можно не пить-то, а?

— Отчего-же, можно!

— Э-эхъ, другъ!.. Какое ты слово-то сказала: не пить! Да рази можно не пить-то? Да я тѣ, Миколай Иванычъ, вотъ чего

скажу, понимай какъ знашь: коли ты выпьешь то, такъ ровно, слышь, у тебя праздникъ на душѣ-то, Христовъ день, вѣрь!

— Ужь будто такъ хорошо?

— Преподобно, знай! Ну-ко, Господи благослови, поднеси-ко, произнесъ онъ, сдернувъ съ себя цилиндръ и развязно расправляя усы.

— А если разболтаешься, а я начальству скажу или помѣщикамъ, а?

— Не скажешь!

— Да почему-же ты знаешь, что не скажу?

— Не скажешь, не изъ тѣхъ! Э-эхъ, Миколай Иванычъ, ты вотъ такъ и полагаешь, што мужикъ такъ и дуракъ? Нѣтъ, милый, мозги-то наши еще не щупаны. Кто-бы ихъ выщупалъ ишо — и на свѣтъ не произошелъ! Мы, вѣдь, тоже человека понимаемъ... Ты-то не скажешь, нѣ-ѣ-ѣтъ!

— Да почему-же ты знаешь?

— Знаемъ... Птицу-то, братъ, по полету видно... Зна-е-емъ!.. Не скажешь!.. Ты похаживай-ка къ намъ, Миколай Иванычъ; мы, милый, душевные люди, похвалился онъ.

— Вѣрю!

— Полагайся, не выдадимъ! произнесъ онъ, дружески ударивъ меня по плечу и, мигнувъ мнѣ, разсмѣялся.

Наливъ въ граненый стаканчикъ водки, я подаль ему. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, Ефимъ принялъ стаканъ и, пожелавъ мнѣ всякаго благополучія, тихо, съ наслажденіемъ выпилъ его.

— И водка-то у тебя городская, словно спиртъ! заключилъ онъ, тряхнувъ головой.

— А развѣ ты пивалъ спиртъ? спросилъ я.

— Пивалъ! Я вѣдь около баръ-то, Миколай Иванычъ, во всему навнѣкъ, говорилъ онъ, принимая отъ меня ломоть бѣлой сдобной булки и айцо.—Эко хлѣбецъ-то какой! произнесъ онъ, щупая булку.—Мы, слышь, и въ Христовъ день экого не видимъ, вѣришь, а? Это я ужь ребяткамъ возьму, полакомятся, хопъ порадуются.

— Такъ ты возьми всю булку, предложилъ я.

— О-о! Пошто-жъ обижать-то тебя!

— Чѣмъ-же ты меня обидишь? У меня еще черный хлѣбъ есть, возьми.

— Аль взять, а? какъ-то нерѣшительно произнесъ онъ.— Запрыгають ребята-то; у меня, вѣдь, восемь человѣкъ семья-то, милый... прокормись-ка! Экой-то хлѣбъ и въ Христовъ день не видимъ. Дядя у меня Антонъ Прокопичъ въ ино время въ Питеръ на заработокъ ходитъ, такъ въ гостинцы, слышь, въ ину пору сятничку-то принесетъ, такъ сколь это у ребятъ радости-то... Ну, возьму ужъ эту булку у тебя, скажу, молъ, „нате гостинцы вамъ отъ барина!“ говорилъ онъ, завертывая булку и яйцы въ бумагу и вкладя ихъ за пазуху.

— Ты закуси-же самъ-то, не чинись, возьми еще яицъ.

— Снесу лучше!

— Снеси, это своимъ чередомъ, а все-таки и самъ-то закуси, вѣдь ты-же ѣсть поди хочешь?

— Мужикъ завсе ѣсть хочетъ, Миколай Иванычъ; его вѣдь не накормишь, не хлопочи, отозвался Ефимъ;—а ты лучше, коли што, водицы-то поднеси-ко мнѣ: ужъ больно она у тебя чудна.

— Что-жъ ты только пьешь и не ѣшь ничего?

— Привышны! лаконически отвѣтилъ онъ, вынивая второй стаканъ, на этотъ разъ уже безъ крестнаго знаменія, и, густо посоливъ ломоть чернаго хлѣба, закусилъ имъ.—А, вѣдь, славно, слышь, теплѣй стало! не безъ ироніи замѣтилъ онъ, пожимая плечами.—Это вотъ, Миколай Иванычъ, къ слову скажу я тебѣ, даве ты спросилъ меня,—пиваль-ли я спиртъ? началъ Ефимъ, замѣтно сильно ожившись и подделывая сухіе сосновые сучья въ костеръ, и безъ того ярко пылавшій! Пиваль, столько, братъ, перелопалъ винаща всякаго, што другой-бы и свихнулся, ну а я-то крѣпокъ! Чего вѣдь бывало, Миколай Иванычъ... Знашь ты аль нѣтъ нашего писаря въ волости?

— Нѣтъ!

— Не зна-ашъ? Такъ ты слушай чего я тѣ поскажу: помѣщикъ вѣдь былъ, богатей-то какой, и-и-и Господи! Бывало, къ отцу-то его, покойникъ теперь, въ домъ-то придешь, такъ не знашь, въ который уголь тебѣ креститься...

— Отчего?

— Буклы этой, балясины-то, понаставлено было вездѣ, такъ диво! Не разберешь, бывало, икона аль такъ букла стоитъ, право! Экипажевъ этихъ сколь на дворѣ было, ка-аретъ, ко-олясокъ по-честь безъ счету; безъ фолетора, слышь, и не ѣздилъ. Ну, сынокъ-

то его — Иванъ Васильичъ, писарь-то нашъ теперь, обучался-то, слышь, въ унтерахъ, въ пажее какомъ-то... гусарь, слышь, былъ. Это, какъ родитель-то померъ, онъ и прѣѣдъ къ намъ, такъ мы, слышь, съ диву дались, глядя на него.

— Чему-же? прервалъ я.

— Узору его! Столь, слышь, это узоренъ онъ былъ весь-то... въ золотѣ, такъ и пышетъ отъ него, словно полымя, жаръ. Ну, какъ прѣѣхалъ, слышь, и пошо-о-оль крутить... Крутилъ, крутилъ, да и докрутился: все, слышь, спустилъ. Это, когда у него пированье-то шло, такъ, бывало, въ усадьбѣ отъ господъ-то проходу не было: и дневали, и ночевали у него. Вотъ тутъ, милый, и я съ ими спотыкнулся!

— А ты-то какъ-же въ компанію къ нимъ попалъ?

— Попалъ-то? самодовольно спросилъ онъ. — А ты, Миколай Иванычъ, дакъсь мнѣ еще стаканчикъ, будто старое поминаючи, а? неожиданно произнесъ онъ. — Было вѣдь дѣловъ-то; вспомануть-то есть чего! Никакъ ужъ и все! говорилъ онъ, глядя на опустѣвшую бутылку, когда я подаль ему налитой стаканъ. — Ну, и будетъ; баловать-то тоже теперь не ко-время! заключилъ онъ, выпивая стаканъ и прожовывая хлѣбъ. — Попалъ я къ нимъ, Миколай Иванычъ, болѣ за обходительность свою! началъ онъ, разворачивая палкою, какъ щипцами, костеръ, чтобы вызвать большее пламя, которое ярко озаряло лицо его, замѣтно раскраснѣвшееся. — Я тебѣ такъ скажу, Миколай Иванычъ, про себя, што я, милый, не то што, какъ есть вотъ другіе изъ нашей братьи, къ примѣру, мужики. Я мужи-и-и-и-и-и, да только, братъ, знаю, какъ къ какому человѣку подойти, — энто у меня сноровка есть. Теперича хоша охоту возьмемъ и все прочее, — я могу услужить кому хошь, ну и любятъ меня! Иванъ-то Васильичъ сразу, слышь, какъ прѣѣхалъ, такъ на меня и напалъ. „Ну, говоритъ, Ефимка, на охоту ѣдемъ, кажи мѣста!“ „Изволь, молъ, говорю, баринъ!“ Сейчасъ и прислужусь, ну и любилъ, любилъ меня! Поить, поить, бывало, меня на смерть: не могу ужъ пить, душа не примаеть, а онъ кричитъ: „пей!“ „Не могу, говорю, ослобони“. „Пей!“ кричитъ тебѣ, да што хошь! Однава, милый, разстрѣлялъ онъ было меня: на волосокъ отъ смерти былъ!

— Какъ-же это такъ произошло?

— Такой былъ человѣкъ блажной; теперя вѣдь только уго-

монился, какъ горя-то досыта похлебаль, а то и-и-и птица была! Присталъ вотъ такъ же снова: „пей да пей“, а ужъ я вотъ какъ пьянъ былъ, смерточка подходитъ, а онъ кричитъ: „пей, а то разстрѣляю!“ „Стрѣлай, говорю, а пить не буду!“ А онъ, слышь, съ моего-то слова цапъ ружье со стѣны, да и бухъ въ меня! Какъ только Господь сохранилъ, диво! Такъ, слышь, дробь-то въ стѣну и влѣпилась, вершка на два выше головы-то, не болѣ. „Живъ ты, аль нѣтъ?“ кричитъ мнѣ, потому дымъ, и въ глазахъ-то ужъ темно у него, ничего не видитъ. „Живъ говорю!“ „Вонъ, говоритъ, такой-сякой! Вонъ отселева!“ А ужъ я, сердечный, и самъ-то за добра ума окарачь ползу изъ хоромины-то: убьетъ думаю. Проспался это на утро, иду къ нему, говорю: „Какъ-же, молъ, Иванъ Василичъ, ты могъ это, а?“ А онъ хо-о-хочетъ только; вынулъ, слышь, пятьдесятъ рублевъ и говоритъ: „на, да впредь не перечь мнѣ!“ Добрѣющей души человекъ былъ, што сказать! неожиданно заключилъ онъ рассказъ свой. — Маненько вотъ только горе-то настигло его. До чего дошелъ вѣдь, Миколай Иванчъ! Какъ прокурилъ-то все, изъ милости въ избѣ у меня жилъ; ни штановъ, ни рубахи на тѣлѣ, о сапогахъ и помышлять забылъ, а помѣщикъ!.. Срамота, милый, бывало, какъ по улицѣ-то идетъ: не глядѣль-бы. Ужъ на што бабы наши, ко всему навывѣшіе — и тѣ прятались... срамота глядѣть! Бывало, дамъ ему какіе ни есть обноски: „на, молъ, прикройся, Иванъ Василичъ, по-крайности женскій-то полъ не безславъ“. Возьметъ, и въ кабакъ, и съизнова, глядишь, придетъ къ тебѣ въ чемъ мать родила... што ты будешь дѣлать! Въ ину пору и скажешь ему, не стерпишь: „Иванъ Василичъ, што-жъ, молъ, ты это, сердешный? Есть-ли, молъ, стыдъ въ глазахъ у тебя? Кто ты будешь, скажи!..“ „Дворянинъ“, говоритъ. „Неужъ, молъ, дворянину-то экія качества подходятъ, што и нашъ братъ, мужикъ, и тотъ-бы со стыда осунулся! Опамятуйся, брось!“ Ну, и пойдешь ему это резоны приводить. Слушаетъ, слушаетъ и заплачетъ, го-о-орько горько; разведешь только руками, бывало, глядя на него, да и купишь косушечку, штобъ, значить, утѣшить-то его, потому, видишь, што убивается человекъ. Ну, и разопьешь съ нимъ; оно будто и полегче станеть, и отойдетъ это онъ. О-охъ, помялись-таки мы съ нимъ, помялись, што и не рады стали! Теперича какая у насъ по крестьянству ѣда, суди! Есть хлѣбъ — и

слава Богу, пожуешь; а еще, коли на квасокъ мучки хватить, такъ и... и панъ паномъ! Налилъ его въ чашку, покрошилъ лучку, да такъ-то-ли сытъ, што ажно животъ пучить... А у него душа не примать ѣды-то этой, потому къ разносоламъ привыкъ... Мало-ль онъ болѣлъ, сердешный, отъ яства-то нашего! Осунулся, што страхъ глядѣть было; думали, помретъ! Пойдетъ это къ кому-нибудь изъ господъ: авось, думаетъ, не дадутъ-ли сладенькаго кусочка закусить, а тѣ отъ него на запоръ, не принимаютъ его, потому, одолѣлъ онъ ихъ.

— Чѣмъ-же онъ ихъ одолѣлъ-то?

— Вшой! Вша-то, вѣдь, вишѣла на немъ, Миколай Иванычъ, што и намъ-то иной разъ претило. Вотъ до чего дошелъ человѣкъ! А вѣдь сколь добра-то было, и-и и, Бо-о-о-оже мой! Сколь лѣсовъ, земли, до-омъ какой; ужо побывашъ въ тѣхъ мѣстахъ, — полюбуйся.

— Что-же, онъ продалъ все это? Или за долги отобрали?

— Продалъ! съ какимъ-то неуловимымъ презрѣниемъ въ голосѣ повторилъ Ефимъ. — Кабы продалъ-то, все-жъ-бы хоть деньгу получилъ, хошь-бы рубъ да получилъ, а то проигра-а-аль, въ карты проигралъ!

— Кому-же?

— Своей-же братья, дворянамъ. Подпоятъ его, бывало, сердешнаго, да и пойдутъ трепать: дача за дачей только летить, бывало! Попользовались отъ него, дай имъ Богъ здоровья, а опосля и ворота отъ него на запоръ! Вшой, вишь, одолѣвалъ ихъ, а кто вши-то напустилъ на него, до вши-то довелъ, а? Ну-ка, отвѣтъ! вскочивъ на ноги, взволнованнымъ отъ негодованія голосомъ спросилъ Ефимъ.

— Кто-же? спросилъ я.

— Они! рѣзко отвѣтилъ онъ. — А ишо дворяне прозываются. Кто его опосля кормилъ и поилъ, когда ужъ общипали-то они его, а? Мы, мужики, што ни синь пороху отъ него не видали, а! Ну, што скажешь!

— Чего-же сказать-то?

— Хорошо мы дѣлали, аль нѣтъ, а?

— Конечно, хорошо.

— То и есть! Намъ-бы его вотъ дубьемъ надоть отъ себя-то гнать: коли, молъ, ты дворянинъ, такъ и знай свою дворянсеую

компанію, а въ наше поганое корыто съ благороднымъ рыломъ не лѣзь. А мы, вотъ, кормили его, одѣвали, обували, призрѣли; ну, это какъ по твоему? Худо, аль хорошо?

— Хорошо... доброе дѣло сдѣлали.

— Есть-ли, стало-быть, душа-то въ насъ?

— Безъ сомнѣнія, есть!

— А-а-а, есть... Такъ за што-же насъ поносятъ-то, а-а? Ну, ты вольный человѣкъ, городской, скажи ты мнѣ по душѣ, за што?

— Да кто-же поносить-то васъ?

— Помѣщики! Вотъ ты побалабай-ко съ ними, чего они тебѣ скажутъ про насъ: и свиньи-то мы, и пьяницы, и лѣнтяи, и воры-то, и мошенники, и-и-и... какихъ только качествъ нѣтъ при насъ!.. А кто болѣ пьетъ, они аль мы, а-а? Ну-ко! Не онъ-ли, вотъ, свинья-то настоящая, а? Онъ, вотъ, напоить свою-же братью, дворянина, въ карты его обыграть, пьянаго-то, да опосля его-же и въ шею отъ себя гонить, потому, говорить, вши на тебѣ много. А мы вотъ, свиньи-то, вшей-то его не погнушались, а призрили его! Мы-то, вотъ, отъ него и синь пороху не видали, окромя безобразій, а кормили его и поили, да мы-же вотъ, вишь, и свиньи по ихнему-то выходимъ, а? Э-эхъ, дворяне! произнесъ онъ, искоса обведя меня суровымъ взглядомъ. — Теперича, если разобрать по настоящему все-то, какъ-бы слѣдовало, такъ словъ-то не найдешь разговаривать, право, говорилъ онъ, снова присаживаясь къ въ костру. Теперича, если взять къ примѣру экую матерью: приди ты къ какому ни есть изъ нашихъ господъ, посудачь ему, што нужда де тебя настигла, и послушай, чего онъ скажетъ, а! Попробуй-ка, вотъ, потолкуй съ имя, коли приведетъ Богъ, чего услышишь!

— А что-же они говорятъ?

— Въ одно слово, братъ трубятъ: лѣнтяи, да и на тебѣ! Мужики, вишь, лѣнтяи, потому и бѣдуютъ. А они вотъ рабочіе люди, а? Э-эхъ! произнесъ онъ, нервно почесавъ въ затылкѣ. — Нѣтъ, братъ, Иванъ-то Васильичъ, какъ потрепало его горемъ-то, да извѣдалъ онъ нашей-то жизни да работы, сколь она [скусна, такъ не то, братъ, теперь поеть. Теперь у него, братъ, милѣй мужика человѣка нѣтъ, и женился-то на хрестьянѣ, да-а-а! Дворянки-то наши, когда онъ богатъ-то былъ, хвосты за нимъ обивали, чего, слышь, сказываютъ, дѣлали, штобъ приголубить-то

его, смѣ-ѣ-ѣхъ! Знахарокъ-то всѣхъ подеупали, ворожи! Слыхаль? А дворя-я-янки! Да хуже мужичекъ въ ворожбу-то вѣрують!

— Да правда-ли это? прервалъ я.

— Правда! Съ чего мнѣ врать-то? Да казъ ни ворожили, а вишь вотъ не выворожили. Судьбы-то, братъ, знать, не объѣдешь. Ни одна въ тѣ поры не приглянулась ему; а когда онъ прокрутился-то, да безъ штановъ-то ходилъ, такъ тогда ужъ на него и глядѣть-то не хотѣли. Мужичка-же вотъ не побрезговала, обмыла, да обчистила его и человѣкомъ сдѣлала. Какъ женился и словно, братъ, отрубилъ: вина-то въ ротъ теперь не беретъ, и фатерка у него таперича есть, и занавѣсочки-то вонъ на окна она ему повѣсила, и одѣтъ-то онъ не плошь людей. Мнѣ-же вотъ мужики и мѣсто-то писаря ему дали; служить, и радѣтельный, радѣть объ насъ! Э-эхъ, Миколай Иванычъ, то-ли-бы еще тебѣ поспазать надо. Заходи уже къ намъ.

— Зайду!

— Заходи!.. Раскумимся, милый, всю тѣ подноготную выворотимъ, накипѣло, братъ, у насъ! вздохнувъ, произнесъ онъ.

— Чего-жъ накипѣло-то?..

— Ужо все узнашь; дай-ка папереску! Эту, што ты мнѣ даве даль, я ужо дома покурю, пушай баба-то понюхаетъ хорошей вони. Вотъ, братъ, баба у меня, скажу тебѣ, ну, ба-а-аба!

— А что-же, хорошая женщина?

— Союзная!.. Даромъ што баба, братъ, а такъ скажу тебѣ: человѣкъ. Ей Богу! Ужъ мы-ли, братъ, не терпимъ? Вѣришь, Миколай Иванычъ, ино время перекусить нечего, ей-Богу! Хошь палку гложи, да и ту еще поди купи прежде. Горе, во-отъ какое горе! „Ну, што, говорю, баба?“ — „Чего, говорить, Ефимушка?“ — „Водицей, говорю, зубы-то, што-ли, пополощемъ, а?“ — „Полощемъ, говорить, Ефимушка!“ Ей-Богу... и хошь-бы тѣ слово супротивное вымолвила, а въ работѣ, братъ, — звѣрь! Супротивъ ее ни одинъ мужикъ въ косябѣ не угонится, о-огонь! А-ахъ, братъ, разгуляться-то только ей негдѣ!

— Какъ это разгуляться?

— Хозяйствовать-то! Теперича вотъ передъ весной коровку продать; взвыли, какъ повели ее со двора-то! А чего подѣлашь? Сѣно, што было въ запасѣ, прокормили. Хлѣбъ-то, милый, во-

семинадцать рублей куль! Слыхаль экую напасть? Гдѣ взять на экую прорву денегъ, а? Хошь помирай... Ну, и продали! Солома была въ запасѣ, про коня берегли; вѣдь ужь коня рѣшигься — послѣднее дѣло, а у меня-то восемь душъ! Прокорми-ко ихъ... поробъ...

— Развѣ вы хлѣбъ-то покупаете? прервалъ я.

— Съ купли, все съ купли, изъ лавочки беремъ!

— Неужели сами-то не съете?

— Съемъ, обычай этотъ блюдемъ, какъ водится.

— Какъ обычай?

— Извѣстно, мужикъ приставленъ на то, штобъ пахать, ну, и пашеть, штобы, значить, порядокъ соблюсти, не отвыкнуть; а кормиться, братъ, съ нашей пашни и-и не думай! Вѣдь за пашенькой-то, милый, ходить надо. Подложишь-ты навозу на пашенку-то досыта, ну и хлѣбецъ будетъ у тебя, а гдѣ ты навозу-то возьмешь? Вѣдь прикопить-то его скотинка требуется, а много-ли ты отъ одной-то скотинки, какъ у меня, прикопишь его, а? Ну, сѣю... воротишь коли зерно-то, да и посѣешь его, чтобъ посѣяться было чѣмъ. Какой тѣ урожай будетъ, суди, коли ты сейчасъ вотъ снимешь хлѣбъ-то, вымолотишь, да почестъ сыръемъ, тутъ-же его и съешь съизнова. О, да не разговаривай лучше! произнесъ онъ, махнувъ рукой.

— Такъ, значить, у васъ есть посторонніе заработки, а?

— Заработки! усмѣхнувшись, повторилъ онъ.— Наши, братъ, заработки-то вотъ какіе, коли хошь ты знать... Въ позапрошлую зиму поѣхаль я на Б—скую чугушку дрова возить. Ну, поѣхаль... Хлѣба съ собой забралъ изъ дома, штобъ не харчиться безъ пути, на сторонѣ-то; овсеца лошадеѣ, сѣна... рублей на семь изъ дому-то захватилъ съ собой, думаль выгадать, да и выгадалъ! Изъ дому-то увезъ на семь рублей, а въ домъ-то привезъ пять рублей, вотъ тѣ и заработалъ, поправился! Э! Да што, братъ, не спрашивай про нашу жизнь, милый... А говорятъ пѣя-я-яницы... лѣнтяи!.. Ну, на што ты пить-то будешь, скажи—на какіе доходы? А то же корятъ: пѣя-я-яницы, говорятъ, мошенники, только-бы, говорятъ, обмануть кого, да стянуть лишній пятакъ... все, вишь, мужики одни виноваты! Со всѣхъ, вишь, пятаки тянуть...

— Кто-же коритъ васъ такъ, объясни ты мнѣ?

— Да всѣ, кого ни возьми ты!

— Ну, кто-же, напримѣръ, назови?

— Кто о? Э-э, кто!.. повторилъ онъ, снова сдерживая цилиндръ съ головы и почесывая въ затылкѣ. — Да кого ни спроси: хошь купца спроси, хошь дворянина, хошь крылошанина... Первое тѣ слово скажетъ: мужикъ всему причина! Словно вотъ мужикъ всѣмъ поперекъ дороги легъ. Это я тебѣ про твою барыню скажу, у коей ты на фатерѣ-то живешь. Тыщи у ней, братъ, въ банкѣ лежатъ, великія тыщи, а ужъ какая, братъ, хвощь баба, ай-а-ай! протянулъ онъ, покачавъ головой. — Принеси ты въ усадьбу къ ней хошь яичекъ, къ пригѣру, жильцамъ ея продать, — не допустить тебя до жилья ни за што, а сама скупить, скупить-то за полтину, а продастъ тѣмъ-же жильцамъ за семь гривенъ! Слыхалъ? А тыщи лежатъ въ банкѣ! А што мужикъ за грошемъ гонится, такъ вишь вотъ мошенникъ! А приди ты да спроси съ нее полишнюю цѣну въ чемъ-нибудь, и-и-и, не радъ будешь! Отъ крику это да отъ ругани одной оборони только Господи. А того вотъ не спросить, што коли я и запросилъ гдѣ полишнее, такъ, можетъ, горе заставило просить-то, можетъ дома-то семья не ѣвши сидитъ, сѣнца скотинкѣ нѣту аль спина за подать настегана, нѣ-ѣ-ѣтъ! Этого, братъ, никто не спросить, а всякъ только кричить, што мужика за пятаекъ купишь, за пятакомъ только гонится! И гонишься, плачешь да гонишься! Суди по-Божьи, Миколай Ивановичъ, и назови какъ хошь меня, какимъ хошь мошенникомъ взвеличай, коли я не оправлюсь передъ тобой. Я вотъ за эту зиму-то, вѣришь-ли, милнй, восемьдесятъ рублей на одномъ хлѣбѣ проѣлъ, а... Вѣдь надоть гдѣ-нибудь добыть экую прорву денегъ? А гдѣ ты добудешь-то, отколь эта добыча-то у насъ? И радъ бы ты запахать полишнее, да вѣдь силы надоть землю-то взять, а работники-то кто у меня: я да баба! И лошадку-то надо побережь, вѣдь коли надорвешь ее, такъ нѣшто она слуга тебѣ будетъ? Назмецу нѣтъ... Изъ-за зерна-то плачешься! Поди-ко вотъ ты, купи его, кто тѣ продастъ-то еще? Всякому про свой обиходъ оно требуется. Вотъ ужъ добрые люди съ ярвыми-то отсѣялись, а у меня иско полоса-то гуляетъ, зерна ждетъ, а зерна-то ты и въ окологдѣ не найдешь, надоть вонъ въ городъ за нимъ ѣхать купить, а у меня ни гроша за душой! Ну, чѣмъ ты вздымешься? Прокормишься-ли пащней-то, а? А

заработокъ-то гдѣ, укажи! Вели ты мнѣ вотъ на дно озера нырять, да траву со дна вырывать зубами,—буду, милый! Буду нырять да рвать, только дай хошь какой ни есть заработокъ!

Въ голосѣ Ефима задрожали слезы. Признаюсь, мнѣ стало страшно, когда я слушалъ эту исповѣдь, которую дѣствовало мнѣ безъисходное горе,—страшно за жизнь человѣка, до того опутаннаго нуждой, что всѣ его помыслы изо дня въ день направлены въ одной только мысли: просуществовать какъ-нибудь сегодня; а что будетъ завтра съ нимъ, онъ не знаетъ!

— Но гдѣ-же ты добылъ эти восемьдесятъ рублей, что на хлѣбъ-то проѣлъ, скажи мнѣ, пожалуйста! спросилъ я, прерывая продолжительное молчаніе, во время котораго Ефимъ, сумрачно сидѣвшій у костра, ковырялъ въ немъ палкой, разгребая угли, да время отъ времени подбрасывая сухія вѣтки, нашоенныя имъ.

— А не знаю, Миколай Иванычъ, какъ и сказать тебѣ, отвѣтилъ онъ какимъ-то упавшимъ, апатичнымъ голосомъ.— Побирался вотъ кой у кого подъ вешнюю работу; двое-то большевнѣеихъ сынковъ въ пастушкахъ лѣто-то ходили: по тридцати рублей за лѣто на всемъ харчѣ отъ хозяевъ выходили; ну, вотъ рыбки-то, когда Богъ пошлетъ, выудишь, продашь кой-гдѣ по господамъ; по осени-то птичку стрѣляю: уточекъ да рябчиковъ... вотъ и колотишься кое-какъ. Думалъ и нынѣ зимой на Б—скую чугунку ѣхать, да хозяйка ужъ не пустила. „Болѣ, говорить, проѣшь, чѣмъ заробишь, оставайся лучше, niente, говорить, какъ Богъ“... Ну, и остался. Такъ-то вотъ и проживаемъ, Миколай Иванычъ, и суди, суди по Божьи, сколь тебѣ это пятакъ-то дорогъ, сколь ты радъ, кабы гдѣ урвать-то его. А у людей ишо языкъ поднимается ругать тебя: пья-я-яница-де, лѣнтый! И кто-бы говорилъ-то, што мужикъ лѣнтый!.. Кто, можетъ, тебѣ за всю-то жизнь палець о палець не ударить, а только на даровомъ хлѣбѣ брюхо растить! Ну, Миколай Иванычъ, ужъ коли ты хошь знать всю нашу вѣру, такъ знай, милый, ужъ скажу я тебѣ, коли хошь!

— Скажи!

— Сжануты мы, милый, такъ сжануты, што упаси Господи! Ну, далѣ жить такъ не можно... хошь убей,—все единственно!

— Согласенъ, что трудно...

— Не можно! Тепера, милый, въ одно только и вѣру пи-

таемъ: сказываютъ, скоро передѣлъ земли будетъ, правда-ли? Не слыхалъ ты?

— Не знаю, не слыхалъ!

— О-о! Не ужъ въ городу-то вѣсти нѣтъ объ этомъ, а?

— Можетъ быть и есть, но я не слыхалъ.

— Будетъ, вѣрь, будетъ! Иначе жить намъ не можно; это ты какъ хошь суди! Силы нѣтъ терпѣть! заключилъ онъ вставая и, сдернувъ цилиндръ съ головы, почесалъ въ затылкѣ и, взглянувъ на небо, произнесъ:— О-о! Свѣтатъ ужъ. Вишь, какъ время-то въ разговорѣ бѣжитъ, а? И не примѣтили какъ ночь прошла! А вѣдь одинъ-то когда сидишь, такъ сколь это она длинно-то кажется, словно и конца ей нѣтъ! А не пойдѣмъ-ли, слышь, повнавѣдаться на озеро, — не послалъ-ли чего намъ Богъ, а? произнесъ вдругъ онъ.

— Пойдемъ, отвѣтилъ я, вставая.

— Пойдемъ ка! повторилъ онъ.— Это, слышь, пришли-бы мы, Миколай Ивановичъ, а тамъ форель сидитъ на крючкѣ-то, да воду буробить, а? Ну, што-бы ты сдѣлалъ тогда? спросилъ онъ, уперевъ руки въ бока.

— Вытащилъ-бы ее, чего-же больше дѣлать-то!

— Ну, а опосля-то того што-жъ-бы? Купилъ-бы ее у меня, а?

— Купилъ-бы.

— Э-эхъ! Какъ-бы ты меня уважилъ-то! говорилъ онъ, идя впереди меня по узенькой и топкой тропинкѣ къ озеру.— Даль-бы пять рублей, а? По знакомству-бы будто! спросилъ онъ, оглянувшись и подмигнувъ мнѣ.

— Ну, ужъ это, братъ, дорого ровно, замѣтилъ я.

— О-о! По знакомству-то, да цѣну разбирать! съ ироніей произнесъ онъ, оглядываясь на меня.— А ты не радись, Миколай Ивановичъ, тебѣ-то Богъ пошле-е-еть... а намъ-то онъ скупъ на послочки, право! А я-бы, братъ, и-и на эти-то пять рублей чудесъ-бы натворилъ!

— Какихъ-же чудесъ-то? спросилъ я.

— Сейчасъ-бы, братецъ, въ городъ махнуть, купилъ-бы мѣрн двѣ овса, посѣялся-бъ, и словно-бы камень съ сердца свалилъ, право! съ ироніей, приправленной какою-то горечью, говорилъ онъ.

Но, увы! Мечты Ефима не сбылись. Подойдя къ озеру и осмотрѣвъ уды, мы увидѣли, что на нихъ даже не тронуть червь. Насупивъ брови, Ефимъ молча наживилъ новыхъ червей и, стоя

почти по колѣно въ водѣ, напряженно слѣдилъ за поплавками. По небу все болѣе и болѣе разливался утренній разсвѣтъ. Въ воздухѣ потянуло свѣжестью, и съ поверхности озера постепенно сталъ подниматься прозрачный, какъ бѣлое газовое покрывало, паръ, такъ-что стоявшій отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ Ефимъ до половины почти исчезъ въ клубахъ его, и только цилиндръ, надѣтый на лохматой головѣ его, да грудь отчетливо виднѣлись изъ покрывавшаго его облака.

— Вишь, подлая! Вишь! Гляди-ко, Миколай Иванычъ, гляди, а-а-а! весь встрепенувшись, закричалъ вдругъ Ефимъ, когда по срединѣ озера громко всплеснулась рыба, довольно крупная, суда по силѣ всплеска, и по водѣ пошли огромные правильные круги. — Вотъ, всегда, вѣдь, такъ подлая пощелется, какъ въ ушатѣ ровно, а на крюкъ нейдетъ, а?! Ну, не подлая-ли? съ горечью въ голосѣ спросилъ онъ.

— Сыта вѣрно...

— Нажралась, о-о-о... гляди-ко, гляди! снова вскрикнулъ онъ, когда не болѣе какъ въ сажени отъ того мѣста, гдѣ была закинута удочка, снова всплеснулась съ такою-же силой крупная рыба и отъ концентрическихъ круговъ, образовавшихся на озерѣ, вода стала волною набѣгать на берегъ. Въ это время поплавокъ у удочки Ефима быстро занырялъ.

— Тяни! крикнулъ я. — У тебя влѣзеть.

— Хитри-и-ить! протянулъ онъ. — Ты думаешь, это она влѣзеть, а? спросилъ онъ.

— А что-же?

— То и есть, надулъ ты ее какъ! Нѣтъ! Она, братъ, тебя трижды проведетъ, а не ты ее. Это она ртомъ-то за лесу дергала, а не червя брала. Э-э, сколь, вѣдь, я скажу тебѣ, разуму въ этой твари, удивишься только! снова замѣтилъ онъ. — Вишь, вѣдь, вода-то въ озерѣ свѣтлая, родниковая; тутъ, вѣдь, братъ, кругомъ подземные ключи бѣгутъ въ него. Она и видитъ червя-то, да и лесу-то видитъ и пытается, дай-де за лесу потрогаю: коли потрогаю да увижу, што червякъ заходитъ, такъ, стало-быть, не бери его, опасно. Хи-и-итрая тварь! О-о-о! Вишь, вѣдь, какъ полоскаться-то пошла, а! говорилъ онъ, когда по озеру во всѣхъ почти мѣстахъ его стала поминутно всплескиваться рыба. — Ну, братъ, Миколай Иванычъ, сегодня намъ съ тобой не будетъ

талану! неожиданно произнесъ Ефимъ, когда легкія перистыя облака, протянувшіяся на Востокъ, озарились лучами взшедшаго солнца, брызнувшего яркими бликами по вершинамъ елей и сосенъ, покрывавшихъ горы, въ которыхъ было замкнуто озеро.—Теперь ужь, братъ, клевету не будетъ! категорически заявилъ Ефимъ.

— Отчего-же? А можетъ, еще и будетъ клеветать?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ! Ужь солнце взошло, такъ не будетъ клеветать: теперь она лесу-то во-о какъ видитъ, въ оба глаза... такъ ужь червя не возьметъ! Вотъ, кабы ненастье на наше счастье вдало, ну, тогда былъ-бы клеветъ.

— Почему-же она въ ненастье то клеветъ?

— Э э! Почему?... Въ ненастье-то вода всегда мутная бываетъ; она лесу-то не видитъ и полагаетъ, что червя-то съ берега въ воду наноситъ, ну, и хватаетъ его... хи-и-итрая, вѣдь, тварь! закончилъ онъ, вынимая удю, на которой дѣйствительно червь былъ не тронуть.

— О-о-о! Ишь, вѣдь, подлая, какой плясъ подняла! говорилъ Ефимъ, когда уже мы пошли отъ озера, все еще оглядываясь назадъ на расходившуюся по озеру рыбу.—Вотъ и всегда такъ, словно, слышь, дразнить почнетъ, ну, и тва-а-арь! Постой ужь, другъ, внизу я тѣ форельку! утѣшалъ онъ меня, когда мы шли въ обратный путь; когда-нибудь и намъ, вѣдь, зафортунить, Миколай Иванычъ, а? спросилъ онъ.

— Конечно! Вѣдь самъ-же ты говорилъ, что отчаяваться не слѣдуетъ.

— Вѣрно, милый! Ужь внизу, погоди! Ну, а нонѣ извини, што такъ подошло. Вишь, вѣдь, какая подлая тварь, ее не унаровишь?! Ну, хошь рыбы не добыли, такъ, по-крайности, раскумились съ тобой. Заходи, слышь, къ намъ.

— Зайду, зайду!

— Заходи, другъ; у насъ народъ-то душе-е-овный, слышь! Заходи, повалякаемъ ужо. А теперь дай мнѣ папереску, будто на разставаньи.

Я отдалъ ему всѣ бывшія со мной папирасы.

— Куды ты столь много даешь-то ихъ мнѣ? Што ты, милый, оставь хошь себѣ-то, угваривалъ онъ.

— Да вѣдь я скоро домой приду.

— О-о, такъ-то рази, ну, благодаримъ покорно. Это теперь

я по деревнѣ-то куражу задамъ, съ папересой-то въ зубахъ, а? Знай-де нашихъ, господскихъ табачкомъ натружаемся... Хе-е! съ ироніей говорилъ онъ.—И бабѣ то любо будетъ.

— А бабѣ-то отчего? Развѣ и она курить?

— Отчего? Хе, тоже, чать, поди, лестно, што ее-то Ефимка съ господской дудвой въ зубахъ въ прогулъ вдарится! насмѣшливо замѣтилъ онъ.—Ну, прости, милый, началъ онъ, когда мы вышли на дорогу, съ которой ему слѣдовало своротить по тропинкѣ въ Стебню, а мнѣ по дорогѣ въ усадьбу, и, взявъ мою руку въ правую ладонь, онъ прихлопнулъ ее лѣвой рукой и сжалъ до того сильно, что у меня чуть не брызнули слезы.—Прости, душевный человекъ, приходи... удовольствуемъ тебя—то-есть, н-ну... чѣмъ хошь, все... ей-Богу! Э-хъ, Миколай Иванычъ, и мы вѣдь люди, качая головою, говорилъ онъ.—Спа-а-асибо тебѣ, што ты не брезгуешь мужикомъ, и мужикъ когда-нибудь тебя на своихъ плечахъ вытащить, вѣр! Ну, прости, милый, будь здоровъ! Вотъ тѣ отъ сердца говорю.

И долго еще, поднимаясь по тропинкѣ въ гору, Ефимъ оглядывался на меня и, снимая цилиндръ съ головы, махалъ имъ въ воздухъ. Путь мой лежалъ густой сосновой рощей. Неторопливо идя, я съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя свѣжій, смолистый воздухъ и, несмотря на бессонную ночь и продолжительный путь, не только не чувствовалъ упадка силъ, но точно вѣрнулъ отъ жителнаго вліянія его. Возшедшее солнце ярко освѣщало теперь видѣвшіеся вдали холмы и разбросанныя по нимъ деревеньки. Въ воздухѣ съ немолчнымъ чириканьемъ рѣяли ласточки; порою въ безоблачномъ небѣ, какъ точка, дрожалъ жаворонокъ, и вся проснувшаяся, окружавшая меня природа была полна какого-то ликующаго гула. Въ это время въ ближнемъ селѣ ударилъ колоколъ къ заутрени, и дребезжащій звонъ его далеко, далеко прокатился по окрестности, возвѣщая своимъ призывомъ къ молитвѣ о наступившемъ днѣ.

На другой день вечеромъ ко мнѣ пришла дочь Ефима, ребенокъ лѣтъ восьми, и, бережно вынувъ изъ подъ рубашки на груди вчетверо сложенный лоскутокъ сѣрой бумаги, подала мнѣ, говоря: „тятенька Ефимъ прислалъ!“ Не безъ удивленія развернулъ я адресованное мнѣ посланіе, какъ оказалось потомъ, писанное подъ диктовку Ефима старшимъ сыномъ его, обучавшимся въ мѣстной

школѣ. Еще съ большимъ удивленіемъ прочелъ я слѣдующее: „Миласливъ осподинъ, Миколаи Иваныча ваше балароде обящашаю ваше блароде ноне у мене былъ уряднекъ и пыталъ дюжа крепка мене кчиму пыталъ всибола касаща бунтавищичкихъ словъ а хоша я палштофа ему выпаялъ и заступалси што засорныхъ словъ промежа насъ чинно было а пытаю милосливъ оспадинъ дай для ради быдто бога два рубля вешный молелшигъ Ефимъ нижающа“.

На другой день, по полученіи этого дословно приведеннаго мною посланія, въ мою квартиру явился урядникъ и, даже не поздоровавшись со мной, потребовалъ паспортъ. Удостоверившись въ моемъ званіи, онъ пристально осмотрѣлъ печать и подписи на аттестатѣ и многозначительно сообщилъ мнѣ, „что по новѣшнимъ временамъ строго-де наказано слѣдить за людьми, не разбирая чиновъ“. Послѣ подобнаго внушительнаго заявленія представителя власти оставалось одно только: покориться печальной необходимости и прекратить на нѣкоторое время невинныя экскурсіи въ область крестьянской жизни.

Н. Наумовъ.

ПИСАТЕЛЬ.

РОМАНЪ

Роберта Гальта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Г. Кастанъ сидѣлъ у открытаго окна гостиной, съ гитарой въ рукахъ, и натягивалъ струну. Гитара эта была старомодная, большая и тяжелая, цвѣта сажи и кое-гдѣ потрескавшаяся. Знойные лучи провансальскаго солнца жгли покрытую густыми волосами голову и доброе лицо г. Кастана; но онъ не замѣчалъ этого, весь погруженный въ свою работу. Какъ видно, она спорилась, потому-что онъ вскорѣ сталъ улыбаться, осторожно пробуя новую струну.

Но изъ сосѣдней комнаты тотчасъ же крикнулъ женскій голосъ: „Опять! Господи Боже мой!“ И въ дверяхъ появилась г-жа Кастанъ, очень маленькая особа, въ голубой шелковой юбкѣ, совсѣмъ съ иглочки, и въ одномъ корсетѣ...

— Не найти себѣ другого дѣла, кромѣ этой кошачьей музыки! сказала она.

— Но вѣдь сегодня воскресенье, жена! отвѣчалъ г. Кастанъ.

— Ну такъ что-жъ! Развѣ по воскресеньямъ надо непременно заниматься брянчаньемъ. Церковь, что-ли, это предписываетъ! Ахъ! какъ-бы я хотѣла пошвырять всѣ эти противныя кишки въ Рону! Ну вотъ! И окно растворено... Вѣроятно для того, чтобы вся мебель на солнцѣ вылиняла!..

И она съ шумомъ захлопнула окно, между тѣмъ какъ въ комнату вбѣжала молоденькая и хорошенькая дѣвушка съ смѣющимся личикомъ и умными, добрыми глазками. Она была маленькая, словно выточенная, живая и съ граціозными движеніями птицы. Одѣтая въ палевое платье, такое-же новенькое, какъ и голубая юбка ея матери, она держала кончиками пальцевъ маленькую бѣлую шляпку — настоящій клубокъ перьевъ.

— Но это, однако-жъ, очень мило, сказала она: — отецъ играющій на гитарѣ.

И она поцѣловало его.

— Вотъ ты у меня мой дружокъ, Маргарита, разсудительная... и какая хорошенькая! сказалъ г. Кастанъ, просіявъ.

Она медленно повернулась, чтобъ показать своей трѣнь.

— Это мы прижѣремъ платья, въ которыхъ будемъ на свадьбѣ Матильды, сказала она. — Сейчасъ принесли оба костюма... они прелестны... Посмотрите мамашинъ...

Г-жа Кастанъ, въ свой чередъ, повернулась, чтобы дать возможность полюбоваться ея голубой юбкой, и г. Кастанъ тихонько захопалъ въ ладоши. Маргарита, повертѣвъ еще съ минуту въ рукахъ свою шляпку, надѣла ее, наконецъ. Это была бѣлая бабочка на темномъ цвѣтѣ.

— Ты у меня совсѣмъ затьмишь молодую — да и всѣхъ на свадьбѣ! вскричалъ г. Кастанъ. — Ты хороша какъ... какъ...

— Какъ гитара! съ ехидствомъ воскликнула г-жа Кастанъ, пока онъ подѣскивалъ сравненіе. — Какъ гитара, или какъ еще нѣчто другое...

— Что такое? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Подожди немножко.

— Ай, папа!.. прошептала Маргарита между тѣмъ какъ ея мать стремительно вбѣжала изъ комнаты.

Она тотчасъ-же возвратилась, держа въ рукѣ листъ бумаги, которымъ махала побѣдоносно какъ знаменемъ.

— Стихи! кричала она. — Стихи! Я нашла еще новыя у тебя въ карманахъ... И это купецъ, торгующій сукнами! Нѣтъ! во всемъ Тарасконѣ, въ цѣломъ Провансѣ не найдешь такого безумнаго человѣка... Ну, говори, кто это „пастуша“, въ которой ты пишешь такія вещи?

Г. Кастанъ грустно посмотрѣлъ на свои карманы, какъ - бы

спрашивая ихъ, зачѣмъ они выдали его тайну; потомъ, обратясь къ женѣ, произнесъ:

— Это не хорошо... это очень не хорошо, сударыня,—то, что вы сдѣлали...

— А вы развѣ хорошо дѣлаете? Пастушки—въ его-то лѣта! Извольте говорить—кто эта негодяйка? Гдѣ она живетъ?

Тогда г. Кастанъ улыбнулся; а Маргарита, съ серьезнымъ видомъ подойдя къ отцу, приложила палецъ ко лбу его и сказала:

— Пастушка живетъ здѣсь!

Понятый дочерью, г. Кастанъ крѣпко поцѣловалъ ее, и потомъ любезно обратился къ женѣ:

— А если эта пастушка—ты?..

И, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, онъ запѣлъ легкимъ теноромъ стихи, украденные у него, изъ кармана. Взявъ послѣднюю ноту, онъ подошелъ къ женѣ, чтобъ обнять ее но она оттолкнула его кокетливымъ жестомъ, между тѣмъ какъ Маргарита, взявъ бумагу, на которой было написанъ романъ, пробѣгала его задумчивымъ взглядомъ.

— Ну, что скажешь дочурка? спросилъ суконщикъ, вымаливая аплодисментъ.

Бѣлая бабочка на каштановыхъ волосахъ зашевелилась на мгновеніе, и Маргарита, не отводя еще глазъ отъ бумаги, спросила наивно своимъ серебристымъ голосомъ:

— Это хорошо, папа?..

— Хорошо-ли это, дочь моя? Зеленая чаща... птички, деревья, весна, голубое небо... все зоветъ меня... я вижу ее... она бѣжитъ... Остановись пастушка!.. И ты спрашиваешь, хорошо-ли это?

Теперь г-жа Кастанъ хохотала съ страшной ироніей, и мала бумагу, которая опять перешла въ ея руки.

— Какъ подумаешь, сказала она, переставъ смѣяться, — что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ магазинъ не далъ 600 франковъ чистой прибыли!.. Извольте быть сыты стихами!

— Да! Я былъ-бы сытъ ими, если-бъ это понадобилось, вскричалъ суконщикъ, весь покраснѣвъ. — Человѣка можетъ отлично прокормить поэзія и литература. Г. Викторъ Гюго нажилъ миллионы.

— Это неправда! вскричала она.

— Я читалъ это въ одной книжкѣ...

— А я читала въ твоей, — въ твоей кассовой книгѣ, — что магазинъ почти ничего не принесъ въ этомъ мѣсяцѣ...

— Но, мамаша, вмѣшалась Маргарита, — вѣдь мы богаты...

— Какъ это такъ — богаты? позвольте спросить, сударыня.

— Конечно, поспѣшилъ на помощь отецъ, — у насъ есть 400 тысячъ франковъ.

— Которые точно упали съ неба... достались по наслѣдству отъ двухъ тетокъ...

— Только 200 тысячъ достались... остальное я нашлъ самъ, жена...

— Но мы-бы имѣли втрое больше, если-бы не твоя страсть пачкать бумагу да брянчать на гитарѣ... несчастный!

— О, Тарасконъ! Музамъ давно пора посѣтить тебя...

Слова его были прерваны звонкомъ. Служанка пошла отворять.

— Это за нами, къ вечернѣ... сказала г-жа Кастанъ. — Скоро-рѣй, Маргарита; намъ надо одѣться. Кастанъ — ты пришлешь къ намъ дамъ...

— Кто пріѣхалъ первый? спросила Маргарита, высунувъ въ дверь свое улыбающееся личико.

— Пари держу, что Дюбуры, сказала мать.

— Да, Дюбуры, подтвердила дѣвушка и быстро юрнула въ свою комнату, въ ту минуту, какъ входили Дюбуры, торговавшіе зерновымъ хлѣбомъ въ улицѣ Сентъ-Антуанъ.

По воскресеньямъ, между двумя и тремя часами, у Кастановъ постоянно собирались нѣкоторые друзья ихъ, съ своими семействами. Дамы, поболтавъ между собой, нѣсколько минутъ въ гостиной, съ блѣдно-зеленой мебелью и спущенными отъ мухъ и дневного свѣта драпировками, въ три часа, когда начинали звонить къ вечернѣ, отправлялись къ церкви; мужчины-же продолжали вести бесѣду въ дождь, или внѣ дома, въ кафе, на прогулкѣ, если была хороша погода; а потомъ шли дожидать своихъ дамъ, при выходѣ ихъ изъ церкви.

— Здравствуйте, добрые друзья мои, привѣтливо сказалъ г. Кастанъ, положивъ гитару на столъ.

— Каролина! Идите-же ко мнѣ! раздался изъ другой комнаты голосъ г-жи Кастанъ.

Г-жа Дюбуръ пошла къ ней. Суконщикъ пожалъ руку торговцу зерновымъ хлѣбомъ, маленькому человѣчку, свѣжому и цвѣтущему;

и потомъ, обратясь къ молодому человѣку лѣтъ двадцати, съ неправильными, но выразительными, серьезными чертами и глубокимъ взглядомъ, спросилъ:

— Ну, что ты подѣлывалъ хорошенькаго эту недѣлю, мой милый Поль?

— То-же, что и всегда... пачкалъ себѣ маншетки глиной, рѣзко отвѣтилъ г. Дюбуръ-отецъ.

Поль, улыбаясь, подтвердилъ эти слова наклопеніемъ головы. Вопросъ о глинѣ игралъ въ семействѣ Дюбуровъ такую-же роль, какую въ семействѣ Кастановъ—вопросъ о стихахъ и гитарѣ.

Хотя Полю, наконецъ, разрѣшили посвятить себя скульптурѣ, къ которой онъ чувствовалъ призваніе, но упорно продолжали отказывать въ позволеніи ѣхать въ Парижъ учиться. Г. и г-жа Дюбуръ хотѣли сдѣлать изъ него такого-же коммерсанта, какъ они сами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, женить его на Маргаритѣ. По состоянію, это была для него, положимъ, не совсѣмъ равная партія, такъ-какъ противъ 400 тысячъ франковъ суконщика, торговцы зерновымъ хлѣбомъ могли выставить не болѣе 150 тысячъ, но зато у нихъ въ перспективѣ имѣлось довольно крупное наследство послѣ одного марсельскаго дяди. Притомъ-же, молодые люди вмѣстѣ росли, играли и, повидимому, не чувствовали другъ къ другу антипатіи... Принявъ во вниманіе всѣ эти цифры и соображенія, обѣ матушки спокойно ожидали того времени, когда можно будетъ подписать свадебный контрактъ, потому-что Полю было еще всего 20 лѣтъ, а Маргаритѣ 17.

Поль также ожидалъ, но менѣе терпѣливо. Онъ любилъ.

Онъ сѣлъ посреди гостиной, около стола, разбѣянно поглядывая на лежащую на немъ гитару, но въ то-же время прислушиваясь къ тому, что происходило въ сосѣдней комнатѣ, откуда доносились женскіе голоса и хорошо знакомые ему взрывы звонкаго, серебристаго хохота.

Между тѣмъ отцы толковали о приготовленіяхъ къ свадьбѣ Матильды Мосерфъ съ г. Лавомбомъ, офицеромъ 3-го гусарскаго полка, стоявшаго въ Тарасконѣ. Г. Дюбуръ возвѣстилъ, что одинъ изъ свидѣтелей капитана пріѣхалъ сегодня въ семь часовъ утра изъ Парижа. Онъ встрѣтилъ его, вмѣстѣ съ женихомъ, на желѣзнодорожной станціи, куда ходилъ принимать товары... Это довольно красивый малый...

— Г. Октавъ де-Шанлозёръ, литераторъ! съ живостью прервалъ г. Кастанъ.—Ты его знаешь, Поль?

— Нѣтъ; совсѣмъ не знаю.

— Капитанъ говорить, что это человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ.

— Бываютъ такіе...

— Я-бы не прочь посмотрѣть его. Надѣюсь, что Мосерфы догадаются привести его къ намъ передъ вечернями.

При этихъ словахъ г. Кастанъ началъ разставлять кресла, вѣроятно для того, чтобы сдѣлать гостиную достойною такого гостя.

— Эти Мосерфы, однако-жъ, не глупы! продолжалъ г. Дюбуръ-отецъ.—Какіе-нибудь агенты страхового общества,—и воспламенили капитана! Онъ во все горло захохоталъ своей остротѣ, вмѣстѣ съ суконщикомъ. И какого еще капитана! у котораго десять тысячъ франковъ годового дохода. Тонкая штука также и эта бѣлокурая Матильда. Она ужь пробовала завлекать и другихъ въ свои сѣти...

Онъ искоса взглянулъ на своего сына и, нагнувшись къ уху г. Кастана, сказалъ:

— Вы знаете, что она заигрывала съ Полежъ... но онъ не обратилъ на нее никакого вниманія. Къ счастью, мы застрахованы отъ пожара.

И они еще громче захохотали. Въ эту минуту дамы, какъ-будто ожидавшія только этого веселаго настроенія, вошли въ гостиную.

Мать и дочь замѣнили свои парадныя платья, приготовленныя къ будущему вторнику, обыкновенными воскресными. Онѣ рѣшились не ждать опоздавшихъ, потому-что въ церкви св. Марты вторично зазвонили къ вечернѣ. Между тѣмъ, какъ Поль и Маргарита обмѣнивались привѣтствіями, въ передней раздался звонокъ.

— Мосерфы!

Они появились,—отецъ, мать и дочь ихъ Матильда,—въ сопровожденіи капитана Лакомба и стройнаго молодого человѣка съ аристократической фізіономіей, — до такой степени изящнаго и блестящаго, что передъ нимъ совсѣмъ ступевались красныя панталоны и небснаго цвѣта мундиръ съ золотыми шнурами гусарскаго капитана.

Капитанъ Лакомбъ съ сіяющимъ видомъ,—словно онъ былъ убѣж-

день, что сравненіе оказывалось въ его пользу, — взялъ незнакомца за руку и подвелъ его къ г. и г-жѣ Кастанъ:

— Позвольте вамъ, безъ замедленія, представить моего дорогого друга и стараго школьнаго товарища, г. Октава де-Шанлозѣра, одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ писателей, и моего свидѣтеля.

Между тѣмъ, какъ литераторъ граціозно раскланывался, капитанъ присовокупилъ:

— Литературный критикъ и авторъ замѣчательнаго труда: „О языческомъ элементѣ въ искусствѣ христіанскихъ народовъ, отъ начала христіанства до нашего времени“.

— Прошу васъ, г. Октавъ де-Шанлозѣръ, произнесъ суконщикъ почти съ умиленіемъ, — принять мой сердечный привѣтъ и вѣрить, что городъ, который вы удостоили своимъ посѣщеніемъ, умѣетъ воздавать должное заслугамъ...

— Должникъ, въ этомъ случаѣ, я, отвѣчалъ умѣренно-звучнымъ, пріятнымъ голосомъ писатель. — Я почитаю себя счастливымъ, что мнѣ удалось увидѣть этотъ прелестный городъ, этотъ благодатный Провансальскій край, — родину трубадуровъ и столько-кихъ современныхъ поэтовъ!

Радость, озарившая лицо суконщика, при этихъ похвалахъ его городу, его родинѣ, его стихамъ, вызвала у г-жи Кастанъ довольно суровое движеніе нахмуренныхъ бровей; между тѣмъ, литераторъ, обратясь къ Маргаритѣ, отвѣшивалъ ей низкій поклонъ; потомъ онъ поклонился Дюбурамъ и, наконецъ, Полю.

— Г. Поль Дюбуръ, молодой скульпторъ, подающій блестящія надежды... сказалъ г. Кастанъ.

Матильда Мосерфъ, невеста капитана, быстро окинула своимъ холоднымъ и свѣтлымъ взглядомъ обоихъ молодыхъ людей. Улыбка появилась на сжатыхъ губахъ ея. Это была высокая, полная дѣвушка, блондинка, съ прекрасной шеей и очень бѣлымъ лицомъ, — что-называется, *belle-femme*.

— Третій звонокъ! сказала рѣзко г-жа Кастанъ, взявъ съ камина два молитвенника, изъ которыхъ одинъ она отдала своей дочери. — Пойдемте!

Поклонившись, она направилась къ двери, увлекая за собой Маргариту, г-жу Дюбуръ, г-жу Мосерфъ и Матильду.

Но послѣдняя, указывая на гитару, лежавшую на столѣ, сказала мужичинамъ:

— Это поможет вамъ, господа, терпѣливо ждать окончанія службы...

— Но только, пожалуйста, когда мы уйдемъ... съ искусственнымъ смѣхомъ прибавила г-жа Кастанъ, взявшись за ручку двери. И она быстро вышла, повторяя:—пойдемте!

Маргарита остановилась съ видомъ нерѣшительной птички. Она мелькомъ взглянула въ зеркало на свою соломенную шляпку съ розовыми лентами, которая замѣняла теперь прежнюю шляпку-бабочку, и потомъ вдругъ подошла къ отцу, видимо опечаленная рѣзкостью тона и смѣхомъ его жены, и, поцѣловавъ его, сказала ему потихоньку:

— Спой свою испанскую пѣсенку, папа. Спой хорошенько.

Движеніемъ головы она простилась съ обществомъ и вышла; между тѣмъ какъ Матильда, прежде чѣмъ послѣдовать за ней, шепнула капитану Лакомбу:

— Заставьте его также читать стихи... Потомъ, возвысивъ голосъ, прибавила:—эти господа, вѣроятно, встрѣтятъ насъ при выходѣ изъ церкви?

— Непремѣнно! А оттуда пойдемъ всѣ гулять, на набережную Роны... или на равнину Сенъ-Реми, отвѣтили капитанъ, суконщикъ и г. Мосерфъ.

Когда женщины удалились, г. Кастанъ позвалъ горничную и велѣлъ подать ликеровъ. Въ то-же время онъ раздвинулъ гардины, какъ-бы желая прежде всего дать возможность гостямъ своимъ насладиться пріятнымъ зрѣлищемъ—трехъ дамъ и двухъ дѣвушекъ, идущихъ радомъ, съ молитвенниками въ рукахъ, по улицѣ Рынка.

Смотря на облитую яркимъ солнечнымъ свѣтомъ хорошенькую фигурку Маргариты, на ея свѣтлое платье и розовыя ленты, онъ улыбался и тщетно искалъ болѣе милого, симпатичнаго личика, какъ вокругъ нея, такъ и позади, на другомъ концѣ улицы, отбѣгали группами молодня дѣвушки въ провансальскихъ головныхъ уборахъ, въ черныхъ бархатныхъ повязкахъ на маленькихъ шляпкахъ изъ вышитаго тюля. Проходя мимо дома, эти дѣвушки съ любопытствомъ поднимали головы и глядѣли на окна, въ которыхъ стояло столько господъ и въ числѣ ихъ красивый незнакомецъ и блестящій гусаръ.

— Этимъ глазамъ слѣдовало-бы быть здѣсь, а намъ внизу—

съ этой гитарой, для серенады, сказалъ Октавъ, указывая на инструментъ.— Не споете-ли вы имъ серенаду изъ окна? обратился онъ любезно къ г. Кастану.— Я знаю, что вы поэтъ и пѣвецъ. Спойте имъ ваши стихи, по примѣру предковъ: трубадуровъ Бертрана де-Борна, Жоффруа Рюдела, Бернара де-Вантадура? Что вы пишете? Канцоны, жалобы, сирванты, тансоны?..

И, между тѣмъ, какъ г. Кастанъ съ радостнымъ удивленіемъ взиралъ на писателя, пораженный всей этой эрудиціей, тотъ продолжалъ перечислять и характеризовать знаменитыхъ труверовъ, цитируя изъ нихъ нѣкоторыя мѣста. Кончивъ, онъ страхнулъ пальцемъ пылинку съ бѣлой, окруженной синей каемкой, ленточки, которую носилъ въ петлицѣ...

Суконщикъ, капитанъ и Мосерфъ слушали съ разинутыми ртами, въ полномъ очарованіи, которое было прервано служанкой, принесшей либеры.

— Г. Шанлозёръ знаетъ все! сказалъ гусарскій капитанъ суконщику, наливавшему ему киршъ.— Когда мы съ нимъ были въ училищѣ, онъ писалъ сочиненія—и себѣ и мнѣ—какъ я курю папирску... съ тѣхъ поръ я и полюбилъ его. Двадцати-четырёхъ лѣтъ онъ написалъ книгу—гдѣ столько учености, что и сказать нельзя... онъ вамъ дастъ прочесть ее: „Объ языческомъ элементѣ“... и проч... дальше вы знаете. Теперь ему идетъ двадцать-девятый годъ—какъ и мнѣ—и богъ-вѣсть, гдѣ онъ останется. Его критическія статьи удивительны... вы ихъ тоже прочтете.

— И въ самомъ скоромъ времени! съ живостью сказалъ г. Кастанъ.

Капитанъ Лакомбъ вынулъ изъ кармана книжку парижскаго журнала и указалъ пальцемъ на слѣдующія двѣ строки: „Нашъ сотоварищъ Октавъ де-Шанлозёръ покинулъ Парижъ. Онъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Провансъ“. Г. Кастанъ поклонился журналу и потомъ, съ робостью мальчика, повернулся къ писателю, который, по окончаніи своей рѣчи, принялся снова смотрѣть въ окно.

— Онъ ждетъ вашихъ стиховъ, сказалъ капитанъ.— Октавъ! г. Кастанъ хочетъ прочесть стихи свои.

Октавъ любезно приблизился.

— О, помилуйте! произнесъ г. Кастанъ.— Парижскому литератору слушать стихи тарасконца!

— Прощу васъ, мой любезный собратъ! отвѣчалъ литераторъ съ привѣтливой улыбкой.

„Любезный собратъ!“ Суконщикъ колебался лишь нѣсколько секундъ. Онъ сошелъ въ магазинъ и тотчасъ-же возвратился оттуда, неся маленькія тетрадки, съ ровными строчками, написанными необычайно красивымъ почеркомъ.

Онъ каллиграфировалъ, такимъ образомъ, съ любовью свои произведенія, занимаясь этимъ дѣломъ то тамъ, то здѣсь, то въ касѣ, между двумя счетами, то въ магазинѣ за тюкомъ суконъ, скрываясь отъ своей супруги, которой, однако-же, несмотря на всѣ его старанія, удавалось иногда найти какую-нибудь „пастушку“ въ карманахъ его пальто.

Цѣлые полчаса читалъ г. Кастанъ, то веселымъ, то дрожавшимъ отъ слезъ голосомъ, свои стихи, гдѣ неизбѣжно фигурировали боскеты, мотыльки, смѣющіяся лужайки, пастушки съ посошками и пр., и пр., и гдѣ, однако-жъ, порой, между явными подражаніями прорывались трогательно-наивныя нотки. Гладко-выбритое лицо теща, его буржуазное добродушіе, окончательно придавали этимъ пасторальмъ пошибъ XVIII вѣка, но рѣзкій, провансальскій акцентъ производилъ страшную дисгармонію.

Обращаясь преимущественно къ литератору, иногда къ гусарскому капитану и Мосерфу и почти совсѣмъ не обращаясь къ Дюбурамъ, отцу и сыну, сидѣвшимъ въ двухъ шагахъ отъ стола и гитары, надъ которой стихи трещали какъ градъ, г. Кастанъ сіялъ отъ восторга, когда первый изъ этихъ слушателей поощрялъ его восклицаніями: очень мило! Прелестно!

Однако-жъ, послѣ довольно продолжительной прогулки по склону горы и поисковъ ручейка, который-бы могъ утолить жажду барашковъ, онъ остановился, стеръ потъ съ лица и не безъ нѣкотораго колебанія подалъ г. Шанлозёру свою тетрадку, прося его просмотрѣть ее когда-нибудь въ минуты досуга. Но въ умоляющемъ взорѣ его читалась еще другая просьба...

Парижскій литераторъ, вѣроятно, понялъ его, потому-что взялъ тетрадку и положилъ ее въ свой карманъ, съ самой симпатичной улыбкой. Потомъ онъ указалъ г. Кастану на гитару. Суконщикъ, покраснѣвшій отъ удовольствія и счастливый за литературу, которая послѣ оскорбленій, нанесенныхъ ей женой его, была такъ

блистательно реабилитирована, — ужь протянулъ-было руку къ инструменту, какъ капитанъ вскричалъ:

— Четыре часа! Вечерни отходятъ... мы только-что успѣемъ добѣжать до церкви.

Г. Кастанъ всталъ.

— Въ другой разъ, сказалъ онъ, — я спою вамъ пѣсню „Te quiego mas à mi padre“, занесенную изъ Испаніи, также какъ и эта старая гитара. Вѣдь я самъ испанскаго происхожденія — по прадѣду. Надѣюсь, что вы еще не такъ скоро возвратитесь въ Парижъ, г. Шанловѣръ?

— Еще-бы! вскричалъ капитанъ. — Развѣ я отпущу его? Нѣтъ! Я на нѣсколько мѣсяцевъ поставлю часовыхъ къ желѣзно-дорожной станціи. Надо, чтобъ онъ познакомился съ Провансомъ и съ вашими пѣснями.

Всѣ приготовились уходить.

— Почему вы все время молчали, и ты, и отецъ твой? спросилъ г. Кастанъ, очутившись подлѣ Поля Дюбура.

Загадочная улыбка, не ускользнувшая отъ литератора, появилась на губахъ Поля. Г. Кастанъ продолжалъ, надѣвая шляпу:

— Скульптура и литература родныя сестры. Перо или рѣзецъ — это все равно. Орудіе ничего не значить. Не правда-ли? Г. Полю Дюбуру всего двадцать лѣтъ, а онъ ужь такъ замѣчательно лѣпитъ — и, замѣтьте, безъ учителя — что его отецъ, вѣроятно, не замедлитъ отправить его въ Парижъ. Тарасконъ — это гасильникъ талантовъ!

Продавецъ зерноваго хлѣба, въ отвѣтъ на это, промывчалъ себѣ что-то подъ носъ; и вся компанія двинулась по направленію къ церкви... Они пришли какъ-разъ въ ту минуту, когда, при послѣднихъ звукахъ органа, изъ церкви хлынула толпа юбокъ, босяковъ, бархатныхъ повязокъ, черныхъ и голубыхъ и бойкихъ, веселыхъ глазъ.

Все это шумѣло, жужжало, тѣснилось на паперти, надъ прекраснымъ, романскимъ порталомъ, надъ которымъ возвышалась пирамидальная колокольня. Литераторъ съ любопытствомъ разсматривалъ это зданіе. Хотя онъ очень подробно распространился о немъ въ своей книгѣ „О языческомъ элементѣ въ искусствѣ христіанскихъ народовъ“, но видѣлъ его въ первый разъ. Потомъ, опустивши глаза, онъ прежде всего замѣтилъ во главѣ поджидаетъ

мнѣ дамь бѣлокурую Матильду Мосерфъ, которая, посреди брюнетокъ, походила на золотиый колосъ, затерявшійся между маками.

Она кивнула головой капитану, который въ своемъ мундирѣ небеснаго цвѣта съ золотымъ шитьемъ, самъ блисталъ между темными сюртуками собравшихся тутъ мужчинъ. Рисуясь, онъ подаль руку своей невѣстѣ. Передъ ними разступились съ сочувственнымъ шепотомъ, обыкновенно встрѣчающимъ молодость и любовь. Матильда прошла съ поднятой головой и съ гордой улыбкой, бросивъ взглядъ на писателя, въ свой чередъ, очень доволеннаго тѣмъ вниманіемъ, которое онъ возбуждалъ въ обществѣ.

— Доволенъ-ли г. Кастанъ вашимъ другомъ? тихо спросила Матильда капитана Лакомба.

— Мнѣ кажется, да... Посмотрите, какъ Маргарита глядитъ на него.

Въ эту минуту, дѣйствительно, ясные, наивные глаза Маргариты были обращены въ сторону Октава, который при этомъ взглядѣ сдѣлалъ шагъ впередъ, и, снявъ шляпу, подаль руку г-жѣ Кастанъ, шедшей рядомъ съ своей дочерью. Это было сдѣлано съ такимъ благородствомъ, что удивленная суконщица не могла отказаться.

— Однако-жь!.. шепнула г-жа Дюбуръ своему мужу. Потомъ, обратясь къ сыну, прибавила: — какъ ты находишь этого господина?

— Мнѣ, кажется, что онъ глупъ... отвѣчалъ Поль, поблѣднѣвъ.

Г. Кастанъ пошелъ подъ-руку съ дочерью. Онъ сказалъ ей, что общество рѣшилось идти гулять. Въ этотъ часъ воды Роны совсѣмъ лазурныя. Надо, чтобъ г. Шанлозёръ видѣлъ этотъ цвѣтъ.

Но въ эту минуту г-жа Дюбуръ, женщина съ строгимъ видомъ, заявила, что такъ-какъ поднимается вѣтеръ, то она уходитъ домой.

— И мы тоже... съ живостью сказала г-жа Кастанъ, словно ожидавшая только къ чему прицѣпиться, для того, чтобъ уйти отсюда.— Вѣтрено, и притомъ у меня болитъ нога. Извините меня, пожалуйста, прибавила она, обратясь къ своему кавалеру.

Она сдѣлала реверансъ и, оставивъ писателя, взяла подъ-руку мужа, видимо огорченнаго. Легкая тѣнь пробѣжала по лицу Маргариты.

— Значитъ, до послѣ-завтра, до вторника, сказала Матильда, слегка дрогнувшимъ голосомъ, цѣлуя свою подругу.

Всѣ обмѣнялись поклонами. Мосерфы, капитанъ Лакомбъ и Октавъ отправились гулять одни.

ГЛАВА II.

Они шли тѣнистой аллеей, ведущей къ *chaussée de la Zevade* и къ берегамъ Роны. Вдали въ синеватомъ, прозрачномъ туманѣ возвышалась передъ ними „*mountagnetto*“ — маленькая гора, между тѣмъ, какъ солнце, стоявшее уже низко, прорѣзывало длинными лучами листву. Легкій вѣтерокъ поднималъ пыль, подъ ногами гуляющихъ, большею частью пришедшихъ сюда изъ церкви, и освѣжалъ лица ихъ, раскраснѣвшіяся въ душной, церковной атмосферѣ. Порой проходила группа хорошенькихъ дѣвушекъ (въ Тарасконѣ онѣ не всѣ хорошенькія), и если какой-нибудь смѣльчакъ заговаривалъ съ ними, онѣ отвѣчали ему громкимъ хохотомъ, показывая свои бѣлые зубы. Но литераторъ обращалъ очень мало вниманія на новизну лицъ и мѣстности. Онъ смотрѣлъ на все разсѣяннымъ взглядомъ и скоро сталъ жаловаться на пыль.

— Пойдемте къ Ронѣ, сказалъ онъ, подчуя своихъ спутниковъ сигарами.

Г-жа Мосерфъ, шедшая съ нимъ подъ руку, боялась сигарнаго дыма. Она оставила его, и Октавъ пошелъ рядомъ съ Матильдой. Онъ молчалъ. Въ движеніяхъ Матильды проглядывало нетерпѣніе, которое она окончательно обнаружила, когда передъ гуляющими предстала рѣка, сверкавшая между деревьями.

— Ну, что-же, какъ вы ее находите? спросила она.

— Кого?

Она засмѣялась.

— Онъ влюбленъ! Посмотрите на его мину, сказалъ капитанъ.

— Я васъ предупреждала, что она прелестна.

— Неужели у васъ, въ Провансѣ, сказалъ, смѣясь, Октавъ, — любовь вспыхиваетъ такъ внезапно?

— Всегда, милый другъ, всегда, отвѣчалъ капитанъ Лакомбъ. — Да, вотъ... обернитесь налѣво... Видишь это дерево... Четыре года тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, я увидѣлъ впервые... Онъ остановился и съ нѣжностью взглянулъ на Матильду; потомъ про-

должалъ: — и я болѣе не принадлежалъ себѣ! Вотъ точно такъ и съ тобой!

— Въ гостиной г. Кастана не доставало дерева... отвѣчалъ Октавъ. — Но тѣмъ не менѣе мадмуазель Маргарита очень миленькая, очень граціозная особа... И богата, какъ вы говорите?..

— Четыреста тысячъ франковъ. Сто-пятьдесятъ тысячъ приданого.

— А у меня нѣтъ ничего.

— Вы ничего не замѣтили, сказала Матильда, дотронувшись пальцемъ до его рукава, — ни взгляда Маргариты при выходѣ изъ церкви, ни дурного настроенія матери, ни бѣгства Дюбуровъ. Вы прикидываетесь протачкомъ, г. парижанинъ...

— И — слышите-ли — онъ бѣденъ! прибавилъ капитанъ Лаконбъ, выпуская изо рта, почти съ негодующимъ видомъ, густые клубы сигарнаго дыма. — Ужасно бѣденъ! У него талантъ, рожденіе, молодость, „физика“.

— Да, серьезно отвѣчалъ литераторъ, послѣ нѣкотораго молчанія; — у меня есть талантъ... Та золотая руда, которую называютъ талантомъ?..

— Твоя книга, твои критическія статьи!..

— Это только два первые шага. При томъ-же это второстепенный родъ. Онъ приложилъ руку ко лбу. — Я хочу творить, изображать людскія скорби и радости, писать романы. Романъ есть истинное выраженіе современности... только въ немъ отпечатлѣвается личность... Я долженъ проявить свою... Безъ полного проявленія всѣхъ своихъ силъ, безъ гордаго сознанія, что вѣкъ твой отдастъ тебѣ должную справедливость — стоитъ-ли быть человѣкомъ? — Онъ вздохнулъ. — Но родители мои и послѣ нихъ я — мы промотали все родовое имущество Шанлозёровъ. А нѣжное растеніе можетъ дать цвѣтъ только при условіи особенной почвы, при особенномъ уходѣ за нимъ. Ювеналь лжетъ... помнишь, капитанъ? лжетъ, называя бѣдность матерью многочисленныхъ героевъ. Не героевъ, а мертворожденныхъ надо-бы сказать. Для нашего брата бѣдность — это грубый обѣдъ, комната въ отель-гарни, потасканая шляпа; это страшная болѣзнь, подтачивающая, обрекающая на безплодіе аристократическія умы, которыхъ единственное назначеніе мыслить и выражать свои мысли посреди полного матеріальнаго обезпеченія и комфорта. Общество

положительно глупо. Оставляя ихъ погибать, оно лишаетъ себя лучшихъ своихъ членовъ...

Онъ вдругъ остановился и съ удивленнымъ видомъ прибавилъ: Ба! да я, кажется, раздражаюсь...

Капитанъ молча пожалъ ему руку. Г. и г-жа Мосерфъ, за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ, при видѣ волненія, овладѣвшаго особой оратора, приблизились другъ къ другу и пошли рядомъ.

— Что все это значить? спросилъ потихонько агентъ страхового общества жену свою.

Г-жа Мосерфъ, высокая, худощавая женщина, съ угреватой физиономіей, отвѣтила, улыбаясь:

— Значить, что этому господину нужно немножко болѣе пяти су для того, чтобы жить своимъ домомъ.

Между тѣмъ Октавъ де-Шанловёръ, оправившись отъ своего удивленія, продолжалъ говорить. Онъ очень колоритно описывалъ страшную литературную битву, происходящую въ Парижѣ, гдѣ цѣлые баталіоны посредственостей давятъ своими грубыми башмачищами деликатную, рѣдкую, умственную аристократію. „Серьезныя силы, говорилъ онъ страстно, — святыя силы, умы, уважающіе искусство, въ стыду челоуѣчества, попираются лавочниками, мыловарами, умѣющими, съ помощью денегъ и ловкости, обдѣлать свои дѣлишки, дающими обѣды, и которыхъ зато рекламируютъ, награждаютъ орденомъ, между-тѣмъ какъ гениальные головы остаются за дверями.

— Но, однако-жъ, и вы награждены орденомъ, прервала его Матильда.

— Испанскимъ только... Изабеллы Католической, сказалъ онъ, бросая взглядъ на свою бѣлую ленточку съ голубыми каемками, и потомъ, посмотрѣвъ въ упоръ на обложку своихъ спутниковъ, прибавилъ энергически: — Хотите знать, что такое этотъ вѣкъ свободной конкуренціи и демократіи? Это — убійца!

— И, стало-быть, надо жениться на мадмуазель Кастанъ, заключила бѣлокурая Матильда весьма логически и безъ малѣйшаго смущенія.

Литераторъ облокотился на парапетъ Роны, по набережной которой они шли уже нѣсколько минутъ, и устремилъ глубокій взглядъ на воду, какъ-бы ожидая отъ нея отвѣта. Потомъ вдругъ, выпрямившись, воскликнулъ:

— Высохшая рѣка, Провансъ безъ солнца, бракъ безъ любви! Но самый расчетъ воспретилъ-бы мнѣ рассчитывать! Поэтъ по призванію—я долженъ жить поэзіей, нѣжностью...

— Но что для тебя 150 тысячъ франковъ приданаго, вскричалъ почтенный капитанъ Лавомбъ. — Ты себя не цѣнишь! На югѣ, какъ и на сѣверѣ, чортъ возьми, человѣкъ, подобный тебѣ, можетъ рассчитывать на милліонъ или на два. Если мадемуазель Матильда задумала женить тебя на своей подругѣ, она вовсе не дѣлаетъ тебѣ одолженія!

Оставъ отвѣчалъ легкимъ движеніемъ бровей, въ которомъ опытные глаза могли-бы прочесть, что ему очень надоѣло странствовать то на сѣверѣ, то на югѣ, отыскивая милліоны; что жаждущій наслажденія и извѣстности, онъ не въ силахъ былъ долге мириться съ своей темной долей, и что въ 29 лѣтъ ему казалось благоразумнымъ отложить, наконецъ, всякое попеченіе о женитьбѣ на мадемуазель Ротшильдъ.

Между тѣмъ Матильда, словно угадывая эту мысль, улыбалась всѣмъ своимъ холоднымъ лицомъ. Съ того самаго дня, какъ капитанъ сообщилъ ей, что онъ намѣренъ выписать въ Тарасконъ своего талантливаго друга, въ головѣ ея составился планъ женить его на Маргаритѣ для того, чтобы отмстить Полю Дюбуру, который до такой степени пренебрегалъ красивой блондинкой, что притворялся даже незамѣчающимъ ея кокетства. Поль любилъ Маргариту; такъ пусть-же она не достается ему! И пусть выходитъ за литератора, у котораго нѣтъ ни гроша въ карманѣ, тогда какъ мадемуазель Матильда Мосерфъ выйдетъ за капитана, имѣющаго десять тысячъ франковъ годового дохода. Такимъ образомъ Матильда попадала въ двойную цѣль; она наказывала Поля и вознаграждала себя за унижительное прошлое, когда блестящій магазинъ суконщика подавлялъ своей роскошью скромную контору агента страхового общества, г. Мосерфа. О! эта грязная, вонючая контора, на углу какого-то несчастнаго переулка! А ея комната? Этотъ чуланъ, гдѣ она едва могла дышать. А ея нищенскія отрешья, составлявшія такой контрастъ съ наглыми туалетами Маргариты! А это благоуханіе отъ разныхъ соусовъ и жаркихъ, каждый день распространявшееся въ комнатахъ суконщика, между тѣмъ какъ у ней, дома, запахъ незатѣливой родительской кухни лишалъ ее аппетита!

— Вы не поняли, сказала Матильда капитану Лаконбу, прикоснувшись къ рукѣ его,—г. Шанлозѣру нужны не миллионы, а слава, любовь. Не правда-ли, г. Шанлозѣръ?

Она обернулась къ Октаву съ тонкимъ выраженіемъ дѣвственной смѣлости. Онъ отвѣчалъ ей взглядомъ.

— Зачѣмъ вы не хотите догадаться, продолжала она, — зачѣмъ заставляете меня сказать вамъ, что вы будете любимы, что вы уже любимы теперь?

— Но этотъ г. Поль Дюбуръ?

— Дикій, застѣнчивый мальчикъ.

— Онъ любитъ...

— Да; но еще не выказывая этого.

— Въ самомъ-дѣлѣ? А она?

— О, совершенно спокойно, и вѣроятно спрашивая себя всегда ли такъ молчаливо и съ запачканными глиной пальцами молодые люди любятъ молодыхъ дѣвушекъ? Впрочемъ, вы видѣли, какъ этотъ юноша при выходѣ изъ церкви скрылся, совсѣмъ уничтоженный. И отецъ, г. Кастанъ, ужь отъ васъ безъ ума. Вамъ остается только побѣдить г-жу Кастанъ, болѣе кривливую, нежели злою. Поручите мнѣ дѣйствовать. Я знаю эту семью — и такъ желала-бы видѣть свою подругу счастливой.

— Какова! сказалъ капитанъ, съ гордостью указывая на Матильду, которая улыбалась, показывая всѣ свои зубы.—Сознайся, что ваши парижскія писательницы такъ не пишутъ, какъ наши провансалки говорятъ.

Г-жа Мосерфъ, шедшая въ нѣсколькихъ шагахъ позади, вида, что дочь ея больше занимается пріѣзжими, нежели своимъ женихомъ, приблизилась къ нимъ и сказала:

— Ужь смеркается... Не пора-ли идти обѣдать?

ГЛАВА III.

Во вторникъ, въ день свадьбы капитана Лаконба, весь городъ былъ на ногахъ, желая взглянуть на блестящій поѣздъ. Въ немъ участвовали почти всѣ офицеры полка, съ полковникомъ, который былъ первымъ свидѣтелемъ, во главѣ. Между голубыми доломанами замѣчалось и нѣсколько черныхъ фраговъ, весьма при-

личною вида. Нѣкоторые изъ нихъ даже украшали собою плечи маркизовъ и графовъ. Торжество Матильды было полное. Передъ нимъ ступевывались всѣ тарасконскія свадьбы. Церковная служба съ своими огнями, цвѣтами и музыкой походила на пышный балъ, гдѣ сердца дѣвушекъ танцовали мистически всякаго рода нѣжные вальсы, и гдѣ глаза маменекъ, въ свой чередъ, танцовали усердно, переходя отъ красивыхъ раззолоченныхъ мундировъ къ неменѣе раззолоченному алтарю, къ которому эти маменьки взывали въ душѣ о ниспосланіи и ихъ дочерямъ офицеровъ съ десятию тысячами франковъ годового дохода.

Только на улыбающемся, привѣтливомъ лицѣ новобрачной отражалось полнѣйшее спокойствіе дѣвушки, которая уже не разъ присутствовала, въ бѣломъ шелковомъ платьѣ и съ флеръ д'оранжемъ въ волосахъ, на подобныхъ празднествахъ. Казалось, она гораздо менѣе занята была своимъ женихомъ, чѣмъ своей провожатой, Маргаритой, и вторымъ свидѣтелемъ, на которыхъ она могла искоса поглядывать, такъ-какъ оба они сидѣли почти рядомъ, по правую сторону.

Маленькая головка Маргариты, на которой кокетливо красовалась бѣлая бабочка, обыкновенно приходившая въ движеніе при малѣйшемъ вѣтрѣ, оставалась теперь неподвижной. Глаза дѣвушки были устремлены на раскрытый молитвенникъ. Черезъ два стула отъ нея помѣщался стройный Октавъ Шанлозёръ, во фракѣ изящнѣйшаго покроя. Онъ, съ своей стороны, держался до такой степени серьезно и важно, какъ-будто ему поручили въ точности отражать на своей особѣ настроеніе молодой дѣвушки, или выставили его тутъ на показъ, какъ лучшій образецъ французской литературы.

Онъ только тогда покинулъ свой сосредоточенный видъ, когда мадмуазель Кастанъ встала и пошла дѣлать сборъ, держа въ одной рукѣ кошелекъ, а въ другой кончики пальцевъ шафера, очень юнаго подпоручика 3-го гусарскаго полка—свѣжаго, румянаго, круглолицаго, походившаго на яблочко, но съ монофлемъ въ глазу—вѣроятно для избѣжанія этого сравненія.

Маргарита, въ своемъ палевомъ платьѣ и шляпкѣ-бабочкѣ, надѣтой на-бекрень, подъ конецъ церемоніи нѣсколько оживилась. Щеки ея зарумянились, когда она подошла съ кошелькомъ къ литератору и потомъ къ Полю Дюбуру, помѣстившемуся у самаго

выхода, и лицо котораго было почти строго. Эта строгость заставила ее даже вздрогнуть, и подпоручиёвъ, почувствовав въ своей рукѣ трепеть ея руки, принялся жать ее весьма ощутительно. Но маленькая, бѣлая бабочка, обернувшись на половину въ сторону монокла, взглянула на него съ выраженіемъ такого остроумнаго удивленія, что тотъ растерялся; и оба они, совершивъ свой обходъ, благополучно возвратились на свои мѣста безъ дальнѣйшаго приключенія.

По окончаніи службы, коляска съ украшенной лентами упряжью, увезла свадьбу по дорогѣ Сень-Реми, въ загородный домикъ „Планетты“, уступленный для свадебнаго обѣда, однимъ винокуромъ, приходившимся сродни отцу новобрачной. Полковникъ, Октавъ, два свидѣтеля, шаферъ и Маргарита помѣщались въ одномъ экипажѣ. Матильда распорядилась, такимъ образомъ, прежде чѣмъ г-жа Кастанъ успѣла вмѣшаться въ это распоряженіе.

Сидя около молодой дѣвушки, Октавъ могъ вдоволь налюбоваться этимъ привлекательнымъ личикомъ, теперъ совсѣмъ повеселѣвшимъ на свѣжестъ воздуха. Она, по временамъ, съ движеніями и интонаціей малиновки, отвѣчала нѣсколькими словами на любезности полковника, или милымъ смѣхомъ на привѣтъ бузничиковъ, трещавшихъ по дорогѣ, въ травѣ и кустахъ, между тѣмъ, какъ взглядъ ея, съ внезапностью молніи, иногда скользилъ по лицу писателя. Но онъ, сдержанный, почти холодный, не шевелился. Бываютъ минуты, когда ледяное молчаніе въ присутствіи женщины стоитъ самой пламенной рѣчи...

Въ „Планетты“ пріѣхали скоро, потому-что они находились всего въ двадцати минутахъ ѣзды отъ города. Въ домѣ, стоявшемъ между двумя садами и спрятавшемся въ листьѣ, слышался шумъ приготовленій въ обѣду. На крыльцѣ толпа нанятыхъ официантовъ, съ вспотѣвшими лицами и разгорѣвшимися глазами, фамиллярно смѣялись съ пріѣзжающими.

Почти тотчасъ-же сѣли за столъ, въ саду, позади дома, подъ высокими платанами, между олеандрами. Новобрачныя помѣщались между полковникомъ и писателемъ; противъ нихъ сѣдѣли капитанъ Лакомъ, г-жа Мосерфъ и Маргарита. Довольно далеко отъ этого центра находились г. и г-жа Кастанъ, и Дюбурнъ съ своимъ сыномъ, черннй фразъ котораго отличался нѣсколько провинціальнымъ покроемъ. На блѣдномъ лицѣ его

лежалъ отпечатокъ безсонной ночи, и впалые глаза его смотрѣли издали на Маргариту. Они, словно, видѣли, какъ въ душѣ ея — черта-за-чертой — слагался идеальный образъ пріятнаго и щегольски-одѣтаго человѣка, сидѣвшаго противъ нея. Въ теченіи двухъ дней мучительная мысль о внезапной побѣдѣ пріѣзжаго ни на одинъ часъ, не переставала удручать Поля, и на этомъ свадебномъ обѣдѣ онъ съ какимъ-то особеннымъ, горькимъ наслажденіемъ бередилъ свою сердечную рану. Лица его родителей и г-жи Кастанъ также не отличались веселостью. Но зато добродушная фізіономія суконщика, сидѣвшаго черезъ нѣсколько стульевъ отъ жены своей, искупала всю эту хмурость своимъ сіяющимъ, радостнымъ выраженіемъ. Онъ смѣялся всѣмъ и каждому, и сосѣдямъ своимъ, и тѣмъ, кто сидѣлъ вдаль, особливо же г-жѣ Мосерфъ, которая, въ свой чередъ, подмигивала ему, какъ-будто они сговорились между собой выкинуть какую-нибудь штуку.

За столомъ находилось до сорока человѣкъ „честныхъ“ буржуа, не считая гусаровъ и нѣсколькихъ плебеовъ, бархатныя повязки которыхъ окружали уже покрытые морщинами лбы.

Виднѣвшіяся сквозь вѣтви деревьевъ и между олеандровыми кустами, облитыя горячимъ солнечнымъ свѣтомъ поля и горы, тоже принимали участіе въ празднествѣ. Къ нему же принадлежалъ и легкій ветерокъ, заставлявшій листву пѣть свою тихую пѣсенку, какъ-бы аккомпанировавшую провансальской музыкѣ голосовъ, значительно воодушевившихся послѣ первыхъ стакановъ вина.

Сдержанность Октава исчезла при этихъ внѣшнихъ проявленіяхъ радости. Притѣмъ-же онъ чувствовалъ, что на него смотрятъ и считают долгомъ явиться достойнымъ той репутаціи знаменитаго литератора, которую сдѣлалъ ему восторженный капитанъ Лакомбъ, въ теченіи трехъ дней трубившій о немъ на всѣхъ перекресткахъ. Два стакана мадеры зажгли его взглядъ и развязали ему языкъ.

Всегда внимательный къ своему великому человѣку, капитанъ, казалось, угадалъ его, и сдѣлалъ знакъ новобрачной. Когда кончили разносить второе блюдо, молодые обратились къ Октаву:

— Расскажи намъ о литературѣ! сказалъ капитанъ.

— Ахъ! да. Пожалуйста. И о литераторахъ, прибавила Матильда.

— Будьте такъ добры, г. Шанлозёр! вскричалъ г. Кастанъ, махая въ воздухѣ вилкой.

Тридцать просьбъ присоединились къ просьбѣ суковщика.

И Октавъ съ величайшей непринужденностью и мягкимъ, пріятнымъ голосомъ разсказалъ о своихъ сношеніяхъ съ самыми крупными литературными знаменитостями: Викторомъ Гюго, Ламартиномъ, Александромъ Дюма. Гюго очень простъ у себя дома; очень привѣтливъ, особенно съ молодежью. „Молодые“, если имъ случается быть въ томъ кварталѣ, всегда могутъ заходить къ нему завтракать. „Я тоже захожу иногда“.

— А что кушаетъ г. Викторъ Гюго за завтракомъ? спросила Матильда.

— Всегда пару яицъ въ смятку и котлетку.

— Всегда?

— Непзмѣнно. Съ тѣхъ поръ какъ у него есть зубы.

Общество зашумѣло. Всѣ удивлялись такому постоянству вкусовъ великаго человѣка, такому пристрастію къ однообразной пищѣ. Г. Кастанъ въ особенности восхищался этимъ, хотя самъ терпѣть не могъ яицъ въ смятку. Октавъ перешелъ, затѣмъ, къ Ламартину, съ которымъ ему однажды случилось завтракать омаромъ à la poivrade и цыпленкомъ à la maréchale, причемъ присутствовали и знаменитыя борзныя собаки поэта.

— У творца „Жослена“, сердце было также широко, какъ и его полеть. Въ день этого завтрака мы только-что вышли изъ-за стола, и онъ своимъ густымъ басомъ читалъ мнѣ свои стихи, какъ вдругъ вбѣжалъ въ комнату мой собратъ Клеріонъ, одинъ изъ его земляковъ, страшно взволнованный. „Помогите, дорогой нашъ учитель! Поэтъ Сельсаръ хочетъ застрѣлиться. Онъ проигрался“. — Велика ли сумма? спросилъ Ламартинъ. — Двѣнадцать тысячъ франковъ. — „Несчастный! у меня только 12 луи“. Ламартинъ встаетъ, бѣжитъ въ свой кабинетъ и выноситъ оттуда толстый пакетъ съ рукописами. „Подождите меня, говоритъ онъ, уходя. — Черезъ часъ онъ возвращается съ тѣмъ-же пакетомъ. „Скажите Сельсару, что онъ не имѣетъ право умирать. Для него я перенесъ позорнѣйшее изъ униженій. Банкиръ Мозесъ, которому я хотѣлъ заложить свои рукописи за 12 тысячъ франковъ, отказалъ мнѣ *)...“

*) Фактъ.

Октавъ остановился на минуту, чтобъ насладиться эффектомъ, произведеннымъ на аудиторію и угадкой взглянуть на Маргариту, слушающую съ страстнымъ вниманіемъ.

— Чтоже, спросилъ кто-то, — г. Сельсаръ застрѣлился?

— Нѣтъ, онъ въ тотъ-же вечеръ досталъ деньги.

— Да! Всѣ поэты, всѣ писатели — великія сердца! вскричалъ г. Кастанъ, растроганный.

— Ну, да, рассказывай! вмѣшалась его жена.

Это вызвало смѣхъ... Октавъ продолжалъ говорить объ Александрѣ Дюма, Альфредѣ Мюссе, потомъ отъ людей перешелъ къ произведеніямъ, характеризуя ихъ въ довольно длинныхъ, ученыхъ фразахъ, которыя аудиторія слушала молча, почтительно, вѣря на-слово.

— Чортъ возьми! прервалъ вдругъ капитанъ, видимо упоенный удивленіемъ и дружбой. — Да прочти ты намъ что-нибудь свое! И, обратясь къ полковнику, прибавилъ: представьте себѣ, любезный полковникъ, что онъ написалъ книгу, — шедевръ! „О языческомъ элементѣ въ искусствѣ христіанскихъ народовъ“. Гениальная вещь! *Magaviglia*, какъ вы говорите.

Капитанъ сдѣлалъ удареніе на второмъ *a* итальянскаго слова. Полковникъ говорилъ по-итальянски.

— „*Magavi-i-i-iglia*“, отвѣтилъ онъ, растягивая третій слогъ, для того, чтобы вразумить своего подчиненнаго относительно просодіи; и потомъ, любезно обратясь къ Маргаритѣ, которая улыбалась, прибавилъ:

— Не правдали мадуазель Кастанъ... „*magavi-i-i-iglia*“... Вѣдь такъ нужно произносить?

— Да, полковникъ, отвѣчала она; — если есть время...

Это было сказано такъ живо, внезапно, и вмѣстѣ такъ мило, что весь столъ расхохотался вмѣстѣ съ полковникомъ.

— Ну, будь по-вашему, „*magavi-i-i-iglia*“, сказалъ капитанъ. — Искусство языческое, искусство христіанское... такой ученыи туда насоваль, что ума помраченіе — полковникъ! Пускай-же онъ намъ прочтетъ что-нибудь...

— Да, да, закричали двадцать голосовъ.

Но Октавъ, съ улыбкой, взглянулъ восхищеннымъ взглядомъ на небо, на поля, на женщинъ и отвѣчалъ:

— Эти снопы лучей, падающихъ съ голубого неба, эти чистыя

„Дѣло“, № 6, 1881 г. I.

линіи холмовъ, подобныхъ греческимъ, эти женщины съ античнымъ профилемъ, и которымъ должно-бы было носить повязку — вотъ настоящая книга! Позвольте мнѣ лучше читать въ ней, нежели въ написанной мною.

Онъ всталъ и, сказавъ еще нѣсколько фразъ въ томъ-же родѣ, предложилъ тостъ за Провансъ и за новобрачныхъ...

Ему усердно аплодировали... Дюбуръ нагнулся къ своему сыну. — Ну что? Ты и теперь будешь говорить, что онъ глупъ?

Поль ничего не отвѣчалъ. Онъ смотрѣлъ на Маргариту, которая, широко разрывъ свои прекрасные глаза, неподвижно сидѣла, погруженная въ задумчивость.

Полковникъ, какъ первый свидѣтель, чтобъ не остаться въ долгу и не посрамить своего свидѣтельства, всталъ, въ свой чередъ, и съ бокаломъ въ рукѣ произнесъ маленькій спичъ, гдѣ восхвалялъ военныя доблести капитана и красоту его молодой супруги, призванной, какъ онъ выразился, еще болѣе оцѣнить его достоинство. Затѣмъ онъ пригласилъ выпить за здоровье молодыхъ.

Юный подпоручикъ провозгласилъ тостъ за провожатую невѣсты, поправляя при этомъ свой монобель, который вѣроятно вслѣдствіе сильнаго волненія оратора все приходилъ въ движеніе. Но Маргарита нахмурила брови и, по окончаніи рѣчи, холодно поблагодарила его наклоненіемъ головы.

Это былъ послѣдній тостъ. Г-жа Мосерфъ сказала, что надо пѣть. Г. Кастанъ зашевелился на своемъ стулѣ. Въ ту-же минуту, старая, большая гитара г. Кастана, словно упавшая съ неба, очутилась въ рукахъ Катерины, служанки семейства Мосерфъ. Катерина несла ее, улыбаясь всей своей широкой физиономіей...

Г-жа Кастанъ подпрыгнула на своемъ мѣстѣ, чтобъ перехватить инструментъ на дорогѣ; но Маргарита съ ловкостью завладѣла имъ раньше матери и, прося у ней прощенія, передала гитару отцу.

Онъ всталъ и произнесъ весело:

— Я беру всѣхъ присутствующихъ въ судьи — между мной и женой моей. Если я дѣйствительно пою, такъ-что отъ моего пѣнія разбѣгаются вошки, какъ она увѣряетъ, вы мнѣ скажете. Но если я своимъ пѣніемъ, напротивъ, ихъ созываю, то вы мнѣ также скажете...

— Такъ нужно-бы было вмѣстѣ съ гитарой принести кошекъ, вскричала г-жа Кастанъ.

— Испанскихъ кошекъ, замѣтила Маргарита.

— А! обѣщанная испанская пѣсня! сказалъ Октавъ.

Суконщикъ сыгралъ прелюдію, потомъ, любезно обратясь къ новобрачной, пропѣлъ теноромъ:

Te quiero mas que à mi padre,
Te quiero mas que à mi madre,
Te quiero mas que à la virgen
Del Carmen *).

Мотивъ пѣсни былъ нѣжный, страстный; между тѣмъ какъ въ аккомпаниментѣ слышалась ясно насмѣшка. Г. Кастанъ допѣлъ до конца, и выигралъ партію, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ публики, тѣмъ болѣе оживленныхъ, что по сосѣдству послышалось мауканье кошки.

— Это Те quiero, сказалъ литераторъ г. Кастану, — значитъ напоминаетъ серенаду изъ Донъ-Жуана.

И онъ скромно обрисовалъ характеръ этой серенады...

— Моя пѣсня, возразилъ суконщикъ, — очень давно поется въ нашей семьѣ. Мой прадѣдъ, торговавшій сукномъ въ Сарагосѣ, пѣлъ ее съ этой самой гитарой въ рукѣ, въ день своей свадьбы, девять или десять недѣль спустя послѣ своего прибытія во Францію. Онъ пріѣхалъ по торговымъ дѣламъ въ Бокэръ на ярмарку и женился на молодой дѣвушкѣ, уроженкѣ этого города. Какъ вы видите, онъ уже не покидалъ болѣе ни Бокэра, ни дѣвушки. Я только переѣхалъ Рону, потому-что особа, которая не любитъ испанской музыки, жила по сю сторону рѣки.

Онъ указалъ на жену свою, дѣлавшую надъ собой весьма слабое усиліе, чтобъ придать своему лицу пріятное выраженіе.

— Моцартъ, можетъ быть, слышалъ это Те quiero, продолжалъ Октавъ. — Гению иногда бываетъ нужна только подобная встрѣча — и безсмертная идея зародилась...

Онъ замолчалъ и задумался.

Сумерки быстро спускались на землю, окутывая и кусты олеандра, и поле и горы, уже казавшіяся клубящимся паромъ. Со сто-

*) Я люблю тебя больше чѣмъ отца, я люблю тебя больше чѣмъ мать, я люблю тебя больше чѣмъ мадонну Del Carmen.

роны города, слабый, неопредѣленный свѣтъ, едва-едва возвѣщаль восходъ луны. Воздухъ, напоенный запахомъ лавенды, несшимся съ холмовъ, дышалъ чудной свѣжестью... Это былъ тотъ часъ, когда благоухають цвѣты и сильнѣе бьются сердца молодыхъ дѣвушекъ.

— Боже мой! Какъ хороша жизнь! вырвалось изъ устъ Маргариты; и только одинъ сосѣдъ ея, капитанъ Лавомбъ, слышалъ эти слова.

Вскорѣ деревья, одно за другимъ, стали освѣщаться мягкимъ свѣтомъ венеціанскихъ фонарей, совсѣмъ желтыхъ, походившихъ на огромные золотые плоды, висящіе между листьями. Въ глубинѣ сада, на нижней лужайкѣ, послышались звуки флейтъ и тамбуриновъ, исполнявшихъ провансальскую „обладу“ *), которая должна была служить сигналомъ къ танцамъ. Капитанъ, желая угодить своему другу, позаботился о мѣстномъ колоритѣ.

Когда гости, вставъ изъ-за стола, шумно направлялись къ лужайкѣ, чтобъ потанцевать тамъ при таинственномъ свѣтѣ иллюминации, г-жа Кастанъ нервно схватила за руку своего мужа, проходившаго мимо.

— Ты пѣлъ, ты стихи читалъ!

— Не читалъ! отвѣчалъ г. Кастанъ, съ большой твердостью.

— Все равно, ты читалъ въ воскресенье, у себя дома! Ты тутъ распѣваешь, брянчишь на своей проклятой гитарѣ; ты танцевать собираешься... и не думаешь о своей дочери. А здѣсь составился заговоръ, чтобъ украсть ее у насъ!

— О!..

— Да!.. Хотятъ устроить, чтобъ ее увезъ съ собой этотъ парижскій франтикъ. Такъ, значить, ты ничего не видишь? Ни Маргарита, которая все въ облакахъ витаетъ... ни этотъ бѣдный Поль, похожій на Богородицу Семи-Скорбей! Тебя морочатъ; аплодируютъ твоимъ пѣснямъ, твоимъ барашкамъ и пастушкамъ, твоему женскому, дребезжающему голосу. Ахъ! что за негодница эта дылда Матильда, и что за розина ея капитанъ!.. Проведетъ она его знатно... да и насъ тоже, если мы не остережемся. У меня все нога болитъ. Я хочу уѣхать.

— Нога болитъ! отвѣчалъ г. Кастанъ, смущенный.— Да ты

*) Aubade отъ aube—заря. Серенада.

сядь... Что ты мнѣ тутъ толковала?.. Молодня дѣвушки не бросаются такимъ образомъ на шею молодымъ людямъ...

— Ни молодые люди на шею молодымъ дѣвушкамъ... Такъ что-ли, старый трубадуръ?

Между тѣмъ, какъ она его тащила назадъ, появился полковникъ, въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ гусаровъ. Улыбающіеся, веселые, они разсыпались въ любезностяхъ съ г-жею Кастанъ, которой полковникъ подаль даже свою руку, превознося при этомъ умъ ея дочери. Эта вѣжливость, золото на обшлагахъ, живость и ловкость кавалера, шедшаго подъ-руку съ маленькой женщиной, — нѣсколько смягчили строгость ея. Она убѣдилась, что, дѣйствительно, провозжатая невѣсты не можетъ такъ скоро покинуть праздника, и позволила вести себя на лужайку.

Танцы начались съ „фарандоли“, стараго, фокейскаго танца, изобрѣтеннаго, говорятъ, царемъ Тезеємъ, который былъ отличнымъ танцоромъ, какъ всѣ великіе воины... Подъ звуки тамбуриновъ, въ длинной спирали развернувшейся вокругъ дома, молодня дѣвушки проходили граціозно подъ руками молодыхъ людей и молодые люди подъ руками молодыхъ дѣвушекъ. Отъ времени до времени, въ темныхъ уголкахъ примѣшивались къ музыкѣ маленькія вскрикиванія, быстро замолкавшія при желтомъ свѣтѣ венеціанскаго фонаря. Казалось, то были птички, внезапно разбуженныя и улетѣвшія.

Всѣ плясали „фарандоль“. Г-жа Кастанъ подавала руку полковнику, съ другой стороны державшему за руку Маргариту, которую поставила тутъ повелительнымъ жестомъ, мать, давъ ей, съ правой стороны, въ сосѣди стараго винокура, владѣльца этой мѣстности.

Потомъ начались обывновенные танцы, кадрили, мазурки, вальсы, на которые Октавъ де-Шанлозѣрь ни разу не приглашалъ Маргариты, равно какъ и Поль Дюбуръ. Она не сидѣла, благодаря остальнымъ молодымъ людямъ; но лицо ея становилось все болѣе и болѣе задумчивымъ и въ антрактѣ между танцами шляпка-бабочка, покрывавшая золотисто-каштановые волосы, трепетала порой, словно подъ вліяніемъ внутреннихъ, порывистыхъ движеній. Однажды новобрачная взяла ее подъ-руку и отвела въ сторону.

— Что съ тобой? спросила она ее.

— Не знаю, отвѣчала Маргарита. — Если-бъ мнѣ сказали, что

я весела, какъ пляска, я-бы повѣрила, и если-бы мнѣ сказали, что я печальна, какъ смерть, я-бы тоже повѣрила.

— Какъ онъ изященъ! шепнула Матильда, указывая на литератора, направлявшагося въ ихъ сторону, но вдругъ остановившагося передъ г-жей Кастанъ, которой онъ что-то сказалъ.

— Благодарю васъ, отвѣчала г-жа Кастанъ довольно громко. — Отъ фарандоля у меня опять разболѣлась нога.

Онъ поклонился, разсѣянно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, съ удивленнымъ видомъ, очутился передъ Матильдой и Маргаритой. Музыка прелюдировала. Онъ, казалось, прислушивался къ ней съ минуту, потомъ очень почтительно, почти шепотомъ, спросилъ Маргариту, не удостоятъ-ли она его счастья протанцовать съ нимъ вальсъ.

Онъ обвилъ рукой ея талію, и тотчасъ-же почувствовалъ, что она дрожитъ, какъ листъ. Онъ и самъ немножко дрожалъ. Вальсъ продолжался пять минутъ. Тусклое освѣщеніе едва защищало волненіе ихъ отъ пристального взгляда г-жи Кастанъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, въ темнотѣ, Поль стоялъ съ искаженнымъ лицомъ и гнѣвно-сверкающими глазами. Онъ также смотрѣлъ.

— „Я погибъ! Я убью этого человѣка!.. Онъ не смѣетъ прижимать ее такъ къ груди своей... Я его вызову!“ Онъ сдѣлалъ было шагъ впередъ, и остановился. „Увы! не его, а ее надо-бы было убить, чтобы изгнать его изъ души ея, гдѣ онъ теперь царствуетъ! Я погибъ“.

И онъ сталъ бродить между деревьями, съ пылающей головой, не слушая больше музыки и никого не видя въ толпѣ, кромѣ этой вальсировавшей передъ нимъ пары. Онъ боготворилъ Маргариту; но застѣнчивость его, которая особливо, съ наступленіемъ юношескаго возраста, стала въ немъ все усиливаться, — казалась этому рѣзвому, безпечному ребенку — грустью. Между тѣмъ ея свѣтлый, смѣющийся образъ царилъ въ его воображеніи; мечты о ней вмѣстѣ съ мечтами объ искусствѣ наполняли все его существованіе; и, погруженный въ свои золотыя грезы, онъ оставлялъ ростъ и распускаться этотъ цвѣтокъ, несомнѣваясь въ томъ, что онъ будетъ принадлежать ему...

Рыданія готовы были вырваться изъ груди его; но онъ подавлялъ ихъ, въ присутствіи своей матери, искавшей его.

— Ёдешъ, сказалъ онъ ей; и съ искусственнымъ смѣхомъ прибавилъ: шеголеватая, болтающая вздоръ пустота, — вотъ что плѣняютъ молодыхъ дѣвушекъ, вотъ идеалъ ихъ! Мнѣ не нужно ея! Я ее не люблю...

— Не безпокойся, отвѣчала мать. — Г-жа Кастанъ никогда не отдастъ свою дочь за писаку, у котораго въ карманѣ гуляетъ ветеръ...

Огни догорали въ желтыхъ шарахъ; музыканты и танцоры остановились. Молодые давно исчезли. Литераторъ, простившись съ обществомъ, величаво направился къ выходу, сопровождаемый почтительными поклонами. Экипажъ отвезъ его въ городъ, на набережную Роны, въ гостиницу Лебеда, гдѣ онъ остановился.

ГЛАВА IV.

Онъ проснулся на другой день въ самомъ блаженномъ состояніи духа, съ свѣжимъ лицомъ и легкимъ сердцемъ. Его успѣхъ, эта свадьба, гдѣ онъ былъ предметомъ всеобщаго удивленія, образъ растроганной и трепещущей Маргариты наполняли всѣ его мысли. Какъ хороша эта головка съ ея наивными глазками, съ ея умной улыбкой, съ прозрачной бѣлизной кожи! Онъ поспѣшилъ отогнать отъ себя другой образъ, мелькнувшій передъ нимъ въ эту минуту и нарушившій-было его поэтическое настроеніе — образъ тяжеловѣснаго мѣшка съ 400,000 франковъ, обременявшій миниатюрныя ручки Маргариты. Одѣвшись, онъ подошелъ къ открытому окну и съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя теплый воздухъ новой страны. Передъ нимъ влѣво бѣжала Рона, теряясь въ серебристой дали; прямо, напротивъ, виднѣлся Бокэръ, съ своими феодальными развалинами; а вправо, по сю сторону рѣки, возвышался замокъ графовъ Прованскихъ, изъ желтаго, золотистаго камня; и надъ всѣмъ этимъ широко раскинулось сапфирное небо, по которому тамъ-и-сямъ носились клочки облаковъ, заблудившіеся въ голубомъ пространствѣ, какъ-бы нарочно для того, чтобъ его чистая глубина выдѣлялась при нихъ еще ярче.

Онъ покинулъ Парижъ только на четыре или на пять дней, а двѣ недѣли спустя, все еще продолжалъ каждое утро наслаждаться этимъ видомъ, при блескѣ провансальскаго, сентябрьскаго солнца. Наслажденіе для него было двойное, потому, что, стоя у окна,

онъ въ то-же время показывалъ себя проходящимъ; и его знаменитость принимала при этомъ видъ то разсѣянный, то улыбающійся, то величественный и гордый, смотря по надобности... День онъ проводилъ въ городѣ съ своими друзьями Лакомбами, или загородомъ въ веселой компаніи, когда капитанъ не былъ занятъ службой. Этотъ послѣдній, нимало не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, то и дѣло страстно цѣловалъ свою молодую жену, что заставляло спокойную Матильду хохотать во все горло. Она становилась серьезной только тогда, когда возвращалась къ своей задушевней мысли — женить литератора на Маргаритѣ. Но Кастаны баррикадировались. Они очень сухо приняли молодыхъ, пріѣхавшихъ къ нимъ въ концѣ недѣли, съ свадебнымъ визитомъ. Суковщикъ казался смущеннымъ, словно на немъ было узкое платье; а Маргарита упорно молчала, между тѣмъ какъ мать разговаривала о погодѣ какимъ-то вѣснымъ, раздражительнымъ тономъ.

— Нѣтъ! энергически сказала Матильда послѣ этого визита, обращаясь къ Октаву. — Это слишкомъ жестоко мучить такимъ образомъ два любящія сердца! Бѣдную Маргариту запираютъ. Вы на себя не похожи; куда дѣвалась ваша веселость! Не возражайте. Не лгите! Я вижу, что вы влюблены по уши. Впрочемъ, не все еще потеряно, потому-что главный непріятель сдался. Поль Дюбуръ уѣхалъ, на другой-же день послѣ моей свадьбы, къ дядѣ, въ Марсель, учиться. Въ Марсели еще больше глины, чѣмъ въ Тарасконѣ, и еще лучше можно пачкать себѣ руки. Фи! Не понимаю, какъ можно полюбить человѣка съ грязными руками!

Она такъ неумоимо трубила по городу о несчастной любви Маргариты, преслѣдуемой жестокосердыми родителями, и вдавалась при этомъ въ такія детали своей собственной фабрикаціи, что черезъ нѣсколько дней весь Тарасконъ былъ занятъ жгучимъ вопросомъ: добьется-ли своего эта бѣдная дѣвочка или безвременно ляжетъ въ могилу? Потому, г-жа Лакомбъ, подъ предлогомъ, что ей нужно купить сукна, проникла въ магазинъ Кастана. Она явилась туда въ полдень, въ часъ завтрака. Четыре комми, всегда готовые къ услугамъ городскихъ и деревенскихъ покупателей, сидѣли въ очень длинной комнатѣ, раздѣленной по срединѣ двумя прекрасными каменными колоннами, подъ мраморъ, поддерживавшими стеклянный, матовый куполъ, сквозь который падалъ мягкій свѣтъ на конторки, на сукна, наполнившія полки,

и развернуты во всю длину, по обѣимъ сторонамъ входа, на подобіе орифламми. Матильда прошла черезъ всю эту комнату, въ маленькую контору, гдѣ суконщикъ писалъ свои счета и сочинялъ стихи... Услышавъ шаги, г. Кастанъ съ такой быстротой захлопнулъ свою толстую книгу, что не могло быть никакихъ сомнѣній относительно рода его занятій въ эту минуту. Матильда, прежде чѣмъ заговорить, посмотрѣла на него съ какимъ-то страннымъ соболѣзнованіемъ...

— Мнѣ-бы нужно было, сказала она потомъ, — седанскаго или эльбѣфскаго сукна.

— Седанскаго или эльбѣфскаго?

— Да. Какъ чувствуетъ себя Маргарита?

— Довольно хорошо... благодарю васъ...

— Довольно хорошо — для заточенной, не такъ-ли? Она взяла его за обѣ руки: — вы человѣкъ, поэтъ, отецъ; зачѣмъ вы не любите своей дочери? Зачѣмъ вы такъ суровы съ тѣми, кто ее любитъ и любитъ васъ также?

— Дитя мое, сказалъ г. Кастанъ растроганный, — со мной самимъ суровы обстоятельства... Вотъ, я сію минуту только писалъ о страданіяхъ, которыя причиняетъ намъ борьба долга съ влеченіемъ сердца:

О, Боже! Ужели разсудокъ
И сердце, враги межъ собой?

— Это мило. Продолжайте.

— Когда-нибудь послѣ... Притомъ-же, моя Маргарита еще очень молода... ей еще нѣтъ семнадцати лѣтъ... Надо подождать... Этотъ писатель, конечно, человѣкъ очаровательный... но, — будемъ говорить откровенно, — развѣ это партія для нея?

— Потому-что онъ не богатъ, — да? потому-что у него нѣтъ ничего, кромѣ генія? Вы читали его книгу и статьи, которыя вамъ доставилъ мужъ мой?

— Да... Къ счастью, ихъ принесли сюда, въ магазинъ. Я прочелъ... Это безподобно... Что за слогъ! Сколько ума, знаній, воображенія... всего!

— Вы знаете, что и онъ, въ свою очередь, видитъ въ васъ артиста, къ сожалѣнію, погибающаго въ глуши. Ваша *Te quiego* и ваши стихи его поразили...

Г. Кастанъ просіялъ только на половину; просіять вполне помѣ-

шла ему мысль, что всего пятнадцать ступенек отдѣляютъ его отъ ушей жены его; разговаривая, онъ все поглядывалъ на маленькую дверь своей конторы.

— Пять минутъ перваго! сказалъ г. Кастанъ, вынимая часы. — Завтракъ долженъ быть уже на столѣ. Ступай, дитя мое. Могутъ придти.

Но Матильда не уходила. Минуту спустя, маленькая дверь отворилась и на порогѣ ея показалась хорошенькая фигура Маргариты, которая пришла звать отца. Г-жа Лавомбъ бросилась ей на шею...

— Матильда! воскликнула Маргарита.

Глаза ея мгновенно наполнились слезами. На ней было сѣренькое, шерстяное платьѣ, такое-же печальное, какъ и эти глаза. Волосы ея, едва удерживаемыя гребнемъ, падали тамъ-и-сямъ въ безпорядкѣ на ея плечи... Она прижалась лицомъ къ груди своей подруги...

— Бѣдненькая! Какъ она поблѣднѣла, сказала Матильда.

И, наклонясь къ ней, — между тѣмъ какъ г. Кастанъ все поглядывалъ въ отворенную дверь на лѣсенку, — произнесла очень тихо, почти шепотомъ:

— Онъ обожаетъ тебя! Это просто безумная страсть!

Тогда, это грустное личико вдругъ озарилось такою радостью, что, казалось, вмѣстѣ съ нимъ повеселѣла и вся маленькая контора; а г. Кастанъ, обернувшій въ эту минуту, произнесъ строго:

— Пойдемъ на-верхъ, дочь моя.

— Пойдемте, папаша.

Она поцѣловала Матильду.

— И такъ-какъ мы находимся здѣсь, прибавилъ онъ, — то нельзя мнѣ, кстати, узнать, куда дѣвалась книга: „Элементъ языческій... элементъ христіанскій... ну, словомъ, тотъ томъ, который я здѣсь оставилъ.

— Я вамъ отдала его, папаша.

— А! сударыня... вотъ вы какъ поступаете! Крадете у отца книжки, которыя и кружатъ вамъ голову.

— О! нѣтъ, папаша, совсѣмъ не то... „Элементъ языческій“, я ничего не поняла во всѣхъ этихъ мудреныхъ словахъ и до сихъ поръ хорошенько не знаю, что это за языческій элементъ... Нѣтъ, нѣтъ... не это кружить голову... прибавила она съ задумчивой миной.

— А что же, позвольте спросить?

— Я сама не знаю, папаша... можетъ быть, элементъ христіанскій, сказала она опять сквозь слезы.— Но вдругъ на лѣстницѣ раздался голосъ г-жи Кастанъ.

— Идемъ, мамаша! крикнула ей въ отвѣтъ Маргарита, быстро отирая слезы.— Она вышла, между тѣмъ, какъ г. Кастанъ движеніемъ руки удалялъ Матильду.

— Я ухожу, сказала Матильда,—но знайте двѣ вещи, милостивый государь: во-первыхъ, что вы не имѣете права смерти надъ вашей дочерью; а во-вторыхъ, что мы, друзья ваши, каждый вечеръ бываемъ дома, въ улицѣ Кондаминъ.

— Я по вечерамъ не хожу со двора.

— Трусъ! возразила молодая женщина, съ видомъ сожалѣнія, отъ котораго на лицѣ суконщика выступилъ румянецъ.

— А! ты хочешь, чтобъ я пришелъ... чтобъ я рассказалъ, какое впечатлѣніе произвела на мою дочь эта книга... Хорошо! Я приду.

— Не посѣдете!

Г. Кастанъ сдѣлалъ энергическій жестъ возмущеннаго чловѣка и не пожалъ руки, протянутой ему Матильдой, которая, удалившись, снова прошла черезъ магазинъ.

Черезъ день, въ восемь часовъ вечера, послѣ ужина, чловѣкъ безъ шляпы, съ развѣвавшимися отъ вѣтра волосами и взволнованнымъ видомъ появился на городскомъ гуляньѣ. Это былъ г. Кастанъ, выдержавшій сильную баталію съ женой, которая, припрятавъ всѣ его шляпы, пыталась и самаго его запереть на ключъ. Къ счастью, погода была теплая, несмотря на довольно сильный вѣтеръ. Передъ кафе сидѣла на тротуарѣ публика. Когда г. Кастанъ проходилъ мимо, маленькая ручка схватила его за полу сюртука, и онъ увидѣлъ передъ собой Матильду, капитана и литератора, которые, сидя за маленькимъ столикомъ, пили кофе. Они почти-тельно встали съ своихъ мѣстъ. Г. Кастанъ тотчасъ былъ за-вербованъ и передъ нимъ очутилась чашка дымившагося кофе. Онъ, прежде всего, отеръ себѣ платкомъ лобъ, словно онъ былъ въ поту и сталъ восхищаться температурой, позволявшей гулять такимъ образомъ, безъ шляпы. Собесѣдники согласились, что погода дѣйствительно стоитъ превосходная. Но Матильда тихонько толкнула локтемъ писателя. Онъ сидѣлъ, серьезный, на виду у

всѣхъ. Сосѣди шептались между собой, показывая другъ другу глазами, то на него, то на г. Кастана, явившагося сюда безъ шляпы, пить кофе съ человѣкомъ, изъ-за котораго онъ, какъ говорили, держать дочь свою подъ двойнымъ замкомъ. Городскихъ обывателей не переставало волновать заключеніе Маргариты, отъѣздъ Поля Дюбура и долгое пребываніе литератора въ Тарасконѣ.

— Должно-быть въ улицѣ Рынка произошло что-нибудь особенное, если суконщикъ пришелъ сюда въ восемь часовъ вечера безъ шляпы, не боясь простуды!

Какъ ни старались обружающіе прислушаться къ разговору, который вели между собой вполголоса наши собесѣдники, но не могли ничего разобрать. Но, однако-жъ, всѣ видѣли, какъ суконщикъ нагнулся вдругъ къ г. де-Шанлозёру.

— Я прочелъ ваше произведеніе, сказалъ онъ развязно, — и восхищенъ имъ... Превосходный слогъ... глубина мысли... громадная эрудиція... Но я долженъ сказать вамъ все... обружающихъ меня оно не заинтересовало... Нѣтъ! нисколько не заинтересовало. И указавъ на Матильду, прибавилъ: г-жа Лакомбъ это знаетъ.

Та кивнула головой. Октавъ улыбнулся, придавая значеніе только первой половинѣ сказаннаго суконщикомъ, т. е. хвалебной; что-же касается до второй, то, по его мнѣнію, бѣлыя нитки, которыми она была сшита, слишкомъ бросались въ глаза. Любезный взглядъ, устремленный имъ на нѣсколько тревожную физиономію кушца, какъ-бы говорилъ:

— Бѣдняга! Ты, видно, не знаешь, что женскій умъ — это умъ вѣрующій, обожающій преимущественно то, чего онъ не можетъ понять; и что женская любовь — это винтъ-эссенція удивленія! Или дочь твоя не читала моей книги и ты лжешь для того, чтобъ угодить женѣ своей, или она читала ее, и ты опять лжешь, по той-же самой причинѣ. Г-жа Лакомбъ, на которую ты теперь ссылаешься, кажется, смѣется надъ тобой.

Г. Кастанъ допилъ свой кофе и готовился встать, считая свою миссію исполненной, когда капитанъ остановилъ его:

— Г. Шанлозёръ, въ свой чередъ, прочелъ ваши стихотворенія.

— Г. Кастанъ! сказалъ Октавъ, — послѣ вашихъ похвалъ моей

книгѣ, мнѣ очень затруднительно говорить съ вами о той рукописи, которую вамъ угодно было довѣрить мнѣ... „Вечеръ“, „Стадо“, „Тарасковская пѣсня“ и „Щегленокъ“; это премиленькія пьесы, проникнутыя искреннимъ чувствомъ и—что нынче большая рѣдкость—съ отпечаткомъ индивидуальности... Такъ, что я положительно могу васъ поздравить...

Г. Кастанъ умилился... Потомъ вытянулъ губы, какъ-бы собираясь пить молоко и, уставившись на литератора, вдругъ обрѣлъ въ себѣ твердость обратиться къ нему съ вопросомъ, котораго не осмѣлился предложить ему при первомъ свиданіи съ нимъ, у себя дома, въ воскресенье.

— Но, какъ вы думаете, могли-бы нѣкоторыя изъ этихъ пьесокъ быть когда-нибудь напечатаны въ Парижѣ?

— Почему-же нѣтъ... Лемьеръ, мнѣ кажется, напечаталъ-бы ихъ охотно...

Г. Кастанъ спросилъ, какая изъ его пьесъ наиболѣе нравится литератору.

— „Мое стадо“, отвѣчалъ тотъ, и прочелъ наизусть первые четыре стиха изъ той пьесы, которую назвалъ.

Суконщикъ зналъ, что его не ждали въ этотъ вечеръ и въ этомъ кафе, такъ-какъ онъ рѣшился выйти только послѣ ужина, вслѣдствіе сцены съ женой, а потому эта цитата изъ его стихотворенія не могла быть подготовлена. Такая почеть, оказанная такимъ писателемъ дарованію г. Кастана, которое такъ долго и такъ упорно презирала и топтала въ грязь г-жа Кастанъ, глубоко взволновала его. Глаза его сперва заблистали, потомъ увлажнились. Чувствуя, что слезы сейчасъ потекутъ по лицу его, онъ быстро всталъ и, пожавъ руки своимъ собесѣдникамъ, удалился.

— Онъ пошелъ за дочерью и за шляпой: дѣло, значить, идетъ на ладъ! шептали сосѣди ихъ по столамъ, при видѣ этого внезапнаго ухода.

Между тѣмъ, Матильда говорила литератору:

— Онъ вамъ объявилъ, — не правда-ли? — что я слышала сужденіе Маргариты о вашей книгѣ?

Октавъ улыбнулся, пожавъ плечами. При видѣ этой улыбки и этого движенія, Матильда воскликнула:

— Ну-да, ну-да, вы угадали. Женщина любить въ мужчинѣ его самого.

— А не то, что онъ, наприимѣръ, хорошо командуеть гусарами... добавилъ капитанъ, засмѣявшись и дорѣчииво подмигнувъ женѣ.

— Васъ обожаютъ, изъ-за васъ страдаютъ... продолжала Матильда, — а вы-то что-же, — вы-то сами? Ея вытянутый палець указывалъ на сердце Октава.

— Я, отвѣчалъ онъ, спустя нѣсколько секундъ, очень медленно, — я долженъ уѣхать.

Онъ всталъ, какъ-будто собираясь сейчасъ-же идти на станцію желѣзной дороги, и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ капитаномъ, отдалъ гарсону Адольфу монету въ сто су.

Это была ровно двадцатая часть его настоящаго состоянія. У него оставалось въ карманѣ всего 95 франковъ. Глаза Адольфа выражали глубокое уваженіе. Оно читалось въ нихъ уже болѣе двухъ недѣль, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ дѣло съ парижскимъ литераторомъ. Адольфъ тайно писалъ стихи, подобно г. Кастану, и читалъ газеты. Онъ зналъ уже имя Шанлоэра, когда увидѣлъ въ Тарасконѣ его самого, удостоился чести служить ему, разговаривать съ нимъ. Замѣчено было, что онъ надѣлъ въ тотъ-же день новыи жилетъ.

Возвращаясь со сдзчей, Адольфъ подалъ ее на подносѣ великому человѣку, стоявшему въ двухъ шагахъ отъ стола и закуривавшаго сигару.

— Возьмите себѣ, сказалъ онъ.

— Три франка сударь!

— Возьмите себѣ...

Онъ взглянулъ на эту подобострастную фізіономію, потомъ на слушавшихъ, и слегка выправившись, безъ торопливости присоединился къ своимъ друзьямъ.

V.

Недѣлю спустя, любовь къ мадмуазель Кастанъ вспыхнула въ немъ пожаромъ. Отдавшійся весь своей скорби, онъ уже не старался даже возбуждать удивленія въ гарсонахъ кофейни и открыто изливалъ свою душу передъ капитаномъ и Матильдой, которые съ любопытствомъ выслушивали признанія этой благородной страсти.

— Ахъ друзья мои! Зачѣмъ вы меня удержали? Зачѣмъ я

съ ужасомъ не бѣжалъ отсюда? Душа моя не выдержитъ. Она носитъ въ себѣ безконечность страданія! Содержаніе сосуда разобьетъ его! Какъ можетъ Богъ подвергать насъ подобному истязанію, а поэта называть любовь вершиной человѣческаго величія? Величіе— въ высшемъ спокойствіи, въ царствѣ мысли! Я не владѣю болѣе своей мыслью!

Онъ питалъ мрачные замыслы; начиналъ худѣть, не спалъ болѣе. Ночью, когда дулъ мистраль и лилъ дождь, или кротко свѣтила южная луна, онъ отправлялся съ набережной Роны въ улицу Рынка, гдѣ запоздалые тарасконцы видѣли его блуждающимъ подъ окнами своей возлюбленной. Увы, за этими окнами страдали и худѣли еще замѣтнѣе. Сердце бѣдной Маргариты томилось безнадежной страстью, которая, вдобавокъ, не могла найти себѣ облегченія въ пышныхъ фразахъ, въ сближеніяхъ между собою и безконечностью. Она только говорила:

— Огъ уѣдетъ, и я умру! Господи, Боже мой! Неужели любовь такой страшный грѣхъ, что за него нужно расплачиваться подобными страданіями?

Она переставала плакать только ночью, когда шумъ шаговъ на опустѣвшей улицѣ говорилъ ей: онъ тутъ! Она не покидала своей комнаты; и ей уже не нужно было приходить въ магазинъ за отцомъ, который теперь никогда не опаздывалъ. Тюремщица, г-жа Кастанъ, рвала и метала.

— Знаю я эту голь, говорила она.— Не выгоритъ здѣсь — пойдутъ кланчить въ другое мѣсто. Нужно выдержать еще нѣсколько дней, и этотъ писака уберется въ Парижъ съ своимъ важнымъ видомъ и пустымъ карманомъ. Что за фізіономіи нравятся нынѣшнимъ дѣвочкамъ, просто удивительно!

Она повторяла это въ сотый разъ, сидя, однажды, за десертомъ и уставивъ глаза на своего мужа. Маргарита давно уже встала изъ-за стола.

— Я купецъ, жена, отвѣчалъ г. Кастанъ, нѣсколько отворачиваясь, — и не считаю деньги вздоромъ. Если-бъ красивый малый, съ пятью стами тысячами франковъ, явился ко мнѣ нынче вечеромъ просить руки моей дочери, я бы, конечно, не прогналъ его въ шею. Но онъ не пришелъ. А дочь моя страдаетъ... чахнетъ и весь городъ сожалеетъ о ней и бранитъ насъ.

Г-жа Кастанъ стала кричать, что ей наплевать на городъ; что

Маргарита совершенно здорова; что не она, а онъ, отецъ ея, любить писачу и можетъ хоть сейчасъ-же идти цѣловаться съ нимъ. „Вонъ шляпа!“ Она показала рукой на стулъ.

— Если я ушелъ безъ шляпы, сударыня, отвѣчалъ г. Кастанъ, обиженный,—то это потому, что меня возмутила ваша тиранія и что я хотѣлъ сказать этому молодому человѣку, что его литература у насъ не понравилась...

— Да! и еще потому, что тебѣ хотѣлось выпить съ нимъ по товарищески, въ кафе „Chaise“. Вотъ куда привела насъ твоя дурацкая страсть къ стихамъ и къ гитарѣ! Первый заѣзжій гаеръ, первый пройдоха обошелъ тебя!

Г. Кастанъ пожалъ плечами. Она продолжала говорить, что дочь ея еще слишкомъ молода, что она намѣрена выдать ее впоследствии за хорошаго человѣка, тарасконскаго уроженца и также талантливаго — если ужъ дѣло идетъ о талантѣ — но который нигуда не увезетъ ее, а всю жизнь проживетъ съ ней по близости отъ улицы Рынка.

— Зачѣмъ-же этотъ человѣкъ, возразилъ г. Кастанъ, — котораго я уважаю больше чѣмъ кто-нибудь, не заставилъ себя полюбить, когда онъ былъ здѣсь, когда мѣсто было свободно? И зачѣмъ чортъ возьми! онъ уѣхалъ въ то самое время, когда слѣдовало бороться съ соперникомъ, не уступать еѣ!

При послѣднихъ словахъ его, раздался звонокъ. Г-жа Кастанъ вышла въ переднюю и увидѣла тамъ молодую голову въ черной бархатной повязкѣ. Она тотчасъ-же приложила палецъ къ губамъ, и Катерина, служанка Дюбуровъ, вся запыхавшись, шепотомъ сообщила ей, что г. Поль, часъ тому назадъ, пріѣхалъ изъ Марселя...

— Спасибо, моя милая, сказала г-жа Кастанъ, сунувъ ей въ руку 25 сантимовъ. — И молчаніе! Ты славная дѣвочка!

Она возвратилась въ столовую, и на вопросительный взглядъ г. Кастана, отвѣтила:

— Бѣдный старикъ Бурдаль.

Четверть часа спустя, между тѣмъ, какъ суконщикъ озабоченный, мѣрилъ шагами свой магазинъ, жена его почти бѣжала въ улицу Сентъ-Антуанъ, къ друзьямъ своимъ, хлѣбнымъ торговцамъ.

— Они всѣ на верху, сударыня, сказала горничная, впуская ее.

Она быстро поднялась во-второй этажъ. Отецъ, мать и сынъ находились всѣ вмѣстѣ въ просторной комнатѣ, гдѣ валялись сѣрныя тряпки и куски засохшей глины, и которая, съ тѣхъ поръ, какъ родитель Поля долженъ былъ отказаться отъ мысли сдѣлать изъ него купца, служила ему мастерской. Г. Дюбуръ былъ очень не въ духѣ; жена его тоже смотрѣла сурово—оба они въ четвертый разъ допрашивали своего сына о причинахъ его возвращенія, столь-же внезапнаго, какъ и отъѣздъ его, когда вошла г-жа Кастанъ.

— Вотъ и я, сказала она и, поцѣловавъ Поля, прибавила:—я видѣла сегодня во снѣ, что ты пріѣхалъ. Я пришла за тобой. Тебя ждуть у насъ.

— Его ждуть? сухо отвѣтила г-жа Дюбуръ.—А весь городъ говорить о любви твоей дочери къ этому пріѣзжему господину съ пустымъ карманомъ и о приданомъ, которое ты закупила...

— Городъ всегда вретъ. Развѣ кто-нибудь ночеваль у насъ въ домѣ и можетъ знать, что въ немъ происходитъ? Да, я видѣла во-снѣ, что Поль пріѣхалъ; и если это дѣйствительно такъ случилось, то значить рука Провидѣнія привела его.

Она взяла г-жу Дюбуръ за шею и, несмотря на сопротивленіе, крѣпко поцѣловала; потомъ продѣлала то-же самое съ г. Дюбуромъ, который, ворча, повторялъ доводы жены. Поль, устремивъ взглядъ на г-жу Кастанъ, спросилъ въ волненіи, дѣйствительно-ли его зоветъ Маргарита и возможно-ли это даже, чтобъ она звала его?

— Простофиля! Трусишка! воскликнула она энергически.—Въ Тарасконѣ, милостивый государь, когда молодой человѣкъ любить дѣвушку, то самъ объясняется съ ней, а не заставляетъ матерей побуждать его къ этому. Вы любите. Ну что-жъ, говорили вы ей о любви своей?

— Увы! нѣтъ... отвѣчалъ онъ. Я думалъ, что еще не слѣдуетъ... я уважалъ ея дѣтскую красоту... я...

— Ступай, говори, тюфякъ!

И она увлекла его. Путешествіе г-жи Кастанъ подъ-руку съ молодымъ человѣкомъ отъ площади Меріи до улицы Рынка произвело на всемъ этомъ пространствѣ сенсацію...

— Э! видно вѣтеръ подулъ въ другую сторону, говорили „Дѣло“, № 6, 1881 г. I.

улыбки и взоры, впрочемъ очень сочувственные этой побѣдѣ Тараскона надъ Парижемъ.

Г-жа Кастанъ съ своимъ спутникомъ какъ тѣнь промелькнула мимо оконъ магазина и исчезла подъ воротами. Маргарита сидѣла въ своей комнатѣ; она расправляла бѣлыя перчатки, которыя быстро спрятала въ карманъ, слышавъ шаги. Она была въ этихъ перчаткахъ на свадьбѣ Матильды и Октавъ держала ихъ въ рукѣ въ теченіи пяти минутъ, пока длился туръ вальса.

При видѣ Поля, показавшагося съ ея матерью на порогѣ гостиной, она вспыхнула.

— Вотъ она! Говорите съ ней, храбро сказала г-жа Кастанъ, толкая впередъ молодого человѣка, глаза котораго на мгновеніе блеснувшіе, вдругъ омрачились. Маргарита опустила свои.

— Ну что-же? продолжала мать.— Подайте другъ другу руки и если между вами прошло облачко... Она дунула и, разсмѣявшись, прибавила:— теперь нѣтъ ничего... облачко исчезло... Давайте же другъ другу руки, говорятъ вамъ.

Но такъ-какъ они не двигались съ мѣста, то она, схвативъ за руку Поля, сказала:

— Вѣдь не дѣвушка-же начинать! Впрочемъ, я вамъ мѣшаю...

И она вышла изъ комнаты.

Тогда Поль съ грустной улыбкой, съ выраженіемъ глубокаго страданія на лицѣ, задыхаясь и не сводя глазъ съ Маргариты, произнесъ:

— Я васъ люблю Маргарита!..

Она закрыла руками лицо.

— Боже мой, Боже мой! шептала она.

— Я васъ люблю, продолжалъ онъ, сдерживая рыданія;— наше дѣтство... мое молчаніе... Я думалъ, что вы поняли все это... Я говорилъ себѣ: ея сердце принадлежитъ мнѣ, потому-что мое принадлежитъ ей... и долгіе годы я жилъ этой мечтой... Вы были такой веселой... такой безпечной маленькой птичкой, что я боялся нарушить эту милую дѣтскую радость... вы были также цвѣткомъ, которому я хотѣлъ оставить всю его свѣжесть. Маргарита! *Маргаридэ!*.. Скажи... (Слезы мѣшали ему говорить). Наши прогулки по берегу Роны, гдѣ ты пѣла, такая счастливая... и къ Воклюзскому источнику, гдѣ я пилъ изъ твоей руки и ты изъ моей... Неужели нужно было еще говорить послѣ этого... прибѣгать къ

фразамъ, къ этой фальшивой, отвратительной музыкѣ, околдовывающей молодыхъ дѣвушекъ?.. Я не умѣю говорить... Я тоже ребенокъ, который обожалъ и будетъ обожать тебя всю свою жизнь,—слышишь-ли ты? Я хотѣлъ убить этого человека... но онъ жилъ-бы въ моемъ сердцѣ и ты-бы ненавидѣла... проклинала меня... не такъ-ли? Посмотри на меня... отвѣчай мнѣ...

Она тихо поникла головой; глаза ея были полны слезъ. Онъ вскрикнулъ:

— А! Я зналъ это! Зачѣмъ я пришелъ? Прощай!

При этихъ словахъ онъ направился къ двери; но г-жа Кастанъ быстро вышла изъ комнаты, остановила его и, бросивъ свирѣпый взглядъ на дочь, снова толкнула къ ней Поля.

— Поцѣлуй его... да скорѣй! Неужели ты можешь противиться этому сердцу? Но ты не знаешь, несчастная, что весь городъ видѣлъ, какъ я шла съ нимъ подъ-руку и что меня осмѣютъ, опозорятъ... Кто измѣнилъ своему слову, сударыня, — тотъ простись съ честнымъ именемъ! А вы ужь двѣнадцать лѣтъ, какъ связаны общаніемъ принадлежать другъ другу... Я говорю тебѣ поцѣлуй его!..

— Поль! сказала тогда Маргарита,—хотите-ли вы, чтобъ я пошла въ монастырь? Я пойду... Я умру... смерть должна быть лучше жизни... Наше дѣтство, наша дружба, наши прогулки... Нѣтъ! Я ничего этого не забыла... но лучше-бы намъ было никогда не встрѣчаться другъ съ другомъ! Вы знаете, что я не виновата... Нѣтъ, нѣтъ; я не хотѣла этого... Страданія не ищутъ... а я такъ страдаю! Во всемъ этомъ есть что-то роковое...

При видѣ ея отчаянія, Поль, подавляя рыданія, въ изнеможениі опустился на стулъ. Г-жа Кастанъ, тоже заливаясь слезами, принялась обнимать его, приглашая дочь свою подойти. Въ эту минуту появился субонщикъ. Онъ узналъ отъ кого-то на улицѣ, что Поль вошелъ въ ворота его дома подъ-руку съ г-жей Кастанъ.

— Ты мужчина! вскричала она, обращаясь къ нему.—Поговори-же какъ слѣдуетъ мужчинѣ, съ этой дѣвочкой, потерявшей и тотъ крошечный умишка, который она отъ тебя получила.

Но Поль, наконецъ, овладѣлъ собой.

— Прощайте, сказалъ онъ, и, бросивъ на Маргариту взглядъ, исполненный безконечной скорби, быстро вышелъ изъ комнаты.

Едва онъ успѣлъ уйти, какъ на улицѣ послышался лошадиный топотъ и вслѣдъ за тѣмъ капитанъ Лакомбъ показался въ дверяхъ гостиной. Онъ входилъ въ ту самую минуту, когда г-жа Кастанъ кричала: Несчастный! Онъ, пожалуй, лишитъ себя жизни!

— Знайте, сударыня, сказалъ капитанъ, крайне взволнованный, едва переводя духъ, — что не пройдетъ и двухъ дней, какъ онъ будетъ лежать въ землѣ!

— Кто?..

— Можете-ли вы это спрашивать?

— И вы прискакали верхомъ для того, чтобъ рассказывать намъ подобныя басни? вскричала суконщица, наступая на него и стараясь его выпроводить.

— Я пріѣхалъ верхомъ потому, что отправляюсь на ученье, сударыня... Я не могу оставить друга, генія, — умереть безвременно! А онъ умирать.

— Точно также какъ вы.

— Онъ умретъ завтра, если не сегодня вечеромъ. Увѣряю васъ въ томъ наиболѣе положительнымъ образомъ.

— Это не правда! вскричала она. — Потомъ схватила поблѣднѣвшую Маргариту за плечи и, втолкнувъ ее въ сосѣднюю комнату, заперла на ключъ.

— Онъ носитъ при себѣ самый сильный ядъ, отъ котораго умираютъ мгновенно. Я это знаю; я видѣлъ у него крошечный пузырекъ... такой вотъ, — не больше.

За дверью послышался вздохъ.

— Не такъ громко, пожалуйста, милостивый государь! Надъ нами издѣваются! Это ваша жена послала васъ. Мы знаемъ всѣ ея хитрости. Имѣю честь кланяться. Прощайте... ваша лошадь выказываетъ нетерпѣніе.

Капитанъ обернулся въ сторону г-на Кастана; и лицо его при этомъ приняло выраженіе такой искренности, что благодушный суконщикъ рѣшился вмѣшаться.

— Солдатъ никогда не лжетъ, душа моя, сказалъ онъ.

— Онъ лжетъ, когда жена его приказываетъ ему лгать.

Г. Кастанъ, наклонивъ голову, сказалъ: — прошу васъ, г. капитанъ, извинить жену мою.

— А! ты трусишь, съ презрительной усмѣшкой воскликнула г-жа Кастанъ. — Но вдругъ залилась слезами и, бросившись на шею

своему мужу, стала умолять его именемъ Пресвятой Дѣвы Маріи, не затѣвать никакихъ исторій съ офицеромъ.

Капитанъ Лакомбъ воспользовался этой минутой, чтобъ произнести съ большимъ чувствомъ:

— Я видѣлъ, я случайно нашелъ ядъ; кланусь вамъ! Спасите моего друга, сударыня, спасите человѣка съ блестящей будущностью. Въ настоящую минуту онъ у меня... подъ присмотромъ Матильды и г-жи Мосерфъ. Онъ не знаетъ, что я поѣхалъ сюда, завѣряю васъ честью!

— Отправляйтесь-ка на свое ученье, отвѣчала она все еще съ раздраженнымъ видомъ;—вы здѣсь говорили довольно...

Капитанъ поклонился и вышелъ на улицу; онъ вспрыгнулъ на свою лошадь, которую держалъ подъ уздцы какой-то мальчикъ и поскакалъ рысью по звонкой мостовой.

— Всѣ наши сосѣди высыпали на улицу, сказалъ г. Кастанъ, взглянувъ въ окно.

— Да, но штука не удалась! отвѣчала жена его, повидимому, очень довольная.—Мы стойко держались. Теперь Шанловѣръ преспокойно уѣдетъ себѣ въ Парижъ... Я знаю мужчинъ.

— Но наша дѣчь? Ея сердце, ея здоровье, ея жизнь!..

— Я знаю и нашу сестру... Поплачетъ немножко и опять какъ ни въ чемъ не бывало... Даже станетъ свѣжѣй... Если-бы, двадцать лѣтъ тому назадъ, наша свадьба не состоялась,—была-бы у меня хоть мигрень? Теперь, молчи!

Она выпустила изъ-подъ ареста дочь, которая вошла въ гостиную съ такимъ видомъ, что г. Кастанъ изумился. Слезы высохли; лицо было спокойно. Г-жа Кастанъ, менѣе пораженная этой внезапной переменною, вымѣщала свое неудовольствіе на стульяхъ, которые шумно переставляла.

Маргарита молча взяла со стола вышиванье и принялась за работу. Сцена, казалось, была положительно кончена на это утро. Отецъ, съ нѣжностью посмотрѣвъ на свою дочь и поцѣловавъ ее, спустился въ магазинъ. Мать еще нѣсколько времени поволновалась въ гостиной, но, вызванная служанкой, пошла считать бѣлье.

Тогда Маргарита встала, прислушалась и на цыпочкахъ направилась къ двери. Она отворила ее съ осторожностью вора и стрѣлой пустилась по лѣстницѣ. Секунду спустя, она очутилась на улицѣ. Легкой и быстрой поступью, съ открытой головой, въ про-

стомъ утреннемъ платьѣ, она рѣшительно шла туда, куда влекла ее любовь. Она слышала въ сосѣдней комнатѣ все, что говорилъ капитанъ, отъ перваго слова до послѣдняго.

Умереть самой?—пожалуй. Но допустить до самоубійства любимаго человѣка, вѣчно имѣть передъ глазами своей совѣсти это страшное дѣло... Развѣ это мыслимо?.. Какая дѣвушка способна на это? Боже мой! Самый сильный ядъ!.. Не опоздаетъ-ли она? Съ каждымъ шагомъ ея южная душа экзальтировалась все сильнѣй и сильнѣй. Прекрасная гордость наивной страсти оживляла черты ея, придавала имъ такое одушевленіе, что прохожіе останавливались, словно пораженные блескомъ молніи... Видѣвшіе передъ тѣмъ капитана и его лошадь, и нѣсколько ранѣе — г-жу Кастанъ подъ-руку съ Подемъ Дюбуромъ, значительно переглядывались между собой...

Улицами и переулками Маргарита дошла, наконецъ, до крыльца Матильды. Тутъ, подъ вліяніемъ дѣвической стыдливости, она почувствовала-было минутное колебаніе. Но потомъ позвонила храбро. Дверь отворилъ капитанъ. Ученье было отмѣнено, и онъ возвратился черезъ казармы, оставивъ тамъ свою лошадь. При видѣ молодой дѣвушки онъ сначала опѣшилъ, но, быстро оправившись, съ почтительной простотой и не говоря ни слова, взялъ ее подъ-руку и довелъ до гостиной.

Матильда и ея мать, г-жа Мосерфъ, сидѣли на диванѣ. Литераторъ, мрачный, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Женщины, наблюдая за нимъ, разговаривали между собою шепотомъ о визитѣ капитана въ улицу Рынка,—визитѣ, впрочемъ, совершенно внезапно, не преднамѣренномъ, къ которому побудила его только дружба, непрестанно подогрѣваемая Матильдой. Они распространялись о страшномъ эгоизмѣ и скарденности г-жи Кастанъ. Исполненная холодной злобы, бѣлокурая г-жа Лаконъ процѣдила сквозъ зубы: „Я добьюсь этого, или я не я“. Въ эту минуту вошла Маргарита.

При появленіи ея всѣ присутствующіе вскрикнули. Остановившаяся посреди гостиной и нѣсколько запыхавшаяся, она пристально посмотрѣла своими большими, глубокими, свѣтившимися любовью глазами, на „милаго“ какъ-бы для того, чтобъ хорошенько убѣдиться, что онъ еще живъ; и потомъ, слегка вздрогнувъ, сказала не совѣмъ твердымъ голосомъ: „Проводите меня къ моему отцу“.

Вся зардѣвшаяся, она упала въ объятія Матильды. Октавъ подбѣжалъ къ ней и упалъ передъ ней на колѣни.

— Чудная дѣвушка! воскликнулъ онъ. — Высокая душа! Не мечта-ли, не сновидѣнье-ли ты? Она дышетъ... Она живетъ... Она тутъ. О! блаженъ тотъ, кто не обманулся въ своемъ обожаніи. Я не прикоснусь ни къ рукѣ вашей, моя дорогая, моя возлюбленная! ни даже къ краямъ вашей одежды... Я на колѣняхъ протрѣваю за вами до того дома, откуда вы пришли ко мнѣ, какъ ангель-хранитель.

Онъ плакалъ, простирая къ ней руки. Она тоже плакала на груди Матильды. Онъ взялъ ее руку, и, вопреки словамъ своимъ, поцѣловалъ ее, сначала почтительно, потомъ съ восторгомъ, и, наконецъ, всталъ, между-тѣмъ какъ капитанъ Лакомбъ, повернувшись къ нимъ спиной, для того, чтобъ скрыть свои влажные глаза, энергически говорилъ стѣнѣ:

— Чортъ побери! Только въ Провансѣ бываютъ подобныя существа! Сѣверъ не имѣетъ понятія, что такое молодая дѣвушка!

— Пойдемте, сказала Маргарита.

Она вышла подъ руку съ Шанлозёромъ, сопровождаемая капитаномъ, шедшимъ между своей женой и тещей. Они не успѣли сдѣлать двадцати шаговъ, какъ вся улица Кондаминъ, взволнованная отъ одного конца до другого, указывала на нихъ еще издали... Уголъ Сентъ-Антуанской улицы и площади Меріи кипѣлъ любопытными. Въ толпѣ стоялъ гулъ и сотни глазъ были устремлены на кортежъ.

— Она вышла безъ шляпы, какъ недавно отецъ ея... слышалось вкругъ. — Статный молодой человекъ... Смѣлая дѣвушка... Славная парочка!

Парочка была дѣйствительно очень красивая; въ глазахъ Маргариты опять свѣтилась такая наивная гордость, что когда кортежъ приблизился къ улицѣ Рынка, раздались рукоплесканія, которыя вдругъ замолкли, при появленіи г-жи Кастанъ, красной, какъ горящій уголь, и суровой, какъ желѣзо.

Она только-что замѣтила исчезновеніе дочери, и не колеблясь — послѣ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ мужу — прямо побѣжала къ Лакомбамъ. Путь былъ не дологъ. Маргарита, нѣсколько блѣд-

ная, и литераторъ, очень серьезный, быстро приблизились къ ней.

— Мамаша, сказала вполголоса молодая дѣвушка, посреди глубокаго молчанія, простите мнѣ! Любите насъ!

Октавъ, съ разтроганнымъ видомъ, произнесъ тѣмъ-же тономъ: — Позволите-ли вы мнѣ надѣяться, что вы будете моей матерью? Я потерялъ свою.

Съ осанкой принца, стоящаго передъ королевой, онъ подалъ ей руку, между-тѣмъ какъ капитанъ, выступившій впередъ, предложилъ свою Маргаритѣ.

Высоко поднявъ голову и героически отвѣчая, обстрѣливающимъ ее безчисленнымъ взорамъ, — улыбкой, г-жа Кастанъ взяла руку Октава и направилась къ своему дому. Тогда аплодисменты усилились и вмѣстѣ съ криками „браво!“ огласили улицу. Любовь побѣдила! Страна любви прощала Парижу его торжество!

Посреди шума возвысился легкій теноръ. Это былъ г. Кастанъ, бѣжавшій опять безъ шляпы, въ радостномъ смущеніи. Онъ кричалъ: „Идите-же дѣти мои! Идите“... Онъ протянулъ руку Октаву-де Шанлозёръ. Честь была невредима... Семья вошла въ домъ, въ сопровожденіи троихъ друзей, лица которыхъ трубили побѣду.— Но въ передней-же г-жа Кастанъ вдругъ повернулась къ нимъ съ живостью и, поднявъ кверху руки, пронзительно вскрикнула. Съ ней сдѣлалась истерика. Это былъ ея послѣдній выстрѣлъ.

Мѣсяцъ спустя, мадмуазель Кастанъ опять торжественно вѣхала въ церковь Св. Марты, но уже не въ палевомъ платьѣ и не въ шляпкѣ-бабочкѣ, а вся въ бѣломъ, съ вуалемъ и съ флеръ д'оранжевымъ вѣнкомъ на головѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ.

(Окончаніе).

Рабочій въ продолженіи дня работаетъ столько времени, сколько у него хватаетъ силъ. На нѣкоторыхъ золотыхъ пріискахъ работы продолжаются по 20 часовъ въ сутки. Столяры нижегородскаго и семеновскаго уѣздовъ, работая съ 2 часовъ ночи до 8 вечера, получаютъ въ мѣсяцъ 2, 3, 5 рублей («Труды», IV, 157). Подольская и серпуховская кружевница, работая 19 часовъ въ сутки, зарабатываетъ въ мѣсяцъ 4 руб. 94 коп. Въ ложарномъ производствѣ красильница, работая 20 часовъ въ сутки, получаетъ 2 руб. 40 коп. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ и 4 руб. 80 коп. на своихъ (ib., II, 22). Въ шляпномъ производствѣ стрижельщица московской губ. работаетъ 12¹/₂ часовъ и получаетъ 12¹/₂ коп. въ день. На фабрикахъ и заводахъ влинскаго уѣзда число рабочихъ часовъ простирается иногда до 17, вообще здѣсь рабочее время распределено такъ:

	Число рабочихъ часовъ.
1. Механическіе заводы	11
2. Ковровая и шелкоткацкая фабрика	12
3. Бумаго-прядильная фабрика	12 (посмѣнно)
4. Самооткацкія бумажныя фабрики	12
5. Спичечные заводы	12 ¹ / ₂ —13
6. Химическіе заводы	12 — 14
7. Кожевенные заводы	13 — 14
8. Зеркальныя заведенія	13 — 14
9. Отбѣльныя и красильныя заведенія	13 — 15
10. Мѣдно-цѣпочныя заведенія	14 — 15
11. Бахромныя заведенія	14 — 15
12. Войлочныя заведенія	14 — 15

	Число рабочихъ часовъ.
13. Мелкія ткацкія фабрики	15
14. Сапожныя заведенія	15

Повидимому, вездѣ, гдѣ производство имѣетъ болѣе характеръ кустарнаго промысла, или вообще на мелкихъ заведеніяхъ, рабочий день продолжается дольше, нежели на большихъ фабрикахъ. Тѣмъ не менѣе, отсюда нельзя вывести заключенія, что условія труда на большихъ фабрикахъ легче и благопріятнѣе въ санитарномъ отношеніи, нежели на мелкихъ заведеніяхъ. Не надо забывать, что работа въ послѣднихъ вольнѣе, не такъ втиснута въ извѣстныя рамки, какъ на большихъ фабрикахъ, въ особенности на тѣхъ, котырыя работаютъ при помощи пара и гдѣ каждая минута эксплуатируется съ величайшей аккуратностью и и все время проходитъ въ лихорадочной дѣятельности (Эрисманъ, 68).

При этомъ надобно имѣть въ виду, что отдыхъ значительно сокращается тѣмъ, что большинство рабочихъ по окончаніи работы уходитъ домой, въ деревню, а затѣмъ опять къ сроку возвращается на фабрику и притомъ даже раньше, чѣмъ-бы слѣдовало, изъ боязни запоздать. Кроме того, въ теченіи этого отдыха рабочіе должны удовлетворить всѣ свои физическія и нравственныя потребности, такъ-что для сна остается весьма мало времени. И эту убійственную продолжительную работу наряду съ взрослыми мужчинами несутъ женщины и дѣти, составляющія чуть не половину рабочаго контингента. Вотъ, напр., составъ рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ клинскаго уѣзда:

Бумагопрядильня Балива:

	м.	ж.	ВСЕГО.
Малолѣтнія (до 14 л.).	40	13	53 = 16.12%
Подростки (14—18 л.).	59	33	92 = 27.96%
Взрослые рабочіе (свыше 18 л.).	125	59	184 = 55.92%
Итого.	224	105	329 (ib., 79).

Ткацкая фабрика Кашаева:

	м.	ж.	ВСЕГО.
Малолѣтнихъ (до 14 л.).	11	32	43 = 9.73%
Подростковъ (отъ 14 до 18 л.).	23	124	147 = 33.26%
Взрослыхъ.	60	192	252 = 57.01%
Итого.	94	348	442 (ib., 115).

Спичечный заводъ Захарова:

	м.	ж.	всего.
Малолѣтнихъ	6	1	7 = 14.28%
Подростковъ	2	20	22 = 44.90%
Взрослыхъ	11	9	20 = 40.82%
Итого.	19	30	49 (ib., 181).

Спичечный заводъ Захарова-же:

	м.	ж.	всего.
Малолѣтнихъ	2	1	3 = 7.32%
Подростковъ	2	19	21 = 51.22%
Взрослыхъ	12	5	17 = 41.46%
Итого.	16	25	41 (ib., 187).

Во всемъ уѣздѣ считается:

	м.	ж.	всего.
Малолѣтнихъ	404	213	617
Подростковъ	638	734	1372
Взрослыхъ	2310	1086	3396
Итого.	3352	2033	5385 (ib., 67).

Изъ числа работницъ—замужнихъ и вдовъ 498, незамужнихъ 1,535. Нѣкоторыя дѣвочки работаютъ на фабрикахъ съ 6 лѣтъ (ib., 284). Нечего и говорить о ихъ раннемъ развращеніи среди рабочей молодежи, приказчиковъ и хозяевъ. Что-же касается взрослыхъ женщинъ, то колыбеленъ для ихъ грудныхъ дѣтей не имѣется; уходя на работу, матери грудныхъ и вообще маленькихъ дѣтей оставляютъ ихъ подъ присмотромъ бабушекъ, старшихъ сестеръ или какой-нибудь наемной нянюшки. Льготъ для беременныхъ женщинъ и родильницъ не существуетъ: беременныя обыкновенно работаютъ до послѣдней возможности, оставляя иногда фабрику лишь за нѣсколько часовъ до родовъ; послѣ родовъ, женщина, часто не вполне оправившись, снова поступаетъ на фабрику. Пособія отъ конторы онѣ не получаютъ (ib., 85, 134 и др.) Въ с. Клинцахъ, черниговской губ., мальчишки и дѣвочки поступаютъ на фабрики съ 5—6 лѣтъ; то-же самое видимъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ владимірской губ. Въ вязниковскомъ уѣздѣ ткачи обоего пола начинаютъ работать съ 10 лѣтъ; на галантерейныхъ заводахъ костромскаго уѣзда дѣти работаютъ съ 7 лѣтъ; въ подольскомъ у. дѣвочки плетутъ кружево съ 6 л.; въ пенъковомъ производствѣ с. Полотняго, ме-

дынскаго у., работаетъ 1,310 мужчинъ, 1,380 женщинъ, 263 подростка и 297 дѣтей моложе 10 л. («Труды», II, 20, 48, 51; V, 349, 419). «Войдите въ мотальню, говорится въ описаніи жизни рабочихъ на шелко-крутильной фабрикѣ братьевъ Русаковыхъ въ Богородскомъ уѣздѣ,—вы увидите женщинъ всякаго возраста, начиная отъ 14-ти-лѣтняго. Худыя, блѣдныя, изнеможенные, съ лицами, покрытыми преждевременными морщинами, въ жалкихъ лохмотьяхъ стоятъ онѣ согнувшись возлѣ своихъ станковъ... У нихъ не было дѣтства, у нихъ нѣтъ и юности. Такъ работаютъ онѣ *восемнадцать* часовъ въ сутки, съ 10 ч. вечера до 4 ч. дня, получая за это 35 р. въ годъ. Остается, слѣдовательно, 6 часовъ для сна и для удовлетворенія физическихъ и нравственныхъ потребностей. Не правда-ли, какія при такой жизни возможны нравственные потребности?»

«Посѣщающимъ фабрики извѣстно, говоритъ г. Трубниковъ о тверскихъ фабрикахъ,—что даже восьмилѣтнія дѣти работаютъ не только днемъ, но и ночью. Ни для кого не тайна, каковъ нравственный уровень на фабрикахъ у взрослыхъ рабочихъ; дѣти-же, по своей впечатлительности, легко усваиваютъ всю неприглядную сторону взрослыхъ. Такимъ образомъ, хилѣя физически и искалчиваясь нравственно, они дѣлаются въ послѣдствіи представителями не здороваго и сильнаго поколѣнія, а золотушнаго, преждевременно старѣющагося и вымирающаго, внося притомъ въ свои общины, куда они возвращаются, пороки, о которыхъ ихъ родные поилцы и понятія не имѣютъ».

По вычисленію г. Исаева, въ московскомъ уѣздѣ женщины составляютъ 20, а дѣти 13% фабричныхъ рабочихъ и работаютъ наравнѣ съ взрослыми мужчинами. На Лапинской мануфактурѣ, напр., дѣти принимаются съ 8 лѣтъ и работаютъ *по двѣнадцати часовъ въ сутки*. На бумаго-прядильной фабрикѣ Третьякова дѣти принимаются съ 6 лѣтъ и работаютъ *по двѣнадцати часовъ*. На ткацкой фабрикѣ Рѣшетникова—съ 8 лѣтъ и *по тринадцати часовъ въ сутки*. На ткацкой фабрикѣ Чернышева, гдѣ дѣти принимаются съ 10 лѣтъ, они работаютъ столько-же, сколько и взрослые—*по пятнадцати часовъ въ сутки*. Въ красильномъ заведеніи Тереховой дѣти принимаются съ 10 лѣтъ и работаютъ *по шестнадцати часовъ*. На бумаго-красильной фабрикѣ товарищества Францъ Рабенэкъ число рабочихъ часовъ въ сутки тоже одинаковое для взрослыхъ и малолѣтнихъ—*цѣлыхъ семнадцать часовъ!* Въ серпуховскомъ уѣздѣ, по словамъ корреспондента, «положеніе дѣтей, изъ-за 4-хъ, 5-ти-рублеваго жалованья, обреченныхъ на изнурительную 12-ти-часовую работу на мѣстныхъ фабрикахъ—въ высшей степени печальное.

Къ сожалѣнію, эти изможденные, блѣдные, съ воспламенными глазами существа, погибающія физически и нравственно, до сихъ поръ еще не пользуются въ надлежащей степени защитой со стороны закона. А между тѣмъ, эта юная рабочая сила представляетъ весьма солидный процентъ всѣхъ силъ, занятыхъ на мѣстныхъ фабрикахъ; такъ, на одной фабригѣ г. Коншина работаетъ до 400 дѣтей.

На всѣхъ фабрикахъ, говоритъ вязниковская земская управа, — производство совершается непрерывно день и ночь, исключая только воскресныхъ и табельныхъ дней или пріостановки вслѣдствіе какихъ-либо значительныхъ поврежденій машины. Мастеровые, какъ мужчины и женщины, такъ и дѣти, обыкновенно дѣлятся на двѣ перемѣны, изъ которыхъ на однихъ заведеніяхъ каждая работаетъ въ теченіи 8 часовъ; по прошествіи этого времени, заступаетъ ее на то-же время другая, такъ-что одной половинѣ рабочихъ въ однѣ сутки приходится работать 16 часовъ, а другой—8, зато на другія сутки уже послѣдняя перемѣна работаетъ 16, а первая только 8 часовъ; такимъ образомъ, въ теченіи двухъ сутокъ каждый, безъ различія возраста, мастеровой работаетъ 24 часа. На другихъ заведеніяхъ смѣны эти чередуются черезъ каждые 6 часовъ, и каждому рабочему, взрослый-ли онъ или малолѣтокъ, приходится работать 12 часовъ въ сутки. Такой утомительный, и въ первомъ случаѣ, можно сказать, непосильный трудъ не только дѣйствуетъ пагубно и разрушительно на здоровье дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, но даже на взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, дѣлая ихъ преждевременною жертвою смерти, чему способствуютъ разнаго рода вредныя испаренія и миазмы, являющіяся неизбѣжною принадлежностью фабричныхъ заведеній, несмотря на то, какъ-бы хорошо ни была устроена въ нихъ вентиляція; тому-же содѣйствуетъ и недостатокъ здоровой пищи, ибо питательность есть главное условіе поддержанія силъ рабочихъ. Между тѣмъ, нѣкоторые мѣстные рабочіе приходятъ только съ однимъ хлѣбомъ, не имѣя почти недѣлю горячей пищи и даже скудно обѣдая въ воскресенье; живущіе-же на фабрикахъ рабочіе изъ другихъ уѣздовъ, при ограниченной заработной платѣ и при полученіи оной не наличными деньгами, а продуктами по возвышеннымъ цѣнамъ, должны себя ограничивать и быть умѣренными до крайности.

Все это, вмѣстѣ взятое, относительно малолѣтнихъ даетъ такой результатъ, что изъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, достигаетъ зрѣлаго возраста только меньшинство, но и то слабымъ и неспособнымъ ни къ какому труду или ремеслу. Кроме того, нравственная сторона сгруппированныхъ большими мас-

сами на фабрикахъ рабочихъ, не имѣющихъ ни средствъ, ни времени получить умственное развитіе, хотя-бы равное своему собрату, живущему въ деревнѣ, не представляетъ утѣшительныхъ послѣдствій» («Владимірска. Земск. Сборн». 1875, VI, 262—264).

Въ белибеевскомъ уѣздѣ на единственной суконной фабрикѣ работаетъ 1,000 человекъ обоого пола, изъ коихъ болѣе 200 дѣтей въ учебномъ возрастѣ. Послѣднія остаются совсѣмъ неграмотными, такъ-какъ фабрика объ открытіи школы и не думаетъ. Положеніе рабочихъ здѣсь очень печальное. Въ Петербургѣ ситцевыя, хлопчато-бумажныя, писчебумажныя, карточные фабрики переполнены женщинами. Напримѣръ, на ситцевой фабрикѣ Паля женщинъ отъ 90 до 100 человекъ, дѣтей отъ 90 до 100 человекъ; на писчебумажной фабрикѣ Варгунина женщинъ также много; на стеариновомъ заводѣ, изъ 450 всѣхъ рабочихъ 150 женщинъ и т. д. Женщины получаютъ вообще отъ 8 до 12 р. въ мѣсяцъ, а среднимъ числомъ—10 р. Дѣти—отъ 5 до 9 р. На Сестрорѣцкомъ заводѣ въ красильномъ отдѣленіи «работаетъ до 115 человекъ, 70 взрослыхъ, остальные дѣти и между ними попадаются очень юные. Такъ Александръ Морозовъ, 13 лѣтъ, работаетъ на заводѣ два года слишкомъ, но точно времени опредѣлить не можетъ. Во всякомъ случаѣ онъ поступилъ на заводъ не позже 11 лѣтъ. Работаютъ отъ 6 ч. утра до 7 ч. вечера съ двухчасовымъ перерывомъ для обѣда; работаютъ по-дневно. Дѣти получаютъ отъ 40 до 70 к., а взрослые отъ 1 р. до 2 р. 50 к. въ день. Въ уломскомъ краѣ, говоритъ Грязновъ, «работа кромѣ тяжести, требуетъ еще непрерывнаго напряженія зрѣнія и внимательности. Нужно, чтобы молотъ попадалъ непременно въ извѣстную точку расковываемаго раскаленнаго прута и зналъ свою очередь удара, иначе при кованіи въ два молотка можно только мѣшать другъ другу и отбить себѣ руки. Что работаютъ здѣсь до крайняго напряженія—это несомнѣнно. Кузнецы рассказываютъ, что послѣ работы они чувствуютъ сильное утомленіе и даже утромъ боли въ рукахъ и поясницѣ, особенно въ началѣ сезона послѣ лѣтней отвычки отъ работы. Но если устаютъ взрослые, то что-же дѣлается съ дѣтьми?! Молотниками обыкновенно бываютъ мальчики отъ 12, иногда 10 и 9 лѣтъ; они, идя съ работы, еле передвигаютъ ноги» («Опытъ», 122). У арзамасскихъ кузнецовъ тоже особенно хилы дѣти, которые принуждены работать одинаковое со взрослыми количество времени; тяжело видѣть, какъ замазанный углями, блѣднолицый ребенокъ торопливо и неловко возится съ своимъ тяжелымъ молотомъ, который не по силамъ его слабымъ рученкамъ. («Труды», IV, 187).

На фабрикахъ и заводахъ этими несчастными дѣтьми обыкновенно помывають, какъ хотять, и хозяинъ, и приказчики, и мастеравые. Вотъ что, напр., рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ одинъ каргопольскій скорнякъ: «Зимой мѣховые кроильщики-крестьяне и челоувѣка 2—3 мѣщанъ (послѣдніе спали тоже въ мастерской) рано встануть: часа въ три, въ два, даже въ часъ; достануть огня и начнутъ работать. Но вѣдь сонъ долить! Вотъ они, чтобы не дремать и начнутъ чай пить. Да вѣдь для чаю нужна вода, но не колодезная; они той не хочуть, а рѣчная, а вѣдь до рѣки, ты самъ знаешь, оттуда почти верста будетъ. За водой долженъ идти парень. Вотъ они и будять его. Иной разоспится—не скоро разбудишь, то чтобы скорѣе къ дѣлу, поставятъ его на ноги и выведутъ въ сѣни; даютъ тамъ ему ведро, сапоги, шубу, шапку, а двери мастерской запрутъ на крючекъ, для того, чтобы не воротился назадъ. Затѣмъ, что угодно дѣлай, даютъ тебѣ на волю: хошь иди на рѣку за водой, несмотря ни на ослѣпительную вьюгу, ни на 30-ти-градусный морозъ, или не ходи и стой въ сѣняхъ до свѣта, схвати горячку и неотвратимую вѣрную расплату—трепаніе за волосы, или спины веревкою» (ib., 289). Не менѣе ужасно положеніе приказчиковъ, въ числѣ которыхъ всюду находится тоже большій % дѣтей. Вотъ, напр., три письма приказчиковъ, напечатанныя въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» 1879 г.:

1) «Мы, приказчики, ради нужды своей и своихъ семействъ, работаемъ, привязанные къ мѣсту, отъ 16 до 18 часовъ въ сутки, остальное время посвящая сну для приготовленія къ такой-же работѣ слѣдующаго дня. Нѣтъ у насъ ни воскресенья, ни табельнаго, ни даже годового праздника, ни Рождества, ни Свѣтлаго воскресенья; цѣлый годъ одно и то-же. Религіозныхъ обязанностей мы совершенно не соблюдаемъ, не учимся ничему и ни о какомъ развитіи ума и просвѣщеніи намъ и въ голову не приходитъ. Терпимъ и переносимъ всѣ тягости и неудобства; живемъ кое-какъ, вмѣстѣ съ клопами, тараканами. Хозяева раньше 2—3 недѣль не пускають даже въ баню, бѣлье истлѣваетъ; отъ вынужденной неопрятности заводятся разныя настькомыя. Помѣщенія для ночлега неопрятныя, тѣсныя, сырыя, съ тяжелымъ воздухомъ, къ которому трудно привыкнуть; вмѣсто постелей укладываешься, кому гдѣ пришлось: на полу, на скамейкахъ, на ящикахъ, на старомъ тряпѣ и грязномъ бѣльѣ. Съ 1864 года служимъ по овощной части и порядки всѣ знаемъ, и скажемъ одно, что вся наша братія вродѣ невольниковъ и дикарей, и совершенно отшатнулись мы отъ церкви Божіей, служаши съ 1864 года».

2) «Г. редакторъ! Напечатайте въ вашей газетѣ, какъ живутъ прикащики, молодцы и мальчики при овощной торговлѣ: никогда они въ церковь не ходятъ, только два раза въ годъ: на Рождество и на Святую, и никогда никакой свободы не имѣютъ, ни отдыха. Встаемъ въ 5 часовъ, ложимся въ 11. Даже въ Рождество и Пасху, сходявши къ обѣднѣ, тотчасъ-же выходимъ въ лавку; вѣдь это хуже фабричныхъ, потому-что и тѣ, отработавши недѣлю, имѣютъ день для молитвы, отдыха и гулянья. И за такую каторжную должность жалованье самое ничтожное. Какъ на это не обратитъ вниманія правительство и не запретить всѣмъ торговцамъ открывать торговлю хоть по двенадесятимъ праздникамъ?»

3) «Симбирскъ. Я принадлежу къ торговому люду; прослужилъ у хозяина 7 лѣтъ и въ теченіи этого времени 7 разъ только ходилъ въ церковь, когда поютъ *Христосъ Воскресе* и *Рождество твое Христе Боже нашъ*. Въ простыя-же воскресенья съ 4 часовъ иди въ лавку и будь до 9 часовъ вечера. Говѣтъ вздумаешь—хозяинъ говорить: «вишь какой богомольникъ! Или лѣтъ дѣломъ заниматься? Чай, говорить, у хозяина-то дѣла: хозяинъ пой, корми, жалованье плати, а ты вздумалъ шабалы бить!»

Выше мы уже приводили нѣкоторыя цифры, показывающія ничтожные размѣры платы, получаемой русскими рабочими за его убійственный трудъ, и здѣсь дополнимъ ихъ другими примѣрами. Каргопольская скорнячная швея зарабатываетъ всего отъ 1 р. 10 к. до 2 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ («Труды», IV, 303). Даже въ Петербургѣ чернорабочіе на фабрикахъ и заводахъ получаютъ отъ 9 до 15 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. На фабрикахъ клинскаго уѣзда рабочіе получаютъ въ мѣсяцъ:

	Мужчины.			Женщ. Малолѣтки.	
	Р	у	б	л	и.
1. Стекланный заводъ . . .	8—12			—	5½
2. Ковровая и шелкоткацкая фабрики	22—30			10—25	2—3 и хоз. харчи.
3. Механическіе заводы . . .	12—30			—	—
4. Бумаго-прядильная фабр. .	9—18			6—9	3—5
5. Самоткацкія-бумажи. фабр.	8—18			5—15	3—6
6. Сапожныя заведенія . . .	6—8	и хоз. харчи.		—	—
7. Бахромныя заведенія . . .	5—8	и хоз. харчи.		—	—
8. Химическіе заводы . . .	4—8	и хоз. харчи.		—	—
9. Кожевенные заводы . . .	5—9	и хоз. харчи.		—	—
" "	4—6	и хоз. харчи.		—	—
10. Отбѣльные и красильн. зав.	9—12			6—8	2—4
11. Спичечные заводы . . .	9—11			6—8	2—4

	Мужчины.			Женщ. Малолѣткіи.		
	Р	у	б	л	и	.
12. Зеркальня заведенія отъ	1½			—	—	
до	2½	и хоз. харчи.		—	—	
13. Мѣдноцѣпочныя зав.	5—7			2—4	—	
14. Войлочныя заведенія.	4			—	2	
15. Мелкія ткацкія фабрики.	3—7			2—4	80 к.	(Эрисманъ, 69).

Просимъ читателя сравнить эту таблицу съ приведенною выше, показывающею число рабочихъ часовъ, и онъ увидитъ, что въ вѣнскомъ уѣздѣ *чѣмъ больше работаетъ въ день работникъ, тѣмъ меньше получаетъ онъ платы!*.. На фабрикѣ Егорова ткачъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ 4 р. 80 к., а шпульникъ—отъ 80 коп. до 1 р. 20 к. (ib., 145). На мелкихъ ткацкихъ фабрикахъ ткачъ получаетъ не болѣе 3 р.—3 р. 70 к. въ мѣсяцъ (ib., 153). Въ спичечномъ дѣлѣ макальщики получаютъ 2—4 р. въ мѣсяцъ (ib., 188). На войлочныхъ фабрикахъ мальчики работаютъ за 10 р. въ годъ, а взрослые получаютъ отъ 2 до 6 руб. въ мѣсяцъ (ib., 205). На винокуренныхъ и сахарныхъ заводахъ, черниговской губерніи, рабочий получаетъ 4 руб. въ мѣсяцъ.

Какъ ни жалка эта задѣльная плата, но въ дѣйствительности она еще значительно ниже приведенныхъ цифръ, благодаря штрафамъ и хозяйскимъ лавочкамъ.

Наши невѣжественные заводчики и подрядчики давно уже разнюхали всѣ прелести контрактовъ и рабочихъ книжекъ съ условіями, которыя они насильно навязываютъ. Вотъ, напр., на сахарномъ заводѣ кievской губерніи рабочимъ полагается за прогулъ, самовольную отлучку и за куреніе табаку въ неуказанныхъ мѣстахъ—штрафъ отъ 50 к. до 1 р. за каждый разъ. За порчу, потерю и похищеніе заводскихъ вещей, а также за дерзость, буйство «или другія распутства»—штрафъ по опредѣленію «господина директора» или отвѣтственность «по закону». Иногда, впрочемъ, нѣкоторые непорядки предоставляется порѣшать самимъ рабочимъ. Въ одномъ условіи, напр., говорится: «Если кто будетъ грубѣннѣе противъ заводскаго управленія, то мы, крестьяне, обязываемся разобрать и наказать своимъ судомъ». Или вотъ на какихъ условіяхъ работаютъ осначи (судорабочіе) на Днѣпрѣ: Если, «Боже сохрани», кто изъ рабочихъ заболѣетъ «въ пути слѣдованія», то за первые дни вычета нѣтъ (обыкновенно отъ 2 до 7 дней), а за слѣдующіе—идетъ вычетъ. Въ одномъ условіи даже встрѣчается такая приставка: болѣзнъ должна быть подтверждена атаманомъ и рабочими. Кто совсѣмъ не явится на пристань—высывается задатокъ вдвойнѣ. При побѣгѣ, или всѣ рабочіе долж-

ны покрыть убытки своимъ имуществомъ за круговую порукою, или-же «виновный отвѣчаетъ по закону». За пьянство, прогуль или буйство, мы, крестьяне, «подвергаемся» штрафу по 50 к., по 1 р. или по 2 р. за разъ. Въ одномъ случаѣ, штрафъ назначался даже за отказъ подать помощь другому плоту, правда, очень небольшой, всего въ 30 коп. Всѣ подобныя мелкія взысканія идутъ или въ пользу артели, или въ пользу хозяина. Иногда они прописываются въ той курьезной формѣ, по которой выходитъ, что сами крестьяне «обязываютъ» хозяина наказывать ихъ. Такъ, напр., въ одномъ условіи говорится: «Во время слѣдованія плотами мы, крестьяне, пьянствовать и буйствовать не должны, за что хозяинъ съ того лица обязанъ взыскать штрафу одинъ рубль».

На большихъ фабрикахъ влинскаго уѣзда тѣ-же условія. На бумагопрядильнѣ Балина, при наймѣ, каждый рабочій получаетъ расчетную тетрадь, содержащую условія найма. Тетрадь напечатана съ дозволенія московскаго вице-губернатора. Умалчивая о правахъ и обязанностяхъ хозяина, она содержитъ, во-первыхъ, извлечения изъ Свода Законовъ, будто-бы касающіяся «обязанностей и правъ» фабричныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, на самомъ-же дѣлѣ толкующія исключительно объ «обязанностяхъ» рабочихъ, о томъ, что послѣднимъ воспрещается и за что они подлежатъ наказанію; во-вторыхъ, въ тетради находятся «особыя правила по фабрикѣ», опять-таки трактующія исключительно о томъ, что рабочіе должны дѣлать, что имъ запрещено, за что они подвергаются взысканіямъ и т. д., причемъ доказчику обѣщается вознагражденіе. Привожу два наиболѣе важные параграфа этихъ спеціальныхъ правилъ.

1. «Рабочіе и мастеровые, поступившіе на фабрику съ Пасхи, всѣ обязаны жить до октября мѣсяца, а ежели кто не пожелаетъ жить до срока, то лишается всѣхъ заработанныхъ денегъ».

2. «Поступившіе-же съ октября мѣсяца, обязаны жить до Пасхи; а ежели кто не пожелаетъ, то долженъ объявить директору или конторѣ за полтора мѣсяца впередъ; въ противномъ случаѣ лишается всѣхъ заработанныхъ денегъ» (Эрисманъ, 79—80).

Въ правилахъ фабрики Кауленъ есть, между прочимъ, такое условіе: «На работу фабричные и мастеровые обоого пола и всякаго возраста должны являться не позже пятнадцати минутъ послѣ звонка, подъ опасеніемъ записки въ сей расчетной тетради взысканія съ нихъ той платы, которая причитается имъ за цѣлый рабочій день, а въ случаѣ прогула цѣлаго дня запи-

сывается въ сей разсчетной тетради взысканіе, равняющееся цѣнѣ трехъ рабочихъ дней» (ib., 103).

Въ ремонтной мастерской Волжско-Тверскаго пароходства рабочіе опутаны еще болѣе чудовищными условіями:

4 пунктъ. «Жалованье впередъ, до истеченія мѣсяца, я не долженъ требовать, а буду стараться какъ можно болѣе оставлять за конторой».

6 пунктъ. «Служащій въ комп. В.-Тв. пароходства обязанъ приказы, предписанія распорядителей и всѣ дѣйствія пароходства содержать въ тайнѣ отъ публики, неисполненіе чего влечетъ за собою совершенное увольненіе отъ службы».

7 пунктъ. «Я обязуюсь изъ своего жалованья оставлять въ конторѣ ежемѣсячно одну десятую часть, съ тѣмъ, что ежели я самъ откажусь служить въ продолженіи навигаціи, то не вправѣ требовать десятыя части, оставленныя мною въ конторѣ; если-же мнѣ откажетъ отъ службы контора не за провинность какую-либо, а по ненадобности или по окончаніи навигаціи, то контора обязана возратить при разсчетѣ удержанныя десятыя части изъ моего жалованья. Въ случаѣ-же болѣзни моей, засвидѣтельствованной врачомъ или свидѣтелями, контора выдаетъ разсчетъ сполна. Въ случаѣ провинности моей, оставленныя въ конторѣ десятыя части изъ жалованья мнѣ не возвращаются» (ib., 277).

Ничѣмъ не лучше «уставъ» шелко-ткацкой фабрики Фландена:

2. «Никто отъ работы отказаться не можетъ ранѣ условленнаго срока, контора-же имѣетъ право отказать во всякое время».

4. «Всѣ работающіе на заведеніи сзываются 3-мя свистками, по 3-му свистку входъ въ фабрику запирается и не явившійся къ тому времени не впускается болѣе до завтрака».

5. «Рабочіе, не явившіеся до завтрака, платятъ 50 к. штрафу; до обѣда—1 р., и за цѣлый день—2 руб. сер. штрафу».

6. «За ошибки и изьяны на товарѣ, рабочіе платятъ штрафъ по важности учиненнаго убытка, по разсмотрѣнію конторы».

8. «Рабочіе, явившіеся въ нетрезвомъ видѣ на фабрику или контору, платятъ 1-й разъ 1 р., 2-й разъ—2 р. и 3-й разъ—3 руб. штрафу или отсылаются».

9. «За пьянство и шумъ или руганье въ спальняхъ или на дворѣ строго взыскивается штрафъ по 3 р.».

11. «Куреніе табаку въ фабричномъ корпусѣ запрещено; провинившіеся платятъ 3 р. штрафу» (ib., 131).

Вторымъ средствомъ къ уменьшенію рабочей платы служитъ то, что только часть ея выдается деньгами, а все остальное—

съѣстными припасами и другими товарами, потребными рабочему. На одномъ только этомъ оборотѣ сибирскіе золотопромышленники наживаютъ 200, 400, даже 600⁰/₁₀. Даже на такихъ первоклассныхъ фабрикахъ, какъ хлудовская въ Ярцевѣ, жалованье выдается не деньгами, а товаромъ. То-же самое дѣлается на многихъ петербургскихъ фабрикахъ. Въ шляпномъ производствѣ подольскаго уѣзда большинство хозяевъ расплачивается съ мастерами не деньгами, а продуктами, причемъ послѣдніе всегда ставятся въ счетъ на 10—20 процентовъ выше противъ рыночныхъ цѣнъ; такъ, напр., за пудъ муки вмѣсто 85 коп. хозяева берутъ съ своихъ мастеровъ по 1 руб.; за 10 фунтовъ соли вмѣсто 20 к.—30 к., за четвертку чаю вмѣсто 35 к.—50 к. и т. д. Рабочіе крайне недовольны такимъ способомъ расплаты, но по необходимости должны подчиняться ему, такъ-какъ иначе имъ пришлось-бы долго ждать денежной расплаты за свой трудъ. Надобно замѣтить, что хозяева не имѣютъ открытой торговли, а держатъ провизію только для расплаты съ своими мастерами, увеличивая этимъ путемъ размѣръ своей предпринимательской прибыли. Только очень немногіе хозяева не придерживаются этой системы, а расплачиваются съ своими мастерами всегда наличными деньгами; большинство-же выдаетъ деньги только въ томъ случаѣ, когда онѣ требуются на оброкъ или на обувь (Сборникъ стат. свѣд. по московской губерніи, VI, 214—215). Въ Черниговской губерніи, въ селѣ Клинцахъ, крестьяне, наиболѣе зажиточные, завели суконныя фабрики и сильно эксплуатируютъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, къ которымъ они относятся съ явнымъ презрѣніемъ и называютъ ихъ «хохлами». Вмѣсто денегъ за работу, часто навязываютъ имъ бракованное сукно по 1 р. 20 к. за аршинъ, тогда-какъ небракованное сукно того-же сорта стоитъ не дороже 1 р. за аршинъ. Работникъ продаетъ это сукно по 80 коп. за аршинъ, а нерѣдко и совсѣмъ не можетъ сбыть его. Кромѣ того, различные припасы, напримѣръ: муку, крупу, постное масло, соль и проч., рабочіе обязаны покупать у хозяина фабрики по возвышеннымъ цѣнамъ, сравнительно съ рыночными.

По поводу хозяйскихъ лавочекъ на фабрикахъ владимірской губерніи губернский гласный Куликовъ говорилъ, однажды, въ земскомъ собраніи: «Душевно сочувствую труду рабочихъ фабричныхъ и не менѣе порицаю тѣхъ фабрикантовъ-хозяевъ, которые извлекаютъ неблаговидно отъ арендаторовъ фабричныхъ лавочекъ излишній ⁰/₁₀, ложащійся всею тяжестью на безотвѣтный рабочий трудъ, послѣдствія коего по пословицѣ «толочь воду на воеводу». Изъ личныхъ моихъ наблюденій мнѣ извѣстно, что хозяева-фабриканты довели цѣну аренды за лавочки до 4,000 р.;

такая почтенная цѣна, безъ сомнѣнія, отнимается у рабочихъ рукъ, и надо предполагать, что въ такомъ-же размѣрѣ благородно пользуется за свои хлопоты и арендаторъ. Если зло это недоступно уничтожить самому рабочему люду, то мы, представители земства и сословія, почему-же не сочувствуемъ угнетенной нуждѣ? Намъ нерѣдко доводилось слышать о ропотѣ рабочихъ и плачевныхъ послѣдствіяхъ этого люда. Главный источникъ къ жизни рабочаго класса въ нашей губерніи отъ заработка на фабрикахъ и заводахъ, но какойже остается % заработка, когда рабочій переплачиваетъ за все въ лавочку, а на сторони купить не можетъ изъ боязни штрафа и недачи деньгами» (Земск. Сб. 1872, VI, 202). Въ клинскомъ уѣздѣ рабочіе сплошь и рядомъ тоже обязаны забирать всѣ припасы изъ хозяйскихъ лавокъ по страшно дорогой цѣнѣ, какъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

	Цѣны въ г. Клинѣ.	Цѣны въ хоз. лавкахъ.
Крупа гречн. мѣра.	1 р. 40 к.	2 р. — к.
Пшено пудъ.	1 » 60 »	1 » 80 »
Мука 1 сортъ ф.	7 »	8 »
Сахаръ фунтъ	18 »	25 »
Свѣчи фунтъ.	20 »	23 » (Эрисманъ, 83, 142).

Такъ какъ хозяева закупаютъ товары оптомъ, то ихъ барыши по операциіи въ дѣйствительности выше приведенныхъ цифръ. Независимо отъ безсовѣстной эксплуатаціи, какой подвергается въ хозяйскихъ лавочкахъ рабочій, отъ страдаетъ отъ нихъ еще и въ другомъ отношеніи—заборъ по книжкѣ замедляетъ окончательный расчетъ. Вотъ, напр., что рассказываетъ г. Эрисманъ о фабрикѣ Балина: «Расчетъ съ рабочими производится конторой ежемѣсячно, во второй половинѣ каждаго мѣсяца; я видѣлъ книжки рабочихъ, послѣ 20-го сентября еще не получившихъ расчетъ за августъ. По заявленію конторы, производство расчета задерживается тѣмъ, что по окончаніи каждаго мѣсяца прежде всего долженъ быть сдѣланъ расчетъ по харчевой лавкѣ, въ которой рабочіе забираютъ съѣстные припасы въ кредитъ. Нельзя умолчать здѣсь о томъ, что, по словамъ конторщиковъ, не только служащіе, но и рабочіе нерѣдко получаютъ расчетъ купонами процентныхъ бумагъ, иногда еще даже не вышедшими, такъ-что рабочіе, при размѣнѣ ихъ, терпятъ убытокъ» (ib., 81). При такихъ порядкахъ большинство рабочихъ остается въ вѣчной кабалѣ у хозяевъ и обязано отрабо-

тывать свои неоплатные долги. На сахарномъ заводѣ Лозеля, Подольской губерніи, рабочіе въ 1877 году заключили условіе, въ которомъ говорится, что прежде полученія платы обычнымъ путемъ, рабочіе должны сначала отслужить долги и штрафныя деньги, оставшіяся отъ прошлаго года, а также пополнить убытки за побѣги, судебныя издержки и гербовыя пошлины. Интересно, что заводъ, кромѣ возмѣщенія своихъ долговъ, беретъ еще за нихъ проценты—работою, конечно, и притомъ въ огромномъ размѣрѣ. Въ условіи должники раздѣлены на два разряда: задолжавшіе отъ 10 коп. до 6 руб. и отъ 6 до 20 руб. Первые обязываются проработать бесплатно одинъ мѣсяць, а вторые—1½ мѣсяца: это за одни проценты; потомъ самый долгъ отрабатывается своимъ порядкомъ. Теперь, если принять среднюю величину долга для перваго разряда даже въ 4 руб. (что выйдетъ больше арифметическаго средняго между 10 коп. и 6 руб.), то мѣсячная работа, оцѣниваемая обыкновенно въ 6 руб., составитъ на нихъ цѣлыхъ 150%!!

Въ другомъ мѣстѣ мы уже подробно говорили, что большинство кустарей находится въ кабалѣ у кулаковъ, и то-же самое слѣдуетъ сказать о фабричныхъ рабочихъ. На мелкихъ ткацкихъ фабрикахъ клинскаго уѣзда, напр., ткачи нанимаются безъ опредѣленныхъ условій, кромѣ условленной заранее цѣны за выработанный товаръ, и съ тѣмъ, чтобы ткачъ не уходилъ отъ хозяина, не отработавъ взятую основу. Весьма часто ткачъ, вмѣстѣ съ первой основой, беретъ у хозяина и нѣсколько денегъ впередъ, либо на уплату податей или на покупку какихъ-нибудь жизненныхъ потребностей, либо на выпивку. Этотъ долгъ хозяину, который обыкновенно со временемъ не уменьшается, а постоянно увеличивается, вполнѣ отдаетъ рабочаго въ руки работодателя, и ткачу, разъ запутавшемуся, бываетъ очень трудно выбраться изъ этой кабалы и разсчитаться съ хозяиномъ. Для хозяевъ-же, хотя при этомъ иногда у нихъ и пропадаютъ небольшія суммы, эта операція, тѣмъ не менѣе, не безвыгодна на томъ основаніи, что она, превращая рабочаго болѣе или менѣе въ раба и не позволяя ему перейти на другую фабрику, даетъ хозяину возможность безграничной эксплуатаціи рабочей силы (Эрисманъ, 152—3).

На заводѣ Сергѣева «рабочіе большею частью находятся въ долгу у хозяина» (ib., 289). На заводѣ Борисова «рабочіе забираютъ у хозяина деньгами, въ теченіи года, сколько имъ нужно, а въ концѣ года производится расчетъ, причемъ, по заявленію самого владѣльца завода, всегда оказывается, что рабочіе должны ему, а не онъ рабочимъ» (ib., 299). На заводѣ Антонова,

по заявленію владѣльца, рабочіе забираютъ къ Пасхѣ рублей 20 или 30 впередъ, а затѣмъ уже поневолѣ остаются на заводѣ на весь годъ» (ib., 302). На заводахъ Симонова, Сидорова, Михайлова и Тимофѣева «рабочіе большею частью забираютъ деньги впередъ, и при расчетѣ обыкновенно оказывается, что они должны хозяину, а не хозяинъ имъ. Забранныя впередъ деньги рабочіе, главнымъ образомъ, употребляютъ на уплату податей или на покупку съѣстныхъ припасовъ для своихъ семей» (ib., 314). Эта кабала рабочаго нигдѣ такъ не свирѣпствуетъ, какъ въ Сибири на золотыхъ приискахъ, на которыхъ десятки тысячъ рабочихъ за свой каторжный трудъ въ большинствѣ случаевъ не получаютъ въ сущности ничего и только наживаютъ неоплатные долги хозяевамъ.

Прииски создали настоящихъ артистовъ, какъ покойный Лавровскій или Константинъ Полежаевъ, о которомъ енисейскій корреспондентъ «Камско-Волжской Газеты» 1873 г. рассказалъ изумительныя вещи. Этотъ баринъ, не довольствуясь рабочими, состоящими почти исключительно изъ ссыльныхъ, началъ контрактывать рабочія артели изъ Россіи. Такая богатая артель, обязанная круговой порукой, за все и про все должна была платить штрафы и неустойки и всѣ товары, даже сѣно, получать отъ хозяина съ приплатами до 600% противъ существующихъ цѣнъ! Черезъ годъ работы всѣ деньги артели, все ея имущество, лошади, сбруя и т. д. очутились въ распоряженіи Полежаева.

Наши фабриканты и заводчики не считаютъ себя обязанными хотя сколько-нибудь позаботиться о сохраненіи жизни и здоровья рабочихъ. На Западѣ законодательство давно уже обязало фабрикантовъ не допускать такихъ вредныхъ работъ, безъ которыхъ можно обойтись, и располагать машины такъ, чтобы онѣ не могли убивать и калѣчить рабочихъ. У насъ-же ничего подобнаго нѣтъ. Недавніе пожары нѣсколькихъ московскихъ фабрикъ и петербургской Шапшала показали, что фабриканты не принимаютъ даже надлежащихъ мѣръ отъ огня и подвергаютъ своихъ рабочихъ опасности сгорѣть живо. На одной изъ лучшихъ писчебумажныхъ фабрикъ Петербурга, вертикальная труба, по которой бумажная масса проходитъ чрезъ всѣ три этажа, чистится женщинами, которыя, раздѣвшись до-нага, садятся въ мѣшки и, опускаясь въ нихъ по трубѣ, своими плечами и боками обтираютъ стѣны ея отъ налипшей массы. Все ихъ тѣло покрыто ссадинами, сыпью, коростами. Самые способы работъ въ многихъ случаяхъ угрожаютъ жизни рабочаго.

Вотъ, напр., какъ по разсказу члена рязанской земской управы добываютъ жерновой камень въ данковскомъ уѣздѣ: «Артель

ощупываетъ камень особеннымъ щупомъ или буромъ и, удостоившись въ его присутствіи, начинаетъ рыть яму, дорывается до камня и, продолбивъ его, всыпаетъ въ сдѣланное отверстіе нѣсколько фунтовъ пороху; тогда въ артели выбирается смѣльчакъ и отправляется зажигать порохъ. Онъ прощается со всѣми и на проводахъ товарищи угощаютъ его виномъ. И есть причины прощаться. Зажиганіе пороха дѣлается такъ: берется желѣзная лопата съ жаромъ, и изъ рукъ бросается огонь въ порохъ. Часто зажигающій погибаетъ или приходитъ искалѣченнымъ, но еще чаще русское авось вывозить, и тогда нѣтъ конца торжеству. Виновику его предоставляется право второго выбора изъ всѣхъ имѣющихъ быть добытыми камней, такъ-какъ первый выборъ принадлежитъ цѣловальнику, который давно уже купилъ лучшій камень рублей за 12, далъ впередъ деньги и, получивъ его, черезъ годъ продаетъ за 90 рублей. Разорвавъ каменное гнѣздо, артель устраиваетъ ступенями спускъ въ яму и начинаетъ подрываться подъ отдѣльные куски камня, развороченные взрывомъ. Земля при этомъ передается наверхъ со ступеньки на ступеньку. Если оторванный кусокъ слишкомъ великъ, то его отсѣкаютъ желѣзными клиньями. Когда кусокъ достаточно окопанъ, его поддѣваютъ веревками и воротомъ вытаскиваютъ наружу. Тамъ уже окончательно обдѣлываютъ камень посредствомъ клиньевъ и клюва (остраго молотка) и придаютъ ему форму жернова. Очень часто въ ямѣ случаются обвалы, придавливающіе рабочихъ, и въ Остромъ Камнѣ я видѣлъ одного искалѣченнаго такимъ образомъ» (Докл. о ревиз. уѣзд. I, 106).

То-же самое видимъ и на большихъ фабрикахъ. На бумагопрядильныхъ клинскаго уѣзда пріемные валики на трепальныхъ и чесальныхъ машинахъ недостаточно защищены, и пальцы или руки рабочихъ, разстилающихъ хлопокъ на трепальныхъ машинахъ или поправляющихъ «холстъ» на чесальныхъ машинахъ, при малѣйшей неосторожности со стороны рабочаго или при слишкомъ большомъ усердіи его, чрезвычайно легко могутъ быть захвачены пріемными валиками. Кромѣ того, въ мастерскихъ не вывѣшено объявленіе о томъ, что рабочимъ не позволено чистить или смазывать машины на ходу, такъ-что нерѣдко даже болѣе или менѣе прикрытыя шестерни, въ особенности на чесальныхъ машинахъ, даютъ поводъ къ поврежденіямъ пальцевъ во время чистки или смазки ихъ (Эрисманъ, 78).

На фабрикѣ Грегори за паровой машиной и котломъ, до взрыва послѣдняго, спеціальнаго надзора вовсе не было; по заявленію управляющаго, котель даже не былъ осмотрѣнъ губернскимъ механикомъ въ теченіи 9 лѣтъ, предшествовавшихъ

взрыву (ib., 123). На сандальной мельницѣ Неокладнова очевидно опасность поврежденій рабочихъ машинами и разбрасываемыми во всѣ стороны щепками сандального дерева при разщепленіи его на рѣзкахъ; работающіе на послѣднихъ могутъ легко попадать руками подъ зубцы рѣзокъ. Отсутствие всякой преграды, которая могла-бы предотвратить разбрасываніе щепокъ по мастерской, увеличиваетъ опасность механическихъ поврежденій (ib., 249). На маслобойнѣ Ильина — «явная опасность получить поврежденіе рукъ при размѣшиваніи сѣмени во время помола: стоитъ только рабочему на минутку забытья, напрымѣръ, въ разговорѣ, и не убрать руку заблаговременно, для того, чтобы бѣгунъ безошадно прошелъ черезъ нее» (ib., 260).

Комиссія, осматривавшая петербургскія фабрики, говоритъ: «Исслѣдованіе это обнаружило множество недостатковъ, какъ въ устройствѣ фабричныхъ помѣщеній, такъ и во внутреннемъ порядкѣ, принятомъ на фабрикахъ. Большая часть осмотровенныхъ фабрикъ тѣсны, неопрятны и лишены необходимой вентиляціи; опасныя части машинъ не ограждены, какъ-бы слѣдовало; рабочіе допускаются къ машинамъ безъ объясненія имъ свойствъ механизмовъ; дѣти изнуряются чрезмѣрною работою днемъ и даже ночью; обращеніе съ малолѣтними грубо и жестоко; на фабрикахъ, производящихъ вещества, вредно дѣйствующія на здоровье рабочихъ, не принимается никакихъ предохранительныхъ мѣръ; интересы людей, подвергающихся увѣчьямъ, не обезпечены никакими положительными постановленіями». Оттого-то мы и читаемъ въ газетахъ извѣстія такого рода:

На суконной фабрикѣ Лазарева работница 37-ми лѣтъ, проходя мимо шестеренъ нагонной машины, задѣла за нихъ платьемъ и, силясь освободить его, попала въ шестерни рукою, причѣмъ повредила 4 пальца; *шестерни не были покрыты футляромъ.*

На аппретурной и красильной фабрикѣ Либиша, рабочій 33-хъ лѣтъ, оступившись, попалъ между маховымъ колесомъ и станкомъ и вслѣдствіе полученныхъ поврежденій умеръ; *маховое колесо не было огорожено.*

На суконной фабрикѣ Лазарева рабочій-стригачъ, желая вывести изъ мертваго положенія шатунъ паровой машины, всталъ на спицу махового колеса и тяжестью своего тѣла привелъ колесо въ движеніе, причѣмъ упалъ, оставя ногу въ спицѣ колеса; обѣ ноги были переломлены, отчего и послѣдовала смерть. (Повертываніе махового колеса должно производиться помощію рычага, а не руками или тяжестью тѣла рабочихъ, какъ это дѣлается на этой фабрикѣ).

На красильной фабрикѣ Щербаковыхъ 16-ти-лѣтній рабочій

былъ втянуть за полы одежды въ *непокрытыя шестерни* колотильной машины и раздавленъ до смерти.

На аппретурной фабрикѣ Боргестъ 12-ти-лѣтній мальчикъ, поступившій незадолго до несчастія на эту фабрику, попалъ ногою на валъ, проходящій подъ поломъ, вслѣдствіе того, что одна изъ короткихъ досокъ, составляющихъ полъ, была снята, и ему оторвало лѣвую ногу до колѣна. Несчастіе это произошло отъ *несоблюденія правилъ предосторожности на этой фабрикѣ*.

Положеніе несчастныхъ искалѣченныхъ поистинѣ ужасно. Во владимірской губерніи узуродованные, искалѣченные рабочіе прогоняются съ фабрикъ и ведутъ жалкую жизнь, не возбуждая ни въ комъ состраданія, «за исключеніемъ развѣ добровольныхъ подаваній и участія ближнихъ родственниковъ, которые и сами нуждаются въ средствахъ существованія» (Сб. 1877, IX, 38). Объ этомъ заявляли шуйская управа и гласный вязниковскаго собранія Куликовъ (Журн. 1871, 7), но эти заявленія, чтобы «не причинить безпокойства гг. фабрикантамъ», переданы въ комиссію, и вопросъ затихъ. Шуйское земство и богатая Шуя не хотятъ даже устроить богадѣльни и больницы для своихъ рабочихъ, «которые разносятъ въ настоящее время по своимъ домамъ заразительныя болѣзни, въ особенности сифились и тифъ, требующіе госпитальнаго леченія». (Ж. Губ. С. 1867, 395; Сб. 1876, XIII, 139; 1877, IX, 43).

Или вотъ что писалъ въ 1879 г. одинъ газетный корреспондентъ изъ Серпухова: «Въ концѣ лѣта на фабрикѣ купца Хуторева произошелъ несчастный случай: у рабочаго мальчика Семена Никифорова оторвало руку. Мать этого несчастнаго подала мировому судѣ жалобу и просила взыскать съ Хуторева 500 руб. за увѣче сына, поддерживавшаго своимъ жалованьемъ семью. На дняхъ было назначено разбирательство по этому дѣлу. Никифоровъ (на видъ ему лѣтъ 12, худъ, блѣденъ, забитъ) далъ на судѣ слѣдующее показаніе: «Живу я на фабрикѣ уже 3 года, съ 12-ти лѣтъ. Сперва я нанялся туда трепать шерсть на трепальной машинѣ, гдѣ уже были другіе мальчики, но работа эта была мнѣ не подъ силу, потому-что была на три аппарата; потомъ заставили меня таскать шерсть на второй этажъ, взваливали на плечи по полпуда, а за малѣйшую неисправность жестоко били; не проходило дня, чтобы насъ не колотили. Жалованья положили мнѣ въ мѣсяцъ на моихъ харчахъ пять рублей; работали мы, дѣти, посмѣнно, днемъ по 13 часовъ, а потомъ въ ночную смѣну съ 8-ми часовъ вечера до 4-хъ часовъ утра. Отдѣльныхъ помѣщеній у насъ нѣтъ, и спимъ мы въ шерсти, въ ящикахъ. Спустя нѣсколько времени, насъ поставили на щипал-

ку, которая очищает шерсть; тутъ я работалъ мѣсяцевъ шесть. Здѣсь насъ били и стегали ремнями. Харчи хозяинъ отпускалъ изъ своей лавки въ долгъ, а потомъ вычиталъ изъ жалованья. Я нѣсколько разъ просилъ, чтобы мнѣ дали другую работу, такъ какъ эта мнѣ не по силамъ. Ночью, наканунѣ несчастія, меня сильно избилъ мастеръ Волковъ; потомъ въ ту-же-ночь меня отдули въ другой разъ за то, что у щетки чѣмъ-то вырвало кусокъ щетины; въ третій разъ тогда-же избилъ меня мастеръ Волковъ уже въ полночь, послѣ чего я въ изнеможеніи заснулъ. Скоро меня разбудилъ смѣнщикъ и заставилъ выбирать изъ машины соръ, выбрасываемый отбойною машиной. Испугавшись его крика и опасаясь получить новые побои, я съ просонокъ бросился къ машинѣ, и тутъ-же правая рука моя попала въ отбойную щетку, которая защемила правую руку выше кисти. Я закричалъ отъ страшной боли, а мастеръ, подходя ко мнѣ и сильно ругаясь, остановилъ машину. Но я все-таки не могъ освободить руки, такъ-какъ ее перешибло щеткой. Волковъ пошелъ тогда за ключемъ, чтобы отвинтить гайку, но принесъ не тѣ ключи и пошелъ за другими, между тѣмъ какъ рука моя все еще была защевлена въ машинѣ, что продолжалось минутъ десять. Докторъ отнял у меня правую руку черезъ четыре дня».

Независимо отъ этихъ убійствъ и калѣченій почти всѣ безъ исключенія русскіе заводы и фабрики быстро разрушаютъ здоровье рабочихъ своею смертоносною обстановкою. «По внѣшнему виду, говоритъ Эрисманъ,—рабочіе подходятъ подъ общій типъ фабричныхъ рабочихъ, который значительно отличается отъ типа рабочаго хлѣбопашца: они плохо упитаны, лишены свѣжаго цвѣта лица, съ отпечаткомъ какъ-бы вѣчной усталости, и рано старятся; послѣднее явленіе всего болѣе бросается въ глаза у женщинъ, которыя, кромѣ того, весьма часто обнаруживаютъ признаки сильнаго малокровія. Особенно жалкій и положительно внушающій состраданіе видъ представляютъ, почти безъ исключенія, малолѣтніе: даже имѣя сравнительно легкую работу, не требующую значительнаго физическаго напряженія, они крайне изнурены, съ блѣдными лицами и впалыми щеками; многіе изъ нихъ являются истинными страдальцами; работающіе недавно на фабрикахъ—во всѣхъ отношеніяхъ свѣжѣе и бодрѣе другихъ» (Эрисманъ, 87). На мелкихъ ткацкихъ фабрикахъ «внѣшній видъ ткачей имѣетъ много общаго съ видомъ фабричныхъ рабочихъ вообще: всего больше поражаетъ блѣдный и даже желтоватый цвѣтъ лица, замѣчаемый даже у тѣхъ рабочихъ, которые, въ общемъ, хорошо упитаны. Сами ткачи говорятъ, что зимой они всегда худѣютъ («сохнутъ»), какъ они выражаются) и

сильно утомляются, а лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, значительно поправляются. Плохо упитанные субъекты чаще всего встрѣчаются между малолѣтками, блѣдныя лица и исхудалое тѣло которыхъ положительно вызываютъ жалость. Трудно сказать, что больше виновато въ этомъ хроническомъ разстройствѣ организма рабочихъ,—недостаточное-ли питаніе или условія труда; всего естественнѣе предположить, что оба эти момента дополняютъ другъ друга и что роковое дѣйствіе ихъ идетъ рука объ руку» (ib., 156). И вездѣ одно и то-же!

Но кромѣ этой общей истощенности рабочаго люда, онъ страдаетъ еще отъ множества специфическихъ болѣзней, прививаемыхъ ему дурно обстановленнымъ мастерствомъ. Вотъ что, напримеръ, говорилъ однажды во владимірскомъ земскомъ собраніи одинъ гласный о личильщикахъ въ желѣзномъ производствѣ: «Люди, занимающіеся этою работою, несмотря на то, что во время работы такъ завязываются, что одни глаза остаются не закрытыми, поголовно получаютъ въ короткое время злую чахотку и мрутъ какъ мухи, рѣдко доживая до 30-ти-лѣтняго возраста, а если и переживаютъ этотъ періодъ жизни, то слѣпнуть, несмотря на все искусство снимать съ глаза подтачиваніемъ иглою приставшій осколокъ стали или желѣза. Въ одной дер. Лѣсниковой осталось 40 вдовъ послѣ личильщиковъ, въ сосѣднихъ съ оною еще болѣе—но этого мало; оставшіяся послѣ умершихъ чахоткою личильщиковъ сироты-дѣти остаются съ наслѣдствомъ чахотки отцовъ. А изъ этого видно, что дѣло лichenія, съ одной стороны, очень полезное, съ другой—хуже всякой эпидеміи, потому-что подвергнувшіеся оной только сами умираютъ, но не оставляютъ гибельнаго наслѣдства потомству; а личильщики, поголовно почти умирая, не доживши своего вѣка, дѣлаютъ и дѣтей своихъ наслѣдниками своей гибели,—это ужасно! И потому, боясь суда Божія и человѣческаго, я слагаю съ своей совѣсти грѣхъ оставленія ближняго въ безвыходной бѣдѣ и святымъ долгомъ считаю объяснить о семъ земской управѣ для доклада земскому собранію, дабы оно приняло мѣры къ предохраненію рабочихъ отъ вдыханія желѣзной и каменной пыли посредствомъ предложенія преміи за приобрѣтеніе какого-либо аппарата, могущаго спасти выгодно работающихъ, или, по-крайней-мѣрѣ, дозвать, какъ предохраняютъ себя отъ преждевременной злой смерти англійскіе, французскіе и берлинскіе личильщики» (Влад. З. Сб. 1874, III, 178).

Въ кузницахъ Уломы искры при ковкѣ сыплются градомъ и все бѣлье кузнецовъ (въ которомъ они работаютъ), обыкновенно, бываетъ покрыто прожогами; на это, конечно, не обращает-

ся никакого вниманія; весьма нерѣдко онѣ попадаютъ въ глаза и производятъ воспаленіе роговицы и конъюнктивы, а иногда и радужной оболочки со всѣми послѣдствіями: помутнѣніями роговицы, сращеніями радужной оболочки, а иногда и потерю зрѣнія отъ травматическихъ катарактъ и паносталмитовъ. На стеклянныхъ заводахъ «общій видъ мастеровъ, задѣльщиковъ и мальчиковъ—болѣзненный, изнуренный; часто встрѣчаются признаки сильной анеміи. Большинство этихъ рабочихъ носитъ на себѣ отпечатокъ утомительнаго и заѣдающаго силы труда; по заявленію приказчика, между мастерами и ихъ помощниками нѣтъ ни одного вполне здороваго человѣка. Наиболее свѣжій и здоровый видъ представляютъ рабочіе въ гончарной, чернорабочіе и вообще всѣ, не принимающіе участіе въ выработкѣ стекла. Что касается специальныхъ болѣзней, зависящихъ отъ самого производства, то намъ удалось узнать, что двое рабочихъ страдаютъ паховой грыжей, пріобрѣтенной вслѣдствіе сильной натуги при работѣ; многіе жалуются на частую головную боль, являющуюся при работѣ около плавильныхъ печей особенно лѣтомъ; далѣе—на боль въ груди, очевидно нерѣдко обусловливаемую болѣзненными измѣненіями органовъ грудной полости. Очень часто бываютъ ожоги отъ горячаго, расплавленнаго стекла, и рабочіе считаютъ ихъ до такой степени обыкновеннымъ явленіемъ, что не обращаютъ на нихъ никакого вниманія» (Эрисманъ, 174).

Главные причины этихъ страданій, по мнѣнію Эрисмана, слѣдующія: 1) *Сильное напряженіе дыхательныхъ органовъ*, какъ грудныхъ мышцъ, такъ и самаго легкаго, при выработкѣ посуды. Напряженіе это до такой степени значительно, что рабочіе съ слабой грудью вовсе не въ состояніи долго продолжать работу выдуванія стекла. Даже у первоначально здоровыхъ людей скоро является боль въ груди, по всей вѣроятности нерѣдко сопровождаемая серьезными страданіями легкихъ (хроническіе бронхиты, эмфизема). Другимъ послѣдствіемъ напряженнаго состоянія грудныхъ и брюшныхъ мышцъ, во время выработки посуды, и послѣдовательнаго давленія на внутренніе органы, являются грыжи и неправильности кровообращенія въ органахъ живота и въ нижнихъ конечностяхъ; застой крови въ ногахъ еще усиливается отъ постояннаго стоянія при работѣ, подѣ влияніемъ котораго образуются варикозные узлы съ опуханіемъ ногъ и т. д.

2) *Неправильный образъ жизни*, къ которому рабочіе принуждены вслѣдствіе отсутствія порядка въ распредѣленіи рабочаго дня, такъ-какъ время работы и отдыха зависитъ отъ того, сколько часовъ потребуется для сплавленія стеклянной массы. Отсутствіе опредѣленнаго времени для работы, для сна, для ѣды и т. д.

должно неминуемо повлечь за собой сильное утомление, разстройство питания и изнурение организма.

3) *Сильная жара, а въ особеннoсти чрезмѣрная лучистая теплота вблизи плавильной печи, и неравномѣрность температуры въ гутѣ.* По заявленію какъ мастеровъ, такъ и арендатора завода, лѣтомъ, во время выработки посуды, жара около печи бываетъ до такой степени невыносима и мучительна, что мастера и задѣльщики весьма часто (черезъ каждыя 2 или 3 часа) бросаются въ воду для охлажденія чрезмѣрно-разгоряченнаго тѣла и, кромѣ того, употребляютъ въ питье большія количества холодной воды. Зимой-же рабочіе страдаютъ менѣе отъ жары, нежели отъ чрезвычайно-неравномѣрной температуры въ гутѣ, при которой, съ одной стороны, тѣло жарится отъ лучистой теплоты плавильной печи, съ другой-же стороны вѣетъ страшнымъ холодомъ, такъ-какъ внутренность гуты вполне доступна вѣтру и холодному наружному воздуху.

4) *Известковая и песчаная пыль,* развивающаяся въ большомъ количествѣ при приготовленіи и размѣшиваніи состава для стекла. Самая ѣдкая и вредная пыль получается при разбиваніи и просѣваніи извести; она вызываетъ постоянный кашель, несмотря на то, что рабочіе завязываютъ ротъ и носъ. Песчаная пыль раздражаетъ дыхательные органы замѣтно меньше известковой. Какъ упомянуто выше, рабочія помѣщенія не снабжены никакими приспособленіями, ни для предотвращенія образования пыли и перехода ея въ воздухъ мастерскихъ, ни для удаленія ея оттуда путемъ вентиляціи.

5) *Опасность получить ожоги* отъ падающихъ на руки или на другія части тѣла капель расплавленнаго стекла.

6) *Опасность для мальчиковъ, бѣгающихъ по гутѣ, для уборки выработанной посуды, падать и проваливаться въ подпольные ходы,* вслѣдствіе неровностей пола и недостаточнаго освѣщенія гуты. Чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ быстро должны бѣгать эти мальчики и какъ мало они имѣютъ времени смотрѣть себѣ подъ ноги, надобно припомнить, что мастеръ, въ теченіи 9 часовъ, можетъ выработать до 500 штукъ посуды, которая вся убирается однимъ мальчикомъ, постоянно шныряющимъ взадъ и впередъ между плавильной печью и калильной или тянущей печами (ib. 174—7).

На спичечныхъ фабрикахъ, на которыхъ работаютъ, главнымъ образомъ, дѣти, устройство большею частію самое первобытное; фосфорные, сѣрные и стеариновые пары безпрепятственно распространяются по всей фабрицѣ, такъ-что отъ нихъ страдаютъ даже рабочіе, занятіе которыхъ исключаетъ всякое

участіе въ обращеніи съ фосфорной массой, какъ, напр., наваты-вальщики и мазальщики. Наконецъ, небрежное отношеніе фабриканта къ опасностямъ, угрожающимъ здоровью рабочихъ, явствуетъ и изъ полнѣйшаго отсутствія мало-мальски удовлетворительной искусственной вентиляціи мастерскихъ, вслѣдствіе чего рабочіе, даже зимой, часто бываютъ вынуждены открывать всѣ двери настѣжъ, чтобы хотя немного содѣйствовать удаленію изъ мастерскихъ вредной атмосферы и подышать свѣжимъ воздухомъ (ib., 181). Большая часть рабочихъ страдаетъ здѣсь костоѣдой зубовъ, пораженіемъ надкостницы, опухолью десенъ (ib., 195).

На зеркальныхъ заводахъ, «у всѣхъ рабочихъ замѣчаются признаки хроническаго ртутнаго отравленія, въ болѣе или менѣе значительной степени: общій видъ рабочихъ въ высшей степени болѣзненный, худосочный; цвѣтъ лица блѣдный, съ сѣроватымъ оттѣнкомъ; питаніе тѣла плохое; десны опухшія; отъ времени до времени является слюнотеченіе; руки дрожатъ. Всего интенсивнѣе признаки ртутнаго отравленія обнаруживаются у подводчика: кромѣ сѣраго цвѣта лица и опухоли десенъ, у него замѣчается довольно сильное дрожаніе рукъ; отъ времени до времени болѣзненное состояніе усиливается до такой степени, что онъ бываетъ вынужденъ совершенно прекратить работу на нѣкоторое время, причѣмъ мѣсяца черезъ 2, 3, признаки отравленія исчезаютъ настолько, что онъ опять можетъ взяться за работу; къ медицинской помощи онъ никогда не прибѣгалъ; своимъ дѣломъ онъ занимается уже 12 лѣтъ.

«Но и другіе рабочіе сильно страдаютъ отъ ртутныхъ паровъ: у питомца, работающаго на заведеніи уже 7-й годъ, замѣчается незначительное дрожаніе рукъ; десны опухшіе, питаніе тѣла плохое. У другого задѣльщика, мужчина 48 лѣтъ, занимающагося уже 9 лѣтъ въ зеркальныхъ заведеніяхъ, обнаруживается значительное дрожаніе рукъ, общій упадокъ питанія и дурной запахъ изо рта; десна синеватаго цвѣта, опухшая; кромѣ того, онъ страдаетъ хроническимъ катарромъ дыхательныхъ путей» (ib., 199.—200).

На войлочныхъ заводахъ общій видъ рабочихъ неудовлетворителенъ: они малокровны, изнурены, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. Лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, по ихъ словамъ, они нѣсколько поправляются, но скоро послѣ возвращенія къ работѣ въ войлочныхъ заведеніяхъ они опять начинаютъ «сохнуть». Всего больше они страдаютъ въ началѣ занятій, послѣ лѣтнихъ перерывовъ; у нихъ тогда является сильная головная боль, затѣмъ боль въ груди и кашель. Даже весьма непродолжительные перерывы вызываютъ эти болѣзненные явленія; такъ, напр., въ

понедѣльникъ, или вообще въ первый день послѣ праздника, они чувствуютъ себя нехорошо и работа идетъ вяло. Нѣкоторые изъ рабочихъ страдаютъ хроническимъ катарромъ бронховъ и эмфиземой легкихъ (ib, 206). Кромѣ известковой и шерстяной пыли, развѣвающейся при взбиваніи шерсти въ сѣняхъ и въ мастерской, и толстымъ слоемъ покрывающей полунагое тѣло рабочихъ, весьма вреднымъ для здоровья моментомъ является и быстрый переходъ изъ крайне высокой температуры на морозъ, когда рабочіе изъ сильно нагрѣтой мастерской, босыми ногами и безъ штановъ, выходятъ въ сѣни для взбиванія шерсти, или на улицу. Всего пагубнѣе эти неблагоприятныя условія должны отражаться на нѣжномъ организмѣ дѣтей, нерѣдко употребляемыхъ для работы въ войлочныхъ заведеніяхъ (ib, 207). Кромѣ этихъ специфическихъ болѣзней, поражающихъ рабочій людъ, онъ заражается на фабрикахъ сифилисомъ и разноситъ его по своимъ деревнямъ.

Фабрики не устраиваютъ для рабочихъ ни школъ, ни богадѣленъ, ни больницъ. Больные и калѣки выбрасываются на улицу. Больницы, если гдѣ и существуютъ, то стоятъ большею частію для показа, безъ врача, безъ фельдшера, безъ лекарствъ и безъ больныхъ. Вотъ что, напр., рассказываетъ г. Эрисманъ о фабрикѣ Фландена и К^о: «Изъ такъ-называемыхъ общественныхъ учрежденій, на фабрикѣ имѣется, во-первыхъ, баня, за пользованіе которой съ каждаго рабочаго вычитывается 20 коп. въ мѣсяцъ; затѣмъ — трактиръ, содержимый владѣльцемъ фабрики. Наконецъ, при фабрикѣ находится больница. Она устроена въ высшей степени чисто, привѣтливо и даже роскошно, съ желѣзными койками, хорошимъ бѣльемъ, тканевыми одѣялами, хорошенькими столиками возлѣ кроватей, съ библіотекой популярно-медицинскихъ книгъ и аптекой весьма удовлетворительно составленной. Больница состоитъ изъ мужского и женскаго отдѣленій: въ первомъ имѣется пять кроватей, во второмъ — 3. Номинально больница завѣдуется уѣзднымъ врачомъ, который, однако, пріѣзжаетъ только два, три въ годъ. Фельдшера нѣтъ, лекарства отпускаетъ сынъ владѣльца, завѣдующій шелко-ткацкой фабрикой и принявшій на себя лѣченіе больныхъ рабочихъ. При этихъ условіяхъ понятно что больницей, такъ хорошо устроенной, рабочіе вовсе не пользуются; одержимые легкимъ недомоганіемъ остаются въ спальняхъ; тяжело заболѣвшіе отправляются домой; больные сифилисомъ, если объ этомъ узнаетъ контора, получаютъ расчетъ. Особого сбора съ рабочихъ на медицинскую помощь не существуетъ» (ib, 134).

Въ Западной Европѣ, въ началѣ развитія промышленности положеніе фабричныхъ рабочихъ было такъ-же ужасно, какъ у насъ, но тамъ давно уже производъ фабрикантовъ въ значительной степени ограниченъ закономъ и правительственнымъ надзоромъ, облегченъ трудъ женщинъ и дѣтей, введены обязательныя гигиеническія правила, опредѣлена норма рабочихъ часовъ, котлы и машины содержатся такъ, что рѣдко возможны тѣ убійства и калѣченія, которыя на нашихъ фабрикахъ случаются постоянно; въ рабочихъ книжкахъ и фабричныхъ правилахъ обязанности налагаются не на однихъ только рабочихъ и права предоставляются не однимъ только хозяевамъ. Защитить рабочаго отъ хозяина посредствомъ фабричнаго законодательства необходимо, но одной этой защиты мало. Необходимо искоренить ту голодную нищету, которая заставляетъ мужика погибать въ подземельяхъ горныхъ заводовъ, задыхаться въ рыболовныхъ ватагахъ, наживать чахотку на ткацкихъ фабрикахъ, — которая даже маленькихъ дѣтей, беременныхъ женщинъ и неправившихся родильницъ заставляетъ работать въ самой убійственной обстановкѣ часовъ по 15 въ сутки, не добдая, не допивая, не досыпая. Когда земледѣлецъ будетъ въ обезпеченномъ положеніи, онъ разовьетъ свои кустарные промыслы и ничто не заставитъ его идти въ фабричную кабалу, а если онъ и пойдетъ на фабрику, то только за хорошую плату и въ гигиеническую обстановку. Что-же касается фабричнаго законодательства, то пересмотръ его крайне настоятеленъ, особенно въ виду быстраго развитія промышленности. Съ 1860 по 1874 г. въ машиностроительномъ производствѣ сумма дохода съ 7.000,000, дошла до 31.000,000, въ кожевенномъ съ 16.000,000 до 35.000,000, въ бумаготкацкомъ съ 21.000,000 до 57.000,000, въ шерстоткацкомъ съ 8.000,000 до 21.000,000 въ свеклосахарномъ съ 6.000,000 до 43.000,000 и т. д. Съ развитіемъ промышленности, истощается организмъ рабочаго, ухудшается народное здоровье и вся страна болѣе и болѣе подвергается опасности, что вотъ-вотъ нагрянетъ на нее какая-нибудь чума, для которой такъ хорошо подготовлена почва въ деревняхъ и еще лучше въ промышленныхъ городахъ, особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Да, обществу даже прямой расчетъ позаботиться о тѣхъ—

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ.

С. Шапковъ.

НУМА РУМЕТАНЪ.

РОМАНЪ

АЛЬФОНСА ДОДЪ.

ГЛАВА I.

ВЪ АМФИТЕАТРЪ.

Въ это воскресенье, въ знойное июльское воскресенье, по случаю областного конкурса, въ амфитеатрѣ провансальскаго города Апсѣ было организовано большое дневное празднество. Весь городъ былъ въ сборѣ: здѣсь были теачи изъ Новой улицы, аристократія изъ квартала Ла-Каладъ и даже населеніе Бокера. — „По крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ!“ говорила газета „Форумъ“ на слѣдующій день въ своей хроникѣ; но при этомъ необходимо принять во вниманіе южную привычку къ преувеличеніямъ. Во всякомъ случаѣ громадная толпа тѣснилась въ этотъ день на выжженныхъ уступахъ древняго амфитеатра, какъ въ счастливыя времена Антониновъ, и такое необыкновенное стеченіе народа вызвано было совсѣмъ не праздникомъ конкурса. Для того, чтобы оставаться на ногахъ въ продолженіи двухъ часовъ на этихъ раскаленныхъ плитахъ, провести два часа подъ этимъ убійственнымъ солнцемъ, дышать огнемъ и пылью съ запахомъ пороха, рисковать получить воспаленіе глазъ, солнечный ударъ, злокачественную лихорадку, подвергаться всѣмъ опасностямъ, всѣмъ пыткамъ того, что въ этихъ мѣстахъ называется „дневнымъ празднествомъ“, — нужна была болѣе сильная приманка, чѣмъ скачки степныхъ лошадей, единоборство „для мужчинъ и полумужчинъ“,

игры въ *étrangle-chat* *), скаканіе на вздутый, смазанный саломъ, мѣхъ, состязанія въ игрѣ на флейтѣ и на тамбуринѣ, однимъ словомъ—чѣмъ всѣ эти мѣстныя зрѣлища, устарѣвшія болѣе, чѣмъ красноватые камни амфитеатра.

Главную приманкою конкурса былъ Нума Руместанъ.

Да, пословица, гласящая, что „никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ“, конечно, справедлива по отношенію къ художникамъ, къ поэтамъ; соотечественники ихъ всегда послѣдніе признаютъ ихъ превосходство, — правда, превосходство чисто-идеальное и не проявляющееся никакими видимыми эффектами. Но пословица эта отнюдь не примѣнима къ государственнымъ людямъ, къ знаменитостямъ политическаго или промышленнаго міра, къ представителямъ той прочной, доходной славы, которая размѣнивается на милости, на протекціи, которая отражается на городѣ и его жителяхъ въ видѣ всевозможныхъ благъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ Нума, великій Нума, депутатъ, признанный вожакъ всѣхъ фракцій правой, считается пророкомъ въ провансальской землѣ; уже десять лѣтъ городъ Апсъ осыпаетъ своего славнаго сына выраженіями нѣжной любви, всѣми изліяніями, на какія способна мать, и притомъ южная мать, — съ манифестаціями, кривками и жестивулирующими ласками. Лишь только онъ пріѣзжаетъ лѣтомъ, послѣ вакацій въ палатѣ, лишь только онъ появляется на станціи желѣзной дороги, — начинаются оваціи: его уже ждутъ музыкальныя общества съ вышитыми знаменами, развѣвающимися при звукахъ героическихъ хоровъ; носильщики, сидя на ступеняхъ лѣстницы, ожидаютъ, пока старая фамиліальная коляска проѣдетъ разстояніе въ нѣсколько поворотовъ колеса подъ широкими платанами аллеи Бертеръ; затѣмъ они сами берутся за оглобли и везутъ великаго мужа, среди восторженныхъ криковъ и машущихъ шляпъ, вплоть до дома Порталь, гдѣ коляска останавливается. И этотъ энтузіазмъ настолько вошелъ въ традицію и сталъ такою необходимою принадлежностью церемоніала встрѣчи, что лошади сами останавливаются, какъ передъ почтовой станціей, на углу той улицы, гдѣ носильщики обмененно выпрагаютъ ихъ, и никакіе удары кнута уже не въ состояніи-бы были заставить ихъ сдѣлать хоть одинъ шагъ дальше. Съ перваго-же дня фізіономія города совер-

*) Народное названіе небольшой колючей рыбы. *Прим. пер.*

шенно измѣняется: это уже не прежняя мрачная резиденція префекта, съ длинными послѣобѣденными сіестами подь убаяживающіе звуки кузнечиковъ, провзительно трещащихъ на выжженныхъ солнцемъ деревьяхъ бульвара. Даже въ часы солнечнаго зноя улицы, эспланада оживляются и наполняются фигурами людей съ озабоченнымъ, дѣловымъ видомъ, въ визитныхъ шляпахъ и черной, суконной одеждѣ, рѣжущихъ глаза подь яркимъ свѣтомъ солнца. По улицѣ проносятся кареты епископа, президента; за ними слѣдуютъ делегациі предмѣстій, въ которыхъ Руместана обожаютъ за его роаялистскія убѣжденія; занимая всю ширину бульвара, толпами подвигаются депутаціи навивальщицъ, съ смѣлыми лицами, въ арлезіанскомъ головномъ уборѣ. Гостинницы полны деревенскимъ людомъ, фермерами изъ Камарга или изъ Кро; ихъ распряженные телѣги загромаждаютъ маленькія площади и улицы многочелюдныхъ кварталовъ, какъ въ базарные дни; вечеромъ, переполненные народомъ, кафе не запираются до глубокой ночи, а окна Бружка Бѣлыхъ, освѣщенные въ непривычные часы, дрожатъ подь звуками голоса ихъ бога.

Не пророкъ въ своемъ отечествѣ!.. Стоило только взглянуть на амфитеатръ въ это голубое іюльское воскресенье 1875 года, на равнодушіе публики къ тому, что происходило въ циркѣ, на лица, обращенныя всѣ въ одну и ту-же сторону, на перекрестный огонь всѣхъ взглядовъ, сосредоточенныхъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, — на муниципальной эстрадѣ, гдѣ возсѣдалъ Руместанъ среди блестящихъ галунами мундировъ, среди пестраго, натянутого шелка парадныхъ зонтиковъ. Стоило только прислушаться къ разговорамъ, къ восторженнымъ восклицаніямъ, къ наивнымъ замѣчаніямъ добродушнаго городскаго населенія, — то на провансальскомъ нарѣчїи, то на варварскомъ, пропитанномъ чеснокомъ, французскомъ языкѣ, и всегда съ этимъ убійственнымъ, какъ тамошнее солнце, акцентомъ, который отчеканивается, отдѣляетъ каждый слогъ и не пропустить ни единой точки на *i*.

— *Diou! qu'es bėou!!*

— Онъ немного пополнѣлъ съ прошлаго года.

— Это придаетъ ему болѣе важный видъ.

— Не толкайтесь такъ... Хватить мѣста для всѣхъ.

— Дитя мое, видишь нашего Нуму... Когда будешь большой, ты можешь сказать, что видѣлъ его; не правда-ли?

— Все тотъ-же бурбонскій носъ... А зубы, какъ на подборъ.

— И ни одного сѣдого волоса на головѣ...

— Еще-бы!.. Да и годъ его еще не Богъ знаетъ какіе. Вѣдь онъ родился въ тридцать второмъ году, въ томъ самомъ году, когда Луи-Филиппъ уничтожилъ миссіонерскіе кресты; будь онъ проклятъ!

— Ахъ, негодяй этотъ Филиппъ!

— На видъ ему невозможно дать сорока-трехъ лѣтъ.

— Конечно, невозможно... Вотъ тебѣ моя прекрасная звѣзда...

И смѣлымъ жестомъ высокая дѣвушка съ огненными, какъ горящій уголь, глазами, послала ему издали поцѣлуй, звонко раздавшійся въ воздухѣ, какъ крикъ птицы.

— Берегись, Зеть!.. Какъ-бы его жена не увидѣла.

— Которая его жена? Та, что въ синемъ?

Нѣтъ, та, что въ синемъ, была его свояченица, Гортензія, хорошенькая дѣвушка, только-что выпущенная изъ монастыря и уже ѣздившая верхомъ, какъ драгунъ. Мадамъ Руместанъ имѣла болѣе представительный, свѣтскій видъ, но казалась болѣе гордою. Эти парижскія дамы ужасно много о себѣ думаютъ!..

И съ живописною безцеремонностью въ выраженіяхъ, свойственною ихъ полулатинскому языку, женщины, стоя на уступахъ амфитеатра и заслоняя руками отъ солнца глаза, принимались громко разбирать по косточкамъ двухъ парижанокъ, — ихъ маленькія дорожныя шляпы, ихъ плотно прилегающія къ тѣлу платья, безъ украшеній, составлявшія такой рѣзкій контрастъ съ мѣстными туалетами, — золотыми цѣпями, зелеными и красными юбками, округленными огромными турнюрами. Мужчины высчитывали услуги, оказанныя Нумою правому дѣлу, — говорили о его письмѣ къ императору, о его рѣчи въ защиту бѣлаго знамени. Ахъ, если бы въ палатѣ была дюжина такихъ людей, какъ онъ, Генрихъ V давно уже сидѣлъ-бы на престолѣ!

Опьяненный этимъ шумомъ, возбужденный окружающимъ его энтузіазмомъ, Нума не въ состояніи былъ спокойно сидѣть на мѣстѣ. Онъ откидывался на спинку своего широкаго кресла, закрывши глаза, съ блаженнымъ выраженіемъ на лицѣ, оборачивался то въ одну, то въ другую сторону, внезапно вскакивалъ, большими шагами расхаживалъ по трибунѣ, на мгновеніе прислонялся къ оградѣ, наклонившись къ цирку, наслаждаясь этимъ свѣтомъ,

этими криками; потомъ опять возвращался къ своему мѣсту въ веселомъ, добродушномъ расположеніи съ небрежно распущенными галстухомъ, становился на колѣни на кресло и, оборотивши спину и подошвы къ толпѣ, разговаривалъ со своими парижанками, сидѣвшими позади и нѣсколько выше его, стараясь сообщить и имъ свое веселіе.

Мадамъ Руместанъ скучала. Это видно было по выраженію безучастія и равнодушія на ея красивомъ, но холодномъ лицѣ, принимавшемъ нѣсколько надменное выраженіе, когда оно не освѣщалось молніей, блиставшей въ ея умныхъ, сѣрыхъ, жемчужныхъ, какъ у настоящей парижанки, глазахъ, и улыбкою, игравшею около ея полуоткрытаго, сверкающаго рта.

Это южное веселіе, — шумное, фамильярное, эта многорѣчивая раса, у которой все было на показъ, на распаху, въ противоположность съ ея скрытной, серьезной натурой, — шокировали ее, быть можетъ, потому, что, не давая себѣ сама въ этомъ отчета, она встрѣтила въ этомъ народѣ, въ болѣе рѣзкой и вульгарной формѣ, типъ того человѣка, возлѣ котораго она жила уже десять лѣтъ и котораго близко узнала не въ его пользу. Небо, слишкомъ яркое, слишкомъ знойное, тоже не восхищало ея. Какъ могли дышать всѣ эти люди? Откуда у нихъ брался голосъ для такого крика? И она принималась вслухъ мечтать о миломъ парижскомъ небѣ, сѣромъ и туманномъ, о свѣжемъ апрѣльскомъ дождѣ на блестящихъ троттуарахъ.

— О, Розалія, возможно-ли говорить...

Ея сестра и мужъ приходили въ негодованіе; въ особенности сестра, высокая, блиставшая жизнью и здоровьемъ молодая дѣвушка, выпрямлявшаяся во весь ростъ, чтобы лучше все видѣть. Она въ первый разъ пріѣхала въ Провансъ, а между тѣмъ казалось, какъ-будто всѣ эти крики и жесты подъ лучами итальянскаго солнца, затрогивали въ ней какую-то тайную струну, заснувшій инстинктъ, южное происхожденіе, обнаруживавшееся въ ея длинныхъ бровяхъ, сходящихся надъ прекрасными, какъ у гурін, глазами, въ матовой блѣдности ея лица, на которомъ лѣто не произвело ни малѣйшей красноты.

— Послушайте, милая Розалія, сказалъ Руместанъ, желавшій убѣдить свою жену, — встаньте и посмотрите сюда... Показывали вамъ когда-нибудь Парижъ что-либо подобное?

Въ громадномъ театрѣ, раскинувшемся въ формѣ эллипсиса, надъ которымъ вырѣзывался большой кусокъ голубого неба, на расположенныхъ одинъ надъ другимъ уступахъ тѣснились тысячи лицъ, сверкали живые, насмѣшливые взгляды, пестрѣли всевозможными цвѣтами праздничные туалеты и живописные костюмы. Оттуда, какъ изъ исполинскаго чана, поднимались веселые крики, звуки голосовъ и инструментовъ, какъ будто приведенные въ газообразное состояніе яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Шумъ этотъ, едва различаемый въ нижнихъ этажахъ, гдѣ клубившаяся пыль смѣшивалась съ влажнымъ выдыхаемымъ воздухомъ, — по мѣрѣ возвышенія, усиливался и выяснялся въ чистомъ воздухѣ. Особенно ясно выдавался крикъ продавцовъ молочныхъ хлѣбцевъ, разносившихъ по этажамъ свои корзины, обшитыя бѣлымъ полотномъ: „li rap ou la... li rap ou la!“ А продавщицы свѣжей воды, размахивая своими зелеными, муравленными кувшинами, возбуждали жажду однимъ звукомъ плещущейся въ сосудахъ воды: „l'aigo es fresco... Quap vou beïge?“ „Вода свѣжа... Кто хочетъ пить?“ Наконецъ, на самомъ верху, дѣти, бѣгавшія и игравшія на стѣнахъ амфитеатра, образовали надъ всѣмъ этимъ гамомъ какъ-будто вѣновъ изъ тонкихъ звуковъ, раздававшихся на уровнѣ полета страуса, въ царствѣ птицъ. А надъ всѣмъ этимъ — какіе чудные переливы свѣта, по мѣрѣ того, какъ, съ приближеніемъ вечера, солнце медленно двигалось въ кругу обширнаго амфитеатра, какъ по диску солнечныхъ часовъ, отгоняя тѣснившуюся толпу, къ области тѣни и покидавшую мѣста, слишкомъ открытыя для солнечнаго зноя; въ этихъ мѣстахъ выступали красноватая каменная плита, проросшія тощей травой и сохранившія черные слѣды отъ нѣсколькихъ пожаровъ. Иногда, гдѣ-нибудь подъ напоромъ толпы, отъ стараго зданія отдѣлялся камень и катился съ этажа на этажъ среди криковъ ужаса и всеобщаго смятенія, какъ-будто обрушивался весь циркъ; въ такихъ случаяхъ на уступахъ происходило движеніе, подобное нападенію яростнаго моря на скалистый берегъ, потому-что у этой впечатлительной, экспансивной расы слѣдствіе никогда не пропорціонально вызвавшей его причинѣ, преувеличенной воображеніемъ и несоответствующими дѣйствительности представленіями. Такимъ образомъ населенная и одушевленная руина, казалось, ожила и потеряла свойственную ей фізіономію памятника, осматриваемаго съ про-

водникомъ. При взглядѣ на нее получалось то-же впечатлѣніе, какое производитъ строфа Пиндара, продекламированная современнымъ аеиняниномъ, то есть мертвая рѣчь, которая стала вновь живою и утратила свой схоластическій, холодный характеръ. Это чистое небо, это солнце, сотканное изъ серебряннаго пара, эти латинскія интонаціи, сохранившіяся въ провансальномъ нарѣчій, мѣстами, въ особенности на мѣстахъ, занятыхъ незнатною публикой, гдѣ-нибудь у входа подъ своды, — живописныя, неподвижныя позы, казавшіяся въ вибрирующемъ воздухѣ античными, точно высѣченными изъ камня, мѣстный типъ, эти головы вычеканенныя, какъ на медаляхъ, съ короткимъ, загнутымъ носомъ, широкія бритыя щеки, крупный подбородокъ Руместана, — все дополняло иллюзію римскаго зрѣлища, даже ревъ стѣнныхъ коровъ, отголосокъ котораго отдавался въ подземельяхъ, откуда когда-то выпускались приготовленные для боя львы и слоны. И когда на окраинѣ пустого, усыпаннаго желтымъ пескомъ, цирка открылась огромное черное отверстіе, ведущее въ подіумъ и заправшееся рѣшеткою, невольно чудилось, что вотъ-вотъ оттуда выскочатъ дикіе звѣри вмѣсто мирной деревенской процессіи животныхъ и людей, увѣнчанныхъ на конкурсѣ.

На этотъ разъ была очередь муловъ, которыхъ вели подъ уздцы, въ полной сбруѣ, покрытыхъ роскошными провансальскими плетеными попонами, высоко державшихъ свои маленькія сухопарыя головы, украшенныя серебрянными бубенчиками, бахромою, лентами, кистями, и не боявшихся рѣзкаго, громкаго хлопанья кнутовъ, напоминавшаго трескъ хлопшекъ и шутихъ; на каждомъ изъ муловъ, стоя на ногахъ, ѣхалъ погонщикъ. Въ толпѣ каждая деревня узнавала своихъ увѣнчанныхъ представителей и громко называла ихъ: — Вотъ Кавальонъ... Вотъ Моссана!.. Длинная, пыльная вереница растянулась вокругъ всей арены, которую она оглашала брацаніемъ и серебрянымъ звономъ, остановилась передъ ложею Руместана, сливъ на минуту хлопанье кнутовъ и звонъ колокольчиковъ въ общую почетную серенаду, затѣмъ продолжала свой путь подъ предводительствомъ красиваго всадника въ свѣтлыхъ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ, одного изъ членовъ Бружка; онъ былъ организаторомъ праздника и, самъ того не подозревая, все испортилъ, примѣшавъ провинцію къ Провансу и при давъ этому интересному мѣстному зрѣлищу смутный оттѣнокъ ка-

валькады Франкони. Впрочемъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деревенскихъ жителей никто и не смотрѣлъ на процессію. Всѣ взгляды были обращены на муниципальную эстраду, на которой въ настоящую минуту тѣснилась толпа разныхъ лицъ, пришедшихъ привѣтствовать Нуму, — пріятелей, кліентовъ, старыхъ школьныхъ товарищей, которые гордились своими отношеніями къ великому человѣку и рады были показать ихъ здѣсь, на этихъ подмосткахъ, у всѣхъ на виду. Число ихъ безпрестанно прибывало. Здѣсь были старики, молодые, деревенскіе дворяне, всѣ въ сѣромъ, начиная съ штиблетъ вплоть до маленькой шляпы, начальники мастерскихъ, въ праздничномъ нарядѣ, въ сюртукахъ, сохранявшихъ еще слѣды сѣладокъ; были здѣсь мелкіе землевладѣльцы, фермеры изъ окрестностей Апса, въ круглыхъ курткахъ, лоцманъ изъ порта Сентъ-Луи, вертѣвшій въ рукахъ свою большую шапку, похожую на тѣ, которыя носятъ каторжники, всѣ съ отпечаткомъ юга на фізіономіяхъ, — хотя-бы онѣ вплоть до глазъ были покрыты бородами цвѣта палисандроваго дерева, казавшимися еще чернѣе отъ восточнаго, блѣднаго цвѣта лица, или-же были обриты по старой французской модѣ, — съ короткой шеей, краснолицые и покрытые каплями пота, какъ глиняные кувшины для воды; всѣ съ огненными черными глазами на выкатѣ, съ фамиллярными, безцеремонными манерами.

И какъ Руместанъ привѣтствовалъ ихъ, безъ различія состоянія или происхожденія, съ тѣмъ же неистощимымъ радушіемъ! — „А! господинъ д'Эспалионъ! Какъ поживаете, маркизъ?...“ „Ну что, старина Кабанту, какъ идетъ лоцманскій промыселъ?...“ „Отъ всей души привѣтствую господина президента Бедарридъ“... И все это сопровождалось рукопожатіями, объятіями, радушнымъ похлопываніемъ по плечу, которыя удваиваютъ значеніе словъ, всегда слишкомъ холодныхъ для выраженія южной симпатіи. Бесѣда, разумѣется, продолжалась не долго. Депутатъ слушалъ однимъ ухомъ, съ разсѣяннымъ взглядомъ, и въ теченіи разговора рукою посылалъ привѣтствіе вновь прибывавшимъ; но никто не сердился на него за его безцеремонную манеру отдѣлываться отъ людей нѣсколькими ласковыми словами. „Хорошо, хорошо... Я займусь этимъ дѣломъ... Подайте прошеніе... я возьму его съ собою“. Это были большею частью обѣщанія патентовъ на табачныя лавочки, обѣщанія выхлопотать мѣсто сборщика податей; онъ угадывалъ даже

то, о чемъ его не просили, ободряль, вызываль робкое честолюбіе. Старикъ Кабанту не получилъ еще медали послѣ спасенія двадцати кораблей! — „Пришлите мнѣ ваши бумаги... Меня обожаютъ въ морскомъ министерствѣ!... Мы исправимъ эту несправедливость“. Его голосъ звучаль симпатичнымъ металлическимъ тембромъ, отчеканивая и отдѣляя слова, катившіяся съ его усть, какъ будто новыя золотыя монеты. И всѣ уходили, восхищенные этими блестящими монетами и спускались съ эстрады съ сіяющими лицами, какъ школьники, получившіе награду. Всего замѣчательнѣе было въ этомъ дьявольскомъ чловѣкѣ его изумительная способность принимать манеры и тонъ людей, съ которыми онъ говорилъ, и притомъ самымъ естественнымъ, самымъ бессознательнымъ образомъ. Говоря съ президентомъ Бедарридомъ, онъ принималъ патетическій тонъ, употребляль главные жесты, складывалъ ротъ сердечкомъ и торжественно протягивалъ руку, какъ-бы потрясая тогою передъ засѣданіемъ суда; съ полковникомъ де-Рошморъ онъ имѣль воинственный видъ, молодцовато заламывалъ шляпу, а съ Кабанту бесѣдовалъ, засунувъ руки въ карманъ, искрививъ дугою ноги и покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ старый завзятый морякъ. Отъ времени до времени, въ промежутокъ, между двумя объятіями, онъ возвращался къ своимъ парижанкамъ, сіяя и вытирая потъ, катившіяся градомъ по его лбу.

— Но послушайте, мой милый Нума, шопотомъ обратилась къ нему Гортензія съ прелестной улыбкой, — откуда-же вы возьмете всѣ табачныя лавочки, которыя вы имъ обѣщаете?

Руместанъ наклонилъ къ ней свою курчавую голову, съ небольшою лысиною на макушкѣ:— Это только еще обѣщано, сестрица, а не дано.

Прочитавъ упрекъ въ молчаніи своей жены, онъ прибавилъ:

— Не забывайте, что мы на югѣ, между соотечественниками, говорящими на одномъ и томъ-же языкѣ... Всѣ эти добрые люди очень хорошо знаютъ цѣну обѣщаніямъ и надѣются на получение своихъ табачныхъ лавочекъ не болѣе, чѣмъ я рассчитываю имъ ихъ доставить... Но они любятъ объ этомъ поговорить, это ихъ занимаетъ, воображеніе ихъ странствуетъ. Къ чему-же лишать ихъ этого удовольствія?... Наконецъ, знаете-ли, между южанами слова всегда имѣють лишь относительное значеніе... Это планъ въ увеличенномъ масштабѣ.

Фраза эта ему понравилась, и онъ повторилъ ее два или три раза, ударяя на послѣднемъ словѣ: „въ увеличенномъ масштабѣ... въ увеличенномъ масштабѣ...“

— Эти люди мнѣ нравятся... сказала Гортензія, которой, очевидно, было очень весело.— Но Розалія не была убѣждена словами мужа.

— Однако, слова что-нибудь да означаютъ, проговорила она очень серьезнымъ тономъ, какъ-будто отвѣчая на то, что происходило въ глубинѣ ея души.

— Милая моя, это зависитъ отъ географической широты.

И онъ подерѣпилъ свой парадоксъ привычнымъ ему движеніемъ плечъ, въ родѣ того, которымъ носильщикъ приспособляетъ свою ношу, отправляясь въ путь. Великій ораторъ правой стороны сохранилъ нѣсколько подобныхъ привычныхъ тѣлодвиженій, отъ которыхъ онъ никогда не могъ отучить себя и которыя въ другой партіи доставили-бы ему репутацію вульгарнаго человѣка; но на вершинахъ аристократіи, гдѣ онъ возсѣдалъ, между принцемъ Ангальтскимъ и герцогомъ де-ла-Рошталъядъ, это считалось признакомъ силы и высокой оригинальности, и сенъ-жерменское предмѣстье было въ восторгѣ отъ этого движенія плечъ надъ широкой, сутулой спиной, поддерживавшей всѣ надежды французской монархіи. Мадамъ Руместанъ когда-то тоже раздѣляла иллюзіи предмѣстья, но иллюзіи ея давно уже исчезли, судя по ея разочарованному взгляду, по легкой улыбкѣ, появлявшейся на ея губахъ, по мѣрѣ того, какъ говорилъ корифей-депутатъ, и имѣвшей скорѣе блѣдный меланхолическій, чѣмъ презрительный оттѣнокъ. Но мужъ ея внезапно отошелъ отъ нея, привлеченный звуками странной музыки, доносившимися съ арены среди возгласовъ стоявшей тамъ толпы, восторженно кричавшей:—Вальмажуръ! Вальмажуръ!

Знаменитый Вальмажуръ, первый тамбуринщикъ Прованса, побѣдитель на вчерашнемъ конкурсѣ, привѣтствовалъ Нуму самыми лучшими своими пьесами. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ красивъ, этотъ Вальмажуръ, стоявшій посрединѣ цирка, закинувъ на плечо свою желтую саржевую куртку, опоясанный ярко-краснымъ шарфомъ, рѣзко выдѣлявшимся на бѣломъ фонѣ его накрахмаленной рубашки. На лѣвой рукѣ, на перевязи, висѣлъ его длинный,

ленькую дудку, а правую барабанилъ съ ухарскимъ выраженіемъ, выставивъ лѣвую ногу впередъ. Звуки его маленькой дудки наполняли все пространство, какъ стрекотанье кузнечиковъ, такъ гармонирующее съ этой прозрачной, кристаллической атмосферой, гдѣ, повидимому, все вибрируетъ, между тѣмъ, какъ низкіе звуки тамбурина вторили мелодіи и ея фіоритурамъ. При звукахъ этой пронзительной, дикой музыки, болѣе чѣмъ отъ всего того, что ему показывали до сихъ поръ, передъ Руместаномъ воскресало его дѣтство, то время, когда онъ, провансальскій мальчуганъ, бѣгалъ по сельскимъ праздникамъ, плясалъ подъ тѣнистыми платанами деревенскихъ площадей, среди бѣлой пыли большихъ дорогъ, на поросшемъ лавендою, выжженномъ солнцемъ, морскомъ берегу. Имъ овладѣло пріятное волненіе; несмотря на то, что ему было уже за сорокъ лѣтъ, несмотря на черствящую политическую жизнь, онъ, благодаря своей счастливой натурѣ, сохранилъ еще много силы воображенія и ту поверхностную чувствительность, которая такъ легко вводитъ въ заблужденіе относительно истиннаго основанія характера. Къ тому-же, Вальмажура нельзя было сравнивать съ другими тамбуринщиками, съ однимъ изъ тѣхъ вульгарныхъ наемныхъ музыкантовъ, которые угощаютъ слушателей на мѣстныхъ праздникахъ музыкой, сшитой изъ отрывковъ кадрили и мотивовъ, собранныхъ въ кафе-шантанахъ, и профанируютъ свой инструментъ, пытаясь принаровить его къ современному вкусу. Отецъ и дѣдъ его были тамбуринщиками, и онъ игралъ только національныя пѣсни, тѣ пѣсни, которыя напѣвали наши бабушки на посидѣлкахъ; и не мало-же онъ ихъ зналъ, и игралъ ихъ устали. За святочными пѣснями (Саболи *), раздѣренныхъ для менуетовъ и ригодоновъ, онъ начиналъ королевскій маршъ, подъ звуки котораго Тюренъ во времена великаго столѣтія покорилъ и опустошилъ Палатинатъ. Вдоль уступовъ амфітеатра, по которымъ, какъ пчелиные рои, проносились трели, наэлектризованная толпа руками и головами выбивала тактъ и слѣдила за этимъ чуднымъ мотивомъ, который, какъ порывъ мистрала, проносился среди мертвой тишины арены, нарушаемой только тревожнымъ щебетаніемъ ласточекъ, кружившихся во всѣхъ направленіяхъ тамъ, легкой тамбуринъ, лѣвою-же рукою онъ подносилъ къ губамъ на-

*) Провансальскій поэтъ. *Прим. переводчика.*

наверху, въ зеленѣющей лазури, какъ-будто восхищенныхъ и спокойно искавшихъ въ пространствѣ, какая незримая птица издаетъ эти необыкновенно-пронзительныя ноты.

Когда Вальмажуръ кончилъ, раздались восторженныя рукоплесканія. Слушатели замахали шляпами, платками. Руместанъ призвалъ музыканта на эстраду и кинулся ему на шею:—Ты довелъ меня до слезъ, пріятель!—И онъ указалъ на свои большіе варіе, съ золотистымъ отблескомъ, глаза, подернувшіеся слезами.—Гордись тѣмъ, что очутился посреди шитыхъ мундировъ и украшенныхъ перламутромъ оффиціальныхъ шпагъ, артистъ принималъ всѣ эти поздравленія и объятія безъ особеннаго смущенія. Онъ былъ красивый малый съ правильной головой, съ высокимъ лбомъ, съ блестящими черными усами и бородкой на загорѣломъ лицѣ,—одинъ изъ тѣхъ гордыхъ крестьянъ ронской долины, въ которыхъ нѣтъ и слѣда хитрой приниженности, свойственной деревенскому населенію центральной Франціи. Гортензія тотчасъ замѣтила, что рука его подъ загаромъ, покрывавшемъ ее, какъ перчатка, сохранила изящную форму. Она разсмотрѣла его тамбуринъ, палочку съ наконечникомъ изъ слоновой кости, подивилась легкости инструмента, сохранявшагося въ семьѣ въ продолженіи двухсотъ лѣтъ; стѣнки его изъ орѣховаго дерева, украшенныя легкою рѣзьбою, отполированныя, стершіяся и звучныя, казалось, стали болѣе гибкими подъ вліяніемъ времени. Особенно удивлялась она, рассматривая галубетъ, незамысловатую трехдырую дудку прежнихъ тамбуринщиковъ, въ которой Вальмажуръ вернулся изъ уваженія къ традиціи и которою вполне овладѣлъ, благодаря ловкости и терпѣнію. Трогательное впечатлѣніе производилъ его маленькій рассказъ, въ которомъ онъ передавалъ о своей борьбѣ и побѣдѣ.— „Эта мысль пришла мнѣ въ голову ночью, когда я слушалъ пѣсню соловья, говорилъ онъ на своемъ странномъ французскомъ языкѣ.—И я подумалъ про себя: какъ, Вальмажуръ,—вотъ, божьей птицѣ достаточно одного горла для всѣхъ рудадъ; неужели-же то, чего она добивается съ однимъ отверстіемъ, ты не съумѣешь сдѣлать при помощи трехъ отверстій твоей дудки?“

Онъ говорилъ увѣренно, звучнымъ, мягкимъ, довѣрчивымъ тономъ, безъ всякаго смѣшного оттѣнка. Впрочемъ, никто и не посмѣлъ-бы улыбнуться, въ виду энтузіазма Нумы, размахивавшаго руками и топавшаго ногами, рискуя проломить подмости.—Какъ

онъ красивъ!.. Какой артистъ!.. И вслѣдъ за нимъ меръ, генералъ, президентъ Бедарридъ, господинъ Румаважъ, богатый собственникъ пивного завода изъ Бокера, вице-консулъ изъ Перу, затянутый въ карнавальный, весь залитой серебромъ, костюмъ, и многіе другіе, увлеченные авторитетомъ вожака, повторяли убѣжденнымъ тономъ:—Какой артистъ!.. То-же чувство раздѣляла Гортензія, и выражала его со всею силою своей экспансивной натуры:—О, да, онъ великій артистъ!.. Только мадамъ Руместанъ въ полголоса проговорила:—Да вѣдь вы сведете съума этого бѣднаго малаго!—Впрочемъ, это было мало вѣроятно, судя по спокойному виду Вальмажура, не обнаружившаго никакого волненія даже тогда, когда Нума внезапно сказалъ ему:

— Приѣзжай въ Парижъ, парень, счастье твое обезпечено.

— О, сестра моя никогда не отпуститъ меня, отвѣчалъ онъ съ улыбкою.

Его мать умерла. Онъ жилъ съ отцомъ и сестрою въ фермѣ, носившей ихъ имя, въ трехъ льѣ отъ Апса на горѣ Корду. Руместанъ поклялся, что навѣститъ его передъ отъѣздомъ; онъ поговорить съ родственниками и увѣренъ, что устроить дѣло.

— Я вамъ помогу въ этомъ, Нума, сказалъ кто-то тихо за его спиною.

Вальмажуръ поклонился, не сказавъ ни слова, повернулся на каблучкахъ и спустился по лѣстницѣ, устланной широкимъ ковромъ, съ тамбуриномъ въ рукѣ, высоко приподнявъ голову и слегка раскачиваясь на ходу, какъ истый провансалець, любитель музыки и танцевъ. Вдругъ пронесся крикъ:—Фарандолу!—оглушительный крикъ, повторенный отголоскомъ сводовъ въ корридорахъ, откуда, казалось, исходили тѣни и свѣжесть, распространявшіяся теперь по амфитеатру и суживавшія область солнца. Въ одну минуту циркъ былъ полонъ, но полонъ до послѣдней возможности, толпою поселянъ, въ которой мелькали бѣлыя косынки, юбки яреихъ цвѣтовъ, широкіе бархатные банты на кружевныхъ чепцахъ, обшитые галуномъ блузы, саржевыя куртки; по сигналу тамбурина, эта толпа выстроилась, вытянулась лентами и стала въ позицію, схватившись за руки. Трель габулета всколебала весь циркъ, и фарандола, подъ предводительствомъ высокаго парня изъ Барбантана, страны знаменитыхъ танцоровъ, медленно тронулась, развертывая свои кольца, почти на мѣстѣ выдѣлывая антраша, напол-

ная смутнымъ шумомъ, шелестомъ платьевъ и жаркимъ дыханьемъ огромное отверстіе главнаго выхода, подъ которымъ она мало-помалу исчезала. Вальмажуръ слѣдовалъ ровнымъ торжественнымъ шагомъ, подталевая на ходу колѣномъ свой большой тамбуринъ, и игралъ все громче, по мѣрѣ того, какъ толпа, тѣснившаяся на аренѣ, на половину уже залитой синеватыми сумерками, разматывалась, какъ катушка золотыхъ и шелковыхъ нитокъ.

— Посмотрите навверхъ! сказала вдругъ Руместанъ.

Тамъ видѣлись уже первые пары процессіи, появившіяся между аркадами, подъ сводами перваго этажа, между тѣмъ, какъ тамбуринщикъ и послѣдніе танцоры фарандолы еще перебирали ногами на аренѣ цирка. По пути вереница еще увеличивалась, увлекая за собою всѣхъ, кто не въ силахъ былъ устоять противъ звуковъ музыки. И кто-же между этии провансальцами способенъ былъ устоять противъ волшебной флейты Вальмажура? Приподнятые, поддерживаемые густыми звуками тамбурина, звуки флейты въ одно время слышны были во всѣхъ этажахъ, проникали сквозь рѣшетки и обвалившіяся отдушины, покрывали крики и восклицанія толпы. И фарандола поднималась все выше и выше. достигала верхнихъ галерей, еще позолоченныхъ блѣдно-розовымъ свѣтомъ. И громадная вереница танцоровъ, скачущихъ и степенныхъ, ярко обрисовывалась подъ высокими аркадами галерей, сквозь знойный, колеблющійся воздухъ угасавшаго іюльскаго дня, длиннымъ рядомъ тонкихъ силуетовъ, напоминавшихъ собою на этомъ древнемъ каменномъ фонѣ одинъ изъ тѣхъ барельефовъ, которыми украшены фронтоны полуразрушенныхъ храмовъ. Внизу, на опустѣвшей эстрадѣ — такъ-какъ публика уже расходилась и пляска казалась еще величественнѣе надъ опустѣвшими галереями — Нума спрашивалъ свою жену, навидывая ей на плечи маленькую шаль:

— Ну, скажи, развѣ это не прекрасно?.. Развѣ это не прекрасно?

— Да, дѣйствительно, прекрасно, сказала парижанка, на этотъ разъ взволнованная до глубины своей артистической природы.

И великій гражданинъ Апса, казалось, болѣе гордился этимъ одобреніемъ, чѣмъ всѣми шумными чествованіями, которыми его оглушали въ продолженіи двухъ часовъ.

ГЛАВА II.

ИЗНАНКА ВЕЛИКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Нумѣ было двадцать-два года, когда онъ окончилъ въ Парижѣ изученіе правъ, начатое въ Эксѣ. Въ то время онъ былъ добродушнымъ, веселымъ, болтливымъ малымъ, у котораго, казалось, вся кровь прилиwała къ кожѣ, съ красивыми, выпуклыми и золотистыми, какъ у лягушки, глазами и черной, курчавой гривой, скрывавшей половину лба, какъ мѣховая шапка безъ козырька. Ни тѣни мысли и честолюбія не скрывалось подъ этой роскошной шевелюрой. Это былъ настоящій экссій студентъ, прекрасно игравшій на бильярдѣ, умѣвшій, какъ никто другой, выпить залпомъ бутылку шампанскаго, до трехъ часовъ утра гонять, при свѣтѣ факеловъ, кошекъ, рыская по широкимъ улицамъ стараго аристократическаго и парламентскаго города, но не интересовавшійся ничѣмъ, не открывавшій никогда ни журнала, ни книги, весь пропитанный провинціальнымъ недомыслиемъ, которое на все презрительно пожимаетъ плечами и прикрываетъ свое невѣжество репутацией природнаго здраваго смысла.

Латинскій кварталъ чуть-чуть пообтесалъ его, хотя случавъ для этого представлялось немного. Какъ всѣ его соотечественники, Нума, по прибытіи, сдѣлался завсегдатаемъ въ кафе Мальмюса, высокомъ, шумномъ баракѣ, помѣщавшемся со своими трехэтажными окнами, широкими, какъ окна магазина Новостей, на углу улицы Фуръ-Сенъ-Жерменъ, которую онъ оглашалъ трескомъ своихъ бильярдовъ и криками своихъ дикарей-посѣтителей. Весь югъ Франціи, со всѣми разнообразными его оттѣнками, веселился здѣсь: югъ гасконскій, провансальскій, южане изъ Бордо, Тулузы, Марселя, югъ перигорскій, оверньскій, ардешскій, ариѣжскій, пиренейскій; тутъ были имена на *асъ*, на *юсъ*, на *анъ*, громкія, претенціозныя и варварскія, — Эчеверри, Терминариасъ, Бентабулекъ, Лабубльенъ, — имена, которыя словно вылетали изъ ружейнаго дула, грохотали, какъ взрывъ мины, съ какимъ-то свирѣпымъ акцентомъ. И какіе возгласы, даже для того, чтобы потребовать полчашки кофе, какіе раскаты смѣха, напоминавшіе грохотъ опрокинувагося воза съ камнями; какія исполнскія бороды, невообразимо густыя, невообразимо черныя съ синеватымъ отливомъ, боро-

ды, которыхъ не брала бритва, которыя доходили до глазъ, сливались съ бровями, выходили въ видѣ мелкихъ завитковъ изъ широкихъ ноздрей крупнаго носа и изъ ушей, но не въ состоянїи были замаскировать молодости и невиннаго выраженїя добродушныхъ, наивныхъ лицъ, скрывавшихся подѣ этою растительностью.

Внѣ лекцій, которыя они посѣщали аккуратно, всѣ эти студенты проводили свое время у Мальмюса, распредѣляясь, смотря по провинціи, смотря по городу, вокругъ различныхъ, издавна назначенныхъ, столовъ, которые должны были сохранять въ отголоскахъ своего храма различные акценты, подобно тому, какъ на школьныхъ столахъ сохраняются вырѣзанныя на нихъ перочинными ножами имена учениковъ.

Женщинъ въ этой толпѣ бывало немного, — едва двѣ, три на этажъ — бѣдныя дѣвушки, которыхъ любовники стыдились приводить туда, и которыя проводили вечеръ, сидя возлѣ своихъ возлюбленныхъ за кружкой пива, наклонившись надъ большими картонами съ иллюстрированными журналами, молчаливыя, стѣсненныя среди этой южной молодежи, воспитанной въ духѣ презрѣнїя „don fémélan“. Любовницы, вотъ еще! Они знали, откуда ихъ доставать на ночь, на часъ, но никогда не надолго. Бюлье, Les beuglants, ужины въ Rotisseuse не привлекали ихъ. Они предпочитали оставаться у Мальмюса, говорить на своемъ *patois*, проводить время въ кафе, на лекціяхъ и за табль-д'отомъ. Если имъ случалось переходить черезъ мосты, то развѣ для того, чтобы идти въ Théâtre Français, когда шла классическая ньеса, потому-что раса эта сама классическая по крови. Они отправлялись туда толпами, громко крича на улицѣ, на самомъ-же дѣлѣ нѣсколько робѣя, а возвращались мрачныя, смущенныя, съ глазами, ослѣпленными трагическою пылью, и шли сыграть еще партїю при слабомъ освѣщенїи, за запертыми уже ставнями. Отъ времени до времени, по случаю какого-нибудь экзамена, импровизировалась пирушка, и по кафе распространялся запахъ блюдъ, приправленныхъ чеснокомъ, и зловонныхъ, гнилыхъ горныхъ сыровъ на посинѣвшихъ бумагахъ. Послѣ этого получившій дипломъ товарищъ снималъ со стѣны свою трубку съ вензелемъ и уходилъ въ какую-нибудь отдаленную дыру, по ту стороны Луары, чтобы сдѣлаться натариусомъ или помощникомъ прокурора и рассказы-

вать провинціи про Парижъ, про этотъ Парижъ, который, какъ ему казалось, онъ зналъ, и въ которомъ на самомъ дѣлѣ онъ никогда и не былъ.

Въ этой ограниченной средѣ Нумѣ не трудно было прослыть за орла. Во-первыхъ, онъ кричалъ громче другихъ; во вторыхъ, нѣкоторое превосходство, или, по-крайней-мѣрѣ, оригинальность придавало ему его сильное пристрастіе къ музыкѣ. Два или три раза въ недѣлю онъ покупалъ себѣ билетъ въ партеръ, въ оперѣ или у итальянцевъ, и, возвратившись, приносилъ оттуда цѣлый репертуаръ речитативовъ и эффектныхъ арій, которыя онъ пѣлъ довольно пріятнымъ горловымъ голосомъ, неподчинявшимся никакой дисциплинѣ. Когда онъ приходилъ къ Мальжюсу, пробираясь театральнымъ шагомъ между столами, напѣвая какой-нибудь итальянскій финалъ, со всѣхъ этажей его пріѣтствовали радостные крики: — „Эй артистъ!“ ... кричали ему, и это слово, точно такъ же, какъ и въ буржуазной средѣ, вызывало во взглядахъ женщинъ выраженіе ласкающаго любопытства, а на губахъ мужчинъ завистливо ироническую улыбку. Эта репутація человѣка, знающаго толкъ въ искусствѣ, впоследствии, когда онъ достигъ власти, пригодилась ему въ его дѣловыхъ занятіяхъ. Еще теперь нѣтъ ни одной художественной комиссіи, проекта народной оперы или реформы въ организаціи выставки картинъ, гдѣ-бы на первомъ планѣ не фигурировало имя Руместана. Всѣмъ этимъ онъ обязанъ вечерамъ, проведеннымъ въ операхъ. Тамъ онъ приобрѣлъ апломбъ, приемы актера, особенную манеру становиться въ три-четверти оборота, когда онъ говорилъ съ сидѣвшей за стойкой кафе дамой, что заставляло обыкновенно восклицать его восхищенныхъ товарищей: — „О! Этотъ Нума, какъ-бы то ни было“!.. Въ университетѣ ему все давалось съ такою-же легкостью; приготовившись на половину, — такъ-какъ онъ былъ лѣнивъ, боялся работы и одиночества — онъ выдерживалъ довольно блестящіе экзамены, благодаря своей смѣлости и южной проницательности, всегда умѣвшей открыть чувствительное мѣсто тщеславія профессора. Кромѣ того, ему помогали его открытая, пріятная фізіономія и та счастливая звѣзда, которая освѣщала передъ нимъ путь.

Какъ скоро онъ сдѣлался адвокатомъ, родители стали звать его домой, такъ-какъ скромная пенсія, которую они ему посылали, стоила имъ слишкомъ тяжелыхъ лишеній. Но перспектива

возвратиться въ Апсъ, въ этотъ мертвый городъ, который рассыпался въ пыль подъ своими древними руинами, жизнь, ограничивающаяся вѣчною прогулкою по городу, нѣсколькими процессами изъ-за смежной стѣны, не въ состояніи была соблазнить то неопредѣленное еще честолюбіе, которое стало ощущать провансалецъ, какъ одну изъ причинъ своего пристрастія къ полной движенія и интеллигенціи парижской жизни. Съ большимъ трудомъ онъ получилъ разрѣшеніе остаться еще два года, чтобы приготовиться къ докторскому экзамену, а по прошествіи этихъ двухъ лѣтъ, въ тотъ самый моментъ, когда онъ получилъ уже безповоротное приказаніе возвращаться домой, онъ встрѣтилъ у герцогини Санъ-Доннино, на одномъ изъ тѣхъ музыкальныхъ вечеровъ, на которые онъ попадалъ благодаря своему пріятному голосу и своимъ связямъ съ артистами, Санье, великаго Санье, адвоката-легитимиста, брата герцогини, страстнаго меломана, котораго онъ очаровалъ своимъ остроуміемъ, блиставшимъ въ этомъ свѣтскомъ однообразіи, и своимъ энтузіазмомъ по отношенію къ Моцарту. Санье предложилъ ему у себя мѣсто четвертаго секретаря. Жалованья не было вовсе, но, такимъ образомъ, онъ попадалъ въ кабинетъ перваго адвоката Парижа со связями въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи, въ палатѣ. Къ несчастію, старикъ Руместанъ настойчиво отказывалъ ему въ высылкѣ денегъ, стараясь хоть голодомъ вернуть домой единственнаго сына, двадцати-шестилѣтняго адвоката, находившагося уже въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ самъ зарабатываетъ свою жизнь. Тогда-то вступился за него содержатель кафе—Мальмюсъ.

Интересный типъ этотъ Мальмюсъ, толстый, блѣдный, страдающій астмою человѣкъ, который, благодаря кредиту и ростовщичесству, изъ простаго гарсона въ кафе, сдѣлался собственникомъ одного изъ самыхъ обширныхъ заведеній Парижа. Прежде, бывало, онъ давалъ студентамъ впередъ деньги, которыя имъ за мѣсяць должны были прислать изъ дома и получалъ обратно втрое больше, какъ только приходили денежные послылки. Едва умѣя читать, вовсе не умѣя писать и отиѣчая раздаваемые взаимны гроши зарубками на деревѣ, какъ, бывало, онъ видѣлъ, дѣлали лонскіе булочники, его соотечественники, онъ тѣмъ не менѣе никогда не путался въ счетахъ, а главное никогда неудачно не помѣщалъ своихъ денегъ. Позднѣе, разбогатѣвъ и очутившись во

главѣ заведенія, въ которомъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ носилъ фартукъ, онъ усовершенствовалъ свою торговлю, всю основалъ ее на кредитѣ, на неограниченномъ кредитѣ, который къ концу дня опустошалъ всѣ три прилавка кафе; но зато увеличивались нескончаемые колонны кружекъ пива, обѣдовъ, рюмокъ ликера на страницахъ счетоводныхъ книгъ, которыя велись на основаніи какой-то фантастической бухгалтеріи, посредствомъ знаменитыхъ перьевъ съ пятью остріями *), пользующихся такимъ уваженіемъ въ парижской торговлѣ. Разсчетъ Мальмюса былъ очень простъ: онъ оставлялъ студенту всѣ карманныя деньги, всю его пенсію, давалъ ему въ кредитъ пищу, экстренную консоммацію, а нѣкоторымъ, особенно привеллегированнымъ, даже квартиру въ своемъ домѣ; въ теченіи всего времени, пока продолжались университетскія занятія, онъ не требовалъ ни одного су и давалъ наростать процентамъ до почтенныхъ размѣровъ. Но это не дѣлалось легкомысленно, безъ контроля. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ въ году, во время вакацій, Мальмюсъ путешествовалъ по провинціи, справлялся о здоровьѣ родителей, о денежныхъ средствахъ семействъ. Онъ чуть не задыхался, взбираясь на севенскія вершины, спускаясь въ лангедокскія долины. Часто можно было встрѣтить его таинственную подагрическую фигуру, съ толстыми, бѣлыми, перепутанными рѣсницами, съ недовѣрчивымъ взглядомъ подъ отяжелѣвшими вѣками бывшаго гарсона, привышаго прислуживать по ночамъ, бродившую въ захолустныхъ мѣстечкахъ; онъ оставался дня два, посѣщалъ нотаріуса и экзекутора, осматривалъ черезъ заборъ небольшое имѣніе или фабрику своего кліента, и затѣмъ о немъ уже ничего не слышали.

То, что онъ узналъ въ Апсѣ, поселило въ немъ полное довѣріе къ Руместану. Отецъ, бывший собственникъ прядильной фабрики, раззорившійся благодаря своимъ мечтамъ о богатствѣ и неудавшимся изобрѣтеніямъ, скромно жилъ на жалованье, получаемое имъ въ должности инспектора страхового общества, но сестра его, мадамъ Порталь, бездѣтная вдова богатаго городского сановника, должна была оставить послѣ смерти племяннику все свое состояніе. Немудрено, что Мальмюсъ старался удержать его

*) Записывать перомъ „à cinq beses“, значитъ записывать въ пять разъ больше чѣмъ слѣдуетъ.

въ Парижѣ. — „Поступайте къ Санье... Я вамъ помогу“, сказалъ онъ. Такъ-какъ секретарь знатнаго человѣка не могъ болѣе жить въ студенческихъ меблированныхъ комнатахъ, то онъ обмелировалъ для него небольшую холостую квартиру, на Вольтеровской набережной, съ окнами на дворъ, и взялъ на себя расходы за квартиру и за содержаніе. Вотъ какимъ образомъ началъ свою карьеру будущій вожакъ партіи, — со всѣми атрибутами обезпеченнаго положенія, на самомъ-же дѣлѣ, борясь съ лишеніями, нуждаясь въ балластѣ, въ карманныхъ деньгахъ. Дружба Санье доставила ему драгоценныя связи. Предмѣстье приняло его въ свою среду. Но эти свѣтскіе успѣхи, приглашенія въ Парижѣ или лѣтомъ на дачи, гдѣ нужно появляться въ безупречномъ костюмѣ, только увеличивали его расходы. Послѣ многократныхъ просьбъ, тетюшка Порталь, правда, нѣсколько помогала ему, но осмотрительно и скуповато, сопровождая свои денежные послылки длинными и уморительными разсужденіями, библейскими угрозами противъ раззорительнаго Парижа. Положеніе становилось невозможнымъ. По истеченіи года, Нума сталъ искать чего-нибудь другого, тѣмъ болѣе, что Санье нужны были усидчивые работники, у которыхъ-бы работа горѣла въ рукахъ, и Нума былъ для него неподходящимъ человѣкомъ. Въ этомъ южанинѣ была какая-то непобѣдимая безпечность и въ особенности отвращеніе къ бюро, къ усидчивой, серьезной работѣ. Способность вниманія, кроющаяся въ глубинѣ человѣка, совершенно была ему чужда. Это зависѣло отъ живости его воображенія, отъ непрерывной перемѣны мыслей подъ его лбомъ, отъ этой подвижности ума, отражавшейся даже на его почеркѣ, который также безпрестанно мѣнялся. Онъ весь былъ наружи, весь сосредоточивался въ головѣ и въ жестахъ, какъ теноръ.

— Когда я не говорю, я не думаю, наивно говаривалъ онъ. И это была правда. Слово не рождалось у него силою мысли; напротивъ оно опережало мысль, пробуждало ее своимъ чисто машинальнымъ шумомъ. Онъ самъ удивлялся и забавлялся этими сочетаніями словъ, идей, которыя затерялись гдѣ-то, въ одномъ изъ уголковъ его памяти и которыя слово находило, схватывало и собирало въ пучекъ аргументовъ. Когда онъ говорилъ, въ немъ обнаруживалась чувствительность, которой онъ самъ въ себѣ не подозрѣвалъ; онъ приходилъ въ волненіе отъ вибрацій своего

собственного голоса, отъ нѣкоторыхъ его интонацій, хватавшихъ его за сердце и вызывавшихъ на глаза его слезы. Это, конечно, были ораторскія способности, но онъ не подозрѣвалъ ихъ въ себѣ, такъ-какъ не имѣлъ случая пользоваться ими у Санье. Тѣмъ не менѣе этотъ годъ, проведенный имъ у великаго легитимистскаго адвоката, имѣлъ рѣшительное вліяніе на его жизнь. Онъ приобрѣлъ здѣсь убѣжденія, партію, страсть къ политикѣ, стремленіе къ богатству и славѣ. Первою явилась слава.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ покинулъ своего патрона, титулъ секретаря Санье, который онъ носилъ, подобно актерамъ, подписывающимся: „de la Comédie Française“, вслѣдствіе того, что они играли тамъ два раза, — доставилъ ему возможность защищать маленькую легитимистскую газету „Хорекъ“, очень распространенную въ хорошемъ обществѣ. Этой защитѣ онъ былъ обязанъ большимъ успѣхомъ и счастьемъ. Придя въ судъ совсѣмъ не приготовившись, съ руками, засунутыми въ карманы, онъ говорилъ въ теченіи двухъ часовъ съ дерзкою заносчивостью и такъ остроумно, что заставилъ судей выслушать его до конца. Его акцентъ, эта ужасная привычка картавить, отъ которой онъ по своей лѣности никогда не могъ отдѣлаться, придавали ѣдкость его ироніи. Весь строй этого чисто-южнаго краснорѣчія, театральнаго и фамильярнаго, отличавшагося въ особенности ясностью, широкимъ свѣтомъ, который свойственъ произведеніямъ жителей юга, точно такъ-же, какъ и его пейзажамъ, прозрачнымъ до дна, — проявлялъ несомнѣнную силу. Газета, разумѣется, была осуждена и въ видѣ штрафа и тюремнаго заключенія заплатила за великій успѣхъ адвоката. Такъ, въ нѣкоторыхъ пьесахъ, которыя проваливаются, разоряя автора и директора, одинъ какой-нибудь актеръ создаетъ себѣ репутацію. Старикъ Санье, который пришелъ слушать Нуму, обнялъ его въ присутствіи суда. „Вамъ нужно сдѣлаться великимъ человекомъ, мой милый Нума“, сказалъ онъ ему, немного удивленный, что высидѣлъ это соколиное яйцо. Но болѣе всѣхъ удивленъ былъ самъ Руместанъ, какъ-будто очнувшійся отъ какого-то сна; въ ухахъ его, наполненныхъ звономъ, еще звучали отголоски его собственныхъ словъ, когда онъ, не придя еще въ себя, спускался по широкой, оваймленной перилами, лѣстницѣ суда. Послѣ такого успѣха, такой оваціи, послѣ града лестныхъ писемъ, послѣ кислосладкихъ улыбокъ сотоварищей, адвокатъ имѣлъ

право ожидать, что репутація его составлена, и сталъ терпѣливо ждать дѣлъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, выходявшемъ на дворъ, передъ тощимъ, вдовѣмъ огнемъ, зажженнымъ его консьержемъ; но ничто не приходило, за исключеніемъ нѣсколькихъ приглашеній на обѣды и хорошенькой бронзы отъ Барбедіена, поднесенной ему редакціей „Хорька“. Новоиспеченный великій человѣкъ находился лицомъ къ лицу все съ тѣми-же затрудненіями, съ тою-же неизвѣстностью будущаго. О, эти такъ-называемыя свободныя профессіи, которыя не могутъ сразу приманить достаточное количество кліентовъ, сопряжены въ началѣ съ тяжелыми лишеніями, прежде чѣмъ въ маленькой пріемной залѣ, отдѣланной въ долгъ, съ дурно обитою мебелью, со символическими часами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ помѣщаются распатанные канделябры, — усядется, наконецъ, рядъ серьезныхъ, платящихъ кліентовъ. Руместанъ принужденъ былъ давать уроки права въ легитимистскомъ и католическомъ свѣтѣ, но работа эта казалась ему ниже его репутаціи, его успѣховъ на адвокатскихъ конференціяхъ, тѣхъ похвалъ, которыми осыпали его имя въ газетахъ партіи. Но что еще болѣе печалило его и заставляло чувствовать нужду, — это необходимость ходить обѣдать въ Мальмюсу, когда онъ никуда не былъ приглашенъ или когда состояніе кошелька закрывало ему доступъ въ модные рестораны. Та-же дама возсѣдала за прилавкомъ, между тѣми-же чашами для пунша; та-же фаянсовая печка пытѣла возлѣ шкафа для трубокъ, крики, аяценты, черныя бороды со всѣхъ концовъ юга перемѣшивались тамъ, какъ въ былое время; но поколѣніе его исчезло, и онъ смотрѣлъ на теперешнее предубѣжденными глазами, какими зрѣлый человѣкъ безъ положенія смотритъ на двадцатилѣтнюю молодежь, грозящую отодвинуть его на задній планъ. Какъ онъ могъ жить, забавляясь такими глупостями? Но прежде студенты не были такъ глупы! Нынѣшніе восхищались имъ, увивались около извѣстнаго уже адвоката, какъ ласковыя, наивныя собаки, и этимъ становились для него еще болѣе невыносимыми. Пока онъ ѣлъ, хозяинъ кафе, гордившійся своимъ пенсіонеромъ, садился возлѣ него на полиняломъ красномъ диванѣ, который онъ приводилъ въ сотрясеніе при каждомъ приступѣ астмы, а около сосѣдняго стола усаживалась высокая, худая дѣвушка, единственная, сохранившаяся отъ прежняго времени фигура, костлявая, безъ возраста, слышная въ кварталѣ подъ именемъ „l'ap-

cienne à tous“. Какой-то добрякъ-студентъ, теперь уже женатый и возвратившійся на родину, передъ отъѣздомъ открылъ для нея кредитъ у Мальмюса. Кормясь уже столько лѣтъ около одного и того-же притона, это бѣдное созданіе не имѣло никакого понятія о томъ, что происходило внѣ его, не знало объ успѣхахъ Руместана и говорило съ нимъ соболѣзующимъ тономъ, какъ съ инвалидомъ, съ запоздалымъ одного съ нею выпуска:— „Ну что, старина, какъ дѣлишки? Ты знаешь,— Помпонъ женился... Лабульбенъ переведенъ, онъ сдѣланъ помощникомъ прокурора въ Кенъ...“ Руместанъ едва отвѣчалъ, давился, кладя въ ротъ двойныя порціи, и, возвращаясь вдоль улицъ квартала, оглашенныхъ шумомъ пивныхъ заведеній и либерныхъ лавочекъ, ощущалъ всю горечь неудавшейся жизни и испытывалъ какое-то впечатлѣніе нравственнаго паденія.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ репутація его росла, укрѣплялась, но безъ всякаго дохода, за исключеніемъ статуетокъ отъ Барбедіена. Затѣмъ онъ былъ приглашенъ защищать одного купца изъ Авиньона, заказавшаго для продажи возмутительные шелковые платки, съ изображеніемъ какой-то депутаціи, расположенной вокругъ графа Шамбора; плохо отпечатанное на ткани изображеніе было неясно, но внизу, на гербовомъ щитѣ, красовалось неблагоразумное Н. V. Руместанъ розыгралъ очень удачную комедію и выразилъ негодованіе, что въ этомъ могли видѣть малѣйшій политическій намекъ. Н. V. былъ никто иной, какъ Ногасе Vernet, предсѣдательствовавшій въ комиссіи института!

Эта тарасконада имѣла мѣстный успѣхъ, который сдѣлалъ для его будущности больше, чѣмъ всѣ парижскія рекламы, и прежде всего приобрѣла ему активныя симпатіи тетушки Порталь. Въ началѣ онѣ выразились посылкою оливковаго масла и дынь, за которыми послѣдовали другіе припасы: винныя ягоды, стручковый перецъ, жюжюбы, азеловыя ягоды, сладкіе рожки, дѣтскіе гостинцы, которые старая дама сама ужасно любила и которые у адвоката гнили въ шкафу. Нѣсколько времени спустя, пришло письмо, написанное гусинымъ перомъ, крупнымъ почеркомъ, который такъ соотвѣтствовалъ рѣзкому акценту и забавнымъ выраженіямъ тетушки и свидѣтельствовалъ о ея безпокой-

номъ характеръ абсолютнымъ отсутствіемъ знаковъ препинанія и неожиданными переходами отъ одной мысли къ другой.

Нума, однако, разобралъ, что добрая старуха намѣревалась его женить на дочери совѣтника парижскаго кассационнаго суда, г-на Ле-Кеснуа, жена котораго, — урожденная мадмуазель Сустель, изъ Анса — воспитывалась вмѣстѣ съ нею у „сестеръ“ Баядскаго монастыря... Большое состояніе... дѣвушка прекрасная, честная, нѣсколько холодная, но замужество расшевелить и подогрѣть ее. А если-бы этотъ бракъ состоялся, что-бы тетуська Порталь дала своему Нумѣ? Сто тысячъ франковъ, хорошею звонкою монетою, въ день свадьбы!..

За провинціализмами этого письма скрывалось серьезное предложеніе, настолько серьезное, что на третій день послѣ этого Нума получилъ уже приглашеніе на обѣдъ къ Ле-Кеснуа. Онъ отправился къ нимъ нѣсколько смущенный. Совѣтникъ, котораго онъ часто встрѣчалъ въ судѣ, принадлежалъ къ числу людей, производившихъ на него наибольшее впечатлѣніе. Высокій, худой, съ высокомѣрнымъ выраженіемъ на болѣзненно-блѣдномъ лицѣ, съ пытливымъ, пронизывающимъ взглядомъ, съ сжатыми, какъ-будто запечатанными губами, старый сановникъ, который былъ родомъ изъ Валансьена и котораго, казалось, самъ Вобанъ укрѣпилъ и сдѣлалъ неприступнымъ, стѣснялъ Нуму всѣмъ этимъ холодомъ; свойственнымъ сѣверному человѣку. Высокое положеніе, которымъ онъ былъ обязанъ прекраснымъ сочиненіямъ по уголовному праву, значительному состоянію, строгой жизни, и которое было-бы еще болѣе блестящимъ, если-бы онъ не отличался независимостью убѣжденій и не жилъ въ суровомъ уединеніи, на которое онъ обрекъ себя послѣ смерти своего двадцатилѣтняго сына, — все это проносилось передъ глазами южанина въ то время, какъ онъ, въ одинъ сентябрьскій вечеръ 1865 года, поднимался по широкой, каменной, окаймленной изящной рѣшеткой, лѣстницѣ отеля Ле-Кеснуа, одного изъ самыхъ древнихъ зданій на Place Royale.

Большой салонъ, въ который его ввели, внушительный видъ высокихъ потолковъ, украшенныхъ, точно такъ-же, какъ и простѣнки между дверями, легкою живописью, шелковыя гардины съ золотистыми и красно-бурыми полосами, окаймлявшія окна, выходящія на старинный балконъ и на розовый уголь площади съ ея строеніями кирпичнаго цвѣта, — все это было мало способно из-

гладить впечатлѣніе, подѣ которымъ находился Нума. Но привѣтливая встрѣча мадамъ Ле-Кеснуа скоро возвратила ему нормальное расположеніе духа. Эта маленькая женщина съ печальной и добродушной улыбкой, вся закутанная, едва двигавшаяся отъ ревматизма, которымъ она страдала съ тѣхъ поръ, какъ поселилась въ Парижѣ, сохранила акцентъ и привычки своего милого юга, любовь ко всему, что ей напоминало о немъ. Она усадила Руместана возлѣ себя и съ нѣжнымъ выраженіемъ принялась разглядывать его при слабомъ освѣщеніи залы. — Совершенный портретъ Эвелины! проговорила она. Это фамиллярное имя тетушки Порталь, котораго Нума уже давно не слыхалъ, тронуло его, какъ воспоминаніе дѣтства. Мадамъ Ле-Кеснуа уже давно желала познакомиться съ племянникомъ своей подруги, но домъ ихъ такой печальный; трауръ такъ удалилъ ихъ отъ свѣта, отъ жизни. Теперь они рѣшились принимать кое-кого, не потому, чтобы горе ихъ уменьшилось, но ради дочерей, въ особенности ради старшей, которой скоро минетъ двадцать лѣтъ. И, обратившись къ балкону, откуда долетали звуки молодого смѣха, она позвала: — Розалія... Гортензія... идите-же... Вотъ господинъ Руместанъ!

И теперь еще, спустя десять лѣтъ послѣ этого вечера, онъ помнилъ, какъ въ просвѣтѣ высокаго окна, освѣщенная нѣжными лучами заката, появилась улыбающаяся и спокойная фигура этой красивой молодой дѣвушки, оправлявшей свою прическу, разстроившуюся во время игры съ маленькой сестрой, и подошедшей къ нему съ ясными глазами, съ прямымъ взглядомъ, безъ малѣйшаго кокетливаго смущенія. Онъ тотчасъ почувствовалъ, что къ нему относятся съ довѣріемъ, съ симпатіей.

Однако, разъ или два, въ продолженіи обѣда, при случайныхъ оборотахъ разговора, Нумѣ показалось, что на ясномъ, прекрасномъ лицѣ сидѣвшей возлѣ него дѣвушки промелькнуло надменное выраженіе, бывшее вѣроятно проявленіемъ той холодности, о которой говорила тетушка Порталь и которому Розалія была обязана своимъ сходствомъ съ отцомъ. Но презрительное движеніе маленькаго полуоткрытаго ротика, голубой холодъ взгляда быстро смягчались и замѣнялись выраженіемъ благосклоннаго вниманія и пріятнаго удивленія, которое она даже не хотѣла скрывать. Рожденная и воспитанная въ Парижѣ, мадмуазель Ле-Кеснуа всегда чувствовала положительную антипатію къ югу; его

акцентъ, нравы, природа, съ которыми она познакомилась во время вакаціонныхъ путешествій, были для нея одиноково антипатичны. Это было какъ-будто проявленіемъ инстинкта расы и составляло предметъ нѣжныхъ ссоръ между матерью и дочерью. — „Никогда я не выйду замужъ за южанина,“ смѣясь, говаривала Розалія; и она создала въ своемъ воображеніи типъ южанина въ образѣ крикливаго, грубаго, пустого человѣка, чего-то въ родѣ опернаго тенора или коми-вожера, торгующаго бордоскими винами, съ выразительными и правильными чертами лица. Руместанъ, правда, немного приближался къ этому образу, созданному фантазіей молодой, насмѣшливой парижанки; но его пламенная, музыкальная рѣчь, дышавшая въ этотъ вечеръ, благодаря окружающей симпатіи, непобѣдимой силой и привлекательностью, одушевляла и облагораживала его фізіономію. Послѣ того, какъ сосѣди въ полголоса обшались нѣсколькими короткими фразами, которыя въ застольной бесѣдѣ играютъ роль закусокъ и обходятъ вокругъ стола вмѣстѣ съ игрой и разными маринованными яствами, разговоръ принялъ общій характеръ; заговарили о послѣднихъ празднествахъ въ Компіенѣ, объ этихъ костюмированныхъ охотахъ, на которыхъ приглашенные фигурировали въ костюмахъ временъ Людовика XV. Нума, знавшій либеральныя убѣжденія стараго Ле-Кеснуа, пустился въ блестящую, почти пророческую импровизацію, изобразилъ этотъ дворъ въ аллегорической картинѣ, заимствованной изъ цирка, въ видѣ толпы наѣздницъ и наѣздниковъ, скачущихъ подлѣ небомъ, на которомъ нависли грозовыя тучи, и бѣшено несущихся вслѣдъ за раненымъ оленемъ среди молній и отдаленныхъ раскатовъ грома онъ рассказалъ какъ затѣмъ наступило торжество потопа, и весь этотъ монархическій карнаваль заканчивался въ болотѣ крови и грязи!... Можетъ быть, импровизація эта была не совсѣмъ нова; можетъ быть, Руместанъ уже пускалъ ее въ ходъ на конференціи. Но никогда еще его увлекательная рѣчь, полная выраженія благороднаго негодованія, не вызывала такого энтузіазма, внезапно вспыхнувшаго въ ясномъ, глубокомъ взглядѣ, который, — онъ чувствовалъ — былъ обращенъ на него, между тѣмъ какъ на кроткомъ лицѣ мадамъ Ле-Кеснуа скользила торжествующая насмѣшливая улыбка, которою она, казалось, спрашивала у дочери. — Ну, что, какъ онъ тебѣ нравится, этотъ южанинъ?

Розалія была очарована. Въ отклики своей глубокой натуры, она почувствовала все могущественное вліяніе этого голоса, этихъ

благородныхъ мыслей, которыя такъ совпадали съ ея юностью, съ ея страстью къ свободѣ и справедливости. Какъ женщины, въ театрѣ всегда отождествляющія пѣвца съ его каватиной, актера съ его ролью, она забывала, какая доля всего этого принадлежала артисту. О, если бы она знала, какая пустота скрывалась подъ всѣми этими адвокатскими фразами, какъ равнодушенъ онъ былъ къ празднествамъ въ Компіентъ! Если-бы она знала, что достаточно было бы приглашенія съ императорскимъ гербомъ, чтобы и онъ принялъ участіе въ этихъ кавалькадахъ, гдѣ его тщеславіе, его страсть къ наслажденіямъ и эффектамъ могли бы свободно развернуться и получить удовлетвореніе! Но она вся поддавалась очарованію; ей казалось, что столъ расширился, что усталыя, сонныя лица гостей — президента камеры и мѣстнаго врача — какъ-будто переродились а когда всѣ перешли въ салонъ, люстра, зажженная въ первый разъ послѣ смерти ея брата, ослѣпила ее жаркимъ свѣтомъ, какъ солнце. Солнцемъ этимъ былъ Руместанъ. Онъ оживлялъ ихъ величественную квартиру, прогонялъ трауръ, черныя тѣни, засѣвшія во всѣхъ углахъ, всѣ эти атомы печали, которыя носатся въ старинныхъ жилищахъ, зажигалъ огонь въ граняхъ большихъ зеркалъ и поселялъ жизнь въ чудной живописи простѣнковъ, славшей столѣтнимъ сномъ.

— Вы любите живопись?

— О, сударыня, — люблю-ли я ее?!

По правдѣ сказать онъ въ ней ровно ничего не смыслилъ; но и на эту тему, какъ и на всѣ другія, у него всегда былъ наготовѣ цѣлый складъ мыслей и фразъ, и пока въ комнатахъ разставляли карточные столы, живопись послужила ему удобнымъ предлогомъ, чтобы вступить въ болѣе интимный разговоръ съ молодой дѣвушкой, рассматривая старинную живопись потолка и нѣсколько написанныхъ извѣстными художниками картинъ, висѣвшихъ на прекрасно сохранившихся панеляхъ стиля Людовика XIII. Изъ нихъ обоихъ истинной артисткой была Розалія. Она выросла въ средѣ, отличавшейся образованіемъ и вкусомъ, и видъ хорошей картины, рѣдкой статуи приводилъ ее въ особенное трепетное волненіе, которое болѣе ощущалось, чѣмъ выражалось, отчасти вслѣдствіе скрытности ея натуры, отчасти вслѣдствіе тѣхъ поддѣльныхъ свѣтскихъ восторговъ, которые мѣшаютъ обнаруживаться истиннымъ.

А между тѣмъ, глядя на нихъ обоихъ, сравнивая краснорѣчивую увѣренность, съ которою разглагольствовалъ адвокатъ, его широкіе, профессиональные жесты, съ внимательнымъ, сосредоточеннымъ видомъ Розалии, можно было-бы подумать, что это какой-нибудь знаменитый художникъ, читающій лекцію своей ученицѣ.

— Мама, можно войти въ твою комнату?... Мнѣ хочется показать господину Руместану сцену охоты.

Мать, сидѣвшая за карточнымъ столомъ, украдкою бросила вопросительный взглядъ на того, котораго она съ неизъяснимымъ выраженіемъ покорности и самоотверженія называла: господинъ Ле Кеснуа, и по легкому знаку совѣтника, показывавшему, что онъ считаетъ это не неприличнымъ, она, въ свою очередь, выразила согласіе. Они прошли черезъ корридоръ, стѣны котораго были уставлены книгами, и очутились въ комнатѣ родителей, величественной и старинной, какъ салонъ. Сцена охоты помѣщалась надъ маленькою дверью, украшенною изящной рѣзьбой.

— Ничего не видно, замѣтила дѣвушка.

Она подняла вверху двойной канделябръ, который взяла съ одного изъ карточныхъ столовъ и, стоя съ высоко поднятой рукой, съ выпрямившимся бюстомъ, освѣтила картину, представлявшую Діану съ полумѣсяцемъ на лбу, окруженную дѣвами среди елисейскаго ландшафта. Но при этомъ жестѣ корзиноносицы, бросавшемъ двойной свѣтъ надъ ея незатѣйливой простой куафюрой, надъ ея свѣтлыми глазами съ гордой улыбкой, при этой граціозной стремительности всего ея дѣвственнаго тѣла, она болѣе походила на Діану, чѣмъ сама богиня. Руместанъ глядѣлъ на нее и, очарованный этою цѣломудренною прелестью, этою непорочностью истинной юности, забылъ, кто она, что онъ дѣлаетъ, забылъ свои мечты о богатствѣ и почестяхъ. Имъ овладѣло безумное желаніе держать въ своихъ объятіяхъ эту гибкую талью, цѣловать эти мягкіе волосы, нѣжный аромать которыхъ опьянялъ его, унести съ собою этого прекраснаго ребенка и сдѣлать его очарованіемъ и счастіемъ всей своей жизни; и что-то говорило ему, что если онъ рѣшится на это, она не станетъ противиться, она уже принадлежитъ ему, побѣжденная, завоеванная въ первый-же день. Пламя и вѣтеръ юга, кто устоитъ противъ васъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕИЗГЛАДИМЫЙ ОТПЕЧАТОКЪ.

(Изъ С. Продома).

Ты, которая мнѣ завѣщала
Свою грусть, ты, что жизнь мнѣ дала!
О, какимъ ты желаньемъ сгарала,
Когда сердце мое зачала?

То не облако-ль въ небѣ летѣло,
На зарѣ бытія моего
И, какъ островъ жемчужный, бѣлѣло
На прозрачной лазури его?

Не въ нему-ли влекли тебя грезы?
Тебѣ чудился чей-то призывъ,
И исторгнулъ изъ глазъ твоихъ слезы
Къ безконечному страстный порывъ...

„Дайте крылья!“ въ тоскѣ, въ нетерпѣнны
Твой слабѣющій голосъ взывалъ,—
„Дайте крылья!“—и въ это мгновенье
Я подъ сердцемъ твоимъ задрожалъ...

Не отсюда-ль—мои порыванья.,
Эта вѣчная сердца печаль,
И о раѣ какомъ-то мечтанья,
Что манять меня въ свѣтлую даль?

Д. Михаловскій.

ОБЩИНА И ГОСУДАРСТВО ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

I.

Послѣ того, какъ нѣмецъ Гастгаузенъ открылъ русскую земледѣльческую общину, мы много носились съ этимъ знаменательнѣйшимъ явленіемъ нашей народной жизни; много пролили за и противъ нея желчи и чернилъ, что вовсе не мѣшаетъ этой вѣковѣчной основѣ будущаго величія и славы русской земли изнывать теперь подъ гнетомъ всякаго рода неблагопріятныхъ обстоятельствъ, исходить потомъ и кровію подъ неуклюжимъ разуваевскимъ или колупаевскимъ сапогомъ. Община, безъ сомнѣнія, великое дѣло; но неприглядная насущная дѣйствительность лучше всего убѣждаетъ насъ, что на нее нельзя смотрѣть какъ на философскій камень, какъ на какое-то чародѣйственное лекарство противъ всѣхъ общественныхъ и политическихъ золъ, что голый фактъ сохраненія общиннаго землевладѣнія послѣ тысячи слишкомъ лѣтъ государственной исторіи въ нашемъ народно-хозяйственномъ быту далеко не обезпечиваетъ нашимъ народнымъ массамъ даже того, крайне скуднаго, уровня экономическаго благосостоянія и культурнаго развитія, которымъ пользуются народы «гнилого Запада», и притомъ именно тѣ народы, которыхъ вся позднѣйшая исторія развивалась въ духѣ рѣшительно противообщинномъ, индивидуалистическомъ и буржуазномъ. Теперь и этимъ народамъ приходится сознать, что тотъ англо-французскій идеалъ противообщинной государственности, который такъ упорно и настойчиво преслѣдовался ими въ теченіи послѣднихъ десяти или одиннадцати вѣковъ, не можетъ привести ихъ къ желанной пристани. Устами такихъ популярныхъ экономистовъ публицистовъ, какъ, напримѣръ, Эмиль Ла-

веле или докторъ Летурно, котораго «Этнографическая Соціологія» отчасти знакома нашимъ читателямъ, западная наука приносить чистосердечное раскаяніе въ своемъ недавнемъ близоручко-пренебрежительномъ отношеніи къ общинному владѣнію землею въ Россіи или у себя дома. «Теперь» говоритъ онъ въ одной изъ прекрасныхъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ «Revue des Deux Mondes за 1873 г.,—личность потеряна въ представленіи націи,—представленіи отвлеченномъ и которое для огромнаго большинства воплощается только то въ образѣ сборщика податей, то въ формѣ рекрутскаго набора. Община, лишенная всякой самодѣтельности, стала какимъ-то ржавымъ колесомъ многосложнаго механизма централизаціи. Общинныя имущества или распроданы, или урваны уже давно. Человѣкъ, рождающійся на свѣтъ съ потребностями, которыя надо удовлетворить, съ руками, которыя просятъ работы, не находитъ уже клочка земли, гдѣ-бы трудъ его могъ быть примѣненъ съ пользою. Какъ исчезли земскія общины, такъ точно и рабочія артели канули въ вѣчность. Акціонерныя общества не замѣняютъ ихъ: онѣ—братство капиталовъ, а не людей... Самая семья держится еще только однѣми соображеніями о наслѣдствѣ. Человѣкъ—существо общественное по преимуществу; а мы уничтожили тѣ учрежденія, которыя служили колыбелью общественности, выработывая незыблемую основу для высшихъ политическихъ ея формъ... Пусть меня считаютъ за реакціонера, я безъ обиняковъ скажу, что въ нашемъ прошломъ было два учрежденія, которыя во что-бы то ни стало слѣдовало сохранить и развить такъ, чтобы онѣ могли стать прочною основой современной демократіи. Учрежденія эти: общинное самоуправленіе и общинное землевладѣніе».

Французскіе и англійскіе журналы все болѣе и болѣе начинаютъ наполняться статьями, въ которыхъ тѣже самыя мысли высказываются съ большою опредѣленностью, хотя и нѣсколько инымъ языкомъ. Не всѣ такъ, какъ Лавеле, умѣютъ отрѣшиться отъ предразсудковъ экономическаго ученія временъ Ж. Б. Сэя или Фредерика Бастіа, видѣвшаго въ общинномъ землевладѣніи несомнѣнные признаки экономической отсталости и слабого развитія политической жизни народовъ; но уже многіе, и далеко не одни только геніальные умы, начинаютъ сознавать, что это отношеніе къ общинности политико экономистовъ рутиннаго направленія, основывалось на недоразумѣніи, на скороспѣломъ возведеніи въ научный законъ эмпирическихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ слишкомъ ограниченнымъ и одностороннимъ рядомъ явленій. Это возрѣніе можетъ

высказываться еще на подкладѣ довольно солидной исторической и экономической эрудиціи; но вѣра въ научную состоятельность его уже подорвана неотразимою критикою. Мы видимъ, что историческое развитіе романо-германскихъ государствъ начинается съ земледѣльческой общины, очень сходной съ тою, которая въ Россіи сохранилась еще и до сихъ поръ; отчасти даже съ германской «марки», которая въ культурно-историческомъ отношеніи представляетъ собою только зародышную форму земледѣльческой общины. Мы видимъ, что у извѣстной группы этихъ народовъ взаимныя отношенія государства и общины слогаются очень рано въ рѣшительный и непримиримый антагонизмъ, временно-заканчивающійся почти на нашихъ глазахъ несомнѣнною побѣдою англо-французской, т. е. противообщинной государственности надъ общиною. Но вѣдь вся исторія романо-германскихъ народовъ неболѣе какъ эпизодъ изъ общей культурной исторіи человѣчества; къ тому-же она далеко не сказала еще своего послѣдняго слова, и ничто не убѣждаетъ насъ, будто такія антагонистическія отношенія государственности и общинности единственныя возможныя, единственныя желательныя съ точки зрѣнія экономическаго преуспѣянія народныхъ массъ, или хотя-бы только съ точки зрѣнія развитія высшей культурности. Совершенно напротивъ: мы уже видѣли, что передовая европейская мысль очень опредѣленно намѣчаетъ себѣ новый и совершенно иной идеаль:—демократіи, основанной на самоуправленіи общинъ и на возрожденіи общиннаго землевладѣнія. Изъ Англіи, которую мы привыкли считать класическою странонау *selfgovernment'a*, децентрализаціи во всевозможныхъ ея проявленіяхъ и видахъ, на каждомъ шагѣ приходится слышать горькія сѣтованія на то, что самоуправленіе въ деревняхъ изъ года въ годъ чахнетъ и вымираетъ; очевидно, не подъ гнетомъ политическаго или административнаго давленія. Нежелая пестрить этихъ страницъ безконечными выписками и цитатами, сошлюсь хотя-бы на статью Фоуля (Foole) въ «Fortnightly Review» за прошлый годъ, особенно поучительную потому, что авторъ ея, сельскій пасторъ, совершенно и не подозреваетъ даже, что всякое деревенское самоуправленіе неизбѣжно должно изчахнуть и умереть, будучи оторвано отъ родной своей почвы—общиннаго землевладѣнія. Обращаясь къ Америкѣ, гдѣ индивидуалистическая или капиталистическая культура расцвѣтаетъ именно теперь такимъ пышнымъ цвѣтомъ на раздольи необозримыхъ черноземныхъ полей, мы легко замѣтимъ, что и тамъ надъ сельскою жизнью тяготѣетъ какое-то безсознательное или полусознательное недовольство, влекущее къ своеобразнымъ, а порою и

безобразнымъ, попыткамъ замѣнить отсутствіе общинныхъ основъ заатлантической союзной государственности искусственными порождениями въ родѣ лиги *гренджеровъ*, о которой очень интересныя подробности можно прочесть въ книгѣ г. Орбинскаго о «Хлѣбной торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ», и о которой было уже говорено въ 12-й книгѣ нашего журнала за прошлый годъ...

Короче говоря, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи, который такъ недавно (да и теперь еще, пожалуй, но только уже, очевидно, заднимъ числомъ) служилъ у насъ пробнымъ камнемъ западничества и народничества, самъ собою успѣлъ переродиться въ общеевропейскій вопросъ, теоретически и фактически еще очень мало разработанный до сихъ поръ. Случилось даже какъ-то такъ, что мы, провозглашающіе себя общинниками по преимуществу, сдѣлали значительно меньше другихъ для предварительной разработки, или для научной постановки этого вопроса. По крайней мѣрѣ въ русской литературѣ мнѣ неизвѣстно ни одного труда, въ которомъ-бы культурно-историческое значеніе общиннаго землевладѣнія, его развитіе изъ первоначальной «марки» и т. д., были бы изслѣдованы съ такою систематичностью и полнотою, какъ, напримѣръ, въ извѣстной книгѣ о собственности Эмиля Лавеле или-же въ его журнальныхъ статьяхъ о первобытной собственности, о германскихъ «маркахъ» и объ «альмендахъ» нѣмецкой Швейцаріи. Мы же до сихъ поръ изъ злополучной общины сзумѣли сдѣлать только какого-то фетиша, въ честь котораго и справляемъ мистическій культъ, если не обрушиваемся на него съ яростью изъ устарѣвшихъ иностранныхъ книгъ заимствованнаго сквернословія, и чуть только не на дняхъ надумались, что время приступить, наконецъ, къ фактическому изслѣдованію этого въ высшей степени многознаменательнаго явленія.

Нельзя не согласиться съ составителями программы для изслѣдованія поземельной общины, когда они, въ объяснительной запискѣ, служащей предисловіемъ къ ней, говорятъ, что «такое изслѣдованіе должно имѣть двоякое значеніе: *во-первыхъ*, въ смыслѣ самопознанія, какъ безусловно необходимаго элемента для правильнаго развитія и самой экономической жизни народа, и законодательства въ духѣ коренныхъ началъ и фактическихъ условій русской жизни; *во-вторыхъ*, въ интересахъ общей экономической науки»... Выводы и положенія этой послѣдней относительно землевладѣнія и ряда другихъ изъ него вытекающихъ фактовъ основаны на тѣхъ порядкахъ, которые развились въ государствахъ Западной Европы, и на крайне отрывочныхъ на-

блюденіяхъ, собранныхъ западными-же учеными въ другихъ странахъ міра, большею частью случайныхъ, и притомъ нерѣдко у народовъ, стоящихъ на крайне различныхъ ступеняхъ культуры и живущихъ при совершенно особыхъ, отъ европейскихъ, условіяхъ жизни. Такимъ образомъ, теоретическое изученіе общаго вопроса о землевладѣніи, оставляя въ сторонѣ факты, существующіе въ культурномъ народѣ европейской семьи, какъ русскій, лишено прочной опоры. Такой пробѣлъ сознается въ западно-европейской наукѣ, и представители ея обратили въ послѣднее время серьезное вниманіе на изученіе общиннаго землевладѣнія. Но едва-ли «объяснительная записка» Географическаго Общества не впадаетъ въ преувеличеніе, когда она говоритъ, что «матеріалами для этого изученія не могутъ служить факты, существующіе на Западѣ (развѣ только съ отрицательной стороны), ни тѣ отрывки свѣденій, которыми до сихъ поръ пользовались или изъ временъ стародавнихъ, покрытыхъ довольно густымъ туманомъ, или изъ странъ, населенныхъ дикарями, куда даже проникать довольно трудно, не только вести точныя изслѣдованія... Только у насъ, гдѣ общинное право получило широкое развитіе на огромной территоріи, можно найти поразительное разнообразіе явленій изъ дѣйствительной жизни, можно прослѣдить самые разнообразные отбѣнки общины и живую исторію постепеннаго ея развитія, начиная отъ возникновенія общинныхъ порядковъ пользованія лѣсами и степями у звѣролововъ и кочевниковъ и съ первообраза общины на окраинахъ съ неосѣдыми еще племенами, затѣмъ постепенное и разнообразное развитіе ея въ центральныхъ частяхъ государства, видоизмѣненія общинныхъ порядковъ при условіяхъ необходимости введенія болѣе улучшенной культуры земли и, наконецъ, происходящую и теперь еще борьбу ея на Западѣ при встрѣчѣ съ индивидуальнымъ началомъ».

Противъ этого многое можно-бы возразить. Можно-бы замѣтить, напримѣръ, что ни Англійская Индія, гдѣ Мэнъ стужѣлъ найти обильные матеріалы для своего классическаго сочиненія объ общинной и о личной собственности, ни Ява, поземельная община которой представляетъ столь поразительное сходство съ нашею русскою общиною, при всемъ громадномъ различіи климатическихъ и другихъ условій,—не могутъ быть, конечно, отнесены къ странамъ дикимъ, куда,—по словамъ объяснительной записки,—и попасть-то нелегко, не то уже, чтобы производить тамъ научныя изслѣдованія. Можно-бы возразить, что «мракъ временъ», покрывающій исторію западно-европейской общины въ самой Англии, Франціи и Германіи, далеко не такъ густъ,

чтобы помѣшать Нассе, Гансену, Фюстель-де-Куланжу, Лавеле, и цѣлой многочисленной фалангѣ другихъ ученыхъ, возстановить живую исторію западно-европейской общины и ея интересной борьбы съ феодализмомъ и съ централизационною государственностью, начиная съ Тацитовской эпохи и до нашихъ временъ. Можно-бы возразить, что и теперъ еще самыя индивидуалистическія страны запада: Франція, Англія, отчасти Германія, — гдѣ общинное начало всего рѣшительнѣе побѣждено въ борьбѣ съ противоположнымъ ему началомъ индивидуалистической и централизационной государственности, — сохранили въ своемъ народно-хозяйственномъ быту по меньшей мѣрѣ драгоценный музей самыхъ разнообразныхъ общинныхъ формъ, точное разслѣдованіе которыхъ неизбѣжно должно пополнять рядъ наблюденій, который со временемъ будетъ произведенъ по одной изъ трехъ, выработанныхъ у насъ программъ, поземельной общины въ нашемъ отечествѣ. Можно-бы возразить, наконецъ, что тѣ огромныя территоріальныя пространства, на которыхъ развернулось общинное право у насъ, едва-ли могутъ играть существенную роль въ интересующемъ насъ вопросѣ. Нельзя не замѣтить, что эти громадныя территоріальныя пространства въ той полосѣ Россіи, гдѣ общинное начало до сихъ поръ играетъ въ народной жизни преобладающую роль, отличаются сравнительно очень большимъ однообразіемъ климатическихъ и почвенныхъ условій, не говоря уже объ условіяхъ историческихъ, которыя для всего этого пространства безусловно однѣ; а, слѣдовательно, нѣтъ и серьезнаго основанія предполагать а priori, что мы встрѣтимъ здѣсь нигдѣ невиданное разнообразіе общинныхъ формъ землевладѣнія. Въ смыслѣ научнаго изслѣдованія, иной микроскопическій организмъ представляетъ гораздо больше интереса, чѣмъ громадный слонъ или китъ; очень легко можетъ быть, что какая-нибудь англійская или пиренейская горная община представитъ намъ гораздо болѣе разнообразія отправленій и формъ, чѣмъ сотни такихъ-же общинъ, раскинутыхъ на обширномъ пространствѣ, но живущихъ и развивающихся подъ вліяніемъ однообразныхъ природныхъ и культурныхъ условій..

Но мы вовсе не имѣемъ въ виду вдаваться въ мелочную полемику съ составителями программы Русскаго Географическаго Общества. Относительныя достоинства трехъ программъ, выработанныхъ для фактическаго изслѣдованія русской поземельной общины, очень недавно были уже оцѣнены на страницахъ нашего журнала. Мы считаемъ необходимымъ только возставать противъ всякой попытки изолировать русскую общинность въ какой-то самобытнѣйшій мірокъ, будто-бы не имѣющій никакихъ

живыхъ, органическихъ связей съ міромъ общечеловѣческой культуры. Какъ съ точки зрѣнія приведенія нашего законодательства въ соотвѣтствіе съ коренными условіями нашего народнаго быта, такъ точно и съ точки зрѣнія научнаго значенія предполагающихся у насъ наблюденій, намъ кажется въ высшей степени желательнымъ, чтобы къ этимъ наблюденіямъ по возможности широко былъ примѣненъ тотъ сравнительный пріемъ, который по всѣмъ другимъ отраслямъ знанія,—по біологіи, по лингвистикѣ и исторіи религій,—успѣлъ уже дать всѣмъ извѣстные блестящіе результаты. Мы предполагаемъ а priori, что какъ ни велика и обильна наша земля, однако-же, многихъ, и очень поучительныхъ, терминовъ сравненія мы у себя дома не найдемъ, и что намъ полезно будетъ сопоставлять наблюдаемыя въ Россіи явленія съ соотвѣтственными или сродными имъ явленіями романо-германскаго міра. Сторона чисто-описательная, морфологическая, сырой наборъ фактовъ и первоначальная группировка ихъ по сходству однихъ наружныхъ признаковъ составляютъ, конечно, необходимое преддверіе всякаго научнаго изслѣдованія. Но и самое накопленіе матеріала идетъ гораздо успѣшнѣе и живѣе, когда имѣется въ виду, хотя-бы только въ основныхъ и очень общихъ чертахъ, планъ зданія, для воздвиженія котораго накаплиются эти матеріалы. Легко предвидѣть, что предполагаемыя изслѣдованія поземельной общины,—все равно, со включеніемъ въ нихъ юридическихъ условій, или безъ него,—утратятъ въ значительной степени тотъ громадный интересъ, который мы вправѣ ждаты отъ нихъ, если онѣ исключительно ограничатся одною этою описательною, морфологическою стороною дѣла. Важно не столько узнать нѣсколько новыхъ формъ разверстки и передѣла пахатныхъ земель и иныхъ угодій въ тѣхъ или другихъ нашихъ владѣльческихъ общинахъ; насущную потребность дня составляетъ прослѣдить различныя видоизмѣненія принципа общинности при разныхъ условіяхъ народной жизни; его разнообразныя сочетанія въ ней съ принципами феодализма, капитализма, государственной централизаціи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что у себя дома мы найдемъ очень обширное и плодородное поле для этихъ изслѣдованій; но что определенное представленіе объ этомъ предметѣ получится только тогда, когда мы добываемыя на родной почвѣ данныя освѣтимъ общимъ свѣтомъ мысли и знанія, неподлежащихъ, какъ извѣстно, ни личной, ни народной апроприаціи. Воображать себѣ въ настоящее время Россію какимъ-то благополучнымъ царствомъ безраздѣльной и безграничной общинности, значило-бы впасть въ непростительный анахронизмъ; а это было-бы пло-

хнмъ ручательствомъ за успѣхъ предполагаемаго изслѣдованія.

Мы знаемъ, что въ англо-французскомъ мѣрѣ капитализмъ и централизація, вступивъ съ самаго начала въ рѣшительный антагонизмъ съ общинностью, почти вовсе стерли владѣльческую общину съ лица земли; но возможны вѣдь и другія сочетанія этихъ трехъ началъ, и мы видимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ возможныхъ сочетаній осуществлены съ большею или меньшею полнотою въ исторіи другихъ западно-европейскихъ странъ, на примѣръ, Швейцаріи. Оставляя пока въ сторонѣ капитализмъ, замѣтимъ только, что рядомъ съ англо-французскимъ типомъ централизаціонной или противообщинной государственности, западно-европейская исторія выработала еще и другой типъ государства, основаннаго на общинности, а часто служащаго только дальнѣйшимъ продолженіемъ общины, или и вовсе сливающагося съ нею, какъ это мы видимъ, на примѣръ, на берегахъ Фирвальдштетскаго озера. Этотъ общинно-государственный типъ теперь по-неволѣ приходится называть швейцарскимъ, такъ-какъ единственное свое, хотя и очень неполное осуществленіе онъ нашелъ, до сихъ поръ, на пастбищахъ и поляхъ небольшой альпійской республики. Но и это неполное и довольно одностороннее осуществленіе его изслѣдователю общинности необходимо имѣть въ виду, такъ-какъ оно убѣждаетъ насъ, что и «гнилой» западный мѣръ не клиномъ сошелся на типъ капиталистической и централизаціонной англо-французской государственности.

II.

Нельзя сомнѣваться, что Франція и Англія (мы принимаемъ ихъ за самыхъ крайнихъ представителей современнаго капиталистически-централизаціоннаго типа), начали, какъ и мы, съ общиннаго владѣнія землею, которое при теперешнемъ состояніи общественныхъ наукъ рѣшительно нельзя уже считать за привилегію одной какой-нибудь человѣческой расы. Достаточно сослаться, на примѣръ, на прекрасную работу г. Захарова, напечатанную въ «Трудахъ Русской Духовной Миссіи въ Пекинѣ», чтобы убѣдиться, что и совершенно разноплеменные съ европейскими народами китайцы, не только знали поземельную общину во времена вполнѣ историческія, но что они даже неоднократно возвращались къ ней послѣ слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ государственнаго и гражданскаго своего развитія. Семитическіе арабы въ Африкѣ и теперь еще, подъ французскимъ вла-

дычествомъ, сохраняютъ во всей чистотѣ разнообразныя формы племеннаго и общиннаго землевладѣнія, изъ которыхъ многія представляютъ полное тождество съ германскою «маркою». Въ окрестностяхъ Константины, земля обыкновенно дробится на участки, называемые *джобба* и совершенно соответствующіе этому тяглу. Ежегодно участки эти раздаются взрослымъ работникамъ племени. Въ другихъ мѣстностяхъ участки уступаются въ пожизненное пользованіе владѣльца; по смерти-же его, снова возвращаются въ общину. Испанскіе мавры, столь значительно опередившіе европейскіе народы своимъ культурнымъ развитіемъ, оставались вѣрными до конца общинному началу, сохраняемому и теперь у значительной части осѣдлыхъ арабовъ. Одна изъ живописнѣйшихъ и плодороднѣйшихъ испанскихъ мѣстностей, *Huerta di Valencia*, обязана своею роскошною растительностію замѣчательной системы орошенія полей, основанной на общинномъ началѣ и отчасти сохранившейся еще и теперь. Эти арабскія общины въ западной Испаніи, называемыя *acquieras*, пользовались полною административною самостоятельностью и управлялись выборными управами, *cortes de la Seo*, состоявшими поголовно изъ общинниковъ-крестьянъ и долго славившимися по всей странѣ мудростью и справедливостью своихъ приговоровъ. Въ Америкѣ объ извѣстныхъ намъ туземныхъ цивилизаціяхъ: перувіанская и мексиканская, начали, несомнѣнно, съ общиннаго землевладѣнія, которое, однако-жъ не удѣляло въ нихъ до временъ европейскаго завоеванія. Въ Мексикѣ, подъ вліяніемъ завоеванія ацтековъ, оно переродилось въ своего рода феодализмъ; однако, слѣды его сохранились еще и до настоящаго времени въ чрезвычайно своеобразномъ видѣ, такъ-называемыхъ, *pueblos* или земледѣльческихъ артелей. Всѣ члены такой артели живутъ обыкновенно въ одномъ домѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ этажей. Обитатели каждаго этажа составляютъ самостоятельную корпорацію или общину; такъ-что каждый *pueblo* представляетъ собственно цѣлую федерацію общинъ. Жители этихъ *pueblos* пользуются во всей странѣ репутаціею замѣчательной честности и большой чистоты нравовъ. Цивилизація инковъ, въ Перу, нисколько не уступала мексиканской; но она въ эпоху испанскаго завоеванія опиралась на совершенно иныхъ основаніяхъ, нѣсколько напоминающихъ коммунизмъ сектаторскихъ общинъ и монастырей. Личная поземельная собственность въ Перу была вовсе неизвѣстна. Земля со всеми угодіями дѣлилась на три части, изъ которыхъ первая принадлежала солнцу и его жрецамъ, вторая—инкамъ, третья—народу. Конечно, всѣ три части воздѣлывались народнымъ трудомъ, на бар-

щинномъ основаніи. При этомъ очередь соблюдалась такъ: первыми воздѣлывались земли, принадлежавшія духовенству; затѣмъ земли народныя. Царскія земли воздѣлывались послѣ всѣхъ другихъ и работа на нихъ обставлялась такъ, что имѣла видъ народнаго праздника. Вообще перувианская цивилизація представляетъ намъ единственный извѣстный въ исторіи примѣръ чисто-коммунистической организаціи труда въ очень широкихъ размѣрахъ, просуществовавшей много лѣтъ и разрушенной внѣшнею силою иностраннаго завоеванія. Замѣчательно, что при этомъ цивилизація Перу нисколько не уступала мексиканской, хотя эта послѣдняя и приближалась гораздо больше къ современнымъ англо-французскимъ понятіямъ о собственности.

Вышеприведенныхъ примѣровъ, мнѣ кажется, совершенно достаточно для того, чтобы показать, что общинное землевладѣніе не ограничивается одною какою-нибудь расою или порою вещей или одною какою-нибудь частью свѣта. Нельзя также смотрѣть на общинное землевладѣніе какъ на зачаточную или переходную форму, которая будто-бы одною только силою вещей естественно осуждена преобразиться въ личную собственность: въ разныхъ странахъ свѣта,—въ Америкѣ, въ Китаѣ, въ мавританской Испаніи,—мы только-что видѣли сравнительно очень сложныя и передовыя цивилизаціи, остававшіяся въ теченіи долгихъ вѣковъ вѣрными общинному началу, а часто даже и вовсе не знавшія личной собственности. Одною примѣра Мексики и Перу вполне достаточно, чтобы показать, что между формами землевладѣнія и уровнемъ цивилизаціи не существуетъ никакого тѣснаго и прямого соотношенія. Въ Китаѣ эпохи возрожденія общиннаго землевладѣнія въ большей части случаевъ (однако-жъ не всегда) совпадаютъ съ періодами наивысшаго процвѣтанія его самобытной культуры. Въ Испаніи, съ замѣною арабской общинности салическимъ правомъ, отчасти видоизмѣненнымъ по разнообразнымъ варварскимъ и классическимъ образцамъ, наступаетъ почти поголовное раззореніе цѣлыхъ областей, представляющихся пустынями еще и теперь, а прежде славившихся плодородіемъ своихъ полей и великолѣпіемъ своихъ городовъ и дворцовъ. Почти повсемѣстно мы видимъ, что поводомъ къ упадку общиннаго землевладѣнія является всего чаще чужеземное завоеваніе и поражаемый имъ феодализмъ. Вообще же говоря, внѣ романо-германской Европы, мы нигдѣ не находимъ цѣлыхъ цивилизацій, которыя были-бы основаны вполне на правѣ личнаго землевладѣнія съ полнымъ устраненіемъ общинности.

Переходя къ тѣмъ странамъ западно-европейскаго міра, гдѣ

всего пышнѣ расцвѣлъ противообщинный индивидуалистически-централизаціонный идеалъ, мы замѣтимъ, что и въ нихъ общинное землевладѣніе было исходною точкою всякаго гражданскаго и государственнаго развитія. Всего менѣ слѣдовъ первоначальнаго общиннаго землевладѣнія сохранилось, конечно, въ современной Англіи; а такъ-какъ время исчезновенія его покрыто дѣйствительно довольно густымъ туманомъ, то и привыкли обыкновенно предполагать, будто здѣсь сильная саксонская община была стерта окончательно съ лица земли норманскимъ завоеваніемъ. Очень немного лѣтъ тому назадъ, нѣмецъ Эрвинъ Наси *) удивилъ всего больше вѣроятно самыхъ англичанъ, показавъ на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, что общинное владѣніе сохранялось въ самой Англіи очень долго въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ; многочисленныя-же слѣды его сохранились въ ней и до настоящаго времени; чему доказательствомъ можетъ служить хотя-бы знаменитая исторія съ Эппингскимъ лѣсомъ (Epping forest), подлѣ самаго Лондона, который послужилъ поводомъ къ чудовищному процессу, начавшемуся въ 1872 г. По разслѣдованіямъ особой комиссіи оказалось, что за одно только двадцатилѣтіе 1850—1870 гг., около 6,000 акровъ этого лѣса были расхищены въ личную собственность разными владѣльцами безъ всякаго на то основанія. По судебному рѣшенію 24-го ноября 1874 года, владѣльцы захваченнаго должны были возвратить это пространство владѣльческой общинѣ города Лондона и заплатить протори и убытки. Но при этомъ обнаружилось, что еще во времена Карла I къ лѣсу примыкалъ цѣлый околотокъ, лежащій между рѣчками Райдонъ и Ли, принадлежавшій нѣсколькимъ деревенскимъ общинамъ, теперь уже вовсе несуществующимъ. Значительная часть этого пространства застроена теперь роскошными дачами, строители которыхъ также безцеремонно и безъ всякаго законнаго основанія захватили въ разные времена различные клочки общинной земли, которою нынѣшніе потомки ихъ владѣютъ уже вполне законно, какъ на основаніи установленной законами давности, такъ и потому, что давно уже исчезли самыя общины, отъ лица которыхъ могъ-бы быть предъявленъ искъ. Дѣло это, недавно надѣлавшее много шума, очень интересно потому, что оно, во-первыхъ, показываетъ, что въ самыхъ людныхъ мѣстностяхъ Англіи общинное землевладѣніе исчезло вовсе не такъ окончательно, какъ это принято обыкновенно предполагать; во-вторыхъ, потому, что оно бросаетъ довольно яркій свѣтъ на тотъ процессъ, посредствомъ

*) Его „Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England“, появилась въ 1870 г.

котораго обширныя пространства общинныхъ полей переходили постепенно въ руки личныхъ владѣльцевъ. Если подобныя захваты могутъ еще совершаться въ наше время въ классической странѣ самоуправленія и легальности, то легко вообразить себѣ что творилось подѣ покровомъ феодальнаго безправія или въ медовые мѣсяцы любовнаго союза капиталистическаго третьяго сословія съ самодержавіемъ. Нѣкоторыя подробности этого дѣла объ Эппингскомъ дѣлѣ читатели могутъ найти въ замѣткѣ извѣстнаго натуралиста Альфреда Уоллеса, помѣщенной въ «Fortnightly Review» за 1879 г.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи въ Англіи принадлежитъ къ числу очень мало разработанныхъ еще наукою, но Э. Лавеле, на стр. 224 своей книги «la Propriété», а за нимъ д-ръ Летурино, на стр. 408 своей «Соціологіи» утверждаютъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ Англіи собственно, существуютъ деревенскія общины, сохранившія отъ среднихъ вѣковъ владѣльческія права на болѣе или менѣе обширныя территоріи, которыя и воздѣлываются ими сообща, на кооперативномъ основаніи; а аббатъ Дюранъ описываетъ двѣ любопытныя англійскія британскія общины на островахъ Гэдикъ (Haedic) и Гуатъ (Houat), гдѣ вся земля воздѣлывается сообща, а хозяйствомъ завѣдуетъ избирательный совѣтъ изъ двѣнадцати старшинъ, подѣ постояннымъ предсѣдательствомъ священника.

Во Франціи общинное землевладѣніе пережило феодализмъ по меньшей мѣрѣ на два столѣтія. Окончательный ударъ ему нанесла только торжествующая революція. Конвентъ спеціальнымъ указомъ 1793 г. повелѣлъ распродать всѣ общинныя земли въ частныя руки, и съ тѣхъ поръ французское законодательство формально не признаетъ права общиннаго землевладѣнія. Несмотря на это, по всему югозападному побережью и въ горныхъ мѣстностяхъ Пириней, земская община сохранилась досихъ поръ, благодаря только тому, что этотъ способъ владѣнія землею сильно укоренился въ мѣстномъ населеніи. Общинники оказываются тамъ чрезвычайно изобрѣтательными на изысканіе различныхъ средствъ, при помощи которыхъ повсюду легко обходятъ законъ, находящійся въ вопіющемъ противурѣчии съ требованиями народной жизни. Тема эта тоже еще очень слабо разработана литературою общиннаго землевладѣнія; но нѣсколько любопытныхъ явленій этого рода мнѣ случалось видѣть самому по близости Аркамона, а нѣкоторыя подробности сообщены мнѣ устно извѣстнымъ географомъ Элизе Реклю, который самъ уроженецъ этой мѣстности. Въ департаментѣ Ландъ деревня Литъ (Lit) обращаетъ на себя вниманіе путешественниковъ своимъ цвѣтущимъ

видомъ своими замѣчательными прогулками. По справкамъ оказывается, что она своимъ процвѣтаніемъ обязана только тому обстоятельству, что въ ея распоряженіи находится значительное количество общинныхъ полей, которыя первоначально трудно было продать, такъ-какъ онѣ представляли бесплодную песчаную низменность. По распоряженію общиннаго совѣта ланды эти были засажены терпентинными соснами, и теперь, въ теченіи уже многихъ лѣтъ, община получаетъ съ продажи терпентина очень хорошій доходъ, который только за удовлетвореніемъ общественныхъ нуждъ и за уплату податей распределяется между общинниками.

Кому случилось по желѣзной дорогѣ проѣзжать на югъ отъ Бордо, почти до самой Байонны, тотъ; конечно, запомниль одно образную, но довольно живописную картину, представляемую этою частью океаническаго побережья. Немногочисленные стада овецъ сонно бродятъ по сыпучей песчаной низменности подъ присмотромъ мальчика или женщины на высокихъ ходуляхъ; направо и налѣво — сплошныя стѣны зеленыхъ зонтикообразныхъ сосенъ, съ высокими красными стволами, на которыхъ сочатся черные разрѣзы, словно раны, съ запекшеюся на нихъ смолою... Въ добываніи терпентина заключается главный доходъ мѣстныхъ жителей. Здѣсь, въ этихъ ландахъ, общинное землевладѣніе во Франціи нашло себѣ укромный пріютъ, вопреки буржуазному складу современной французской жизни и вопреки стѣснительныхъ постановленій либеральнаго законодательства. Сосновые лѣса, составляющіе главный доходъ этой мѣстности, вызваны къ жизни очень недавно и главнѣйшимъ образомъ общинною инициативою; но они примѣтно разрастаются изъ года въ годъ. Мнѣ называли деревню *Soustanz*, считающую теперь болѣе 1,000 душъ обоого пола, которая искусною администраціе общинныхъ лѣсовъ, довела свой годовой доходъ до 400,000 франковъ съ одной только продажи смолы и скипидара.

Дальше на югъ, въ горной мѣстности, общинное начало пустило едвали еще не болѣе глубокіе корни и въ основныхъ своихъ чертахъ представляетъ, повидимому, большое сходство съ извѣстною республикою Андоррою. Горцы этихъ мѣстъ упорно отстаиваютъ свое вѣковое самоуправленіе, избѣгаютъ всякаго столкновения съ официальными представителями власти и собственныя дѣла рѣшаютъ обыкновенно на мірскихъ сходкахъ, не по большинству голосовъ, а по единогласію. Женщины пользуются общинными доходами и правомъ голоса на сходкахъ наравнѣ съ мужчинами. Большою популярностью во всей долиинѣ *Luz* пользовалась въ эти послѣдніе годы крестьянка, по имени

Гальярдина изъ *Frejus*, такъ-какъ она своимъ *veto* на сходѣ помѣшала продажѣ общинныхъ земель, за которыя какой-то предприниматель предлагалъ большія деньги, такъ какъ въ мѣстности былъ открытъ цѣлебный источникъ, сулившій огромные барыши. Впрочемъ, общинники французскихъ Пириней умѣютъ и сами эксплуатировать минеральныя воды, которыхъ насчитывается множество въ этихъ горахъ и куда въ большомъ количествѣ стекаются лѣтомъ испанскіе и французскіе туристы. Очень часто нѣсколько такихъ общинъ составляютъ ассоціацію или союзъ для хозяйственныхъ или промышленныхъ цѣлей. Такіе общинные союзы называются здѣсь *Universitè's*. Недалеко отъ *St.-Jean de Luz*, мнѣ извѣстенъ такой «университетъ», носящій общее названіе *St.-Sauvins* и состоящій изъ семи общинъ, эксплуатирующихъ вмѣстѣ минеральныя воды Котере. Ле-Плэ (*Le Plav*) въ своемъ интересномъ сочиненіи «*Organisation de la famille*» говоритъ, что у французскихъ Басковъ до настоящаго времени семья имѣетъ характеръ маленькой поземельной общины, владѣющей болѣе или менѣе значительнымъ помѣстьемъ на нераздѣльномъ основаніи. Вся семья носитъ вмѣсто фамиліи прозвище своего участка. Обыкновенно мужья переходятъ въ общину или семейство своихъ женъ, причемъ они также принимаютъ и имя этой общины. Работы производятся сообща, и доходы дѣлятся по мѣрѣ нуждъ между общинниками. Впрочемъ, по свидѣтельству Лавеле, область общиннаго землевладѣнія въ современной Франціи не ограничивается этою юго-западною окраиною, о которой мнѣ удалось собрать нѣсколько мало извѣстныхъ свѣдѣній: на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ уцѣлѣло еще немало деревень, владѣющихъ болѣе или менѣе значительными протяженіями земли на общинномъ основаніи.—Примѣръ Франціи болѣе чѣмъ всякій другой европейской страны долженъ представить фактическихъ указаній на то, что феодализмъ не въ силахъ былъ истребить общинное землевладѣніе; да онъ и не видалъ въ этомъ прямой своей выгоды, такъ-какъ присвоивалъ себѣ надъ общинною чисто-политическія владѣльческія права. Феодализмъ несомнѣнно вносилъ въ общину разлагающее начало іерархіи и рабства; онъ дѣлалъ положеніе общинника матеріально-невыносимымъ и унижительнымъ, прикрѣпляя его къ землѣ. Но общинный трудъ производительнѣе труда единичнаго, и благо-разумный феодалъ предпочиталъ пользоваться продуктами общиннаго труда.

Во Франціи, какъ и въ Англии, общинное землевладѣніе истреблено не логическою силою вещей, а катаклизмомъ завоеваній; но по обѣ стороны Ла-Манша дѣло это шло далеко не

съ равномерною скоростью и не тождественнымъ путемъ. Въ Англии сильные міра сего, пользуясь потворствомъ власти, очень скоро отобрали у безответныхъ крестьянскихъ общинъ ихъ земли и угодья, не заботясь о политическихъ правахъ надъ самыми общинниками, которые въ силу одного только постоянно возрастающаго факта обезземеленія, весьма естественно сводились на экономически-зависимую роль батраковъ. Государство здѣсь не принимало прямого участія въ дѣлѣ распаденія общинъ и крестьянскаго безземелія; а потому мы видимъ, что и до настоящаго времени англійское законодательство, въ принципѣ, съ одной стороны не признаетъ права личнаго землевладѣнія, такъ-какъ вся англійская территория считается принадлежащею наци въ лицѣ ея верховнаго представителя—короля; съ другой стороны, то-же англійское законодательство признаетъ автономію и самоуправленіе земской какъ и городской общины, какъ-бы вовсе даже не замѣчая того, что эта самоуправная община, будучи оторвана отъ твердой почвы неотчуждаемаго землевладѣнія, сохранила только призракное существованіе, да и его все болѣе и болѣе утрачиваетъ съ каждымъ днемъ. Во Франціи государственная власть, рано вступивъ въ борьбу съ феодальнымъ самовластіемъ, рано стала искать себѣ поддержки въ народѣ; но подъ народомъ, по легкопонятному недоразумѣнію, она должна была разумѣть только ту его болѣе дѣятельную часть, которая, бѣжавъ изъ-подъ феодальнаго гнета, ютилась въ городахъ, образуя тамъ промышленныя и торговыя корпораціи, ежечасно испрашивавшія себѣ новыя привилегіи взаимнѣ денегъ и наемныхъ подчищъ, которыя она отдавала въ распоряженіе королей въ ихъ вѣчной распрѣ съ ненавистною и ею аристократіею. Что касается общинника, то его никто не замѣчалъ, такъ-какъ онъ, по мѣткому выраженію Мишле, въ его «Sorgière», «лежалъ въ гробу, надавленный тяжелою крышкою, на которой во всеоружіи сидѣлъ залитой въ желѣзо рыцарь, со своимъ вѣрнымъ союзникомъ-монахомъ или попомъ». Когда эта долгая борьба государства съ феодализмомъ кончилась совершеннымъ пораженіемъ послѣдняго, торжествующее третье сословіе поспѣшило избавиться отъ своего недавняго покровителя-короля и забрать государственную власть въ свои собственные руки. Тогда идеаль единой и нераздѣльной государственности, не связанной никакими традиціями, не знающей никакихъ преградъ, расцвѣлъ здѣсь съ нигдѣ невиданною до тѣхъ поръ силою. Всякое самоуправленіе, феодальное или общинное,—все, что могло служить нѣкоторымъ щитомъ или опорой извѣстной группы гражданъ передъ всепоглощающею централизаціонною машиною, было сметено съ лица

земли нѣсколькими декретами отъ такого-то плювиоза или нивоза, за подписью «Робеспьеръ», или «Convention nationale». Вѣрный буквѣ «Contract Social'a», конвентъ, какъ и всѣ послѣдующія за нимъ правительства, знали только страшную силу всенародной коллективности и затѣмъ безоружное, безсильное передъ нимъ лицо. Корпорація, самоуправная община, съ этой точки зрѣнія представляется вопіющимъ анахронизмомъ, покушеніемъ на нераздѣльность и цѣлостность націи, мятежною попыткою противъ «Souveraineté du peuple». А такъ-какъ община всегда была и будетъ первою ячейкою и опорю всякой государственности, то французское централизованное правительство нарочито заботится отрѣшить ее отъ всякихъ посползовеній къ самоуправленію, претворить ее въ плоть отъ плоти своей и въ кость отъ костей своихъ. Бывшій самоуправный общинный совѣтъ обращается въ низшую полицейскую инстанцію; избиратели становятся «управляемыми»; общинный староста, — мэръ по назначенію центрального правительства — является однимъ изъ безотвѣтнѣйшихъ прихвостней «monsieur le sous-préfet»... Такимъ образомъ, французская земская община, мѣстами и сохранившая кое-какія поля и угодія, не только лишается того призрачнаго самоуправленія, которое она удержала въ Англіи, но поставляется внѣ закона; государство объявляетъ ее открыто своимъ побѣжденнымъ соперникомъ или врагомъ. Прибавьте, что этотъ новый порядокъ водворяется во Франціи при громѣ рушащихся стѣнъ ненавистой Бастильи, подъ музыку *марсельзы*, съ провозглашеніемъ «les droits de l'homme». Смышленный и недовѣрчивый французскій крестьянинъ, можетъ быть, и не поддастся-бы на всю эту эффектную, хотъ и нѣсколько театральную обстановку, но тотъ-же самый самодержавный конвентъ, разрушавшій общину, давалъ ему въ то-же время возможность за безцѣнокъ скупить влочки «національной собственности», т. е. конфискованныхъ имуществъ казенныхъ или бѣжавшихъ поповъ и дворянъ. Почти половина націи награждалась такимъ образомъ привилегією римской квиритской собственности съ ея безконтрольнымъ правомъ «пользоваться и злоупотреблять» — *utendi et abutendi re sua...*

III.

Мы вовсе не намѣреваемся изложить здѣсь вкратцѣ исторію возникновенія личной поземельной собственности въ западной Европѣ, такъ-какъ подобная задача, едва-ли исполнимая вообще,

при бѣдности наличнаго матеріала, во всякомъ случаѣ завлекла бы насъ далеко за предѣлы бѣглой журнальной статьи. Цѣль настоящаго очерка—показать, что индивидуалистическая цивилизація самыхъ противоположныхъ народовъ «гнилого Запада» развилась при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ изъ тѣхъ-же точно корней, которые мы, по недоразумѣнію или по невѣдѣнію, очень долго считали своею національною или расовою привилегіею, навсегда избавляющею насъ отъ терній и невзгодъ, которыми повсюду, увы! усѣянъ путь общественнаго совершенствованія и прогресса. Мы хотимъ по мѣрѣ силъ убѣдить нашего читателя еще разъ, что никакая пропасть не отдѣляетъ нашъ русскій общинный міръ отъ тѣхъ западно-европейскихъ сферъ, гдѣ съ наибольшою интенсивностью, съ наибольшимъ ожесточеніемъ, велась за послѣдніе нѣсколько сотъ лѣтъ борьба за существованіе и за развитіе. Напомнивъ въ очень бѣглыхъ и общихъ чертахъ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ западно-европейской территоріи капитализмъ и централизаціонная государственность стерли болѣе или менѣе основательно и окончательно общинное землевладѣніе съ лица земли, мы торопимся показать, какъ, при нѣсколько иныхъ историческихъ условіяхъ, *изъ тѣхъ-же точно племенныхъ и культурныхъ началъ*, слагается диаметрально-противуположный типъ общинно-государственныхъ отношеній; типъ, при которомъ государство и община — іерархія и свобода—не вступаютъ въ непримиримое состязаніе между собою, а идутъ до извѣстнаго предѣла въ одномъ общемъ направленіи... Имѣя въ виду только эту цѣль, мы позволяемъ себѣ пропустить вовсе исторію развитія и разложенія германской общины не потому, чтобы исторія эта (она-же кстати одна изъ болѣе разработанныхъ), не представляла интереса сама по себѣ, а потому только, что Германія не выработала своего самостоятельнаго типа взаимныхъ отношеній государства и общины, а является только какъ промежуточный или связующій членъ между англо-французскою государственностью и швейцарскою общинностью *). Замѣтимъ вкратцѣ, что во многихъ мѣстностяхъ какъ сѣверной, такъ и южной Германіи, общинное землевладѣніе оставило до настоящаго времени гораздо болѣе глубокіе и многочисленныя слѣды, чѣмъ тѣ, которые намъ удалось помѣтить относительно Англій и Франціи.

*) Что-же касается Италіи, то она, какъ пережившая двойную исторію, какъ прямая наследница классической древности и съ тѣмъ вмѣстѣ служившая поприщемъ для ожесточеннаго состязанія всѣхъ варварскихъ элементовъ въ теченіи среднихъ и новыхъ вѣковъ, представляетъ такія усложненія интересующей насъ стороны, что о ней лучше вовсе даже и не упоминать на этихъ страницахъ.

По сходству политическихъ формъ, конституція швейцарскаго союза можетъ представляться намъ почти тождественною съ устройствомъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, и не удивительно, что даже такіе первоклассные мыслители, какъ напримѣръ, Прудонъ и Токвиль, разсматривали ихъ внутреннее государственное устройство, только какъ различное примѣненіе и развитіе однихъ и тѣхъ-же общинъ федеративныхъ началъ. При этомъ Прудонъ (въ своей книгѣ «Du principe fédératif», которая почти вся посвящена сравнительному изслѣдованію государственнаго устройства Швейцаріи и Америки) считаетъ швейцарскую демократію значительно болѣе развитою и упроченною; Токвиль-же отдаетъ рѣшительное преимущество заатлантическимъ друзьямъ. Неодѣненное преимущество это заключается на его взглядъ въ томъ, что въ Америкѣ, центральная власть, предоставляющая широкой просторъ общинной самодѣятельности, обращается тѣмъ не менѣе прямо къ личности союзныхъ гражданъ. Въ Швейцаріи-же община служитъ необходимымъ посредникомъ между личностью и государствомъ. Союзная, а отчасти и кантональная власть, здѣсь вовсе даже не знаетъ «гражданина», а знаетъ только «общинника», и одна изъ главнѣйшихъ обязанностей союзнаго правительства заключается именно въ наблюденіи, чтобы на союзной территоріи не было необщинниковъ-гражданъ. Швейцарецъ, не состоящій членомъ какой-нибудь общины, такой-же *гейматлозъ* (лишенный отечества) у себя дома, какъ и пришлый чужеземецъ: онъ не только не пользуется здѣсь какими-нибудь гражданскими или политическими правами, но онъ во всякое время даже можетъ быть изгнанъ по административному произволу общинъ. Но между швейцарскою конституціею и внутреннимъ строемъ американскаго союза существуетъ еще болѣе существенное различіе, состоящее въ томъ, что въ Швейцаріи государство,—по крайней мѣрѣ, въ принципѣ,—есть союзъ не только самоуправныхъ, но и владѣльческихъ общинъ; тогда-какъ въ Америкѣ штатъ административно подраздѣляется на извѣстное количество *townships*, пользующихся дѣйствительно очень широкою долею самоуправленія, но несплоченныхъ между собою никакими владѣльческими интересами. Потому въ Швейцаріи государство въ высшемъ своемъ проявленіи, т. е. союзное правительство, можетъ по закону предписать всякой общинѣ, чтобы она доставила необходимыя средства къ жизни каждому изъ своихъ гражданъ; вашингтонскій-же конгрессъ, если-бы онъ паче чаянія и вздумалъ вмѣшаться въ подобное дѣло; могъ-бы развѣ только въ лучшемъ случаѣ рекомендовать неимущаго американца благо-

склонному вниманію его согражданъ. Иначе говоря, швейцарская конституція формально не признаетъ за своими гражданами права умирать съ голоду: полицейскій въ каждомъ швейцарскомъ городѣ обязанъ подбирать на улицѣ каждаго нищаго, не затѣмъ, чтобы сажать его въ кутузку, а чтобы доставить его въ его общину, которая, въ свою очередь, обязана дать ему кровь и хлѣбъ.

Въ нѣкоторыхъ восточныхъ мѣстностяхъ Швейцаріи еще и до настоящаго времени государство вполне отождествляется съ общиною, такъ что вовсе даже не имѣетъ отдѣльнаго существованія, т. е. осуществляется то «прямое народное управленіе» (*gouvernement social par le peuple*), которое радикальный Руссо въ своемъ «*Contrat Social*» въ, объявилъ, какъ извѣстно, несбыточною мечтою. Въ трехъ первобытныхъ кантонахъ: Швицѣ, Ури и Унтервальденѣ, а также въ части Аппенцельскаго кантона, называемой *Ausser Rhoden*, не существуетъ ни совѣтовъ, ни парламентовъ, большая часть дѣлъ рѣшаются вполне самостоятельно и въ послѣдней инстанціи деревенскою общиною. Разъ въ годъ, весною, всѣ общинники собираются на Земскій Соборъ (*Landsgemeinde*), который и облеченъ верховною законодательною властью, причемъ предсѣдатель сборища, *landamann*, играетъ только роль дакладчика и руководителя преній, которыя иногда бываютъ чрезвычайно оживлены. Впрочемъ, каждый членъ пользуется правомъ предлагать новые проекты законовъ по своему усмотрѣнію. Они принимаются или отвергаются собраніемъ черезъ *wapentak*, т. е. поднятіе мечей, какъ это водилось въ тацитовскія времена на «*майскихъ поляхъ*» у германскихъ предковъ нынѣшнихъ мирныхъ аппенцельскихъ или швицкихъ гражданъ. Для этого еще и теперь, каждый изъ общинниковъ, отправляясь на соборъ въ черномъ сюртукѣ или въ гороховомъ полуфракѣ, не приминетъ захватить съ собою какую-нибудь ржавую рапиру, или новую кавалерійскую саблю, или иное какое-нибудь болѣе или менѣе удачное подобіе древняго меча. Замѣчательно, что въ теченіи слишкомъ тысячи лѣтъ, люди эти собираются тамъ каждый годъ, рѣшаютъ дѣла, очень близко затрогивающія самолюбіе однихъ и вещественные интересы другихъ. Но не бывало еще примѣра, чтобы мечи эти хоть когда-нибудь обагрились одною каплею крови. Развѣ только порою, иной неуклюжій *Schwytzerdütsch*, возвращаясь поздно вечеромъ домой съ братскаго банкета, которымъ часто заканчиваются эти законодательныя сессіи, оцарапаетъ самъ себя собственнымъ своимъ мечемъ... Немного больше усложненія представляетъ также и управленіе другихъ сосѣднихъ кантоновъ.

Въ Швейцаріи совершенно наглядно подтверждается, что между общиннымъ землевладѣніемъ съ одной стороны, и съ другой— между политическимъ и административнымъ самоуправленіемъ существуетъ неразрывная связь: кантоны съ наибольшимъ развитіемъ *альмендъ*, т. е. общинныхъ полей, представляютъ здѣсь и наибольшее отождествленіе государства съ общиною. Въ кантонахъ преимущественно городскихъ: въ промышленномъ Цюрихѣ, въ мекульторской Женевѣ, централизованнѣй элементъ начинаетъ уже играть въ государственномъ управленіи довольно важную роль. Но въ особенности характерно то, что сравнительно большею централизаціе отличается также и бернскій кантонъ, хотъ онъ и находится въ числѣ самыхъ земледѣльческихъ кантоновъ Швейцаріи. Но только здѣсь, а именно въ земледѣльческой низменной части кантона, личное землевладѣніе уже съ давнихъ поръ взяло рѣшительный перевѣсъ надъ общиннымъ; *альменды* встрѣчаются только въ гористыхъ частяхъ, т. е. въ Оберландѣ. Нѣкоторыя богатѣя общины бернскихъ крестьянъ,— въ особенности послѣ уничтоженія федеральною конституціею 1847 г. прежняго различія между «гражданами политическими» и «гражданами имущественными» (*Genossbürger*), подѣлили окончательно земли по семьямъ и преобразились въ довольно своеобразныя замкнутыя ассоціаціи. Есть общины, въ которыхъ право гражданства оцѣнивается до 100,000 франковъ, такъ-какъ выгоды, связанныя со званіемъ полнаго общинника этихъ коммунъ, покрываютъ съ лихвою проценты съ этого капитала.

Общинное землевладѣніе чрезвычайно развито почти во всѣхъ, отчасти даже и въ городскихъ, кантонахъ Швейцаріи. Санъ-Галленъ, славящійся своимъ промышленнымъ развитіемъ, даетъ каждому изъ своихъ гражданъ поземельный надѣлъ, простирающійся въ нѣкоторыхъ общинахъ за 1,500 клафтеровъ, подъ усадьбу, садъ и огородъ. Кромѣ того, община снабжаетъ гражданъ дровами и строевымъ лѣсомъ, горнымъ пастбищемъ на содержаніе нѣкотораго числа штукъ рогатаго скота; за всѣмъ тѣмъ нераздѣльныхъ общинныхъ имуществъ оказывается достаточнымъ для того, чтобы граждане не платили вовсе податей: издержки на содержаніе школы, пастора и другіе общинные расходы покрываются сполна доходами съ пастбища и полей, отдаваемыхъ внаймы или воздѣлываемыхъ подъ управленіемъ общинныхъ совѣтовъ. Въ Санъ-Галленскомъ Оберландѣ усадебный надѣлъ бываетъ иногда почти вдвое больше показаннаго выше: такъ, напримѣръ, община Вартау даетъ подъ каждую усадьбу почти цѣлый гекторъ. Такимъ образомъ, становится легко понятнымъ, почему въ швейцарскихъ кантонахъ, даже при

высокомъ уровнѣ промышленнаго развитія, не возникаетъ большихъ городовъ. Работникъ не легко покидаетъ общину, которая даетъ ему кусокъ хлѣба и возможность жить на чистомъ воздухѣ, въ своей избѣ. Съ другой стороны, предприниматели также находятъ выгоднымъ заводить свои фабрики въ деревняхъ, гдѣ, при только-что помянутыхъ условіяхъ, работники могутъ довольствоваться низшею задѣльной платою. Во всякомъ случаѣ, развитіе промышленности въ кантонахъ Санъ-Галленскомъ и Аппенцельскомъ таково, что на него слѣдуетъ обратить вниманіе. Нельзя не согласиться съ Лавеле, который говоритъ на стр. 625 своего третьяго очерка «Propriété primitive»: «современный индустриализмъ преобразилъ фабричнаго работника въ бездомнаго кочевника, для котораго *отечество* пустое слово и всѣ помыслы котораго неволью поглощены ожесточенною борьбою съ предпринимателемъ изъ-за задѣльной платы. Для общинника, напротивъ, родина есть дѣйствительно *alma parens*, дѣйствительно дорогая мать-кормилица, которая не забывается никогда»... «Тотъ, кто получаетъ свой хлѣбъ отъ другого, не можетъ считать себя независимымъ. Въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи,—вездѣ, гдѣ думали наградить пролетарія свободою, ненадѣливши его землею,—должны были прибѣгать къ системѣ скрытаго голосованія и къ другимъ уловкамъ, при которыхъ патронъ не зналъ-бы за кого или противъ кого подаетъ избирательный голосъ его батракъ»... «До сихъ поръ всѣ демократіи гибнуть отъ того, что, установивъ политическую равноправность, онѣ оказывались бессильными противъ имущественнаго неравенства, неизбѣжно ведущаго къ междоусобіямъ и диктатурѣ... Эта опасность постоянно указывалась всѣми политическими мыслителями, отъ Аристотеля до Макиавелли и до Монтеスキе. Токвиль проглядѣлъ ее потому, что онъ недостаточно вникалъ въ экономическую сущность вещей. Теперь эта опасность стала уже очевидною для всѣхъ... Альменды, удѣляя каждому частицу общаго благосостоянія, быть можетъ замедляютъ непомѣрное обогащеніе немногихъ; но зато онѣ устраняютъ ожесточенную внутреннюю борьбу»... «Какая разница, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—между положеніемъ какого-нибудь манчестерскаго работника, живущаго въ мрачной и душной атмосферѣ, пропитанной копотью, имѣющаго свой домъ въ убогомъ углу какого-нибудь смраднаго чердака или подвала, отъ котораго онъ спѣшитъ отдохнуть въ сосѣднемъ *gipralase*, и участію швейцарскаго его собрата, которому его община обезпечиваетъ уютное жилище въ живописной долинѣ, въ виду величественныхъ ледниковъ. Онъ не терпитъ нужды ни въ чемъ; воздѣлываніе своего огорода или садика служить ему

отраднѣмъ развлеченіемъ отъ фабричной работы. Онъ привязанъ къ своему укромному уголку; привязанъ къ общинѣ, въ управленіи которою онъ принимаетъ дѣятельное участіе; привязанъ къ кантону, въ законодательствѣ котораго его голосъ имѣетъ свое значеніе на 'ряду съ голосами другихъ согражданъ, съ которыми неразрывно сближаетъ его не одна только общность правъ, но и общность экономическихъ интересовъ».

Общинное землевладѣніе въ Швейцаріи представляетъ замѣчательное разнообразіе внѣшнихъ формъ, размѣровъ и подробностей внутренняго своего устройства. Рядомъ съ формами, уцѣлѣвшими почти въ неизмѣнной своей чистотѣ отъ до-исторической древности и приближающимися къ первобытной германской «маркѣ», которая, собственно говоря, представляетъ собою до-общинный видъ землевладѣнія, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ здѣсь формы несомнѣнно очень новыя и приближающіяся скорѣе къ типу кооперативныхъ ассоціацій. Замѣчательно, что различіе племенъ, языковъ и религій не играетъ въ этомъ дѣлѣ никакого существеннаго значенія. Французскія общины Валлиса представляютъ очень часто полное подобіе нѣмецкихъ общинъ первобытныхъ кантоновъ или берискаго Оберланда. Протестанты кантона Ваадъ, отличающейся строгимъ пуританствомъ своихъ нравовъ, въ смыслѣ устройства своихъ владѣльческихъ общинъ ничѣмъ не отличаются отъ фанатическихъ католиковъ тессинскаго кантона или бернской части юрскаго хребта. Зато очень большое вліяніе на жизнь и развитіе общинъ играетъ природа и преобладающій видъ хозяйства въ данной мѣстности. А такъ-какъ здѣсь, въ предѣлахъ одного и того же кантона очень часто встрѣчаются и хорошо орошенныя равнины, гдѣ садоводство, огородничество и земледѣліе прививаются очень легко, и горныя пастбища и лѣса, неподлежащіе личной апроприаціи, то часто двѣ смѣжныя общины несходны между собою, ни въ смыслѣ пользованія природными своими угодіями, ни въ смыслѣ устройства самоуправления. Особеннымъ разнообразіемъ общинныхъ условій отличается Граубинденскій кантонъ, гдѣ часто жители двухъ сосѣднихъ деревень говорятъ совершенно различнымъ языкомъ и съ трудомъ понимаютъ другъ друга. Къ сожалѣнію, кантонъ этотъ принадлежитъ еще къ числу наименѣе разслѣдованнымъ. Вообще нельзя не замѣтить, что литература общиннаго землевладѣнія въ Швейцаріи крайне бѣдна. Нѣсколько отрывочныхъ сообщеній о немъ можно съ трудомъ почерпнуть изъ большаго количества книгъ и брошюръ, которыя по большей части касаются только вскользь интересующаго здѣсь насъ предмета. Берлепшъ въ своемъ хорошо задуманномъ, но плохо исполнен-

номъ сборникъ «die Schweizerkunde» посвящаетъ общинному быту всего одну-двѣ странички, да и тѣ почти сполна сотканы изъ общихъ мѣстъ. Хорошая работа профессора Виса (*Wyss*) «die Schweizerische Landsgemeinden» теперь уже нѣсколько устарѣла; а брошюра въ родѣ той, которую докторъ Беккеръ изъ Гларуса издалъ подъ заглавіемъ «die Allmeinde, das Grundstück zur Lösung der Socialen Frage» и въ которой фактическое знаніе дѣла идетъ рядомъ съ живымъ пониманіемъ вопросовъ, волнующихъ современное человѣчество;—такія брошюры, говорю я, очень немногочисленны и рассчитываются обыкновенно на ограниченное число читателей, такъ-что даже въ продажѣ встрѣчаются нелегко. Работа Лавеле, которую я цитировалъ уже нѣсколько разъ, составлена добросовѣстно и толково; къ сожалѣнію, она очень неполна и ограничивается почти исключительно одною нѣмецкою Швейцаріею. Къ тому-же, хотя изданная въ свѣтъ въ 1872 г., она не принимаетъ въ расчетъ очень существенныхъ фактовъ, совершившихся въ швейцарскомъ общинномъ землевладѣніи и самоуправленіи за послѣднее двадцатипятилѣтіе. А затѣмъ; централизованная агитація въ Швейцаріи, первоначально разбитая на поприщѣ всенароднаго пользованія, но потомъ одержавшая нѣсколько очень вѣскихъ побѣдъ въ 1875 г., внесла въ это дѣло не мало новыхъ перемѣнъ, такъ что многія изъ данныхъ Лавеле являются теперь уже нѣсколько запоздалыми.

Общинныя владѣнія въ Швейцаріи подраздѣляются на нѣсколько категорій, смотря по угодіямъ: лѣса, пастбища (*Alp, Weide*), поля, торфяныя болота, *Riethern*, т. е. низменности, составляющія тростникъ для плетенія корзинъ, для настилокъ въ хлѣвахъ и для другихъ хозяйственныхъ надобностей. Альмендою въ строгомъ смыслѣ называются только тѣ пахотныя поля, которыя не пускаются въ раздѣлъ, а воздѣлываются сообща, обязательнымъ трудомъ общинниковъ, или наемными работниками подъ управленіемъ общиннаго совѣта. Всѣ эти категоріи общинныхъ имуществъ встрѣчаются далеко не вездѣ; но каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенную регламентацію, свои особенныя условія хозяйства и пользованія, представляющіяся, въ свою очередь, крайне перемѣнчивыми отъ одной мѣстности къ другой. Мѣстами общинное землевладѣніе сохранилось еще во всей своей силѣ, а общинное хозяйство клонится уже къ упадку, выражающемуся, главнѣйшимъ образомъ, въ томъ, что угодья сдаются на аренду частнымъ эксплуататорамъ; вырученныя за это деньги идутъ на покрытіе общинныхъ издержекъ, а избытокъ, если онъ есть, распредѣляется между общинниками. Въ первыя эпохи

такого упадка сдача на аренду обставляется еще обыкновенно нѣкоторыми ограниченіями, какъ, напримѣръ требованіемъ, чтобы арендаторъ былъ самъ членомъ той-же общины, у которой онъ снимаетъ поля или другія угодья по найму. Общинный совѣтъ сохраняетъ еще нѣкоторыя права наблюденія надъ эксплуатаціею арендованныхъ земель. Но затѣмъ связь между арендаторами и общиною порывается все болѣе и болѣе. Въ нѣкоторыхъ другихъ кантонахъ, гдѣ общинныхъ имуществъ сохранилось уже не много, общинники не принимаютъ почти вовсе никакого участія въ распоряженіи ими, а только получаютъ въ установленные сроки выпадающій на ихъ долю дивидендъ. Дивидендъ этотъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ получается натурою. Такъ въ Бернскомъ кантонѣ не только полные общинники, но даже такъ-называемые *Beisässe*, т. е. поселившіеся въ кантонѣ, но непринятые членами общины на равныхъ съ ними правахъ, получаютъ зимою топливо, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дѣсъ на постройку или поправку своихъ избъ; то-же дѣлается и въ Солотурнѣ. Въ Ваадтскомъ кантонѣ (*Vaud*) нѣкоторые общинники получаютъ бесплатно опредѣленное количество сыра, вывариваемаго наемными сыроварами изъ молока общинныхъ коровъ, и т. п.

Беккеръ въ упомянутомъ выше своемъ сочиненіи говоритъ, что относительно распоряженія и пользованія общинными имуществами въ Швейцаріи можно различать три типа, имѣющіе каждый своимъ представителемъ кантоны Ури, Валлисъ и Гларусъ.

Въ Ури мы несомнѣнно встрѣчаемъ одну изъ древнѣйшихъ формъ собирательнаго пользованія землею, т. е. ту германскую «марку», которая предшествуетъ общинности и является обыкновенно у народовъ, еще не принявшихъ окончательно за земледѣліе, живущихъ пастушествомъ и охотою. Несмотря на сравнительно довольно значительное территоріальное протяженіе этого кантона и на то, что въ немъ имѣется уже восемь деревень, мы еще не встрѣчаемъ здѣсь подраздѣленія на общины. Въ нижней долинѣ рѣки Рейсъ много земли съ давнихъ поръ отошло уже въ частную собственность; но за этимъ изъятіемъ, вся территорія кантона составляетъ нераздѣльное имущество жителей каждой изъ этихъ восьми деревень, составляющихъ вмѣстѣ одну земщину или *Landsgemeinde*. Одну изъ главныхъ доходныхъ статей составляютъ здѣсь горныя пастбища, лежація на различныхъ высотахъ и подраздѣляемыя *in abstracto* на *Stoss* или *Kuhessen* (коровья ѣда), т. е. на участки, необходимыя для годичнаго прокормленія одной штуки крупнаго рогатаго скота. Въ

одной верхнерейской долины, гдѣ личная собственность еще не завелась, насчитывается около $5\frac{1}{2}$ тысячъ такихъ штосовъ, а такъ-какъ все число жителей составляетъ только 2,700 семействъ, то это представляетъ для каждой семьи возможность дороваго содержанія двухъ коровъ или соотвѣтствующаго числа козъ и барановъ. Кромѣ того, земщина эта владѣтъ превосходными лѣсами, оцѣниваемыми приблизительно въ 4 милліона франковъ. Альменда, или годная къ воздѣлыванію земля этой марки, составляетъ всего только 400 гектаровъ, которыя и распредѣляются поровну на все число семей, представляя для каждой усадебный надѣлъ въ 14 аровъ, на которыхъ обыкновенно разводится огородъ и фруктовый садъ; часть-же удѣляется подъ ленъ и коноплю. Принципъ, которымъ руководствуются общинники въ пользованіи этими угодіями, можетъ показаться самымъ демократическимъ и самымъ широкимъ на первый взглядъ, такъ-какъ онъ совпадаетъ съ фурьеристскимъ девизомъ: *каждому по потребности* (à chacun selon ses besoins). Въ дѣйствительности, однако-же, оказывается, что этотъ принципъ ведетъ въ концѣ концовъ къ очень чувствительному неравенству. Богачъ, который можетъ купить и прокормить на свой счетъ въ короткое зимнее время цѣлое стадо коровъ, пасетъ ихъ безданно и безпошлинно на общественныхъ пастбищахъ; межъ тѣмъ какъ бѣднякъ шлетъ туда всего одну козу, или-же вовсе не пользуется этою доходною статью, составляющею едва-ли не главнѣйшую часть общиннаго достоянія. Правда, въ послѣднее время постановлено ограниченіе, не позволяющее одной семьѣ пользоваться болѣе чѣмъ 30-ю штосовъ или *Kuhessen*, а бѣднякамъ, не пользующимся общинными пастбищами выдается добавочный надѣлъ изъ альменды для разведенія на немъ картофеля. Эта форма оказывается тѣмъ неменѣе значительно устарѣлою и держится безъ существенныхъ измѣненій въ Фирвальдштетской мѣстности только потому, что богатыхъ семей насчитываютъ 1,664 противъ всего 1,034 недовольныхъ такимъ ходомъ дѣла.

Валлійскій кантонъ отличается отъ кантона Ури прежде всего тѣмъ, что въ немъ уже давно строго обозначилось имущественное дѣленіе по общинамъ. Лѣса и пастбища играютъ въ его владѣніяхъ тоже очень значительную роль и эти послѣднія считаются здѣсь, какъ и на берегахъ Фирвальдштетскаго озера, неотъемлемымъ достояніемъ cadaго. Въ пользованіи лѣсомъ встрѣчается, однако-же, бѣльшая равномерность: ежегодно предназначаемое на срубъ количество деревъ раздѣляется на участки по числу общинниковъ и участки эти раздаются по жребію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, группа спекуляторовъ успѣла зах-

ватить въ свои руки законодательный и государственный со-
вѣтъ въ Сионѣ, главномъ городѣ этого кантона. Подъ ея влия-
ніемъ кантонъ, и въ особенности нѣкоторыя дѣсныя общины
его, были вовлечены въ разнаго рода сомнительныя предпріятія.
Чтобы добыть необходимые для нихъ капиталы, стали срубать
лѣсные дѣла, вслѣдствіе чего нѣсколько горныхъ деревень бы-
ли нѣсколько разъ смываемы наводненіемъ. Дѣло это надѣлало
въ свое время большого шума. Была рѣчь о вмѣшательствѣ
федеральнаго правительства; противники общиннаго землевла-
дѣнія поговаривали даже о томъ, чтобы создать центральное
управленіе лѣсовъ для всего союза... Гроза, однако-же, пронеслась
благополучно, и общинники легко сдумали сами положить пре-
дѣлъ хищническому распоряженію ихъ имуществомъ, безъ вся-
кихъ экстренныхъ мѣръ. Правда, они встрѣтили дѣятельную
поддержку въ вольномъ обществѣ лѣсоводства (union forestière
Suisse), распространенномъ по всей Швейцаріи.—Главное отли-
чіе валлійскаго общиннаго хозяйства заключается въ томъ, что
здѣсь значительную роль играютъ альменды, т. е. пахотныя
поля, а также и виноградники. Ни тѣ, ни другія не дѣлятся
здѣсь на участки, а воздѣлываются коллективно, причемъ каж-
дый общинникъ долженъ посвятить на ихъ воздѣлываніе еже-
годно опредѣленное число дней личнаго своего труда. Доходы
дѣлятся между участниками, а частью идутъ на покрытіе общин-
ныхъ нуждъ. Этотъ обычай общественнаго воздѣлыванія полей
и виноградниковъ чрезвычайно прочно укоренился въ нравахъ
Валлійскаго кантона, сохранившись вѣроятно отъ очень отда-
ленныхъ временъ. Здѣсь, какъ и по всей Швейцаріи, очень
сильно распространены всякія вольныя общества и братства
со всевозможными, вовсе не экономическими цѣлями. Большою
репутациею пользуется, напримѣръ, братство валлійскихъ стрѣл-
ковъ «des seigneurs Tireurs du Valois.» Общества эти имѣютъ
обыкновеніе покупать небольшіе участки земли, на которыхъ
члены ихъ коллективнымъ трудомъ воздѣлываютъ пшеницу и
виноградъ, доставляющіе хлѣбъ и вино для ихъ братскихъ
банкетовъ.

Позднѣйшее развитіе швейцарскаго общиннаго хозяйства
представляетъ тотъ типъ общинныхъ отношеній, который наи-
болѣе развитъ въ настоящее время въ кантонѣ Гларусъ, но
встрѣчается въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ и въ дру-
гихъ кантонахъ: въ Аппенцеллѣ, въ Санъ-Галленѣ. Прежде все-
го слѣдуетъ замѣтить, что Гларусъ давно уже не принадле-
житъ къ числу ни пастушескихъ, ни земледѣльческихъ мѣст-
ностей.

Изъ 30,000 душъ, составляющихъ все гларусское населеніе, 10,000 заняты непосредственно фабричною и промышленною дѣятельностью. Въмѣстѣ съ тѣмъ альпы или горныя пастбища въ общинныхъ владѣніяхъ этой мѣстности играютъ довольно ничтожную роль. Остающаяся ихъ часть обыкновенно сдается на аренду и доходъ служитъ на покрытіе общинныхъ издержекъ. Пользованіе лѣсами тоже строго регламентировано и даже сборъ валежника и хвороста подраздѣляется на возможно равныя участки, которые по жребію раздаются гражданамъ каждый годъ. Альменды, т. е. общинныя поля, распредѣляются на участки, которые раздаются въ пользованіе общинниковъ на сроки отъ десяти до тридцати лѣтъ. Вдовы и сироты тоже получаютъ участки въ той общинѣ, гдѣ они въ теченіи одного года имѣли «Feur und Licht», т. е. очагъ и свѣтъ. Участки эти обыкновенно воздѣлываются превосходно каждымъ временнымъ владѣльцемъ по своему усмотрѣнію. Не желающіе воздѣлывать ихъ сами, могутъ отдавать ихъ въ наймы. Съемщиковъ на такіе участки всегда легко найти, такъ-какъ общинныя земли, вслѣдствіе бережнаго съ ними обхожденія, цѣнятся очень высоко; среднимъ числомъ до 300 франковъ съ гектора въ годъ. Только самыя бѣдныя общинники имѣютъ право пасти нѣсколькихъ козъ на небольшихъ общественныхъ пастбищахъ, которыя нарочно для этой цѣли не отдаются въ наймы. Бѣднѣйшая часть общинъ постоянно прикупаютъ новыя земли, чтобы имѣть необходимый запасъ на случай увеличенія народонаселенія. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надѣлы дошли уже до очень ничтожныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Швендли ихъ едва достаточно подъ домъ и подъ огородъ. Но зато здѣсь уже съ давнихъ поръ возникли крестьянскія товарищества на паяхъ, покупающія участки земли и воздѣлывающія ихъ на кооперативномъ основаніи. Акціи этихъ товариществъ цѣнятся въ большей части случаевъ очень высоко...

Въ журнальной статьѣ мы не думали исчерпать затронутого здѣсь предмета. Цѣль наша была показать, что общинный вопросъ давно уже не составляетъ какого-то заповѣднаго русскаго или славянскаго уголка: имъ живетъ и волнуется въ настоящее время вся Европа, заключающая въ себѣ-же самой данныя, необходимыя и для болѣе или менѣе удовлетворительнаго его разрѣшенія. Примѣръ Швейцаріи всего убѣдительнѣе указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что дѣло не въ описательномъ изученіи формъ общинности, такъ-какъ формы эти очень измѣнчивы и легко примѣняются къ измѣняющимся условіямъ времени и мѣста. Дѣло въ тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ которыя

общинность становится къ государственности въ данной странѣ. Обезземеленная община естественно утрачиваетъ всякій интересъ къ самоуправленію и, хотя-бы законъ предоставлялъ ей его даже въ широкихъ размѣрахъ,—администрація фактически сосредоточивается или централизуется неизбежно въ болѣе или менѣе тѣсной и сплоченной группѣ досужихъ говоруновъ и объѣдалъ.

Л. Мечниковъ.

ПѢСНЯ ПАРИЕВЪ.

Какое дѣло намъ, что къ яснымъ небесамъ
Летитъ высоко дымъ отъ жертвоприношеній,
Что яркіе цвѣты пестрѣютъ по лугамъ,
Что Ганга свѣтлаго священное теченье
Плодотворитъ поля, лежащія кругомъ,
Что солнце золотитъ плоды своимъ лучомъ?

На пажитахъ стада пасутся не для насъ;
И пчѣлы не для насъ собираютъ мѣдъ душистый...
Гдѣ тѣ источники, гдѣ можемъ мы хоть разъ
Напиться въ знойный день воды студеной, чистой?..
Есть водопой для насъ, гдѣ пить не станетъ скотъ,
На днѣ вонючихъ ямъ, въ окраинахъ болотъ.

Гдѣ тѣ лежатъ поля, гдѣ нашъ взростаеъ рисъ?
Гдѣ, весело шума широкою волною,
Пшеницы пышные колосья налились,
Для пищи намъ зерно готова золотое?..
Нѣтъ въ полѣ стебелька, нѣтъ травы по лугамъ,
Былинки въ мѣрѣ нѣтъ, принадлежащей намъ!..

Въ труппахъ и лѣсахъ есть норы у звѣрей,
А пташка малая въ тѣни деревъ прохладной
Для гнѣздышка птенцовъ, для пѣсенки своей
Всегда найдетъ пріютъ покойный и отраднй...
Гдѣ-жъ Паріевъ дитя увидитъ божій свѣтъ?
Гдѣ волыбель его?.. Ему пріюта нѣтъ.

Когда съ долины тѣнь поднимется и мглой
Окутаетъ лѣсовъ священныя вершины,

Пригонитъ Падіаль своихъ словъ домой,
 А Сўдра съ пѣснями съ засѣянной равнины
 Приходить — и семьи вечерней пиръ готовъ...
 Гдѣ Парія найдетъ гостепрѣимный кровъ?..

Когда надъ всей землей царить нѣмая ночь
 И женщины творять таинственные знаки,
 Чтобъ сонмы злыхъ духовъ прогнать отъ дома прочь
 И все живое спитъ въ густомъ, бозмолвномъ мракѣ...
 Гдѣ Парія тогда вкуситъ отраднѣй сонъ?
 Найдеть-ли гдѣ-нибудь себѣ ночлегъ и онъ?

Когда приходитъ смерть и вся семья въ слезахъ
 Надъ тѣломъ мертвеца творить обрядъ прощальный,
 Течетъ бальзамъ въ костеръ на драгоцѣнный прахъ
 И къ небу „духъ“ летитъ съ молитвой погребальной,
 Съ надеждой радостной на „пробужденья“ часъ...
 Намъ воскресенья нѣтъ... какъ нѣтъ боговъ для насъ!

А. Барыкова.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАДАЧИ ВОСПИТАНІЯ.

(Wege und Ziele der Kulturentwicklung. Essays von *Eduard Lasker*. Leipzig 1881).

I.

Ласкеръ, вожакъ германской національ-либеральной партіи, издалъ недавно подъ общимъ заглавіемъ: «Пути и цѣли культурнаго развитія» рядъ своихъ рефератовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны между 1877 и 1879 гг. въ издаваемомъ Паулемъ Линдау журналѣ «Настоящее» и редактируемомъ Юліусомъ Роденбергомъ «Нѣмецкомъ Обозрѣніи». Собравши эти рефераты воедино, Ласкеръ присовокупилъ къ нимъ въ концѣ нѣчто въ родѣ руководящей статьи, или резюме своихъ основныхъ взглядовъ на вещи подъ заглавіемъ: «Человѣкъ и его родъ» и получилась довольно объемистая книжка въ 400 страницъ, состоящая изъ семи статей.

«Опыты» Ласкера, главнымъ образомъ, разработываютъ педагогическіе вопросы,—и это понятно. Даже въ системѣ явленій, выходящихъ изъ круга собственно воспитательно-образовательнаго міра, въ явленіяхъ, захватывающихъ общественную жизнь, люди ласкероваго пошиба придаютъ большое значеніе фактору воспитанія каждаго члена общества. Въ этомъ факторѣ они видятъ непосредственное лекарство противъ всѣхъ общественныхъ недуговъ. Поэтому объ чемъ-бы ни заговорилъ буржуа, онъ сейчасъ сведетъ вопросъ къ необходимости каждому сидѣть мирно подъ своей наслѣдственной или благопріобрѣтенной смоковницей, выходя изъ-подъ сѣни ея на свѣтъ Божій только ради защиты извѣстныхъ правъ на смоковницу и плоды ея,—сидѣть мирно, совершенствоваться себя и воспитывать своихъ дѣтей.

Этого общаго недостатка своего сословія не избѣгнулъ и Ласкеръ; но какъ человѣкъ честный и умный, онъ долженъ былъ, конечно, въ основаніе своихъ этико-педагогическихъ и культурно-философскихъ взглядовъ положить извѣстный идеаль. Такой идеаль выраженъ Ласкеромъ въ его заключительной статьѣ, резюмирующей его главные взгляды и трактующей о «Человѣкѣ и его родѣ».

«Истинный идеаль, говоритъ Ласкеръ,—какъ осуществимый образецъ прекраснѣйшей жизни, состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, смотря по высшей мѣрѣ своихъ вполнѣ-развитыхъ силъ, создавалъ выгоду себѣ и своему роду, приготавливая благополучіе для себя и увеличивая средства для благополучія другихъ». (Lasker, s. 329).

Разумѣется, можно допустить ласкеровское опредѣленіе идеала и безъ оговорокъ, предполагая, что мы имѣемъ на лицо нормальное общество, основанное на общественной коопераціи труда. Нечего говорить, что въ такомъ случаѣ даже эгоистъ, лишь-бы только онъ правильно смотрѣлъ на вещи, долженъ придти къ убѣжденію въ необходимости работать на пользу общества,—разъ онъ желаетъ добиться возможно-большой суммы счастья лично для себя. Какъ въ семьѣ всѣ члены заинтересованы въ томъ, чтобы трудиться на общую пользу, такъ точно и въ очерченномъ нами обществѣ каждый членъ его заинтересованъ въ томъ, чтобы трудиться на общую пользу. Тутъ личное благосостояніе и благосостояніе окружающихъ тѣсно связаны между собою. Съ другой стороны, при кооперативной формѣ хозяйства и нельзя представить, чтобы человѣкъ могъ какимъ-нибудь инымъ путемъ «приготавливать себѣ благополучіе», кромѣ того пути, на которомъ онъ «увеличиваетъ средства для благополучія другихъ». Но до сихъ поръ экономическая организація сотрудничества типа, въ современномъ обществѣ руководящимъ принципомъ не являлась и пока не является. (Мы не говоримъ о первобытныхъ формахъ собственности и производства). Напротивъ, въ настоящую эпоху обособленность и противоположность хозяйственныхъ и прочихъ интересовъ между членами общества возведены на степень основныхъ явленій человѣческой жизни. Стоитъ только послушать, какъ доказываютъ свое право на полученіе титула «благодѣтель» наши Колупаевы и Разуваевы и западноевропейскіе господа фонъ-Гехты.

Тѣмъ-же въ теоріи занимался, напр., извѣстный Томасъ-Робертъ-Мальтусъ. Хотя Мальтусъ на время нѣсколько отведетъ насъ въ сторону, но за-то тѣмъ лучше мы уразумѣемъ изъ него міросозерцаніе третьяго сословія. Въ первой книгѣ своего из-

вѣстнаго трактата о народонаселеніи Мальтусъ, ссылаясь на «Политическую экономію» Сэра-Джемса Стьюарта, говоритъ о Сибири, что почва въ ней великолѣпна, а грубый трудъ, благодаря такой почвѣ, крайне-производителенъ: «одного посѣва бываетъ достаточно для пяти и шести жатвъ, и каждая жатва даетъ въ двѣнадцать или въ пятнадцать разъ болѣе посѣяннаго» (Мальтусъ, «Опытъ о законѣ народонаселенія», томъ I рус. изд., стр. 211).

Соціальныя-же условія этой благословенной мѣстности, по Мальтусу, таковы: съ одной стороны «фермеры», «съемщики»,—но ихъ немного, съ другой—рабочіе, пролетаріи; но этимъ препятствуетъ размножаться «естественный законъ народонаселенія», недостатокъ въ пищѣ. Какъ такъ, спроситъ читатель: въ этомъ Эльдорадо и недостатокъ пищи? Да. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ Мальтусъ, потому-что, какъ англичанинъ, онъ не можетъ предоставить себѣ иныхъ соціальныхъ условій, кромѣ аналогичныхъ англійскимъ. Въ Англійи есть землевладѣльцы, фермеры и рабочіе, и вотъ Мальтусъ устанавливаетъ подобныя рубрики и для Сибири. Здѣсь онъ находитъ хозяевъ-собственниковъ и окрепчиваетъ ихъ «съемщиками», находитъ и рабочихъ. Нѣтъ только землевладѣльца? Но вѣдь изобрѣсть его пустыяки. Разъ ради аналогіи съ Англійей ставится знакъ равенства между хозяевами-собственниками и «съемщиками», то гдѣ-нибудь найдется и лордъ, у котораго снимаются земли. Такой лордъ есть: это—русское правительство. Сдѣлавши Англійю изъ Сибири, въ которой и прежде и теперь сильна, напротивъ, община, а не капиталистическій строй, Мальтусъ сейчасъ-же объясняетъ слабое населеніе страны недостаткомъ пищи. Такъ-какъ съ одной стороны въ Сибири есть «фермеры», а съ другой—рабочіе, то-конечно, «естественный» порядокъ мірозданія требуетъ, чтобы вторые работали на первыхъ, которые-бы ихъ за-то кормили. Словомъ—рабочіе и въ Эльдорадо могутъ ѣсть не иначе, какъ трудясь не для себя, а для «съемщиковъ». Но при большой производительности почвы, съемщики требуютъ мало труда, мало рабочихъ, чтобъ жить какъ у Христа за пазухой. Ergo: спросъ на трудъ ничтоженъ. Ergo: рабочій долженъ голодать даже въ сказочномъ Эльдорадо. Вѣдь «съемщикъ» дѣлаетъ все, что только находитъ необходимымъ для обработки своихъ земель, при содѣйствіи своего семейства и одного или двухъ работниковъ, которыхъ онъ обыкновенно держитъ». (I с., стр. 212). Но въ такомъ случаѣ, конечно, «новые работники рѣшительно ничего не въ силахъ доставить ему болѣе». (id.) Стало-быть, «въ дѣйствительности они будутъ лишены средствъ существованія, какъ

если-бы жили на самой бесплодной почвѣ». (id.).—Какъ такъ, спрашиваетъ изумленный читатель: да вѣдь эти «новые работники» могутъ работать для себя на незанятыхъ земляхъ и жить какъ нельзя лучше?

Немудрено, что съ такимъ міровоззрѣніемъ всякій съемщикъ — капиталистъ, а всякій лордъ — благодѣтель рабочаго и въ самомъ процессѣ наживанія капиталовъ даетъ возможность не умирать съ голоду пролетарію, награждая его заработной платой. Очевидно, что онъ вполне удовлетворяетъ идеалу Ласкера: онъ «приготовляетъ благополучіе для себя», но тѣмъ самымъ «увеличиваетъ средства благополучія другихъ», приглашая новыхъ рабочихъ для работы и ухода за своей капиталистической смоковницей.

А Ласкеръ, строя свой идеалъ (не только осуществимый, но даже, прибавимъ мы, осуществленный) какъ-разъ и имѣетъ предъ собой въ мысляхъ современное западно-европейское общество. Но допустимъ даже, что Ласкеръ въ своемъ идеальномъ обществѣ будетъ вести дѣло только съ идеальными капиталистами, которые ухитрятся, наживая себѣ «блага», создавать благополучіе другимъ... т. е. некапиталистамъ. Посмотримъ, какими путями, по мнѣнію Ласкера, мы можемъ подойти къ идеальному обществу.

II.

Но какъ добиться человѣчеству счастья, какъ создать каждой личности возможное благополучіе?—На разрѣшеніе этого вопроса и на изысканіе средствъ для реализаціи «прекраснѣйшаго образца жизни» Ласкеръ направляетъ свои усилія преимущественно въ главѣ о «Задаткахъ и воспитаніи». Человѣкъ, по его словамъ, какъ представитель извѣстнаго типа, названнаго Линнеемъ homo sapiens, имѣетъ извѣстныя общія черты физической и духовной организаціи, которыя онъ раздѣляетъ съ другими представителями своего типа. Совокупность этихъ чертъ, этихъ основныхъ элементовъ человѣка, представляетъ собой, такъ-сказать, фундаментъ организаціи разумнаго существа, опредѣляющій величину и общій характеръ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ надстроекъ каждой отдѣльной личности, стало-быть, надстроекъ индивидуальныхъ. У одной личности являются болѣе развитыми, болѣе рельефными одни индивидуальные надстройки на общемъ грунтѣ человѣческой организаціи, у другой—другія. Одинъ съ молодыхъ ногтей отличается красивымъ лицомъ, идеальнымъ выраженіемъ глазъ и виѣсть съ этимъ, но, конечно, независимо

отъ этого, способностью говорить и передавать свои впечатлѣнія въ художественныхъ образахъ. Другой при извѣстномъ внѣшнемъ ансамблѣ рѣзко выдѣляется своими механическими способностями, умѣемъ или почти вдохновенъемъ комбинировать части техническихъ орудій. Третій далеко проникаетъ ножомъ критическаго анализа въ окружающія его общественныя формы и уже рано начинаетъ интересоваться вопросами, почему люди живутъ такъ, а не иначе,

Warum schleppt sich blutend, elend
 Uter Kreuzlast der Gerechte,
 Während glücklich als ein Sieger
 Trabt auf hohem Ross der Schlechte?—

т. е. «почему окровавленный, несчастный, тащится подъ бременемъ креста праведникъ, а злой, какъ счастливый побѣдитель, скачетъ на высокомъ конѣ?»

Вотъ эти-то различныя особенности человѣка и, главнымъ образомъ, душевныя его способности и являются, такъ-сказать, въ связи съ обще-человѣческими чертами, основнымъ капиталомъ личности, который можетъ быть употребленъ на то или другое занятіе, вложенъ въ то или иное предпріятіе. Разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ подвергаться извѣстной переработкѣ. Процессъ этой переработки, или, вѣрнѣе, выработки, лежитъ въ сферѣ воспитанія. Оно должно оперировать надъ сырымъ матеріаломъ, заключающимся въ обще-человѣческихъ и индивидуальныхъ чертахъ личности. Результатъ отъ сочетанія съ этимъ матеріаломъ труда воспитанія и долженъ опредѣляться, конечно, свойствами не одного изъ факторовъ, а ихъ взаимодействіемъ. Въ концѣ-концовъ этотъ результатъ при благоприятныхъ условіяхъ выражается въ возвышеніи внутренней цѣнности личности, все равно, какъ самое плодородное поле приобрѣтаетъ большую цѣнность благодаря приложенію къ нему текущаго труда при посредствѣ прошлаго труда, осѣвшаго въ видѣ кристалловъ капитала. А съ возвышеніемъ цѣнности личности увеличивается и общественное счастье.

Изъ того, что индивидуальныя особенности играютъ важную роль въ образованіи ума и характера личности не слѣдуетъ, конечно, что воспитаніе должно считать эти особенности за нѣчто неприкосновенное. Процессъ воспитанія не долженъ слѣпо слѣдовать за нравственными изгибами, за мельчайшими изогнутостями человѣческой индивидуальности. Не нужно только насиловать общаго хода развитія личности, поскольку оно вытекаетъ изъ крупныхъ особенностей этой личности. Процессъ воспитанія подразумѣваетъ, конечно, изслѣдованіе всѣхъ, даже

самыхъ мелкихъ чертъ индивидуальности, но тотъ-же самый процессъ далеко не долженъ состоятъ въ слѣпомъ движеніи по малѣйшимъ изогнутостямъ душевныхъ, если можно такъ выразиться, рельсовъ личности. Изученіе индивидуальныхъ чертъ позволяетъ вамъ, напротивъ, слѣдуя въ общемъ направленіи воспитанія за естественнымъ развитіемъ личности, исправлять частныя уклоненія съ этого пути, которыя увлекаютъ личность подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій часто въ сторону, противную даже общему направленію развитія этой личности. Таковы въ крупныхъ штрихахъ взгляды Ласкера. Но намъ кажется, что онъ недостаточно ясно подчеркнул процессъ того воздѣйствія, которое производитъ на индивидуальные черты характеръ воспитанія, и придалъ слишкомъ большое значеніе этимъ чертамъ. находясь подъ обаяніемъ современнаго раздѣленія труда.

Было-бы слишкомъ наивно съ нашей стороны, если-бы мы вздумали доказывать пользу для современнаго общества экономическаго раздѣленія труда. Начиная съ Вилльяма Петти, приводившаго въ примѣръ фабрикацію карманныхъ часовъ, Адама Смита, съ его примѣромъ производства булавокъ, Жана-Батиста-Сея, съ игральными картами,—все экономисты постоянно и на разные лады проповѣдывали міру о великомъ прогрессѣ общественной производительности и громадномъ возрастаніи богатства, вызванномъ раздѣленіемъ труда. Понятно, что человѣкъ, непосредственно вкушающій плоды отъ такого возрастанія, чувствуетъ сильную склонность видѣть хорошія стороны, казовые концы современной жизни и закрывать глаза на обратную сторону медали, увѣряя себя, что все на свѣтѣ—«добро зѣло». Ну, и съ раздѣленіемъ труда повторилась та-же самая исторія. Богатство, возраставшее подъ вліяніемъ, между прочимъ, раздѣленія труда, ослѣпляло своимъ блескомъ буржуазныхъ наблюдателей, которые проглядывали изъ-за этого блеска рядъ картинъ, не уступавшихъ мрачнымъ образамъ Дантова Ада. Въ аду поэта читатель съ ужасомъ натыкался на обезображенныя фигуры грѣшниковъ, повѣшенныхъ за руки, за ноги, скорченныхъ въ темномъ углу, привязанныхъ къ громадному вращающемуся колесу. Въ аду капиталистической дѣйствительности, на обширной фабрикѣ толпилась и толпится масса грѣшниковъ-пролетаріевъ, по 12 часовъ стоящихъ у громадныхъ, еще быстрѣе, чѣмъ въ Дантовомъ аду, вращающихся колесъ. Въ аду поэта видѣлись въ глубокихъ подземельяхъ сжигаемые огнемъ тѣни преступниковъ. Въ аду дѣйствительности, въ подземельи завода, предъ раскаленной до-бѣла струей металла, катящейся изъ доменной печи, мелькаютъ въ невыносимомъ жару фигуры рабочихъ. Этотъ

адъ заслуживаетъ вниманія современнаго европейца не меньше, чѣмъ Дантовъ Адъ—вниманія европейца средневѣковаго. Въ западно-европейскія государства выработали цѣлые кодексы законодательства, чтобы уменьшить число жертвъ современнаго ада. Россія тоже занята вопросомъ о фабричномъ законодательствѣ. По почину московскаго генераль-губернатора учреждена, напр., особая коммиссія для осмотра московскихъ фабрикъ и заводовъ. И въ доселѣ вышедшихъ двухъ выпускахъ трудовъ этой коммиссіи читатель найдетъ очень много параграфовъ иностранныхъ законодательствъ, которые, говоря о предупрежденіи такихъ-то и такихъ-то несчастій, ясно рисуютъ опасность, вѣчно висящую надъ головами рабочихъ (въ буквальной смыслѣ этого слова). Порабощеніе машиной человѣка, превратившагося въ какое-то арифметическое дополненіе къ ней, изуродовавшаго свое нормальное развитіе и приспособившагося, благодаря уродливой односторонности, къ мѣрному и грандіозному качанію машиннаго механизма,—весь ужасъ отъ этого порабощенія хорошо запечатлѣлся въ стихотвореніи талантливаго англійскаго поэта-работника, Эдварда Мэда (Mead).

Это порабощеніе человѣка паромъ, приковываніе человѣка къ утомительной однообразной функціи, узкая специализація, калеченіе нормальнаго развитія, которое при мануфактурномъ производствѣ хоть вознаграждалось развитіемъ въ работникѣ ремесленной ловкости, а теперь при крупномъ производствѣ все ушло на томительный отупляющій процессъ наблюденія за автоматомъ, часто при уродливомъ положеніи тѣла, — все это не могло не отозваться на развитіи личности и на характерѣ самаго общества. Раздѣленіе механическаго труда на крайне простые, лишеныя всякаго содержанія процессы въ фабричномъ мірѣ имѣетъ свое дополненіе въ общественномъ раздѣленіи труда. И здѣсь мы имѣемъ предъ собою рядъ до нельзя узкихъ специалистовъ, одинъ изъ которыхъ цѣлую жизнь проводитъ въ наблюденіи за пищеварительными функціями клопа, другой пересчитываетъ въ теченіи полувѣка мелкія отступленія отъ формъ и конструкціи у античныхъ писателей, третій комментируетъ комментаріи къ комментаріямъ на Данта. Четвертый... ну, словомъ, большинство интеллигентныхъ рабочихъ сидятъ каждый въ своей клѣткѣ и полагаютъ, что за перегородкой этой клѣтки нѣтъ міра, — по крайней-мѣрѣ, нѣтъ міра, достойнаго вниманія того или иного ученаго специалиста.

III.

Ласкеръ, какъ человѣкъ умный и, главное, захваченный водоворотомъ жизни, все равно, въ какому-бы общественному берегу ни прибывала его жизненная волна, часто возстаетъ противъ узкаго специализма, — въ особенности, напр., въ концѣ своей статьи о «Мировой и государственной мудрости». Но, подобно всякому буржуа, онъ немалую долю ошибокъ вноситъ въ свои разсужденія о характерѣ индивидуальных особенностей людей и ужь, конечно, нельзя согласиться съ авторомъ, когда онъ говорить, что «смотря по степенямъ умственнаго элемента общество формируется въ органическое существо, съ головою и членами различнаго значенія» (I. c. s. 229).

Со временъ Мененія Агриппы прошло болѣе 2000 лѣтъ, а сказка почтеннаго сенатора осталась по существу, какъ видите, одной и той-же. Явился только маленькій вариантъ. Въмѣсто желудка, какъ главнаго члена тѣла, фигурируетъ теперь голова. Прогрессъ не богъ знаетъ какой! Прежде патентъ на львиную долю выдавался желудку, ибо ему хотѣлось кушать. Теперь на этотъ патентъ изъясняетъ претензію голова, ибо ей хочется думать. Не сильные вѣдь аргументы? И если, въ противоположность Мененію Агриппѣ, Гейне на притязанія желудка возражалъ слѣдующей репликой:

Будемъ счастливы здѣсь; перестанемъ терпѣть
Недостатки и всякія муки:
Пусть лѣнивое брюхо не лопаетъ то,
Что достанутъ прилежныя руки,—

то и на притязанія головы можно возразить не менѣе вѣско. Но послушаемъ сначала Ласкера. Начертивши схему двухъ лицъ, изъ которыхъ одно исключительно — представитель умственной силы, а другое—только ходячая физическая сила, одѣтая человѣческими формами, т. е. нарисовавши одного зрячаго, но безногаго, а другого—слѣпюга, но съ здоровыми ногами и не замѣтивши ненормальности этой схемы, — Ласкеръ утверждаетъ, что съ теченіемъ времени умственный силачъ побѣдитъ, поработитъ и сдѣлаетъ себя полезнымъ силача физическаго. Очень можетъ быть, но слѣдуетъ-ли санкционировать это явленіе? Ласкеръ черезъ двѣ страницы такъ выражается по поводу этого: «Зависть и недоброжелательство возстаютъ періодически противъ порядка, основаннаго на природномъ различіи, и въ такіе промежутки времени затемняется взглядъ на истинное отношеніе между руководящимъ духомъ и физической силой» (стр. 229).

Прелестное разсужденіе! Приравнять громадное большинство людей только къ мускульной силѣ и строго-на-строго вычеркнуть у этого большинства потребности чувствовать, мыслить и руководить своимъ трудомъ, а затѣмъ дать имъ въ руководители меньшинство, которое будетъ распоряжаться физической силой большинства и въ качествѣ «духа», ничего не дѣлая, брать львиную долю изъ результатовъ мускульной силы — это, видите-ли «взглядъ на истинное отношеніе между руководящимъ духомъ и физической силой!»

Мы перейдемъ впослѣдствіи къ подробной оцѣнкѣ этого взгляда и постараемся доказать его несостоятельность съ точки зрѣнія самого Ласкера, а теперь пока замѣтимъ, что покловеніе раздѣленію труда, начиная съ крупнаго дѣленія его на трудъ умственный и физическій и далѣе вплоть до мельчайшихъ дѣленій, заставило Ласкера преувеличить значеніе индивидуальныхъ способностей человѣка, тянущихъ его къ извѣстной спеціальности. Мы уже раньше говорили, что Ласкеръ недостаточно отгѣнилъ процессъ воздѣйствія воспитанія на индивидуальные задатки личности. Онъ, повидимому, полагаетъ, что воспитаніе не въ состояніи переработать безъ вреда для результата такъ-называемыхъ индивидуальныхъ особенностей. Онъ, повидимому, думаетъ, что у человѣка есть такія природныя способности даже въ смыслѣ тяготѣнія къ опредѣленной спеціальности, что перерабатывать ихъ значитъ въ большинствѣ случаевъ тратить, если можно такъ выразиться, механическую силу воспитанія, почти исключительно на преодоленіе такъ-называемыхъ въ механикѣ вредныхъ препятствій, на преодоленіе задатковъ, тянущихъ человѣка въ извѣстную, можетъ быть, даже вредную сторону.

Такое преположеніе вѣрно только въ самыхъ общихъ чертахъ. Наряду съ наслѣдственными, атавистическими, случайными особенностями самой организациіи человѣка есть масса особенностей, привитыхъ извнѣ, которыя въ свое время могли-бы уступить другимъ особенностямъ подъ вліяніемъ иныхъ вѣшнихъ условій. Русскій профессоръ физиологіи, г. Сѣченовъ, замѣтилъ вполне, по нашему мнѣнію, вѣрно, что личность, какъ таковая, можетъ быть, только на одну сотую опредѣляется природными задатками, а девиносто девять сотыхъ падаютъ въ характеръ личности на условія ея воспитанія. Вообще вопросъ о какихъ-то будто ужаснѣйшихъ неравенствахъ людей между собою, вытекающихъ изъ самой природы вещей, очень ужъ скоро и легкомысленно рѣшается указаніемъ на знакомаго Ивана Ивановича, или знакомаго Петра Ивановича, изъ которыхъ первый большой умникъ, а второй дуракъ. Кто знаетъ, не отвѣчаютъ-

ли въ этомъ случаѣ дѣти за грѣхи своихъ родителей? Кто знаетъ, не повліялъ-ли на Петра Ивановича образъ его ежедневныхъ занятій, напр., механическое переписываніе входящихъ и исходящихъ бумагъ, т. е. не повліяло-ли на него такое состояніе общества, при которомъ одни «руководятъ», а другіе корпятъ надъ чернымъ трудомъ, значительно истощающимъ по своей продолжительности и механичности умственные силы трудящагося? Даже панегиристы раздѣленія труда, напр., А. Смитъ, высказывались въ томъ смыслѣ, что не все, молъ, въ личности, въ ея особенностяхъ есть дѣло божеское. Можетъ быть, и человѣческія руки, общественный строй, внесли сюда свою изрядную лепту. Адамъ Смитъ, вотъ, напр., что говоритъ въ этомъ смыслѣ. «Различіе въ природныхъ способностяхъ между людьми въ дѣйствительности гораздо менѣе, чѣмъ мы воображаемъ, и неравенство въ ловкости, отличающее, повидимому, людей различнаго рода занятій по достиженіи ими зрѣлаго возраста, во многихъ отношеніяхъ составляетъ не столько причину, сколько слѣдствіе раздѣленія труда... По природнымъ свойствамъ между философомъ и носильщикомъ нѣтъ и половины того различія въ дарованіяхъ и умственныхъ способностяхъ, какое существуетъ между дворовою собакою и борзою, между борзою и лягавою, между послѣднею и овчаркою» (А. Смитъ, Т. I, русск. изд., стр. 114—115). Смитъ полагаетъ, что «различіе въ занятіяхъ»... «только и вызываетъ огромное различіе въ дарованіяхъ» (id.). Такъ смотрятъ на общественную лѣстницу гениальные люди. Мы не отрицаемъ инстинктивнаго тяготѣнія той или иной личности къ извѣстному кругу идей, но мы отрицаемъ, чтобы это тяготѣніе могло дробиться на прирожденные стремленія человѣка къ специальной узкой дѣятельности, требуемой современнымъ раздѣленіемъ труда. Было-бы очень курьезнымъ заключеніемъ—думать, что Иванъ рождается на свѣтъ божій съ непреодолимымъ желаніемъ носить тяжести, Дарья — работать на табачной фабрикѣ, а г. Бѣлкинъ, «довольный самъ собой, своимъ обѣдомъ и женой»,—курить гаванскія сигары и махать граціозно тросточкой... Хотя, правда, одинъ ученый нѣмецкій педагогъ, именно Маренгольцъ-Бюловъ, и сдѣлалъ остроумное открытіе, что ребенокъ, возясь въ песокъ, удовлетворяетъ прирожденному стремленію человѣка къ земледѣлію (Trieb zum Bodenbau).

Если теорія Дарвина кромѣ наследственности вводитъ въ кругъ своихъ обобщеній еще и измѣнчивость признаковъ, то этимъ именно въ современной биологіи утверждается подожженіе, что индивидуальныя черты помимо прирожденности вырабатываются еще и процессомъ приспособленія къ окружающимъ

условіянь. Этотъ-то процессъ и играетъ въ тѣхъ пунктахъ природы, которые человекъ не успѣлъ еще взять приступомъ и подвергнуть своему вліянію роль воспитателя. Въ искусствѣ-же человѣческаго воспитанія человеку приходится сознательно выработать въ ребенкѣ извѣстныя черты, которыя съ теченіемъ времени отвердѣваютъ и превращаются въ «индивидуальныя». Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что если у развивающейся личности бываетъ отъ рожденія склонность мыслить отвлеченно или образами, склонность комбинировать категоріи величинъ или сочетать эстетическія формы,—то съ другой стороны такая врожденная склонность только въ самыхъ общихъ, а потому въ достаточной степени неопредѣленныхъ чертахъ обуславливаетъ складъ ума и характера взрослого человека, который развивается изъ ребенка. Человекъ не рождается философомъ или носильщикомъ. Могутъ быть у него большія или меньшія индивидуальныя способности къ мышленію, но этотъ, такъ-сказать, основной капиталъ личности, занимаетъ очень небольшую часть въ общемъ нравственномъ имуществѣ личности, главный элементъ котораго составляетъ оборотный капиталъ, созданный воспитаніемъ при помощи постановки человека въ извѣстныя условія, хотя, разумѣется, созданный на внутрѣнной почвѣ личности.

Можно сдѣлать человека сноснымъ мыслителемъ или удовлетворительнымъ носильщикомъ, но можно сдѣлать изъ него и цѣльную личность, интеллигентнаго рабочаго. А если можно, то и должно. Конечно, въ этомъ случаѣ придется повернуться спиной къ сказкамъ Мененія Агриппы, къ «взглядамъ на истинное отношеніе между руководящимъ духомъ и физической силой» г. Ласкера, бросающимъ эти взгляды съ высоты куринаго полета. Но что-жъ дѣлать? Бѣда не велика.

Воспитаніе—вещь серьезная и могущественная. Только подъ воспитаніемъ нужно разумѣть не рецепты патентованной педагогики, цѣлующей ноги у Песталоцци и Фребелей, а процессъ постановки личности, начиная съ младенчества и кончая старостью, въ благопріятныя жизненныя условія.

IV.

Посмотримъ теперь, какую роль придаетъ воспитанію Ласкеръ. Преслѣдуя свой идеалъ «прекраснѣйшей жизни» и стараясь найти пути къ этому идеалу и средства для его достиженія, Ласкеръ видитъ въ воспитаніи главное средство, ведущее къ упомянутой цѣли. Конечно, онъ смотритъ на воспитаніе да-

леко не такъ узко, какъ узкіе спеціалисты-педагоги. Но съ другой стороны, Ласкеръ, оцѣнивая справедливо громадное значеніе воспитанія для имущихъ классовъ, переноситъ это значеніе цѣликомъ въ сферу общественнаго прогресса, который отнюдь не можетъ касаться лишь однихъ имущихъ классовъ. Воспитаніе, сказали мы въ концѣ предъидущей главы, вещь очень могущественная, если подъ ней разумѣть сознательную постановку личности въ благопріятныя условія. Но само собою понятно, что прежде чѣмъ сознательно поставить личность въ такія условія, нужно, чтобы эти условія существовали на лицо. Если дѣло идетъ о воспитаніи каждаго члена общества, то нужно, чтобы такія благопріятныя условія существовали для каждаго члена общества. Значитъ, нисколько не отрицая могущественнаго значенія воспитанія, мы должны непосредственно заняться не воспитательною дѣятельностью, а дѣятельностью, направленною на созданіе благопріятныхъ условий жизни для всего общества безъ исключенія,—стало-быть, дѣятельностію непосредственно общественною. Не развивая мысли о такой дѣятельности, мы замѣтимъ, что улучшеніе матеріальнаго положенія массъ, должно стоять на первомъ планѣ. Прочая вся приложатся намъ. Человѣкъ тогда только вообще способенъ съ пользою для себя усваивать результаты воспитанія, когда онъ болѣе или менѣе обезпеченъ, и когда онъ не задавленъ чрезмѣрнымъ трудомъ и имѣетъ досугъ.

Ласкеръ-же, имѣя въ виду и инстинктивно подставляя вмѣсто всего общества только имущіе классы, утверждаетъ, что самой непосредственной, самой главной цѣлью должно быть поставлено воспитаніе, такъ-какъ лишь оно ведетъ человѣка и все человечество къ счастію. Въ главѣ «Ueber Anlagen und Erziehung» Ласкеръ, между прочимъ, анализируетъ чувство недовольства современнымъ положеніемъ вещей, носящееся въ общественной атмосферѣ Западной Европы. Нѣтъ сомнѣнія, что это чувство явленіе непріятное и опасное. Гдѣ-же найти противъ него средство и помощь? «Эту помощь должно оказать лучшее воспитаніе. Совершенно ошибочна вѣра, будто стоитъ только взяться да измѣнить извѣстныя учрежденія, чтобы распространить на всѣхъ довольство» (стр. 81). Учрежденія тутъ не причемъ. «Противъ этихъ дурныхъ положеній можетъ помочь не смѣло-задуманый новыи строй, но этому должно поспособствовать улучшенное воспитаніе рода... «Только прогрессъ, совершенный благодаря воспитанію, есть прочное завоеваніе; ибо всѣ историческія учрежденія покоятся въ послѣднемъ основаніи на свойствахъ

людей, которыя представляютъ собой результатъ задатковъ, обра-
зуемыхъ и руководимыхъ воспитаніемъ» (стр. 82).

Въ дѣйствительности дѣло стоитъ вовсе не такъ. Для боль-
шинства людей вопросъ о счастьи сводится не къ вопросу о
воспитаніи, а къ предварительнымъ условіямъ воспитанія, мате-
ріальной обезпеченности и досугу. Въ послѣднее время лучшіе
англійскіе и континентальныя экономисты пришли именно къ
заключенію, что счастью человечества непосредственно мѣшаютъ
ненормальныя экономическія отношенія между людьми, а не что-
либо иное. Объ этомъ намъ говорятъ и Милль, скорбящій о
кастовомъ устройствѣ современнаго общества, и Фаусеттъ, и
профессоръ Кэрисъ, и бельгіецъ Лавеле, и нѣмецъ Ланге, и нѣ-
мецъ А. Вагнеръ и... да почти всѣ, повернувшіея спиной къ
гармонической наукѣ народнаго хозяйства.

Не то г. Ласкеръ: онъ очень скромное значеніе признаетъ
за имущественными отношеніями. По его мнѣнію, эти отноше-
нія—пустяки въ сравненіи съ значеніемъ воспитанія. Но это—
неправда (см. напр., стр. 81). Не говоря уже о томъ, что не-
равенство въ имущественномъ отношеніи вызываетъ неравен-
ство въ степеняхъ воспитанія въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ
разница въ воспитаніи порождаетъ разницу въ имуществѣ,—не
говоря объ этомъ, мы вообще несогласны съ мнѣніемъ г. Лас-
кера о прелестяхъ современной цивилизаціи и объ утѣшитель-
номъ ходѣ прогресса. Знаемъ мы этотъ утѣшительный ходъ:

Прогрессъ стоюмъ благородной
Шель тихо торною стезей,
А веруь него въ толпѣ голодной
Къ идеямъ выпренимъ несродной
Носился жалобъ гуль глухой.

Знаемъ мы точно также, что отвѣчалъ и до сихъ поръ отвѣ-
чаетъ прогрессъ классамъ, составляющимъ основаніе обществен-
ной пирамиды:

Подите прочь! Какое дѣло
Прогрессу мирному до васъ?
Жужжанье ваше надоѣло:
Смирите вашъ строптивый гласъ!
Прогрессъ совсѣмъ не богадѣльня—
Онъ служба будущимъ вѣкамъ;
Не остановится безцѣльно
Онъ для пособия бѣднякамъ.

Эту самую мысль неоднократно выражаетъ и Ласкеръ. Онъ
разсуждаетъ приблизительно такъ:—мы видимъ вокругъ себя не-
устройство, зло, несчастія, но вѣдь изъ этого ничего не слѣ-

дуетъ. Прогрессъ тѣмъ не менѣ несомнѣненъ. Каждый изъ насъ слишкомъ мало живетъ, чтобы оцѣнить направленіе и быстроту, съ какой несетъ прогрессъ наше общественное судно по морю исторической жизни. Потому только и возможно, что мы жалуемся на окружающія насъ условія, потому только и возможно, что пассажиры общественнаго судна, которымъ «трудно приспособиться къ колеблющемуся движенію, рисуютъ себѣ новые порядки, рассчитанные какъ-разъ на наклонное въ этотъ мигъ положеніе суденышка, которое несетъ насъ по вздымающимся волнамъ» (стр. 189).

Г. Ласкеръ можетъ сколько угодно пѣть гимны прогрессу и смѣяться надъ близорукими пассажирами корабля, стремящагося «въ ону таинственную даль» прогресса, но я полагаю, что и меня, и другихъ пассажировъ нисколько не утѣшаетъ въ потерѣ равновѣсія, а подчасъ и принужденномъ купаньи въ морѣ, куда насъ выбросило «наклонное въ этотъ мигъ положеніе суденышка»,—нисколько, повторяю, не утѣшаетъ насъ въ этомъ вообще поступательное движеніе корабля. Пусть онъ наклонился только на «этотъ мигъ»; но если я живу тоже только «этотъ мигъ», то я живу въ ненормальномъ, наклонномъ положеніи, изъ котораго стараюсь выбраться. И такимъ образомъ я всегда буду поступать, что-бы ни говорилъ мнѣ г. Ласкеръ о временномъ колебаніи корабля, только какъ о ничтожномъ мигѣ въ ряду безконечныхъ другихъ миговъ, изъ которыхъ слагается прогрессивное движеніе. Я не божество, а человѣкъ. Можетъ быть, «этотъ мигъ»—для божества ничто. Но для меня онъ все, онъ—вся моя жизнь, если я живу только одинъ мигъ. Ученый г. Рошеръ угощаетъ, напр., меня точно такимъ-же утѣшительнымъ соображеніемъ, какъ и г. Ласкеръ, говоря о прогрессѣ мысли слѣдующее: «Der bekannte satz, dass sich die menschlichen Fortschritte nicht in einer geraden Linie, sondern in einer Spirale vollziehen, regelmässig unterbrochen von scheinbaren Kückschritten, bewährt sich namentlich in der Geschichte der Wissenschaft» (Ansichten der Volkswirtschaft, Leipzig und Heidelberg, 1861, s. 50), т. е. «известное положеніе,—что человѣческій прогрессъ совершается не по прямой линіи, а по спирали, правильно прерываясь кажущимися отступленіями,—подтверждается въ особенности въ исторіи науки».

Все это прекрасно, но тѣмъ не менѣ для меня нисколько не утѣшительно. Если мнѣ придется родиться на свѣтъ божій, когда общество пойдетъ обратно по спирали и умереть, не дождавшись конца этого отступленія, то для меня это отступленіе, этотъ регрессъ будетъ не «кажущимся», а дѣйствительнымъ. И

понятно, что не взирая на утѣшенія г. Рошера,—убѣждающаго меня въ томъ, что теперь мы, молъ, правда, въ регрессъ, но вскорѣ послѣ вашей смерти пойдемъ по спирали къ прогрессу, —я все-таки буду бороться противъ отступленія, потому-что для меня, жувающего въ «этотъ мигъ», это отступленіе—не минуть, уравновѣшивающійся въ исторической алгебрѣ плюсомъ, а обидное, возмущающее мою душу общественное явленіе. Я не вижу фатальности въ этомъ движеніи по спирали. Я хочу идти на встрѣчу моимъ идеаламъ по прямой линіи.

Но надо-мною смѣются гг. Ласкеръ и Рошеръ: «вы во временномъ наклонномъ положеніи, вы въ спиральномъ отступленіи. Можете-ли вы противиться вѣчнымъ законамъ прогресса?» Къ счастью, до сихъ поръ еще не доказано, чтобы прогрессъ былъ чѣмъ-то въ родѣ гайки, обращающейся по спиральнымъ наръзамъ исторической жизни. Если съ чѣмъ можно сравнить его, такъ это скорѣй съ равнодѣйствующей общественныхъ силъ, движущихся по параллелограмму. Несомнѣнно, что и моя сила, разъ я не строю чисто-головныхъ теорій и оторванныхъ отъ жизни утопическихъ системъ, а стараюсь только яено формулировать пока смутныя стремленія трудящагося большинства и дѣйствовать во имя этого идеала,—и моя сила, повторяю я, можетъ измѣнить до извѣстной степени величину и направленіе равнодѣйствующей. Конечно, если всѣ мы будемъ утверждать, что дѣло не въ человѣческихъ стремленіяхъ, а въ какой-то сверхъ-человѣческой гайкѣ, то особаго прогресса не получится, ибо только оптимисты могутъ говорить, что все зависитъ отъ всемогущаго времени. Но если мы не будемъ закрывать глаза розовымъ флеромъ и увѣрять себя, что все и безъ насъ свершится «естественный ходъ вещей», а постараемся добросовѣстно и дружно дѣйствовать на почвѣ созданія лучшихъ условій существованія для всѣхъ членовъ общества, а не для привилегированнаго меньшинства,—то мы можемъ, въ довольно значительной степени, приблизиться къ рѣшенію вопроса о счастьи человечества. Но такимъ розовымъ флеромъ именно и закрываетъ себѣ глаза Ласкеръ и, благодаря этому, оптимистически смотря на матеріальное положеніе большинства, приходитъ къ выводу, что стоитъ только заняться воспитаніемъ каждаго члена общества—и дѣло будетъ въ шляпѣ.

Если-бы мы хотѣли подробно остановиться на всѣхъ тѣхъ разсужденіяхъ автора, которые касаются его проповѣди, хоть и медленнаго, но изумительно-благотворнаго и значительнаго улучшенія въ матеріальной жизни большинства, и вообще сноснаго положенія въ настоящее время этого большинства,—намъ

пришлось-бы цитировать слишкомъ много. Мы ограничимся однимъ-двумя мѣстами. Въ статьѣ «Слово и дѣло», г. Ласкеръ хочетъ обрадовать читателя радужными соображеніями по поводу того, что «если въ теченіи тысячелѣтій вплоть до нашей памяти, большое число людей должно было раздѣлять самыя низшія занятія съ вьючными животными, такъ теперь съ каждымъ днемъ техника приноситъ намъ новыя и изумительныя орудія, которыя имѣютъ назначеніе все болѣе и болѣе сваливать чисто-механическія работы на движеніе механизма. Такимъ образомъ, уменьшаются несвободныя занятія и животныя функціи до возможно-меньшей степени, требуемой самой природой, и освобождающіяся силы устремляются на высшія цѣли» (стр. 230).

Въ заключительной своей статьѣ онъ увѣряетъ, что въ настоящее время удобства жизни все болѣе и болѣе распространяются между низшими слоями, что теперь «начинаетъ на почвѣ свободной промышленности (sic!) осуществляться требованіе», чтобы трудъ получалъ въ видѣ вознагражденія «извѣстный комфортъ» (Behagen) «со включеніемъ»... чего-бы вы думали?—«гарантіи существованія въ будущемъ» (!).

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Ласкеръ утверждаетъ, что «въ настоящее время, когда»... замѣчается слѣдующее утѣшительное явленіе: «что прежде привилегированныя лица присвоивали себѣ, благодаря старинному искусству создавать покровительства и преимущества, то теперь пріобрѣтается лишь на пути хитрости и обмана, а отнюдь не съ чувствомъ унаслѣдованнаго и правомѣрнаго владѣнія»... «Если-же значительный трудъ не предохраняетъ еще отъ нужды и лишеній, такъ общественное сознаніе признаетъ это состояніе зломъ, которое должно быть устранено средствами цивилизаціи» (стр. 396—397).

Что касается до прославленія машинъ и техники вообще, свалившей съ человѣка трудъ на механизмъ и позволившей человѣку его освобожденныя силы направить на «высшія цѣли», —то на это можно сказать, что такое дѣйствіе машины производятъ только въ нормальномъ, а не капиталистическомъ обществѣ, въ которомъ, наоборотъ, онѣ отдають рабочаго въ руки хозяина, уменьшаютъ его заработную плату и увеличиваютъ рабочій день. Пусть Ласкеръ послушаетъ не какого-нибудь «утописта», а почтеннаго Милля: «До сихъ поръ еще сомнительно, облегчили-ли хотя одному человѣку трудъ для насущнаго хлѣба всѣ наши механическія изобрѣтенія. Они дали возможность большому числу людей жить тою-же тяжелою острожною жизнію и большому числу фабрикантовъ съ товарищами обогащаться... Лишь тогда, когда будутъ справедливыя учрежденія»... машины

«стануть общею собственностью человѣческаго рода и средствомъ къ улучшенію и возвышенію судьбы всѣхъ людей» (*Милль*, т. II рус. изданія, стр. 286).

Относительно распредѣленія благъ между всѣми членами общества и большей равномѣрности въ этомъ распредѣленіи г. Ласкеру на основаніи исторіи можно показать, что пропасть между имущими и неимущими въ послѣднее время увеличилась, что теперешній рабочій въ худшей степени удовлетворяетъ свои потребности, чѣмъ прежній. Англійскіе историки, Фраудъ и Риджерсъ, заключаютъ, напр., на основаніи подробнаго вычисленія историческо-статистическихъ данныхъ, что благосостояніе англійскаго народа, стоявшее на замѣчательной высотѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ, съ XVI-го столѣтія постоянно до настоящаго времени понижалось. Въ памятникахъ цвѣтущаго періода трудящихся классовъ встрѣчаются, напр., указанія, что въ то блаженное время народъ питался обыкновенно не только говядиной, свиной и телятиной, но и домашнею птицею,—гусьями, курами. Съ другой стороны, издававшіеся въ то время законы противъ роскоши ясно свидѣтельствуютъ, до какой степени доходила матеріальная обезпеченность народа. Запрещеніе носить простому люду платья дороже извѣстной цѣны, переведенное на языкъ нынѣшней стоимости денежной единицы,—напр., законъ Эдуарда IV,—равняется, по замѣчанію Торитона, запрещенію «пахарямъ носить бархатные сюртуки и шелковые чулки, а ихъ женамъ—чепчики изъ брюссельскихъ кружевъ». Стало-быть, ходилъ-же крестьянинъ въ бархатъ, если ему запрещали одѣваться такъ. Вѣдь ни одинъ законодатель не былъ на столько глупъ, чтобъ запрещать то, что самой жизнью отрѣзывалось совершенно отъ употребленія. Никто, напр., не издалъ-бы закона, запрещающаго современному англійскому пролетарію пить шампанское и ѣсть страсбургскіе пироги!

Что касается до равномѣрности современнаго распредѣленія земныхъ благъ между имущими и неимущими классами, то поучительныя указанія на этотъ счетъ мы находимъ, между прочимъ, въ цитированной Дюрингомъ работѣ Дэдле Бэкстера (*Dudley Baster*) о «Национальномъ доходѣ Соединеннаго Королевства» (*National income. The united Kingdom. London. 1868*). Здѣсь сообщается, напр., что изъ 800.000,000 фун. стерлинговъ общаго годового дохода всей страны только 300.000,000 или $\frac{3}{8}$ всего дохода достаются трудящимся классамъ, а 500.000,000 или $\frac{5}{8}$ дохода попадаютъ въ карманъ имущихъ и лично не работающихъ классовъ. Но въ то же время $\frac{3}{8}$ дохода должны распредѣляться между 23.000,000 рабочихъ, составляющихъ болѣе

$\frac{3}{4}$ всего 30-ти-милліоннаго населенія Англїи, а $\frac{5}{8}$ —только между 7.000,000 владѣльцами капиталовъ, или менѣе, чѣмъ одною четвертью всего населенія. Дюрингъ въ своемъ курсѣ политической экономіи (*Kursus der National und Social-Oeconomie*, s. 203—209 der zweiten Auflage) старается подобныя-же данныя установить и для Пруссїи. Оказывается, что изъ 7.000,000,000 марокъ $\frac{4}{7}$, или 4 милліарда марокъ распределяются между $\frac{7}{8}$ населенія, или 22.000,000 лицами, принадлежащими къ трудящимся классамъ, а $\frac{3}{7}$, или 3 милліарда марокъ достаются лишь $\frac{1}{6}$ населенія, т. е. 3 милліонамъ владѣльцевъ капиталовъ. Доходъ каждаго владѣльца капитала, какъ и въ Англїи, въ пять разъ болѣе дохода каждаго владѣльца рабочихъ рукъ.

Эти поучительныя цифры, безъ сомнѣнія, доказываютъ излишнюю оптимистичность ласкеровскихъ взглядовъ на величину современнаго прогресса. Съ другой-же стороны позволяютъ заключать о непрактичности постановки общественнаго воспитанія, какъ непосредственной цѣли и главнаго фактора человѣческаго счастія. При видѣ начерченной картины раздвоенія общества на имущихъ и неимущихъ врядъ-ли повернется языкъ сказать, чтобы воспитаніе могло имѣть универсальное значеніе, а не касалось-бы лишь обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи меньшинства.

V.

Но если воспитаніе не можетъ быть въ настоящее время нашей непосредственной цѣлью, поставленной для блага всего человѣчества, и если, какъ мы уже неоднократно повторяли, такую цѣлью можетъ быть только стремленіе улучшить матеріальное положеніе массъ при помощи воздѣйствія на общественныя условія, на «историческія учрежденія»,—то тѣмъ не менѣе воспитаніе превращается въ непосредственную цѣль среди имущихъ классовъ и превратится въ такую цѣль для всего человѣчества въ будущемъ, разъ все человѣчество будетъ снабжено предварительными матеріальными условіями. Понятно, значить, какую важность принимаетъ для насъ анализъ и оцѣнка воспитанія. А этотъ анализъ очень недурно производитъ Ласкеръ.

Воспитаніе, какъ наука, говоритъ онъ,—должно содержать въ себѣ рядъ истинъ, почерпнутыхъ изъ области наукъ, такъ или иначе касающихся человѣка. Тутъ свою лепту вносятъ и физика, и химія, и физиологія, и психологія, поскольку онѣ объясняютъ

тѣлесныя и душевныя свойства человѣка. Разумѣется, одни изъ этихъ наукъ непосредственно касаются человѣка, какъ, напр., физиологія и психологія. Другія касаются посредственно, давая первичный матеріалъ для постройки нѣкоторыхъ данныхъ физиологіи и психологіи,—какъ, напр., физика и химія. Въ наукѣ воспитанія рядъ истинъ, добытыхъ въ лабораторіяхъ другихъ наукъ, очищается и приводится къ одному знаменателю. Этотъ знаменатель—человѣкъ, какъ цѣльная личность, какъ существо, мыслящее, чувствующее и дѣйствующее. Въ числитель же будутъ находиться всѣ свойства и функціи человѣческаго организма. Здѣсь нѣтъ мѣста дуализму, разрывающему недѣлимое «я» человѣка на двѣ части,—душу и тѣло. Употребляя послѣднія два выраженія для описыванія однихъ и тѣхъ-же явленій, но съ двойной точки зрѣнія,—субъективной и объективной,—наука воспитанія имѣетъ тѣмъ не менѣе дѣло съ человѣкомъ, какъ съ цѣльнымъ существомъ.

Понятно, что воспитаніе должно приурочиваться къ гармоническому всестороннему развитію личности. Здѣсь мы уже входимъ въ сферу воспитанія, какъ искусства. Искусство воспитанія должно имѣть дѣло не съ абстрактной, средней, типичной личностью, а съ живымъ человѣкомъ. Значитъ, вопросъ въ томъ, какъ приложить научныя истины къ жизни, какъ въ абстрактныя, алгебраическія, такъ-сказать, формулы воспитанія подставить извѣстныя числовыя величины, годныя въ данномъ случаѣ для данной живой личности, которая стоитъ передъ вами.

Если нетрудно установить нѣсколько общихъ истинъ, входящихъ въ науку воспитанія,—за-то очень трудно прилагать ихъ къ искусству воспитанія. Приемы воспитанія должны мѣняться, смотря по свойствамъ личности. Трудно укладывать живыхъ людей въ клѣтки отвлеченныхъ принциповъ воспитанія, не разорвавши и не помявши нѣжныхъ тканей индивидуальности. Къ этой трудности присоединяется еще то обстоятельство, что приемы воспитанія мѣняются не только сообразно особенностямъ воспитываемыхъ личностей, но и смотря по характеру самого воспитывающаго. Здѣсь большую роль играютъ эмпирическія данныя личнаго опыта, равно какъ и общее развитіе воспитывающаго. Специалистъ по математикѣ можетъ видѣть, напр., вѣнецъ воспитанія въ способности сидѣть по цѣлымъ часамъ въ кабинетѣ, «напрягши умъ, наморщивши чело» и игнорировать окружающею дѣйствительностію. Институтка сведетъ науку воспитанія къ умѣнью граціозно танцовать, своевременно краснѣть и сыпать французскими фразами. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ

подъ воспитаніемъ будетъ разумѣть искусство скупать мертвыя души и производить на всѣхъ впечатлѣніе человѣка пріятнаго.

Поэтому, на свѣтѣ существуетъ ужасно много системъ воспитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый горячо отстаиваетъ свою систему, ибо нѣтъ ничего естественнѣе стремленія фабриковать людей по своему образцу. Только человѣкъ мыслящій понимаетъ, какую громадную отвѣтственность несетъ онъ на себѣ, проводитъ тотъ или иной планъ воспитанія, и на сколько его привычный складъ мышленія и поступковъ можетъ претендовать на право быть переданнымъ по наслѣдству, такъ сказать, свѣжей формирующейся личности.

Намъ приходятъ на мысль слова извѣстнаго русскаго публициста 40 годовъ, смущавшаго Бѣлинскаго своими еретическими мнѣніями насчетъ гегелевской разумности существующаго: «Воспитаніе дѣлитъ судьбу медицины и философіи: всѣ на свѣтѣ имѣютъ объ нихъ опредѣленные и рѣзкія мнѣнія, кромѣ тѣхъ, которые серьезно и долго ими занимались. Спросите о постройкѣ моста, объ осушеніи болота, человѣкъ откровенно скажетъ, что онъ не инженеръ, не агрономъ. Заговорите о водяной или чахоткѣ, онъ предложитъ лекарство, по памяти, по наслышкѣ, по опыту своего дяди, но въ воспитаніи онъ идетъ далѣе. «У меня, говоритъ, такое правило, и я отъ него никогда не отступаю; что касается до воспитанія, я шутить не люблю, это предметъ слишкомъ близкій».

И, однако, несомнѣнно, что люди не перестанутъ если не серьезно, то, по крайней-мѣрѣ, какъ Богъ на душу положить, заниматься воспитаніемъ. Слишкомъ большую роль играетъ здѣсь стремленіе видѣть въ другомъ человѣкѣ черты, которыя дороги въ себѣ самомъ, которыя составляютъ часть своего «я». Даже при всемъ желаніи предоставить развивающейся личности идти своимъ путемъ и не насиловать ее, — сформировавшійся человѣкъ будетъ самымъ процессомъ столкновенія съ развивающейся личностью импонировать на нее и прививать къ ней свои излюбленныя качества. Въ этомъ случаѣ воспитаніе можетъ вестись и бессознательно, ибо не одно только сознательное воспитаніе можетъ претендовать на это названіе, точно также, какъ подъ воспитаніемъ нельзя разумѣть только одно воспитаніе дѣтей, но вообще всякій процессъ воздѣйствія условій на личность, хотя-бы и взрослою.

Отсюда мы переходимъ естественно къ одной изъ здравыхъ мыслей Ласкера, которую онъ развиваетъ въ особенности въ статьѣ о «Полуобразованіи». Въ послѣднее время жалуются, что настала эпоха какой-то эпидеміи диллетантизма, верхогляд-

ства, отсутствія солиднаго образованія и воспитанія. Нѣтъ людей, основательно знающихъ свое дѣло. Такой упрекъ, разумѣется, повторялся во всѣ историческія эпохи, хотя по закону контраста каждая эпоха жаловалась только на современныя ей заключенія и противопоставляла имъ блаженныя времена, «старину», когда-будто никакихъ злоключеній на свѣтѣ не было, когда роковой ящикъ Пандоры еще не открывался, когда на человѣка сыпались лишь гостинцы изъ рога изобилія. Такъ бывало всегда. Всегда люди вздыхали по давнопрошедшемъ. Всегда поэты отъискивали золотой вѣкъ назади. И Шиллеръ, указывая на «начало новаго вѣка», не находилъ въ немъ ничего утѣшительнаго.

Нѣтъ на картѣ той страны счастливой,
Гдѣ цвѣтеть златой свободы вѣкъ,
Зимъ не знаа, зеленѣютъ нивы,
Вѣчно свѣжъ и молодъ человѣкъ...
Заключись въ святомъ уединеньѣ,
Въ мірѣ сердца, чуждомъ суеты!
Красота цвѣтеть лишь въ пѣснопѣньѣ
А свобода—въ области мечты...

(Переводъ В. Курочкина).

Однако, «заключиться въ святомъ уединеньѣ» дѣло — невозможное. Человѣкъ тѣсно связанъ съ окружающими и не въ силахъ удовлетвориться «мечтой»? А между тѣмъ, современная жизнь, дѣйствительно, далеко не въ состояніи удовлетворить идеаламъ человѣка. Какъ-же тутъ быть? И вотъ человѣкъ старается отъискивать причины своей неудовлетворенности. Оказывается, что онъ не достаточно ориентировался въ окружающихъ его условіяхъ, что онъ не достаточно знаетъ окружающую среду, тогда-какъ «въ старину» люди точно и безошибочно шли по компасу патріархальныхъ отношеній.

Но кромѣ обычнаго пріема lamentaцій по поводу того, что въ старину живали лучше, человѣкъ современной эпохи выражаетъ своими жалобами нѣчто дѣйствительное, характеризующее современное общество. Если онъ слишкомъ поверхностно знаетъ то, что онъ долженъ знать хорошо, то вина этому лежитъ отчасти также и въ усложнившемся характерѣ современной жизни. Наука, напр., насобираала такую массу данныхъ, что нѣтъ возможности одному человѣку обстоятельно знать не только цѣль наукъ, но даже и одну какую-нибудь науку въ ея цѣломъ содержаніи. Приходится, поэтому, довольствоваться какимъ-либо однимъ крупнымъ отдѣломъ науки, который изучается спеціально. Объ другихъ-же отдѣлахъ этой науки составляетъ понятіе, которое лишь связывало-бы спеціально-изучаемый отдѣлъ съ цѣ-

лымъ ансамблемъ науки и осмысливало-бы частные, подлежащіе мелкому анализу факту. Что касается другихъ наукъ, то не всѣ ученые имѣютъ о нихъ даже общее понятіе. Часто юристъ не знаетъ элементарныхъ законовъ фізіологіи, ботаникъ отличается замѣчательною беспомощностію въ вопросахъ житейско-юридическихъ, астрономъ третируетъ свысока прочихъ спеціалистовъ, но, сойдя съ своей обсерваторіи, превращается въ существо, ребячески мыслящее объ основныхъ соціологическихъ задачахъ.

Впрочемъ, если въ настоящее время слишкомъ жалуются на поверхностное знаніе, то дѣло тутъ не въ томъ, что люди — диллетанты, а въ томъ, что воспитаніе имѣетъ схоластическій характеръ и, снабжая человѣка нигуда негодными мелочными подробностями, въ то-же время не даетъ ему руководящей нити для жизни.

Ласкеръ прямо и категорически высказывается за жизненный характеръ воспитанія. Цѣль воспитанія, по его мнѣнію, должна заключаться въ подготовленіи человѣка ко всевозможнымъ мыслимымъ положеніямъ. Воспитаніе должно, такъ-сказать, выработать въ человѣкѣ мужество для борьбы. Образование должно дать ему извѣстный арсеналъ оружія и выучить владѣть послѣднимъ. Но такъ-какъ человѣку приходится бороться съ окружающей средой цѣлую жизнь, то всевозможныя мыслимыя коллизіи человѣка должны захватывать человѣка во всевозможныхъ мыслимыхъ возрастахъ его жизни. Стало-быть, и воспитаніе должно быть рассчитано не исключительно на развитіе человѣческихъ способностей школьнаго возраста, но должно захватывать всѣ душевныя и тѣлесныя свойства человѣка, хотя-бы нѣкоторыя изъ нихъ проявлялись только въ извѣстные, можетъ-быть, даже поздніе возрасты жизни.

Ласкеръ вполне справедливо полагаетъ, что замѣчающееся въ современномъ обществѣ паденіе умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ у людей пожилого возраста и пониженіе уровня личности, начиная съ извѣстнаго возраста вплоть до смерти вытекаетъ въ значительной мѣрѣ изъ того, что люди, во-первыхъ, вступаютъ въ жизнь со школьной скамьи плохо-воспитанными, мало-подготовленными къ борьбѣ съ обстоятельствами, а потому при каждомъ, даже маловажномъ препятствіи тратятъ много силъ и погружаются въ уныніе; а во-вторыхъ, что люди перестаютъ съ извѣстнаго возраста заниматься самовоспитаніемъ, а потому атрофируютъ свои способности.

Но для большинства—воспитаніе, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, невысказано. Громадное большинство человѣчества, плохо-обеспеченное въ матеріальномъ отношеніи, не въ силахъ за-

няться рациональнымъ самовоспитаніемъ. Оно приковано къ труду, оно тоже, если хотите, готовится процессомъ труда къ борьбѣ съ условіями, какъ ставитъ это цѣлью воспитанія Ласкеръ. Но оно не побѣждаетъ въ этой борьбѣ, а избивается окружающими условіями. Единственно, что оно воспитываетъ въ себѣ, это—способность къ чрезмѣрному труду. Трудъ тяжелый, оупляющій, чередующійся съ грубыми, почти скотскими наслажденіями,—вотъ въ чемъ единственно резюмируются «все-возможныя мыслимыя положенія» трудящагося большинства. И въ этомъ смыслѣ ласкеровскій идеалъ для этого большинства неосуществимъ.

Н. С. Русановъ.

„МУЖИКЪ“ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ЛЮДЕЙ 40-хъ ГОДОВЪ.

(„Записки Охотника“, Полное собраніе очерковъ и рассказовъ съ 1847—1876 г.
Изданіе второе 1880 г.)

I.

«Записки Охотника»—старые, давнишніе знакомые русской публики. Ихъ читало, перечитывало, ими зачитывалось и восхищалось нѣсколько поколѣній русскихъ интеллигентныхъ людей. Начали они появляться въ печати въ концѣ сороковыхъ годовъ (первый рассказъ изъ «Записокъ Охотника»: «Хорь и Калинычъ»—напечатанъ былъ въ «Современникѣ» въ 1847 г.) и лучшіе люди сороковыхъ годовъ встрѣтили ихъ съ восторгомъ. Ихъ отдѣльное изданіе, вышедшее въ 1852 году, произвело фуроръ, къ несчастію, впрочемъ, весьма убыточный для молодого автора. Несмотря на непримиримую рознь, возникшую въ 60-хъ годахъ, по удостовѣренію самого Тургенева, и константированную имъ въ романѣ «Отцы и Дѣти» между отцами и дѣтьми,—и отцы и дѣти восхищались и зачитывались «Записками»... «Записки» стали неизбѣжною принадлежностью, необходимымъ украшеніемъ бібліотеки каждаго интеллигентнаго человѣка; по нимъ дѣтей учили читать и едва-ли среди современнаго намъ поколѣнія отыщется на 100 интеллигентныхъ людей хоть пять или шесть такихъ субъектовъ, которые не ознакомились-бы съ ними еще на ученической скамейкѣ. Правда, большинство людей современнаго намъ поколѣнія, или если хотите, людей 70-хъ и 80-хъ годовъ, восхищавшихся на ученической скамейкѣ «Хоремъ и Калинычемъ», «Бѣжинымъ Лугомъ», «Касьяномъ съ Красивой Мечи», «Бурмистромъ» и т. п., сойдя съ этой скамейки, не зачитывалось болѣе и даже не *перечитывало* съизнова «Записокъ Охотника». И произошло это совсѣмъ не оттого, что остылъ интересъ къ предмету, о которомъ трактуютъ «Записки»; напротивъ, интересъ этотъ возросъ и возросъ настолько, что «Записки» уже не могутъ болѣе удовлетворять ему. Позднѣйшая литература, а слѣ-

довательно, и беллетристика, направившая въ лицѣ своихъ талантливѣйшихъ представителей всѣ свои силы къ изученію и воспроизведенію *мужицкой жизни, мужицкой души, мужицкихъ отношеній*, заставила насъ почти позабыть о «Запискахъ Охотника». Что, въ самомъ дѣлѣ, можемъ мы найти въ нихъ для себя новаго, поучительнаго, даже просто интереснаго послѣ *мужицкихъ* романовъ Рѣшетникова, послѣ степныхъ очерковъ Левитова, наконецъ, послѣ цѣлой массы изслѣдованій и наблюдений надъ народной жизнью, народными нравами, народнымъ міросозерцаніемъ и т. п. современныхъ намъ молодыхъ беллетристовъ, публицистовъ и ученыхъ, послѣ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ экскурсій въ область *мужицкой души*, которыя были съ такимъ успѣхомъ предприняты въ послѣднее время такими высоко-талантливыми писателями, какъ Глѣбъ Успенскій, Златовратскій и авторъ «Сила соломѣ ломить». Пусть читатель, принадлежащій къ поколѣнію 60-хъ, не говоря уже о 40-хъ годахъ, и слѣдившій за современной беллетристикой, перечтетъ съизнова «Записки Охотника», — благо онѣ вышли вторымъ изданіемъ, — и онъ сейчасъ-же убѣдится, какъ велика разница въ силѣ, степени и *характерѣ* впечатлѣнія, которое онѣ производили на него *прежде*, на ученической скамьѣ, и которое онѣ произведутъ на него *теперь*. Прежде онѣ, повидимому, такъ много говорили и его сердцу и уму, — прежде онѣ будили въ немъ такія чувства, наталкивали его на такія мысли и сопоставленія, которыя человѣку, воспитавшемуся въ школѣ крѣпостнаго права, могли показаться чѣмъ-то не только *новымъ*, но и необычайнымъ. Теперь-же онъ прочтетъ ихъ совершенно равнодушно, безъ малѣйшаго душевнаго волненія. Недостатки, которыхъ прежде онъ почти не замѣчалъ, — выступятъ теперь передъ нимъ съ поразительною рельефностью и онъ съ удивленіемъ спроситъ себя: «чѣмъ это я прежде такъ восхищался?» Правда, описанія природы весьма поэтичны, въ нихъ много жизни, много реальности, но вѣдь это только *рамка* для картины, а самая-то картина, а *мужикъ-то*? Какъ онъ слабо и поверхностно очерченъ! Это какой-то блѣдный, едва намѣченный силуэтъ! Авторъ, какъ будто боится слишкомъ долго останавливать на немъ свое вниманіе, онъ не задумывается надъ нимъ, не старается *вникнуть* въ его *душу*; онъ спѣшитъ пройти мимо, — ему, — страстному охотнику, притомъ живущему въ деревнѣ лишь наѣздомъ, слишкомъ дорого время, чтобы онъ сталъ тратить его на бесѣды съ *мужикомъ*! Да и о чемъ ему съ нимъ бесѣдовать? Онъ умѣетъ лишь предлагать ему казенные вопросы: какъ зовутъ? Изъ какой деревни? Чьихъ господъ? Женатъ или холостъ? Хороши-ли

господа? Не въ родствѣ-ли они съ тѣмъ или другимъ его знакомымъ? и т. п. Да и до этихъ-то *форменныхъ справокъ* онъ снисходить лишь тогда, когда-либо ось въ телѣгѣ изломается, либо непогода занесетъ его подѣ мужицкѣй плетень или въ мужицкую избу, однимъ словомъ—когда та или другая непредвидѣнная случайность навяжетъ ему *мужика*, въ невольные собесѣдники...

Съ своей стороны, и этотъ невольный собесѣдникъ весьма неохотно вступалъ въ разговоры съ бариномъ-охотникомъ. Онъ видѣлъ въ немъ только *помѣщика*, одного изъ знакомыхъ или даже пріятелей его «господъ», т. е. человѣка, съ которымъ слѣдуетъ вести себя крайне осторожно и держать ухо востро, а языкъ на привязи. «Невольный собесѣдникъ» очень хорошо понималъ, что «баринъ» «пытаетъ» его не изъ участія къ нему, а просто изъ празднаго любопытства и «отъ нечего дѣлать». Потому его отвѣты на барскіе запросы отличались необыкновеннымъ лаконизмомъ и дипломатическою уклончивостью. Эта уклончивость и лаконичность такъ рѣзко бросается въ глаза, что и самъ баринъ-охотникъ не могъ ея не замѣтить. При первомъ-же своемъ разговорѣ съ Хоремъ, онъ долженъ былъ съ грустью сознаться, что «крѣпокъ онъ на языкъ и человѣкъ себѣ на умѣ» («Записки Охотника», стр. 7). То-же самое онъ могъ-бы сказать и по поводу каждаго «мужика», съ которымъ ему приходилось сталкиваться въ его охотничьихъ экскурсіяхъ. Уже чего, кажется, былъ близокъ къ нему Ермолай,—такой-же страстный охотникъ, какъ и «баринъ» — онъ вмѣстѣ съ нимъ исколесилъ сотни верстъ, гоняясь за утками, тетеревами, вальшнепами и прочею лѣсною дичью. Но, нѣтъ—Ермолай-охотникъ къ Тургеневу-охотнику относится совершенно такъ-же, какъ онъ, по всей вѣроятности, относился и къ своему «барину»; онъ старался держать себя отъ автора «Записокъ» на благородной дистанціи и весьма тщательно избѣгалъ всякихъ *постороннихъ разговоровъ*.

Въ другой разъ, авторъ «Записокъ» наткнулся случайно (ось въ телѣгѣ сломалась) на одинъ весьма интересный экземпляръ тѣхъ забытыхъ и всяческими неправдами и злополучіями удрученныхъ людей изъ *крѣпостныхъ*, конечно, которые, не будучи въ состояніи ни примириться, ни бороться съ гнеущими условіями окружавшей ихъ дѣйствительности, бросали свои насиженныя гнѣзда, обрекали себя на вѣчное скитальчество и бездомничество, въ тщетной надеждѣ отыскать гдѣ-нибудь на свѣтѣ такой завѣтный уголокъ, гдѣ правда царить, гдѣ справедливость торжествуетъ... Люди эти и до сихъ поръ не перевелись на нашей землѣ и до сихъ поръ они не утратили своей *современно-*

сти. Изъ нихъ выходятъ сектанты, фанатики-мистики, мечтатели-утописты, непосѣдлые странники, такъ-называемые «Божіе люди» или даже просто юродивые. Касьянъ съ Красивой мечи безусловно принадлежалъ къ числу такихъ людей и уже ради одного этого долженъ былъ представлять собою въ глазахъ всякаго просвѣщеннаго, а тѣмъ болѣе либерально-просвѣщеннаго культурнаго человѣка, — «барина», весьма любопытный предметъ для наблюденія и поученія. Разумѣется, и Тургеневъ, въ качествѣ человѣка просвѣщеннаго, не могъ имъ не заинтересоваться, т. е. не могъ устоять противъ желанія *попытать* его — что онъ такое за человѣкъ? Но Касьянъ упорно отмалчивается или, если и снисходитъ иногда до отвѣтовъ, то отвѣты эти отличаются крайнею неопредѣленностью и даются какъ-бы не хотя. Вотъ для примѣра небольшой образчикъ его діалога съ бариномъ. — «Скажи, пожалуйста, Касьянъ, чѣмъ ты промышляешь?» — «Живу, какъ Господь велитъ, а чтобы промышлять, — нѣтъ, ничѣмъ не промышляю. Ну, весной соловьевъ ловлю!».. — «А что же ты еще дѣлаешь?» — «Какъ дѣлаю?» — «Чѣмъ ты занятъ?» — «Ничѣмъ я этакъ не занятъ... Работникъ я плохой. Грамотѣ, однако, разумѣю». — «Ты грамотный?» — «Разумѣю грамотѣ». — «Что ты семейный человѣкъ?» — «Нѣту-ти безсемейный». — «Перемерди, что-ли?» — «Нѣтъ, а такъ — задачи въ жизни не вышло»... — «И родни у тебя нѣтъ?» — «Есть... да... такъ!».. и т. д. и т. д., все въ томъ-же родѣ (см. стр. 123). Разъ только онъ немножко оживился и вышелъ на минуту изъ своей замкнутости — это именно, когда «баринъ» убилъ коростеля» и на траву брызнуло нѣсколько капель крови... «Баринъ, а баринъ! вдругъ заговорилъ онъ, не дожидаясь барскихъ допросовъ, — для чего ты пташку убилъ!.. Станешь ты ее ѣсть! Ты ее для потѣхи своей убилъ!» И Касьянъ съ наивнымъ одушевленіемъ сталъ развивать передъ просвѣщеннымъ бариномъ мысль о *неприкосновенности* жизни «вольной лѣсной твари». Просвѣщенный баринъ пришелъ въ изумленіе: «рѣчь Касьяна, рассказываетъ онъ, — звучала не *мужичьей* рѣчью. Я не слыхалъ никогда ничего подобнаго»... («Зап. Охот.», стр. 122), — и, разумѣется, въ качествѣ человѣка просвѣщеннаго, онъ счелъ своею обязанностью доказать мужику абсурдность его глупой теоріи. «Ты-же вѣдь самъ гусей, курицъ, напримѣръ, ѣшь? Рыбу тоже ѣшь, а по твоему, выходитъ, что ихъ ѣсть не слѣдуетъ, такъ-какъ убивать Божью тварь грѣшно». Но Касьянъ, повидимому, давнымъ-давно уже въ своемъ умѣ звѣсилъ, оцѣнилъ и отвергъ этотъ, повидимому, неопровержимый аргументъ и потому вопросъ барина ничуть его не смутилъ и не сбилъ съ позиціи. Онъ тотчасъ-же

отпарировалъ его тѣмъ соображеніемъ, что «домашняя птица самимъ Богомъ и отъ древнихъ отцевъ опредѣлена въ пищу человѣка, тогда-какъ птица *лѣсная* — птица вольная, а потому и убивать ее грѣхъ. Что-же касается до рыбы, то и ее также нельзя сравнивать съ лѣсною дичью: у лѣсной дичи кровь горячая, — а у рыбы холодная, притомъ-же рыба — тварь нѣмая, безсловесная» (ib., 122). Въ виду этой неожиданной аргументаціи, просвѣщенный баринъ счелъ за лучшее умолкнуть. Умолкъ и Касьянъ сразу, вѣроятно, убѣдившись, что говорить о подобныхъ вещахъ съ бариномъ — все одно, что воду въ ступѣ толочь. Такъ и не состоялось *сближеніе*. Попытался онъ-было попытать его насчетъ маленькой крестьянской дѣвочки «съ красивымъ личикомъ, поразительно сходнымъ съ лицомъ Касьяна»; въ отношеніяхъ къ ней Касьяна баринъ усмотрѣлъ «страстную любовь и нѣжность». Это его заинтересовало. — «Что она дочка тебѣ?» сталъ онъ допытываться снова у замкнувшагося въ себя Касьяна. — «Нѣтъ, такъ — сродственница, проговорилъ Касьянъ съ притворною небрежностью. — Ну, Аннушка (такъ звали дѣвочку), прибавилъ онъ тотчасъ-же, — ступай съ Богомъ». — «Да зачѣмъ-же ей пѣшкомъ идти? Мы-бы ее довели!» убѣждаетъ баринъ. — «Нѣтъ, дойдетъ, возражаетъ Касьянъ лѣнивымъ, равнодушнымъ тономъ. — Что ей! Дойдетъ и такъ! Ступай!» — «Зачѣмъ ты ее такъ скоро отослалъ?» не можетъ успокоиться любознательный охотникъ. — «Я-бы у нея грибы купилъ». — «Да вы и дома купите, когда захотите»... обрѣзалъ его Касьянъ. — «А она у тебя прехорошенькая!» — «Нѣтъ, какое... такъ!..» отвѣтилъ мнѣ, — рассказываетъ авторъ, — какъ-бы не-хотя Касьянъ и съ того-же мгновенія впалъ въ прежнюю молчаливость. Всѣ мои усилія заставить его опять разговариваться оказались тщетными... (ib., стр. 127).

Мы могли-бы привести и еще нѣсколько примѣровъ, весьма наглядно обрисовывающихъ отношенія «мужика» къ развлекавшемуся охотою барину, но намъ пришлось-бы тогда дѣлать слишкомъ много выписокъ, — выписокъ, которыя для большинства читателей совершенно не нужны, такъ-какъ кто-же изъ нихъ не читалъ «Записокъ Охотника»? Потому ограничимся лишь простымъ указаніемъ на рассказы, въ которыхъ читатель и самъ безъ труда отыщетъ эти примѣры: пусть читатель припомнитъ отношеніе Бирюка къ «барину-охотнику» (рассказъ «Бирюкъ»), отношенія къ послѣднему бурмистра (въ рассказѣ «Бурмистръ»), помѣщика Пѣночкина, главнаго конторщика и всѣхъ вообще служащихъ въ конторѣ г-жи помѣщицы Лосняковой (рассказъ «Контора»), наконецъ, пусть онъ припомнитъ разговоры автора

съ Сучкомъ (въ разсказѣ «Льговъ») или съ Туманомъ въ разсказѣ «Малиновая вода».

Каждый разъ, когда баринъ снисходитъ до бесѣды съ холопомъ, холопъ или отмалчивается, или отвѣчаетъ *не-хотя*, съ дипломатическою неопредѣленностью, или-же старается поддѣлаться подъ тонъ барина, подъ его вкусы и міросозерпаніе, старается, однимъ словомъ, быть *приятнымъ собесѣдникомъ*. Само собою понятно, что, при подобныхъ отношеніяхъ *холопа* къ *барину*, послѣднему, при всемъ его желаніи, при всей его доброй волѣ, было весьма трудно и даже прямо невозможно хоть сколько-нибудь основательно ознакомиться съ внутреннимъ міромъ перваго, войти въ *его* «святая святыхъ», вникнуть и болѣе или менѣе всесторонне и отчетливо воспроизвести ее въ его душу. Эту трудность, эту невозможность еще болѣе увеличивали и отношенія самого *барина-помѣщика* къ холопу. Объ этихъ-то послѣднихъ отношеніяхъ стоить, по нашему мнѣнію, сказать нѣсколько словъ, такъ-какъ они весьма рельефно характеризуютъ взглядъ на *мужика* нѣкоторой, наиболѣе либеральной и просвѣщенной, части помѣщичьей интеллигенціи 40-хъ и 50-хъ годовъ.

II.

Авторъ «Записокъ Охотника» былъ безспорно однимъ изъ представителей, а, можетъ быть, даже и однимъ изъ украшеній этой тогдашней наиболѣе либеральной и просвѣщенной интеллигенціи. Онъ, разумѣется, былъ совершенно чуждъ того крѣпостническаго возрѣнія на мужика, котораго придерживались помѣщики стараго покроя. Напротивъ, онъ относился къ нему, какъ къ *подобному себѣ* человѣку. Для того времени подобный взглядъ былъ весьма либераленъ, прогрессивенъ и до извѣстной степени даже противозаконенъ. Но онъ былъ въ то-же время безусловно обязателенъ, логически необходимъ для тѣхъ изъ господъ дворянъ, которымъ ихъ матеріальные средства и условія ихъ воспитанія дали возможность вкусить плодовъ отъ древа западно-европейской цивилизаціи. Философскія ученія, господствовавшія на Западѣ и проникавшія подъ сурдинкою и къ намъ, невольню и неизбежно наталкивали юныхъ дѣтей разныхъ Простаковыхъ, Скалозубовъ, Марій Ильинишень (см. «Зап. Охот.» Петръ Петровичъ Каратаевъ), Стегуновыхъ (см. тамъ-же разсказъ «Два помѣщика») и иныхъ подобныхъ имъ представителей старомоднаго дворянства,—на преступную мысль о тождествѣ природы мужика и барина. Мысль эту они усвоили себѣ, разумѣется, изъ

жмисекъ, сидя еще на ученической скамьѣ; это не былъ логическій выводъ изъ опытнаго изученія практической дѣйствительности и личнаго знакомства съ *реальнымъ мужикомъ*,—нѣтъ, это было чисто-теоретическое, апіорное умозаключеніе, выведенное изъ нѣкоторыхъ общихъ философскихъ посылокъ. И отцы этихъ либеральныхъ дѣтей были не совсѣмъ неправы, относясь съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и полнѣйшимъ скептицизмомъ къ «книжному» либерализму своихъ возлюбленныхъ чадъ. Помѣщикъ Звѣрковъ, «наставляя на путь истины» автора «Записокъ Охотника», былъ не такъ далекъ отъ истины, какъ это, повидимому, думалъ самъ авторъ. «Вы всѣ, говорилъ онъ ему,—молодые люди, судите и толкуете обо всѣхъ вещахъ на-обумъ; вы мало знате собственное свое отечество; Россія, (т. е. *мужикъ*) вамъ, господа, незнакома... Вы все только нѣмецкія книги читаете!»... (См. «Ермолай и мельничиха», стр. 22). Но дѣло въ томъ, что если мнѣніе либеральныхъ дѣтей отождествлялось мужицкой природою съ барской было мнѣніе чисто-апіористическое, то вѣдь и противоположное ему мнѣніе отцевъ о радикальномъ различіи мужицкой и дворянской «кости» было мнѣніемъ столь-же апіористичнымъ и столь-же мало основывалось на разумномъ *опытѣ* и всестороннемъ знакомствѣ съ «реальнымъ мужикомъ». Если дѣти составили свое мнѣніе «по книжкамъ», то и въ образованіи отцовскаго мнѣнія главную и даже исключительную роль играли не *опытъ* и не *знаніе*, а личная выгода, эгоистическій, карманный расчетъ, ничѣмъ не обуздаваемый, вѣками воспитанный хищническій инстинктъ...

Однако, если ни *отцовская*, ни *дѣтская* точка зрѣнія не могла привести къ истинному знанію и пониманію реальной природы мужика, то, во всякомъ случаѣ, *последняя* въ интересахъ общественнаго прогресса, въ интересахъ гуманизированія нравовъ, была, во всѣхъ отношеніяхъ, выше и предпочтительнѣе *первой*. Отцовская точка зрѣнія санкционировала всю неправду *крѣпостнаго права*; она оправдывала его въ глазахъ общественнаго мнѣнія, она примиряла съ нимъ не совсѣмъ еще забитый человѣческій разумъ, не совсѣмъ еще замерзшую и задавленную человѣческую совѣсть... «Дѣтская-же точка зрѣнія» — точка зрѣнія молодого поколѣнія,—людей 40 хъ годовъ, напротивъ, являлась открытымъ осужденіемъ, рѣшительнымъ и смѣлымъ отрицаніемъ этого права. Разъ была пущена въ обращеніе мысль объ одинаковости психической природы барина-помѣщика и мужика-раба, разъ была сдѣлана попытка доказать эту мысль болѣе или менѣе удачнымъ подборомъ частныхъ фактовъ и наблюденій,—разъ эта попытка увѣнча-

лась успѣхомъ, какъ сейчасъ-же и не замедлила обнаружиться вся безнравственность и *противоестественность* крѣпостного права. Главный аргументъ всѣхъ защитниковъ рабства,—аргументъ, на который они ссылаются со временъ Аристотеля (да, впрочемъ, ссылались и до Аристотеля) и который зиждется на убѣжденіи въ неравенствѣ, въ различіи психической природы господина и раба,—этотъ аргументъ былъ теперь поколебленъ и потрясенъ въ самомъ своемъ основаніи...

Помимо всего этого, «*дѣтская*» точка зрѣнія на мужика, хотя и была, въ сущности, такъ-же произвольна и апіорна, какъ и *отцовская*, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что та практическая дѣйствительность, съ которою непосредственно соприкасались и отцы и дѣти, представляла несравненно болѣе данныхъ, говорящихъ въ пользу послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, съ *какимъ мужикомъ* чаще всего сталкивались, съ *какимъ мужикомъ* находились почти въ постоянномъ соприкосновеніи и отцы и дѣти? Съ *дворовымъ человекомъ*. Дворовый человекъ находился при нихъ неотлучно съ самой колыбели и до могилы. Безъ него они не могли ступить ни шагу, безъ него они были какъ безъ рукъ. Онъ былъ ихъ нянькою, ихъ первымъ наставникомъ, ихъ пѣстуномъ, ихъ повѣреннымъ, устройтеlemъ и охранителемъ ихъ комфорта и благополучія, невольнымъ участникомъ ихъ горестей и радостей, ихъ то злымъ, то добрымъ гениемъ... Его существованіе такъ тѣсно переплеталось съ ихъ существованіемъ, что представить себѣ *барина безъ* двороваго человека было совершенно даже невымыслимо. Разумѣется, точно также невымыслимо было представить себѣ существованіе барина и безъ «мужика», но мужикъ, т. е. деревенскій мужикъ, мужикъ-общинникъ въ личной жизни барина не принималъ никакого непосредственнаго участія. Баринъ черезъ третьи и четвертыя руки взималъ слѣдующія съ него *дани*, черезъ третьи и четвертыя руки расправлялся съ нимъ, и этими заочными, такъ-сказать, *взиманіями* и *расправами* и ограничивались всѣ его «соприкосновенія» съ деревенскимъ мужикомъ.

Отсюда само собою понятно, что сфера барскихъ наблюденій надъ *мужицкою душою* должна была исключительно ограничиваться однимъ лишь *дворовымъ человекомъ*. Переберите въ своей памяти всѣ тѣ рассказы изъ «Записокъ Охотника», въ которыхъ фигурируетъ *мужикъ*, и вы убѣдитесь въ справедливости этого мнѣнія. Всѣ эти Калинычи, Хори, бурмистры, конторщики, Ермолаи, Касьяны, «мельничихи», Туманы, Сучки, Викторы и т. п.—все это мужики, состоящіе «на особомъ положеніи»,—

мужики, оторванные отъ *крестьянскаго міра*, отъ условій общинно-деревенской жизни.

Представитель деревни—«мужикъ-общинникъ» блистаетъ своимъ отсутствіемъ въ галлерей тургеневскихъ мужиковъ. Только въ двухъ разказахъ авторъ показываетъ намъ, и то вскользь и мимоходомъ, его блѣдный, едва намѣченный силуэтъ. Мы говоримъ о Власѣ (въ разказѣ «Малиновая вода» (см. стр. 35—36) и о Максимѣ въ разказѣ «Смерть» (стр. 212—213). Въ разказѣ «Свиданіе» (стр. 258—267) авторъ дѣлаетъ попытку изобразить передъ нами молодую деревенскую дѣвушку, по уши влюбившуюся въ барскаго лакея, который, какъ водится, воспользовался ея «неопытностью» и «невинностью» и затѣмъ, поразвлекшись съ нею нѣкоторое время, съ надменною важною отретировался отъ «деревенской дуры». Но попытка эта ему совершенно не удалась. Въмѣсто реальной деревенской женщины, мы видимъ какую-то сантиментальную глупенькую институтку, кисейную барышню или, если хотите, копирующую барышню *горничную* изъ «дворовыхъ дѣвокъ».

III.

Это общее впечатлѣніе, выносимое читателемъ изъ чтенія «Записокъ Охотника», въ значительной степени объясняетъ какъ тотъ чрезвычайный успѣхъ, который, быть можетъ, совершенно даже неожиданно для самого «охотника» выпалъ на долю его «Записокъ», такъ и то сочувствіе, съ которымъ отнеслась къ нимъ въ свое время лучшая часть нашего интеллигентнаго общества. Авторъ съ такимъ добродушіемъ, — добродушіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти граничащимъ съ *симпатією*, относится къ «ненужнымъ» культурнымъ людямъ, что его никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ злостномъ намѣреніи унижить «брагородное дворянство» и возвеличить насчетъ его «неблагородное мужичье». Нѣтъ, задача автора (сознаваемая имъ или не сознаваемая — это все равно) сводилась лишь, какъ мы замѣтили выше, къ констатированію факта, упорно отрицаемаго разными господами Стегуновыми, Звѣрговыми, Пѣночкиными и иными, факта *общности, тождества* психической природы «мужика» и «барина».

Доказать ложность или, по меньшей мѣрѣ, *односторонность* этого взгляда—такова была, повидимому, *задняя мысль* автора «Записокъ Охотника». Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая «мужика», авторъ обращаетъ почти исключительное вниманіе на тѣ имен-

но стороны его души, которыя отрицались или совершенно игнорировались господами старозавѣтными помѣщиками. Почти въ каждомъ своемъ разсказѣ онъ старается доказать, что некультурный холопъ, несмотря на всю свою некультурность, способенъ испытывать тѣ-же чувства, которыми волнуется и культурный человекъ. Почти каждый живописуемый имъ мужикъ служить какъ-бы нагляднымъ доказательствомъ несостоятельности старозавѣтныхъ взглядовъ на мужицкую тупость, мужицкое безсердечіе, мужицкую загрубѣлость, жестокость, неблагодарность и т. п. Такъ Хоръ, напр., является нагляднымъ доказательствомъ несостоятельности того взгляда на мужика, который отрицаетъ въ немъ «здравый смыслъ» и сметливость. Калинычъ служить нагляднымъ отрицаніемъ того взгляда, который считаетъ мужика не способнымъ волноваться разными эстетическими чувствами и испытывать поэтическіе порывы. «Калинычъ, такъ его рекомендуетъ намъ самъ авторъ, «былъ идеалистъ, романтикъ, человекъ восторженный и мечтательный» («Зап. Охот.» стр. 9). Въ «Пѣвцахъ» точно также авторъ старается оправдать «мужика» отъ взводимаго на него обвиненія въ эстетической безчувственности. Касьянъ съ Красивой Мечи является живымъ доказательствомъ присутствія въ «мужицкой душѣ» нѣжныхъ, немножко даже сантиментальныхъ чувствъ. Въ разсказѣ «Свиданіе» выводится крестьянская дѣвушка Акулина, которая и любить и даже выражаетъ свою любовь совершенно такъ-же, какъ и культурная барышня, только что вышедшая изъ какого-нибудь дворянскаго института.

Авторъ «Записокъ Охотника», повидимому, вполне раздѣляетъ взглядъ своихъ сосѣдей по имѣнію на идеаль добродѣтельнаго мужика. Онъ не соглашался лишь съ тѣмъ ихъ мнѣніемъ, что будто идеаль этотъ для реальнаго мужика, вслѣдствіе его безчувственности и низости его натуры, совершенно неосуществимъ и недостижимъ; напротивъ—онъ полагалъ, что разница между мужикомъ, каковъ онъ есть, и мужикомъ, какимъ онъ долженъ быть, совсѣмъ не такъ велика, какъ это кажется гг. Пѣночкинымъ, Звѣрковымъ и Стегуновымъ. И вотъ, для того, чтобы нагляднѣе убѣдить ихъ въ этомъ, онъ нѣсколько разъ останавливается въ «Запискахъ Охотника» на отношеніяхъ «мужика» къ барину и къ своей мужицкой долѣ и при этомъ старается выставить эти отношенія въ такомъ именно свѣтѣ, который могъ-бы, хотя отчасти, разсвѣять барскія сомнѣнія насчетъ мужицкой «безчувственности», «неблагодарности» и «строптивости». Мужика обвиняютъ въ неспособности проникаться безкорыстною привязанностью къ своему помѣщику. А посмотрите-ка на отношенія Калиныча къ господину Полутыкину. Господинъ Полу-

тыкинъ держитъ Калиныча, что называется, впроголодь; превративъ его въ свою охотничью собаку, онъ отбилъ его отъ хозяйства и совсѣмъ раззорилъ. Безъ Калиныча онъ не можетъ сдѣлать шагу. «Калинычъ носить его сумку и ружье, замѣчаетъ, гдѣ садится птица, достаетъ воду, набираетъ для барина землянику, устраиваетъ для него шалаши, бѣгаетъ за его дрожками, смотритъ за нимъ, какъ за ребенкомъ» и т. д. («Зап. Охот.» стр. 5) и все это онъ продѣлываетъ не только безропотно, но даже съ удовольствіемъ и совершенно безвозмездно. Господинъ Полутыкинъ скупъ и даже «на лапти» не раскошеливается для своего холопа. За что-бы, кажется, любить такого барина?—А вотъ подите-же!—Калинычъ привязался къ нему, какъ собака, и никому, даже своему закадычному другу и пріятелю Хорю не позволяетъ сказать о немъ дурного слова. Каждый не совсѣмъ почтительный отзывъ о «баринѣ» мучительною болью отзывался въ душѣ преданнаго холопа. «Любопытно было, рассказываетъ авторъ,—послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда дѣло доходило до господина Полутыкина.—«Ужь ты Хорь, у меня его не трогай!» говорилъ Калинычъ.—«А что-же онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?» возражалъ тотъ.—«Эка, сапоги!.. На что мнѣ сапоги? Я мужикъ»... «Да вотъ и я мужикъ, а вишь...» При этомъ словѣ Хорь поднималъ свою ногу и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный, вѣроятно, изъ мамонтовой кожи.—«Эхъ ты, ты развѣ нашъ братъ!» отвѣчалъ Калинычъ.—Ну хоть-бы на лапти далъ: вѣдь ты съ нимъ на охоту ходишь; чай что день, то лапти».—«Онъ мнѣ даетъ на лапти!» «Да, въ прошломъ году, гривенникъ пожаловалъ». Калинычъ съ досадою отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ»... (ib стр. 13).

Но еще добродѣтельнѣе его былъ нѣкій преданный холопъ «Вася», состоящій въ званіи буфетчика при господинѣ Стегуновѣ. Заѣхалъ какъ-то разъ вечеркомъ къ этому господину авторъ «Записокъ Охотника». Усѣлись они вмѣстѣ на балконѣ, стали распивать чайкъ и вести пріятную бесѣду. «Воздухъ», рассказываетъ авторъ,—совершенно затихъ. Лишь изрѣдка вѣтеръ набѣгалъ струями и въ послѣдній разъ замирая около дома, донесъ до нашего слуха звукъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ, раздававшихся въ направленіи конюшни. Мордарій Аполлонычъ (такъ звали Стегунова) только-что донесъ къ губамъ налитое блюдечко и уже расширилъ было ноздри, безъ чего, какъ извѣстно, ни одинъ коренной русакъ не втягиваетъ въ себя чая,—но остановился, прислушался, кивнулъ головою, хлебнулъ и, ставя блюдечко на столъ, произнесъ съ добрѣйшею улыбкою и какъ-бы неволью вторя ударамъ: Чюки-чюки-чикъ!

Чюки-чюки-чюк! «Это что такое?» спросилъ я съ изумленіемъ. «А тамъ, по моему приказу, шалунишку наказываютъ... Васю буфетчика... что намъ намедни за обѣдомъ служилъ. Еще съ такими большими бакенбардами ходитъ»... Черезъ четверть часа, продолжаетъ авторъ свой разсказъ,—«я простился съ Мордаріемъ Аполлонычемъ и, проѣзжая черезъ деревню, увидѣлъ буфетчика Васю. Онъ шелъ по улицѣ и грызъ орѣхи. Я велѣлъ кучеру останоить лошадей и подозвалъ его: «Что, братъ, тебя сегодня наказывали?» спросилъ я его. «А вы почему знаете?» отвѣчалъ Вася. «Мнѣ твой баринъ сказывалъ. За что-же онъ велѣлъ тебя наказать?» «А по дѣломъ батюшка, по дѣломъ. У насъ по пустякамъ не наказываютъ; такого заведенія у насъ нѣтъ—ни, ни! У насъ баринъ не такой; у насъ баринъ... такого барина въ цѣлой губерніи не сыщешь!» (ib стр. 181, 182).

Многострадаальный Сучекъ, перебивавшій на своемъ вѣку во всевозможныхъ холопскихъ должностяхъ, прошедшій сквозь «огонь и мѣдныя трубы» и, наконецъ, разжалованный на старости лѣтъ изъ барскихъ кучеровъ въ рыболовы, относится къ своей долѣ, по увѣренію автора, съ такимъ терпѣливымъ добродушіемъ, которому могъ-бы позавидовать и самъ Іовъ. Онъ не только не ропщетъ и не жалуется, но, напротивъ, благодарить и умиляется.. «Что-же ты теперь въ рыболовахъ дѣлаешь, спрашиваетъ его баринъ-охотникъ,—коль у васъ и рыбы нѣту?» «А я, батюшка, не жалуюсь, отвѣчаетъ ему новѣйшій Іовъ,—и слава Богу, что въ рыболовы произвели, а то вотъ другого, такого-же, какъ я, старика, Андрея Пупыря, на бумажную фабрику, въ черпальную барыня приказала поставить»... «Есть у тебя семейство? Былъ женатъ?» допытываетъ баринъ. «Нѣтъ, батюшка, не былъ... Татьяна Васильевна покойница—царство ей небесное!—никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало говоритъ: «вѣдь живу-же и такъ въ дѣвкахъ; что за баловство, чего имъ надо?» «Чѣмъ же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?» «Какое, батюшка, жалованье!... Харчи выдаются... и то слава Тебѣ, Господи! Много доволенъ. Продли Богъ вѣка нашей госпожѣ!» (ib стр. 83).

Припомните, наконецъ, одинъ изъ самыхъ трогательныхъ разсказовъ въ «Запискахъ Охотника», «Живыя мощи», въ которомъ авторъ живописуетъ намъ, въ лицѣ злополучной, больной, полумирающей Лукерьи — типическую представительницу «добродѣтелей» російскаго некультурнаго человѣка, его безропотности, выносливости, его терпѣнія и нѣкоторыхъ другихъ душевныхъ качествъ, считавшихся, обыкновенно, исключительною принадлежностью однихъ лишь культурныхъ людей. Когда-то эта Лукерья «водила хороводы» у родительницы автора, она

считалась первой красавицей во всей дворнѣ; высокая, полная, бѣлая, румяная, хохотунья, плясунья, пѣвунья, она кружила головы и плѣнила сердца всѣхъ молодыхъ парней, и самъ авторъ—тогда еще шестнадцатилѣтній мальчикъ, втайнѣ вздыхалъ по ней (ib. стр. 353) На бѣду свою—любила Лукерья, подобно нѣмецкой барышнѣ, мечтать при свѣтѣ луны и заслушиваться до самозабвенія пѣніемъ соловья. И вотъ это-то ее и погубило: разъ ночью она до такой степени увлеклась соловьинымъ пѣніемъ, что ей почудилось, что ея возлюбленный Вася (ея женихъ) зоветъ ее. Она быстро обернулась въ сторону зовущаго, но обернулась такъ неловко, что прямо съ крыльца (на которомъ она мечтала, слушая соловьиное пѣнье), полетѣла внизъ головою, «да о землю и хлопъ». При этомъ паденіи у нея надорвалось что-то «въ утробѣ», и затѣмъ она стала сохнуть, чахнуть; «чернота на нее нашла», отнялись ноги, руки, и «подъ конецъ она совсѣмъ окостенѣла». Сначала пробовали ее лѣчить, желѣзомъ раскаленнымъ спину жгли, въ колотый ледъ сажали но ничего не помогло, а такъ-какъ «въ барскомъ домѣ калѣкъ держать было не способно», то родительница автора «Записокъ Охотника» и распорядилась: сослать Лукерью въ деревню и предоставить ее на волю неисповѣдимыхъ Божіихъ судебъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ авторъ случайно наткнулся на нее въ одну изъ своихъ охотничьихъ экскурсій. Она лежала, прикрытая лохмотьями, на деревянныхъ подмосткахъ въ темномъ плетennemъ сарайчикѣ, предназначенномъ для зимняго помѣщенія пчелиныхъ улей... Въ сарайчикѣ была тьма-тьмушная, и несчастная, искалѣченная, полуумирающая женщина проводила въ немъ одна-одиношенька безконечные дни и ночи. Никто за ней не ухаживалъ, никто о ней не заботился. Навѣдывалась къ ней изрѣдка какая-то дѣвочка-сиротка, иногда «дѣвушки крестьянскія заходили поговорить», или какая-нибудь *странница* случайно навертывалась, мучимая непреодолимымъ желаніемъ хоть съ кѣмъ-нибудь, хоть даже съ «живыми мощами» подѣлиться воспоминаніями о никогда не виданномъ ею Іерусалимѣ, о Кіевѣ и другихъ «святыхъ градахъ». Но, по большей части, она пребывала въ абсолютномъ одиночествѣ; ѣсть—почти ничего не ѣла, а до кружки съ водою, которую припасали ей добрые люди «я, рассказывала она сыну своей помѣщицы, — и сама дотянуться могу: одна-то рука у меня еще дѣйствуетъ». «И не скучно, не жутко тебѣ, моя бѣдная Лукерья?» спросилъ ее разчувствовавшійся сынъ. «Обтерпѣлась, ничего; инымъ еще хуже бываетъ. У иного и пристанища нѣтъ, а иной слѣпой или глухой, а я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу... И вся-

кій запахъ чувствовать могу, самый, какой ни на есть слабый... Нѣтъ, что Бога гнѣвить? многимъ хуже бываетъ» (ib. стр. 355). Но мало того, что Лукерья съ стоическимъ терпѣниемъ, и чисто-іовскою покорностью судьбѣ, переносила и свое одиночество, и свои тяжкіе недуги и всѣ невзгоды, погубившія ея молодую жизнь (ей не было и тридцати лѣтъ), разбившія всѣ ея молодыя надежды и мечты, отнявшія у нея всѣ человѣческія радости, превратившія ее изъ цвѣтущей, веселой, всѣми любимой, красавицы въ высохшую *мумію*, въ живыя мощи, она вполне и совершенно искренно примирилась съ своею долею; она не только никогда никому на нее не жаловалась, не только никогда никому не напрашивалась на участіе; но, напротивъ, считала себя какъ-бы даже недостойною этого участія, и не придавала ни малѣйшаго значенія своему, по-истинѣ, ангельскому терпѣнію. «Когда я, рассказываетъ авторъ, — подивился вслухъ ея терпѣнію, она возразила мнѣ на это: «Эхъ, баринъ! Что вы это! Какое такое терпѣніе? Вотъ Симеона Столпника терпѣніе было точно великое: тридцать лѣтъ на столбу простоялъ. А другой угодникъ себя въ землю зарыть велѣлъ по самую грудь и журавль ему лицо ѣли... А то вотъ еще мнѣ сказывалъ одинъ начетчикъ: была нѣкоторая страна Франція и ту страну Агаряне (англичане) завоевали и всѣхъ жителей они мучили и убивали... И проявись тутъ между жителями святая дѣвственница (Іоанна д'Аркъ), взяла она мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на Агарянъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. А только прогнавши ихъ, говоритъ имъ: теперь вы меня сожгите, потому-что было такое мое обѣщаніе, чтобы мнѣ огненною смертію за свой народъ помереть. И Агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился! Вотъ это подвигъ! А я что!» (ib. стр. 362).

«Не нужно-ли-же тебѣ чего, Лукерья? спросилъ ее на прощанье баринъ. «Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу, съ умиленіемъ произнесла она. Дай Богъ всѣмъ здоровья. А вотъ вамъ-бы, баринъ, матушку вашу уговорить:—крестьяне здѣшніе бѣдные, хоть-бы малость оброку она съ нихъ сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они-бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, — «всѣмъ довольна» (ib. стр. 363).

Да, она всѣмъ довольна: она довольна, она даже счастлива, когда до слуха ея долетитъ чириканье ласточки, когда вѣтеръ пахнетъ въ ея темный чуланчикъ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ, она радуется и смѣется, какъ невинное дитя, когда случайно залетитъ къ ней маленькій воробушекъ или пестрая бабочка; разъ

забѣжалъ къ ней заяцъ и привелъ ее въ восторгъ неописанный. Но особенное наслажденіе доставляютъ ей пѣсни, которыя прежде она распѣвала съ искусствомъ, сводившимъ съума всѣхъ чувствительныхъ деревенскихъ эстетиковъ, а теперь, увы! можетъ только тихо повторять *про себя*. *Пѣніе про себя*—ея любимое развлеченіе, когда она не спитъ; а когда спитъ, что случается, впрочемъ, съ нею рѣдко, она видитъ разные «хорошіе сны» и эти сны ее веселятъ, утѣшаютъ и ободряютъ... Богу она мало молится, но не отъ недостатка благочестія и вѣры, а напротивъ, отъ избытка того и другого. «На что я стану Господу Богу собою наскучать, смиренно признается она «барину»—о чемъ могу я его просить? Онъ лучше меня знаетъ, что мнѣ надобно. Послалъ мнѣ крестъ—значитъ онъ меня любить!» (ib. стр. 356).

Симпатическое сочувственное отношеніе автора къ извѣстнымъ душевнымъ качествамъ человѣка вообще и *мужика* въ частности, отношеніе, сложившееся, подъ вліяніемъ крѣпостническихъ нравовъ и міросозерцанія и даетъ намъ ключъ какъ къ выясненію достоинствъ и недостатковъ «Записокъ Охотника», такъ и къ опредѣленію ихъ роли и значенія въ исторіи нашего общественнаго развитія. Мы видимъ, что достоинства и недостатки «Записокъ» обусловливаются одною общею причиною: тою точкою зрѣнія, съ которой авторъ наблюдалъ и изучалъ мужика. Эта точка зрѣнія заставила его обратить свое исключительное вниманіе лишь на *нѣкоторыя* извѣстныя стороны и свойства мужицкой души и совершенно игнорировать, оставить въ тѣни, другія свойства, другія стороны. Отсюда крайняя *односторонность*, *неполнота* и *поверхностность* въ воспроизведеніи внутренняго міра мужика.—Эту односторонность, поверхностность и неполноту еще болѣе усиливали и обостряли тѣ жизненныя условія, въ которыхъ находился авторъ, его общественное положеніе, ограничивающее кругъ его наблюденій исключительно лишь одною, весьма незначительною категоріею крѣпостныхъ людей, то недовѣріе, съ которымъ относился мужикъ къ барину, вообще,—наконецъ, раздѣлявшая ихъ соціальная пропасть.

Потому, въ смыслѣ матеріала для изученія «мужицкой души», «Записки Охотника» не имѣютъ да и прежде не имѣли никакой цѣнности. Не имѣютъ онѣ также *въ настоящее время* никакой цѣнности и въ смыслѣ *гуманизированія* отношеній культурныхъ людей къ некультурнымъ. Прежде въ періодъ господства крѣпостного права, онѣ, дѣйствительно, какъ мы и указали на это выше, оказывали и необходимо должны были оказывать нѣкоторое гуманизирующее вліяніе на нравы нашихъ культурныхъ лю-

дей; но теперь, когда культурный человекъ давнымъ давно уже отрѣшился отъ крѣпостническихъ воззрѣній на мужика, когда никто уже не сомнѣвается, что и мужикъ способенъ волноваться такими-же чувствами, какъ и баринъ, когда, наконецъ, лучшие культурные люди, благодаря усиліямъ нашихъ молодыхъ и высокоталантливыхъ *измѣдователей* и *наблюдателей* народной жизни, народныхъ нравовъ и т. п. давно уже успѣли освоиться съ мыслью о нравственномъ или, лучше сказать, *соціальномъ* превосходствѣ природы человекъ, растущаго и развивающагося среди условій общино-мирской жизни, передъ природою человекъ, растущаго и развивающагося среди условій жизни *культурныхъ классовъ* — теперь, говоримъ мы, тотъ либерально-просвѣщенный и для своего времени, *гуманный* взглядъ на мужика, который проводится авторомъ въ его «Запискахъ», оказывается уже чрезачуръ устарѣлымъ и совсѣмъ даже не гуманнымъ...

Но, если «Записки Охотника» и не представляютъ теперь, съ точки зрѣнія современныхъ общественныхъ нуждъ и потребностей, никакого существеннаго интереса, то зато, съ точки зрѣнія историко-соціальной, — интересъ и значеніе ихъ не могутъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Историкъ русской цивилизаціи да и вообще всякій мыслящій человекъ, слѣдящій за нашимъ общественнымъ развитіемъ, найдетъ въ нихъ весьма любопытный матеріалъ для характеристики и выясненія отношеній, лучшихъ либеральнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ представителей культурнаго барства 40-хъ годовъ къ русскому мужику.

И только съ этой точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія отношеній просвѣщеннаго представителя людей 40-хъ годовъ къ непросвѣщенному рабу-холопу — «Записки Охотника» и заслуживаютъ вниманія современнаго поколѣнія, — только съ этой точки зрѣнія мы сочли возможнымъ завести здѣсь о нихъ бесѣду съ читателемъ — только съ этой точки зрѣнія онѣ и представляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ и поучительнѣйшихъ страницъ исторіи не только нашей отечественной литературы въ частности, но и нашего общественнаго развитія вообще.

Ф. В—а.

НОВЫЯ КНИГИ.

Робертъ Овэнъ, „Объ образованіи человѣческаго характера“. „Новый взглядъ на общество“. Переводъ съ англійскаго. 2-е (полное) изданіе И. И. Вилибина. Спб., 1881 г.

Робертъ Овэнъ не безъизвѣстенъ русской публикѣ. Сочиненіе его «Объ образованіи человѣческаго характера», появлялось у насъ въ печати уже и прежде, въ шестидесятыхъ, если не ошибаемся, годахъ, хотя проникло тогда къ намъ какъ-бы контрабанднымъ путемъ, безъ имени автора и съ пропусками. Кромѣ того, русская публика могла ознакомиться какъ съ общими идеями Р. Овэна, такъ и съ значительною долею его практической дѣятельности, изъ прекрасной статьи Добролюбова, въ которой не знаешь, чему удивляться больше: талантливости-ли изложенія или сердечному сочувствію автора бесплоднымъ усиліямъ этого замѣчательнаго человѣка на пользу человѣчества. Теперь появляется у насъ первое полное изданіе главнаго сочиненія Р. Овэна, въ которомъ излагаются, хотя не вполне еще ясно и закончено, всѣ основныя положенія ученія этого честнаго, благодушнаго, но до крайности наивнаго реформатора міра. Появленіе этого сочиненія въ настоящее время имѣетъ, конечно, болѣе историческій, нежели современный интересъ, хотя, впрочемъ, многія изъ его разоблаченій общественныхъ язвъ не лишены и до сихъ поръ интереса современности и даже основное его заблужденіе—вѣра въ возможность дѣйствовать на міръ путемъ пропаганды нравственныхъ идей, и теперь еще нерѣдко преподается съ ученыхъ кафедръ подъ видомъ «науки», особенно въ Германіи. Вотъ, на примѣръ, какими чертами обрисовываетъ Р. Овэнъ современное ему состояніе общества: «Характеры лицъ этихъ (бѣдныхъ) классовъ, говоритъ онъ на первой страницѣ своего перваго

очерка,—образуются безъ надлежащаго руководства и въ большинствѣ случаевъ подѣ влияніемъ такихъ обстоятельствъ, которыя неминуемо заставляютъ ихъ слѣдовать по пути крайней нищеты и порока и дѣлаютъ изъ нихъ самыхъ развратныхъ и опасныхъ членовъ государствъ. Большинство-же остального общества воспитывается въ принципахъ, идущихъ въ разладъ съ человѣческой природою и неминуемо вызывающихъ поступки, недостойные разумныхъ существъ. Первые—это тѣ необразованные, испорченные члены рабочаго сословія, которыхъ *принуждаютъ* совершать преступленія и за которыя ихъ-же послѣ *наказываютъ*. Вторые—остальная масса общества, которую учатъ теперь вѣрять или, по крайней-мѣрѣ, признавать, что нѣкоторые принципы неопровержимо истинны, и при этомъ научаютъ поступать такъ, какъ-будто они *въ высшей степени ложны*. Такимъ образомъ, міръ наполняется безуміемъ и нелѣпостями и во всѣхъ классахъ общества царствуетъ неискренность и разладъ. Въ такомъ состояніи находится свѣтъ до настоящаго времени, бѣдствія его постоянно возрастаютъ; они громко вопіютъ о необходимости мѣръ къ уничтоженію ихъ и промедленіе съ нашей стороны произведетъ всеобщій хаосъ». Такъ говорилъ Р. Оуэнъ въ 1812, и хотя съ того времени прошло почти семьдесятъ лѣтъ, но нельзя сказать, чтобъ этого-же не слѣдовало повторить и теперь. Но не эта сторона ученія Р. Оуэна важна для насъ. Людей, громившихъ человѣческіе пороки и разоблачавшихъ общественныя язвы, и до него, и послѣ него было не мало,—людей, притомъ, и болѣе проникательныхъ и болѣе талантливыхъ. Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ положительная сторона ученія его, та теорія и тѣ принципы, которые онъ предлагаетъ какъ средство для исцѣленія недуговъ человѣческаго рода.

Основное положеніе Р. Оуэна, лежащее въ основаніи разбираемаго нами перваго его сочиненія и красною нитью проходящее чрезъ всѣ остальные его трактаты, рѣчи, манифесты, записки, проекты и пр., число которыхъ такъ обширно, что можетъ составить цѣлую библіотеку—заключается въ томъ, что характеръ человѣка вполне зависитъ отъ воспитанія, которое дается ему съ младенчества, и отъ всѣхъ общественныхъ условій, окружающихъ его съ пеленокъ и до могилы. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ мнѣнія, столь распространеннаго въ его время и имѣющаго даже теперь, несмотря на успѣхи научныхъ знаній, многочисленныхъ адептовъ и сторонниковъ, мнѣнія, по которому природа человѣка полна всевозможныхъ дурныхъ инстинктовъ, противодействовать которымъ можно лишь посредствомъ подавленія естественныхъ

стремлений природы, посредством самоотречения и плотоумерщвления. Но справедливо возставая против господствовавших въ обществѣ «заблужденій» и «нелѣпостей», онъ впадаетъ опять въ другую крайность, преувеличивая вліяніе воспитанія и окружающихъ человѣка внѣшнихъ условий. Онъ не замѣчаетъ того, что въ самой природѣ человѣка, въ его организаціи, въ стремленіяхъ и потребностяхъ этой природы, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, заключается много элементовъ, вліяющихъ на образованіе его наклонностей и не поддающихся воспитанію. Издатель настоящаго сочиненія Р. Овена, излагая въ предисловіи нѣкоторыя изъ основъ его ученія, говоритъ, между прочимъ, и о томъ, что Р. Овенъ признаетъ человѣческій характеръ также, до известной степени, и «продуктомъ прирожденной организаціи человѣка». Это не совѣмъ вѣрно. Робертъ Овенъ ни однимъ словомъ не поминаетъ этого второго существеннаго элемента въ образованіи характера, а изъ его взгляда на рекомендуемое имъ «раціональное» воспитаніе, которое въ его глазахъ является «могущественнѣйшимъ изъ орудій, когда-либо бывшихъ въ рукахъ человѣка», «истинно-чудотворною силою», посредствомъ которой изъ человѣка можно сдѣлать «демона зла, какъ для него самого, такъ и для окружающихъ, или-же безгранично полезнаго дѣятеля», изъ его восторженнаго взгляда на силу и значеніе воспитанія, изъ надеждъ, которыя онъ возлагаетъ на воспитаніе и одно воспитаніе въ дѣлѣ пересозданія человѣческаго міра, можно смѣло заключить, что о существованіи этого второго элемента въ образованіи человѣческаго характера онъ и не подозрѣвалъ. Эта ошибка Р. Овена имѣетъ, конечно, значеніе болѣе съ точки зрѣнія теоріи. Если-бы его «система», при отсутствіи другихъ коренныхъ ея недостатковъ, могла-бы быть осуществлена на практикѣ, то сама практика показала-бы предѣлы ея истинности. Черты характера, зависимаыя отъ воспитанія или воздѣйствія на человѣка внѣшнихъ обстоятельствъ, могли-бы измѣниться, а тѣ-же, корень которыхъ лежитъ въ природѣ человѣка, остались-бы безъ измѣненія, или-же подверглись-бы преобразованію болѣе постепенному, въ цѣломъ рядѣ поколѣній, вмѣстѣ съ измѣненіями въ самой природѣ человѣка.

Но не въ этой ошибкѣ Р. Овена заключается главное его заблужденіе; не въ ней слѣдуетъ искать причину безуспѣшности всей его многолѣтней, чуть не вѣковой, дѣятельности, исполненной неутомимой энергіи, преданности и самоотверженія. Главная его ошибка, ошибка чисто-логическаго свойства, такова, что о нее безусловно должны были разбиться всѣ его благородныя порывы, всѣ его самоотверженныя усилія. Взглядъ его на воспитаніе

человѣка и на образованіе его характера указывалъ на тѣ пути, посредствомъ которыхъ онъ думалъ достигнуть задуманной цѣли. А цѣль эта заключалась ни больше, ни меньше, какъ въ пересозданіи всей человѣческой жизни, въ искорененіи тѣхъ общественныхъ золъ, которыя онъ беспощадно разоблачалъ; онъ думалъ, что при помощи его «системы», которую онъ самонадѣянно называетъ «открытіемъ, долженствующимъ принести счастье на землѣ», возможно пересоздать общественныя отношенія и ввести «на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе». Пересоздайте, говорилъ онъ, идеи, въ которыхъ воспитываются теперь люди, вытравите изъ сердца и ума человѣческаго тѣ заблужденія и нелѣпности, въ коихъ они погрязаютъ, выведите человѣчество изъ «мрачныхъ дебрей невѣжества, заблужденія и исключительности», создающихъ лишь одни «несообразности и безумства», и вы создадите новый міръ. Р. Овенъ не замѣчалъ, что этимъ онъ самъ попадалъ въ тотъ cercle vicieux, изъ котораго нѣтъ ему выхода. Съ одной стороны онъ утверждаетъ, что идеи и взгляды людей образуются подъ вліяніемъ общественныхъ условій, среди которыхъ воспитывается и живетъ человѣчество, съ другой-же стороны онъ проповѣдуетъ, что эти общественныя условія должны быть измѣнены подъ вліяніемъ идей и взглядовъ, которые онъ рекомендуетъ въ своей «системѣ». Противорѣчіе этихъ двухъ положеній таково, что если не признать ложности и ошибочности одного изъ нихъ, то придется прійти къ печальному заключенію, что человѣчество обречено на вѣчныя времена нести на себѣ проклятіе безвыходности своего положенія. Къ счастью, для человѣчества положеніе его не такъ безотраднo, но къ вѣщему несчастью ослѣпленнаго реформатора и дѣло преобразованія міра по новымъ началамъ не такъ просто, какъ это ему казалось. Дѣло въ томъ, что вторая посылка Р. Овена, на истинности которой онъ основалъ вѣру въ свою «систему», при болѣе тщательномъ анализѣ оказывается совершенно невѣрною. Общественныя условія человѣческой жизни вовсе не создаются подъ вліяніемъ идей и взглядовъ людей. Общественныя условія образуются естественнымъ ходомъ исторической жизни народовъ, тѣми потребностями, которыя создаютъ эту исторію. Идеи и нравственныя взгляды человѣчества сами являются продуктамъ общественныхъ условій и обратное ихъ воздѣйствіе на эти условія чрезвычайно ничтожно. Пренебреженіе этою истиною было причиною неуспѣховъ реформаторовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, и Р. Овену пришлось только раздѣлить участь своихъ предшественниковъ. Да и какъ могло-бы быть иначе? Если-бы взглядъ Р. Овена на возможность воздѣйствія

на общество путемъ пропаганды идеи не былъ-бы глубоко ошибоченъ, то какимъ образомъ могли-бы мы объяснить тотъ фактъ, что убійства, грабежи, безсовѣстная эксплуатація зависимаго человѣка, національная и религіозная ненависть сохранились въ неприкосновенной своей цѣлости вплоть до нашихъ дней, несмотря на то, что въ теченіи столѣтій и тысячелѣтій человечеству ежечасно твердили и твердятъ: не убій, не укради, не послушствуй на друга твоего свидѣтельства ложна, возлюби ближняго твоего, какъ самого себя и т. д.

Робертъ Овэнъ не замѣчалъ противорѣчій своей теоріи. Несмотря на рядъ неудачъ, онъ твердо вѣрилъ въ ея непреложность и стоически защищалъ ее до конца дней своихъ. Нечего удивляться этому постоянству въ заблужденіи, если и въ настоящее время, когда общественныя науки сдѣлали уже обширныя завоеванія, въ классической странѣ философской мысли, находятся, какъ мы говорили выше, цѣлыя «ученыя» школы, проповѣдующія тотъ-же принципъ, хотя не съ тою-же широтою, послѣдовательностью и откровенностью, школы экономистовъ, ставящихъ краеугольнымъ камнемъ своихъ грошевыхъ реформаторскихъ предложеній ту-же идею, столько уже разъ понесшую поражение, идею внесенія нравственнаго элемента въ экономическія отношенія. Р. Овэнъ имѣлъ еще оправданіе въ видимомъ успѣхѣ своего перваго опыта въ Нью-Ланаркѣ. Но этотъ успѣхъ онъ долженъ былъ отнести не на счетъ вѣрности своей «системы», а на счетъ обаятельнаго вліянія своей собственной благородной личности. Пишущему эти строки пришлось самому встрѣтить однажды престарѣлаго нью-ланаркца, воспитанника школы, которою руководилъ Овэнъ. Несмотря на 15 слишкомъ лѣтъ, протекшихъ со дня смерти реформатора, несмотря на 50 лѣтъ, отдѣлявшихъ время непосредственнаго соприкосновенія ученика съ учителемъ, онъ не могъ безъ слезъ умиленія вспомнить о своемъ великомъ учителѣ и проявлялъ къ его свѣтлой личности большее, навѣрное, благоговѣніе, чѣмъ поклонникъ ислама оказываетъ своему пророку Магомету. При такихъ обаятельныхъ качествахъ было возможно Р. Овэну достиженіе результатовъ, которые онъ приписывалъ своей системѣ. И если бы можно было ожидать, что всѣ фабриканты, всѣ руководящіе въ обществѣ лица будутъ Овэнами, то тогда можно было-бы раздѣлить вмѣстѣ съ реформаторомъ его вѣру въ успѣхъ системы. Но, къ сожалѣнію, этого по самымъ условіямъ общественной жизни ожидать нельзя.

Издатель этого перваго труда Р. Овэна косвеннымъ образомъ намекаетъ о своемъ намѣреніи продолжать изданіе сочи-

нейей его. Было-бы, дѣйствительно, въ высшей степени желательно видѣть въ русскомъ переводѣ нѣкоторыя изъ послѣдующихъ трудовъ Р. Оуэна. Въ нихъ можно найти болѣе определенное и ясное изложеніе его ученія, которое во время составленія изданныхъ теперь очерковъ не вполне еще выяснилось для самого реформатора. Кромѣ того, Р. Оуэнъ игралъ выдающуюся роль въ движеніяхъ англійскихъ рабочихъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ и ознакомленіе съ нѣкоторыми изъ его сочиненій могло-бы содѣйствовать уясненію этихъ, кажется, очень мало-извѣстныхъ у насъ движеній.

Исповѣдь преступника. Юмористическій рассказъ изъ жизни петербургскихъ евреевъ. Г. Г. Лифшица (Гершонъ-Банъ-Гершона). С.-Петербургъ, 1881 г.

Хотя г. Лифшицъ и называетъ свой рассказъ юмористическимъ, но это юморъ не такой, чтобы отъ него смѣялось. Обидно и досадно за порядки, которые могутъ вызывать факты, подобные тѣмъ, которые описываетъ авторъ, и больно за людей, дѣлающихся жертвами подобныхъ порядковъ. Рассказъ г. Лифшица можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ теперешнему «еврейскому вопросу», и ведется онъ отъ лица, которое, благодаря разнымъ стѣсненіямъ, существующимъ для евреевъ, свершило цѣлый рядъ преступленій. «Теперь я сапожникъ, рассказываетъ герой,—женатъ и недавно похоронилъ десятилѣтняго ребенка, а шесть мѣсяцевъ тому назадъ я былъ бухгалтеромъ, жены своей еще и въ глаза не видалъ, а ребенокъ мнѣ и во снѣ не снился». Несмотря на все это, герой нашъ и теперь еще покупаетъ сапоги въ лавкѣ, жена его—женщина весьма и весьма честная, а ребенокъ—вполнѣ законнорожденный. • Какъ же все это могло случиться? Случилось все это благодаря паспорту, въ которомъ говорилось, что еврей Гершонъ-Банъ-Гершонъ Скоропостижимый увольняется *vo вся* города Россійской Имперіи; а внизу стояло *Nota-bene*: «сей паспортъ дѣйствителенъ только тамъ, гдѣ евреямъ жить дозволяется».

Похожденія героя, дѣйствительно, любопытны. Онъ воспитывался въ Раввинскомъ училищѣ; но въ одинъ прекрасный день училища эти были закрыты и около тысячи учащихся отъ перваго и до послѣдняго класса, были распущены на всѣ четыре стороны, куда кому Богъ на душу положить. Чтобы поступить въ гимназію, требовалось знаніе латинскаго языка, а латыни въ Раввинскомъ училищѣ не учили. И вотъ людямъ, отпущеннымъ

на всѣ четыре стороны, оставалось или учительствовать, т. е. давать въ своемъ еврейскомъ городѣ, гдѣ конкуренція доходила до послѣдняго предѣла, частные уроки за какіе-нибудь полтора рубля въ мѣсяцъ, или поступить приказчикомъ къ еврею въ мелочную лавку, или же, по примѣру другихъ молодыхъ евреевъ, ѣхать за-границу учиться медицинѣ.

Скоропостижимый задумалъ ѣхать за-границу, но заграничнаго паспорта ему не дали, потому что онъ подлежалъ призыву. И вотъ онъ перебирается за-границу контрабандно, заплативъ три рубля, а черезъ годъ свершаетъ второе преступленіе, прокрадываясь черезъ границу ночью, въ обществѣ контрабандистовъ, потому что въ Вержболовѣ безъ паспортовъ въ Россію не пускаютъ.

Въ солдаты, однако, нашъ герой не попалъ, потому что въ объемъ груди не доставало у него трехъ вершковъ; и вотъ опять вопросъ, что дѣлать? Заграничнаго паспорта ему опять не дали, а пробраться за-границу незаконно онъ уже не хотѣлъ. Скоропостижимый беретъ паспортъ *«во всѣ города Россійской Имперіи»* и пускается на авось въ Петербургъ. Первой заботой въ Петербургѣ, конечно, было найти себѣ мѣсто и квартиру; мѣсто скоро нашлось, но отъ квартиры, увы, всѣ отказывали, благодаря все тому же водчѣму паспорту. Наконецъ, герою приходитъ геройская мысль не скрывать своего паспорта, а прямо просить у хозяевъ дозволенія жить безъ паспорта. Въ концѣ-концовъ герой обрѣлъ пристанище у своего единовѣрца, сапожника. Живя у сапожника, онъ посѣщалъ контору, въ которой пристроился, давалъ дворнику двугривенные, съ предупредителями и пресѣвателями старался быть возможно вѣжливымъ, и дѣла, повидимому, устроились хорошо; но вдругъ въ судьбѣ его произошла перемѣна, которая совсѣмъ испортила ему жизнь. «Я думаю, говоритъ г. Лишницъ,—что бывший с.-петербургскій временный генералъ-губернаторъ, издавъ послѣ покушенія Соловьева обязательное постановленіе о немедленной пропискѣ видовъ и безотлучномъ дежурствѣ дворниковъ у воротъ каждаго дома, совершенно въ мысляхъ не имѣлъ евреевъ; а между тѣмъ они, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ воровъ, лишившись послѣдняго куска хлѣба, всѣхъ болѣе пострадали отъ этой мѣры». Поднялась суматоха. Шутка-ли, болѣе пяти тысячъ евреевъ жили непрописанными въ Петербургѣ. У каждаго своя дѣла, служба и обязанности. Большой половиной не на что было уѣхать, а уѣхать надобно—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но куда? Въ Москву, Кіевъ, Орелъ, Харьковъ? Но эти города подразумеваются въ *Nota-bene*. Въ Варшаву? Но онъ не знаетъ по-поль-

ски, а тамъ въ конторахъ это требуется. Въ Вильну, Ковну, Бердичевъ,—но тамъ копошится, барахтается темная еврейская масса, гдѣ одинъ у другого кусокъ хлѣба вырываетъ. Опять бросить Россію и уѣхать за-границу? Но нѣмцы сами ѣдутъ массами въ Россію и ими переполнены всѣ петербургскія конторы. Въ самомъ дѣлѣ, роковой вопросъ!

Впрочемъ, евреямъ-ростовщикамъ и содержателямъ кассъ-судъ Петербурга оставлять не пришлось. Уѣхала голь, да бѣдняки, а люди изворотливые умѣли устроиться. Нашелся и Скоропостижимый, но для этого ему пришлось сдѣлать новое преступленіе. Приѣхавъ въ свой родной городъ, онъ поступилъ въ ученики къ сапожнику, конечно, не для того, чтобы выучиться шить сапоги, а въ видѣ покушенія на новое преступленіе. Чтобы быть бухгалтеромъ въ Петербургѣ, нужно имѣть паспортъ сапожника! Хозяинъ, къ которому обратился Скоропостижимый, далъ ему такой совѣтъ: «Гдѣ ужъ тебѣ теперь учиться точать сапоги, ступай лучше къ пану Винцентію, поклонись ему и онъ тебя въ одну минуту сдѣлаетъ сапожникомъ». Такъ и поступилъ нашъ герой. За три рубля панъ Винцентій далъ ему свою подпись, а цеховой маклеръ, за новые три рубля, скрѣпилъ ее. И вотъ съ этимъ-то, завѣдомо фальшивымъ документомъ, Скоропостижимый отправляется въ Петербургъ. Но опять новая бѣда, опять нужно прибѣгать къ разнымъ уверткамъ, лганью и недозволеннымъ средствамъ, потому что въ часткѣ требуютъ свидѣтельство о неподсудности. «Но почему-же мнѣ нужно представить такое свидѣтельство, развѣ я подозрителенъ?» спрашиваетъ Скоропостижимый. «Вы—еврей», коротко отвѣтилъ паспортистъ. «Такъ вы дайте мнѣ такое свидѣтельство».—«Вы у насъ не прописаны».—«Но гдѣ же я прописанъ?»—«Не наше дѣло. Достаньте свидѣтельство—это ваше дѣло». И Скоропостижимый досталъ такое свидѣтельство. Затѣмъ ему пришлось *достать* и еще свидѣтельство о томъ, что онъ работаетъ у сапожника, хотя онъ служилъ въ конторѣ; а, наконецъ, путемъ такой-же правды на его паспортѣ явилась надпись: «Сапожному подмастерью такому-то, на основаніи представленныхъ имъ документовъ и наведенныхъ о немъ справокъ, разрѣшается проживать въ столицѣ».

Личная судьба Скоропостижимаго устроилась, казалось, вполне; но ему пришлось учинить еще нѣсколько преступленій ради другихъ. Является къ нему разъ какой-то господинъ съ слѣдующимъ предложеніемъ: «Я знаю, говорить незнакомецъ, что вы теперь сапожникъ, а я—гродненскій первой гильдіи купецъ, торгую здѣсь золотымъ порошкомъ для типографій, заграничными-

же рамами и картинами, да слоною костью для фортепіанъ и билліардныхъ шаровъ. Я прописался здѣсь по гильдейскому свидѣтельству. Шестъ мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ я имѣю право жить въ столицѣ, уже давно прошли. Но дворникъ не беспокоитъ меня, потому-что знаетъ, что я прописанъ. Недавно умерла въ Гродно моя жена и осталась у меня единственная дочь, которую я не могу оставить тамъ одну. Приписать ее къ себѣ я не могу, потому-что срокъ моего права кончился, и если я пошлю мое свидѣтельство въ участокъ, мнѣ самому напишутъ «къ выѣзду». Вы-же имѣете право здѣсь жить. Возьмите сегодня у раввина разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ, вечеромъ вы обвѣнчаетесь съ моею дочерью при двухъ свидѣтеляхъ, потомъ вы припишете ее къ себѣ женою, пока ей нельзя будетъ выйти замужъ, и тогда вы опять пойдете съ ней къ раввину и развѣдетесь».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого новаго беззаконія, приходитъ къ Скоропостижимому пріятель и предлагаетъ ему ребенка. Надобно замѣтить, что иностранцы-евреи имѣютъ у насъ еще меньше правъ, чѣмъ русскіе евреи, хотя въ дѣйствительности они гораздо свободнѣе, потому-что въ паспортахъ у нихъ не прописано «еврей». Кто онъ именно: французъ-ли, нѣмецъ, ирландецъ, никто этого не знаетъ, и всѣ они живутъ совершенно спокойно, пока не встрѣтятся какое-нибудь особенное обстоятельство. Пріѣхалъ въ Петербургъ нѣкто г. Отто Бинигъ служить въ конторѣ, жилъ все время благополучно съ женою и груднымъ младенцемъ, но, къ несчастію, младенецъ умеръ, и теперь Отто Бинигъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Конечно, нужно похоронить. Но на лютеранскомъ кладбищѣ требуютъ свидѣтельство о крещеніи, а на еврейскомъ—билетика изъ участка. Приходится, слѣдовательно, объявить себя евреями и получить надпись «къ выѣзду». Чтобы выручить бѣднягу, Скоропостижимый идетъ въ участокъ, объявляетъ, что это его ребенокъ и получаетъ билетикъ на погребеніе. Фиктивный сапожникъ становится фиктивнымъ мужемъ и, наконецъ, фиктивнымъ отцемъ.

Какую массу обмановъ, увертокъ, всякой мелкой и скверной лжи приходилось ему продѣлывать только для того, чтобы или выручить своего ближняго изъ бѣды, или найти себѣ занятіе. На одной изъ первыхъ квартиръ, на которой хозяйка не хотѣла держать его, и гдѣ ему за три прожитыхъ дня пришлось заплатить за цѣлый мѣсяцъ, ему отвѣтила, что онъ самъ виноватъ. И то же самое говорили ему и другія хозяйки и хозяева; а если всѣ говорятъ такъ, должно быть они и правы, замѣчаетъ съ ироніей г. Лиѣшицъ. Но въ чемъ виноватъ? Положеніе, въ са-

момъ дѣлѣ, безвыходное. Мы питаемъ къ евреямъ антипатію и обвиняемъ ихъ въ томъ, въ чемъ они настолько-же виноваты, насколько и мы. Можетъ быть, мы виноваты еще болѣе. Мы скучили евреевъ на небольшомъ пространствѣ Юго-Западнаго и частью Южнаго края, гдѣ голодная масса темныхъ, голодающихъ бѣдняковъ, въ борьбѣ за личное существованіе, дошла до послѣдней степени нравственнаго и умственнаго упадка. Пускай отдѣльные евреи являются эксплуататорами, но едва-ли все трехмилліонное населеніе можетъ быть обвинено въ томъ, въ чемъ мы обвиняемъ отдѣльныхъ евреевъ. Бѣдность и конкуренція совершенно заѣла всю эту голодную, переколачивающую толпу; а если изъ нея выдѣляются отдѣльныя единицы, которыя ищутъ простора и новаго мѣста, мы заграждаемъ имъ всѣ пути и силой заставляемъ сидѣть въ томъ гниломъ болотѣ, гдѣ они гибнутъ отъ безвыходности. вмѣсто того, чтобы дать выходъ способностямъ и дѣятельности этого, дѣйствительно даровитаго народа, мы его только преслѣдовали до сихъ поръ и ровно ничего не сдѣлали для того, чтобы онъ могъ подняться изъ своего болота и стать общественно-полезнымъ элементомъ въ общемъ развитіи Россіи.

Книжка г. Лифшица, несмотря на свой юмористическій тонъ, производитъ впечатлѣніе далеко не веселое. Еврейскій вопросъ, кажется, выдвинулся теперъ уже достаточно и силой напрашивается на разрѣшеніе; но, конечно, онъ разрѣшится не тѣми, кто увѣряетъ, что во всемъ виноваты сами евреи. Они-ли виноваты, или мы, вопроса этого даже и трогать незачѣмъ, ибо сущность дѣла въ томъ, можетъ-ли быть допускаемо подобное приниженное положеніе евреевъ чувствомъ справедливости и идеей общаго блага. Если окажется, что нѣтъ, то, конечно, само собою выяснится, что должно быть сдѣлано, чтобы даровитое и способное трехмилліонное населеніе нашло-бы себѣ мѣсто въ природѣ и стало-бы гражданскимъ элементомъ своей родины и государства, которому оно отбываетъ всѣ повинности.

Русскіе въ Ахаль-Теке 1879 г. Соч. В. А. Туганъ-Мирза-Барановскаго. С.-Петербургъ, 1881 г.

Въ простомъ, безхитростномъ разсказѣ г. Барановскій описываетъ первую Ахаль-Текинскую экспедицію и причины ея неудачи. Разсказъ этотъ очень поучительный, хотя-бы въ томъ отношеніи, что по извѣстной пословицѣ мы, русскіе, «заднимъ умомъ крѣпки» и не умѣемъ пользоваться уроками собственнаго опыта.

Въ началѣ 1879 года была рѣшена экспедиція противъ туркменскаго племени текинцевъ, населяющаго оазисъ Ахаль-Теке. Начались къ ней дѣятельныя приготовленія, назначались части войскъ, заключались подряды, контракты, перевозился на ту сторону Каспія провіантъ, фуражъ, снаряды и все это велось настолько секретно, что первыя извѣстія объ Ахаль-Текинской экспедиціи распространились только въ половинѣ мая.

Большинство не только русской публики, но и лицъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи, впервые услышало имя племени, противъ котораго предпринимался походъ. Не знали даже, гдѣ находятся земли, обитаемыя текинцами, и ужъ это одно невѣденіе указывало на громадную разницу между нами, русскими, и хоть-бы нѣмцами, на которыхъ мы такъ обижаемся за то, что они знаютъ все лучше насъ. Ужъ, конечно, если-бы Пруссія предприняла экспедицію противъ текинцевъ, то каждый берлинскій уличный мальчишка разскажалъ-бы вамъ по пальцамъ, что это за народъ, какія его обычаи, нравы, свойства, гдѣ лежитъ его земля, силенъ-ли онъ, или не силенъ и съ какими средствами нужно противъ него выступить. Извѣстно, что нѣмцы въ провидѣннѣи возможности столкновенія съ Россіей, изучили наши западныя окраины и всѣ ихъ тропинки также хорошо, какъ свою собственную землю. Но едва-ли мы готовы на столько-же на случай столкновенія съ нѣмцами. Это я замѣтилъ такъ, между прочимъ, хотя именно къ этой разницѣ между нами и нѣмцами и лежитъ ключъ для объясненія причинъ неудачи Ахаль-Текинской экспедиціи 1879 года.

Причинъ экспедиціи пытались искать много, но настоящей никто не зналъ. Одни говорили, что цѣль ея — демонстрація противъ Англіи. Другіе увѣряли, что экспедиція необходима для наказанія текинцевъ за набѣги на нашихъ подданныхъ туркменъ. Третьи доказывали, что текинцевъ необходимо покорить, потому-что они препятствуютъ установленію правильной караванной торговли между Хивой и Красноводскомъ, хотя ее никто никогда и не пытался устанавливать.

Г. Барановскій-же думаетъ, что причиной нашего движенія въ текинскій оазисъ есть не больше, какъ сосѣдство цивилизованнаго государства съ нецивилизованнымъ, «которое, на основаніи историческаго закона, должно кончатся полнымъ подчиненіемъ послѣдняго первому». Г. Барановскому кажется, что въ этомъ выражается неумолимый историческій законъ, тяготящій надъ цивилизаціей, которую будто-бы нельзя вносить къ нецивилизованному народу иначе, какъ путемъ разрушенія, и съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ. Но пусть-бы г. Барановскій

попробовалъ вносить цивилизацію не посредствомъ нагаекъ, а путемъ мирныхъ сношеній; весьма вѣроятно, что цивилизація привилась-бы къ некультурнымъ народамъ легче, проще и прочнѣе, чѣмъ она прививается путемъ «экспедицій». Въ большей дѣйствительности мирныхъ средствъ г. Барановскій могъ-бы убѣдиться изъ нашихъ сношеній съ сибирскими инородцами.

Русскимъ войскамъ, расположеннымъ въ Закаспійскомъ военномъ отдѣлѣ, пришлось готовиться впервые къ выступленію въ степной походъ. И любопытно при этомъ вотъ что: походы по Закаспійскимъ степямъ, въ послѣднія десять лѣтъ, совершались чуть-ли не ежегодно, а именно въ 1871, 1872, 1873 гг. и, наконецъ, въ 1878 году, когда ходилъ въ степь тотъ самый генералъ, который потерпѣлъ въ 1879 г. неудачу. «Казалось-бы, говоритъ г. Барановскій, — что естественнымъ результатомъ всѣхъ этихъ походовъ и рекогносцировокъ должно было быть полное знакомство съ туркменскими племенами вообще и съ текинцами, какъ самымъ сильнымъ изъ нихъ, въ особенности; но между тѣмъ ничего подобнаго не было, и мы, несмотря на желаніе узнать, съ какого рода врагомъ придется имѣть въ предстоящей экспедиціи дѣло, не могли рѣшительно найти во всемъ отрядѣ человѣка, который-бы имѣлъ объ Ахалѣ и его окрестностяхъ хотя сколько-нибудь точное понятіе и представленіе. На картахъ же генеральнаго штаба текинскій оазисъ обозначался въ видѣ чистой бумаги, раздѣленной градусами широты и меридіана. Войска лишь знали, противъ кого идти, но не знали съ кѣмъ придется имѣть дѣло». Конечно, нѣтъ ничего мудренаго, что при такомъ повальномъ незнаніи экспедиція неудалась.

Къ незнанію страны и народа, противъ котораго мы шли, присоединились еще кое-какія и другія обстоятельства. Для перевозки войскъ и всего необходимаго для экспедиціи былъ заключенъ контрактъ съ обществомъ «Кавказъ и Меркурій». Но перевозка совершалась такъ медленно, что въ то время, когда въ Петербургѣ всѣ предполагали, что экспедиціонный отрядъ уже выступилъ изъ Чекишляра, онъ еще не былъ весь перевезенъ даже туда. На текинцевъ мы смотрѣли высококомѣрно и называли ихъ халатниками, а между тѣмъ, халатники оказались весьма доблестными противниками. Текинцы племя необыкновенно храброе, мужественное, обладающее очень большими способностями, чрезвычайно предприимчивое и горячо преданное своей родинѣ. Наконецъ, намъ не была извѣстна и численность врага, противъ котораго мы, какъ оказалось, выступили слишкомъ съ слабыми силами. Противъ 15 тысячъ воиновъ, находившихся въ Геогъ-Тепе, мы выставили нѣсколько баталіоновъ

пѣхоты, да нѣсколько эскадроновъ кавалеріи. Правда, мы были сильны артиллерією и нарѣзными ружьями, противъ которыхъ текинцы выступили съ дрянными, чуть не кремневыми, старыми ружьями; но зато текинцы отстаивали свою родную землю, защищали свои домашніе очаги, своихъ женъ и дѣтей. Не долго до вторженія русскихъ войскъ въ оазисъ, съѣзжались вожди Ахала на совѣтъ въ Геокъ-Тепе и, обсудивъ положеніе дѣлъ, рѣшили сопротивляться до послѣдней крайности. Собравъ народъ, они объявили свое постановленіе и при этомъ провозгласили, что все текинское племя, проливавшее до сихъ поръ лишь кровь своихъ братьевъ мусульманъ-туркменцовъ, навлекло только гнѣвъ Аллаха; а потому, чтобы загладить свои грѣхи, они отнынѣ должны стать смертельными врагами гяуровъ и истреблять ихъ, не думая о своей смерти. Рѣчь ишановъ глубоко подѣйствовала на собравшихся. Они пали на колѣни и принесли торжественную клятву на коранъ, что не пожалѣютъ своей крови и смѣло вступятъ въ борьбу съ гяурами.

Наконецъ, наступилъ моментъ штурма. Ровно въ 8 часовъ пополудни раздался условленный сигналъ—залпъ изъ четырехъ орудій. Войска бѣгомъ бросились на крѣпость. Къ сожалѣнію, они не имѣли съ собой ни штурмовыхъ лѣстницъ, ни фашинъ, и никакихъ вообще приспособленій для штурма. Съ чѣмъ были, съ тѣмъ и пошли. «Быстро добѣжали солдаты подъ усиленнымъ огнемъ текинцевъ, стрѣлявшихъ со стѣнъ крѣпости, рассказываетъ г. Барановскій.—Минута остановки, краткая передышка, и все бросилось въ ровъ. Съ величайшимъ трудомъ, упирая штыками о хрупкую, сухую глину, поддерживая и поднимая другъ друга, ползали солдаты на стѣну. Вотъ нѣкоторые влѣзли уже и тутъ-же пали жертвами своего удалства. На стѣну имъ карабкались новые молодцы. Нѣкоторые обрывались и падали въ ровъ. Но эта борьба удалства съ невозможностью продолжалась недолго. Едва текинцы осмотрѣлись и опомнились отъ перваго впечатлѣнія, увидѣвъ малочисленность штурмующихъ и всю безопасность для нихъ штурма, благодаря высокимъ и неприступнымъ стѣнамъ—какъ бросились со всѣхъ выходовъ изъ крѣпости и сами напали на атакующихъ. Вылазку предприняли не менѣе 5 или 6 тысячъ текинцевъ. Въ нѣсколько минутъ наши солдаты были окружены текинцами; на каждаго пришлось по четыре и пять человѣкъ. Въ такой толпѣ, гдѣ свои перемѣшались съ чужими, стрѣлять было невозможно. На каждый штыкъ, и притомъ штыкъ утомленный и изнеможенный ужаснымъ днемъ и большимъ переходомъ и напряженіемъ штурма, пришлось по четыре по пяти шашекъ; наши солдаты какъ-бы утонули въ

толпѣ текинцевъ... Въ рѣшительную минуту кроваваго боя на крѣпостной стѣнѣ появился старецъ, текинскій мулла и, раскрывъ коранъ, громкимъ голосомъ сталъ читать молитву...

Вдругъ неизвѣстно откуда, и неизвѣстно отъ кого, раздался возгласъ «назадъ»! Съ быстротой электрической искры по линіи пронеслось это слово изъ конца въ конецъ. Въ это время новыя толпы текинцевъ вышли изъ крѣпости; быстрое отступление было необходимо...

На слѣдующее утро войска начали готовиться... но, не къ наступленію, а къ отступленію и снова пришли къ тому пункту, отъ котораго началась экспедиція. А между тѣмъ для экспедиціи были собраны лучшіе солдаты, какіе только были въ Закавказьѣ и ужь конечно, не ихъ слѣдуетъ обвинить въ томъ, что отрядъ, вторгнувшійся въ оазисъ, былъ малочисленъ, что оказался недостатокъ провіанта и фуража и что никто не зналъ противника, съ которымъ приходилось имѣть дѣло.

Любопытной эпизодъ изъ той-же войны. Въ одно утро пронеслась по отряду вѣсть, что ночью бѣжалъ изъ нашего лагеря Текме-Сердаръ, ханъ Бамійскій и Беурмійскій, съ сыномъ и свитой изъ восьми человѣкъ. Какимъ образомъ ему удалось бѣжать, никто объяснить себѣ не могъ. А какимъ образомъ ханъ очутился въ плѣну, легенда гласила слѣдующее. Предъ вступленіемъ русскихъ въ текинскій оазисъ, явилось въ нашъ авангардъ посольство изъ текинскаго племени, имѣвшее во главѣ Текме-Сердаря, съ Софи-Ханомъ и свитой. Цѣлью посольства, какъ говорили, было изъясненіе покорности. Текинцы обязывались платить контрибуцію и ежегодную дань, но съ тѣмъ, однако, чтобы русскія войска не вступали въ текинскіе предѣлы. Отвѣтомъ на предложеніе посольства было обезоруженіе его и отдача подъ стражу въ качествѣ военнопленныхъ...

«Какъ это ни невѣроятно, говоритъ г. Барановскій,—а между тѣмъ я слышалъ этотъ рассказъ изъ многихъ устъ; но повторяю, что не могъ и не могу допустить, чтобы что-нибудь подобное могло совершиться въ русской арміи». Посольство во всякомъ случаѣ надежало отпустить независимо отъ принятія, или непринятія предлагаемыхъ условій. Въмѣсто этого у посольства отнимають оружіе, а самихъ пословъ отдаютъ подъ стражу. «Не солгу, если скажу, прибавляетъ г. Барановскій,—что девять десятыхъ отряда обрадовались, узнавъ о побѣгѣ Текме-Сердаря». Очень можетъ быть, что если-бъ г. Ламакинъ отнесся иначе къ посольству, то и вся его экспедиція имѣла-бы иной конецъ.

На дняхъ, какъ извѣстно, пріѣхала въ Петербургъ депутація текинцевъ, во главѣ которой находится этотъ самый Текме-

Сердарь, мирными предложеніями котораго первая экспедиція не желала воспользоваться и, несмотря на то, что онъ всегда дѣйствовалъ въ русскихъ интересахъ, подвергли старика ужаснѣйшей пытки, заставивъ его быть зрителемъ Геокъ-Тепинскаго дѣла. Ему пришлось смотрѣть цѣлый день, какъ наши гранаты разрывались надъ семьями, находившимися въ крѣпости, въ средѣ которыхъ была и его семья. Ханъ, слѣдя за полетомъ гранатъ, рвалъ бороду въ отчаяніи и походилъ на сумашедшаго. Понятно, что онъ, наконецъ, бѣжалъ и что девять десятыхъ отряда, конечно, не раздѣлявшихъ возрвнїи своего генерала на международныя отношенія и лучше понимавшихъ неприкосновенность посольства, обрадовались, узнавъ о побѣгѣ Текме-Сердаря.

Вообще книжка г. Барановскаго представляетъ не только живой интересъ, но и поучительна во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Ф. Щербина. Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ. Одесса. 1881 г., стр. 379.

Среди другихъ явленій экономической жизни нашего отечества, такой важной и оригинальной формѣ единенія хозяйственныхъ силъ, какими несомнѣнно являются наши русскія артели, повезло, можно сказать, менѣе, чѣмъ многимъ другимъ. О земельной общинѣ, на примѣръ, у насъ существуетъ чуть-ли не колоссальная (по количеству, если не всегда по достоинству) литература, объ артеляхъ же говорилось сравнительно гораздо меньше. Такое относительное невниманіе нашей литературы къ артелямъ можно легко объяснить тѣмъ, что онѣ не играютъ въ хозяйственной жизни нашего отечества такой громадной роли, какая выпала на долю общины; тотъ или иной взглядъ на нихъ не имѣлъ, кромѣ того, и такого рокового значенія при рѣшеніи практическихъ вопросовъ законодательства, какъ это неизбѣжно случилось съ общиною при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Слабая сторона нашей литературы объ артеляхъ заключается въ недостаткѣ фактическаго матеріала, необходимаго для сколько-нибудь цѣнныхъ работъ обобщающаго характера, что въ значительной степени произошло отъ отсутствія внѣшнихъ стимуловъ для собиранія относящихся сюда фактическихъ данныхъ. Попытка поощренія изслѣдователей со стороны петербургскаго отдѣленія комитета о ссудосберегательныхъ товариществахъ, надо признаться, не вполне удалась. Комитетъ ограничился тѣмъ, что предпринялъ изданіе посылаемыхъ ему мѣстными изслѣдователями матеріаловъ и со-

ставилъ очень неполную и поверхностную программу, состоящую изъ какого-нибудь десятка вопросовъ общаго и неопредѣленнаго характера. Вотъ почему, за исключеніемъ почтеннаго труда А. Ефименко о нашихъ сѣверныхъ рыболовахъ и звѣропромышленникахъ,—труда, который по своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ нашелъ-бы доступъ къ публикѣ и безъ посредничества комитета, остальные свѣденія о русскихъ артеляхъ, изданныя комитетомъ, отличаются отрывочностью и неполнотою. За исключеніемъ изданнаго комитетомъ сборника, всѣ остальные наши свѣденія объ артеляхъ заключаются по преимуществу въ отрывочныхъ и краткихъ данныхъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ, какъ періодической прессы, такъ и специальныхъ сочиненій по исторіи, этнографіи, статистикѣ и т. д. Уже въ виду одной только такой разбросанности, пользованіе изданными свѣденіями очень затруднительно, и собраніе ихъ представляется дѣломъ весьма полезнымъ. Г. Щербина, получившій извѣстность въ литературѣ, главнымъ образомъ, своими статьями о поземельной общинѣ, помѣщенными въ «Отеч. Запискахъ» и «Русской Мысли» за послѣдніе годы, еще въ 1876 и 1877 гг. напечаталъ въ «Недѣлѣ» рядъ очерковъ объ артеляхъ, встрѣчающихся на югѣ Россіи. Въ настоящее время онъ возымѣлъ счастливую мысль собрать въ одну книгу всѣ эти разбросанные очерки, прибавивъ къ нимъ нѣсколько другихъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ и составленныхъ имъ отчасти по собственнымъ личнымъ наблюденіямъ, отчасти-же по тѣмъ матеріаламъ, которые онъ нашелъ у другихъ изслѣдователей. Къ этимъ отдѣльнымъ очеркамъ, число которыхъ доходитъ у него до 25, онъ предпосылаетъ общій очеркъ, въ которомъ пытается освѣтить и сгруппировать основныя черты и особенности всѣхъ встрѣчающихся на югѣ Россіи артелей и «общинно-артельныхъ формъ».

Ограничиваясь, главнымъ образомъ, тѣми формами артельной организаціи, которыя встрѣчаются среди малорусскаго населенія, г. Щербина прежде всего возстаетъ противъ неосновательнаго, по его мнѣнію, взгляда на малороссовъ, какъ на представителей крайняго индивидуализма, экономической розни и обособленности. Если подъ такимъ индивидуализмомъ, говоритъ онъ,—разумѣть способность къ личной самостоятельности, нѣчто противоположное стадности, то такой индивидуализмъ можно признать принадлежностью малоросса, но онъ нисколько не препятствуетъ проявленію въ жизни общиннаго начала и ассоціаціонной связи трудящихся личностей. Это доказывается и историческимъ прошлымъ Малороссіи, познаннымъ борьбы изъ-за общественныхъ формъ и отношеній, борьбы, нашедшей наиболѣе

совершенное и крайнее свое выражение въ Запорожской Сѣчи. Это доказывается и настоящимъ. Какъ и теперь мы встрѣчаемъ общинное владѣніе землею почти всюду среди малорусскаго населенія, внѣ собственно коренной ихъ родины, гдѣ поземельная община подрѣзана была неблагоприятными историческими обстоятельствами, такъ-же точно какъ и повсемѣстнымъ существованіемъ среди этого населенія разныхъ видовъ артельного сотрудничества. Остановливаясь на фактахъ послѣдняго рода, авторъ дѣлаетъ попытку группированія и раздѣленія на нѣсколько разрядовъ всѣхъ формъ артельной организаціи труда малороссовъ, формъ какъ существующихъ въ настоящее время, такъ и извѣстныхъ ему изъ недалекаго прошлаго. Къ первой группѣ онъ относитъ всѣ тѣ артели, въ основѣ которыхъ лежитъ общій малорусскій народный идеалъ, самымъ законченнымъ и крайнимъ образомъ выразившійся въ Запорожской Сѣчи. Къ числу артелей типа Запорожской Сѣчи онъ причисляетъ, такимъ образомъ: чумацкія «валки», «забродческія (т. е. рыболовныя) ватаги», древнія артели запорожскихъ охотниковъ, общество днѣпровскихъ лопмановъ, проводящихъ суда черезъ днѣпровскіе пороги, артели днѣпровскихъ рѣчныхъ рабочихъ и матросовъ и артели малорусскихъ торговцевъ-ходебщиковъ. Большая часть артелей этого типа, подъ вліяніемъ давно пережитыхъ уже общественныхъ и хозяйственныхъ условій, проявляютъ теперь всѣ признаки упадка и атрофіи. Къ формамъ переходнаго типа онъ причисляетъ тѣ артели, въ которыхъ хотя и отразился древній типъ организаціи, но онъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни; сюда онъ причисляетъ крымскія солепромышленныя артели и артели земледѣльцевъ-косарей. Къ третьей группѣ проявленій артельного труда, называемой имъ «общинно-артельными формами» (труда?), онъ относитъ тѣ изъ нихъ, которыя по преимуществу прилагаются къ домашней жизни, къ земледѣлію и домашнему сельскому хозяйству, которыя образовались и сложились подъ вліяніемъ общинно-земельныхъ отношеній, обычаевъ и традицій. Сюда онъ включаетъ «толоку» (то-же, что и великорусскія «помочи»), обычай «спрягаться» (т. е. соединять вмѣстѣ разрозненныя и недостаточныя для нѣкоторыхъ земледѣльческихъ работъ силы единичныхъ домохозяйствъ, въ видѣ личнаго труда, орудій и скота, главнымъ образомъ, при подъемѣ пашни), встрѣчающуюся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полтавской губерніи «гуртову», далѣе арендаторскія артели, артели половинщиковъ, нѣжинскихъ табачницъ, земледѣльческія артели новѣйшаго образованія, артели «чередниковъ» (т. е. пастуховъ) и почтовые. Въ четвертую группу

входят артели великорусскаго типа, занесеннаго въ Малороссію и на югъ Россіи пришлыми великорусскими рабочими; это — артель севастопольскихъ лодочниковъ, артели портовыхъ и городскихъ бендюжниковъ или «дрягилей» (перевозчиковъ влады), артели плотниковъ и каменщиковъ. Въ пятую, наконецъ, группу авторъ соединяетъ артели, не подходящія ни подъ одну изъ вышеперечисленныхъ группъ, такъ-какъ основаніе ихъ лежитъ въ совершенно спеціальныхъ особенностяхъ быта или промысла лицъ, объединяющихся въ этихъ артеляхъ, лишенныхъ всякой экономической «народно-трудоу окраски»; это — баталіонныя артели кубанскихъ пѣшихъ козаковъ и артели нищихъ. Въ видѣ особаго приложенія авторъ сообщаетъ, кромѣ того, нѣкоторыя свѣденія о такихъ формахъ организаціи, которыя проявляютъ лишь нѣкоторое внѣшнее, наружное сходство съ народными экономическими артелями. Ихъ онъ совершенно справедливо называетъ «отъ-артельными формами», такъ-какъ въ основѣ ихъ нѣтъ никакой экономической подкладки, какъ, на примѣръ, въ рождественскихъ «сходкахъ», т. е. въ складчинахъ деревенской молодежи для цѣлей гульбы и увеселеній, пли-же даже проявляется болѣзненный наростъ на экономической народной жизни, что нужно сказать объ организаціяхъ конокрадовъ и скотокрадовъ.

Подробно и обстоятельно характеризуетъ въ первомъ очеркѣ всѣ вышеуказанныя группы артельныхъ организацій, выставляя черты, объединяющія ихъ и выражающія особенности каждой изъ этихъ группъ, г. Щербина въ остальныхъ своихъ очеркахъ останавливается на описаніи особенностей каждой изъ формъ, входящихъ въ составъ группы. Изъ краткаго нашего изложенія содержанія книги г. Щербины читатели могутъ видѣть, насколько широка задача, предпринятая авторомъ, и насколько важно и поучительно для насъ содержаніе его очерковъ. Мы не будемъ останавливаться на фактическихъ подробностяхъ его очерковъ, часто въ высшей степени интересныхъ, отсылая любознательнаго читателя къ самой книгѣ; хотимъ, однако, сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній по поводу слабыхъ сторонъ изслѣдованія г. Щербины, замѣчаній, не совсѣмъ лишенныхъ значенія, мы думаемъ, уже потому только, что самъ авторъ очерковъ сознаетъ неполноту своего изслѣдованія и можетъ принять къ свѣденію всѣ сдѣланныя ему замѣчанія при дальнѣйшихъ своихъ работахъ, цѣнность которыхъ для русской литературы лежитъ внѣ спора. При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ труда г. Щербины, мы замѣчаемъ у него рядъ недостатковъ, избѣгать которые въ особенности необходимо всякому, занимающемуся изслѣдованіемъ фактической стороны народной жизни. Укажемъ лишь на важнѣйшіе изъ нихъ.

Прежде всего мы должны поставить на видъ автору ту извѣстную пристрастность, которую онъ проявляетъ къ нѣкоторымъ, особенно ему симпатичнымъ формамъ народной жизни, пристрастность, приводящую его часто къ слишкомъ смѣлымъ и лишеннымъ прочной подкладки обобщеніямъ. Симпатизированіе извѣстнымъ проявленіямъ народной жизни — вещь очень похвальная, но у изслѣдователя она не должна заходить за предѣлы научной объективности, неизбѣжно необходимой при анализѣ общественныхъ явленій. Какъ это ни печально, можетъ быть, но ножъ анатома долженъ направляться безстрастною рукою. Разбираемый нами авторъ забываетъ иногда эту истину. Такъ, при описаніи артелей, подводимыхъ имъ подъ типъ Запорожской Сѣчи, онъ заходитъ иногда слишкомъ далеко въ своихъ указаніяхъ на вліяніе этой оригинальной исторической, полугражданской, полурыцарской и полуполитической организаціи. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что вліяніе Запорожской Сѣчи отразилось извѣстнымъ образомъ на происхожденіи, внутреннемъ характерѣ и внѣшней формѣ организаціи нѣкоторыхъ ассоціацій, напр., чумацкихъ валокъ, забродческихъ ватагъ. Но намъ, кажется, что въ другихъ случаяхъ это вліяніе, если и проявлялось, то ограничилось лишь одними внѣшними, чисто-бытовыми чертами, часто не идя далѣе пріемственности одного только имени артельного главы, «атамана». Нужно согласиться, что черта эта чисто-внѣшняя, совершенно не достаточная для того, чтобъ класть ее въ основаніе классификаціи артелей, какъ это дѣлаетъ авторъ. Указанный нами недостатокъ научной объективности не сдѣлалъ, правда, въ данномъ случаѣ значительнаго вреда. Но мы считали не лишнимъ остановиться на немъ, во-первыхъ, въ виду того, что изслѣдователи фактовъ народной жизни въ Малороссіи, вслѣдствіе особенностей ихъ положенія, склонны болѣе другихъ впадать въ эту крайность, а во-вторыхъ, въ виду тѣхъ печальныхъ слѣдствій, которыя могутъ проистекать изъ этого въ будущемъ. Примѣръ не загорами, и поучительность его знаменательна. Это — наши славянофилы. Они вѣдь тоже начали съ одного утрированія своихъ симпатій извѣстнаго рода, съ отрицанія объективности при анализѣ явленій народной жизни, объективности, въ которой они видѣли лишь черствость сердца. Къ чему-же они пришли? Къ напыщенной фразистости Аксакова, къ его именно «черствому» пустословію, къ его современному обскурантизму, тѣмъ болѣе опасному, что обскурантизмъ этотъ скрывается подъ оболочкою фразы, такъ обаятельно дѣйствующей на туманныя головы полубразованной массы.

Другое замѣчаніе, которое мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать

здѣсь, заключается въ томъ, что, какъ намъ кажется, авторъ недостаточно ясно усвоилъ себѣ представленіе о томъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ артели. Для того, чтобъ собираемые о какомъ-либо общественномъ явленіи данныя могли имѣть болѣе или менѣе солидную цѣнность, необходимо прежде всего, чтобы самъ собиратель данныхъ, выяснилъ себѣ сущность и характеристическія особенности того явленія, которое онъ изслѣдуетъ, иначе ему придется блуждать часто внѣ предѣловъ той области, которую онъ долженъ имѣть исключительно въ виду. Въ нашей литературѣ вопросъ объ артели и о томъ, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ терминомъ не былъ, правда, еще достаточно разработанъ. Въ первой книжкѣ «Русской Мысли» за нынѣшній годъ мы нашли начало прекраснаго труда А. Исаева объ артеляхъ; здѣсь, между прочимъ, онъ разбираетъ всѣ извѣстныя въ нашей литературѣ опредѣленія артели, находить ихъ недостаточными и дѣлаетъ попытку собственнаго опредѣленія. По его представленію, подъ артелью слѣдуетъ разумѣть «основанный на договорѣ союзъ нѣсколькихъ равноправныхъ лицъ, совмѣстно преслѣдующихъ хозяйственныя цѣли и связанныхъ круговою порукой». Здѣсь не мѣсто подвергать разбору это опредѣленіе. Самъ г. Исаевъ замѣчаетъ его недостаточность, такъ-какъ оно исключаетъ нѣкоторые артельные организаціи, какъ, напр., ротныя и тюремныя артели. Но самый главный недостатокъ этого опредѣленія заключается въ томъ, что въ немъ исключенъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ артели—элементъ труда, вслѣдствіе этого опредѣленіе г. Исаева является настолько широкимъ, что подъ него можно подвести многія коммерческія компаніи, союзы общихъ собственниковъ на одно и то-же имущество, общества взаимнаго кредита и страхованія и т. д. Опредѣленіе г. Исаева не могло быть извѣстно автору разбираемыхъ нами очерковъ, такъ-какъ явилось позднѣе; но самъ онъ во многихъ мѣстахъ своей книги говоритъ о «трудоутомъ началѣ», какъ объ одной изъ главныхъ и основныхъ чертъ южно-русскихъ артелей. Но въ такомъ случаѣ изъ числа «артелей», описываемыхъ г. Щербиной, придется сдѣлать не мало исключеній; почтовые артели, баталіонныя, арендованіе земли товариществами и пр.,—все это союзы, въ которыхъ отсутствуетъ трудовое начало. Намъ показалось, кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ главѣ: «Слѣды артельной организаціи чабановъ» и въ др. мѣстахъ, авторъ смѣшиваетъ съ артелью всякую организацію, неизбѣжную въ дѣлѣ, гдѣ имѣетъ мѣсто раздѣленіе труда; но въ такомъ случаѣ и всякая фабрика попадетъ въ разрядъ артели. Полагаемъ, что недоразумѣніе это

произошло отъ того, что авторъ недостаточно ясно выразилъ свои мысли.

Но помимо этихъ второстепенныхъ замѣчаній, касающихся частныхъ, мы должны указать еще на самый существенный и главный недостатокъ всего труда г. Щербины, лишающій его важнаго значенія, какъ *экономическаго* изслѣдованія. Этотъ недостатокъ заключается въ слабости фактической стороны его очерковъ, въ общности и неопредѣленности его изложенія, показывающей, что авторъ слишкомъ поверхностно знакомъ съ описываемыми имъ явленіями, которые онъ не подвергалъ спеціальному изслѣдованію, а ознакомился съ ними лишь въ качествѣ любознательнаго туриста или наблюдательнаго человѣка вообще. Наибольшей точности и обстоятельности онъ достигаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлаетъ заимствованія изъ чужихъ источниковъ, какъ, напримѣръ, при описаніи артелей нѣжинскихъ табачницъ. Въ другихъ случаяхъ у него замѣчается видимый недостатокъ фактическихъ и статистическихъ свѣдѣній экономическаго характера. Общія и туманные выраженія, обильно разбросанныя въ очеркахъ, въ родѣ, напр., «Артельные начала», «Народная окраска» и т. д., выраженія, въ которыхъ всякій воленъ впасть содержаніе, какое кому любо, не служатъ также къ украшенію труда. Авторъ по преимуществу останавливается на наружной, бытовой сторонѣ артелей, на этнографическихъ подробностяхъ и, отчасти, историческихъ свѣдѣніяхъ. Этотъ этнографическій характеръ очерковъ и объясняетъ въ значительной степени употребленіе тѣхъ туманныхъ и общихъ выраженій, на которыя мы указывали. Этнографія отличается еще до сихъ поръ слабостью своего развитія, она не выбилась еще на торную дорогу научнаго изслѣдованія и научнаго изложенія и значительно отстала въ этомъ отношеніи отъ другой отрасли социологіи, отъ политической экономіи, въ которой хотя еще до сихъ поръ и употребляется подобный способъ выраженія господами псевдоучеными, но уже не можетъ быть ничѣмъ оправданъ.

Всѣ указанная нами недостатки книги г. Щербины, не лишаютъ ее, однако, значенія интереснаго явленія въ нашей литературѣ, столь небогатаго изслѣдованіями явленій народной жизни. Самъ авторъ вполне сознаетъ недостатки своего труда и въ предисловіи говоритъ о какихъ-то обстоятельствахъ, помѣшавшихъ ему разработать избранный имъ предметъ съ достаточною полнотою. Будемъ-же надѣяться, что обстоятельства эти устранятся и что авторъ пополнитъ и исправитъ въ будущемъ пропуски и недостатки своего изслѣдованія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОСЪ).

I.

Съ юга пишутъ, что населеніе какъ еврейское, такъ и русское начинаетъ понемногу успокоиваться. Но если безпорядки не повторяются, слѣдуетъ-ли изъ этого, что исчезли причины безпорядковъ. Да и кто знаетъ, кто изслѣдовалъ ихъ причины? «Моск. Вѣд.» увѣряютъ, что не только не исчезли никакія причины, но что мы находимся уже «въ революціи».

Дѣйствительно, мы находимся «въ революціи», но въ анархической революціи мысли; безпорядки на югѣ послужили только указаніемъ этого нашего умственного состоянія, въ которомъ почти каждый потерялъ здравомысліе и дѣлаетъ не то, что ему дѣлать слѣдуетъ,—и «еврейскій вопросъ» превратился въ болѣе общій вопросъ.

18-го мая въ кievскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло о безпорядкахъ, бывшихъ 26-го и 27-го апрѣля, и на скамьѣ подсудимыхъ помѣстились двадцать-четыре человѣка. Изъ этихъ двадцати-четырехъ человѣкъ только трое принадлежали къ числу мѣстныхъ жителей и могутъ быть отнесены къ полуобразованному классу, именно: псаломщикъ, телеграфистъ и садовникъ. Всѣ остальные оказались рабочими, прибывшими въ Кіевъ изъ сѣверныхъ губерній. Между тѣмъ прокуроръ Стрѣльниковъ причины безпорядковъ объяснялъ эксплуатаціей народа евреями и и социальнымъ движеніемъ. «Соціалисты, по словамъ прокурора, не знали о готовящихся на югѣ безпорядкахъ и только послѣ погрома, корреспонденты столичныхъ газетъ стали сообщать, въ угоду соціалистамъ, ложныя свѣденія и возбуждать обще-

ство». Этого мы не понимаемъ. Если прокуроръ говорить о «готовившихся» беспорядкахъ, то ясно, что они были результатомъ чего-нибудь ранѣе обдуманнаго и подготовленнаго. Но развѣ это было доказано? Развѣ псаломщикъ, телеграфистъ и садовникъ, которыхъ обвинялъ прокуроръ, изображали собою распорядительный комитетъ и дѣйствовали по ранѣе составленному плану? Нѣтъ, этого не было. Слѣдовательно, очевидно, что причины беспорядковъ заключались въ чемъ-то другомъ. А что-же это другое? Военный судъ этого другого не выяснилъ, да и выяснить не могъ. Военный судъ имѣетъ только передъ глазами нарушителей той или другой статьи закона и за это нарушение налагаетъ на нихъ наказаніе. Такъ это случилось и на кievскомъ разбирательствѣ. Что преступность обвиняемыхъ не была особенно велика, видно изъ того, что только одинъ изъ нихъ, признанный руководителемъ беспорядковъ, Проборцевъ приговоренъ къ заключенію въ арестантскіе роты на 3½ г. Трое приговорены на 1½ года въ тѣхъ-же арестантскихъ ротахъ. Изъ остальныхъ—восемь человекъ приговорены къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца, четверо—къ аресту на 2 недѣли, а 7 человекъ оправданы. Ясно, что того момента предвзятости, обдуманности и предварительной организаціи, которая какъ-будто предшествовала беспорядкамъ, вовсе не было, а взрывъ случился какъ-бы внезапно, и какъ зараза, шелъ изъ одной мѣстности въ другую.

Прокуроръ говоритъ, что только послѣ погрома, корреспонденты столичныхъ газетъ, въ угоду социалистамъ, стали сообщать ложныя свѣденія и возбуждать общество. Это обвиненіе потому можно считать недоказаннымъ, что недоказана связь корреспондентовъ съ социалистами, не доказано, что они сообщали ложныя свѣденія, наконецъ, не доказано, что корреспонденты дѣйствовали въ угоду социалистамъ. Собственно еврейскій вопросъ прокуроръ разрѣшилъ очень просто. Еврейская эксплуатація объяснялась на судѣ скученностью еврейскаго населенія. На это объясненіе г. Стрѣльниковъ возразилъ такъ:—«если для евреевъ закрыта восточная граница Россіи, то съ другой стороны для нихъ открыта граница западная. Почему-же они не пользуются этимъ обстоятельствомъ?» Но куда идти? Г. Стрѣльниковъ говоритъ, что если евреямъ нельзя было уходить во внутреннія губерніи Россіи, куда имъ закрыть входъ, то имъ слѣдовало отправиться на западъ, т. е. въ Германію и Австрію. Но, во-первыхъ, откуда извѣстно, что имъ открыта западная граница, что на западѣ не тѣсно, что лишнее населеніе тамъ приняли-бы съ отверстыми объятіями, что оно нашло-бы тамъ кусокъ хлѣба и занятіе? Во-вторыхъ, откуда извѣстно, что евреи не переселяются на за-

падъ? Тѣснота давно уже выжимаетъ евреевъ изъ юго-западнаго края, и вотъ причина, почему они пытаются уходить частью въ русскія губерніи, или-же переселяются въ Англію и Америку. Еврейская молодежь цѣлыми партіями уходить вонъ изъ Россіи и въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ изъ губерній Царства Польскаго и нашихъ пограничныхъ губерній почти каждое еврейское семейство выдѣлило одного, или нѣсколько человекъ, которые ушли въ Америку, или въ Англію.

И еврейская молодежь бѣжить вовсе не отъ рекрутчины, хотя съ другой стороны, едва-ли было-бы справедливо обвинить ее за это. Еврей такой-же живой человекъ, какъ и мы русскіе. У него есть своя родина, свои привязанности, свое насиженное мѣсто, свои связи, привычки, однимъ словомъ—свое родное гнѣздо. Съ этимъ гнѣздомъ вовсе не такъ легко разставаться. Какъ ни странно, но еврей считаетъ себя русскимъ. И дѣйствительно, онъ еврей русскій, а не англійскій, не нѣмецкій и не французскій. Родина ему Россія, а не другая страна. Наравнѣ съ остальнымъ русскимъ населеніемъ, евреи отбываютъ всѣ рѣшительно государственныя и общественныя повинности; но платя то, что платятъ и другіе, они не пользуются общими съ этими другими правами. Слѣдовательно, обвинить евреевъ въ томъ, что они не являются такими ревностными патриотами, какъ, напр., Катковъ, едва-ли справедливо. Еще вопросъ, насколько-бы оказались патриотичными г. Катковъ и всѣ тѣ, которые обрушиваются такъ яростно на евреевъ, если-бы они находились въ ихъ положеніи.

Даже самая скученность еврейскаго населенія не могла-бы быть причиною того, что случилось. Мало-ли гдѣ есть скученное населеніе? Въ Европѣ есть мѣста, напр., хоть-бы подъ Дрезденомъ, гдѣ скученность гораздо сильнѣе, однако, люди живутъ и не грызутъ другъ друга. Прямолинейное разрѣшеніе, конечно, очень просто, но вѣдь несмотря на эту простоту, «Моск. Вѣд.» не разрѣшили еще правильно ни одного вопроса, а ужъ прямолинейнѣе ихъ едва-ли что можетъ быть. Должно-быть, вопросъ, который разрѣшался такъ просто извѣстными публицистами и ихъ сторонниками, предлагавшими тремъ милліонамъ еврейскаго населенія уйти вонъ изъ Россіи, разрѣшается вовсе не такъ просто.

По словамъ газеты «Донской Голосъ», 9-го мая, какой-то весьма прилично одѣтый господинъ прошелъ по Большой Садовой улицѣ и раздавалъ встрѣчнымъ прокламаціи возмутительнаго содержанія. «Въ виду опаснаго настроенія рабочихъ, пишетъ газета, полиція не рѣшалась вмѣшаться въ это дѣло, такъ-что неиз-

вѣстный, отдавъ послѣдній листокъ, спокойно сѣлъ на ѣхавшаго за нимъ извозчика и неизвѣстно, куда скрылся». Какое это опасное настроеніе рабочихъ, и почему оно опасное, газета не говоритъ; но изъ ея словъ можно заключить, что полиція находилась въ положеніи, вовсе ей несвойственномъ и не чувствовала за собой достаточно силы, чтобы поддерживать порядокъ.

Это фактъ очень важный, особенно въ связи съ тѣмъ, что установилъ прокуроръ. Соціализмъ, очевидно, на второмъ планѣ и оказывается опаснымъ настроеніемъ рабочихъ. Какіе-же это рабочіе? Рабочіе пришлые, великоруссы. Они вездѣ шли во главѣ и всегда начинали. Хохлы шли уже вслѣдъ за этимъ авангардомъ и, какъ пишутъ корреспонденты, дѣлали свое дѣло основательно. Почему-же хохлы приставали такъ охотно къ великоруссамъ и только ждали почина? Говорятъ, что они ужь очень натерпѣлись отъ «жидовъ», но въ такомъ случаѣ отчего-же 15, 20 лѣтъ тому назадъ не было еврейскаго погрома. Вѣдь и тогда евреи были тѣми-же, что они теперь? Что случилось въ это время такого, что могло-бы вызвать народную расправу? Говорятъ, что подобныя стихійныя движенія возбуждаются на югѣ періодически, что Украина полна подобными движеніями, что иногда они принимали колоссальныя размѣры. Но суть вопроса, конечно, не въ томъ, повторялись-ли подобныя движенія черезъ 10—20 или черезъ 100 лѣтъ; суть въ томъ, въ какія времена они повторялись и чѣмъ именно они выражались; когда чувствовался сильнѣе гнетъ евреевъ и какую именно силу изображалъ изъ себя еврей, что эту силу народъ хотѣлъ сокрушить и отъ нея освободиться? Говорятъ, что еврей эксплуататоръ, представитель денежнаго хозяйства, человекъ, который повсюду умѣетъ пролѣзть, вездѣ раскинетъ свою паутину и затѣмъ высасываетъ кровь изъ несчастныхъ мухъ, которыми является всегда мѣстное населеніе. Но вѣдь пауками являются только единицы, масса-же евреевъ, можетъ быть, еще большіе нищіе, чѣмъ хохлы и великоруссы. А между тѣмъ деревня била городскихъ евреевъ, съ которыми она не имѣетъ никакого дѣла, она раззоряла лавочниковъ, ремесленниковъ. Правда, въ деревняхъ били корчмарей; но вѣдь и корчмари только единицы. Если сосчитать всѣхъ этихъ единицъ, то изъ трехмилліоннаго еврейскаго населенія окажется ихъ много-много какая-нибудь тысяча. Остальные-же два милліона девятьсотъ девяносто девять тысячъ евреевъ сами терпятъ и страдаютъ отъ «еврейскаго принципа», который на столько-же еврейскій, насколько и русскій.

Любопытно, что въ погромѣ, направленномъ, повидному, лично противъ евреевъ, чувствовалось благодушіе. Тѣ-же са-

мые рабочіе, которые разбивали и разоряли имущество евреевъ, очень часто брали подъ свое покровительство ихъ дѣтей и женъ, а подъ-часъ защищали и охраняли и богатыхъ евреевъ. Ясно, что разгромъ евреевъ имѣлъ не столько личный, сколько идейный характеръ; преслѣдовался не собственно «жидъ», а то нѣчто, которое онъ собой изображалъ по отношенію къ крестьянину. Но вѣдь и это положеніе занимаетъ не одинъ еврей. И дѣйствительно, сначала били только евреевъ и разоряли только еврейское имущество и погромъ велся такъ на чистоту, что въ настоящее время и разорять уже больше нечего. «Все, что можно было разорить, пишетъ одинъ кievскій корреспондентъ, разорено не только въ Кіевѣ, но и въ большей части сель и мѣстечекъ юго-западнаго края, который, какъ извѣстно, наиболѣе населенъ евреями». Въ послѣднее время вожаки изъ народа говорили, что нужно бить „сюртучниковъ“. Вопросъ, очевидно, становился не исключительно еврейскимъ, а принималъ болѣе широкіе размѣры.

Вообще нелѣпыхъ слуховъ было очень много, но среди нелѣпыхъ толковъ, не имѣвшихъ смысла, были толки и со смысломъ. Рассказывали, на примѣръ, что нѣмцевъ-колонистовъ погонять къ нѣмцамъ, греческихъ поселенцевъ — въ Крымъ, а евреевъ—въ египетскую губернію. При всей кажущейся нелѣпости подобнаго слуха, онъ указываетъ на большое мѣсто, которымъ болѣетъ народъ. Его дума всегда связана съ землею и онъ готовъ изгнать нѣмцевъ, грековъ и евреевъ не потому, что они нѣмцы, греки и евреи, а потому, что ему кажется, что у него мало земли и что ему необходимо разсѣлиться шире. Не изгонять-же съ русской земли русскихъ. Такимъ образомъ еврей является врагомъ уже не въ чистомъ видѣ; крестьянинъ готовъ удалить-бы и всякого посторонняго не русскаго человѣка, который занялъ его русскую землю.

Когда на югѣ движеніе нѣсколько поуспокоилось, такъ-называемый анти-еврейскій протестъ началъ принимать другую форму: онъ выражается уже не насиліемъ и грабежомъ, а болѣе спокойными и легальными способами. Въ елисаветградскомъ уѣздѣ, на примѣръ, многіе крестьянскія общества составляютъ мирскіе приговоры, въ которыхъ ходатайствуютъ о выселеніи евреевъ, живущихъ въ ихъ районѣ. То-же самое повторяется и въ одесскомъ уѣздѣ. «Русск. Вѣд.» сообщаютъ, что и въ прошломъ году были подобныя-же приговоры, но ходатайства крестьянъ оставались безъ послѣдствій. Фактъ этотъ нельзя оставить безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что, какъ видно, народъ уже сознаетъ и самъ, что мѣры, которыя онъ до сихъ поръ практиковалъ, не

ведутъ ровно ни къ чему и что сущность вопроса заключается не въ томъ, чтобы сорвать накупѣвшее неудовольствіе и бить перваго, кто попадетъ подъ руку, а кое въ чемъ другомъ. Но вѣдь народъ, какъ мы привыкли къ нему относиться, масса темная.

И дѣйствительно, судя по разнымъ глупымъ толкамъ, которые ходили въ народѣ, нельзя не согласиться, что въ минуту возбужденія народъ можетъ дѣлать большія глупости; но мы-то, думающіе за него, народные представители, мы, считающіе себя головой народа, — какъ-то мы отнеслись къ еврейскому вопросу и что мы въ немъ видѣли?

II.

Народное движеніе застало насъ, умныхъ людей, совсѣмъ врасплохъ. Одни говорили, что въ избіеніи евреевъ на Святой Недѣли, можно видѣть только одно стремленіе развязать гордіевъ узелъ, созданный вѣками. Это говорили разсудительные. Другіе говорили, что нужно сжать права евреевъ, потому-что всякое расширеніе ихъ правъ расширяло и арену ихъ эксплуатаціи. Жили евреи въ городахъ — они эксплуатировали только въ городахъ, пустили ихъ въ села, — они начали обирать крестьянство, разрѣшили арендовать имѣнія — и «еврейскія аренды» быстро приобрѣли самую печальную извѣстность. Всѣ эти гуманныя идеи оказывались, по словамъ тѣхъ-же «патріотовъ», не гуманными для массы крестьянскаго населенія, потому-что только закабалили его въ еврейскія руки. Даже просвѣщеніе не принесло пользы. Большинство практическихъ сыновъ Израиля, воспитавшихся на казенныя деньги, и заручившихся дипломами, дающими широкія права, вскорѣ поняли, что просвѣтительная миссія дается не легко, а, между-тѣмъ, сила еврейскаго денежнаго міра все болѣе и болѣе растетъ. вмѣсто борьбы они предпочли союзъ съ еврействомъ и выступили въ качествѣ его защитниковъ; вмѣсто поученій и обличеній, занялись хвалебными гимнами израильскому племени. Какіе-же выводы изъ этого? А выводы оказались очень простые. «Патріоты» рѣшили, «что при существующихъ условіяхъ и обнаружившемся направленіи интеллигенціи, стремленіе евреевъ для поступленія въ высшія учебныя заведенія, для полученія правъ и дипломовъ, вовсе нельзя считать благопріятнымъ. Воспитаніе на казенный счетъ евреевъ, остающихся, въ концѣ-концовъ, такими-же жидами, какъ и та масса, изъ которой они вышли, служащихъ, затѣмъ, исключительно евреямъ и поддерживающихъ своихъ единовѣрцевъ всѣми

возможными и невозможными способами, очевидно, была глубокая ошибка». Очень обиднымъ показалось русскимъ патріотамъ, «что по мѣрѣ увеличенія еврейской интеллигенціи и укрѣпленіе ея союза съ остальнымъ жидовствомъ, росла самоувѣренность тѣхъ и другихъ. Они начали воображать себя культуртрегерами и мечтать о переходѣ въ дирижирующій классъ Российской Имперіи». Что-же дѣлать? И вотъ одни изъ «патріотовъ», рѣшившіе, что никакая ассимиляція невозможна, высказали желаніе, выжать еврея изъ села, конечно, не безобразной дракой, а силою закона. Противъ вреднаго вліянія городскихъ евреевъ, создать русскій торговый классъ, а для облегченія западной окраины—допустить расселеніе еврейства.

Но и въ этомъ обличеніи евреевъ повторилось то-же, о чемъ мы говорили раньше. Самые ярые противники евреевъ, указывая на зло, которое, будто-бы, отъ нихъ происходитъ, должны были сознаться, что еврейскій вопросъ, не чистый еврейскій вопросъ, а кроется за нимъ кое-что и другое. Напримѣръ, «Елизаветградскій Вѣстникъ» писалъ, что нигдѣ въ Россіи еврейское населеніе не пользуется такими гражданскими или, вѣрнѣе, общежитейскими правами, какъ въ Новороссійскомъ краѣ, и играетъ въ немъ довольно видную роль. Евреи засѣдаютъ въ городскихъ думахъ, гдѣ, благодаря своей солидарности, имѣютъ нерѣдко рѣшающее значеніе на дѣла. Они фигурируютъ, какъ директоры общественныхъ банковъ и старшины клубовъ, въ ихъ рукахъ торговля края и даже въ числѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ насчитывается тоже не мало евреевъ. По словамъ «Елизаветградскаго Вѣстника», во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ интересахъ христіанскаго населенія, будь это школьный вопросъ, или вопросъ чисто-экономическій, евреи, засѣдающіе въ думахъ, присоединялись къ *русскимъ кулакамъ*, или оставались совершенно индифферентными.

Казалось-бы это обстоятельство, приравнивающее наиболѣе вліятельныхъ евреевъ, избранныхъ самими-же русскими въ городскіе думы и клубы, къ русскимъ кулакамъ, должно было-бы нѣсколько поохладить національное рвеніе нашихъ публицистовъ, но къ сожалѣнію, они въ своей послѣдовательности дошли до послѣдняго предѣла и, такъ сказать, стукнулись лбомъ въ стѣну. Такъ-какъ еврей оказывается вреднымъ въ деревнѣ, то было рѣшено изгнать его изъ деревни, такъ-какъ онъ вреденъ въ городѣ, то рѣшено было изгнать и изъ города, такъ-какъ образованіе въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ не превращаетъ еврея въ русскаго, то не давать ему вовсе образованія. А такъ-какъ, несмотря на всѣ эти мѣры, еврей не хочетъ исправляться и

остается по-прежнему «жидомъ», то въ видѣ окончательной радикальной мѣры, которая должна разрѣшить безповоротно еврейскій вопросъ—выселить всѣ три милліона евреевъ изъ Россіи.

Этотъ интеллигентный абсурдъ людей, желающихъ заправлять общественнымъ мнѣніемъ и даже политическими судьбами Россіи, совсѣмъ даже и не казался его творцамъ абсурдомъ и они очень энергично настаивали на непремѣнномъ и безповоротномъ выселеніи трехмилліоннаго населенія. Очень можетъ быть, что евреи не похожи на гугенотовъ времянь Карла IX, но нельзя также сказать, чтобы они не играли никакой роли въ русской промышленности. Уже теперь, когда произошли только нѣкоторые беспорядки, результатомъ ихъ оказались: застой промышленности, упадокъ торговли, удаленіе капиталовъ и прекращеніе массы торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, которое непремѣнно отразится печальнымъ образомъ на благосостояніи не только южнаго населенія, но и на дѣлахъ Москвы. Три милліона энергическаго и трудолюбиваго народа вовсе не нуль, который можно было-бы вычеркнуть, съ «легкимъ сердцемъ», изъ населенія Россіи. На югѣ и юго-западѣ вся ремесленность находится въ рукахъ евреевъ; удалите ихъ, и у васъ не будетъ ни кузнецовъ, ни плотниковъ, ни слесарей, ни сапожниковъ. Удалите всѣхъ торговцевъ, всѣхъ купцовъ, всѣхъ заводчиковъ, всѣхъ медиковъ, комиссіонеровъ и разный другой промышленный людъ,—едва-ли у васъ прибавится отъ этого медиковъ, ремесленниковъ и мастеровъ. Въмѣсто изгнанныхъ явятся вакантныя мѣста, а людей, чтобы занять ихъ, не явится. Вы говорите, что евреи вытѣсняють насъ вездѣ; но кого-же они, напримѣръ, вытѣсняють, поступая въ медицинскую академію, когда имѣются свободныя вакансіи? Кого вытѣсняетъ слесарь, или кузнецъ-еврей, когда до него не было ни слесаря, ни кузнеца? Конечно, кабатчикъ-еврей вытѣсняетъ кабатчика-русскаго, но если оставить въ сторонѣ вопросъ религіозный, то едва-ли Антошка-христопродавецъ окажется лучше еврейскаго корчмаря; одинъ свой, а другой не свой—вотъ и вся разница.

Еврея обвиняють въ томъ, что онъ умѣетъ вездѣ пролѣзть, вездѣ устроиться, вездѣ найдетъ себѣ дѣло. Можетъ-быть, это и недостатокъ, но если-бъ этого недостатка было у насъ побольше, можетъ-быть, мы русскіе не играли-бы такой печальной роли въ международныхъ отношеніяхъ и въ своихъ собственныхъ внутреннихъ дѣлахъ. Мы теперь сердимся на евреевъ, но точно также мы сердились и на нѣмцевъ, и на французовъ, и на англичанъ, которыхъ тоже хотѣли изгонять. А между тѣмъ, даже наша петербургская торговля, ужъ на что, повидимому,

развитая, не можетъ сдѣлать шагу безъ нѣмцевъ, англичанъ, французовъ и евреевъ. Ни въ одной европейской столицѣ нѣтъ столько иностранныхъ агентовъ и конторъ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Въмѣсто того, чтобы выписывать товаръ изъ первыхъ рукъ и самимъ вступать въ прямыя сношенія, мы дѣлаемъ свои дѣла черезъ посредниковъ. А почему? Только потому, что для русскаго купца писать письма, учитывать курсъ, и вообще сообразить, во что обойдется товаръ, задача очень трудная и непосильная. И неужели опять «жидъ» и «нѣмецъ» виноваты, что они дѣлаютъ за насъ эти расчеты и являются комиссіонерами. Почему-же мѣста комиссіонеровъ не занимаютъ русскіе, и ужъ будто-бы они явятся по щучьему велѣнію изъ русскихъ, какъ только мы прогонимъ нѣмцевъ и жидовъ?

Наши охранители и патріоты усматриваютъ въ каждомъ свободномъ движеніи совѣсти и мысли анархію и знаютъ только одно средство — внѣшнюю дисциплину. Можетъ быть они ее когда-нибудь и создадутъ, но едва-ли отъ этого будетъ лучше. Мы напомнимъ нашимъ прямолинейнымъ патріотамъ нижеслѣдующіе факты. Въ то время, какъ они разрѣшали «еврейскій вопросъ», къ Государю являлась еврейская депутація. Нѣкоторые изъ депутатовъ, ободренные милостивымъ вниманіемъ Государя, высказали свои мнѣнія о такъ-называемомъ «еврейскомъ вопросѣ» и о томъ, что сгущенность еврейскаго населенія вредитъ не однимъ евреямъ, а всему русскому населенію. Одинъ изъ депутатовъ сказалъ, между прочимъ, что евреи хотятъ быть «русскими». Въ то время, когда депутація представлялась Государю, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи евреи, по трогательному наследственному обычаю, постились и молились о томъ, чтобы «Всевышній, въ руцѣ котораго сердце царей и владыкъ, внушилъ своему Помазаннику милость и сочувствіе къ народу израилеву». Все еврейское населеніе находилось въ этотъ день въ какомъ то торжественномъ настроеніи. Отвѣтъ Государя извѣстенъ; Онъ сказалъ депутаціи, что всѣ Его подданные для Него равны, и приказалъ депутатамъ изложить свои мысли письменно и представить ихъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Наша боязнь «вопросовъ», которые нужно разрѣшать думою и знаніемъ, самымъ блистательнымъ образомъ доказалось именно на прямолинейномъ разрѣшеніи еврейскаго вопроса. Военный судъ, конечно, не компетенція для разрѣшенія вопросовъ бытовыхъ, государственныхъ и общественныхъ; его дѣло найти только нарушителей и постановить для нихъ наказаніе. Поэтому очевидно, что ни полицейскія, ни судебныя средства, кото-

рыми подавлялись беспорядки на Югѣ, вопроса не разрѣшали. Думать должны были тѣ, которымъ думать надлежитъ. А такъ-какъ еврейскій вопросъ во всякомъ случаѣ бытовой вопросъ, то объ немъ-бы, повидимому, слѣдовало подумать земцамъ и печати, не успокоиваясь на томъ, какъ рѣшить военный судъ и что сдѣлаетъ полиція. Такъ, впрочемъ, и было поступлено. Прямолинейные патріоты сразу рѣшили, что еврейскій вопросъ можно покончить изгнаніемъ евреевъ изъ Россіи; другіе-же думали, что достаточно запретить евреямъ держать кабаки. Не всѣ земцы удовлетворились, однако, такимъ прямолинейнымъ разрѣшеніемъ. Въ Елизаветградѣ, вслѣдъ за погромомъ и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ свершившихся ужасовъ, одинъ изъ гласныхъ предложилъ земскому собранію изслѣдовать экономическія условія, вызвавшія анти-еврейское движеніе. Гласный этотъ доказывалъ, что являясь теперь въ формѣ движенія противъ евреевъ, беспорядки эти могутъ принять болѣе широкіе размѣры и представить опасность всякой частной собственности. Другой гласный указывалъ на необходимость отмены закона, не позволяющаго евреямъ жить повсемѣстно въ Россіи; по его мнѣнію, замкнутость района ведетъ къ скученности евреевъ, лишаетъ ихъ возможности заниматься производительнымъ трудомъ и, слѣдовательно, порождаетъ евреевъ-эксплуататоровъ.

Казалось, вопросъ ставился вполнѣ правильно, но — предсѣдатель, А. А. Декаррьеръ, нашелъ, что гласные возбуждаютъ вопросъ не мѣстный, слѣдовательно, не подлежащій компетенціи земскаго собранія и наложилъ на земскую мысль свое «veto». Край почти разоренъ, имущество евреевъ разграблено, дома разрушены, точно повторилось лисабонское землетрясеніе, земцы желаютъ опредѣлить причины катастрофы и устранить ихъ на будущее время, а предсѣдатель земскаго собранія, чувствующій себя, должно-быть, очень хорошо среди этихъ обломковъ и плача разоренныхъ людей, находитъ, что елизаветградская безурядица не есть мѣстный вопросъ. Фактъ очень любопытный. Пожаръ охватилъ почти весь Югъ; разореніе пошло по всѣмъ почти городамъ и селамъ; и ни у кого изъ земцевъ не шевелилась въ головѣ общественная мысль. Города и села молчатъ, точно ихъ обязанность изображать изъ себя Марію на развалинахъ Карфагена. А когда выдается одно собраніе, которое не желаетъ изображать изъ себя плачущаго Еремію, то такой-же земецъ заставляетъ всѣхъ замолчать. Какой логикой дошелъ предсѣдатель до заключенія, что разрушеніе Елизаветграда есть не мѣстный вопросъ, конечно, не разрѣшать и всѣ семь мудрецовъ древности.

Итакъ наши патриоты и охранители своимъ отношеніемъ къ вопросу показали достаточно, насколько они мужичколько они владѣютъ знаніями для того, чтобы имѣть охрану общаго благополучія. Не считая чуждымъ знаніе, они воображаютъ себя достаточными въ вопросахъ внѣшней, внутренней, экономической политики, только потому, что прямолинейно. Въ принципѣ они, конечно, не требуютъ разрѣшенія есть единственно въ вопросахъ, но только линію нужно соблюдать. У еврейскаго вопроса есть своя особенность, какую именно прямолинейно не только «еврейскій вопросъ», а и все еврейскіе вопросы.

Въ этомъ вопросе всегда очень много пеклись и заботились, именно въ нашихъ излишнихъ попеченіяхъ и заботахъ, а главная причина, что въ настоящее время еврейскій вопросъ затянулся крѣпкимъ узломъ. Существуетъ масса специальныхъ постановленій, изданныхъ въ разное время, которыми не только регламентировались отношенія евреевъ къ остальному населенію, но и установленъ надзоръ за свободою еврейской совѣсти. Законъ и регламентація не миновали даже еврейскаго вѣроученія и, чтобы оно сохранялось въ чистотѣ и не противорѣчило-бы единообразію государственныхъ требованій, установлены оффиціальныя раввины, соединяющіе въ себѣ обязанности духовнаго пастыря съ полицейскимъ надзирателемъ. Евреямъ указана опредѣленная территория, за предѣлы которой они и не имѣли права выходить и, такимъ образомъ, составляли какъ-бы государство въ государствѣ.

Въ этомъ обособленіи, регламентированномъ новѣйшимъ законодательствомъ, повторилась старая московская нетерпимость къ евреямъ. Известно, что когда польское правительство вступило въ переговоры съ Москвой относительно евреевъ, то московская власть отвѣтила на это очень коротко: «Жидамъ ѣздить въ Россію не пригоже». И это «не пригоже» приводилось настолько послѣдовательно, что «жидамъ» ни для торговли, ни для какихъ дѣлъ въ Россійское государство пріѣзжать не позволялось. И до сихъ поръ эта московская традиція сохранилась въ законодательствѣ, потому-что иностранные евреи допускаются къ намъ съ большимъ трудомъ, точно мы боимся, что они опоганятъ нашу вѣру и нарушатъ чистоту нашихъ нравовъ. Однимъ словомъ, религіозная постановка вопроса сохранилась и до сихъ поръ въ нашемъ законодательствѣ.

Въ то время, когда Московія составляла одноплеменную страну, боязнь допускать жидовъ, пожалуй, еще могла находить оправданіе. Но вотъ, вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Польшѣ, зачисляются въ число русскихъ подданныхъ и евреи. Прежде жидамъ ѣздить въ Россію считалось непригожимъ, потому-что они были иностранцы; но теперь, когда они стали членами той-же державы,—иностранцами они перестали быть, а, между тѣмъ, принципъ, что «ѣздить жидамъ въ Россію не пригоже», сохранился въ прежней чистотѣ. А потому, что принципъ прежней московской нетерпимости къ евреямъ сохранился въ чистотѣ въ законодательствѣ, явились и тѣ послѣдствія, которыя приходится теперь распутывать.

Статистики увѣряютъ, что еврейское населеніе увеличивается въ пять разъ быстрее, чѣмъ русское. Понятно, поэтому, что территория, отведенная евреямъ, должна была оказаться для нихъ тѣсной, и законъ борьбы за существованіе неизбежно долженъ былъ вызвать явленіе, извѣстное подъ названіемъ еврейской эксплуатаціи. И въ самомъ дѣлѣ, три милліона людей, никогда не занимавшихся земледѣліемъ, не имѣющихъ земли и разселенныхъ въ городахъ, должны-же были что-нибудь дѣлать, чтобы не умереть съ голода. Нужно еще удивляться, что евреи не сдѣлались гораздо хуже того, что они есть; евреевъ спасало ихъ національное чувство и твердая приверженность къ религіи, преданіямъ и обычаямъ, установленнымъ еще въ патріархальныя времена.

Настоящіе еврей-эксплуататоры всегда чувствовали себя очень легко и свободно; на примѣръ, евреи первой гильдіи могутъ свободно жить вездѣ, могутъ заниматься коммерческими предпріятіями гдѣ, когда и сколько имъ угодно, могутъ держать массу приказчиковъ, засѣдать въ думахъ, быть профессорами, членами земскихъ собраній, получать ордена и т. д. Стѣсненію подвергалась только голодающее и бѣдное еврейское населеніе. Только оно не могло оставить назначенной ему территоріи и не смѣло выходить изъ предѣловъ городовъ, гдѣ еврейская тѣснота стала до того велика, что изумительно, какъ это евреи еще не поѣли другъ друга. Въ то время, какъ представители капитализма и тузы еврейскаго міра являются воротилами крупныхъ дѣлъ, зажатая масса бѣднаго еврейства, приниженаго, загнаннаго и голодающаго, которому остался только одинъ выходъ—заниматься *коммерціей*, дѣлаются жертвой погрома, и ее-же прямолинейные охранители дѣлаютъ козломъ отпущенія въ томъ, чему такіе-же прямолинейные охранители XVI-го столѣтія положили начало.

Мертвый законъ, если его обогнала жизнь, самъ собою выходитъ изъ употребленія; это именно и случилось со всѣми стѣснительными постановленіями, которыми хотѣли прикрѣпить евреевъ къ одному мѣсту, чтобы сохранить русскую чистоту. Какъ-залося-бы, заботы о сохраненіи русской чистоты уже можно было-бы оставить теперь въ покоѣ, въ виду той разноплеменной смѣси, которую составляетъ Россія. Ни въ одномъ государствѣ нѣтъ такого разнообразія и смѣшенія племенъ, какъ у насъ. Даже древній Римъ былъ чище въ этомъ отношеніи. Россія изображаетъ единственную землю, гдѣ всевозможныя народности европейскаго запада и азиатскаго востока перемѣшались настолько, что настоящее московское ядро и великорусская земля, въ численномъ отношеніи, оказывается гораздо менѣ остальныхъ племенъ и народностей. При такой смѣси племенъ, конечно, смѣшно заботиться о какой-то народной чистотѣ, когда, что ни губернія, то иной племенной составъ, иные обычаи, иные нравы, иное вѣрованіе, иное обычное право.

Нельзя не отмѣтить при этомъ еще одинъ любопытный фактъ, на который не мѣшало-бы обратить вниманіе нашимъ славянофиламъ и патриотамъ. Въ послѣднія 25 лѣтъ въ Петербургѣ образовался совершенно новый типъ, прежде небывалый. Только еще пришлое населеніе изъ внутреннихъ губерній, т. е. собственно рабочіе, являются представителями чистаго русскаго типа, но опять не тѣ крестьяне, которые приходятъ съ сѣвера и сѣверо-востока, гдѣ славяне перемѣшались съ корелами и другими инородцами финскаго племени. Коренное-же петербургское населеніе совершенно измѣнило свой типъ. Вглядитесь во все промышленное и торговое населеніе Петербурга, въ физіономію прислуги, т. е. горничныхъ, кухарокъ, лакеевъ, швейцаровъ, старшихъ дворниковъ, приказчиковъ, сидѣльцевъ въ русскихъ магазинахъ и лавкахъ, и ни въ одномъ изъ нихъ вы не найдете почти ни одной черты, которая-бы напоминала о ихъ славянскомъ происхожденіи. Круглолицый типъ исчезъ и явился продолговатымъ. Дебѣлости въ женщинахъ почти нѣтъ. Женщины стали какими-то тоненькими, субтильными, превратились въ барышень не только по костюму и манерамъ, но и по облику, по тонкой кости. Теперешняя петербургская женщина по типу гораздо ближе къ французкѣ и къ нѣмкѣ, чѣмъ къ русскимъ женщинамъ подмосковной округи. Насколько понятія всѣхъ этихъ людей утратили свою московскую чистоту подъ вліяніемъ пришлаго элемента и новыхъ экономическихъ условій и вліяній, пускай опредѣляютъ славянофилы; но несомнѣнно, что зараза этой перемѣны типа, по мѣрѣ сношеній съ западной Европой и внут-

ренняго экономическаго развитія, должна идти дальше и уже, конечно, этой заразы не прогнать изъ Россіи и не покончить никакимъ прямолинейнымъ разрѣшеніемъ. Этой племенной смѣси, гдѣ никакой московской чистоты уже не сохранилось, конечно, не спасетъ запрещеніе евреямъ держаться въ сторонѣ; портить больше нечего.

Великорусскій типъ и внутри Россіи сталъ мѣняться, подъ вліяніемъ культуры и экономическаго развитія. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что въ великорусскомъ племени исчезли его нравственныя черты и, такъ-сказать, его умственный обликъ. Духъ его тотъ-же и темпераментъ его не измѣнился. Великорусское племя удерживаетъ по-прежнему нравственное и умственное главенство и ему принадлежитъ господство. Эту черту проявило великорусское племя и въ послѣднемъ погромѣ. Починъ вездѣ принадлежалъ великоруссамъ и рабочимъ, пришлымъ съ сѣвера. Хохлы и нѣмцы шли уже за великоруссами и кончали то, что они начинали. Значить, бояться великорусскому племени того, что нравственный и умственный перевѣсъ перейдетъ въ руки другихъ племенъ или евреевъ—нѣтъ никакихъ причинъ. Какъ до сихъ поръ великоруссы давали цвѣтъ и характеръ русской жизни, такъ, конечно, они будутъ давать ихъ и впослѣдствіи. Нечего, поэтому, бояться, что наше патріотическое чувство будетъ оскорблено разрѣшеніемъ евреямъ селиться повсюду и что мы ими будемъ вытѣснены. Десяносто-милліонное населеніе также поглотитъ три милліона евреевъ, какъ поглотилъ Петербургъ живущихъ въ немъ евреевъ-ремесленниковъ и комиссіонеровъ.

Совершенно вѣрно, что «еврейскій вопросъ» создала тѣснота; тѣснота-же значить,—тѣ экономическія послѣдствія, которыя были вызваны невозможностью правильнаго экономическаго развитія еврейскаго населенія. Тѣснота, значить, вотъ что: евреямъ указанъ извѣстный районъ, изъ котораго они не могутъ выслѣяться. Сначала имъ въ этомъ районѣ жилось еще довольно свободно; но потомъ явилось такое переполненіе, что евреямъ по необходимости пришлось прибѣгать къ всевозможнымъ средствамъ, лишь-бы только сохранить возможность существованія. Еврею не было дано никакихъ другихъ орудій производства, кромѣ тѣхъ, которыми Господь-Богъ снабдилъ его при рожденіи. У русскаго есть земля, у еврея земли никогда не было. Въ его распоряженіи есть только голова, да двѣ руки. Такъ-какъ земледѣльцемъ ему нельзя было сдѣлаться и этому, кромѣ отсутствія земли, мѣшала и традиція, то на долю еврея выпалъ единственный ремесленный трудъ. Но прежде, чѣмъ сдѣлаться ре-

меленникомъ, нужно, чтобы явился кто-нибудь, кому нужны продукты ремесленного труда. Нуженъ, слѣдовательно, потребитель, т. е. человѣкъ съ извѣстными средствами. У насъ существуетъ два рода потребителей—деревенскіе и городскіе. Деревенскому потребителю, особенно на югѣ, не нужно почти ничего, потому что все, что ему нужно, онъ сдѣлаетъ самъ. Остается, слѣдовательно, городской потребитель; но для удовлетворенія потребностей городскихъ жителей три милліона ремесленниковъ гораздо больше того, что въ дѣйствительности нужно. И вотъ въ чемъ заключается узелъ еврейской тѣсноты. Нельзя же требовать отъ евреевъ, чтобы всѣ тѣ, кому не нашлось ремесленного дѣла и потому они оказались лишними, удалили-бы себя добровольно съ «пира природы». Всѣ эти лишніе люди пристроили себя къ такъ-называемымъ головнымъ занятіямъ и превратились въ факторовъ, комиссіонеровъ, конторщиковъ, т. е. въ разныхъ видовъ посредниковъ, и жили на счетъ обѣихъ сторонъ, которымъ они служили.

Подобный эксплуатирующій трудъ вовсе не исключительно еврейская черта, потому что еврей сдѣланъ изъ такой-же глины, какъ и всѣ остальные люди. Если существуютъ извѣстныя отношенія, явятся и извѣстныя слѣдствія. Русскій человѣкъ тоже обнаруживалъ всегда наклонность къ торгашеству и на эту черту указывалъ еще Крижаничъ. По экономической теоріи посредничество должно являться тогда, когда развивается промышленность и является потребитель. Но русская практика не обнаружила согласіе съ этой теоріей и у насъ всегда бывало очень мало дѣлъ, а вѣсть намъ хотѣлось. Мы, какъ евреи въ западномъ краѣ, несмотря на нашъ просторъ, страдали тоже вѣчно отъ тѣсноты. У насъ пропадала масса силъ не пристроенныхъ къ дѣлу, пропадала непроизводительнымъ образомъ, или тратилась для произведенія ничтожныхъ результатовъ. Здоровенный парень, у котораго въ плечахъ косая сажень, подаетъ барину четыре жаренныя корюшки на маленькомъ блюдѣ, или стаканъ чаю съ лимономъ, когда у него такая сила, что онъ могъ-бы нести жерновъ. А какая масса мальчиковъ, мужиковъ и бабъ торгуетъ спичками, приниками и кружевами на всѣхъ перекресткахъ и улицахъ Петербурга. Стоитъ на углу улицы, или въ гостинномъ дворѣ парень огромнаго роста и все его дѣло только въ томъ, что онъ стоитъ цѣлый день съ намотанными на руки кружевами. А сколько бабъ торгуетъ пирогами, пуговками, петельгами и разными бездѣлицами во всѣхъ русскихъ столичныхъ и уѣздныхъ городахъ. Развѣ это не еврейская тѣснота? Наконецъ, какая масса развелась непроизводительныхъ работниковъ изъ отставныхъ солдатъ.

Теперь въ отставку выходить скоро. Но немногіе изъ отставныхъ солдатъ садятся на землю. Большинство идутъ въ швейцары, въ сторожа, въ старшіе дворники, благо запрессъ на нихъ большой. Развѣ это не тѣ-же евреи, но только изъ русскихъ. И если экономическія условія народнаго производства и потребленія не измѣнятся, этого празднаго и эксплуатирующаго люда будетъ разводиться все больше и больше и мы создадимъ, наконецъ, свой собственный еврейскій вопросъ.

Запретительная система, которая у насъ практиковалась по отношенію къ евреямъ, конечно, не могла удержаться въ чистомъ видѣ. Время и обстоятельства взяли свое—евреямъ позволено было жить и въ другихъ мѣстахъ. Но мѣра эта была допущена только вполонину. Позволеніе распространилось только на богатыхъ евреевъ и на купцовъ 1-й гильдіи, а изъ еврейской голи разрѣшалось только ремесленникамъ. Очевидно, что законъ хотѣлъ ограничить такъ-называемую эксплуатацію, т. е. тотъ самый видъ экономической дѣятельности, который достаточно уже практикуется торгующими русскими бабами, мужиками, продающими апельсины, спички и кружева и бездомными отставными солдатами. Но такъ-какъ эта мѣра не уничтожала еврейской тѣсноты, и все лишнее, что вытѣснялось, хотѣло найти себѣ мѣсто въ природѣ, то явилась практика всевозможныхъ обходовъ, за которые почему-то опять обвинили евреевъ. Этими обходами доказалась еще разъ безсиліе закона, который переросла жизнь и живучесть голодающаго человѣка. Обходы практиковались такіе. Еврею, имѣющему свидѣтельство первой гильдіи, разрѣшается держать приказчиковъ-евреевъ. И вотъ какой-нибудь еврей, никогда ничѣмъ не торговавшій, беретъ свидѣтельство первой гильдіи, выправляетъ пятьдесятъ приказчицкихъ свидѣтельствъ и продаетъ ихъ евреямъ, не имѣющимъ права иначе жить въ Петербургѣ. Другіе, не бывши никогда ремесленниками, дабываютъ себѣ ремесленное свидѣтельство и точно также обходятъ законъ. Я знаю случай, когда дядя записалъ свою племянницу въ собственныя горничныя, потому-что въ качествѣ прислуги, она была лицомъ легальнымъ, а въ качествѣ племянницы, живущей у дяди, не легальною. Бывали, какъ говорятъ, случаи, что честныя дѣвушки-еврейки брали желтые билеты, потому-что съ желтымъ билетомъ еврейка въ Петербургѣ жить можетъ, а съ бѣлымъ не можетъ. Теперь спрашивается, насколько можетъ быть авторитетенъ законъ, когда слагается практика подобныхъ обходовъ и можетъ-ли развиваться чувство законности, когда люди съ закономъ привыкаютъ играть въ кошку и мышку.

Въ Польшѣ былъ тоже «еврейскій вопросъ» и гоненіе на

евреевъ было нѣкогда гораздо большее, чѣмъ у насъ. Но Польша справилась съ этимъ вопросомъ. Реформу въ еврейскомъ вопросѣ ввелъ въ Польшѣ Велепольскій. Въ какомъ видѣ былъ еврейскій вопросъ къ Польшѣ, насколько въ немъ было общаго съ тѣмъ, что существуетъ у насъ и какимъ образомъ Польша развязалась съ нимъ, читатель вѣроятно знаетъ изъ статьи г. Спасовича въ «Вѣстникѣ Европы»; если же онъ этого не знаетъ, то я приведу ему слѣдующую выписку изъ этой статьи.

«Въ средніе вѣка, говоритъ г. Спасовичъ,—еврея обособляла вѣра среди крестьянскаго населенія; подъ ея вліяніемъ для этой, крѣпко сплоченной вѣроу, расы сложилось законодательство, стѣсняющее евреевъ и относительно мѣста жительства, и относительно землевладѣнія, и относительно промысловъ. Положеніе это было до нѣкоторой степени возможно и сносно, пока существовали классы, еще болѣе въ отношеніи правъ обиженные, закрѣпощенные и невольные, между тѣмъ какъ еврей, хотя откупался, но былъ вольный человѣкъ, подвижной и предприимчивый, а если онъ принималъ христіанскую вѣру, то легко прокладывалъ себѣ дорогу и втирался въ среду привилегированныхъ классовъ, заматавая слѣды своего происхожденія. Но когда, при выходѣ изъ среднихъ вѣковъ, произошла отмена сословныхъ привилегій и тамъ даже, гдѣ установилась свобода политическая, состоялось подведеніе всѣхъ гражданъ подъ общій знаменатель одного гражданскаго закона, еврей, если онъ остался внѣ этого общаго закона, очутился отверженцемъ — паріей, въ положеніи совершенно несоотвѣтствующемъ его уму, способностямъ и средствамъ, и прямо располагающемъ его ко всякому перевороту, который-бы доставилъ ему равноправность гражданскую, т. е., въ сущности, послѣ исчезновенія привилегій, правъ общечеловѣческихъ. Не считая тѣхъ евреевъ, которые вочились въ разныя времена въ составъ крестьянскаго населенія, т. е. сдѣлавшихся выкрестами, число исповѣдующихъ іудейство въ одномъ Царствѣ Польскомъ составляетъ нынѣ, при почти 7-ми милліонѣмъ населенія Царства, около 820,000, т. е. около 12%. Процентное отношеніе евреевъ въ населеніи далеко не выражало еще степени вліянія этого элемента на массу. Слѣдуетъ сообразить, какимъ количествомъ денежнаго капитала онъ вращаетъ быстро въ своихъ умѣлыхъ рукахъ и какой контингентъ доставляетъ онъ въ интеллигентныя званія и занятія, въ прессу, искусство, адвокатуру. Равноправность для евреевъ обусловливается предварительнымъ отреченіемъ ихъ отъ обособленности и рѣшимости распуститься въ массѣ не-еврейскаго населенія, усвоить себѣ языкъ, нравы, даже образъ мыслей и наці-

ональныя привязанности, среды, все, однимъ словомъ, кромѣ вѣры, которая не спасала и дала уцѣлѣть типу въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и которая сродни христіанской, потому-что составляетъ подкладку сей послѣдней. Такую наклонность къ прекращенію ветхозавѣтныхъ жидовъ въ «поляковъ израильскаго вѣроисповѣданія» обнаружило еврейское населеніе Царства со свойственною ему чуткостью въ теченіи всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ тридцати лѣтъ, съ 1831 по 1861 годъ, когда при полномъ практическомъ бездѣйствіи и политической несвободѣ, работала только поэтическая фантазія польскаго народа, развивая въ немъ мечтательный и восторженный патріотизмъ. Еврейскія дѣти посѣщали польскія школы; еврейскій плебсъ коснѣлъ въ мрачномъ талмудизмѣ; но все, что было поразитѣе, ополячивалось; а когда подошло движеніе 1861 года, то молодежь кинулась въ него опрометью, увлекая и стариковъ и соперничая въ самопожертвованіи и чувствахъ патріотизма съ самими поляками. Съ другой стороны, полякамъ революціонерамъ-повстанцамъ всякій соперникъ былъ дорогъ. Сліяніе двухъ стихій въ одномъ общемъ движеніи обозначалось еще до вступленія Велепольскаго въ должность министра; но онъ его нашелъ, оцѣнилъ по достоинству и ввелъ его въ свою политику въ полномъ объемѣ, безъ всякихъ рабскихъ колебаній и ограниченій, безъ всякой аристократической брезгливости, боящейся протянуть руку еврею, чтобы не заразиться чесоткой». Реформа, осуществленная такимъ образомъ, благодаря маркизу Велепольскому, заключась въ томъ, что были отклонены всѣ запрещенія и ограниченія относительно недопущенія евреевъ проживать въ городахъ, деревняхъ и 21-верстной пограничной полосѣ. Имъ дано право приобрѣтать недвижимую собственность въ городахъ безусловно, а внѣ городовъ съ тѣмъ, а) что земель крестьянскаго надѣла они не могутъ покупать отъ крестьянъ, пока сами крестьяне не приобрѣтутъ ихъ въ собственность; б) что, въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ со дня изданія закона, они не могутъ быть избираемы въ должности войтовъ гминъ и заступающихъ ихъ мѣсто; в) что они не будутъ пользоваться помѣщичьими правами ктиторства и представленія кандидатовъ на духовныя должности въ своихъ имѣніяхъ. Имъ запрещено вести книги, корреспонденціи, совершать акты и сдѣлки, выдавать обязательства, составлять духовныя завѣщанія на языкахъ еврейскомъ или еврейско-нѣмецкомъ, или еврейскими письменами, подъ страхомъ недѣйствительности, въ силу самого закона, такихъ сдѣлокъ и документовъ.

Можетъ быть еврейскій вопросъ могъ-бы быть разрѣшенъ Польшей и еще либеральнѣе, и очень можетъ быть, что болѣе

либеральное разрѣшеніе оказалось-бы болѣе плодотворнымъ; но даже и въ сей моментъ наши охранители, увѣряющіе, будто-бы ассимиляція невозможна, могутъ убѣдиться въ противномъ, на примѣрѣ Польши, не говоря, уже про Германію, Англію и Францію. Для еврейскаго вопроса не существуетъ другого разрѣшенія, кромѣ того, которое существуетъ для всѣхъ вообще вопросовъ, если они разрѣшаются не зажимомъ и зеленою улицею. Частныхъ вопросовъ на свѣтѣ нѣтъ, а есть только вопросы общечеловѣческіе, разрѣшаемые для всѣхъ людей одинаково. Свобода совѣсти, свобода мысли, свободное развитіе производительныхъ силъ и вообще свободное развитіе личности—вотъ единственное разрѣшеніе для всѣхъ вопросовъ и одинаковое, какъ для вопроса еврейскаго, такъ и для русскихъ вопросовъ. А еще такъ недавно мы ликовали, когда Достоевскій говорилъ объ идеалѣ всечеловѣка, который только одни мы, русскіе, носимъ въ себѣ. Куда-же мы дѣли этотъ идеалъ. Должно-быть, праздно ликовать и дѣлать дѣло—вещи разныя.

Н. Ш.

РЕВАНШЪ ГАМБЕТТЫ.

(ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА).

I.

Не рѣдкость встрѣтить даровитыхъ и геніальныхъ людей, питающихъ несчастную страсть къ какому-нибудь дѣлу, къ которому именно вполне неспособны. Фридрихъ Великій ссорился съ Вольтеромъ изъ-за того, что знаменитый камергеръ позволилъ себѣ критически относиться къ его виршамъ. Тьеръ былъ-бы глубоко оскорбленъ, если-бы кто-нибудь сталъ утверждать, что Наполеонъ I превосходилъ его по части военнаго генія.

Гамбетта, не уступающій Тьеру, какъ адвокатъ, равняется съ нимъ и по размѣру претензій на военное искусство. Онъ былъ еще новичкомъ-адвокатомъ, не имѣвшемъ иной аудиторіи, кромѣ habitués извѣстнаго café Procope, какъ уже любилъ выступать знатокомъ военнаго дѣла. Онъ напечаталъ даже въ ту пору въ «Revue politique» статьи о военномъ бюджетѣ, единственнымъ оправданіемъ для которыхъ служить то, что онѣ не принадлежать его перу, такъ-какъ были переданы ему офицерами, не рѣшавшимися подписать свое имя подъ этими статьями.

Попавъ въ правительство, первой заботой его было послужить странѣ талантами своими въ дѣлѣ военной организаціи. Первые слова его, произнесенныя по прибытіи въ Туръ, были геніальны. Получили извѣстіе, что одна изъ армій перерѣзана на двое: «Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ,—мы будемъ имѣть вмѣсто одной арміи—двѣ».

Пораженіе нашихъ войскъ не только не убавило, но, напротивъ, развило его претензіи до высочайшей степени. Можно было уже давно замѣтить, что онъ постоянно дѣлывалъ мысль о

портфель военнаго министра, котораго лишали его событія. А до тѣхъ онъ поръ дѣятельно продолжалъ изучать военное искусство и не пропускалъ случая ухаживать за арміей. «Насъ упрекають, говорилъ онъ, однажды, въ своей знаменитой шербургской рѣчи, — за страстный культъ арміи». Можно-ли выражаться болѣе любезнымъ образомъ и какъ противиться объясненію въ любви, столь ловко и мило сдѣланному.

Гамбетта же ограничился этими увѣреніями и не забывалъ пускать въ ходъ болѣе положительныя и осязательныя средства, чтобы доказать силу пожирившей его страсти. Развѣ онъ когда-либо отказалъ арміи въ чемъ-нибудь, когда предсѣдательствовалъ въ бюджетной комиссіи. Развѣ онъ не озолотилъ ее, не осыпалъ, съ небывалою щедростью, французскими милліонами. Ежегодно дѣлались новыя ассигнованія для увеличенія дѣйствительнаго состава, для вооруженія арсеналовъ, усовершенствованія боеваго матеріала, постройки и преобразованія крѣпостей, улучшенія санитарныхъ условій въ войскѣ.

Сдѣлавшись президентомъ палаты, Гамбетта оставилъ ключъ отъ кассы одному изъ своихъ адъютантовъ, Бриссону, представляя себѣ дополнять эти неотразимыя средства ебольщенія тѣми, которыя давало ему его новое положеніе.

Не было заискиванья и ласкательства, котораго онъ не пустилъ-бы въ ходъ. Онъ окружилъ себя генералами. Двери его дворца были любезно открыты офицерамъ разнаго оружія, причемъ имъ говорилось, что г. президентъ почитаетъ за честь видѣть ихъ у себя. Когда во дворцѣ назначался вечеръ, услужливые друзья увѣдомляли гг. полковниковъ, чтобы они приводили какъ можно болѣе офицеровъ. Тѣмъ-же, кто не выназывалъ особой поспѣшности, внушалось, что при случаѣ, желаніе г. Гамбетты можетъ превратиться и въ прямой приказъ.

Вотъ маленькій фактъ, который, повидимому, лишенъ значенія и прошелъ незамѣченнымъ, но который, какъ нельзя лучше, характеризуетъ заботы Гамбетты въ этомъ родѣ. Президентъ палаты ежедневно приглашаетъ къ своему столу офицера, командующаго карауломъ въ Palais Bourbon.

Въ кулинарномъ отношеніи Гамбетта слѣдуетъ самымъ ученымъ указаніямъ, въ томъ числѣ и правилу Брилья-Саварена, что за столомъ не должно быть болѣе девяти человекъ. Во время завтрака, который тянется, иногда, не менѣе часа, разговоръ идетъ нерѣдко о самыхъ жгучихъ политическихъ вопросахъ и на канунѣ важныхъ голосованій, какъ, на примѣръ, законопроекта о списочномъ избирательствѣ (*scrutin de liste*), сомнительныхъ депутатовъ процѣживаютъ, какъ сквозь сито. На эти-же завтраки

приходятъ министры, чтобы уловить мысль своего господина. Караульный офицеръ, безъ сомнѣнiя, польщенъ присутствованиемъ въ сферѣ «боговъ», хотя вообще не много понимаетъ изъ слышаннаго, а также не разумѣетъ и всѣхъ этихъ махинацій. Къ тому-же президентъ преисполненъ внимательности къ офицеру. Во время кофе онъ никогда не забываетъ поговорить съ нимъ объ арміи. Онъ спрашиваетъ о ея желанiяхъ, о достигнутыхъ успѣхахъ, о дѣйстви, произведенномъ въ ея средѣ той или другой мѣрой; входитъ даже въ подробности военного дѣла, стараясь ознакомиться съ ними; восхваляетъ духъ солдатъ, краснорѣчиво выражаетъ свое участіе къ нимъ, въ самыхъ лестныхъ выраженiяхъ говоритъ о довѣрiи палаты къ арміи и всегда офицеръ уходитъ очарованный благожелательствомъ, умомъ и привѣтливостью своего амфитриона. Забудьте, что это дѣлается только въ Palais Bourbon; ни въ Люксамбургѣ, ни въ Елисейскомъ дворцѣ, Греви и Леонъ Сэ не приглашаютъ къ своему столу офицеровъ, призванныхъ охранять ихъ особы. Чтобы найти прецедентъ, придется привести на память павшія правительства. Но Гамбетта далеко превосходитъ ихъ своимъ великолѣпiемъ, такъ-какъ Луи-Филиппъ только иногда приглашалъ гвардейскихъ офицеровъ къ своему столу. Обыкновенно-же онъ кормилъ ихъ обѣдомъ, взятымъ отъ Вефура.

Даже при Наполеонѣ III офицеры были приглашаемы къ императорскому столу только въ Виши или въ Шалонскомъ лагерѣ.

Гамбетта не довольствуется тѣмъ, что превосходить королей и императоровъ, онъ доказываетъ свое могущество въ глазахъ арміи тѣмъ, что не стѣсняется военными правилами и указываетъ, что все, даже дисциплина, гнется подъ давленіемъ его авторитета.

Такъ въ пять часовъ вечера, онъ отсылаетъ дежурнаго офицера, который можетъ обѣдать и спать гдѣ онъ хочетъ, являясь на свой постъ только къ смѣнѣ. Почему Греви не поступаетъ такимъ-же образомъ въ Елисейскомъ дворцѣ? Почему его дежурный офицеръ не можетъ двинуться съ мѣста, долженъ послать за обѣдомъ, въ сосѣдній трактирчикъ и спать на скверной походной кровати?

Причина тому простая; дѣло въ томъ, что Греви есть только глава государства и арміи, между тѣмъ какъ Гамбетта есть... г. Гамбетта,—господинъ всего, въ томъ числѣ и самого г. Греви.

Однажды нѣкій генералъ, занимавшій постъ командующаго парижскими войсками, заявилъ претензію на надзоръ за почет-

нымъ карауломъ въ Palais Bourbon, наравнѣ съ прочими парижскими постами, но Гамбетта тотчасъ-же поставилъ на мѣсто неосторожнаго губернатора.

Всѣмъ полкамъ, несущимъ по-очереди службу въ Palais Bourbon, былъ прочитанъ дневной приказъ, въ силу котораго почетный караулъ Palais Bourbon долженъ быть изъять отнынѣ изъ всякаго контроля и поставленъ внѣ всякаго регламента и іерархіи, становясь, такимъ образомъ, безусловною вещью Гамбетты, или, называя вещи по имени, его преторіанской стражей.

Итакъ, Гамбетта желаетъ, чтобы знали, что онъ любитъ армію и какимъ именно образомъ.

До тѣхъ поръ, пока онъ сдѣлается главою государства и арміи, онъ доказываетъ этой послѣдней, что воля его всемогуща во всемъ, что до нея касается. Онъ льститъ офицерамъ, осыпаетъ ихъ милостями, покровительствуетъ имъ. Министръ только исполняетъ его волю. Это подчиненное положеніе военнаго министра, вещь не новая, и установилось оно не при нынѣшнемъ министрѣ. Такая же система практиковалась и во времена генерала Грелэ, подъ личиною представительныхъ формъ: ни одно рѣшеніе не могло быть принято безъ согласія совѣта министровъ, въ которомъ большинство было всегда обезпечено за Гамбеттой.

Если, на примѣръ, дѣло шло о нарушеніи дисциплины, министръ являлся на ближайшее засѣданіе совѣта и говорилъ: «Господа, въ такомъ-то полку произошло то-то, прошу чтобы было поступлено по всей строгости». Министры корали или ничего не дѣлали, смотря по своей или, вѣрнѣе, по прихоти своего господина и властелина. Такимъ-то образомъ случалось, что въ свѣдующихъ газетахъ печатались пзвѣстія слѣдующаго рода: «Генераль X. подвергнутъ аресту на тридцать дней. Военный Министръ находилъ это взысканіе слишкомъ слабымъ, но остальные министры воспротивились».

Если шло дѣло о повышеніяхъ по службѣ, военный министръ являлся со своимъ спискомъ и говорилъ: «Господа, вотъ мои кандидаты, я имѣю столько-то офицеровъ, для назначенія на высшія должности. Начиналась баллотировка. Генераль представлялъ отъ двѣнадцати до пятнадцати именъ на шесть назначеній; неприятныхъ людей всегда удавалось отстранить и провести своихъ креатуръ».

При преемникѣ генерала Грелэ, дѣла шли еще лучше. Когда узнали, кто будетъ военнымъ министромъ, всѣ съ удивленіемъ спрашивали себя, въ силу какихъ заслугъ послѣдовало это назначеніе. Ни военныхъ, ни административныхъ доблестей не

значилось. На поляхъ сраженія это имя отсутствовало. Генерала Фарра знали только какъ директора, и притомъ довольно плохого, Полотехнической школы. Но, быть можетъ, онъ врагъ клерикализма? А это въ наше время избавляетъ отъ необходимости имѣть другія заслуги. Увы, и на это приходится дать отрицательный отвѣтъ, такъ-какъ въ «Almanach National» его имя красуется рядомъ съ величайшими знаменитостями нравственнаго порядка, а именно генералами: Дюкро и Ротбузъ, Шенеломомъ и Паскалемъ Бодри д'Ассономъ, которые просили и получили отъ Святого Престола командорскій орденъ Св. Григорія Великаго, съ приложеніемъ полной индульгенціи.

Очевидно, были другія причины для этого неожиданнаго возвышенія. Гамбеттъ хотѣлось имѣть въ военномъ министерствѣ подставное лицо, а генералъ Фарръ, въ высочайшей степени, обладалъ всѣми необходимыми для того качествами.

Съ того дня военное управленіе, только для вида засѣдало въ улицѣ Saint-Dominique Saint-Germain. Настоящее-же мѣсто-пребываніе его было перенесено въ Palais Bourbon, подъ именемъ *военнаго кабинета президента палаты*. Здѣсь-то изучаются, зрѣютъ и рѣшаются всѣ военные вопросы, касающіеся командованія, администраціи, вооруженій и укрѣпленій, какъ въ самой Франціи, такъ и въ колоніяхъ. Отсюда исходятъ всѣ преобразования, а равно и всѣ награды и милости, ордена и назначенія.

Въ военныхъ сферахъ это не составляетъ ни для кого тайны. Всѣ знаютъ, что стоитъ только явиться въ нѣкоторые кружки, и можно немедленно получить самыя дѣйствительныя рекомендаціи; что заслуги и походы совершенно излишни и могутъ быть замѣнены покровительствомъ того или другого депутата, той или другой дамы, допущенныхъ въ тѣсный кругъ полубога. Не трудно представить себѣ, какое обширное поприще открыто для всякаго рода интригъ.

Приведу примѣръ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, полковникъ дѣйствующей арміи, провелъ все время службы въ походахъ. Онъ служилъ въ Африкѣ, принималъ участіе въ крымской, итальянской, мексиканской кампаніяхъ и, наконецъ, въ послѣдней франко-прусской войнѣ. Этотъ человекъ, повидимому, могъ быть спокоенъ относительно повышеній. Но вотъ списокъ производствъ. Полковникъ забытъ. Болѣе молодые и менѣе заслуженные офицеры получили повышеніе. Какая причина? Онъ старается узнать, спрашиваетъ. Тогда оказывается, что одинъ искалъ «протекціи» Гамбетты, другой произнесъ небольшую рѣчь, въ которой высказался въ весьма лестныхъ для Гамбетты выра-

женіяхъ, третій только представился въ извѣстный салонъ, наконецъ, четвертый, за неизмѣнимъ лучшаго, быть-можетъ, обращался къ актеру Кокелену или повару Тромпетту. «Поступайте и вы такимъ-же образомъ, совѣтуютъ полковнику,—дайте какой-нибудь залогъ, хлопчите, чортъ возьми, ну, «интригуйте!»

Онъ отказывается. Никогда не захочетъ онъ играть подобную роль. Онъ будетъ вѣрно служить республикѣ, но никогда не сдѣлается придворнымъ льстецомъ.

Его чередъ наступитъ немного поздиѣ, но все-таки наступитъ.

Между тѣмъ время идетъ. Вотъ и опять производство. Полковникъ опять забыть. Друзья снова приступаютъ къ нему: «Ты видишь, съ твоимъ характеромъ, ты всегда будешь сидѣть и останешься въ дуракахъ. Посмотри на другихъ. Вотъ генераль Билльо. Онъ, какъ и ты, былъ подполковникомъ до войны. Въ восемь лѣтъ онъ и одного часа не несъ службы, а между тѣмъ теперь онъ главнокомандующій, а ты даже и не бригадный генераль. А вотъ и генераль Бреаръ, который былъ на такомъ дурномъ счету. Посмотри, куда онъ взобрался, съ тѣхъ поръ какъ водитъ дружбу съ гамбеттистскими депутатами».

Полковникъ продолжаетъ упорствовать.

Однако, всему бываетъ предѣлъ.

Черезъ нѣкоторое время я встрѣчаю полковника. Онъ покручиваетъ усь и сознается, что накануне представлялся Гамбеттѣ и, что въ дневномъ приказѣ онъ сдѣлаетъ тонкій (и лестный) намекъ на эксъ-диктатора. «Какъ, ты на это пойдешь?»—Что-же дѣлать! Не могу-же я жертвовать и карьерой, это уже слишкомъ было-бы глупо. А жена и дѣти? Да, къ чорту брезгливость!»

Не прошло и недѣли, какъ его произвели въ генералы. Такимъ-то образомъ всякое сопротивление складывается оружіе къ ногамъ властелина.

II.

Видя все это, нѣкоторые замѣчаютъ, что «подобные нравы имѣютъ странное сходство съ нравами второй имперіи». «Такъ это-то республика», продолжаютъ разсуждать эти люди. «Мы-бы никогда не подумали, что ей понадобится такая масса солдатъ, которые такъ дорого стоятъ и, какъ всегда думали, представляютъ такую серьезную опасность для свободы. Въ былое время, республиканская партія единодушно держалась этого мнѣнія. Развѣ не республиканецъ (Пеллетанъ) сказалъ эти слова: «Военный духъ вполне тождественъ съ духомъ преторіанства». Другой человекъ, г. Пикаръ, говорилъ: «Франціи нужно войско, ко-

торое не походило-бы на нынѣшнюю армію». Покойный Жюль Фавръ замѣчалъ, въ свою очередь: «Хотятъ, чтобы Франція была вооружена, по примѣру своихъ сосѣдей, но моя совѣсть прѣтивится этому!» А вотъ и слова Маньена: «Приговоръ надъ постоянными арміями произнесенъ. Онѣ должны исчезнуть въ ближайшемъ будущемъ». Наконецъ, развѣ и самъ Гамбетта не требовалъ «уничтоженія постоянныхъ армій, какъ причины разстройства и разоренія для страны?»

А между тѣмъ именно эти-то предусмотрительные государственные люди и оплачиваютъ въ настоящее время 500,000 армію, не говоря о резервахъ, составляющихъ болѣе чѣмъ когда-либо тяжелый расходъ. Вчера эти люди требовали разоруженія, хотѣли, чтобы никто не былъ солдатомъ, а сегодня они всѣхъ насъ сдѣлали солдатами, отъ двадцати до сорока-лѣтняго возраста. Странное противорѣчіе!

На такое замѣчаніе у нашихъ правителей отвѣтъ готовый. Его можно найти цѣликомъ въ рѣчи, о которой я упоминалъ выше: «Насъ упрекали за страстный культъ арміи, этой арміи, которая группируетъ въ настоящую минуту всѣ силы націи; насъ упрекаютъ за то, что мы посвящаемъ слишкомъ много времени изученію успѣховъ военнаго дѣла: не воинственный духъ одушевляетъ насъ въ этомъ случаѣ, а необходимость поднять Францію и возвратить ей мѣсто въ средѣ прочихъ націй, послѣ того какъ пришлось видѣть ея глубокое паденіе». Послѣ того ораторъ приглашалъ своихъ слушателей надвѣяться на будущее и вѣрить въ ту «высшую правду», которая неизбѣжно дастъ знать о себѣ, когда пробьеть для нея часъ».

Другими словами, если Франція удвоила численность своего войска, если военный бюджетъ растетъ съ каждымъ годомъ, то для этого имѣется неотразимое возраженіе, а именно—возмездіе за 1870 годъ. Этимъ все сказано. Предъ этимъ магическимъ словомъ не должно-ли преклониться всякое возраженіе? Гамбетта всѣми силами старается овладѣть арміей; онъ употребляетъ тѣ же средства и тѣ же ласкательства, которыми пользовался ненавистный императорскій режимъ, противъ котораго онъ боролся. Все это дѣлается въ виду реванша. Онъ окружаетъ себя людьми съ запятнанной репутаціей, но которыхъ считаетъ способными, какъ, напримѣръ, Галлифе; людьми неспособными, но преданными, по его мнѣнію, каковъ, напримѣръ, Фарръ. Онъ повсюду сажаетъ своихъ людей и сламываетъ тѣхъ, кто оказываетъ ему сопротивленіе. Все это, опять таки, для реванша. Этотъ человекъ, который не имѣетъ никакой легальной власти, забралъ все и вся въ свои руки. Онъ назначаетъ префек-

товъ и министровъ, раздастъ такъ-называемый bureaux de tabac и высшія военныя должности. Онъ состоитъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ посланниками; генералы получаютъ приказы изъ Парижа, съ заголовкомъ: «Военный кабинетъ президента палаты». И все это для реванша, представителемъ и нѣкоторымъ образомъ, олицетвореніемъ котораго считаетъ себя Гамбетта.

Ради этого слова населеніе молчитъ, подавляя безпокойство и съ твердостью ждетъ обѣщаннаго часа, часа возмездія, реванша.

III.

Въ одно прекрасное утро начинаютъ ходить слухи о войнѣ. Сначала это только неясный гулъ, который, затѣмъ, мало-помалу получаетъ опредѣленное содержаніе. Гамбеттистскіе корифеи волнуются въ печати и на собраніяхъ. Спюллеръ, а еще ранѣе Рейнахъ начинаютъ трубить съ воинственнымъ жаромъ.

Не наступила-ли дѣйствительно давно ожидаемая минута? Такъ полагаютъ многіе. Но нѣтъ, пока дѣло идетъ только объ отправкѣ нѣсколькихъ кораблей, для принятія участія въ международной морской демонстраціи, въ водахъ Дульциньо. Этимъ способомъ мы возвращаемъ себѣ мѣсто въ европейскомъ концертѣ.

На слѣдующій разъ опять шумъ, по случаю присоединенія острова Таити, гдѣ нѣкогда царствовала достославная королева Помарѣ. Но вотъ, что несравненно серьезнѣе. Что-то, пока еще неопредѣленное затѣвается, по отношенію къ Греціи. Гамбетта имѣлъ тайныя свиданія съ королемъ Георгомъ.

Въ Грецію посылается французская военная миссія. Не должно-ли это служить прелюдией болѣе серьезному вмѣшательству? Греческій народъ убѣжденъ, что оно такъ. Это пишется во всѣхъ газетахъ и говорится на всѣхъ народныхъ собраніяхъ. Французская публика начинаетъ тревожиться. Такъ это-то обѣщанный реваншъ? Говорятъ, что всѣ пути ведутъ въ Римъ, но нельзя сказать этого-же о Берлинѣ. Начинаются протесты. Они достигаютъ такихъ размѣровъ, что правительству приходится уступить и миссія Томассена, которая должна была служить «пробнымъ шаромъ», разстраивается.

Гамбетта упоренъ. Онъ отступилъ только предъ силой. Но тайнымъ образомъ онъ все-таки продолжаетъ дѣло, отъ котораго отрекся публично.

Изъ Франціи отправляются въ Грецію транспорты съ оружіемъ и боевыми снарядами. Англійская Синяя книга сообщаетъ

о томъ, между прочимъ, публикѣ. Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ сильно негодуютъ. Кабинету дѣлаетъ запросъ Клемансо. Гамбетта, чувствуя, что мѣтятъ именно въ него, покидаетъ свое кресло и отвѣчаетъ высокоумною рѣчью, въ которой отрицаетъ все, даже самую очевидность. Палата удовлетворяется и отдаетъ преимущество этимъ пошлостямъ предъ основательными и опредѣленными заявленіями монмартрскаго депутата. Желанный результатъ былъ достигнутъ.

Опасность устранена и на этотъ разъ. Возвращаться къ предмету, очевидно, нечего. Такимъ образомъ, греческій вопросъ былъ сложенъ подъ спудъ.

Но чрезъ нѣкоторое время онъ возродился въ новой формѣ. О томъ, чтобы Гамбетта призналъ себя побѣжденнымъ, нечего было и думать. Онъ предпочелъ-бы крушеніе міра разрушенію своихъ плановъ, хотя-бы самыхъ химеричныхъ. Итакъ, едва успѣла Франція оправиться отъ волненія, причиненнаго греческими дѣлами, какъ въ одинъ прекрасный день очутилась лицомъ къ лицу съ новымъ вопросомъ, вопросомъ о крумирахъ.

Что такое эти крумиры? Кто о нихъ помнить? Но дѣло въ томъ, что они существуютъ и, что еще важнѣе, военныя дѣйствія уже начались. Слѣдовательно, отступление сдѣлалось невозможнымъ. Два раза побитый, Гамбетта, наконецъ, торжествовалъ и ему уже нечего было опасаться сопротивленія.

Войной, однако-же, не называли начатыхъ военныхъ операцій, по той причинѣ, что конституція признаетъ только за парламентомъ право объявленія войны, а парламентъ никогда-бы не рѣшился принять на себя такую отвѣтственность. Впрочемъ, парламентъ, повидимому, ничего лучшаго и не желалъ, какъ быть обманутымъ. И когда кабинетъ объявилъ ему, что 20,000 армія готова вторгнуться въ тунисскія владѣнія съ пушечной и ружейной пальбой, но, что, несмотря ни на что, миръ продолжаетъ безоблачно царить надъ Франціей, громъ рукоплесканій покрылъ слова министра и немедленно, безъ всякихъ преній, ассигновали тѣ нѣсколько милліоновъ, которыхъ требовало правительство.

Такія вещи изумляютъ насъ, простыхъ людей, но онѣ ни какъ не могутъ считаться новыми и невиданными. Онѣ даже стремятся войти въ обиходъ цивилизованныхъ націй. Въ наше время войны на далекихъ окраинахъ не называются войнами; это—экспедиціи. Завоеванія также не существуютъ болѣе; они замѣнены залогами «для обезпеченія безопасности колоній». Что касается до непріятельскихъ войскъ, защищающихъ родную землю, то ихъ зовутъ уже не патриотами, а просто мятежниками.

Да-съ, эти люди, умирающіе, защищая свою страну—мятежники! Эта фикція смѣла, но зато очень удобна. И дѣйствительно, чѣмъ-бы, напримѣръ, оправдали англичане свои безчисленные излишества? Нарушеніе трактатовъ, вторженіе въ чужія владѣнія, огонь и желѣзо, внесенные въ среду мирнаго населенія, умерщвление плѣнныхъ послѣ сраженія, когда ихъ привязывали цѣлыми толпами къ дуламъ пушекъ, вѣшали на придорожныхъ деревьяхъ, разстрѣливали и сѣкли сотнями, добиваніе раненыхъ, разрушеніе до основанія жилищъ и, наконецъ, присвоеніе раззоренныхъ мѣстностей. Всѣ эти ужасы нисколько не отвѣчаютъ идеѣ о цивилизаціи. Но все это объясняется однимъ словомъ, это были мятежники.

Афганцы, зулусы, боэры, и въ особенности крумиры, все это мятежники, а послѣдніе даже просто разбойники и самаго послѣдняго сорта.

И кто-же осмѣлится въ томъ усумниться?

Изъ послѣдняго телеграфнаго извѣстія мы узнаемъ, что только-что нашли солдата, страшно изуродованнаго этими варварами, которые отрѣзали несчастному носъ и уши, выкололи глаза, вырвали языкъ, однимъ словомъ—полная картина звѣрства.

Надо было видѣть негодованіе добраго парижскаго народа, при чтеніи этой депеши, расклеенной по всѣмъ стѣнамъ. «О, чтобы я сдѣлалъ, если-бы мнѣ попался въ руки одинъ изъ этихъ крумировъ!» громко восклицали эти добрые люди въ своемъ наивномъ гнѣвѣ.

«Да вотъ онъ крумиръ! кричитъ какой-то шутникъ; и толпа оборачивается и видитъ великолѣпную голову громаднаго роста негра, обращавшаго на себя вниманіе прохожихъ. «Это, навѣрное, крумиръ!» продолжаетъ шутникъ. Эти слова быстро облетаютъ толпу. Въ одинъ мигъ негра окружаютъ, показываютъ на него пальцемъ, кричатъ на него.

Злополучный сынъ Хама напрасно старался высвободиться, толпа все растетъ и со всѣхъ сторонъ раздается: «его надо убить, это крумиръ!»

Взбѣшенный негръ оскаливаетъ зубы и, схвативши мальчугана, который валялся у него подъ ногами, крича до хрипоты, подноситъ его къ мясистымъ губамъ своимъ и, широко открывъ ротъ съ двумя рядами бѣлыхъ, какъ слоновою костью, зубами, дѣлаетъ видъ, что хочетъ проглатить его живого.

Мальчуганъ бьется, испуская страшные крики, а нѣсколько человекъ, принявшихъ негра за настоящаго людоѣда, вырываютъ у него жертву и осыпаютъ его ударами.

Подоспѣвшіе полицейскіе съ трудомъ вырываютъ у публики бѣдняка-негра, избитаго, полуживого.

Мнимый крумиръ родился на о. Явѣ. Онъ отправлялся на Тронную площадь, чтобы присоединиться въ какой-то ярмарочной труппѣ. Злополучный артистъ былъ приведенъ въ такое состояніе, что его пришлось отправить въ больницу, гдѣ онъ горько жаловался, говоря, что будетъ лишенъ возможности фигурировать на ярмарочной ярмаркѣ, въ день ея открытія.

На слѣдующій день получили новую телеграмму, объясняющую, что первая была уткой. Но цѣль была достигнута, шовинизмъ загорѣлся снова. Г. де-Жиранденъ кричалъ въ своей «France»: въ Тунисть! съ такимъ-же увлеченіемъ, какъ въ 1870 году кричалъ: въ Берлинъ!

А Локруа обращался въ «Rappel» къ министрамъ, строго спрашивая ихъ, почему еще не послана французская эскадра въ Ла-Гулетскій портъ.

«Побольше спокойствія!» увѣщали люди совѣта и разума, сохранившіе необходимое въ такихъ случаяхъ хладнокровіе. «Не слѣдуетъ дѣлать себѣ иллюзій», замѣчалъ важнымъ тономъ «Journal des Débats»; не слѣдуетъ думать, что двумъ-тремъ корпусамъ достаточно будетъ показаться крумирамъ, чтобы сломить ихъ сопротивленіе. Начинаящаяся война готовитъ не одно разочарованіе кабинетнымъ стратегамъ и тактикамъ журнализма, а также и всѣмъ тѣмъ, кто полагаетъ, что намъ достаточно будетъ явиться, чтобы дать строгій урокъ крумирамъ и сдѣлать безъ наскока преданнымъ нашимъ интересамъ, насколько онъ былъ враждебнымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

«Племена, на которыя намъ приходится нападать, населяютъ мало извѣстную мѣстность, гдѣ войска наши встрѣтятъ самыя разнообразныя затрудненія. Стоитъ вспомнить первые годы нашего водворенія въ Африкѣ или послѣднія экспедиціи въ Кабилии, чтобы составить себѣ точное понятіе о томъ, чѣмъ можетъ быть эта война. Мы будемъ имѣть дѣло съ быстрымъ, подвижнымъ непріателемъ, который будетъ безпрестанно тревожить наши колонны, стараться отрѣзать имъ пути сообщенія, нападать на насъ изъ каждаго ущелья, — а Атласскія горы изобилуютъ ими въ этихъ мѣстахъ, — избѣгать столкновеній въ открытомъ полѣ, умножая мелкія нападенія, уходить изъ одной долины, чтобы затѣмъ сформироваться въ другой, непріателемъ, которому нечего бояться разрушенія городовъ или сожженій селъ, потому что ихъ у него нѣтъ, и онъ можетъ импровизовать ихъ гдѣ угодно, при помощи своихъ шатровъ. Онъ знаетъ самыя пустынные уголки Джебелъ-Крумира и онъ сдѣлаетъ изъ нихъ центръ сопро-

тивленія. Для этого ему не нужно ни перевозочныхъ средствъ, ни дорогъ. Его союзниками, помимо солдатъ тунисскаго бая, будетъ населеніе, гдѣ оно есть, солнце, страна и фанатизмъ, возбужденный проповѣдями, авторовъ которыхъ указать несравненно легче, чѣмъ остановить дѣйствіе ихъ пропаганды».

IV.

Прежде чѣмъ станемъ слѣдить за этой, исполненной опасностей, экспедиціей, взглянемъ попристальнѣе на эти варварскія страны и на обитающихъ въ нихъ страшныхъ враговъ, способныхъ внушить страхъ двумъ-тремъ корпусамъ французской арміи, какъ то утверждаетъ «Journal des Débats».

Тунисскіе корсары въ свое время стяжали ужасающую славу. Они были грозой мелкихъ государствъ на берегу Средиземнаго моря. Этой грозы въ наше время не существуетъ. Со времени взятія Алжира, то есть вотъ уже полвѣка, морскіе разбойники исчезли изъ Средиземнаго моря. Навигація свободна и обезпечена повсюду.

Но страсть къ грабежу, повидимому, сохранилась во всей неприкосновенности у потомковъ пресловутыхъ корсаровъ. Отброшенные на берегъ и внутрь страны, они продолжаютъ практиковать свою старую профессію, насколько то дозволяютъ нынѣшнія тяжелыя времена. По крайней мѣрѣ они не упускаютъ случаевъ, когда таковыя представляются.

Года три тому назадъ, принадлежавшее пароходному обществу транспортировки кладей, судно «Овернь» вышло изъ Цетскаго порта въ Бону. На пути оно было застигнуто страшною бурей и разбилось о береговыя скалы. Экипажъ успѣлъ спастись, но судно, наполнившееся водой и перерезанное на двое, было оставлено на произволъ судьбы. «Когда мы достигли берега, рассказываетъ капитанъ,—арабы отняли у насъ все, что мы имѣли, т. е. раздѣли до-нага. Ихъ было много и притомъ вооруженныхъ съ головы до пятъ. Всякое сопротивленіе съ нашей стороны было невозможно».

Различныя береговыя племена согласились между собою относительно ограбленія судна. Каждому изъ племенъ былъ назначенъ день. Взято было все до послѣдней доски, остался одинъ остовъ судна.

Однако, одинъ изъ агентовъ тунисскаго правительства ловкимъ маневромъ успѣлъ задержать двадцать предводителей означенныхъ племенъ; ихъ отвели въ Тунисъ и посадили въ тюрь-

му, находящуюся при Бардо. Дѣло было улажено при посредствѣ французскаго правительства и тунисскій бей обязался уплатить кампаніи, въ видѣ вознагражденія за потерю корабля, 220,000 франковъ. Арестованные-же предводители были оставлены въ тюрьмѣ, въ видѣ ручательства за уплату этой суммы.

Мало-гостепріимные племена, о которыхъ шла рѣчь, были крумиры.

Территорія, занимаемая крумирами, тянется между моремъ и алжирской границей. На западѣ она граничитъ съ Уэдъ-Зеномъ и Уэдъ-Келлештомъ; на востокѣ и югѣ пограничная линія начинается повыше Бейи и соединяется съ алжирской границей.

Эти племена образуютъ нѣчто въ родѣ федераціи, главная цѣль которой заключается въ охраненіи доступа въ ихъ страну. Они признаютъ, но болѣе номинальнымъ образомъ, верховную власть тунисскаго бейя; платятъ ему, однако-же, дань, хотя весьма несправно.

Какъ чужеземцамъ, такъ и представителямъ и военачальникамъ бейя доступъ въ страну воспрещенъ.

Въ 1863 г. бей пожелалъ воспользоваться своими сюзеренными правами и послалъ къ кумирамъ своего брата, генерала Гамаиду. Этотъ послѣдній высадился на берегъ со своими солдатами, но ему не позволили перейти чрезъ небольшую рѣчку (Уэдъ), протекающую около порта, напротивъ Табарки. Три мѣсяца простоялъ онъ на берегу, но ни переговоры, ни попытки, ничто не подѣйствовало и пришлось вернуться въ Тунисъ ни съ чѣмъ. Все, чего добился тунисскій генералъ, заключалось въ дозволении нѣсколькимъ изъ его солдатъ переправляться ежедневно чрезъ рѣчку за провіантомъ, который отпускали имъ за наличныя деньги арабскія женщины, охраняемыя вооруженными солдатами.

Послѣ сказаннаго понятно, что серьезнаго изслѣдованія такой страны не могло быть сдѣлано. О ней извѣстно кое-что отъ мальтійскихъ и сицилійскихъ mercanti, которые отправлялись туда для приготовленія тиннина, продажи оружія и сбыта тунисской монеты, сфабрикованной въ Европѣ. Сообщаютъ, что какой-то пришлецъ, застигнутый арабами въ ту минуту, какъ онъ собиралъ образцы камней и минераловъ, почелъ себя весьма счастливымъ, отдѣлвшись очисткой своихъ кармановъ и препровожденіемъ за предѣлы негостепріимной страны. Другой чужеземецъ отправился для снятія плановъ, но каковъ былъ его ужасъ, когда онъ увидѣлъ во время съемки направленное противъ себя дуло арабскаго ружья. Онъ потерялъ свои инструменты и у него ото-

брали всё бумаги, предполагая, вѣроятно, что онѣ заключали кавія-нибудь замѣтки о странѣ.

Крумиры, подобно многимъ арабскимъ аггломерациямъ, не имѣютъ написанной исторіи. Приходится довольствоваться устнымъ преданіемъ, въ которомъ трудно отличить вымыселъ отъ исторической правды. Они считаютъ себя потомками великаго марабута Сиди-Абдаллы-Бенъ-Джемеля и распадаются на двѣ отдѣльныя фракціи: слудовъ и тедмаковъ. Первые занимаются торговлей, они богаче и потому не такъ страшны. Тедмаки, напротивъ, бѣдны, это пролетаріи, эксплуатируемые слудами и не имѣющіе иныхъ средствъ существованія, кромѣ охоты и разбоя.

Сама страна владѣетъ значительными естественными богатствами: рудой, которая разрабатывается въ ничтожномъ количествѣ и неизвѣстными способами, каменоломнями, гипсовыми залежами, гравіемъ, въ ней много горячихъ ключей, извѣстныхъ и посѣщавшихся въ былое время. Громадные дубовые, ясневые, и вязовые лѣса тянутся по всей странѣ. Они подвергаются ужаснымъ чисто-варварскимъ опустошеніямъ; лучшія деревья погибаютъ, вслѣдствіе того, что изъ нихъ извлекаютъ таннинъ, не принимая никакихъ предосторожностей и не ожидая надлежащаго возраста. Въмѣсто того, чтобы срубить засохшія деревья, арабы зажигаютъ ихъ, для полученія угля, или-же для того чтобы разчистить себѣ путь по лѣсу.

Къ промышленности они не питаютъ склонности и предпочитаютъ скотоводство. Вообще ведутъ жизнь кочевую, располагаются со своими шатрами тамъ, гдѣ есть пастбища для скота, или-же среди неприступныхъ лѣсовъ своихъ. Ихъ села, если и существуютъ, то почти не заслуживаютъ этого имени. Ихъ постройки крайне первобытны, они или сплетены изъ древесныхъ вѣтвей, или сложены изъ камня и покрыты деревянными крышами, грубой работы. Только начальники имѣютъ каменные дома, но и они раздѣляютъ эти жилища съ домашними животными: осломъ или муломъ, коровой, козой и проч. Единственная комната этого жилища раздѣлена невысокой стѣнкой (не болѣе метра вышины) на нѣсколько неровныхъ частей. Въ самой обширной помѣщается богатый крумиръ и его семейство, а въ остальныхъ отдѣленіяхъ—скотъ.

Нарядъ крумировъ состоитъ изъ широкой рубахи, шерстяной или бумажной, поверхъ которой онъ надѣваетъ свой бурнусъ. Въ холодное время года они надѣваютъ два бурнуса. На головѣ они носятъ нѣчто въ родѣ колпака, вязаного изъ шерсти или сдѣланный изъ краснаго поярка,—это *шошиа*. По части обуви они не признаютъ ничего, кромѣ куска кожи, углы кото-

рой, загнутые у пятки и у большого пальца, прикрѣплены шнурами, перекрещивающимися и завязанными у ладыжекъ.

Женщины завертываются въ большой кусокъ шерстяной матеріи, сложенной вдвое, прикрѣпленной на плечъ металлической брошью и ниспадающей ниже колѣна. Онѣ стягиваютъ станъ пестрымъ поясомъ. На головѣ носятъ высокую повязку изъ цвѣтного платка.

Нравы этихъ народовъ весьма строги. Мѣстный обычай, въ отличіе отъ мусульманскаго закона, не допускаетъ легальнаго конкубината и не терпитъ даже вообще внѣ брачнаго сожителства. Тѣмъ не менѣе, положеніе женщины не выиграло отъ такого ригоризма. Ее покупаютъ, и, по большей части, не спрашивая о ея согласіи; здѣсь, какъ и въ Кабилии, личность женщины не уважается нисколько. Это вещь, правда, живая. Въ случаѣ вдовства, ближайшіе родственники получаютъ ее въ наслѣдство, т. е. они могутъ жениться на ней, не внося брачной подати, или-же продать ее.

У этихъ племенъ есть, однако-же, весьма почтенный обычай, это «анаія», или покровительство, даруемое кому-нибудь частнымъ лицомъ, или группой. Когда человѣкъ, давшій анаію, не можетъ сопровождать того, кому оказываетъ покровительство, онъ даетъ ему вещь, о принадлежности которой покровителю извѣстно въ странѣ.

Очень часто такимъ предметомъ бываютъ четки съ какимъ-нибудь значкомъ.

Личность путешественника, снабженнаго такимъ предметомъ, неприкосновенна.

V.

Этимъ варварамъ приписывали звѣрскіе инстинкты и нравы. Едва успѣли опровергнуть телеграмму о страшно-изуродованномъ солдатѣ, какъ уже сообщались новыя извѣстія того-же рода и давали пищу негодованію публики. Такъ передавали, что найденъ былъ трупъ одного изъ нашихъ нижнихъ чиновъ, съ изрубленной головой и истерзаннымъ туловищемъ. На слѣдующій разъ сообщали, что найденъ солдатъ съ выколотымъ глазомъ, одна рука котораго была проткнута деревяннымъ коломъ, а обожженная спина указывала на то, что его жарпли на горячихъ угольяхъ. Одна издающаяся въ Константинолѣ газета, пресерьезно увѣряла, что жены этихъ разбойниковъ задушали своихъ новорожденныхъ младенцевъ.

«Извѣстно, читаемъ мы въ этой газетѣ («l'Indépendant»),— что жены этихъ грабителей раздѣляютъ съ мужьями опасности войны; находя, что грудныя дѣти были-бы большой помѣхой въ минуту рѣшительныхъ дѣйствій, онѣ безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, безъ сожалѣнія и съ чувствомъ выполненнаго долга, умертвили своихъ младенцевъ.

Алчущіе репортеры накидывались на подобныя извѣстія съ искреннимъ восторгомъ. Разсказанныя въ Бонѣ въ видѣ легендъ, эти басни наполнили столбцы мѣстной печати и являлись въ Парижѣ уже въ качествѣ историческихъ фактовъ.

Случилось, однако-же, что и тунисцы пожаловались на французовъ. Они утверждали, что французскіе солдаты добывали раненныхъ, насилывали дѣвушекъ и убивали беременныхъ женщинъ. Генераль Ложеро пришелъ въ негодованіе и велѣлъ опровергнуть эти факты. Крумиры не протестуютъ въ газетахъ — вотъ и вся разница.

Можно прибавить, что напрасно стали-бы мы искать прецедентовъ для жестокостей, совершенныхъ крумирами.

Если онѣ и существовали, то о нихъ ничего неизвѣстно. Что касается ихъ противниковъ, то развѣ исторія завоеванія Алжира не полна кровавыхъ воспоминаній? Можетъ-быть, воспоминаніе о подвигахъ генерала Пелиссе, который коптилъ семейства арабовъ въ ихъ собственныхъ хижинахъ, и изгладилось изъ памяти его соотечественниковъ, но оно живетъ въ памяти алжирскихъ арабовъ и ихъ сосѣдей, крумировъ.

Потомки Сиди-Абдаллы сохранили страсть къ грабежу. Этого грѣшка они отрицать не могутъ, но вѣдь и мы въ этомъ отношеніи не безгрѣшны и наши зуавы могли-бы кое-чему поучить крумировъ. Впрочемъ, повидимому, неизвѣстно то, что въ экспедиціяхъ этого рода опустошенія, безцѣльныя и бесполезныя опустошенія, такъ-сказать, изъ любви къ искусству, практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. «Еще три недѣли, читаемъ въ письмѣ изъ этихъ краевъ,—и ячень-бы поспѣлъ; его можно было бы сжечь; но сегодня напрасно пытались это сдѣлать, онъ не горитъ: потому ограничились тѣмъ, что вытоптали поле». И далѣе: «Солдаты-инженеры подпихивали и валили оливковыя и фиговыя, т. е. единственныя, плодовые деревья страны. Гурбисы (арабскія хижины), находившіяся въ долинѣ, были сожжены вчера. Солома и дерево этихъ хижинъ, высушенныя двумя днями прекрасной погоды, пылали ужасающимъ образомъ. Сосѣднія деревья загорались, какъ спички, и пылали отъ корня до вершины».

Но всего комичнѣе то, что авторъ только-что приведеннаго

письма—корреспондентъ газеты «Temps», которая печатаетъ все это какъ самую обыкновенную вещь и шутливымъ тономъ.

Но если уже почтенная редакція нашей «умѣренной» газеты находить грабежъ дѣломъ естественнымъ, то, что сказать о кримирахъ, которые въ тому-же говорятъ все это не изъ одной любви къ искусству разрушенія, а побуждаемые борьбой за существованіе.

Отъ этого, разумѣется, нисколько не легче пограничнымъ поселенцамъ и, конечно, не слѣдовало ждать до настоящей минуты для принятія цѣлесообразныхъ мѣръ. Остается узнать, какимъ именно мѣрамъ слѣдовало отдать предпочтеніе. Развѣ не было возможности измѣнить, до нѣкоторой степени, инстинкты и урегулировать привычки этихъ племенъ, неудобнымъ сосѣдствомъ съ которыми мы себя сами наградили. О нихъ говорятъ, какъ о неспособныхъ къ цивилизаціи. Такъ-ли оно на самомъ дѣлѣ? Никто не можетъ отвѣтить на это, потому-что никто не пробовалъ. Можно сказать только одно, а именно, что нѣтъ такого дикаго звѣря, котораго нельзя было-бы укротить въ его инстинктахъ и нравахъ. При помощи подарковъ, уваженія къ авторитету предводителей и подтвержденія ихъ власти можно было-бы склонить ихъ въ свою пользу, а чрезъ нихъ и все племя.

Покупая произведенія этихъ племенъ, что поощряло-бы ихъ промышленность, можно-бы доставить имъ заработокъ, повысить уровень благосостоянія и избавить ихъ отъ эксплуатаціи, жертвой которой имъ приходится быть. Въ концѣ-концовъ мы приобрѣли-бы ихъ дружбу, какъ то уже случилось съ ихъ сосѣдями кабилами. Наконецъ, для увѣнчанія зданія, французы могли-бы взять подъ свое покровительство святого покровителя крумировъ Сиди-Абдаллу-бенъ Джемеля и даже соорудить ему храмъ, который неминуемо сдѣлался-бы цѣлю благочестиваго паломничества арабовъ.

Такое доказательство терпимости и щедрости превратило-бы враждебныя племена въ преданныхъ друзей. Доступъ въ страну ихъ былъ-бы открытъ, а успѣхъ у нихъ цивилизаціи и индустріи былъ-бы обезпеченъ.

VI.

Дѣйствительно-ли, однако-же, крумирская страсть къ грабежу была настоящей причиной экспедиціи, и не скрывается-ли много, подо-всѣмъ этимъ не объявляемаго оффиціально, мотива?

Положеніе вещей, обнаруженное парламентскими заявленіями

и подробно развитое со всеми подлежащими подробностями и жалобами, французскою печатью, существовало съ незапамятныхъ временъ. Даже до занятія Алжира, крумиры племенъ: Уледъ-Али, Уледъ-Діа, Ухтеха и другихъ постоянно враждовали и хищничали. Послѣ завоеванія, это положеніе дѣлъ продолжалось безъ перерыва, на глазахъ оккупационныхъ войскъ. Не странно-ли, что это замѣтили только теперь?

За періодъ времени отъ 1870 до 1881 г. мы имѣемъ записку, исходящую отъ алжирскаго губернатора Альбера Гриви и помѣченную 20-мъ мая текущаго года, въ которой излагается отчетъ о грабежахъ и нападеніяхъ, совершенныхъ на алжирской границѣ. Этотъ отчетъ весьма неполонъ, такъ-какъ пострадавшіе, до принесенія своихъ жалобъ, предпочитали полюбовныя сдѣлки съ грабителями, назначая цифру выкупа за уведенный скотъ, или-же и сами вторгались и грабили въ землѣ крумировъ. Помимо этихъ случаевъ (а ихъ большинство), общая сумма преступленій и проступковъ, совершенныхъ отъ 1870 до 1881 г. доходитъ до 2,379. Совершившее-же ихъ населеніе равняется цифрѣ около 100,000 душъ. Изъ этихъ 2,379 преступленій и проступковъ, тунисское правительство нашло нужнымъ наказать только въ пяти случаяхъ. Эти статистическія свѣденія весьма интересны, безъ сомнѣнія, но мы еще разъ спрашиваемъ, почему-же не обращались ранѣе къ статистикѣ?

Тунисскаго бея упрекають за то, что онъ потакалъ такому положенію дѣлъ и поставилъ насъ въ необходимость вмѣшаться въ этотъ вопросъ. Но на это можно возразить, что наши «арабскія бюро» не менѣе содѣйствовали получившемуся результату, стараясь поддерживать волненія, которыя давали имъ возможность «усмирять мятежниковъ». Но оставя вопросъ объ отвѣтственности, нельзя не удивляться, что правительство такъ поздно обратило свое вниманіе и выказало щекотливость, а отсутствіе всякихъ разъясненій въ этомъ случаѣ открываетъ обширное поле для толкованій и предположеній.

Потому-то нѣкоторые и полагають, что настоящіе мотивы ничего общаго съ крумирами не имѣють, и что они заключаются въ дѣлахъ чисто-финансоваго свойства.

Около 1878 г. бей уступилъ нѣкому г. Санси Сиди-табетскую территорію, которая простирается на 2,400 гекторовъ и находится на берегу Меджердаха. По подписанному контракту, г. Санси обязывался выполнить различныя условія. Между прочимъ, онъ долженъ былъ держать извѣстное количество скота и немедленно предпринять эксплуатацію всѣхъ 2,400 гекторовъ.

Между тѣмъ, около года тому назадъ, оказалось, что Санси

далеко не выполнилъ статей контракта. На Сиди Табетской фермѣ было только небольшое количество домашнихъ животныхъ, далеко не доходившее до назначенной въ условіи цифры: нѣсколько тощихъ лошадей и жеребятъ, въ плохо-покрытомъ сараѣ, ни одного быка или коровы, что-же касается до обработки земли, то къ ней и не приступали.

По настоянію своего пресловутаго министра, Мустафы-бѣнъ-Измаила, тунисскій бей призналъ концессионера несостоятельнымъ. Это и было вполнѣ справедливо. Однако-же, французскій консулъ, г. Рустанъ, вмѣшался въ дѣло и при помощи вліянія своего на Магомедъ-Эль-Садова достигъ того, что концессія была оставлена за г. де-Санси. Первый министръ не остался доволенъ такимъ перерѣшеніемъ и, начиная съ этой минуты, положеніе дѣлъ сдѣлалось натянутымъ. Другое дѣло, и самое важное, возникло недавно. Нѣсколько лѣтъ назадъ, одна англійская компанія построила желѣзно-дорожную вѣтвь между Тунисомъ и Ла-Гулетскимъ портомъ. Компанія Бона-Гельмской вѣтви, приобрѣтя эту линію, увидала себя лишенною ея. Торги, какъ слышно, происходили не совсѣмъ правильнымъ образомъ и были назначены вновь. Высшую цѣну дала итальянская компанія Руббазино, за которой и осталась линія.

Тогда Бона Гельмское желѣзно-дорожное общество потребовало разрѣшенія на проведеніе параллельнаго полотна по длинной косѣ, отдѣляющей Эль Бакиру (Тунисское озеро) отъ моря и устройство порта напротивъ самой станціи желѣзной дороги и тунисской таможни. Это разрѣшеніе и было дано. Кромѣ того, то-же общество получило концессію на двѣ желѣзно-дорожныя вѣтви: одну, ведущую въ Сузу, а другую—въ Бейю и Бизерту.

Предварительныя работы по расчисткѣ и углубленію дна для порта были начаты немедленно, несмотря на итальянцевъ, которые интриговали противъ успѣшнаго окончанія этого предпріятія, оказывавшаго имъ серьезную конкуренцію. Къ сооруженію новыхъ линій также было приступлено немедленно.

Все обстояло благополучно, какъ вдругъ Бона-Гельмской компаніи приходитъ мысль продолжить Сузскую линію, не представивъ бею общаго плана предполагавшихся работъ. А между тѣмъ, по условію, эти работы не могли быть начаты иначе, какъ по составленіи полнаго плана, чего компанія не могла сдѣлать, такъ-какъ не было еще произведено полнаго изслѣдованія почвы.

Пользуясь предоставленнымъ ему правомъ, бей отказалъ въ продленіи линіи. Столкновеніе еще болѣе обострилось. Третьимъ дѣломъ было такъ-называемое Энфидское столкновеніе. Энфида—

обширное помѣстье, купленное у Херредина-паши одной марсельской компаніей. Въ минуту вступленія во владѣніе, нѣкій господинъ Леви (подставное лицо итальянскаго правительства и англійскій подданный) заявилъ о своихъ правахъ на то-же имѣніе, на основаніи мусульманскаго закона, дающаго сосѣдямъ преимущественное право покупать смежныя земли, если они дадутъ такую же цѣну, какъ иностранные покупатели. Претензія Леви была лишена основанія, потому-что Херрединъ-паша, предвидя затрудненіе отъ вышеуказаннаго закона, имѣлъ предосторожность оставить себѣ вокругъ продаваемаго имѣнія небольшую полосу земли. Несмотря ни на что, Мустафа, желая насолить французскому консулу, поспѣшилъ оказать покровительство Леви, или, иначе говоря, итальянскому правительству. Дѣло остается нерѣшеннымъ. Въ двухъ первыхъ дѣлахъ, французы неправы, такъ-какъ не выполнили принятыхъ на себя обязательствъ. Что касается третьяго, то результатъ не могъ быть сомнительнымъ, вопреки покровительству Мустафы. Господина Леви неминуемо выживутъ, во-первыхъ, по причинѣ, изложенной выше, а во вторыхъ, потому, что онъ еврей, а евреямъ запрещается пользоваться *шеффой*, т. е. правомъ сосѣдей на смежныя земли, о которомъ мы только-что упоминали. Алжирская печать ухватилась за всѣ эти вопросы и въ «Seybouse», органѣ депутата Томсона, начали печатать рядъ крайне рѣзкихъ статей, направленныхъ противъ тунисскаго бея. Тогда-то и возникъ крумирскій вопросъ. «Но, писали въ означенной газетѣ,—правительство, не выходя изъ правилъ предусмотрительности и осторожности, могло дѣйствовать болѣе рѣшительно и не допустить настоящаго положенія вещей. Мы потеряли нравственный кредитъ въ глазахъ туземцевъ, а потому крумиры и другія племена стали думать, что можно почти безнаказанно вторгаться въ наши владѣнія...

«Всѣ переговоры между французскими и тунисскими властями безсильны прекратить грабежи вооруженной рукой, потому-что авторитетъ бея плохо признается большинствомъ тѣхъ, кто ихъ совершаетъ на нашей границѣ. При такихъ условіяхъ, наше правительство имѣетъ неоспоримое право собственною властью прекратить враждебныя дѣйствія, если бей оказывается противъ нихъ безсильнымъ». Статья обанчивалась такъ: «Но если долготерпѣніе должно имѣть предѣлъ, то до этого предѣла мы дошли, если уже не преступили чрезъ него. Дальнѣйшія колебанія могутъ заставить насъ все потерять и потерять безъ славы. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать, чтобы наше правительство внушило тунисскому бео обязательство исполнять договоры, заклю-

ченныя съ Франціей, заставить прекратить безпокойства, принимаемыя нашимъ соотечественникамъ и предоставить намъ усмиреніе тѣхъ изъ его подданныхъ, которыхъ онъ не въ состояніи принудить уважать наши границы».

Эта статья въ достаточной степени показываетъ, что крумирскіе грабежи были лишь пустымъ предлогомъ. Истинная цѣль заключается въ желаніи добиться отъ бея уступокъ и содѣйствія интересамъ чисто - финансоваго свойства, помимо завоевательныхъ плановъ. Вопросъ о границахъ и ихъ безопасности служилъ только для отвода глазъ. Дѣло шло исключительно объ интересахъ крупныхъ французскихъ компаній, которымъ г. Рустанъ служить послушнымъ орудіемъ.

Можно - ли сказать, какъ то сдѣлали наши министры въ палатахъ, что положеніе дѣлъ ухудшилось и приняло «нестерпимые размѣры»?

Напротивъ, за послѣднее время устроился «modus vivendi», который можетъ быть названъ сравнительно - нормальнымъ. Вотъ какъ это дѣлалось: французская администрація, по соглашенію съ беємъ, ежегодно отправляла на границу старшаго начальника Сукарасскаго округа, который уговаривался съ уполномоченнымъ бея. На совѣщаніе приглашались шейхи крумировъ и рабба, другого сосѣдняго племени. На совѣщаніи устанавливалась сумма убытковъ, причиненныхъ грабежами и хищничествомъ. Затѣмъ тунисское правительство вносило вознагражденіе за убытки натурой или деньгами, которое и дѣлилось между алжирскими поселенцами и туземцами, пострадавшими отъ туземцевъ.

Такимъ-то образомъ въ апрѣлѣ и маѣ прошлаго года происходило совѣщаніе такого рода, имѣвшее результатомъ полученіе 200,000 фр. и 1,000 быковъ въ видѣ вознаграженія.

Были-ли набѣги, о которыхъ говорятъ и шумятъ теперь, болѣе часты и значительны, чѣмъ въ прежнее время? Нисколько. Вотъ къ чему сводится послѣдній случай, взволновавшій наши границы.

Ухтегы украли недавно около сотни быковъ у алжирцевъ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, похитили сто сорокъ штукъ быковъ у тунисцевъ. Затѣмъ, какъ и всегда, французскій офицеръ, командующій сипаями, отправился съ конвоемъ на мѣсто происшествія, чтобы уладить дѣло о взаимномъ вознагражденіи съ тунисскими властями. Въ эту минуту отъ 7 до 800 всадниковъ подъѣхало на нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста, назначеннаго для переговоровъ. Командиръ сипаевъ счелъ за лучшее удалиться, предъ такимъ сосредоточіемъ войска, которое, однако-же, не имѣло ничего враждебнаго. Съ своей стороны французскій

консулъ протестуетъ, увѣщаетъ и грозитъ. Начинается разговоръ объ ультиматумѣ. Между тѣмъ бей, узнавъ о случившемся, послалъ своихъ солдатъ для охраны переговоровъ и сохраненія спокойствія. Нѣсколько дней спустя, и съ такою-же цѣлью, бей отправилъ туда-же новыя войска по желѣзной дорогѣ. Въ то-же время онъ обратился къ французскому правительству со слѣдующими словами: «Тунисъ — слабый ребенокъ. Но ни по отношенію къ нему, ни по отношенію ко мнѣ, не слѣдуетъ употреблять насилія. Если Франція желаетъ убѣдиться въ своемъ добромъ расположеніи къ ней, то пусть она пришлетъ мнѣ другого представителя. Съ г. Рустаномъ дѣла такъ обострились, что я не могу даже вести переговоровъ».

Такъ держалъ себя бей. Къ разрыву побуждалъ консулъ Рустанъ и два французскія финансовыя общества, стоявшія за его спиной.

Въ такомъ-то положеніи находились дѣла, когда 16-го февраля два туземца изъ Бехеніи украли двухъ кобылъ у узедовъ, живущихъ въ Ла-Калльскомъ округѣ. Хозяинъ лошади настигъ воровъ и убилъ одного изъ нихъ. На другой день, крумиры, чтобъ отомстить за смерть собрата, переходятъ границу и предаются новымъ излишествамъ. Французское правительство посылаетъ на границу войска. Крумиры атакуютъ ихъ 31-го марта и въ значительномъ количествѣ.

Потери доходили въ этомъ сраженіи до 21 человѣка; въ этомъ числѣ были убитые, раненые и пропавшіе безъ вѣсти. Этого было довольно. Кровь была пролита. «Causus belli» на лицо, а только этого и было нужно.

VII.

Когда прошла первая горячка шовинизма, публика стала ждать извѣстій, сперва съ нетерпѣніемъ, а затѣмъ съ тревогой. Утромъ и вечеромъ внимательно просматривали столбецъ съ телеграммами, но ни малѣйшаго бюллетеня о побѣдахъ не оказывалось. О чемъ-же думалъ генераль Фарръ, который, какъ было извѣстно, взялъ въ свои руки направленіе войскъ. Планъ кампаніи былъ выработанъ въ военномъ министерствѣ или, вѣрнѣе, въ военномъ кабинетѣ президента палаты, откуда и шелъ импульсъ и главное начальствованіе.

Проходили дни и недѣли. Ничего не появлялось: ни телеграммъ, ни корреспонденцій, по-крайней-мѣрѣ, ничего, что давало-бы ожидаемыя разъясненія. Узнали только, что приняты строгія мѣры, по отношенію къ представителямъ печати и, что

ни одна корреспонденція, ни одна телеграмма не могла быть послана безъ разрѣшенія главной квартиры. Если ничего не пропускалось, слѣдовательно, что-нибудь скрывалось. Что-же именно? Военныя операціи? Но онѣ были, вѣроятно, очень сложны и велись крайне медленно, если имъ нужны были недѣли, чтобы опредѣлиться. Не шло-ли дѣло скорѣе о крупномъ пораженіи? Въ такомъ случаѣ отсутствіе извѣстій указываетъ на существованіе дурныхъ вѣстей.

Не запутались-ли мы въ какую-нибудь новую мексиканскую экспедицію? Или, можетъ быть, дожди препятствовали войскамъ? Нашимъ новобранцамъ приходилось идти по неизвѣстной странѣ, перерѣзанной горами и ущельями, идти по размытой дождями почвѣ, подъ огнемъ неуловимаго непріятеля, численность котораго доходила, какъ говорятъ, до 40,000 человекъ, за которыми поспѣшила армія бей. Въ то же время Турція заявляла свои права на «туниское регентство», Италия грозила, Англія держала себя двусмысленно, Бисмаркъ ждалъ только удобной минуты, чтобы перейти Вогезы. Противъ генерала Фарра начинали раздаваться рѣзкіе голоса, осуждавшіе его управленіе. Нѣкоторые факты не внушали-ли дѣйствительно серьезныхъ сомнѣній, относительно искусства его администраціи? Напримѣръ, дѣло 31-го марта, т. е. первое столкновеніе съ непріателемъ.

Утромъ отправляютъ людей изъ Гельмы по желѣзной дорогѣ. Въ минуту отъѣзда, начальникъ станціи замѣчаетъ начальнику отряда, что желѣзнодорожный уставъ запрещаетъ перевозку боевыхъ снарядовъ въ пассажирскихъ вагонахъ. Командиру пришлось оставить снаряды на станціи и войска отправились безъ нихъ. Какое усовершенствованіе въ военномъ дѣлѣ! Войска идутъ на войну безъ патроновъ!

Патроны поѣхали, однако-же, въ тотъ-же день, но позднѣе. Дѣло, повидимому, было жаркое, потому-что снаряды истощились и пришлось требовать ихъ изъ Ла-Калля. Но въ Ла-Каллѣ не оказалось патроновъ или, по крайней-мѣрѣ, тѣ, которые тамъ нашлись, не пришлись по ружьямъ системы Граса. Пришлось обратиться въ Бону. Тамъ взяли буксирное судно и, такимъ образомъ, могли послать въ Ла-Калль требуемые патроны.

Чѣмъ оправдать такое полное отсутствіе боевыхъ снарядовъ въ городѣ, почти примыкающемъ къ туниской границѣ, въ такое время, когда со дня на день ожидали военныхъ событій. Но оставимъ эти подробности, которыя старались свалить на небрежность мѣстныхъ властей. Важно было то, что приходилось испробовать и въ довольно обширныхъ размѣрахъ новую военную организацію. Настала минута показать Европѣ результаты

десятилѣтнихъ усилій, поставить эту организацію на высоту современнаго военнаго искусства.

Къ тому-же трудно было найти въ самомъ Алжирѣ болѣе средствъ, чѣмъ то даже было нужно. Колонія имѣеть 19-й армейскій корпусъ и мѣстное французское и туземное ополченіе, доходящее до 70,000. Такъ-какъ въ настоящемъ случаѣ опасность грозила алжирской границѣ, то само собою разумѣлось, что потребуются мобилизовать африканскіе полки и въ то-же время призвать различные контингенты мѣстныхъ алжирскихъ войскъ для пополненія состава. Достаточно было-бы призвать резервы константинской провинціи. Въ случаѣ-же возстаній арабскихъ племенъ въ Южномъ Алжирѣ, или вторженій мароккцевъ, вызванныхъ задорною политикою, указанная мѣра могла быть распространена и на алжирскій и оранскій департаменты. Наконецъ, для замѣщенія этихъ войскъ имѣлись еще алжирскіе территоріальныя полки, которые могли быть призваны подъ ружье.

Вмѣсто всего этого, мы узнаемъ, что военное и морское министерства прибѣгаютъ къ самымъ страннымъ передвиженіямъ. Безъ всякихъ видимыхъ мотивовъ начинаютъ формировать полки, выбирая самыя несообразныя мѣстности. Вотъ, на примѣръ, 7-й конноегерскій полкъ, отправляющійся изъ Рамбулль въ Лакаль. Какая таинственная причина могла заставить принять такую странную мѣру? Замѣьте, что эти конные егеря должны обмѣняться въ Марселѣ лошадьми съ № 4-мъ полкомъ, стоящемъ въ этомъ городѣ.

Извѣстно, что у егерей всѣ четныя полки снабжены африканскими лошадьми, а нечетныя французскими. Не прощали было отправить въ Африку № 4, а 7-й оставить въ Рамбулль? Но объ этомъ не подумали. Нельзя-же всего предвидѣть. Послѣ егерей двинули обозныя эскадроны лилльскихъ и бордосскихъ полковъ, затѣмъ отправились полки изъ Ліона, Авиньона и другихъ мѣстъ.

Все это передвиженіе привело къ образованію смѣшанной дивизіи, состоящей изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ, одного баталіона пѣшихъ егерей, одного кавалерійскаго эскадрона, двухъ артиллерійскихъ батарей, двухъ эскадроновъ обоза, всего 4,000 человекъ. Дѣйствительный составъ подобнаго войска долженъ-бы равняться 11,600, оставляя въ сторонѣ крѣпостныя баталіоны пѣхотныхъ полковъ. Неужели-же всякое чувство стыда угасло въ военномъ министерствѣ, такъ-что оно рѣшается выставлять на показъ такія прорѣхи: оказывается, что нужно взять цѣлый полкъ, чтобы сформировать двѣ полныя роты, т. е. пятьсотъ человекъ. А для перевозки этихъ войскъ знаете что при-

шло сдѣлать? Пришлось нанимать у г-на Перейра трансатлантическіе пароходы.

Какъ и всегда вопросъ о лицахъ игралъ большую роль въ административной путаницѣ. Полковники, прикомандированные къ военному министерству, получили полки, о которыхъ еще наканунѣ они ничего не знали. Сынъ генерала Галлифе, герцогъ Шартрскій, получилъ назначенія, для которыхъ требовалось особое довѣріе. Въ то время, какъ на мѣстѣ дѣйствія находился весь артиллерійскій составъ 19-го корпуса, подъ начальствомъ бригаднаго генерала со всѣмъ его штабомъ, посылали пушки экспедиціоннаго корпуса, подъ начальствомъ подполковника, состоящаго при особѣ президента республики, вмѣсто того, чтобы обратиться къ бригадному командиру.

Подборъ офицеровъ также зависѣлъ отъ постороннихъ соображеній.

Непотизмъ дополнялся бездарностью, какъ въ самыя печальныя времена нашей исторіи.

Приведу еще одинъ фактъ. Въ числѣ многихъ недостатковъ нашего военнаго устройства въ 1870 г. указывали, между прочимъ, на отсутствіе географическихъ картъ, такъ, что генераль Кофиніаръ велѣлъ отобрать въ Мецѣ у всѣхъ книгопродавцевъ карты Франціи, которыхъ не имѣлось вовсе у офицеровъ арміи Базена. Офицерамъ приходилось, такимъ образомъ, руководствоваться элементарными школьными картами.

Въ настоящее время, послѣ 10-ти лѣтъ мира и печальнаго опыта, нашъ генеральный штабъ не озаботился даже сдѣлать новыя карты смежной съ французскими владѣніями страны. Не только не было достаточнаго количества картъ, но тѣ, которыя имѣлись, были сняты въ 1837 году. Поэтому можно судить объ остальномъ.

VIII.

Въ концѣ апрѣля мы узнали, что полки, прибывшіе изъ Франціи или набранные въ алжирскихъ департаментахъ, заняли уже назначенныя имъ позиціи вдоль тунисской границы.

Часъ дѣйствія пробилъ. Войска ожидаютъ только занятія острова Табарки, чтобы перейти черезъ границу.

Планъ, выработанный и принятый въ военномъ кабинетѣ президента палаты, былъ слѣдующій: 1) Высадка на этотъ островъ, принадлежащій къ крумирскому берегу. 2) Атака высотъ, окаймляющихъ границу и гребни которыхъ были заняты непріате-

лемъ. 3) Диверсія чрезъ долину. Руководить всѣми этими движеніями будетъ генераль Форжемоль.

Съ 20-го апрѣля броненосецъ «Surveillante», сопровождаемый тремя канонерками («Huène», «Léopard» и «Chascal»), вышелъ изъ Боны по направленію къ Табаркѣ. На броненосцѣ было до 600 человекъ линейной пѣхоты.

Скоро островъ, ближайшая цѣль экспедиціи, обрисовывается предъ глазами изумленныхъ моряковъ нашихъ. «Такъ это Табарка! воскликнули они;—да этотъ островокъ не больше тюльерійскаго сада!» Они не ошибались, это, дѣйствительно, была Табарка. Этотъ островъ, за неизмѣнимъ исторіи, имѣетъ свою легенду. Говорятъ, что однажды какой-то морякъ уронилъ платокъ свой въ море; у тунисскаго берега. На платокъ сѣли птицы, а пометъ ихъ, накопляясь, образовалъ на кускѣ коленкора островъ, который получилъ отнынѣ знаменитое наименованіе Табарки. Онъ остался необитаемымъ, по словамъ той-же газеты, изъ которой мы почерпнули легенду. Однако, люди, считающіе себя историками, увѣряютъ, что на Табаркѣ было нѣкогда 7,000 жителей.

Если-бы это было справедливо, то доказывало-бы крайнюю гибкость людей, способныхъ жить тамъ, гдѣ можно-бы развѣ набить сельдей. Это могло-бы также служить доказательствомъ чрезвычайнаго плодородія острова, гдѣ на каждый миллиметръ приходится по человѣку.

Тѣмъ не менѣе, всего правдоподобнѣе, что только однѣ птицы продолжали назначать тамъ свиданія.

Итакъ, противъ этой-то позиціи, представляющей нѣчто среднее между островкомъ и полотенцемъ, долженъ былъ сосредоточить свои усилія главнокомандующій тунисской экспедиціей. Тысяча человекъ, вооруженныхъ ружьями системы Граса, должны были высадиться на эти пустынные берега.

Адмираль, командовавшій эскадрой, предъ началомъ военныхъ дѣйствій обращается къ славнымъ войскамъ съ прочувствованнымъ дневнымъ приказомъ, который заключался этими памятными словами: «Не забудьте, что съ высоты этихъ горъ одобренія, сорокъ поколѣній пингвиновъ смотрятъ на васъ!»

Солдаты громкими криками выразили сильнѣйшее желаніе помѣряться съ непріателемъ. Такъ-какъ островъ былъ необитаемъ, то никакихъ шансовъ встрѣтить непріателя не представлялось, развѣ только какого-нибудь Робинзона, потерпѣвшаго крушеніе около этихъ береговъ.

Только вдали, на разстояніи трехъ километровъ и напротивъ острова возвышалось укрѣпленіе, носившее имя: Бордъ-Джиды.

Развалившіяся стѣны его охранялись десяткомъ пушекъ на хромыхъ лафетахъ, а въ мирное время двумя десятками ласкаровъ тунисскаго бейлика. Между островомъ и укрѣпленіемъ до сихъ поръ видѣется остовъ «Оверни»; погибшей въ бурю 27 января 1878 года. Крумиры и до сихъ поръ частенько навѣщаютъ ее, потому что продолжаютъ находить тамъ желѣзо, которое и превращаютъ въ оружіе и необходимые инструменты.

16 апрѣля канонирка «Нуёне» вышла изъ Боны, по приказанію главнокомандующаго, для произведенія рекогносцировки, въ виду скорой вылазки. «Нуёне» выполнила свое дѣло въ тотъ же день. Съ палубы можно было видѣть, на валу укрѣпленія, нѣсколькихъ солдатъ, охранявшихъ его и занятыхъ вязаньемъ носковъ. Что касается генераль-губернатора Си-Таибъ-Эль-Месмури, то онъ слѣдовалъ примѣру своихъ солдатъ.

Въ ту минуту какъ канонирка, окончивъ свои разслѣдованія, собиралась повернуть къ Бонѣ, нѣсколько пудъ просвистѣло около портовъ, но, исполняя приказъ высшаго начальства, «Нуёне» не отвѣчала. Затѣмъ въ укрѣпленіи все стихло.

Солдаты и генераль перестали вязать чулки на валу. Эта тишина становилась подозрительной и обѣщала какую-нибудь дьявольскую ловушку.

Вдругъ вдали появляется какое-то судно. Вскорѣ вырисовывается оборванный мундиръ тунисскаго офицера. Онъ выкинулъ парламентарскій флагъ. «Surveillante» принимаетъ его на свою палубу.

Послѣ переговоровъ, о содержаніи которыхъ ничего неизвѣстно до сихъ поръ, тунисскій офицеръ возвращается на свою лодку, «Surveillante» дѣлаетъ поворотъ и на другой день возвращается въ Бону вмѣстѣ съ «Нуёне». «Chascal» и «Léopard» сохраняли наблюдательный постъ.

Обитатели Боны ожидали на берегу, съ тревогой въ сердцахъ. Всѣ бросились спрашивать нашихъ солдатъ, но былъ отданъ строжайшій приказъ не вступать ни въ какіе разговоры съ лицами не военнаго званія.

Однако, при нѣкоторой ловкости удалось заставить говорить солдатъ. По ихъ увѣренію островъ биткомъ набитъ крумирами; ихъ по крайней мѣрѣ 3—4,000. Начальство вѣроятно будетъ требовать подкрѣпленій.

Дѣйствительно, 19-го утромъ, «Surveillante» отплыла снова къ Табаркѣ, въ сопровожденіи «Trouville» и двухъ военныхъ кораблей. На этотъ разъ стихія вмѣшались въ дѣло. 25 апрѣля слѣдующая телеграмма получена была военнымъ и морскимъ министрами: «Сильнѣйшій вѣтеръ. Волненіе ужасное. Суда рвутъ

ся съ якорей. Берегъ непроходимъ. Тунисскій флагъ развѣвается на укрѣпленіи съ нынѣшняго утра. Подписано: командиръ «Surveillante». Морской министръ отвѣчаетъ приказомъ, какъ можно менѣе удалиться.

Наконецъ, въ понедѣльникъ, 25-го, въ полдень, командующій флотиліей получилъ возможность вновь приблизиться къ острову. Имѣя въ виду рѣшительное дѣйствіе, онъ посылаетъ коменданту Борджъ-Джида парламентаря, чтобы заявить ему требованіе о сдачѣ, а если въ четыре часа не будетъ получено отвѣта, то будетъ открытъ огонь. Въ назначенный часъ отвѣта не было. Тогда «Surveillante» и «Trouville» открыли перекрестный огонь по укрѣпленію.

Ни одного ружейнаго выстрѣла, ни одна пушка не заговорила. Предположили, что тунисскій гарнизонъ очистилъ крѣпость. Послѣ трехчасовой бомбардировки, фортъ Борджъ-Джида былъ разрушенъ и снесенъ до основанія.

Тогда данъ былъ сигналъ къ высадкѣ. Войска бросились съ поразительнымъ увлеченіемъ. Островъ и укрѣпленіе были немедленно заняты. Какъ и полагали, ни одного человѣческаго существа не было на островѣ. Даже чайки, которыхъ, быть можетъ, принимали за крумировъ, разлетѣлись, не будучи въ силахъ выдержать треска и грохота бомбардировки.

Уже начальникъ смѣлой и успѣшной экспедиціи намѣревался представить къ наградѣ наиболѣе отличившихся солдатъ, какъ вдругъ, развернувъ газету, онъ прочелъ слѣдующую удивительную вещь: «Ухтетты», писалъ корреспондентъ газеты «Temps» г. Лега, «считаются тунисцами только благодаря небрежности французскихъ властей, не заявлявшихъ правъ на это, по преимуществу алжирское племя. Что касается нашей границы, то и она проведена была не менѣе небрежно. Наши владѣнія кончаются не у мыса Ру, а у рѣчки Табарки и островъ того-же имени принадлежитъ намъ»...

Далѣе авторъ корреспонденціи приводитъ и доказательство того, что утверждаетъ. «Эти вполнѣ достовѣрные факты, прибавляетъ онъ,—повидимому, забыты. Изъ нихъ мы видимъ, что даже, высаживаясь на Табаркѣ, мы не покидали нашихъ владѣній и, что крумиры занимаютъ довольно значительную часть нашей территоріи».

Итакъ, доказано, что Табарка входила въ составъ Алжирскихъ, а не Тунисскихъ владѣній и никогда не переставала принадлежать Франціи, такъ-что, нападая на нее, французское правительство поступало совершенно такъ, какъ если-бы вздумало

послать войска на Монмартръ и отвоевать у бея высоты того же имени.

Вотъ, что значить не дѣлать картъ съ 1837 года!

IX.

Между тѣмъ, генераль Форжемоль, не подозрѣвавшій этихъ географическихъ подробностей, двинулъ свои колонны на французскихъ гражданъ, именующихся ухтетами, и приказалъ генералу Ложеро овладѣть священнымъ городомъ Кефомъ.

Этотъ городъ, возвышающійся на горномъ гребнѣ, издавна славился у арабовъ крѣпостью своихъ стѣнъ, весьма древнихъ, и не менѣе древнею артиллеріею. Чтобы овладѣть твердыней, генераль Ложеро взялъ съ собою всѣ необходимыя военныя принадлежности. Огромныхъ размѣровъ пушки, сопровождавшія колонну, должны были обратить въ пепель несчастный городъ. Подойдя къ Кефу, генераль послалъ предупредить губернатора, что намѣренъ вступить въ городъ.

Губернаторъ, не сердясь нисколько, открылъ городскія ворота и съ улыбкой на устахъ вручилъ генералу ключи. Оружіе и боевыя снаряды были взяты; въ городъ оставили гарнизонъ.

Осадныя орудія вернулись въ Сукъ-Арросъ, откуда и пришли, и только горныя орудія удостоились чести продолжать кампанію.

Въ то время, какъ свершались эти блестящіе подвиги, вторая колонна, состоявшая подъ непосредственнымъ командованіемъ генерала Форжемоля, проникала въ долину Меджердаха и должна была занять уже Бейю, на границѣ страны крумировъ. Третья колонна (генерала Дельбека) должна была атаковать крумировъ съ фронта, взобравшись на горныя скаты, окаймляющіе франко-тунисскую границу.

Армія осталась на высотѣ своей задачи. Ни утомленіе, ни препятствія не могли сломить ея мужества. Нужна-бы кисть Гомера, чтобы достойно описать этотъ рядъ триумфовъ, которымъ недоставало только одного—встрѣчи хоть съ однимъ какимъ-нибудь крумиромъ. За неимѣніемъ лучшаго, нападали на фруктовые деревья, которыя и рубили топорами, на ячменныя поля, которыя выгаптывали, на арабскія чурбисы (хижины), которыя жгли, и на животныхъ, которыхъ жарили на вертелѣ.

Выбираемъ изъ тысячи повѣствованій объ этихъ битвахъ, гдѣ героизмъ соперничествуетъ съ оригинальностью, слѣдующее: «Тогда начинается нападеніе. Шейхъ-Негель-Ахмедъ-Бенъ-Сала-

жовъ, а за нимъ арабы бросаются на своихъ коняхъ къ кустарнику, съ крикомъ Аруагу! Аруагу! (Идите! Идите!). Увидѣли корову, которая убѣжала отъ крумировъ въ то время, какъ они гнали стадо. Ее окружаютъ и пронизываютъ пулями. Каждый старается попасть, чтобы имѣть право потребовать себѣ потомъ кусокъ мяса. «Мы взбираемся на гору и достигаемъ вершины; сюда не проникали еще мародѣры. Вновь раздается гортанный крикъ: Аруагу! Аруагу! Натгнулись на арабскія гурбисы. Всадники-арабы спѣшваются со своихъ гумсовъ и идутъ впередъ; гусары стараются поспѣть за ними, но имъ мѣшаетъ аммуниціи и сапоги. Босоногіе арабы, не стѣсненные костюмомъ, который для многихъ сводится къ одной рубашкѣ, скачутъ по кустарнику съ дикими криками.

Отъ неожиданности атаки, цѣлая стая ошалѣвшихъ куръ взлетаетъ по близости гурбиса и начинается охота, полная невыразимаго комизма. Какъ только какая-нибудь злосчастная птица садится на траву, двадцать рукъ устремляются за ней. Ее вырываютъ другъ у друга, обмѣниваясь пинками. Охотникъ, который не довольно крѣпко стиснулъ дичь, валится на землю, сжимая въ рукѣ одни перья. Сильнѣйшій прычетъ въ свой бурнусъ предметъ похищенія и устремляется къ другой добычѣ. Въ эту минуту раздается жалобное бленіе, обличающее присутствие козелка. Гусаръ схватываетъ его и прицѣпляетъ къ сѣдлу.

Привязанныя къ сѣздамъ куры, домашняя утварь, собаки, помѣщенные въ капюшоны бурнусовъ, все это издаетъ крики, визгъ, грохотъ при каждомъ толчкѣ. Мы двинулись въ путь, предварительно предавъ пламени соломенные крыши. Эти сцены повторялись разъ пятнадцать».

А все-таки никакъ не могли утѣшиться въ отсутствіи крумировъ. Безкровныя битвы начали надоедать. Въ доказательство приводимъ слѣдующія строки одного офицера, заслуживающія попасть въ исторію: «Мои солдаты, писалъ онъ,—готовы открыть себѣ жилу, лишь-бы пролить свою кровь». Генераль Раттеръ такъ огорчился, не встрѣчая крумировъ, что даже заболѣлъ и умеръ.

Встрѣтить крумировъ становится единственною цѣлью главнокомандующаго. Наконецъ, главная квартира получаетъ уведомленіе, что до тѣхъ поръ невидимый непріятель сосредоточилъ всѣ свои силы у важной позиціи Сиди-Абдалла-Бенъ-Джемель.

Это неприступное мѣсто, гдѣ находится гробница самаго уважаемаго марабута во всемъ Тунисѣ. Крумиры, въ количествѣ 8,000 человекъ, рѣшились защищать прахъ святого человека до послѣдней капли крови.

При этомъ извѣстїи лагерь встрепенулся отъ радости. Приступъ былъ рѣшенъ немедленно. Наконецъ-то полетѣтъ и наша и крумирская кровь. Чтобы ни одинъ изъ нихъ не могъ спастись, предполагалось окружить позицію. Рекогносцировка помогла открыть и удобное мѣсто для засады, въ ущельѣ, примыкающемъ къ Эль-Манѣ. Оттуда можно быстро дойти до позиціи и застать непрїятеля врасплохъ.

8 го мая, утромъ, генераль Дельбекъ съ 12-ю батальонами пѣхоты, шестью артиллерійскими батареями и смѣшаннымъ эскадронномъ сипаевъ, выступилъ, по направленію къ Сиди-Абдалла-Бенъ-Джемелю. Генераль Винцеиданъ шелъ во главѣ со своей бригадой.

Движеніе совершается съ замѣчательною точностью. Подходить къ подошвѣ горы. Пушечный выстрѣлъ даетъ сигналъ къ атакѣ. Солдаты бросаются впередъ, соперничая съ зуавами, по части военнаго пыла. Не прошло часа, какъ уже наше знамя развѣвалось на вершинѣ, но, увы, какъ и всегда, ни одинъ выстрѣлъ не отвѣчалъ на нашу пальбу, ни одной капли крови не было пролито.

Добравшись до вершины, войска наши увидѣли около полтора ста туземцевъ, бѣжавшихъ съ громкимъ крикомъ и оставляя своихъ быковъ и барановъ. Въ мечеть со священной гробницей проникли безъ препятствій.

При входѣ еще развивались крумирскіе знамена. Внутри нашли могилу, покрытую саркофагомъ. Забившись въ уголъ, дрожалъ дряхлый старикъ съ бѣлой бородою, съ четками въ рукахъ. Несчастный не могъ послѣдовать за своими, отъ старости и болѣзни.

Сообщая объ этомъ важномъ пѣлнникѣ, официальная депеша прибавляетъ: «Этому фанатику объявили, что пощадятъ его жизнь». — А прекрасное было-бы зрѣлище, если-бы полторы тысячи человѣкъ направили свои ружья и пушки, чтобы казнить этого стараго фанатика. Можетъ быть его хотѣли преподнести Гамбеттѣ на кагорскомъ праздникѣ. Его отсутствіе на торжествѣ даетъ поводъ предположить, что онъ умеръ въ дорогѣ отъ своихъ недуговъ.

X.

Что-же долженъ былъ думать обо всемъ этомъ бей? спросятъ читатели. Какъ ни мало развитъ этотъ властитель, однако-же, едва-ли нашелъ убѣдительными французскія доказательства друж-

бы, въ видѣ вторженія въ его владѣнія, погони за его подданными, бомбардировокъ, осадъ и прочаго. Онъ до такой степени усумнился въ этой дружбѣ, что, собравъ сколько могъ вѣрнаго войска, послалъ его навстрѣчу къ нападавшимъ, подъ начальствомъ брата своего Сиди-Али. Тунисская армія, въ количествѣ 600 человекъ, выступила безъ всякаго энтузіазма. Особенно мало удовольствія выказывали офицеры. Эти бѣдняки плакали, прощаясь съ семействами, толпившимися на набережной, у которой происходила посадка на суда. Они плакали не безъ причины, ихъ ждала горькая нужда. Въ городѣ они могли еще перебиваться кое-какъ, вязали колпаки и носки, таскали чемоданы иностранцамъ, провожали ихъ къ еврейкамъ и т. п., пополняя этими средствами скудное жалованье, котораго тунисское правительство старается имъ выдавать, какъ можно менѣе. Въ походѣ источники доходовъ изсякаютъ.

Однако-же, злосчастные тунисцы повинуются безъ особеннаго ропота.

Можно представить себѣ радостное волненіе, охватившее колонну генерала Форжемоля, при полученіи извѣстія о *настоящемъ* войскѣ. Насчитывали 30,000 человекъ. Скоро тунисская армія была уже на небольшомъ разстояніи отъ французскихъ войскъ. Но, о разочарованіе! Представьте себѣ стадо нищихъ всякаго возраста и роста, испитыхъ, оборванныхъ, у однихъ на ногахъ дырявая обувь, другіе босые, третьи держатъ въ рукахъ туфли, чтобы не износить. Платье вполнѣ гармонировало съ обувью; обтрепанные, заплатанные панталоны едва доходили до лодыжекъ, пальто казалось только что вытасненнымъ изъ лавочки старьевщика. Вооруженіе состояло изъ старыхъ, пистонныхъ ружей.

Кавалерія представляла нѣчто неопишемое, достойное кисти Калло. Что касается офицеровъ, то они являли собою шайку мандинговъ, самымъ уморительнымъ образомъ наряженныхъ въ старые костюмы изъ какого-нибудь театральнаго магазина послѣдняго сорта.

Воинственный жаръ, одушевлявшій французскія войска, превратился при этомъ видѣ въ жалость и состраданіе. Тунисцевъ накормили и напоили, а офицерамъ сдѣлали значительный заказъ носковъ, которые надлежало представить при свиданіи въ Тунисѣ. Генераль Ложеро весьма любезно принялъ въ своей палаткѣ знаменитаго тунисскаго военачальника. Онъ предложилъ даже свою карету, совѣтуя не медля воспользоваться ею для возвращенія въ Бардо. Сиди-Али не заставилъ себѣ этого по-

вторять два раза и пустился въ обратный путь, приглашая своихъ спутниковъ послѣдовать его примѣру.

Между тѣмъ распространился слухъ, что французы идутъ на Тунисъ и что ихъ развѣдчиковъ видѣли у городскихъ воротъ. Дѣйствительно, 11-го мая двое гусаръ чуть-было не овладѣли столицей «регентства». Посланные съ эстафетой, они ошиблись въ дорогѣ и очутились у тунисскихъ воротъ, приведя въ ужасъ тамошнихъ часовыхъ. Увидя свою ошибку, гусары поспорили: одинъ предлагалъ вернуться, другой предлагалъ войти въ городъ, коль скоро до него уже дошли. Однако, первый возразилъ, что на это не имѣется приказа.

Всадники принадлежали къ корпусу генерала Бреара, который нѣсколько дней тому назадъ взялъ Бизерту и ея укрѣпленія, не сдѣлавъ ни одного ружейнаго выстрѣла.

12-го мая генераль былъ уже въ Манубъ, любимомъ мѣсто-пребываніи богатыхъ мусульманъ, и расположился лагеремъ въ садахъ нижняго дворца Херредина-паши, у самаго Бардо.

Около этого времени, Сиди-Али, у котораго заговорила совѣсть, обратился къ тунисскимъ войскамъ съ воззваніемъ, въ которомъ призывалъ ихъ къ битвѣ. Этотъ документъ, написанный, по увѣренію автора, его кровью, былъ прочитанъ въ мечетяхъ, и толковался улемами, которые отправились въ наиболѣе населенные кварталы для вербовки патриотовъ.

Самъ бей еще ничего не зналъ о послѣднихъ событіяхъ. Онъ лежалъ на своихъ подушкахъ, выкуривалъ трубку за трубкой и спокойно и безмятежно ждалъ прибытія войскъ изъ Италіи, до-вѣряя обѣщаніямъ своего министра, Мустафы.

Внезапно раздается у него въ ушахъ звукъ военныхъ трубъ. «Вотъ они, наши спасители», сказалъ довѣрчивый властитель. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ прискакалъ генераль верхомъ, въ сопровожденіи штаба и двухъ эскадроновъ. Было четыре часа пополудни и все спало въ Тунисѣ. Ставни закрыты, занавѣсы опущены. Генераль велѣлъ доложить о себѣ. Это былъ генераль Бреаръ. Нѣсколько раздосадованный бей согласился, однакоже, дать аудіенцію. Генераль и его штабъ входятъ тогда въ роскошный садъ съ померанцовыми, тутовыми и другими деревьями и мраморными колоннами, надъ которыми красуются изображенія различныхъ животныхъ. Генераль входитъ во дворецъ. Несмотря на проливной дождь, многочисленные черные слуги бея, босые и въ лохмотьяхъ, сидѣли у дверей. Ихъ разбудилъ шумъ, выпученными глазами посмотрѣли они на проходившихъ офицеровъ, но отяжелѣвшія вѣки, поднявшіяся на минуту, снова опустились.

Генералъ поднялся по мраморной лѣстницѣ и вошелъ въ приемную, гдѣ его ждалъ бей, въ обществѣ французскаго консула Рустана. Магомедъ-Эль-Садокъ былъ одѣтъ совершеннымъ денди: онъ былъ въ сѣрыхъ панталонахъ и безукоризненнаго покроя фракъ. На головѣ обязательная феска, а въ петлицѣ орденъ почетнаго легіона, которымъ наградила его покойный Наполеонъ III.

По приглашенію бея, генералъ сѣлъ, вынулъ изъ кармана бумагу и прочиталъ заявленіе правительства и условія договора. Бей молча выслушалъ и попросилъ времени на размышленіе. Генералъ назначилъ срокъ въ 8 часовъ того же вечера. «Это ужь очень скоро», возражаетъ Магомедъ-Эль-Садокъ. Генералъ настаиваетъ. «Намъ нуженъ отвѣтъ сегодня-же». «Я долженъ посоветоваться съ моими министрами», продолжаетъ отговариваться бей. «Ихъ можно созвать сейчасъ-же». Французское правительство не согласится ни на какія проволочки. «Если такъ, покорно замѣчаетъ бей, — то дѣлать нечего, надо покориться». Ему прибавили одинъ лишній часъ. Въ назначенное время трактатъ былъ подписанъ.

Въ силу этого трактата, который французское правительство величаетъ залогомъ союза, бей уступаетъ Франціи всѣ свои верховныя права, начиная съ права располагать территоріей и кончая правомъ назначать по собственному выбору представителей своихъ за-границей. Отнынѣ Франція обезпечиваетъ бею въ его собственной странѣ личную безопасность, неприкосновенность его государства и династіи. Иными словами — Франція будетъ госпожей, а бей—ея вассаломъ; она будетъ хозяйкой, онъ—простымъ жильцемъ.

Франція замѣняетъ гарантію бея своей собственной, во всѣхъ ранѣе заключенныхъ договорахъ съ другими державами. Она пользуется правомъ контроля и veto надъ всѣми договорами, которые могутъ быть заключены впредь. Иными словами—она станетъ заключать ихъ сама. Наконецъ, и финансы будутъ находиться подъ непремѣннымъ управленіемъ Франціи.

Послѣ всего этого, что-же останется злополучному бею? Ему останется его конюшня и его гаремъ съ достаточно щедрой суммой на содержаніе двора. Онъ еще можетъ быть набобомъ, но перестанетъ быть государемъ. Почему-же? А потому-что на его границѣ живетъ нѣсколько грабительскихъ племенъ, населяющихъ неприступныя горы и не покоряющихся его авторитету? Вотъ ужь можно сказать, незаслуженное несчастье и рѣдко утрачивалась независимость по такому ничтожному поводу.

До сихъ поръ подобный образъ дѣйствій считался достояніемъ войны. Но, не забывайте, что войны нѣтъ, а бей не пересталъ быть нашимъ преданнымъ другомъ. Слѣдовательно, мы, подъ покровомъ дружбы, проникли къ нему, а когда онъ открылъ намъ свои двери, мы бросились на незащитнаго и закричали ему: «тронъ или жизнь?»

Любопытный эпизодъ можно прибавить къ исторіи Картуша и Мандрена.

XI.

Не успѣли узнать объ этой продѣлкѣ въ Лондонѣ и Римѣ, какъ уже печать обоихъ государствъ встрѣчала ее самыми рѣзкими и грозными комментаріями. Парламентскія трибуны, въ свою очередь, стали служить отголоскомъ этихъ заявленій, подъ формою запросовъ и весьма рѣзкихъ.

Это, такъ-сказать, «*jalousie de métier*», профессиональная зависть. У Италіи, какъ у всѣхъ молодыхъ націй, зубы длинны. Она постоянно мечтаетъ о присоединеніяхъ. Даже титулъ патриота можно получить не иначе, какъ требуя или Триестъ и Ниццу, или Корсику и Савою.

Примѣромъ тому служить самъ Гарибальди. Италіи тѣсно въ этомъ обширномъ мірѣ и всякое завоеваніе сосѣдней націи она считаетъ воровствомъ, совершеннымъ ей въ ущербъ. Что касается Англіи, то она считаетъ господство надъ морями своимъ достояніемъ, а распространеніе французскаго вліянія на Средиземномъ морѣ представляется ей клочкомъ, оторваннымъ отъ ея царственной мантии.

Приобрѣтая Тунисъ, говорятъ теперь, Франція потеряла двухъ естественныхъ союзниковъ. Франція могла-бы отвѣчать на это, что когда нуждалась въ друзьяхъ, задолго до тунисскаго дѣла, ея естественные союзники вовсе не поспѣшили къ ней на помощь. Англія и Италія недовольны? Такъ что-же? Развѣ теперь, какъ, впрочемъ, и всегда, политика основывается на чувствахъ, а не на интересахъ, которые, къ тому-же, завтра могутъ быть не тѣ, что сегодня.

Сверхъ того, запросы, сдѣланные въ англійскомъ парламентѣ, пролили неожиданный свѣтъ на этотъ вопросъ. Было доказано, что лордъ Биконсфилдъ, желая запустить лапу въ Кипръ, предложилъ Франціи Тунисъ, чтобы заручиться ея согласіемъ въ этомъ случаѣ.

Изъ этого видно, что Англія сама указала Франціи на это

завоеваніе. На что-же она жалуется въ настоящее время? Къ тому-же новый франко-тунисскій трактатъ представляетъ сло-жокъ, и не безъ умысла, съ кипрскаго договора, обезпечивающаго за Англіей протекторатъ надъ Кипромъ.

Впрочемъ, Англія ничего не теряетъ.

Кто-то замѣтилъ недавно, что агитація, поднятая ею, по поводу тунисскаго вопроса, была просто шантажнымъ приѣмомъ, чтобы получить возможно болѣе выгодный торговый договоръ, что ей и обѣщано. Италія также извлечетъ себѣ выгоду, если умѣритъ нѣсколько свое нетерпѣніе. Въ настоящее время доказано, что ни сѣверные, ни южные французы не акклиматизируются въ Африкѣ. Напротивъ того, итальянцамъ это удастся вполне. Слѣдовательно, можно предвидѣть день, когда Тунисъ и даже Алжиръ, будутъ заселены итальянскими поселенцами. Въ этотъ день африканскій сѣверъ перейдетъ въ ихъ руки. Мы-же вытащимъ для нихъ изъ огня каштаны.

Въ противность этимъ двумъ державамъ, Германія выказала необычайную любезность по этому поводу. Къ этому не привыкли и это всѣхъ изумило. Еще недавно у нея только и было рѣчи, что о возобновленіи экспедиціи 1870 г., а теперь, когда впервые, послѣ десяти лѣтъ, представляется возможность образовать противъ Франціи европейскую коалицію, Бисмаркъ вмѣшивается, чтобы покрыть ее своимъ щитомъ. Заподозрять знаменитаго канцлера въ безкорыстномъ порывѣ рыцарства, значило-бы оскорбить его. Но какая-же у него цѣль въ этомъ случаѣ? Хотѣлъ-ли онъ отстранить Европу отъ вмѣшательства въ тунисскій вопросъ, оставляя свободный путь и для тѣхъ, кто займется Турціей и подать знакъ къ громадному дѣлежу добычи, чтобы покончить съ восточнымъ вопросомъ, а самому воспользоваться минутой, когда Европа займется въ этой сторонѣ и свести личные счеты съ Франціей и другими сосѣдями? Это вещь возможная, хотя Бисмаркъ отъ этого и отрекается.

Недѣли двѣ тому назадъ рассказывали о разговорѣ съ германскимъ канцлеромъ на другой день послѣ заключенія трактата въ Бардо. Дѣло было вечеромъ, послѣ обѣда въ тѣсномъ кругу. Князя выхваляли за его мнимое доброжелательство къ исконному врагу, т. е. къ Франціи и за ловкость, съ которою онъ втянулъ Францію въ это дѣло. При этомъ старались дѣлать тонкіе намеки, въ духѣ приписываемаго Бисмарку макіавелизма. «Я не заслуживаю этихъ похвалъ», рѣзко перебилъ канцлеръ и началъ убѣждать собесѣдниковъ, что они ошибаются. «Однако-же, князь, возрадили ему, — позвольте-же восхищаться искусству, съ которымъ вы вырыли ровъ между Франціей и Италіей». — «Я, конеч-

но не такъ глубоко, но я разумнѣе чѣмъ вы думаете, отвѣтилъ канцлеръ.— Я совсѣмъ не желаю, чтобы эти двѣ націи воевали между собою. До тѣхъ поръ, пока Франція не нападаетъ, я не стану создавать ей враговъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ я руководствовался однимъ двигателемъ — заставить Францію отвернуть свои взоры отъ рейнскихъ береговъ». Затѣмъ, приведя въ примѣръ Австрію, князь прибавилъ: «Вмѣсто того, чтобы сокрушаться о прошломъ, то есть о потерѣ Германіи и Венеціи, утраченныхъ ею въ одинъ и тотъ-же день, Австрія поступила весьма благоразумно. Она поняла, что у нея есть достаточно обширное поприще на югъ и востокъ, чтобы забыть о своихъ бѣдахъ. Вотъ это я называю хорошей, здравой политикой. Я полагалъ, что то-же самое можетъ случиться и съ Франціей. Пока потерпѣвшая поражение страна не взялась за оружіе, чтобы побѣдить кого-нибудь, она думаетъ только о тѣхъ, кто поразилъ ее. Франціи нужна была диверсія. Тунисъ исполнилъ роль необходимой диверсіи и этотъ выборъ тѣмъ болѣе удобенъ, что наши сосѣди могли познать истинную цѣну союза съ Англіей и благодарности Италиі». Значитъ-ли все это, что Бисмаркъ, въ свою очередь, рассчитываетъ на благодарность Франціи и серьезно относится къ пошлостямъ г. Бартелема Сентъ-Илера? Значитъ-ли это, что авторъ франкфуртскаго договора, не вѣрящій въ сентиментальную политику, льститъ себя надеждой замѣнить союзомъ съ Франціей союзъ съ Россіей, на который уже не рассчитываетъ болѣе? Но какъ ни смѣлъ германскій канцлеръ, онъ не любитъ химеръ и прекрасно понимаетъ, что Тунисъ весьма скудное вознагражденіе за утраченныя Франціей въ 1871 г. провинціи. Но ему извѣстно и то, что приобрѣтеніе Туниса прибавляетъ еще одно затрудненіе къ тѣмъ, которыя возникли вмѣстѣ съ присоединеніемъ Алжира, а это заставитъ Францію усилить оккупационную армію, а слѣдовательно, ослабить военные ресурсы, предназначенные для другихъ случайностей.

Въ концѣ-концовъ, трактатъ, только-что заключенный въ Бардо, оказывается удобнымъ какъ для Италиі, такъ и для Англіи, и въ особенности для Германіи. Невыгоденъ онъ только для самой Франціи. По этому поводу можно сказать, что завоеваніе Туниса болѣе чѣмъ преступленіе, это—ошибка.

Только одинъ положительный результатъ извлекла Франція изъ этой кампаніи: она испробовала результаты своихъ десятилѣтнихъ трудовъ. Она ничего не щадила для своего такъ-называемаго національнаго возстановленія, т. е. для того, чтобы снова стать въ рядъ первоклассныхъ военныхъ державъ. Что-же мы узнали?

Что несмотря на истраченные миллионы и при военномъ бюджетѣ, простирающемся болѣе чѣмъ до 639 миллионѣвъ, потребовалось 10 дней, чтобы привести къ алжирской границѣ 4,000 солдатъ и цѣлый мѣсяцъ, чтобы доставить туда 20,000 войска.

Мы узнали, что съ морскимъ бюджетомъ въ 239 миллионѣвъ мы принуждены были прибѣгать къ частнымъ обществамъ для провозки нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Что для того, чтобы поставить на ноги военныя силы, необходимыя для усмиренія грабительскихъ шаекъ, перерыли всѣ военные корпуса и явили примѣръ путаницы и безпорядка, сильно напоминающихъ слишкомъ пагубное время конца второй имперіи.

Г. Фарръ пытается убѣдить насъ, что при той-же системѣ военной организаціи, при которой требуется мѣсяцъ для доставленія въ Алжиръ одной дивизіи, онъ могъ-бы въ одну недѣлю бросить миллионную армію на германскую границу. Но это значитъ уже слишкомъ многого требовать отъ легковѣрія публики.

Сверхъ того, только-что совершившіяся событія, пробудивъ критику, вызвали разоблаченія, отъ которыхъ любители реванша совсѣмъ остолбѣли. Открываю только-что вышедшую брошюру и нахожу слѣдующее: «Наша восточная граница сильно пострадала отъ неудачнаго управленія генерала Фарра. Въ ту минуту, какъ появился въ военномъ министерствѣ этотъ protégé Гамбетты, тамъ существовалъ хорошо задуманный планъ, который и начинали приводить въ исполненіе. Затѣмъ, подъ предлогомъ передѣлки, все было остановлено. Безспорнымъ результатомъ передѣлки явилась щель на германской границѣ, дверь, открытая первому вторженію. Въ 1874 г., послѣ долгаго и основательнаго изслѣдованія топографическихъ условій защиты, цѣлый планъ былъ предложенъ генераломъ Ривьеромъ; онъ былъ принятъ и немедленно приступили къ выполненію.

Система могла быть дѣйствительною и стоящей лишь подъ условіемъ вѣрности принципу, на которомъ она построена.

Но по непониманію общихъ идей, положенныхъ въ основаніе этому дѣлу и по странному нерадѣнію, которое всегда полагаетъ, что еще будетъ время остеречься, оставили невѣроятныя пробѣлы въ первой линіи укрѣпленій и оставили безъ всякаго вниманія вторую.

Мы не будемъ входить въ техническія тонкости и ограничимся общимъ указаніемъ на положеніе этого дѣла. Мы въ особенности имѣемъ въ виду философію, выводъ. Повидимому, повтореніе тѣхъ-же заблужденій влечетъ за собою и тѣ-же опасности.

Плохо исцѣлившись отъ недуга деспотизма, Франція не успѣла страхнуть съ себя цѣпи имперіи, какъ уже бросилась въ объятія шарлатана, который предлагаетъ замѣнить перваго. Она отдается ему съ тою-же безопасностью, даетъ обмануть себя тою-же пошлой хвастней, и въ то время, какъ бросается по его слѣдамъ въ погоню за тунисской химерой, забываетъ даже о самыхъ обыкновенныхъ мѣрахъ собственной безопасности.

Ж. . .

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

„Московск. Вѣд.“, рекомендующія „первобытное состояніе“. — Краткій сводъ газетныхъ пожеланій. — Образецъ полемическаго упомянутія. — Бесѣда съ поклонникомъ „Моск. Вѣд.“ — Дѣло о поручикѣ Хвощинскомъ, коллежскомъ секретарѣ Цвѣдинскомъ и французскомъ подданномъ Боренѣ, разсматривавшееся въ с.-петербургскомъ военномъ судѣ. — Юбилей Н. И. Пирогова. — Краткій очеркъ дѣятельности Пирогова. — Рѣчи юбиляра.

I.

Если вы перечитаете съ должнымъ вниманіемъ десятокъ номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» и постараетесь уяснить себѣ идеалы, проповѣдуемые названной газетой, то въ концѣ-концовъ придете къ заключенію, что *pium desiderium* московскаго журналиста — возвратъ къ первобытному состоянію, въ родѣ того, напримѣръ, въ какомъ пребываютъ блаженные дикари Маркизскихъ острововъ. Я не преувеличиваю нисколько. Надо только вчитаться въ «Московскія Вѣдомости».

Надо полагать, будущій историкъ литературы остановится съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ передъ такими явленіями печати. Онъ, конечно, не удивится различію мнѣній, не придетъ въ недоумѣніе отъ разнообразныхъ рѣшеній вопросовъ, но встрѣтитъ въ концѣ XIX столѣтія на страницахъ газетъ то, что встрѣтитъ онъ на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» — будетъ для него сюрпризомъ и онъ, чего добраго, сочтетъ «Московскія Вѣдомости» за юмористическую газету, а г. Каткова — за лучшаго юмориста конца XIX столѣтія.

Не съ особенно веселымъ чувствомъ станетъ онъ штудировать, впрочемъ, и остальную литературу и, на основаніи ея, едва-ли выведетъ утѣшительныя заключенія о нашихъ нравахъ и о нашей умственной зрѣлости.

«То, что въ другихъ обществахъ доказывалось нѣскольکو

столѣтій тому назадъ и что тамъ считалось давнымъ-давно по-рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ, у нашихъ отцевъ, еще было «вопросами», ставившими ихъ въ недоумѣніе».

Такъ скажетъ будущій изслѣдователь нашей печати и едва-ли не будетъ правъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сведите-ка къ одному знаменателю все то, что говорится теперь въ лучшей части печати и въ концѣ-концовъ получатся такіе, напримѣръ, максимы:

- 1) Человѣкъ отличается отъ животнаго.
- 2) Грамотность не вредна, а даже полезна.
- 3) Хлѣбъ питательнѣе древесной коры.
- 4) И еврей—человѣкъ.
- 5) И г. Катковъ можетъ говорить глупости.
- 6) И г. Аксаковъ не мудрецъ.

7) Заниматься хищеніемъ не хорошо не только въ низшихъ званіяхъ, но и въ высшихъ.

8) Какъ-бы ни былъ уменъ и добродѣтеленъ общественный дѣятель, но и онъ можетъ ошибаться.

9) Демидовъ садъ не есть лучшая школа воспитанія.

10) Безъ пищи человѣкъ прожить не можетъ, если онъ не такой шарлатанъ, какъ американскій докторъ Таннеръ.

11) Человѣку, имѣющему въ распоряженіи 24 часа, затруднительно служить въ 48 мѣстахъ.

12) Жучокъ вредное насѣкомое, а равно и саранча.

13) Добрыя и привѣтливыя отношенія въ жизни, лучше основанныхъ на взаимномъ страхѣ.

14) Ребенка не должно истязать. Законъ за это строго наказываетъ.

15) Поговорка «за битаго двухъ небитыхъ даютъ» требуетъ новаго изслѣдованія.

16) Корреспондентамъ газетъ ломать ребра за непріятныя корреспонденціи не слѣдуетъ. Лучше обратиться къ суду.

17) Если человѣкъ не умѣетъ плавать, а бросится въ воду, то непременно потонетъ, если ближайшій городской не вытащитъ изъ воды.

18) Чтобы быть докторомъ, нужно знать медицину, а чтобы быть юристомъ, необходимо изучать право.

И т. д. и т. д.

Самъ monsieur de la Palisse не былъ-бы въ претензіи за подобныя истины, но у насъ онъ не только требуетъ настойчивыхъ повтореній обществу, но считаются презрѣнными выдумками «гнилого Запада» многими публицистами, забывшими, конечно, что многіе изъ этихъ максимовъ приняты даже въ прописяхъ

и, слѣдовательно, рѣшительно ничего неприличнаго въ себѣ не заключаютъ. Забывчивость эта, быть можетъ, не преднамѣренная. Когда журналистъ, да еще уязвимый со всѣхъ сторонъ и давно махнувшій рукой и на современниковъ и на потомковъ, начинаетъ «сводить счеты», то состояніе его очень близко къ припадкамъ, признаки которыхъ описаны у всѣхъ психиатровъ. Характернымъ образчикомъ одного изъ такихъ журнальныхъ «припадковъ» могутъ служить передовыя статьи «Моск. Вѣд.», въ которыхъ авторы поголовно обвиняютъ чуть ли не всѣхъ жителей въ дурныхъ помыслахъ и дурныхъ поступкахъ. По словамъ ихъ, всѣ газеты преднамѣренно лгутъ, петербургская дума «стадо» и — о, ужась! — всѣ «мы въ революціи»...

Даже одинъ изъ петербургскихъ органовъ, болѣе другихъ благорасположенный къ «Моск. Вѣдомостямъ», и тотъ не выдержалъ и далъ послѣдному произведенію оцѣнку не лестную для г. Каткова.

Несмотря, однако, на то, что въ послѣдней передовой статьѣ «Моск. Вѣдомости» превзошли самихъ себя, мнѣ кажется, что въ этомъ надо скорѣй видѣть благоприятный признакъ. Когда московская газета обвиняетъ поголовно «всѣхъ» въ разрушительныхъ замыслахъ и объявляетъ, что «мы въ революціи», мнѣ кажется, читатель ея «ускользаетъ», потому что всему есть, наконецъ, предѣлы. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ и та очень тонкая каверза противъ «читателя», которую придумалъ г. Катковъ. Каверза эта состоитъ въ слѣдующемъ извѣстии, сообщенномъ газетами: издатель «Московскихъ Вѣдомостей» 1-го января взялъ съ подряда отъ правленія общества московско - курской желѣзной дороги продажу книгъ и газетъ по станціямъ отъ Москвы до Курска, бывшую до сего въ рукахъ г-жи Олениной, и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, присылаетъ для продажи, напр., 10 экз. «Голоса», 10 экз. «Нов. Вр.», 5 экз. «С.-Петерб. Вѣдомостей», даетъ 100—200 экз. «Моск. Вѣд.», такъ что читатель, желающій получить газету петербургскаго изданія, получаетъ предложеніе купить «Моск. Вѣд.». Насколько это удобно для публики и г. Каткова, не требуется, кажется, комментаріевъ.

Такимъ образомъ и «нравственность» читателя будетъ спасена и для кармана выгодно. Они очень ловкіе люди эти господа. Сразу двухъ зайцевъ бьютъ!

Съ «противорѣчіями» такіе господа также мало церемонятся, а со «вчерашнимъ днемъ» обходятся болѣе чѣмъ фамильярно. Читатель забывчивъ и можно «сегодня» порицать то самое, что

«вчера» рекомендовалось. На дняхъ еще московская газета доказывала, что печать слѣдуетъ упразднить, такъ-что «Голосъ» припомнилъ слѣдующую «справку» изъ передовой статьи тѣхъ-же «Моск. Вѣд.» № 14-й, 1870 г.:

«Во имя самыхъ дорогихъ для насъ интересовъ, ничего мы такъ не считали-бы полезнымъ, какъ полную независимость въ выраженіи всякаго мнѣнія. Мнѣнія дѣйствуютъ вредно не потому, что они свободно высказываются, а потому, что свободно не высказываются. Вредныя мнѣнія часто и создаются тѣмъ самымъ запретомъ, который налагается на ихъ выраженіе. Дайте свободный ходъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя кажутся вамъ разрушительными, и они быстро измѣнятъ свой характеръ: либо изъ нихъ выработается что-либо полезное, либо они обратятся въ пошлость и сами убьютъ себя своею недѣльностью. Тѣ доктрины, которыми смущаются у насъ умы школьныхъ подростковъ, только тѣмъ и держатся, что онѣ подъ запретомъ; только въ этомъ и заключается ихъ обаятельная сила. Стоитъ запретить самую безобидную пошлость, и она завтра-же сдѣлается злою силой. Она получитъ фальшивую жизненность и власть надъ умами, и этимъ будетъ она обязана единственно нашему вмѣшательству. Чѣмъ болѣе въ общественной средѣ запрещенныхъ идей, тѣмъ болѣе въ ней поживы для всякаго обмана».

II.

Несмотря, однако, на такія качества газеты, и у нея есть поклонники. Съ однимъ изъ такихъ мнѣ пришлось на дняхъ провести вечеръ. «Поклонникъ» былъ пожилой господинъ, искалъ случая «урвать», а пока жилъ на счетъ прежняго блеска. Онъ восторгался «Московскими Вѣдомостями» и писалъ проекты въ современномъ стилѣ. До этого онъ состоялъ при чемъ-то, но по непріятностямъ долженъ былъ выйти въ отставку и, въ качествѣ алчнаго волка, злобствовалъ, что выкупныя съѣдены. Если къ этому прибавить, что при каждомъ удобномъ случаѣ онъ говорилъ со слезами на глазахъ о нравственности, причемъ натурально давнымъ-давно разогналъ свою семью, и расхитилъ не мало собственности, когда «урвалъ» мѣсто, съ ловкостью, помѣшавшей г. прокурору принять его въ свои объятія, то весь запасъ политическихъ и общественныхъ взглядовъ моего знакомаго будетъ исчерпанъ. Впрочемъ, надо еще сказать, что Василій Ивановичъ былъ, что-называется, малый не промахъ и, хотя получилъ образованіе, дающее права XIV класса, тѣмъ не менѣе, благодаря

здравому смыслу и русской сметкѣ, могъ не только путать бухгалтерію въ банкѣ, но если - бы позволили, то и водить корабли, блюсти финансы и воспитывать юношество... Энциклопедистъ, какъ всякій русскій человѣкъ, онъ въ теченіи своей карьеры попробовалъ всего понемногу и когда достигъ пятидесяти-лѣтняго возраста, то въ самомъ дѣлѣ считалъ себя не понятымъ и не оцененнымъ по достоинству... Главное—кредитъ у Пивато начиналъ изсякать!

Я зналъ, что Василій Ивановичъ послѣ обѣда всегда находится въ откровенномъ направленіи и потому явился къ нему въ послѣобѣденное время, разсчитывая, что онъ выскажется по свойству русскаго человѣка быть на распашку послѣ бутылки, другой. И я не ошибся...

Немедленно, послѣ первыхъ-же привѣтствій, онъ сталъ жаловаться на времена и объяснять, что все политически-честное и здравомыслящее опустило голову. (Это онъ вычиталъ, очевидно, изъ «Моск. Вѣдомостей»). При этомъ, разумѣется, онъ прослезился, сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ и налилъ себѣ и мнѣ краснаго вина. Сперва онъ повторялъ однѣ и тѣ-же «прочувствованныя» слова, но, мало-по-малу, рѣчь его стала откровеннѣе, и между нами завязался болѣе интересный разговоръ. Когда я спросилъ: неужели онъ въ самомъ дѣлѣ полагаетъ, что г. Катковъ, рекомендуя Маркизовы острова—имѣеть намѣреніе туда переселиться—онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Вы за кого меня считаете?..

— Помилуйте!..

— Кто - же можетъ считать, продолжалъ онъ, — первобытное состояніе идеаломъ... Я его не считаю, по крайней - мѣрѣ, таковымъ, тѣмъ не менѣе, очень желалъ-бы его въ принципѣ.

— Но почему такое противорѣчіе? Вы сами сознаете неудобство ходить безъ костюма и лишиться Демидрона и въ то-же время стоите такъ за Маркизовы острова. Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю.

— Не понимаете... А вѣдь какъ легко понять!.. Вѣдь меня это ни къ чему не обязываетъ. Я не поѣду на Маркизовы острова. И васъ ни къ чему не обязываетъ, а въ то-же время... прелесть первобытной жизни для массы... Чистота нравовъ... въ нисшихъ классахъ, не испорченныхъ цивилизаціей... Вѣдь это, во-первыхъ, охраняетъ, добродѣтель отъ соблазна и, во-вторыхъ... во-вторыхъ, очень удобно!.

— Для кого?

— Да для насъ... порядочныхъ людей... однимъ словомъ — для тѣхъ, кто принимаетъ непосредственное участіе въ распре-

дѣленіи. Ясно? прибавилъ онъ, заливаясь тѣмъ смѣхомъ откровеннаго циника, отъ котораго невольно коробитъ человѣка. — Вѣдь всѣ эти тамъ слезы за меньшого брата, которыя льетъ пресса, въ сущности что значать?.. Ни болѣе, ни менѣе, какъ вонзить мнѣ въ сердце ножъ. И куда я тогда пойду? Если два щедринскіе персонажа на необитаемомъ островѣ представляютъ компичное зрѣлище, то какое-бы зрѣлище представила тысяча персонажей въ такомъ - же положеніи?.. Ну, а этого я - бы не хотѣлъ... Не желалъ-бы, молодой человѣкъ... Не выгодно-съ!.. Теперь какъ ни скверно, а нѣтъ-нѣтъ да и урвешь гдѣ-нибудь мѣсто, а если я буду противъ первобытнаго состоянія, то куда дѣнусь... Скажите? Куда?.. Пока еще я дышу... Вотъ общають припустить къ одному дѣльцу... Общають! проговорилъ онъ коснѣющимъ языкомъ (онъ былъ ужъ достаточно готовъ послѣ обѣда) и прибавилъ:—Дѣльце превосходное... Акціонерное общество устройства первобытнаго состоянія... Жалованье по званію директора правленія и, наконецъ, легенькое... хищеніе... ха-ха-ха!..

— Но я полагаю, Василій Ивановичъ, что насчетъ хищенія будетъ нынче труднѣй.

Но къ крайнему моему удивленію оказалось, что Василій Ивановичъ «въ революціи». Онъ хотя и не противорѣчилъ мнѣ, но въ его лукавыхъ глазахъ я ясно прочитывалъ улыбку, точно онъ въ качествѣ неслужащаго дворянина не принималъ ничего къ свѣденію.

— Оставьте вы ваше хищеніе... Заладили: хищеніе! Кто спорить съ вами, что нашъ національный порокъ требуетъ искорененія!.. проговорилъ онъ вдругъ съ сердцемъ, стараясь, очевидно, поправиться и не быть «въ революціи» и позабывъ только-что сказанные имъ слова. — Но, во всякомъ случаѣ, къ чему намъ отъ насиженныхъ гнѣздъ добровольно отказываться... Крѣпостныхъ насъ лишили, выкупныя мы прожили, что-же намъ теперь дѣлать?.. Ну, мы и ищемъ... пропитанія... А безъ первобытнаго состоянія.. найди-то его труднѣй.. Припустите только меньшого братца къ потребленію мясовъ! И спасибо Михаилу Никифоровичу. Онъ насъ стариковъ подбадриваетъ... Первобытное состояніе въ теоріи — очень недурная вещьца, если посмотрѣть внимательно... Право! Вотъ, напримѣръ, положимъ, корреспондентъ... статья. Запустилъ носъ и смотреть, какъ я распоряжаюсь въ кассѣ.. Ну, я его корреспондента и съѣмъ. Не совѣмъ либерально, но зато откровенно... Я прямой человѣкъ... Лгать не люблю! Не суйся въ мои дѣла... Живи по

простотѣ... Пользуйся жизнью и самъ, если не дуракъ, но и мнѣ не мѣшай...

— А если... проговорилъ онъ, — ты мнѣ мѣшаешь?— Если... мѣшаешь мнѣ согрѣшить... то...

По счастью, Василій Ивановичъ не окончилъ, замѣтивъ, что я оробѣлъ.

III.

Недѣли двѣ тому назадъ въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ разсматривалось одно изъ дѣлъ о «хищеніи», бывшемъ въ минувшую войну. Обвинялись бывший смотритель букаресто-котроченскаго склада, поручикъ Хвоцинскій, оставшійся за штатомъ, коллежскій секретарь Цвѣцинскій и именующій себя французскимъ подданнымъ Боренъ, служившій по вольному найму писаремъ у смотрителя склада.

Дѣло это не обратило на себя большого вниманія. Въ залу суда не стремилась, какъ на представленіе, изящная публика, быть можетъ, впрочемъ, потому, что относительно маленькіе чины подсудимыхъ не возбуждали любопытства пресыщенной публики, успѣвшей давно убѣдиться въ корыстолюбіи незначительныхъ чиновниковъ, попадающихъ на скамью подсудимыхъ; извѣстные адвокаты не защищали подсудимыхъ и газеты не «рекламировали» этого процесса, словомъ—дѣло это не принадлежало къ числу тѣхъ «causes célèbres», которыя составляютъ событіе дня. Тѣмъ не менѣе оно оказалось крайне любопытнымъ, во-первыхъ, по подробностямъ, во-вторыхъ, какъ яркая характеристика нравовъ и иллюстрація нашихъ постоянныхъ жалобъ на безлюдье и, въ-третьихъ, наконецъ, по грандіозной цифрѣ убытковъ казны и по чрезвычайной наивности, если можно такъ выразиться, съ которой главный виновникъ на глазахъ у всѣхъ сорилъ деньгами, напоминая собой извѣстнаго Юханцева. Въ отношеніи наивности это дѣло представляетъ нѣкоторое сходство съ дѣломъ Юханцева. Тѣ-же черты легкомыслія и безшабашности, та-же случайность въ обнаруженіи преступленія, словомъ—все тѣ-же признаки необыкновенной халатности, отваги и простодушія, характерно оттѣняющіе фонъ общественной картины.

Но обратимся къ дѣлу.

Изъ длиннаго обвинительнаго акта, наполненнаго массою внушительныхъ цифръ обнаруженныхъ въ складѣ недостатъ консервовъ, сухарей, галетъ, раціоновъ и т. д. и изобличеніемъ подсудимыхъ, въ концѣ-концовъ, явствуетъ, что пору-

чикъ Хвоцинскій обвиняется въ слѣдующемъ: «1) въ томъ, что, состоя въ должности смотрителя котроченскаго склада и войдя въ соглашеніе съ нѣкоторыми поставщиками продуктовъ для дѣйствующей арміи, онъ, изъ корыстныхъ видовъ, за денежное вознагражденіе, принималъ отъ нихъ въ складъ недоброкачественные продукты; 2) въ томъ, что тогда-же, для скрытія приѣма части недоброкачественныхъ продуктовъ и чтобъ объяснить впослѣдствіи ихъ дурное качество порчею отъ естественныхъ и отъ него независящихъ причинъ, онъ умышленно не принималъ никакихъ мѣръ къ сохраненію бывшихъ въ складѣ продуктовъ отъ порчи, отчего большое количество ихъ дѣйствительно испортилось отъ дождя и сырости, послѣдствіемъ какихъ двухъ преступленій, при сортировкѣ продуктовъ въ складѣ, въ іюнѣ, августѣ и сентябрѣ 1878 года, оказалось негодныхъ къ употребленію: сухарей 20,288 пудовъ, галетъ 28,153 пуда, конскихъ консервовъ 3.790,850 раціоновъ и пищевыхъ людскихъ консервовъ до 86,153 порцій; 3) въ томъ, что тогда-же и изъ тѣхъ-же корыстныхъ видовъ, въ выдаваемыхъ имъ поставщикамъ квитанціяхъ удостовѣрялъ принятіе въ складъ ббльшаго количества противъ дѣйствительно доставленнаго, именно: а) выдалъ поставщику Штраусу квитанцій на 25,219 ящиковъ, тогда-какъ принялъ ихъ всего 17,275 ящиковъ, и б) выдалъ другимъ, необнаруженнымъ предварительнымъ слѣдствіемъ поставщикамъ квитанцій на ббльшее количество: сухарей на 4,165 пудовъ, галетъ на 14,733 пуда, конскихъ консервовъ на 4,054 ящика и 41 раціонъ, полагая въ каждомъ ящикѣ по 50 раціоновъ, и пищевыхъ людскихъ консервовъ на 80,505 порцій.

Я не стану приводить изъ обвинительнаго акта перечисленія обвиненій противъ другихъ подсудимыхъ. Замѣчу только, въ дополненіе къ грандіознымъ цифрамъ, только-что упомянутымъ, что, по словамъ обвиненія, «Хвоцинскій, неимѣющій своихъ собственныхъ средствъ и получавшій казеннаго содержанія всего до 150 р. въ мѣсяцъ, платилъ своему писарю Борену слишкомъ 150 р. въ мѣсяцъ и велъ въ Букарестѣ непомѣрно роскошную жизнь, сорилъ деньгами такъ, что обращалъ на себя вниманіе жителей Букареста. Это обстоятельство заставило начальство поручить жандармскому маіору Биллингу дознаніе, которымъ было обнаружено, что Хвоцинскій ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, постоянно бывалъ въ театрахъ и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ, платилъ за квартиру 500 франковъ въ мѣсяцъ, а прислугѣ до 28 полуимперіаловъ; ежедневный его расходъ на столъ былъ до 2½ полуимперіаловъ; онъ держалъ экипажъ и трехъ

лошадей, давалъ ужины и жилъ съ одесскою актрисой Колосовой, которая выдѣлялась среди всѣхъ роскошью своихъ нарядовъ. Свидѣтели Биллингъ и Зарембовскій показали, что Хвоцинскій, бывая въ театрѣ съ Колосовой, бралъ всегда лучшія ложи; что въ увеселительныхъ заведеніяхъ его всѣ знали и для него оставляли лучшія мѣста и что, по его, Биллинга, мнѣнію, чтобъ вести такую жизнь, какую велъ Хвоцинскій, надо имѣть 50,000 рублей годового дохода, а Зарембовскій показалъ, что всѣ удивлялись, какъ это поручикъ Хвоцинскій, имѣя небольшой чинъ и получая малое содержаніе, расходуетъ столько денегъ; служившій-же у Хвоцинскаго поваръ говорилъ ему, что Хвоцинскій никогда не отказывалъ себѣ въ блюдахъ и разъ навсегда отдалъ приказаніе, чтобы къ столу подавалась ежедневно дичь, какъ-бы дорого она ни стоила. Независимо отъ этого, майоръ Биллингъ показалъ, что полковникъ Мерклинъ сообщилъ ему, будто Хвоцинскій получалъ съ какого-то подрядчика по 10 коп. съ ока за пріемъ въ складъ недоброкачественныхъ сухарей. Что подрядчики дѣйствительно платили Хвоцинскому, доказательствомъ этому служитъ показаніе купца Гурори о томъ, что, находясь подрядчикомъ 32-го военно-временнаго госпиталя, онъ слышалъ отъ вполне достовѣрныхъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ, будто смотритель котроченскаго склада, фамиліи котораго въ то время онъ не зналъ, получалъ отъ товарищества и другихъ поставщиковъ по 10 и 20 сантимовъ за каждое око принятыхъ имъ въ складъ недоброкачественныхъ сухарей. Сверхъ того, ему извѣстно, что Хвоцинскій выдавалъ за деньги квитанціи раньше доставленія въ складъ сухарей и галетъ».

Затѣмъ, относительно Борена, обвинительный актъ свидѣтельствуется, что изъ найденныхъ у него бумагъ видно было о полученіи писаремъ Бореномъ значительныхъ суммъ (отъ 100 до 3,000 р.) отъ поставщиковъ. Въ теченіи своей службы у Хвоцинскаго, онъ, Боренъ, кромѣ жалованья, имѣлъ большіе доходы отъ подрядчиковъ: Захарьина, Шишилева, Варшавскаго, Муханова, Штрауса, отъ товарищества «Грегеръ, Горвицъ и Коганъ», отъ Фалькенгагена и другихъ мелкихъ поставщиковъ. Всѣ они платили ему среднимъ числомъ до 100 р. за каждую квитанцію, причѣмъ плата эта производилась за скорѣйшую ихъ выдачу. Сверхъ того, онъ, Боренъ, получалъ отъ Фаерштейна, агента Варшавскаго, по перевозкѣ въ склады продуктовъ, 200 р. жалованья. Такимъ образомъ, въ продолженіи одиннадцати-мѣсячной службы, по словамъ Борена, при первомъ показаніи, онъ «заработалъ» 40,000 рублей.

Впослѣдствіи, когда Боренъ былъ привлеченъ къ слѣдствію

уже въ качествѣ обвиняемаго, онъ измѣнилъ показаніе и хотя не отрицалъ, что подрядчики платили писарямъ, но за что именно объяснить не могъ...

Всѣ трое подсудимыхъ отрицали на судѣ свою виновность... Поручикъ Хвоцинскій еще молодой человѣкъ довольно пріятной наружности съ манерами, обличающими въ немъ извѣстные привычки, объяснялъ обнаруженные недостатки «мышѣдомъ» и «усыпкой». Что-же касается до его роскошной жизни, то, по словамъ его, онъ получилъ 14,000 наслѣдства отъ дяди и вообще «привыкъ ѣздить въ каретахъ».

На дальнѣйшемъ судебномъ слѣдствіи, подсудимые и нѣкоторые свидѣтели отрицали правильность осмотра склада проверочной комиссіи, на основаніи актовъ которой г. прокуроръ и основывалъ, главнымъ образомъ, свое обвиненіе.

Такъ это или не такъ, не въ томъ дѣло. Быть можетъ, растрата произошла частью и до Хвоцинскаго, быть можетъ, и нѣтъ. Какъ не велика цифра «хищенія», но насъ, главнымъ образомъ, занимаетъ «бытовая» сторона этого дѣла.

Въ то время, какъ проходилъ допросъ свидѣтелей и на судѣ выяснялся цѣлый рядъ плутней, простодушныхъ мошенничествъ, всевозможныхъ грубыхъ «тонкостей» и сдѣлокъ съ подрядчиками, — я глядѣлъ на скамью подсудимыхъ и скоро пересталъ слушать. Въ моемъ воображеніи проносились обрывки воспоминаній, эпизодовъ, неволью напрашивающихся при всякомъ подобномъ процессѣ, будь то процессъ «червонныхъ валетовъ», процессъ Юханцева или какой-нибудь другой. И изъ этихъ обрывковъ и эпизодовъ неволью складывались типичныя черты одной и той-же «родной» картины..

Дворянская семья, быть можетъ, богатая, взлелѣванная на крѣпостномъ правѣ. Рѣзвый маленькій мальчикъ, балованный, вырастающій на привольѣ, среди помѣщичьей обстановки... Гувернеры и гувернантка... внушенія о приличіи, хорошихъ манерахъ и о томъ, что мы благородные... Трудъ... Какой трудъ?.. Надо порядочному человѣку служить и сдѣлать карьеру, чтобы порадовать родителей... Среди этихъ разговоровъ—погромъ въ видѣ крестьянской реформы... Быть можетъ, кое-какіе остатки и пошли на дальнѣйшее самоусовершенствованіе юноши, но умственный и нравственный багажъ при вступленіи въ жизнь такъ малъ, а потребности «жить, какъ другіе «порядочные люди» живутъ, такъ великъ!.. Случай есть, слава Богу—онъ вынесетъ, а если нѣтъ?..

За послѣднее время мы видѣли на скамьѣ подсудимыхъ многихъ такихъ помѣщичьихъ «выкормковъ», попавшихъ въ «тиражъ»;

жизнь ихъ—одна случайность и многие-ли изъ нихъ, особенно болѣе легкомысленные, знаютъ, куда приведетъ ихъ звѣзда: къ тихой-ли пристани обезпеченнаго положенія или къ профессіи червонныхъ ваетовъ нисшаго сорта?.. И тѣ и другіе шансы равны для всей этой массы шелобаевъ, не обладающихъ никакой устойчивостью, обнаруживающихъ какой-то поразительный индифферентизмъ въ вопросахъ нравственности и руководствующихся въ жизни своеобразнымъ кодексомъ чести...

А кругомъ жизнь идетъ, возбуждая зависть неудовлетвореннаго тщеславія. «Жизнь» по понятіямъ этихъ «выкормковъ»—Пивато, Борель, лошади, коляска, любовница en vogue, приличные знакомства... Если вдобавокъ есть честолюбие, то «жизнь» принимаетъ еще болѣе заманчивую форму и бѣдному «выкормку» грезится вся прелесть такого соединенія пріятнаго съ полезнымъ...

Вынесетъ судьба или не вынесетъ!?

IV.

Судебное слѣдствіе закончено. Прокуроръ начинаетъ рѣчь—вниманіе! Изъ начала рѣчи видно, что если Хвоцинскій попалъ на скамью подсудимыхъ, то этимъ онъ обязанъ самому себѣ... (О, легкомысліе и отвага російскаго «выкормка»—узнаю васъ!) Въ этихъ словахъ, впрочемъ, не было ни малѣйшаго каламбура. Дѣйствительно, подсудимый слишкомъ открыто пользовался плодами хищенія и само обвиненіе указало (я цитирую обвинительную рѣчь по стенографическому судебному отчету), «что однимъ изъ поводовъ къ возбужденію настоящаго дѣла послужило то обстоятельство, что Хвоцинскій, живя въ Букарестѣ, велъ роскошную жизнь и жилъ въ то время съ актрисою Колосовою, извѣстною подъ названіемъ «бриллиантовой дамы» и удивлявшею всѣхъ жителей роскошью своихъ нарядовъ, которая дошла до того, что она не знала даже, куда надѣвать бриллианты, и не нашла ничего лучшаго, какъ помѣстить ихъ на своихъ башмакахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, о Хвоцинскомъ появлялись корреспонденціи въ петербургскихъ газетахъ и въ одной изъ нихъ говорилось, между прочимъ, что онъ далъ какъ-то завтракъ, который обошелся въ 45,000 р. Конечно, въ этихъ разсказахъ много преувеличеннаго. Но нѣтъ дыма безъ огня». Приступая къ дальнѣйшему разслѣдованію, обвинитель замѣтилъ, что, съ переходомъ нашей арміи черезъ Прутъ, въ предѣлы Румыніи, въ Румыніи были учреждены два центральные склада, изъ которыхъ продукты направлялись во всѣ тѣ

мѣста, гдѣ въ нихъ встрѣчалась надобность. Однимъ изъ этихъ складовъ, букаресто-котроченскимъ, сначала завѣдывалъ поручикъ Воробьевъ, а потомъ поручикъ Хвоцинскій. «Для меня представляется страннымъ—сказалъ прокуроръ—какъ назначеніе Воробьева, такъ и особенно Хвоцинскаго на должность смотрителя этого склада. Это былъ главный складъ для довольствія всей дѣйствующей арміи и въ каждый данный моментъ въ немъ находилось казеннаго имущества на сумму до пяти милліоновъ. Между тѣмъ, этотъ складъ ввѣряется человѣку, въ прошломъ котораго нѣтъ ничего такого, что-бы заслуживало подобнаго довѣрія. Изъ послужнаго списка Хвоцинскаго видно, что онъ поступилъ на службу, въ 1857 году, фейерверкеромъ, оттуда перешелъ въ гусарскій полкъ корнетомъ и, прослуживъ здѣсь полтора года, въ 1860 году уволился, по болѣзни, въ отставку, въ которой находился до 1877 года. Почти наканунѣ объявленія войны, въ январѣ 1877 года, Хвоцинскій поступаетъ вновь на службу, но не въ интендантское вѣдомство, гдѣ-бы онъ могъ приобрести опытность въ томъ дѣлѣ, которое было ему впоследствии поручено, а поступаетъ помощникомъ начальника одного изъ казенныхъ транспортовъ, на обязанности котораго лежало перевозить продукты изъ одного склада въ другой. Пробывъ здѣсь пять-шесть мѣсяцевъ, онъ опять увольняется, по болѣзни, въ двухмѣсячный отпускъ и, явившись изъ него, поступаетъ въ одну изъ канцелярій, гдѣ, однако, онъ оказался неудобнымъ, потому что, какъ говорилъ на слѣдствіи начальникъ отдѣленія продовольственной части Стратановичъ, «Хвоцинскій человѣкъ безграмотный»... И вотъ тогда этому-то Хвоцинскому, который не имѣетъ опытности въ этомъ дѣлѣ, который не выказалъ способностей и даже оказался безграмотнымъ человѣкомъ, поручается складъ, въ которомъ на пять милліоновъ казеннаго имущества; чѣмъ это объяснить—г. прокуроръ рѣшительно затрудняется. «Свидѣтель Стратановичъ—замѣтилъ въ своей рѣчи г. прокуроръ—говорилъ, что, къ сожалѣнію, у нихъ не было людей, что къ нимъ, вмѣсто интендантскихъ чиновниковъ, прислали бродягъ; пришлютъ семь чиновниковъ и 600 бродягъ». Конечно, это плохая рекомендація, но г. прокуроръ полагаетъ, что въ интендантскомъ вѣдомствѣ нашедся-бы человѣкъ, который, вслѣдствіе прежней своей опытности и честности, могъ-бы занять мѣсто смотрителя главнаго центрального склада.

Остановимся на минутку.

Неполная біографія подсудимаго все-таки даетъ нѣкоторые указанія и дополняетъ собой подробности о «бриллиантовой» дамѣ. Затѣмъ, если прокуроръ не въ состояніи былъ объяснить,

какимъ образомъ складъ, въ которомъ постоянно было на пять милліоновъ имущества, былъ довѣренъ «человѣку безъ прощанго», то, разумѣется, и я долженъ отказаться отъ объясненія, такъ-какъ показаніе начальника отдѣленія по продовольственной части, свидѣтеля г. Стратановича о «шестистахъ бродягахъ на семь интендантскихъ чиновниковъ» тоже нельзя считать за объясненіе. Показаніе этого свидѣтеля можетъ только развѣ прибавить лишній вздохъ къ общимъ вздохамъ о такомъ безлюдьѣ въ отечествѣ, что даже «бродяги», въ случаяхъ особенно важныхъ, присылались для наблюденія за имуществомъ и, такимъ образомъ, мѣшали осѣдлымъ интендантскимъ чиновникамъ; но во всякомъ случаѣ, къ числу «бродягъ» подсудимаго причислить невозможно и, вѣроятно, не его имѣлъ въ виду свидѣтель.

Упоминаніе обвинительной власти о печати не въ смыслѣ укора является, конечно, неожиданнымъ скорпризомъ среди общихъ обвиненій этой самой несчастной печати. Еще недавно, въ Кіевѣ, военный прокуроръ послалъ по адресу печати комплиментъ совсѣмъ другого характера; вообще, надо правду сказать, нашей печати рѣдко приходится слышать не бранное слово. Каждый, такъ или иначе, считаетъ долгомъ своимъ какъ-нибудь да поддѣть печать и не даромъ еще до сихъ поръ положеніе нашихъ провинціальныхъ корреспондентовъ напоминаетъ положеніе «отверженнаго» человѣка, съ которымъ, при удобномъ случаѣ, не грѣшно расправиться судомъ Линча.

Хотя нечего, разумѣется, гордиться, что блескъ букарестской жизни подсудимаго и его «бриллиантовой» дамы заставилъ корреспондентовъ написать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что обличеніе это и не представляло серьезной опасности, такъ-какъ объектъ его не представлялъ собой крупнаго козыря,—тѣмъ не менѣе, повторяю, отношеніе прокурора къ печати, въ данномъ случаѣ весьма пріятное исключеніе и показываетъ, что печать можетъ послужить иногда «однимъ изъ поводовъ» къ раскрытію злоупотребленія, если послѣднее заявляетъ о себѣ слишкомъ громко и олицетворяется въ удобной для обличенія формѣ.

V.

Возвращаясь къ обвинительной рѣчи г. прокурора, слѣдуетъ отмѣтить въ ней еще два характерныхъ разоблаченія, свидѣтельствующихъ, что мы въ искусствѣ хищенія не только не отстали отъ временъ крымской кампаніи, когда, по словамъ официальныхъ документовъ, «злоупотребленія превысили всякую мѣ-

ру», но, пожалуй, значительно ушли впередъ въ умѣннн обстоятельства «хищеніе» въ формы, неуловимыя для преслѣдованія и обставленныя всѣми «послѣдними словами» юридической науки. Прежде, напримѣръ, было на этотъ счетъ, какъ и на всѣ счета, очень просто. Призвалъ подрядчика и взялъ съ него кушъ, принялъ гнилое сѣно и составилъ актъ о «волѣ Божіей» въ видѣ дождей или пожара, давалъ солдатамъ червивый сухарь и заснулъ, по окончаніи войны, прямо говорилъ, что «попользовался» малую толику, покупалъ себѣ деревню въ хорошемъ мѣстоположеніи для наслажденія послѣ трудовъ, и очень хорошо зная, что рѣдкій человѣкъ безъ грѣха, испытывалъ нѣкоторое душевное спокойствіе даже и въ случаѣ приглашенія въ слѣдственную комиссію, гдѣ отзывался замятованіемъ или гибелью оправдательныхъ документовъ во время отступленія или наступленія. Простота оправданія и, главное, громадное количество такихъ объясненій, обезоруживала въ тѣ времена разныя комиссіи. Дѣлопроизводство, конечно, велось по всѣмъ правиламъ. Списывались, доносили, отписывались, изводя горы бумаги, но все-таки пришлось бросить всю переписку, такъ-какъ число прикосновенныхъ и число листовъ бумаги грозило обратиться въ нѣчто чудовищное.

Послѣ крымской войны, много прибавилось новыхъ помѣщиковъ, еще не предчувствовавшихъ будущаго манифеста, и я какъ теперь помню, этихъ добродушныхъ «куроцаповъ», сидящихъ по вечерамъ на балконахъ своихъ помѣщичьихъ усадебъ, записанныхъ на имя женъ, конечно, и повѣствовавшихъ за трубкою Жукова табака о разныхъ эпизодахъ войны... Превращеніе разныхъ комиссаріатскихъ «замухрыгъ», дѣйствовавшихъ потихоньку да помаленьку, безъ помпы нынѣшнихъ «выкормковъ» и безъ юридической неуловимости современныхъ ревнителей «хищенія»,—въ чистенькихъ, кругленькихъ, степенныхъ и разсудительныхъ помѣщиковъ совершилось какъ-то совсѣмъ неожиданно. Такихъ помѣщиковъ особенно много развелось, послѣ крымской войны, въ южныхъ губерніяхъ, подъ сѣнью серебристыхъ тополей и голубой лазурью неба.

Я и теперь не забылъ испытаннаго мною изумленія, когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны, проѣзжая мимо одного изъ такихъ благодатныхъ уголковъ прежняго помѣщичьяго благополучія, — узналъ въ одномъ кругленькомъ, бодромъ старичкѣ, созерцающемъ природу, прежнюю «комиссаріатскую крыску» изъ маленькихъ, очень маленькихъ... Призналъ и онъ меня. «Еще ребенкомъ васъ помню... У дяденьки вашего имѣлъ случай по дѣламъ службы бывать», проговорилъ радушно старикъ, котѣ

раго мой «дяденька» — я очень хорошо это припомнилъ — въ качествѣ «рѣшительнаго» человѣка, не терпѣвшаго комиссариатскихъ крысъ, такъ «обработывалъ» и съ такими неидущими къ «дѣламъ службы» привѣтствіями, что я въ своемъ отроческомъ сердцѣ почувствовалъ искреннее сожалѣніе къ этому бѣднягѣ, молча сносившему дядинькинъ гнѣвъ.

Онъ зазвалъ къ себѣ, показалъ свой домъ, представилъ женѣ, познакомилъ съ дѣтьми, изъ которыхъ старшій сынъ подавалъ уже надежды (впослѣдствіи исполнившіяся) быть червоннымъ валетомъ, и упомянулъ, между прочимъ, какъ-то вскользь, что Богъ послалъ ему счастье, довелось по случаю купить «имѣньцо» (а имѣньцо было въ 2,000 десятинъ, на берегу Днѣстра), у жены умерла тетка и т. п. Но вечеромъ старикъ разговаривался по поводу тогдашнихъ статей противъ взяточничества и мало-по-малу увлекся воспоминаніями и на мои вопросы о злоупотребленіяхъ въ крымскую войну, столь добродушно рассказывалъ о «случаяхъ» и о разныхъ «счастьяхъ» и для большихъ и для малыхъ крысъ, при этомъ въ его рассказѣ «прикосновенныхъ» было столько (чуть-ли не всѣ, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ казенному имуществу), что я тогда еще юноша, слушалъ его рассказъ, точно арабскую сказку. Главное поражала простота замысла и развязки.

Теперь простота эта встрѣчается рѣже и вотъ, между прочимъ, въ подтвержденіе моихъ словъ два «эпизода», рассказанные въ судѣ обвинительной властью: — первый заключается въ «исторіи заключенія контракта интендантства» съ нѣкіемъ подрядчикомъ Штраусомъ.

«Сначала, по контракту, мѣстомъ сдачи продуктовъ было назначено Систово, но потомъ интендантомъ Россицкимъ былъ назначенъ сдаточнымъ пунктомъ Букарестъ, причемъ, такъ-какъ казна должна была доставлять продукты изъ Букареста въ Систово на свой счетъ, то Штраусъ долженъ былъ доставлять консервы по нѣсколько низшей цѣнѣ, чѣмъ та, какая была установлена первоначально. *Съ формальной стороны это кажется правильно, но въ сущности трудно объяснить такую перемѣну складочнаго пункта.* Дѣло въ томъ, что въ прошлую войну вопросъ сводился къ недостатку перевозочныхъ средствъ. Продукты были, но средствъ перевести ихъ не имѣлось, вслѣдствіе неисправности румынскихъ дорогъ, малаго подвижного состава и нежеланія погонцевъ перевозить. Подводъ нельзя было найти ни за какія деньги и тотъ-же интендантъ Россицкій телеграфировалъ объ этомъ. Такимъ образомъ, изъ Букареста, гдѣ находился складъ, нельзя было перевести эти продукты въ Си-

ство, на правый берег Дуная, гдѣ они, конечно, могли-бы принести пользу. Въ результатѣ вышло то, что поставленные консервы въ количествѣ 88,000,000 раціоновъ, которые казнѣ стоили 4,000,000 руб., остались въ Бухарестѣ, не могли быть перевезены и израсходованы, и въ послѣдствіи проданы за 33,000 рублей кредит.»

Съ «формальной стороны это кажется правильно, но въ сущности трудно объяснить!»

Такія заключенія невольно приходится давать не по одному подобному дѣлу. Другого, пожалуй, и невозможно приискать. Это—одна изъ тѣхъ, выработанныхъ жизнью, формулъ, которыя имѣютъ широкое распространеніе при оцѣнкѣ многихъ явленій нашей жизни. Такимъ образомъ приходится отнести потерю 3.967,000 рублей кред. къ числу обстоятельствъ, съ формальной стороны правильныхъ, но въ сущности мало объяснимыхъ.

Затѣмъ другое разоблаченіе, сдѣланное обвиненіемъ гораздо болѣе объяснимо, тѣмъ болѣе, что и съ формальной стороны какъ-будто неправильно. Дѣло идетъ объ «особенностяхъ» въ приемѣ, отличающихъ «вѣкъ нынѣшній» отъ «вѣка минувшаго». Въ крымскую кампанію чаще всего практиковался приемъ недоброкачественныхъ продуктовъ, а въ кампанію 1877—78 года вообще «недопріемъ». По словамъ прокурора, «прошлая кампанія указала на совсѣмъ другое злоупотребленіе, именно на выдачу поставщикамъ квитанцій раньше, чѣмъ продукты доставлялись. На мѣсто театра войны наѣзжаетъ много поставщиковъ, желающихъ получить подрядъ, и обыкновенно его получаютъ тѣ, которые имѣютъ залогъ. Но туда наѣзжаетъ также масса второстепенныхъ и третьестепенныхъ поставщиковъ, у которыхъ нѣтъ залога. Понятно, что главные поставщики, взявъ большіе подряды и будучи не въ состояніи ихъ выполнить, должны были передавать эти подряды болѣе мелкимъ поставщикамъ, наживая только на разницѣ въ цѣнѣ между цѣною, по которой они получили подрядъ, и цѣною, по которой они сдали его мелкимъ поставщикамъ. Эти мелкіе поставщики, сдавъ продукты, получали отъ зрителей квитанціи и потомъ представляли ихъ главнымъ поставщикамъ, которые и получали по нимъ расчетъ отъ казны. Но эти мелкіе поставщики явились въ Бухарестѣ безъ гроша денегъ, а вернулись оттуда людьми состоятельными. Какимъ-же образомъ это случилось? Очень просто. Взявъ у главнаго казеннаго поставщика подрядъ, мелкій поставщикъ, большею частью, не имѣлъ средствъ для исполненія этого подряда. Занявъ какъ-

нибудь денегъ и закупивъ на нихъ небольшое количество продуктовъ, онъ представлялъ въ складъ, напимѣръ, 300 четвертей и тутъ входилъ съ смотрителемъ въ сдѣлку, чтобъ получить квитанцію тотчасъ-же на 1,000 четвертей, обязуясь по полученіи по этой квитанціи денегъ изъ казны, представить потомъ недостававшія 700 четвертей. Интересъ для мелкаго поставщика здѣсь былъ тотъ, что доставивъ только 300 четвертей, а получивъ квитанцію въ пріемъ 1,000 четвертей, онъ получалъ изъ казны деньги за 1,000 четвертей и, слѣдовательно, имѣлъ средства на оборотъ. Все зло здѣсь и заключалось въ томъ, что смотритель выдавалъ поставщикамъ квитанціи ранѣе, чѣмъ продукты поступали въ складъ. Честные поставщики впоследствии дѣйствительно довозили. Но были и безчестные поставщики, которые, получивъ квитанцію на большее количество продуктовъ, чѣмъ ими доставлено, и знать ничего не хотѣли. Вотъ этимъ и можно объяснить недостачу въ складѣ продуктовъ, а въ числѣ ихъ и конскихъ консервовъ.

Агенты Штрауса, поставлявшіе эти консервы, хотѣли надуть Хвоцинскаго. Онъ выдавалъ имъ удостовѣренія въ принятіи продуктовъ раньше, чѣмъ они были доставлены въ складъ, съ тѣмъ, чтобъ они довели ихъ впоследствии. Но когда наступилъ послѣдній срокъ, 28-е февраля, когда они не были въ состояніи заготовить на фабрикѣ всѣхъ законтрагованныхъ консервовъ, они пожелали надуть Хвоцинскаго, воспользовавшись тѣмъ, что еще 23-го февраля онъ выдалъ имъ квитанцію на большее количество консервовъ, чѣмъ ими было доставлено, и потребовали отъ него квитанцію въ пріемъ тѣхъ консервовъ, которые были доставлены ими послѣ 23-го февраля въ счетъ тѣхъ, которые они были обязаны доставить, такъ-какъ получили на нихъ квитанцію еще раньше. Но тутъ они не поладили съ Хвоцинскимъ и вышелъ споръ, который тоже послужилъ основаніемъ къ возбужденію настоящаго дѣла. Такимъ образомъ выясняется, что, кромѣ безумной жизни подсудимаго, основаніемъ къ возбужденію дѣла послужилъ тоже и споръ между сторонами. Какъ видно, въ данномъ случаѣ дѣла забыта поговорка, «что худой миръ лучше доброй ссоры».

Въ заключеніе обвинительной рѣчи, прокуроръ обратился къ судьямъ съ слѣдующими словами: «Вамъ, гг. судьи, не безызвѣстно, какая масса злоупотребленій была въ прошлую кампанію. Но несмотря на то, что законъ опредѣляетъ за эти преступленія строгое наказаніе, они тѣмъ не менѣе существуютъ. Почему-же существуютъ эти преступленія? По очень простой причинѣ. Уже давнымъ-давно признано, что не строгость наказа-

нiя останавливаетъ преступника отъ совершенiя преступленiя, а сознание, что онъ будетъ обнаруженъ и что, несмотря на всѣ ухищренiя, которыя онъ приметъ для того, чтобъ провести судъ, онъ, все-таки, будетъ наказанъ. Только такое сознание можетъ остановить человека отъ преступленiя. Поэтому я обращаюсь къ вамъ, гг. судьи, съ просьбою: не дайте себя обмануть, якобы сложностью настоящаго дѣла, тѣмъ, что улики противъ обвиняемыхъ, будто-бы, ничтожны. Встаньте на высоту вашей задачи! Вѣдь настоящее дѣло есть дѣло общественнаго интереса! Докажите, что и въ военномъ вѣдомствѣ расточители казенной собственности наказываются. Докажите обществу, что есть, наконецъ, судъ, который въ состоянii обуздать всѣхъ этихъ расточителей казны. Откликнитесь на слова, обращенныя къ намъ съ высоты престола: употребить всѣ мѣры для уничтоженiя въ государствѣ хищенiя, этого упорнаго зла современнаго общества».

Нѣтъ сомнѣнiя, что эти надежды обвиненiя на то, что судъ обуздастъ расточителей и что несмотря на всѣ ухищренiя хищниковъ, они все-таки будутъ наказаны, — заслуживаютъ сочувствiя, тѣмъ не менѣе, нельзя не принять во вниманiе, что въ данномъ именно случаѣ главный подсудимый не только не обнаруживалъ никакого «ухищренiя», а, напротивъ, по заявленiю обвиненiя, своей неумѣренной роскошью съ «бриллиантовой» дамой и прочей обстановкой, обнаружилъ замѣчательное легкомыслие, такъ-что эта роскошь, виѣсть съ несогласiемъ, дошедшимъ до спора съ подрядчиками, и были, по словамъ прокурора, ближайшими поводами къ возникновенiю настоящаго дѣла. Очень можетъ быть дѣло могло-бы возникнуть и безъ спора съ подрядчиками и безъ хвастовства подсудимаго своимъ богатствомъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что эти обстоятельства играли едва-ли не главную роль. Подсудимый именно дѣйствовалъ такъ, что въ его поступкахъ нельзя было найти ничего такого, что-бы съ формальной стороны казалось правильно, а въ сущности трудно-объяснимо». Напротивъ, въ его хищенiи все было неправильно и все очень объяснимо. Эти признаки, конечно, дѣла не мѣняютъ, но заставляютъ усомниться въ легкости обузданiя менѣе легкомысленныхъ расточителей, употребляющихъ болѣе дѣйствительныя ухищренiя для того, чтобы не быть обнаруженными, и прикрывающихъ хищенiе утонченными формами, выработанными опытомъ жизни и формулой, цитированной самимъ-же г. прокуроромъ.

Судъ призналъ виновными: Хвощинскаго—въ приемѣ, съ корыстной цѣлью, недоброкачественныхъ продуктовъ въ завѣдываемый имъ складъ; въ небрежномъ храненiи ввѣреннаго ему

по службѣ казеннаго имущества, отъ чего произошла значительная утрата онаго, и въ выдачѣ поставщикамъ квитанцій на такіе продукты, которые въ складъ не поступали; Цвѣдинскаго—въ бездѣйствіи власти. Обвиненіе-же Хвощинскаго въ умышленной порчѣ продуктовъ, чтобъ скрыть пріемъ недоброкачественныхъ продуктовъ, Цвѣдинскаго въ выдачѣ, съ корыстною цѣлью, квитанцій на большее количество консервовъ, чѣмъ было приготовлено и имъ осмотрѣно, а Борена въ томъ, что, вмѣстѣ съ Хвощинскимъ, завѣдомо участвовалъ въ выдачѣ на поставленные продукты квитанцій—судъ призналъ недоказаннымъ. Поэтому, судъ постановилъ: 1) Хвощинскаго, по лишеніи чиновъ, дворянства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе, въ мѣста, не столь отдаленныя; 2) Цвѣдинскаго—оставить отъ службы; 3) убытки, понесенные казною отъ уплаты Штраусу денегъ за недопоставленные имъ 7,944 ящика консервовъ, взыскать съ обоихъ подсудимыхъ по-ровну, за круговую ихъ отвѣтственностью; 4) убытки казны отъ недопринятыхъ Хвощинскимъ конскихъ консервовъ (4,054 ящика), галетъ и пищевыхъ консервовъ (80,505 порцій), а равно отъ порчи продуктовъ (сухарей 20,288 пудовъ, галетъ 28,153 пуда, конскихъ консервовъ 3.790,850 раціоновъ и пищевыхъ консервовъ до 86,153 порцій) предоставить начальству, по приведеніи убытковъ въ положительную извѣстность, взыскать съ Хвощинскаго административнымъ порядкомъ; 5) приговоръ въ отношеніи Хвощинскаго, по вступленіи въ законную силу, представить, чрезъ военнаго министра, на Высочайшее усмотрѣніе, и 6) по обвиненіямъ, въ которыхъ подсудимые признаны невиновными, а равно Борена въ лихоимствѣ, считать ихъ по суду оправданными, по недоказанности обвиненія.

VI.

24 мая въ Москвѣ былъ рѣдкій у насъ праздникъ. Въ лицѣ семидесяти-двухъ-лѣтняго старика, Н. И. Пирогова, чествовали не только знаменитаго ученаго, неутомимаго хирурга, талантливаго публициста, но и не обычнаго общественнаго дѣятеля, который, съ рѣдкой у насъ независимостью, стремился проводить убѣжденія въ жизнь, слить слово съ дѣломъ, который, проповѣдая уваженіе къ человѣческому достоинству, къ свободѣ мысли и человѣчности, училъ «быть, а не казаться» и основой педагогической дѣятельности и воспитанія считалъ только силу науки и нравственнаго вліянія,—человѣка, глубоко уважавшаго мо-

лодость, доказывавшаго, что надо воспитать не врача, не чиновника, не специалиста, а «человѣка», потому-что самъ Пироговъ прежде всего «человѣкъ былъ».

И теперь, стоя, какъ выразился Пироговъ, «у порога вѣчности», маститый юбиляръ, давно оставившій общественную дѣятельность, въ отвѣтъ на привѣтствіе отвѣчалъ рѣчами, полными любви къ молодости, вѣры въ торжество правды и такой нравственной свѣжести, что читая эти слова представителя прошлаго поколѣнія, невольно поднимается духъ и надежда закрадывается въ сердце человѣка, извѣрившагося посреди другихъ рѣчей и другихъ пророчествъ, раздающихся въ послѣднее время въ главенствующей публицистикѣ.

Прежде чѣмъ рассказать читателю о подробностяхъ праздника въ честь Пирогова, считаю не лишнимъ дать читателямъ краткій очеркъ его общественной дѣятельности, прерванной двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ одной изъ рѣчей своихъ юбиляръ, между прочимъ, сказалъ, что онъ имѣлъ въ виду положить начало просвѣтляющей силы разума въ основу своей педагогической дѣятельности. «Но она—прибавилъ онъ—къ сожалѣнію—продолжалась недолго». Припомнимъ-же и эту дѣятельность и другія стороны многосторонней дѣятельности этого человѣка*), пятидесятилѣтній юбилей котораго, съ Высочайшаго разрѣшенія, праздновали на дняхъ.

Родился Н. И. Пироговъ 13 ноября 1810 г. въ Москвѣ. Отецъ его былъ чиновникомъ. Сперва Пироговъ получилъ домашнее воспитаніе, потомъ былъ въ частномъ пансіонѣ, но разразившаяся надъ семействомъ его бѣда заставила 14-лѣтняго подростка поступить въ московскій университетъ. Содѣйствіе въ этомъ оказалъ профессоръ Мухинъ, извѣстный въ свое время врачъ.

Оказавшій блестящія способности юноша черезъ три года, будучи 17 лѣтъ отъ роду, окончилъ курсъ съ званіемъ лекаря и вступилъ въ профессорскій институтъ. Оттуда молодой кандидатъ въ профессора былъ отправленъ для усовершенствованія въ Дерптскій университетъ съ тѣмъ, чтобы послѣ ѣхать за границу. Въ Дерптѣ Пироговъ пробылъ вмѣсто двухъ положенныхъ лѣтъ, цѣлыхъ пять, потому-что, вслѣдствіе бывшей во Франціи революціи выѣздъ за-границу былъ невозможенъ и Пироговъ только въ 1833 году отправился въ Берлинъ и Геттингенъ, гдѣ посѣщалъ лекціи лучшихъ профессоровъ. Черезъ два года

*) Биографическія подробности и данныя о научной дѣятельности Пирогова извлекаю изъ брошюры г. Бертенсона.

Пироговъ возвращался на родину, рассчитывая занять профессорскую кафедру въ Москвѣ, но въ Ригѣ онъ заболѣлъ и тѣмъ временемъ на кафедру хирургіи въ Москвѣ былъ избранъ тогдашнимъ попечителемъ графомъ С. Г. Строгоновымъ Иноземцевъ.

Занятія Пирогова въ Дерптѣ сослужили ему службу. Несмотря на традиціонное недовѣріе нѣмцевъ къ русскимъ научнымъ силамъ, необычайныя дарованія Пирогова обратили на себя вниманіе медицинскаго факультета и по предложенію бывшаго его учителя, знаменитаго профессора Моейра, Пироговъ 26 лѣтъ отъ роду былъ приглашенъ занять кафедру хирургіи въ Дерптскомъ университетѣ. «Фактъ этотъ—замѣчаетъ авторъ брошюры—получаетъ еще болѣе глубокое значеніе, если принять во вниманіе, что дерптскій университетъ, на подобіе всѣхъ германскихъ университетовъ, не можетъ нуждаться въ ученыхъ силахъ для комплектованія ихъ, имѣя право приглашать изъ-за-границы ученыхъ профессоровъ, пользующихся наибольшою извѣстностью».

Появленіе на кафедрѣ русскаго молодого ученаго, послѣ знаменитаго Мойера, произвело громадное впечатлѣніе. Пироговъ, отлично владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, въ блестящемъ, научномъ изложеніи читалъ лекціи и скоро приобрѣлъ симпатіи учащихся. Работалъ онъ много и какъ профессоръ и какъ ученный и, занимаясь по 8 часовъ въ сутки въ клиникѣ и анатомическомъ театрѣ, въ то-же время, въ теченіи 4 лѣтъ, издалъ три замѣчательныхъ труда, изъ которыхъ первымъ была «Хирургическая анатомія фасціи и артеріи» съ приложеннымъ къ нему атласомъ.

Вскорѣ послѣ изданія этого труда Пироговъ былъ отправленъ въ Парижъ, гдѣ въ то время славился знаменитый хирургъ Вельно. Когда молодой русскій ученый представился французскому ученому, то засталъ Вельно, разсматривающимъ его атласъ. Вельно, узнавъ, что Пироговъ пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы учиться у него, отвѣтилъ: «Вы застали меня за вашей анатоміей, не вамъ учиться у меня, а мнѣ у васъ».

Насколько въ этихъ словахъ было французской любезности судить трудно, но во всякомъ случаѣ уже въ то время Пироговъ былъ извѣстенъ въ ученомъ медицинскомъ мірѣ и привезъ изъ Парижа самыя лестныя отзывы Вельно о своихъ трудахъ. Вѣроятно отзывы знаменитаго иностраннаго хирурга не мало способствовали и тому, что сочиненіе Пирогова, написанное имъ въ 1837 году, было удостоено только въ 1840 году нашей Академіей Наукъ демидовской преміей.

Въ 1840 году Пироговъ перешелъ въ медико-хирургическую академію для занятія кафедрой госпитальной хирургіи при военномъ госпиталѣ и должности старшаго врача хирургическаго отдѣленія госпиталя. Съ появленіемъ Пирогова медико-хирургическая академія ожила. Онъ внесъ въ сонное учрежденіе духъ необыкновенной дѣятельности и энергіи. Онъ организовалъ клинику и съ тѣхъ поръ постепенно начали организоваться клиники и при другихъ русскихъ университетахъ. Учрежденіе анатомическаго театра при академіи было дѣломъ его рукъ. Предложеніе это встрѣтило оппозицію среди профессоровъ и не безъ тяжелой борьбы, наконецъ, осуществилось. Пироговъ ѣздилъ за-границу, ознакомился тамъ съ устройствомъ анатомическихъ институтовъ и, по совѣту знаменитаго Гиртля, привезъ съ собою молодого прозектора — нынѣ извѣстнаго профессора Грубера. Въ то-же время Пироговъ не оставлялъ и научныхъ занятій. Кромѣ занятій въ клиникѣ, онъ принялъ на себя чтеніе паталогической анатоміи на трупахъ, издалъ шесть выпусковъ «Прикладной анатоміи» и «Атласъ анатоміи для судебныхъ врачей».

Нечего и говорить, что его «новаторство» встрѣчало массу затрудненій. «Новая освѣжающая струя знанія и неутомимой дѣятельности, внесенная Пироговымъ въ пропитанныя миазмами стѣны военнаго госпиталя, до такой степени ошеломила поборниковъ военно-госпитальной администраціи 40-хъ годовъ», что тогдашній главный врачъ на настойчивыя требованія Пирогова объ улучшеніи гигиеническихъ условій и порядковъ госпиталя серьезно заподозрилъ Пирогова въ «помраченіи» его умственныхъ способностей, о чемъ «конфиденціально» и довелъ до свѣденія бывшаго военнаго министра.

Въ 1847 году Пироговымъ впервые примѣнена въ Россіи этеризація. Затѣмъ, въ 1848 году онъ командированъ былъ на Кавказъ и въ 1849 году появилось на французскомъ языкѣ «Rapport médical d'un voyage au Caucase» съ атласомъ. Во время холеры Пироговъ неутомимо работалъ въ клиникѣ и плодомъ этой работы былъ новый ученый трудъ «Паталогическая анатомія азіатской холеры», за который онъ получилъ большую демидовскую премію; кромѣ того, готовилъ другой обширный трудъ «Анналы госпитальной клиники».

Настала война... Севастополь былъ осажденъ. Массы людей гибли не столько отъ непріятеля, сколько отъ неурядицъ и злоупотребленій. Пироговъ предложилъ себя къ услугамъ, на помощь безпризорнымъ солдатамъ... «Кто могъ-бы повѣрить, говорить авторъ брошюры, — что такой извѣстный хирургъ, какъ Пиро-

говъ, только послѣ *значительныхъ хлопотъ* добился разрѣшенія отправиться въ Крымъ?»

Какъ видно, высшая госпитальная администрація того времени неохотно пускала этого человѣка на мѣсто совершавшихся ужасовъ воровства и безурядицы.

И они были правы въ своей боязни. Работая въ теченіи шести мѣсяцевъ, не зная отдыха, Пироговъ ясно видѣлъ, что большая часть раненыхъ умираетъ не отъ поврежденій, а отъ госпитальныхъ заразы и недостатковъ въ администраціи.

«Къ чему служить всѣ искусныя операціи, всѣ способы леченія, писалъ онъ,—если раненые и больные будутъ поставлены администраціей въ такія условія, которыя вредны для здоровья?.. Шесть мѣсяцевъ неутомимой работы, часто не достигавшей успѣха, вслѣдствіе ужасныхъ условій, шесть мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ вопіющія злоупотребленія не переставали возмущать Пирогова, утомили его. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы тамъ какъ-нибудь помочь врачебному дѣлу на войнѣ, но, разумѣется, не достигаетъ успѣха и снова возвращается въ Крымъ для осмотра госпиталей.

До 70-ти госпиталей въ Перекопѣ, Херсонѣ, Екатеринославѣ, Харьковѣ и прочихъ городахъ были переполнены въ то время дифтеритическими и тифозными больными и ранеными. Множество больныхъ лежало съ отмороженными ногами. «Въ началѣ 1855 г.—говоритъ Пироговъ—дошло до того, что нашихъ раненыхъ и больныхъ нужно было отправлять при 20° за 400—500 и даже 700 верстъ». Изъ достовѣрныхъ фактовъ извѣстно, что однихъ безъ вѣсти пропавшихъ изъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя было 80,000 человѣкъ!

«Страшное это было время, его нельзя забыть до конца жизни!» говорилъ Пироговъ.

VII.

Окончилась война... Общество встрепенулось. Въ воздухѣ потянуло свѣжей новой струей... Въ числѣ многихъ вопросовъ, поднятыхъ тогда, поднялся вопросъ и о воспитаніи. И вотъ въ въ 1855 году появилась на страницахъ «Морскаго Сборника» замѣчательная статья «Вопросы жизни». Эта статья обратила на себя общее вниманіе. Она привела въ восторгъ Добролюбова и онъ по поводу ея написалъ превосходную статью «Авторитетъ въ воспитаніи», въ которой развивалъ мысли Пирогова. Статья Пирогова произвела сильное впечатлѣніе благородствомъ

направленія, новизною взгляда, гуманностью и глубокою любовью къ молодежи.

Привожу изъ знаменитыхъ «Вопросовъ жизни» слѣдующее мѣсто:

«Главные и высшія основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ господствующимъ направлениемъ общества. Изъ этого выходитъ, что, окончивая курсъ воспитанія и вступая въ общество, мы находимъ себя въ необходимости, *или* отречься отъ всего, чему насъ учили, чтобы поддѣлаться къ обществу, *или* слѣдовать своимъ правиламъ и убѣжденіямъ, становясь, такимъ образомъ, противниками общественнаго направленія. Но жертвовать святыми, высшими убѣжденіями для житейскихъ разчетовъ—слишкомъ безнравственно и отвратительно; а идти противъ общества — гдѣ-же взять силъ на это? Къ такой борьбѣ съ ложнымъ направлениемъ общества воспитаніе совѣмъ не готовитъ насъ. Оно даже совѣмъ не заботится о томъ, чтобы вкоренить въ насъ высшія, человѣческія убѣжденія; оно хлопочетъ только о томъ, чтобы сдѣлать насъ учеными, юристами, врачами, солдатами и т. п. Между тѣмъ, вступая въ жизнь, человѣкъ хочетъ имѣть какое-нибудь убѣжденіе, хочетъ опредѣлить, что онъ такое, какаю его цѣль и назначеніе. Всмотриваясь въ себя, онъ находитъ уже готовое рѣшеніе этихъ вопросовъ, данное воспитаніемъ, а присматриваясь къ обществу, видитъ въ немъ стремленія, совершенно противоположныя этимъ рѣшеніямъ. Онъ хочетъ бороться со зломъ и ложью,—но здѣсь-то и оказывается вся несостоятельность его прежняго воспитанія: онъ не приготовленъ къ борьбѣ, онъ долженъ сначала перевоспитать себя, чтобы выйти на арену бойца... А между тѣмъ, годы летятъ, жизнь не ждетъ, нужно дѣйствовать... и человѣкъ дѣйствуетъ, какъ попало, часто падая подъ бременемъ тяжелыхъ вопросовъ, увлекаясь стремительнымъ теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону,—потому, что самъ собою онъ не умѣетъ дѣйствовать,—въ немъ не воспитанъ внутренній человѣкъ, въ немъ нѣтъ убѣжденій. А убѣжденія даются не легко: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто *приученъ съ раннихъ лѣтъ проникательно смотреть въ себя, кто приученъ съ первыхъ лѣтъ жизни любить искренно правду, стоять за нее горю и быть не-принужденно откровеннымъ*—какъ съ наставниками, такъ и съ сверстниками».

Пироговъ, такимъ образомъ, предлагалъ воспитать «человѣка» и человѣка убѣжденія, «готоваго любить правду и стоять за нее горю»... Самъ человѣкъ убѣжденія, онъ принялъ предложенный ему постъ попечителя одесскаго учебнаго округа

съ условіемъ, чтобы программа его дѣйствій была принята. «Видно — говорить біографъ — сильно было обаяніе въ ту эпоху Н. И. Пирогова на умы лицъ, стоящихъ на стражѣ народнаго просвѣщенія, если программа его не только была принята, но на выполненіе ея ему дано было полное согласіе».

Но разладъ школы и жизни, о которой говоритъ Пироговъ въ своихъ блестящихъ статьяхъ, тѣ терніи и препятствія, которыми кишитъ русская жизнь, дали себя знать, и педагогическая дѣятельность Пирогова послужила блестящимъ доказательствомъ, что даже и мощный умъ, сильная энергія, даже уступки, на которыя пришлось впоследствии согласиться, не могли сдѣлать всего того, что сдѣлали-бы при болѣе высокомъ умственномъ уровнѣ общества. И скоро Пирогову съ горечью пришлось убѣдиться, что «одинъ въ полѣ не воинъ»... Поборникъ свободной университетской науки, считавшій единственно возможнымъ средствомъ вліянія на молодежь — нравственное вліяніе и науку, Пироговъ въ короткое время своей педагогической дѣятельности поднялъ «университетскій вопросъ», въ которомъ возставалъ противъ nepотизма въ ученomъ сословіи, первый открылъ воскресныя школы въ Кіевѣ, устроилъ судъ чести въ высшихъ классахъ гимназій и хлопоталъ о единеніи студентовъ съ профессорами. Правда, извѣстныя кіевскія «Правила» возбудили въ свое время горячую полемику и дали случай горячему его поклоннику, Добролюбову, написать одну изъ блестящихъ и замѣчательныхъ его статей «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами». Въ этой статьѣ слышался крикъ несбывшихся надеждъ, разрушенныхъ упованій въ силу одного человѣка. «И ты Брутъ?» говорилъ Добролюбовъ, когда Пироговъ, противникъ розги, долженъ былъ, оставаясь при своемъ мнѣніи, согласиться съ постановленіемъ большинства. Тогда многіе не поняли Добролюбова и обвиняли его въ личныхъ нападкахъ на Пирогова. Но онъ-то и не нападалъ лично. Смыслъ его статьи не тотъ. Вотъ, говорилъ онъ, свѣтлая высокая личность, а и то бессильна противъ среды. Онъ признавалъ, что «вліяніе его благородной личности было въ самомъ дѣлѣ сильнѣе, нежели, быть можетъ, самыя рѣшительныя и строгія запрещенія при другомъ начальникѣ», что «онъ былъ связанъ въ своей практической дѣятельности существующимъ уставомъ» и что «онъ употреблялъ усилія сдѣлать то, чего мы желаемъ — но встрѣтилъ препятствія», но критикъ и публицистъ все-таки былъ глубоко задѣтъ тѣмъ, что другіе обскуранты педагогіи могли прикрываться именемъ Пирогова и что онъ, такимъ образомъ, отчасти игралъ въ руку врагамъ мысли. Не безъ горечи пророчествовалъ знаменитый критикъ о томъ, что нача-

ла, положенныя Пироговымъ, не вошли въ сознание педагогической среды и пророчества его оправдались. Ушелъ Пироговъ и... свѣтлое утро, принесенное въ Кіевъ Пироговымъ, скоро обратилось въ темную ночь... «Чтобы сдѣлать училище хорошимъ—писалъ Пироговъ—надо дѣйствовать не врознь, не порознь, а общими силами. Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять? Слово—сколько угодно; а убѣжденій—это иное дѣло»...

Въ этихъ словахъ была часть разгадки трагическаго положенія личности среди окружающихъ условій...

Но, кромѣ того, Пироговъ не сходилъ въ взглядахъ на новыя требованія, отрицавшія полезность его программы. «Онъ отстаивалъ—пишетъ авторъ брошюры—съ свойственной ему энергіей коренной принципъ, по которому попечитель обязанъ оказывать на учащихъ и учащихся одно лишь нравственное вліяніе и быть охранителемъ закона въ университетѣ», но не найдя сочувствія этимъ взглядамъ, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи. Проводы его изъ Кіева были торжественны.

Вотъ съ какою превосходною прощальною рѣчью обратился онъ тогда къ кіевскимъ студентамъ:

«Мы всѣ знаемъ, говорилъ Пироговъ,—что нужно почитать стариковъ, потому-что старики—наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ-нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ-же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда, и ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, и ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ; не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству... Я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ-же нравственномъ довѣрїи, котораго имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому-что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодежь нельзя дѣйствовать иначе, какъ приобретъвъ ей полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворяю между вами уваженіе къ закону, долгу и власти—не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому-что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодежи

такъ-же, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа. Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще менѣ поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судятъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, близорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтится много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужить порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще; зналъ, наконецъ, и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣніи и гонѣнью за популярность; но все это не могло измѣнить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ благородству ея мыслей и стремленій къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому-что не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило-бы для меня перестать жить».

При вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретаря А. В. Головина, Пироговъ снова былъ призванъ къ дѣятельности. Сперва ему было поручено руководство за-границей молодыхъ русскихъ профессоровъ, а затѣмъ, по возвращеніи изъ-за границы, онъ получилъ приглашеніе посѣтить всѣ русскіе университеты и особенно медицинскіе факультеты и представить результаты осмотра. Предположеніе это, однако, не осуществилось. Съ назначеніемъ въ должность министра графа Д. А. Толстого, Пироговъ былъ освобожденъ отъ всякихъ занятій.

Съ тѣхъ поръ, съ 1866 года, прервалась общественная дѣятельность Пирогова и онъ поселился въ своемъ имѣніи, оставляя свое уединеніе лишь по вызову Общества Краснаго Креста, основателемъ котораго былъ онъ-же, для организациіи врачебной помощи въ франко-германскую войну и въ турецкую войну 1877—1878 годовъ.

Плодомъ его осмотровъ были подробные отчеты: «Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учреждений въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 г.» и «Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи 1877—1878 гг.». Последнее сочиненіе (два тома слишкомъ 50 печатныхъ листовъ) явилось черезъ восемь мѣ-

сяцевъ послѣ возвращенія знаменитаго хирурга съ театра войны. Въ тиши уединенія онъ работалъ по-прежнему.

VIII.

Ровно въ часъ дня, 20-го мая, къ московскому университету подъѣхалъ невысокій, скромно одѣтый, маститый старикъ, съ сѣдой бородой и сѣдыми волосами. У подъѣзда онъ былъ встрѣченъ восторженными восклицаніями студентовъ. Въ актовомъ залѣ его ожидала масса публики. Сопровождаемый московскимъ генералъ губернаторомъ, ректоромъ и городскимъ головой, юбиляръ былъ встрѣченъ рукоплесканіями. Послѣ рѣчи, произнесенной ректоромъ университета, была получена телеграмма, въ которой Государь поздравлялъ юбиляра. Затѣмъ, подходили депутаціи отъ разныхъ учреждений, ученыхъ обществъ, печати, и прочитывались телеграммы, полученные съ разныхъ концовъ. Читались привѣтствія, латинскія стихи, произносились рѣчи. Юбиляра привѣтствовали университеты Эдинбурга, Мюнхена, Страсбурга и Падуи, медицинскіе факультеты Праги, Парижа, Грейфсвальда и Общество нѣмецкихъ хирурговъ, съ Лангенбенкомъ и Гиршемъ во главѣ. Большинство этихъ учреждений занесло Пирогова почетнымъ членомъ. Всѣхъ депутацій было числомъ болѣе ста. Въ честь Пирогова основалось Хирургическое общество въ Петербургѣ. Онъ избранъ почетнымъ гражданиномъ Москвы, именемъ его наименована новая палата при 2-й городской больницѣ и въ ней положено поставить бюстъ знаменитаго хирурга. Всѣ рѣчи и привѣтствія отдавали дань уваженія знаменитому ученому и общественному дѣятелю. Адресъ студентовъ вызвалъ сочувствіе. Я не стану перечислять всѣхъ рѣчей и адресовъ, а передамъ со словъ газетъ рѣчь юбиляра, сказанную имъ на торжественномъ актѣ.

Послѣ выраженій признательности за чествованіе, юбиляръ сравнивалъ прежнюю научную правду и нынѣшнюю.

«Вы не думайте, сказалъ Н. И.,—что я по привычкѣ стариковъ буду восхвалять старое время,—я не привыкъ вносить въ дѣло субъективный элементъ». Припомнивъ, что въ его время университетская наука казалась студентамъ «забавкою», Н. И. отмѣтилъ громадный прогрессъ въ современной медицинѣ. Что же касается жалобъ теперешнихъ студентовъ на недостаточность демонстративныхъ приспособленій, то и въ этомъ отношеніи теперь университеты ушли далеко впередъ. «Въ наше время,

сказалъ Н. И., — серьезно толковали о томъ, что анатомію можно изучать на картинкахъ, а операціи дѣлались не на трупахъ, а на мылѣ, брюквѣ и рѣдкѣ. Я самъ, заявилъ знаменитый хирургъ, — кончая курсъ въ университетѣ, не сдѣлалъ ни одной операціи на трупѣ. Точно также, сравнивая прежнее положеніе военно-полевой медицины съ теперешнимъ, находимъ въ послѣдней значительное улучшеніе. А въ какомъ положеніи находится общежитійская, нравственная правда? И въ этомъ отношеніи юбиляръ находилъ нѣкоторый прогрессъ, несмотря на нѣкоторыя потрясающія событія послѣдняго времени. Недостатокъ нравственной правды у насъ чувствовался и прежде и теперь. Объясненія этого явленія слѣдуетъ искать въ отдаленномъ прошломъ, въ условіяхъ нашего воспитанія. Насъ не учили, сказалъ Н. И., — что слѣдуетъ относиться, какъ къ святынь, къ общечеловѣческимъ идеаламъ; намъ не внушали уважать нравственное человѣческое достоинство. Мы уважали и почитали, но это уваженіе было чисто-внѣшнее уваженіе: оно основывалось на страхъ, не на томъ страхъ, который Священное Писаніе называетъ началомъ премудрости, а страхъ предъ силою... Чтобы иллюстрировать свою мысль, маститый юбиляръ припомнилъ изъ трагедіи Шекспира «Буря» образы Канибала, олицетвореніе грубой силы, и Просперо, олицетвореніе просвѣтляющей силы разума. Всякій разъ, когда Просперо вліяетъ на Канибала, послѣдній держится въ должныхъ предѣлахъ, а иначе онъ проявляетъ свое разрушительное дѣйствіе... Начала эти, сказалъ Н. И., — я имѣлъ въ виду положить въ основу своей педагогической дѣятельности, но, къ сожалѣнію, она продолжалась недолго».

«Но пессимисты, продолжалъ Н. И., — будутъ оспаривать справедливость моего мнѣнія объ улучшеніи нравственной правды ссылкой на современные печальныя событія. На это я отвѣчу: буруны неизбежны и въ исторической жизни и вообще во вселенной, но они не могутъ нарушать вѣчныхъ законовъ нормальной жизни. Въ данномъ случаѣ должно примѣняться старое, испытанное медицинское правило: *«contraria contrariis curantur»*, а не правило гомеопатовъ *«similia similibus curantur»*.

На другой день, 25 мая, въ московскомъ благородномъ собраніи былъ данъ обѣдъ въ честь Пирогова. На обѣдѣ было около 300 человѣкъ. Послѣ обычныхъ тостовъ, ректоръ университета, профессоръ Тихонравовъ, произнесъ рѣчь, предметомъ которой служилъ университетскій вопросъ. Обращаясь къ Н. И. Пирогову, г. Тихонравовъ сказалъ: «Вы, первый специалистъ по этому вопросу, подходили къ нему съ полнымъ сознаниемъ

его важности, безъ заднихъ мыслей, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что законъ долженъ заниматься не врачеваніемъ временныхъ недостатковъ, а созиданіемъ добра. Вы указали идеалы университетской жизни; вы говорили, что пока профессорская должность составляетъ стадію іерархической лѣстницы, до тѣхъ поръ университетъ будетъ носить характеръ присутственнаго мѣста. Университетъ, по вашимъ словамъ, долженъ быть учрежденіемъ чисто-научнымъ и вполнѣ свободнымъ, — учрежденіемъ, пользующимся полною автономіей. «Поступитесь вашимъ служебнымъ положеніемъ — говорили вы профессорамъ — пожертвуйте тѣмъ, что дается зависимою положеніемъ, и вы получите полную свободу мысли и слова». Такія-же возвышенныя мысли высказывали вы по отношенію къ студентамъ. Если вы даже за родителями не признавали права предрѣшать карьеру ребенка, то возрѣнія ваши на студенчество отличались еще большею широтой и гуманностью. Провозглашаю тостъ: за человѣка, громко провозгласившаго идеаль университетскаго устройства!»

Н. И. Пироговъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: «Пить за здоровье — значитъ желать здоровья; но это пониманіе вульгарное. Тостъ имѣетъ и другое значеніе: пожеланіе предохраненія отъ болѣзни. Такое пожеланіе особенно умѣстно и необходимо въ отношеніи насъ, нашего поколѣнія; нужно пожелать, чтобъ мы были предохранены отъ болѣзни, господствующей во всемъ образованномъ мірѣ. Болѣзнь эта — такъ-называемая «мировая скорбь», *Weltschmerz*. Всѣ страдаютъ этою болѣзнию — и молодежь, и взрослые; объ этой болѣзни въ мое время ничего не знали, но не слѣдуетъ забывать, что въ ней есть и отрадная сторона: это — сочувствіе къ горю ближняго, возвышеніе надъ эгоистическими стремленіями. Эта болѣзнь мировой скорби нешуточная и леченіе ея трудно; но я высказываю убѣжденіе, что тутъ возможно леченіе только по правилу *«contraria contrariis curantur»*. Не могу доказать своего взгляда данными болѣе или менѣе продолжительнаго опыта, но, по личнымъ соображеніямъ, считаю себя вправѣ утверждать это, потому что въ болѣзни есть и сторона благодѣтельная. Нельзя въ больномъ человѣчскомъ организмѣ — особенно незрѣломъ — безпощадно отрѣзывать то, что близко сердцу. Пожелаемъ же, чтобъ насъ миновала эта болѣзнь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожелаемъ, чтобъ врачующіе ее, уничтожая болѣзнь, не разстроили самого организма».

Много еще говорилось рѣчей на обѣдѣ. Онѣ были завершены слѣдующимъ тостомъ юбиляра: «Какъ человѣкъ прошедшаго, минувъ мимолетное настоящее, пью за свѣтлое будущее».

Съ этими словами Пироговъ вышелъ изъ залы... На третій день онъ уѣхалъ въ свою деревню.

Въ заключеніе приведу слѣдующую выдержку изъ статьи «Моск. Телеграфа», написанной по поводу юбилея:

«Если-бы судьба устроила такъ, что Николаю Ивановичу привелось-бы увидать свѣтъ, жить и дѣйствовать—не въ Россіи, а гдѣ-нибудь на Западѣ, то, по всей вѣроятности, ему пришлось-бы доживать свой вѣкъ нѣсколько въ иной обстановкѣ, чѣмъ теперь. Если-бы театромъ его дѣятельности была, на примѣръ, Франція, Англія, Італія или Австрія, то, навѣрное, общество не игнорировало-бы знаній, ума, опытности, заслугъ, жажды къ труду, свѣтлыхъ идей и благородныхъ стремленій подобнаго человѣка. Тамъ-бы позаботились о томъ, чтобы дать ему возможность широкой и плодотворной дѣятельности, воспользовались-бы въ полной мѣрѣ тѣми умственными и нравственными силами, которыя могли-бы получить полезное общественное приложеніе. Такія личности, какъ Н. И. Пироговъ, совмѣщающія въ себѣ научный геній съ прямою характера и съ отзывчивостью на текущія нужды общества, и на Западѣ составляютъ исключенія; у насъ-же онѣ являются одинокими путеводными огоньками, изрѣдка только озаряющими своимъ свѣтомъ скудную почву нашей обыденной посредственности».

Этими словами я закончу свой фельетонъ, оставляя обзоръ другихъ явленій общественной жизни до слѣдующаго раза.

Откровенный Писатель.

ЗАМѢТКА РЕФЕРЕНТА ЖУРНАЛА „ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“.

Въ статьѣ «О нервныхъ дѣтяхъ», въ 4-й книжкѣ «Дѣла» сказано, что референтъ «Воспитанія и Обученія» сдѣлалъ смѣлыя заключенія о нервности ребенка, въ статьѣ «Притворныя дѣтскія болѣзни». «Мы знаемъ дѣвочку, сказано въ статьѣ,— съ которой при малѣйшемъ противорѣчїи или самомъ легкомъ замѣчанїи дѣлались судороги и истерики; упражненіе развило въ ней такое мастерство въ этомъ отношенїи, что ей могла бы завидовать самая записная кокетка, у которой судороги являются по востребованїю». Авторъ статьи «О нервныхъ болѣзняхъ», говоритъ на это: «Довѣрчивый читатель можетъ, въ самомъ дѣлѣ, подумать, что сама дѣвочка развила въ себѣ эту способность, а по истинѣ-то въ ней развивали и развили тѣ, кто мыслить вышеприведеннымъ образомъ и рекомендуетъ смотрѣть на таковыя явленія въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ на прихоти записныхъ кокетокъ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ не вѣдаютъ, что творятъ. Дѣвочка виновата въ томъ, что ее, нервную, больную раздражали и довели до того, что отъ противорѣчїя съ ней дѣлались судороги. Вообразите больного человѣка, съ раной и пр.» Въ заключенїи г. В. Ч. говоритъ: «Когда-же встрѣчаемъ больную дѣвочку, когда сами ее постоянно раздражаемъ, когда растравляемъ ея больной организмъ и доводимъ до состоянїя, въ которомъ она отъ одного противорѣчїя падаетъ въ обморокъ, то спокойно говоримъ: «упраженіе развило въ ней такое мастерство»... Какихъ только поклеповъ не взводили на дѣтей, какихъ только злокозненныхъ натуръ не отыскивали въ нихъ». Референтъ «Воспитанія и Обученія» не взводитъ клеветъ на дѣтей и не отыскиваетъ въ нихъ злокозненныхъ натуръ и доказалъ это въ статьѣ «Нервность дѣтей» въ 3, 4 и 5 №№ журнала «Воспитаніе и Обученіе» за 1880 г. Примѣръ дѣвочки изъ статьи «Притворныя дѣтскія болѣзни», вызвавшій его грозную филип-

пиду противъ безчеловѣчія референта, доказываетъ способность дѣтей симулировать истерики и развивать ихъ въ себѣ, потому что это портретъ съ натуры. Дѣвочка эта не была нервнѣе и большѣ заурядныхъ барскихъ дѣтей; ее никто не раздражалъ и не доводилъ до судорогъ, референту хорошо извѣстна жизнь ея съ самой колыбели. Родители обожали ее и баловали до невозможности. Стоило ей всплакнуть, когда она была еще груднымъ ребенкомъ, и весь домъ сбѣгался забавлять ее. Она была буквально тираномъ дома. Родные, осмѣливавшіеся не считать ее чудомъ совершенства, становились врагами семьи. Если она хотѣла кататься, то больной подагрой отецъ тряса на ванькѣ, а ей отдавали коляску. Когда въ домѣ не бывало ни гроша, то занимали, чтобы ей купить модныя игрушки, наряды. Она была не глупа и поняла, что слезами могла добиться чего хотѣла. Съ годами росли прихоти, нѣжнымъ родителямъ приходилось отказывать ей, по невозможности удовлетворять всѣмъ, и она донимала ихъ истериками и судорогами, и они дѣлали всякія нелѣпости, чтобы успокоить ее. Товарищамъ и подругамъ, приходившимъ въ гости, наказывали угождать ей во всемъ. Словомъ— не перечислить всѣхъ нелѣпостей, какія творились изъ страха ея истерикъ и судорогъ, которыя, не во гнѣвъ будь сказано г. В. Ч., были притворны и притворство которыхъ обнаружила ея-же подруга. Она сначала прониклась глубокою жалостью къ больной дѣвочкѣ и уступала ей во всемъ. Какъ-то на гуляньи, весною, въ оттепель, она забыла о необходимости уступать больной; настояла на своемъ, и ни истерикъ, ни катанья по землѣ въ судорогахъ не воспослѣдовало, хоть дѣло шло о чемъ-то важномъ для «больной». Два-три такіе факта навели подругу на мысль о притворствѣ больной. Она сказала больной: «Къ тебѣ скучно ходить, все по-твоему надо дѣлать, а то съ тобой припадки». Больная обѣщала, что припадковъ не будетъ. Подруга тогда вполне убѣдилась въ притворствѣ:—разъ, когда дѣвочка послѣ отказа матери везти ее куда-то въ 30-ти-градусный морозъ, покатила въ судорогахъ, подруга мгновенно прекратила судороги, сказавъ: «Вонъ ѣдетъ верхомъ черкесъ N. N.». Больная очень интересовалась черкесомъ, вскочила какъ встрепанная, не докончивъ судорогу и побѣжала къ окну. Съ этихъ поръ подруга и другіе товарищи прекращали мгновенно истерики и судороги, продѣлывая надъ нею разные штуки. Не взводя злокозненно никакихъ клеветъ на дѣтей, каждый, кто имѣлъ случай близко наблюдать ихъ, скажетъ, что въ семьяхъ, гдѣ дѣтей балуютъ безобразно, зачастую встрѣчается притворство въ родѣ того, какое практиковала съ такимъ изумительнымъ мастерствомъ

эта «несчастливая больная». У насъ въ воспитаніи двѣ крайности—или гнетъ, раздражающій дѣтей, если не въ формѣ дикаго самодурства, то въ формѣ опеки, задерживающей нервы мягкой муштровкой плохо понятыхъ модныхъ педагогическихъ системъ; или нелѣпѣйшее баловство, которое плодитъ дѣтей-деспотовъ и самодуровъ, ловко умѣющихъ всѣми способами добиваться своихъ прихотей. Видѣть въ послѣднихъ несчастныхъ больныхъ, значить, портить ихъ еще болѣе. Нуженъ трезвый взглядъ на дѣтскую природу. Мистическое представленіе о дѣтяхъ, какъ о безгрѣшныхъ ангелахъ, ведетъ къ горькимъ ошибкамъ. Нравственность, какъ и умъ вырабатываются, и притворство въ болѣзняхъ тѣмъ чаще встрѣчается въ дѣтяхъ, чѣмъ болѣе выгоды оно приноситъ имъ, причемъ принимаются въ соображеніе не одно отлыниванье отъ уроковъ или исполненіе капризовъ, но и просто удовольствіе занимать другихъ своею личностью. Съ притворными болѣзнями связанъ еще вредъ—дѣтей пичкаютъ лекарствами и портятъ натуру, и откажутъ доктору, который не станетъ пичкать. Г. В. Ч. ополчился противъ статьи «Притворныя болѣзни» изъ весьма почтеннаго соображенія, что иные педагоги обратятъ ее въ орудіе противъ дѣтей даже въ случаѣ непритворныхъ болѣзней. Но это ужъ будетъ вина самихъ педагоговъ, а не статьи. Извѣстна пословица: «Заставь дурака Богу молиться, онъ лобъ разшибетъ».

М. Цибрикова.

ОТВѢТЪ РЕФЕРЕНТУ ЖУРНАЛА „ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“.

Г-жа М. Цебрикова въ своей замѣткѣ на мою статью «О нервныхъ дѣтяхъ» касается частнаго ею-же сообщеннаго факта—именно дѣвочки, практиковавшей «съ изумительнымъ мастерствомъ» гистеріку и судорги. Противъ общей мысли, легшей въ основу моей статьи и противъ тѣхъ выводовъ, которые необходимымъ послѣдствіемъ вытекаютъ изъ нея, референтъ журнала «Воспитаніе и Обученіе» ровно ничего не имѣетъ. Напротивъ, г-жа Цебрикова говоритъ, что я «ополчился на статью «Притворныя болѣзни» изъ весьма почтеннаго соображенія...» Но что-же дѣлать, когда педагоги не поймутъ реферата ея.—«Заставь дурака Богу молиться, онъ лобъ разшибетъ», кончаетъ г-жа М. Цебрикова.—Если она ничего не возражаетъ противъ остальныхъ случаевъ, разобранныхъ мною, какъ притворства, развившіяся на болѣзненной почвѣ, если она въ настоящее время соглашается съ тѣмъ, что случаи г. Абелина не суть простыя притворства, прежде рекомендованныя ею читателямъ, какъ таковыя—если это все такъ, то спрашиваю, какъ-же могли иначе понять другіе-то, прочитавшіе о притворныхъ болѣзняхъ въ журналѣ «Воспитаніе и Обученіе», чѣмъ понимала ихъ сама г-жа М. Цебрикова. Какой былъ критерій у этихъ другихъ-то для распознаванія, что они имѣютъ дѣло не съ простыми симуляціями, а съ притворствами на болѣзненной гистерической почвѣ.—Врачъ, проф. Абелинъ, принимаетъ болѣзнь за простое притворство, а г-жа Цебрикова не распознающимъ этого явленія въ дѣтскомъ организмѣ педагогамъ сулитъ пословицу: «заставь дурака...» и т. д. и все потому, чтобъ сказать, что «это ужь будетъ вина самихъ педагоговъ, а не статьи», т. е. ея реферата.

Вполнѣ вѣрю заявленію г-жи Цебриковой, что она не взводитъ клеветъ на дѣтей (для этого нужно быть клеветникомъ) и не отыскиваетъ въ нихъ злокозненныхъ натуръ (для этого нужно

быть призваннымъ сыщикомъ);—я съ удовольствіемъ читаю ея статью «Нервность дѣтей», но вотъ чего я не могу понять, зачѣмъ она попусту ломаетъ копыя. Фраза: «какихъ только поклеповъ не взводили на дѣтей, какихъ только злокозненныхъ натуръ не отыскивали въ нихъ», сказана вообще противъ извѣстнаго пошиба, противъ извѣстнаго взгляда на дѣтей, распространеннаго въ послѣднее время въ обществѣ. Что это дѣйствительно такъ, что это было сказано мною въ вышеупомянутомъ смыслѣ, доказывается въ моей статьѣ тутъ-же приведенными примѣрами. Не можетъ быть, чтобъ г-жа Цебрикова приняла все это по отношенію къ себѣ, и для того, чтобъ оправдать свою фразу въ замѣткѣ на мою статью: «Примѣръ дѣвочки изъ статьи «Притворныя дѣтскія болѣзни» вызвали ея (т. е. мою) грозную филиппику противъ безчеловѣчія референта»... и т. д. Если это такъ, то жаль, конечно, что почтенный литераторъ гоняется за фразами, а не за тѣмъ, чтобъ выяснитъ дѣло относительно нервности дѣтей.

Исторія уродливаго воспитанія дѣвочки или хроническаго образованія болѣзни, которую сообщаетъ г-жа Цебрикова, только подтверждаетъ высказанное мною предположеніе насчетъ этого истерическаго ребенка. Той частью исторіи воспитанія, гдѣ родители не отказывали въ малѣйшихъ прихотяхъ дѣвочки, г-жа Цебрикова желаетъ мнѣ доказать, что дѣвочку не раздражали, что ея мельчайшія желанія исполняли, что вторили ея настроенію и т. д., и т. д.; но это доказываетъ только то, что г-жа Цебрикова слишкомъ узко понимаетъ слово раздражать, раздраженіе. Референтъ журнала «Воспитаніе и Обученіе» понятіе, выраженное въ вышеприведенныхъ словахъ, приравниваетъ по отношенію къ занимающему насъ субъекту къ слову противорѣчіе, переченіе воли ребенка, а такъ-какъ послѣдняго въ данномъ случаѣ не было, то и говорить, что дѣвочку не раздражали, а, напротивъ, слишкомъ много баловали. Не одними только противорѣчіями можно раздражать нервную систему ребенка, г-жа Цебрикова; потаканіями достигается другой разъ еще того хуже. Во второй половинѣ своей статьи я указалъ на частный фактъ такихъ нѣжно-нервныхъ дѣтей, которыя увеличиваютъ свою нервность или находятъ покровительство, повѣренныхъ въ старшихъ; тогда эти дѣти, развивая въ себѣ одну сторону нервности, не упражняютъ волю и дѣлаются больными; указалъ и на то, какъ съ этими дѣтьми надо обращаться и никого не приглашалъ къ пичканью ихъ лекарствами. Такимъ образомъ, портретъ-то вы писали съ натуры, но понять его не могли, да и теперь не понимаете, куда, въ самомъ дѣлѣ, отнести вами описанную дѣ-

вочку? Несчастливая-ли она, больная или кто еще... но я уже предоставляю это опредѣленіе сдѣлать вамъ, мое-же читателямъ извѣстно. Что касается того, что дѣти могутъ, все-таки, притворяться, объ этомъ я говорю самъ на первыхъ-же страницахъ статьи «О нервныхъ дѣтяхъ».

Въ воспитаніи дѣтей существуютъ крайности и г-жа Цебрикова, чуть-ли не изъ такихъ, которыя придерживаются ихъ, если, зная всю исторію воспитанія дѣвочки, настаиваетъ на томъ, что дѣвочка развила сама въ себѣ мастерство продѣлывать судорги съ умѣньемъ записной кокетки. Спрашиваю я г-жу Цебрикову, ну, понималъ-ли кто изъ близкихъ окружающихъ организмъ этой по-истинѣ несчастной дѣвочки, понималъ-ли кто ея нервность и какъ съ нею надо обходиться? Если-бъ понимали, то не шли-бы ощупью къ тому, какъ отъучить дѣвочку отъ судоргъ. Вертѣлись все на томъ, чтобъ ей не противорѣчить, не беспокоить, оставляя въ сторонѣ упражненіе ея волевыхъ центровъ. Когда же случайно открыли средство занимать ея нервную систему болѣе сильнымъ впечатлѣніемъ, чѣмъ то, которое бросало дѣвочку въ истерику, сказали: эврика—открыли притворство. Не притворство подругѣ открыла, а лекарство избавить больную отъ припадковъ, тяготившихъ, вѣроятно, послѣднюю и ея окружающихъ. Моя фраза относительно даннаго случая «развивали и развили»... какъ и та, что «не вѣдаютъ-бо, что творять», при обращеніи и въ пониманіи такихъ дѣтей, остается въ той-же силѣ по отношенію къ реферату «Притворныя дѣтскія болѣзни». Совсѣмъ этого нельзя сказать про замѣтку Г-жи Цебриковой, которой, дѣлая мнѣ возраженіе, она очень вѣдала, что творила.

В. Черновъ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

Старый грѣховодникъ. Очеркъ . . .	<i>Плавскаго.</i>
Спартакъ. Историческій романъ. Переводъ съ итальянскаго. (Главы XVI—XVIII)	<i>Рафаэля Джіованіоли.</i>
У. К. Клиффордъ и его мораль. Очеркъ. Изъ лѣтнихъ экскурсій. I. Ночь на озерѣ	<i>I. Ясинскаго.</i>
Писатель. Романъ. (Часть первая). Русскій рабочий. (Окончаніе). . . .	<i>Н. И. Наумова.</i>
Нума Руместанъ. Романъ. (Главы I—II).	<i>Роберта Гальта.</i>
Неизгладимый отпечатокъ. (Изъ Прюдома). Стихотвореніе.	<i>С. С. Пашкова.</i>
Община и государство въ Швейцаріи. Пѣсня паріевъ. Стихотвореніе. . .	<i>Альфонса Додэ.</i>
	<i>Д. Михаловскаго.</i>
	<i>Л. Мечникова.</i>
	<i>А. Барыковой.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Задачи воспитанія.	<i>Н. С. Русанова.</i>
Мужикъ съ точки зрѣнія людей 40-хъ годовъ.	<i>Ф. Б—а.</i>
Новыя книги.	
Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. Ш.</i>
Реваншъ Гамбетты. (Политическая и общественная хроника)	<i>Ж—ка.</i>
Картинки общественной жизни. . . .	<i>Откровеннаго Писателя.</i>
Замѣтка референта журнала „Воспитаніе и Обученіе“.	<i>М. Цебриковой.</i>
Отвѣтъ референту журнала „Воспитаніе и Обученіе“.	<i>В. Чернова.</i>

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Гг. подписчики, внесшіе неполную годовую плату, благоволятъ поспѣшить высылкою дополнительныхъ денегъ, чтобы не испытать задержки въ полученіи журнала.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры „ДѢЛА“ за прошлые года можно пріобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1871	годъ съ пересылкою	10 р.
” 1872	” ”	10 ”
” 1876	” ”	8 ”
” 1877	” ”	10 ”
” 1880	” ”	12 ”

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересыл. по 2 р.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1881 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“.

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 „ —
Съ пересылкою иногороднымъ	17 „ —
„ за-границу, во всѣ госу- дарства, не исключая Сербіи, Румыніи и Болгаріи	19 „ —

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначенъ.

Издатели: насл. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА. Редакторъ Н. ШЕЛГУНОВЪ.

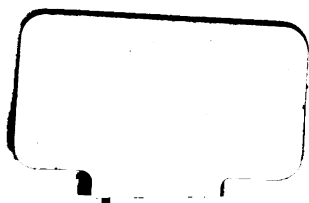

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 600